Е57—
923
т.1

Дубл. 1-25

ТРУДЫ ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО
ТОМ 1

РАБОТЫ СЕМИНАРИЕВ

ФИЛОСОФСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО и ИСТОРИЧЕСКОГО

за 1921 — 1922 г.г.

(1 КУРС)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока.

Колич. предыд. выдач .....

[illegible]

ТРУДЫ ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
М. Н. ПОКРОВСКОГО

Том I

1+33+9(082)
Институт красной профессуры (Москва)

РАБОТЫ СЕМИНАРИЕВ

ФИЛОСОФСКОГО, ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ИСТОРИЧЕСКОГО

ЗА 1921—1922 Г. Г.

(I КУРС)

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№ 186078

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
186078

Гиз. № 4137. Главлит. № 6606. Москва. Напеч. 5.000 экз.

„Мосполиграф". 1-я Образцовая типография, Пятницкая, 71.

Институт Красной Профессуры.

(К первой годовщине).

Когда говорят о подготовке преподавателей, имеют в виду всегда подготовку учителей школы 1-й или 2-й ступени. Подготовки преподавателей высшей школы систематически у нас никто никогда не организовывал. Было два метода: или предоставляли эту подготовку наличному персоналу университетских преподавателей. Профессор сам подыскивал себе преемника среди обративших на себя профессорское внимание студентов. Осчастливленный профессорским вниманием молодой человек оставлялся при университете «для приготовления к профессорскому званию». Сдав положенные экзамены и защитив полагающиеся диссертации, он сам становился профессором.

Это один способ; другой состоял в том, что начальство брало группу молодых людей, почему-либо обративших на себя его, начальства, внимание и посылало их обыкновенно за границу, откуда они возвращались готовыми кандидатами на профессорскую кафедру.

Первый способ был наиболее обычным, второй применялся спорадически и изредка. Суть его заключалась в том, что при этом своих преемников выбирали не сами профессора. И вот, как ни плоха была та инстанция, которая производила отбор — старорежимное бюрократическое начальство—однако, несомненно, что этот метод давал лучшие результаты. Наиболее удачные выводки молодой профессуры получались именно этим путем: из таких, посланных начальством за границу, стипендиатов образовывались Пироговы и Грановские. Тогда как первый способ—отбор самою профессурой—давал всегда колоссальное количество шлака. Считалось удачным, если из трех «оставленных при университете» вырабатывался один университетский преподаватель. И это далеко не всегда вело к усовершенствованию породы. Погодин очень не хотел, чтобы его преемником был, ставший впоследствии знаменитым, С. М. Соловьев (автор «Истории России с древнейших времен»); имена же двоих молодых ученых, которых Погодин прочил себе в наследники, давно всеми забыты, хотя они впоследствии исписали не мало бумаги. В свою очередь, Соловьев до самой смерти не пускал на кафедру московского университета Ключевского (Соловьев умер в октябре 1879 г.,

а Ключевский прочел свою первую лекцию в декабре того же года); зато он провел на эту кафедру Нила Попова, не оставившего в науке никакого следа, а в устной традиции московской «профессорской» большое количество анекдотов, один забавнее другого. Наконец, всем известно, что сам Ключевский терпеть не мог Милюкова и очень прохладно относился к Кизеветтеру—оба принадлежали к наиболее талантливым его ученикам.

Я привожу примеры из истории ближе всего знакомой мне кафедры, но уверен, что любой искренний ученый может назвать такие же из жизни своей кафедры. «Оставлялись при университете», как правило, наиболее смирные и почтительные, и лишь, как исключение, у смирного и почтительного мог оказаться еще и талант; но это ценилось обычно меньше всего. Ибо на дне души всякого «ординарного» академического ученого живет мысль, что умнее его в науке были люди, но, наверное, никогда не будут, что им наука кончается. Вот почему даже талантливейшего В. О. Ключевского ничем нельзя было так раздражить, как указав ему, хотя бы самым почтительным образом, на какой-нибудь факт, которого он не знал или не заметил. Профессор все знает—это догмат, в который каждый профессор и каждый «преданный» ученик верят не менее твердо, чем католик в «непорочное зачатие».

Если прибавить, что в самое последнее время к принципам отбора присоединилось испытание «оставляемого» на верность «традициям», т.-е., попросту говоря, на ненависть его к революции и всему, что ею создано (а вступление ученика в Р. К. П. моментально превращает его в «безграмотного», которого странно даже видеть рядом с учеными), то станет понятно, что сохранять далее способ индивидуального «оставления», исторически доказавший свою малую продуктивность уже давно, теперь прямо опасно: явный риск загубить науку, и без того не слишком у нас крепкую. Вот отчего принцип отбора сверху, помимо профессуры, начинает стихийно прорываться у нас всюду, даже на медицинских факультетах. Но в одном случае его пришлось поставить систематически сразу же, не откладывая дела в долгий ящик: этим случаем были общественные науки и философия.

Пишущему эти строки не однажды приходилось указывать на коренную разницу между общественными так называемыми науками, где, если исключить метод исторического материализма, ничего научного в точном смысле этого слова пока еще нет, и естествознанием. Первые представляют собою в буржуазном мире организованную идеологию господствующего класса, возвышаясь до подлинной науки только в лице марксизма. Второе есть столь же организованное приспособление человека к об'ективным материальным условиям его существования. Классовые интересы могут сказаться—и сказываются—здесь на конечных выводах, философских обобщениях, закрывании глаз на одно, подчеркивании другого. Но, да простит мне тов. Степанов, микроскоп все

равно микроскоп, смотрит ли в него пролетарий или буржуа, и что они там увидят, зависит от того, кто лучше умеет смотреть, а не от классовой природы смотрящего. Тогда как в юридическую, например, формулу буржуа и пролетарий органически не могут вкладывать одно и то же содержание: что́ для предпринимателя «свобода труда», то для рабочего закрепление его кабалы, выдача его беззащитным на произвол предпринимателя.

Вот отчего в физике, химии, даже в биологии ученый немарксист и даже нематериалист может быть ценным специальным исследователем и даже способным руководителем научных занятий. Знаменитый французский химик-металлург Ле-Шателье исправно ходит в церковь, что не мешает его авторитету, как химика, твердо стоять в обоих полушариях. Бывали случаи, что биологи недарвинисты создавали хорошие дарвиновские музеи. Но историк нематериалист ни на что, кроме собирания материала, не способен, да и то смотри за ним в оба, чтобы не испакостил. Но политико-эконом анти-марксист может быть использован только в узко́ прикладных проблемах экономики транспорта, экономики сельского хозяйства и т. п. исключительно, как знаток фактов. Дать ему теоретический курс, хотя бы специальный, нельзя — он только собьет с толку слушателей.

Едва ли не в еще бо́льшей мере приложимо все это к философии. Едва ли не в еще бо́льшей мере, ибо у нас к обычно-буржуазному отбору кандидатов на эту кафедру (а буржуазия ныне нигде не благоволит к ею же когда-то созданному материализму с тех пор, как он стал давать столь «опасные», в общественном смысле, результаты) присоединялось еще громадное давление клерикализма. Открыто неверующий мыслитель на кафедре философии был в России при царизме невозможен: покойный Н. Я. Грот демонстративно ездил каждый год говеть в Троицкую лавру. Нетрудно себе представить, какое должно было получиться ученое потомство от наших «ординарных» философов при системе индивидуальных «оставлений для приготовления к профессорскому званию».

Со всеми этими фактами и столкнулась на первых шагах своей работы «комиссия по коренному преобразованию преподавания общественных наук в высшей школе́» зимою 1920—1921 года (по председателю так наз. «комиссия т. Ротштейна»). Для нее было совершенно очевидно, что ни о каком, не то что «коренном», а каком бы то ни было преобразовании в преподавании общественных наук не может быть речи, пока на местах остается старый преподавательский персонал с полной возможностью для него «плодиться и множиться». Перед комиссией рисовались два выхода из положения: во-первых, концентрация на преподавательской работе всех тех партийных сил, которые пригодны для университетского преподавания; во-вторых, подготовка коммунистической молодежи к роли сначала помощников, а потом и заместителей теперешних ученых-коммунистов.

Наиболее осуществимым казалось первое. Теоретически представлялось вполне возможным, ввиду колоссальной важности задачи получать каждого из наших партийных теоретиков исключительно для преподавательской работы хотя бы на три-четыре месяца в году, оставляя ему для работы административной и политической целых две трети года. Казалось, что такое чередование работы будет даже и гигиенически полезно для соответствующих товарищей, как своего рода умственная рекреация. Но, увы! Все это только казалось. На самом деле, урегулировать сколько-нибудь партийную, административную и преподавательскую работы так, чтобы они не мешали одна другой, оказывается идеалом недостижимым. И на каждом шагу товарища, рядом постановлений чуть ли не политбюро забронированного для преподавания, вы увидите скорее где-угодно, только не на кафедре.

По части привлечения молодежи наш прогноз был гораздо более пессимистическим. Хорошо, если мы найдем 20—25 молодых коммунистов, которые годятся, да и сами захотят, быть «красными магистрантами». Вот почему при первом приеме и были допущены в довольно широких размерах беспартийные кандидатуры, дабы институт, по грехам, не пустовал.

Пустыми оказались страхи. На первый же год было подано 289 заявлений, допущено к испытанию 192 человека, принято 93, и осталось в конечном счете после партийной и «академической» чисток 81, в том числе членов Р. К. П.—75, Е. К. П.—1 и беспартийных—5. При чем из них с законченным высшим образованием—30 процентов и с не вполне законченным—37 процентов. Словом, по составу получился нормальный и очень хороший семинарий выпускного курса университета.

Несколько менее утешительным—и этого следовало ожидать, этого никоим образом не следовало пугаться, как это случилось с некоторыми товарищами, завопившими о «розово-желтой» профессуре, которую выдают за «красную»—оказался социальный состав слушателей. Преобладала, конечно, интеллигенция—62 процента, при 12 проц. рабочих и 12 проц. ремесленников. Пока мы не имеем на последних курсах высшей школы пролетарского студенчества, вышедшего из рабфаков (мы будем его иметь только года через два), само собой разумеется, кандидатов в красную профессуру приходится искать, главным образом, среди партийной интеллигенции. Гарантией здесь является партийный стаж: для второго года стаж установлен П. К. не менее трехлетнего. Кстати сказать, уже для этого второго года процент рабочих повысился слишком вдвое: во втором приеме студентов пролетарского происхождения 28 процентов вместо 12.

Итак, годичный опыт института красной профессуры категорически устанавливает один факт, относительно которого были, как упоминалось, сомнения в момент издания декрета об институте (16 февраля 1921 года): в деле подготовки будущих преподавателей общественных

наук в наших университетах мы можем опираться исключительно на партийные силы, принимая беспартийных лишь в виде особой привилегии, если они обнаруживают исключительную лекторскую или научную даровитость. И есть все основания ожидать, что в ближайшем будущем состав красной профессуры будет очень близок к составу самой партии, т.-е., что рабочие в этом составе будут решительно преобладать.

Я не буду много распространяться об учебном плане института—его можно считать более или менее само собою разумеющимся. Наша задача—приготовить, прежде всего, хороших марксистов; отсюда изучение основ марксизма, диалектического материализма, материализма исторического, социологического и экономического учения Маркса составляет основной фундамент программы. В прошлом году предполагалось весь первый курс посвятить укреплению этого фундамента со всех сторон, при чем слушатели должны были заниматься одновременно и философией, и политической экономией, и историей. Это привело к несомненной перегрузке, а с другой стороны, при почти чисто-партийном составе студенчества представлялось как будто и излишним отводить треть времени (курс в институте трехлетний) на изучение элементарных основ марксизма. На второй год поэтому решено было повысить вступительные требования (знание всех трех томов «Капитала», вместо одного первого тома, как было раньше, и т. п.), но зато допустить специализацию, разделение на философов, экономистов и историков с первого же года. Возражавшие против этого видели опасность, главным образом, вот с какой стороны: из-за отсутствия преподавателей у нас остается пока-что на бумаге так называемый «марксистский минимум», недавно вновь подтвержденный, с некоторыми изменениями, Советом Народных Комиссаров. Этот очень сгущенный экстракт марксизма должен преподаваться студентам всех факультетов всех высших школ без из'ятия, и он предполагает, конечно, у преподавателя одинаковую осведомленность во всех сторонах учения Маркса, как в экономике, так и в философии, и в истории. Опыт покажет, не помешает ли специализация с первого года этой разносторонности преподавателей «минимума». Но что она будет чрезвычайно способствовать углублению работы, это не подлежит сомнению. К слову сказать, повышенные требования мало отразились на количестве и качестве вновь вступающих. На второй год было подано заявлений 241, допущено к испытаниям 95 человек и принято 59. Это, конечно, меньше прошлого года, но надо иметь в виду, что даже и на второй год мы перешли ту цифру, которую организационный комитет института считал нормальной: 50 человек, разделяющихся по каждому предмету на два семинария, не больше 20—25 человек в каждом.

Такой расчет об'ясняется, во-первых, принятым в институте и единственно возможным для этого типа школы методом занятий—семинарским, а во-вторых, количеством имевшихся в виду преподавательских

сил. В институте почти не читается лекций; они допущены лишь как введение к самостоятельным занятиям слушателей. Как норма, каждый курс делится на определенное количество отдельных вопросов и по каждому вопросу выбравший его слушатель должен представить письменный доклад, основанный на изучении первоисточников. Обязательным минимумом считается представление, по крайней мере, одного доклада в триместр (три месяца). Не представившие без уважительных причин и одного доклада отчисляются из института (в этом и состоит упоминавшаяся выше «академическая» чистка). В прошлом году было представлено всего 233 доклада, т.-е. приблизительно по одному докладу на слушателя и на триместр. Ограничиваться одним докладом приходится потому, что изучение первоисточников, за исключением русской истории, требует знания иностранных языков; в первый год и пришлось поэтому дать студентам достаточно времени для изучения этих последних.

Надо иметь в виду, кроме того, что слушатели располагают далеко не всем своим временем для работы в институте. Слушатели института не только учатся, но и учат других, они не только будущие профессора, но и партийные работники. Из 129 слушателей-коммунистов работают на рабфаках и соответствующих им по типу учебных заведениях—42, в Коммунистических Университетах, Академии Социального Воспитания и т. п. — 41, военно-учебных заведениях — 10, всего 93 или 71,5% к общему числу слушателей-коммунистов. Остальные 28,5%— преимущественно первокурсники—по различным мотивам не приступили еще к работе: часть из них только что приехала в Москву после практической работы и просила «погодить с месяц», дабы немного разобраться в обстановке, систематизировать имеющийся запас знаний, приготовиться к курсу и пр.; другая часть нагружена литературно-редакторским делом и фактически лишена возможности вести педагогическую работу; к концу учебного года (1922—1923) почти все первокурсники также приступили к партийной и педагогической работе.

За октябрь-ноябрь месяцы в основном педагогическая работа слушателей выражается в следующих цифрах: не останавливаясь на некоторых исключительных явлениях, когда товарищ отдает Университету или Рабфаку до 20 и больше часов в неделю, скажем о массе слушателей. Те сорок два товарища, которые работают на Рабфаках и т. п. учреждениях, в целом посвящают им до 200 часов в неделю; работающие в Ком. У-тах: им. Свердлова, Трудящихся Востока, Народов Запада и Академии Соц. Воспитания (сорок один человек) в неделю до 226 часов, в военных школах—10 т.т.—62 часа. На каждого из 93 работающих товарищей приходится по пяти слишком часов в неделю. Совершенно очевидно, что в подсчет часов не вошло время на заседания кафедр университетов, предметных комиссий, бюро семестров и пр. необходимая, но не учитываемая работа.

Составить довольно точные представления о партийной работе позволяют следующие данные на ноябрь прошлого года, имеющиеся в Бюро. Из 129 коммунистов обоих курсов 124 распределены следующим образом—Красно-Пресненский район—32, Замоскворецкий—31, Хамовнический—20, Рогожско-Симоновский—19, Бауманский—12, Сокольнический—10 (о 5-ти т. т. сведений нет). Подавляющее большинство (не менее 100) состоит в рабочих ячейках, меньшинство—в ячейках различных школ (Свердловском У-те, Губпартшколе, Рабфаке, Военных школах) и только единицы (до 5) в ячейках Райкомов и Наркоматов.

Все т.т. находят применение своим силам в области агитационно-пропагандистской работы (только 3 заняты работой организационной): 57—ведут марксистские кружки, 56 обслуживают разного рода партшколы и 8 работают агитаторами при Райкомах.

Не безынтересно будет на минуту остановиться на количественной стороне вопроса. Если принять, что в среднем бывает 2 месячных собрания ячейки, 1 общерайонное и 1 собрание активных работников в месяц, и присоединить сюда среднюю цифру участия к кружках и школах 6, то, в общем, получается сумма в 10 вечеров за месяц (такая несовершенная масштабная единица, как «вечер» не удивит читателя, знакомого с условиями работы—главным образом «преодолением пространства»).

Перехожу теперь к самому больному месту института, к вопросу о преподавателях. Как это ни грустно, но приходится констатировать, что половина работы по подготовке будущих борцов за коммунизм в нашей высшей школе производится некоммунистами. В прошлом году это рассматривалось, как явление временное, которого надеялись избегнуть, забронировав к началу второго года за институтом чуть ли не все видней шие теоретические силы партии. Бронировка оказалась ничуть не более прочной, чем пресловутая бронировка дензнаков в Наркомфине. Из закрепленных за институтом ученых коммунистов одни, что называется, и глаз не кажут, несмотря на всяческие напоминания и в партийном, и в общечеловеческом порядке, другие, любезно из'явив согласие работать, оказываются откомандированными на продолжительный срок в провинцию, третьи являются в институт персонально, чтобы заявить, что к тем курсам, которые на них возложены, они должны готовиться, и что для подготовки у них совершенно нет времени. Результат во всех трех случаях получается приблизительно одинаковый. И слушатели, измучившись в ожидании руководителя-коммуниста, приступают, наконец, к правлению с категорическим требованием дать им какого-нибудь руководителя-марксиста, хотя бы и не партийного, лишь бы не сидеть даром или не заниматься по методу взаимного обучения. Так было в прошлом году, так будет и в этом. Доколе будет,—это уж как угодно центральным органам партии. К сведению этих последних приходится сообщить, что дело отнюдь не в индивидуальных прегрешениях отдель-

ных товарищей, дело в неумении нашем организовать работу что-называется по-европейски, так, чтобы люди занимались чем-нибудь как следует, а не всем вообще кое-как. В частности, в данном вопросе громадным камнем преткновения является перегруженность Москвы высшими коммунистическими школами: три коммунистических университета, Свердловский, народов Востока и народов Запада, да еще курсы для партийных работников повышенного типа при Социалистической Академии, да еще факультет общественных наук Первого Государственного Университета, где теперь на младших курсах 60 процентов членов Р. К. П. и Комсомола,—тоже своего рода целый коммуниверситет. Между тем, если даже «под метелку» наскрести все наличные преподавательские силы партии в Москве, наберется самое большее на два высших учебных заведения: скажем, институт красной профессуры, куда можно было бы собрать наиболее крупных теоретиков, и университет Свердловский, который мог бы обслуживаться силами среднего калибра. А на шесть университетов, разумеется, в Москве профессоров-коммунистов не наберется.

Между тем, повторяю еще раз: речь идет о борьбе за коммунизм в высшей школе. Речь идет отнюдь не просто о подготовке марксистски образованных преподавателей для этой школы. Этого мы могли бы достигнуть и не создавая института красной профессуры, а просто поставив аспирантам на кафедры факультета общественных наук определенные экзаменационные требования по части теории и истории марксизма. Таким путем в 5 лет мы заместили бы все кафедры марксистски-грамотными людьми. Но ведь и Мартов марксистски-грамотный человек... Нам нужно не это,—это лишь само собой разумеющийся минимум; нам нужна молодежь, глубоко проникшаяся принципами революционного марксизма, умеющая делать из учения Маркса все теоретические и практические выводы, какие можно сделать. Молодежь, настоящая коммунистическая молодежь, почти сплошь, не исключая даже и женщин, прошедшая фронты, у нас есть. Жажда учения у нее колоссальная, боевое марксистское настроение великолепное, но сделать из этого теста такой хлеб, какой нужен коммунистической революции в высшей школе, может только рука пекаря-коммуниста. А этот пекарь, вместо того, чтобы сидеть в булочной, на дворе дрова колет... Перед этой трагедией,—может показаться смешно, а это трагедия,—и стоит теперь Институт Красной Профессуры.

М. Покровский.

I. Семинарий по философии

Предисловие.

В отчетном 1921—1922 учебном году, согласно утвержденной Правлением Института программы, занятия по диалектическому материализму были признаны обязательными в течение первого года для слушателей всех трех отделений. Предполагалось, что ознакомление с историей материализма, основательное усвоение обще-философских и методологических основ марксизма—материалистической теории познания и диалектики—должно явиться необходимой предпосылкой и предварительным условием для дальнейшего углубленного изучения марксизма во всех его разветвлениях. Этот «общеобразовательный курс» был признан обязательным и для экономистов, и для историков. Впоследствии программа, в связи с повышением требований к вновь поступающим, подверглась некоторым изменениям.

Во исполнение намеченной задачи были открыты в первом триместре три семинария общеобразовательного характера; во втором был открыт четвертый и один семинарий повышенного типа для группы более подготовленных товарищей, пожелавших специализироваться в области философии. Занятиями по философии руководили Л. И. Аксельрод-Ортодокс и А. М. Деборин. Основная идея, легшая в основу наших занятий, может быть формулирована кратко так: путем критического изучения истории философии и диалектики выяснить необходимость диалектического материализма, как неизбежного результата развития всей новой философии. Естественно, что при такой постановке дела много времени и внимания уделялось и великим идеалистическим системам. Перечислять здесь все темы, послужившие предметом обсуждения в семинариях, нет надобности. Достаточно указать, что в двух параллельных семинариях низшего типа в течение отчетного года было заслушано свыше 40 докладов. Руководители семинариев при построении своей программы считали необходимым, на-ряду с теоретико-познавательными, метафизическими, натурфилософскими проблемами, подвергнуть обсуждению и критике этические, политические и социальные взгляды соответствующих мыслителей. Этим об'ясняется кажущаяся пестрота тем. Но на самом деле они проникнуты внутренним единством. Так, например, учение Спинозы о государстве или взгляды француз-

ских материалистов на мораль и политику, теснейшим образом, конечно, связаны с их общим мировоззрением. В качестве образцов считаем необходимым привести ряд тем, выполненных участниками семинариев. Так, на-ряду с прочими, были заслушаны в низших или общеобразовательных семинариях, руководимых А. М. Деборинym, следующие доклады: 1) Учение Декарта о врожденных идеях; 2) Дуализм в системе Декарта; 3) Натурфилософия Декарта; 4) Проблема субстанции у Спинозы; 5) Теория познания Спинозы; 6) Учение Спинозы об обществе и государстве; 7) Проблема материи у Гоббса; 8) Проблема реальности у Беркли; 9) Философские взгляды Ламеттри; 10) Социальная этика Морелли и Мабли; 11) Проблема причинности у Юма; 12) Учение Канта о вещи в себе; 13) Философско-исторические и соц.-политические взгляды Фихте; 14) Диалектический метод в системе Фихте и проч.

В семинарии Л. И. Аксельрод первое полугодие было посвящено греческой философии, второе—новой. Были заслушаны и обсуждены доклады о предмете философии, об ионийцах, об элейской школе, о Гераклите, о Демокрите и Анаксагоре, Платоне и Аристотеле.

В центре внимания стоял Платон, которому уделено было 4 заседания и Аристотель—3 заседания.

Во втором полугодии были заслушаны и обсуждены доклады о Бэконе, Гоббсе, Декарте, Спинозе, Локке, Лейбнице и Гельвеции. В центре внимания стоял Спиноза, которому посвящено было 4 заседания.

Доклады обычно сопровождались весьма оживленными дискуссиями, в которых принимали участие иногда до 10 человек. Как докладчики, так и оппоненты основывали свои выступления, разумеется, на изучении подлинных произведений мыслителей.

Более углубленные занятия по философии велись в повышенном семинарии (А. М. Деборина), число участников которого не превышало 10 человек. Семинарий имел около 30 заседаний, на которых были сделаны 5 докладов, посвященных французскому материализму, 1 доклад Лейбницу, 2 доклада Юму и, наконец, ряд докладов Канту. Обстоятельному изучению и обсуждению подверглись, как некоторые «докритические» работы Канта, так и «Критика чистого разума». Основные проблемы «Критики чистого разума», как обоснование математики (учение Канта о времени и пространстве) и естествознания (учение о категориях) отняли у семинария ряд заседаний, но с большой пользой для его участников, ибо критическое преодоление «критицизма», опровержение априоризма имеет, конечно, огромное положительное значение.

Дискуссии в этом повышенном семинарии принимали иногда довольно бурный характер. Обсуждению докладов посвящалось обычно не менее двух-трех заседаний, ибо в прениях принимало участие большинство участников семинария—часто даже высказывались решительно все.

Многие из товарищей, помимо подлинных произведений Канта, прорабатывали обширную критическую литературу.

Представляя на суд широкой читающей публики некоторые образцы семинарских работ, мы надеемся, что они дадут некоторое представление о внутренней жизни семинариев. Из работ первого семинария Л. И. Аксельрод мы предлагаем вниманию читателей доклад Рахмана — «Спиноза и юдаизм», из работ первого семинария А. М. Деборина — И. Луппола «Социальная этика Морелли и Мабли» и работу А. Троицкого «Общественные и этические взгляды Гельвеция». Из докладов, сделанных во втором семинарии, мы находим возможным поместить в настоящем сборнике «Учение Канта о категориях» т. Танхилевич и «Проблема материи у Ламеттри» т. Юринца.

Конечно, не все работы отличаются одинаковыми достоинствами. Они все носят на себе печать семинарских работ, т.-е. обычных вступительных докладов, имеющих целью постановку определенной проблемы, как материала для дискуссии. Тем не менее, некоторые работы (доклад т. Юринца, напр.) представляют собою попытку самостоятельного научного исследования. Впрочем, мы должны признать уже большим достижением умение товарищей, из которых большинство впервые приступает к изучению философии, критически разбираться в сложнейших проблемах. Этому условию удовлетворяют вполне все предлагаемые работы.

Л. Аксельрод.

А. Деборин.

В. Юринец.

Учение Ламеттри о материи.

(Настоящая статья составляет две главы из семинарской работы под заглавием „Мировоззрение Ламеттри“).

I. Введение.

Значение Ламеттри, его огромное влияние на всю французскую революционную мысль XVIII столетия мы можем оценить и правильно понять только в связи с эпохой и с тенденциями развития материализма нового времени, главным образом XVII и первой половины XVIII столетия.

Философские концепции и системы, обозначаемые общим термином материализма, так разнообразны, их представители так отличны друг от друга, что общее определение «материалиста», дает очень бледное понятие о сущности его философии, о пути, по которому он пришел к намеченной цели, о главных пружинах его мышления.

Какое разнообразие интеллектуальных структур получится, если сопоставить резкого, прямолинейного, как будто мыслящего всей стихийной, необузданной силой материи, иногда грубоватого Гоббса с осмотрительным, осторожным, преисполненным «аттического» такта Гассенди, или с пламенным, страстным и воинственным материалистом и атеистом Ламеттри.

Все историки философии трактуют материализм «en bloc», как цельную, замкнутую систему, которая видоизменялась в различные эпохи только в несущественных, второстепенных деталях, не росла вместе с развитием наук, и в основных своих чертах осталась неизменной со времен Демокрита до наших дней.

Эта легенда уже успела принять характер навязчивой идеи, с которой очень трудно бороться, общего места, которое (по словам Маркса) становится смешным благодаря частому повторению. Ее возникновение об'ясняется отчасти тем обстоятельством, что историей философии занимались до сих пор преимущественно идеалисты, которым материализм был духовно чужд и ненавистен.

Я, конечно, не говорю о Гегеле, давшем на страницах своей «Феноменологии» доказательство не только глубокого понимания материализма и необходимости его развития в течение тысячелетий, но пытавшемся находить и социальные основы возникновения различных его форм.

Особое место занимает среди историков философии Фридрих Альберт Ланге, который, кроме некоторой доли беспристрастия, имел перед прочими историками философии идеалистического толка то преимущество, что был основательно знаком с не-

сколькими конкретными естественными дисциплинами, с методом естествознания и его историей. Благодаря этому, он не ограничивался противопоставлением муравьиной работе материалистов только выспренного идеалистического пафоса — удобной маски для прикрытия нищеты или отсутствия мысли.

Но все-таки и его «История материализма» написана с определенной, неокантианской точки зрения; в основе его труда лежит предвзятая мысль, что материализм имеет свои пределы, которых он не сможет перешагнуть никогда; что он встречается с затруднениями, неопределенными даже в самом далеком будущем. Полное резиньяции «ignorams et ignorabims» звучит уныло почти на каждой странице его книги. Этот предвзятый «критицизм» затемняет для него многие проблемы, поставленные материалистами и мешает правильному пониманию их решений. Безусловно, антиматериалистическая точка отправления притупляет способность различения оттенков в кажущихся на первый взгляд однообразными системах материализма.

Между тем, материализм имеет подобно идеализму свою богатую, внутреннюю историю.

Нас обманывает очень часто видимость. Мы цепляемся за мертвую букву, скользим по поверхности и не хотим проникнуть вглубь учений. Если мы проделаем эту нелегкую работу умственного напряжения, тогда материализм предстанет перед нами как живой организм, с беспредельными возможностями развития, с чередующимися этапами застоя, под'ема, внезапных вспышек, кризисов и нового расцвета. И не удивительно. Материализм это вовсе не совокупность абстрактных философских систем, которые витают в пустом пространстве. Он имеет под собой прочную основу — определенное в данное время состояние конкретных наук. Вместе с ними он проделывает свои повороты, подвергается внутренним революциям, меняет свой характер. Центр интереса в области конкретных наук будет вместе с тем и центром интереса в материализме, как философской системе.

Меняются исходные предпосылки материализма еще и потому, что он является всегда идеологией определенного общественного класса среди определенных исторических условий, на данной в каждое время ступени его развития. Основные стремления класса должны найти и в материализме свой отпечаток. Работа чрезвычайно сложная и трудная, но необходимая для историка философии—марксиста.

Эти все моменты должны быть приняты во внимание, когда мы приступаем к изучению материализма Ламеттри и хотим определить его, так сказать, логическое место. Мы должны познакомиться с тенденциями внутри материализма эпохи непосредственно предшествующей выступлению Ламеттри на поприще философии, с главными течениями в области естественных наук в его время, с соотношением общественных классов и положением того класса, идеологией которого является материализм Ламеттри.

Чем был, какие цели преследовал, на каких основаниях строился материализм на заре нового времени, материализм, например, Гассенди, Бэкона, Декарта в тех частях его философии, которые являются материалистическими.

Перед ними стоял один общий враг — средневековая схоластика, вооруженная видоизмененной и приспособленной к своим потребностям философией Аристотеля. Эта философия, насквозь телеологическая, насквозь «органическая» в том значении, что она основывалась, главным

образом, на описательные биологические науки на той ступени их развития, которое мы наблюдаем в классической Греции IV столетия, стала чуждой обществу XVI и первой половины XVII ст., обществу, которое— благодаря могущественному экономическому перевороту, связанному с открытием новых торговых путей — стремилось все более к подчинению всех элементов мышления, всей структуры науки категории причинности. На место устаревшей уже, отжившей свой век системы Аристотеля идеологи нарождающейся буржуазии старались построить новую науку, которая в большей степени удовлетворяла бы практические потребности времени, чем пустые «формы» Аристотеля и схоластиков.

Но чтобы построить новую науку, разработать ее в деталях, надо было найти для нее общие теоретические предпосылки, дать ей принципиальное обоснование, начертить, так сказать, ее идеальный прообраз. Введением к новой науке должна была стать новая философия. И главным ее стремлением должна была стать опять не конкретная, детальная обработка, всех философских проблем. Такую задачу можно было предоставить будущему. Необходимой являлась пока выработка нового типа мышления, отличного от средневекового, как несоответствующего действительному течению процессов внешнего мира. Надо было подыскать дисциплину, которая больше всех соответствовала духу того времени, сосредоточивала бы его чаяния и, что самое главное, — резко подчеркивала бы разрыв со старым. Математика и механика, математико-механическое миропонимание стали лозунгом эпохи.

Механика противопоставила себя аристотелевской «органике».

Новая философия стала механической «par excellence». Этому «стилю времени» не смела сопротивляться даже идеалистическая философия.

Но механика находилась тогда только в зачаточном состоянии. За собой она имела только блестящие опыты Галилея, несколько формулированных им законов, идеи Коперника, учение Кеплера. С этим материалом пришлось строить новую философию. Материал был пока довольно беден. Он мог только в очень недостаточной степени питать философию, дать ей конкретный, живой облик.

Поэтому и философия того времени, а в частности материалистическая философия, так отвлеченна, как чистая математика. Это подчеркивает потом во многих местах своих трудов и Ламеттри. Ей не хватает «сочности», «сращения» с конкретной действительностью ее богатства. Она слишком прямолинейная, «ясная» (излюбленное выражение эпохи), свободная от противоречий, которые так плодотворны для жизни и дальнейшего развития философии. Она построена слишком «more geometrico». Будучи простой из-за недостатка, по необходимости, она эту простоту возвела в добродетель, видя в ней основное свойство об'ективной действительности.

Однако в то время, как картезианство [1]) (под этим словом я подразумеваю не только систему Декарта, а совокупность механических уче-

---

[1]) Я должен оговориться здесь, что я вполне согласен с утверждением, высказанным Ламеттри в главе о Декарте, в сочинении «Краткий обзор систем», что Декарт был замаскированным материалистом. Ламеттри говорит там: «У этого философа (Декарта), нематериальная, непротяженная, бессмертная душа — это только пустые звуки ради усыпления Аргуса Сорбонны». Лэми называет Декарта тоже чистым материалистом. Не лишен убедительности и аргумент Ламеттри; «если по Декарту душа непротяженна, тогда нечего было искать для нее с такой заботой «седалище» и находить его в шишковидной железе».

ний, являющихся комбинацией, — или — если угодно компиляцией — из картезианской физики и учений других «механистов» того времени, преимущественно учеников Декарта; в таком значении это течение продолжалось вплоть до энциклопедистов), — продолжало свое существование «на верхах» философского сознания, в «низах» происходил непрерывный процесс накопления конкретного материала в области естественных наук. И это расширение базиса сказывается с течением времени на дальнейших судьбах материалистической философии.

Особенно ярко сказываются эти перемены, эти процессы «осмоза» в философии самого выдержанного материалиста того времени — Гоббса. Для него материализм — уже не замкнутая, готовая «система». Она не «надстройка», «синтез» и наука в духе позивитизма, а естественная наука.

Вот как он определяет цели философии: «Philosophia est effectuum seu phaenomenon ex conceptis eorum causis seu generationibus et rursus, generationum quae esse possunt, ex cognitis effectibus per rectam ratiocinationem acquisita coquitio». Как все другие науки — и философия имеет свою «специальную» область исследования (строение материи, проблема происхождения и сущности «психических» процессов, их отношение к «материальным» процессам и т. д.), где она не удовлетворяется многообещающими «обобщениями», а ведет упорную, детальную, муравьиную работу, пользуясь методами естественных наук.

Таким образом Гоббс является первым сокрушителем материалистического «онтологизма» и вместе с тем первым поборником материалистического «номинализма». Место прежнего абсолютизма занимает релятивизм (конечно, не в суб'ективно-идеалистическом значении этого слова). Этот релятивизм обнаруживается не только в общих взглядах на назначение философии, но и в частностях, подробностях. Параллельно с номинализмом содержания идет устранение гипостазирования внешней оболочки этого содержания: слова, речи. Гоббс не был пленником грамматики, как это часто случалось с прежними философами. Он открыл самообман, заключающийся в об'ектировании некоторых грамматических форм[1]). Слово было для него «счетной единицей» в процессе счета — мышления. (Ср. Гегель: Наука логики. Введение. Русск. перев., стр. 8).

Начатый Гоббсом процесс не преминул развиваться дальше с логической необходимостью. Это мы можем наблюдать с большой наглядностью и отчетливостью у двух гениальнейших представителей науки второй половины XII столетия: у Ньютона и Роберта Бойля.

Их философски-научную деятельность можно определить как переход от материализма — системы к материализму, как эвристическому принципу. Точки соприкосновения с попытками Гоббса очевидны.

Бойль издал своего «Chemista Scepfiisüs» в 1661 году, Ньютон свои «Principia» в 1687 году. Как недалеко ушли мы хронологически от классических трудов Декарта, но какой гигантский идейный шаг вперед сделан за это время. Стоит только припомнить себе и сопоставить тяжеловесную машину миросоздания Декарта с лабораторными приемами Бойля. Справедливо замечает о них Ланге: «Как и во многих

[1]) Невольно припоминается следующее место, из сочинения Ламеттри п. з. «Система Эпикура»: La philosophie n'est de même qu'une science de belles paroles». Впрочем и Локк, идеи которого заметны во многих взглядах Ламеттри, вел решительную кампанию против засилия «грамматики» в философии.

других пунктах Бойль и Ньютон имели большое влияние и в том, что они ввели строгое разделение между плодоносным полем экспериментального исследования и всеми трансцендентными, или по крайней мере, при теперешнем состоянии наук, недоступными проблемами. Поэтому они оба высказывали живейший интерес к методологическим вопросам и лишь самый малый к умозрительным». (История материализма, т. I, стр. 156, русск. перев. В. Соловьева).

Для изучения той идейной атмосферы, из которой родилась философия Ламеттри и при наличности которой она вообще была возможна, Ньютон имеет особую ценность. И это по двум причинам: во-первых, он является основоположником — по крайней мере, в новое время — д и н а м и ч е с к о г о мировоззрения. Идея силы играет у него первенствующую роль. Эту идею он противопоставил статической в своей основе концепции Декарта. На современное философское движение имела она чрезвычайное влияние опять в положительном и отрицательном смысле. В отрицательном потому, что она повела, посредством, главным образом, ученика Ньютона—Г е н р и М о р а к спиритуализации силы, к идее о психических атомах, как центрах психических сил (Лейбниц, Вольф) [1]), к возрождению виталистических идей, изжитых уже отчасти благодаря развитию механического естествознания. Положительное потому, что вводя силу в центр вселенной, она отняла у бога аттрибут поставщика первых толчков, необходимых для картезианской физики. Ламеттри очень часто ссылается на Ньютона, называет его самым выдающимся умом эпохи. Но и без этих отзывов мы могли бы узнать, на основании самих трудов Ламеттри, как тщательно он его изучал. Понятие имманентной движущей силы, лишенное всякого метафизическаго привкуса, образовалось у него, несомненно, не без мощного влияния Ньютона. Правда, Ламеттри переносит свою «force motrice» преимущественно в область физиологии, но такая трансформация несущественна и стоит в связи с переходом механического материализма в материализм «биологический», о котором нам придется еще говорить.

Но еще и в другом отношении имеет Ньютон большое значение для кристаллизации взглядов Ламеттри. Известно, что Ньютон не дал наглядного физического обоснования своей теории тяготения, он дал ей только математическое выражение.

На многочисленные вопросы, как же собственно уяснить себе теорию тяготения, действия на расстояние (теория эфира, как посредника колебаний была введена современником Ньютона Гюйгенсом) он отвечал гордым: hypotheses non fingo». Это заявление Ньютона имеет связь с указанным уже мною движением в сторону материалистического номинализма. Ньютону не нужны были никакие «начала», никакие окончательные истины. Его удовлетворяли только факты и их связь. Если связь найдена и не противоречит основным требованиям физического, т.-е. материалистического об'яснения, тогда задача выполнена. Математическая формула, или — если она недостижима, или по сущности дела невозможна — эмпирический закон, вот и все, что требуется. С таким ходом мыслей мы встречаемся и у Ламеттри. И он пережил свой «метафизический» онтологический период, и он старался найти окончательные ответы, «сущность вещей», но, наконец, убедился, что они невозмож-

---

[1]) Ламеттри находился некоторое время, как я постараюсь доказать в другой части моего доклада, под влиянием Лейбница.

ны, что они—только предельный идеал, к которому будет стремиться человечество, никогда не достигая его вполне. Пока надо довольствоваться тем, что имеется на лицо и отказаться от притязаний построить что-то абсолютное, окончательное. «Феноменализм» Ламеттри, не в кантовском, а материалистическом понимании этого слова образовался не без влияния Ньютона.

В этом же направлении действовал и Бойль, материалист по инстинкту, сохранивший, однако, некетерое религиозное «decorum pro foro externo». Это первый материалист-химик. Благодаря ему фундамент материализма значительно расширяется. Химия—наука, лежащая на грани между физикой и физиологией, она преддверие биологических наук. Таким образом, строится мост над пропастью, отделяющей «мертвую» и «живую» природу. Для развития взглядов Ламеттри имеет Бойль значение во многих отношениях. Прежде всего,— и это факт самый важный, если примем во внимание, что Ламеттри был врачем—Бойль был первым вне границ Италии приверженцем ятромеханического направления в медицине, о которой пойдет речь ниже. Как таковой, он должен был привлечь внимание Ламеттри, ученика самого выдающегося ятромеханика Бургава, во-вторых, Ламеттри прибегает очень часто к химическим об'яснениям физиологических процессов. В этом отношении мог ему Бойль доставить немало материала. Что Ламеттри ознакомился с Бойлем основательно, явствует из того, что он заимствует от гениального химика много подробностей. Так, например, Ламеттри сравнивает в «Человеке машине» организм с часами. Тоже сравнение находится у Бойля, в его «Exercitationes de utilitate philosophiae naturalis», где он сравнивает организм со страсбургскими часами и т. д.

Выступление Бойля совпадает хронологически с передвижением центра интересов естествоиспытателей к органической природе.

Этот факт имеет большое значение для правильного понимания характера материализма Ламеттри, для уяснения причин различия между его материализмом и материализмом крупных материалистов XVII столетия.

60-ые, 70-ые и 80-ые годы XVII ст. отличаются значительным под'емом в области биологических наук; в этот относительно небольшой промежуток времени совершено было много чрезвычайно важных открытий, вызвавших революцию во взглядах на организованную материю. В 1667 году изобретает Гук сложный микроскоп, что дает возможность все большего совершенствования техники научных исследований. Работа идет сразу в нескольких направлениях. Блестящая теория кровообращения Гарвея, построенная на чисто механистических началах, изгоняет жизненные силы из биологии. Медицина меняет совершенно свой характер. Одновременно с выступлением Гарвея образуется в Италии под мощным влиянием Борелли «ятромеханическая» школа в медицине, которая ставит себе целью сведение всех функций организма к простым законам механики, в первую очередь к законам равновесия рычагов. Традиции Борелли продолжает в Голландии гениальный Бургав, образовавший вокруг себя целую школу, к которой принадлежал и Ламеттри. Его влияние — огромно. Он известен не только в Европе, но и в далеком Китае. От китайских мандаринов получает он письма по адресу: «A. M. Boerhave, Médecin en Europe». Ятромеханика расширила поле применения механических понятий и законов: они оказались применимыми и к явлениям органической жизни. Но с другой стороны, путем обратного действия подверглось перемене и само понятие

«механического». Оно потеряло свой безжизненный, мертвый, «автоматический» характер. Идея животного—машины в понимании Декарта—оказалась бы теперь анахронизмом и утрировкой.

В то время открывается перед глазами ученых впервые мир микроскопических животных. Этот факт имел колоссальное влияние на развитие идей о происхождении организмов.

Дарвиновские идеи прямо висели в воздухе и даже высказывались, правда, робко и осторожно. Научный мир не был тогда склонен к установлению поспешных гипотез; изречение Ньютона «hypotheses non fingo», звучало как грозное memento. Зато кипит обыденная лабораторная работа и неуклонно собирается материал для построения широких обобщений. Гениальный Сваммердам создает своими зоотомическими работами основу для сравнительной анатомии, изобретает различные приемы крашения препаратов. Его работа о пчелах считается до сих пор классической. Мальпиги изучает строение нервной системы у насекомых, он же дает первый толчок к образованию эмбриологии, как специальной науки. А. Гирш говорит в своей книге п. з. «История медицинских наук» (Geschichte der medizinishen Wissenschaften, стр. 122): «Надо подчеркнуть огромные услуги, оказанные Мальпиги для науки: он начертил впервые более или менее полно историю развития эмбриона; его соображения подтвердились последующими исследованиями и легли в основу дальнейших работ». Особенно ценны его исследования, касающиеся эмбриологического развития мозга и позвоночного столба. Правда, благодаря слабому еще пока развитию микроскопии, он совершил не мало существенных ошибок. Итак, нервы представлялись ему как пустые трубки, мозг как железа. Благодаря таким воззрениям на природу мозга и нервов, он возобновил идеи Декарта о жизненных духах (spiritus animales), модифицируя ее только в подробностях. Они образуются в мозге, как его секреции, (а не в сердце, как утверждал Декарт) и являются передатчиками двигательных импульсов из мозга в мышцы. Ламеттри построил тоже много своих взглядов на теории жизненных духов.

Другие ученые пошли еще дальше. Они открыли мир микроорганизмов. Гениальный самоучка Левенчук преподносит научному миру новый подарок: мир бацилл и инфузорий. Вместе с Людвигом Гамом исследует он строение мужского семени и развивает теорию «эволюции», по которой в мужском семени находится, уже в зародышевом состоянии, весь организм, при чем женские половые органы играют только пассивную роль хранилища. Ламеттри очень часто пользуется этой теорией, главным образом, в «Системе Эпикура».

Изобретатель микроскопа Левенгук открывает клеточку и впервые построяет теорию клеточно-образного строения растений. Работу в этом направлении продолжает Левенгук, открывший даже кристаллы в соке растений. Тюбингенский профессор Камерарий попадает на следы сексуальности у растений. На все эти открытия отзывается Ламеттри, преимущество в работе п. з. «Человек—растение» (L'homme—plante).

Сколько новых ошеломляющих фактов! Сколько материала для нового под'ема материализма, или лучше сказать, перехода его на новые рельсы! Внешний мир неорганизованной материи — вот от чего начал материализм нового времени. Организм — вот символ, вокруг которого вращается материализм, начиная с конца XVII столетия. Связь человека со всем органическим и неорганическим миром, связь психического с организованной материей, психологии с физиологией — вот вопросы, стоя-

щие в центре интереса. Материалистическое мировоззрение приобретает все более широкий базис.

Из такой духовной атмосферы возникла материалистическая философия Ламеттри.

II. Учение о материи.

Учение о материи является самой темной, самой сложной частью системы Ламеттри. При его изучении мы встречаемся с затруднениями, кажущимися иногда непреодолимыми. Изложение теории материи в «Трактате о душе» и в других философских работах Ламеттри так сжато, при том на первый взгляд так полно противоречий, неясностей, что мы наконец теряемся в этом лабиринте определений, из наших рук ускользает путеводная нить, нам кажется, что вообще нельзя согласовать отдельных моментов изложения и что Ламеттри никакой теории материи не дал.

Авторы, которые писали о Ламеттри как, например, Порицкий, Кепа, Денуартер, Ассеза, и другие, которые освещают более или менее правильно и подробно другие стороны философии Ламеттри, на теории материи останавливаются только вскользь, обходят вопрос, довольствуясь несколькими общими фразами, преподносят нам только последний, окончательный фазис развития взглядов Ламеттри на материю, не указывая нам, каким путем он достиг окончательного решения проблемы.

Между тем взгляды Ламеттри на материю подвергались многим видоизменениям, иногда очень существенным. И именно эта их неустойчивость и текучесть, продолжавшаяся довольно значительное время, пока они не вылились, наконец, в ясные формы, доказывает лучше всего, что Ламеттри не был вовсе только талантливым дилетантом, каким его изображали многие «солидные» историки философии, а человеком с большой эрудицией. Только тогда утверждения Дюбуа-Реймонда и Бергмана о чрезвычайной прилежности и усидчивости «легкомысленного материалиста» не вызовут у нас никаких сомнений.

Действительно, не легко было построить теорию материи в это время брожения, в эпоху «бури и натиска» в науке. Главной помехой для таких попыток было прежде всего существование различных определений и теорий материи, при чем каждая из них могла сослаться на многочисленные факты из области тех или иных естественных наук.

Две главные концепции материи стояли друг против друга, законченные до мельчайших деталей и защищавшиеся самыми крупными именами научного мира: кинематическая и динамическая. Основоположником первой был Декарт, второй—Ньютон. Первая теория предполагала инертную, плотную материю, нуждающуюся в внешних толчках, чтобы перейти в состояние движения; вторая заключала в себе и момент силы, но зато обращала слишком много внимания на этот последний момент, теряя из виду материю самое. Между этими противоположными полюсами колебалась всегда материалистическая мысль, пока ее не устранил диалектический материализм, указав искусственность и схематичность таких различений, установив действительный монизм вместо замаскированного дуализма прежних материалистов. Как мы увидим дальше, окончательное решение проблемы материи у Ламеттри далеко не чисто «метафизично» в марксовом значении

этого слова и представляет собой значительный шаг вперед по пути от метафизического к диалектическому мышлению.

Эти внутренние противоречия материи, и возникавшие отсюда колебания представителей материалистической мысли, в частности Ламеттри, изображает Ланге в своей «Истории материализма» (стр. 485 русск. пер.), при чем надо прибавить, что и он сам не мог их преодолеть, так как он был далек от понимания диалектического метода. В указанном месте он говорит: «оба эти понятия, т.-е. понятия материи и силы, поэтому не стоят просто рядом как отвлеченные, но одно посредством отвлечения и исследования разрешается в другое, однако так, что всегда остается еще остаток. Если мы отвлечем мысленно от метеорного камня его движение, то для нашего рассмотрения остается то тело, которое двигалось. Я могу отнять у него его форму прекращением силы сцепления его частей; тогда я имею еще вещество. Я могу разложить это вещество на элементы, действуя силой против силы [1]). Наконец, я могу элементарные вещества разложить мысленно на атомы, тогда эти атомы суть единственное вещество, а все другое есть сила. Если мы теперь с Ампером разрешим и атом в одну точку без протяжения в силы, которые группируются вокруг нее, то веществом должна быть эта точка, «ничто».

Если я в отвлечении не захожу так далеко, то для меня известное целое все еще есть вещество, тогда как в другом отношении оно представляется мне соединением вещественных частей посредством бесчисленных сил. Одним словом: непонятный или непонятый остаток нашего анализа есть вещество, как бы далеко мы не ушли вперед. То, что мы поняли из сущности тела, мы называем свойствами вещества, а свойства нас приводят к силам. Из этого выходит, что вещество есть всегда то, что мы не хотим или не можем разрешить далее в силы».

Ламеттри был в начале своей сознательной философской работы математической точкой пресечения механизма и динамизма, как основных, но исключающих друг друга установок интеллекта (конечно, мыслящего метафизически) по отношению к «конструкции» материи. Динамизм привлекал его как биолога, но, с другой стороны и отталкивал от себя, как мировоззрение, которое может завлечь мыслителя в тину «qualitates et vis occultae» (скрытых сил и качеств), мысль о которых бросала его в об'ятия механизма.

Есть еще одна причина, которая затрудняет в высокой степени правильное изложение взглядов Ламеттри на материю. Это его неспособность вообще к строгой систематизации, к точным, резко отчеканенным и очерченным определениям. Эта неспособность была может быть свойством «приобретенным», благодаря его убеждению, что все течет, что в действительности нет строго отграниченных друг от друга форм, а существует только вечный процесс, в котором стираются грани, отделяющие одну вещь от другой. Основной idée maîtresse, — как сказал бы Тэн, — у Ламеттри было именно это глубокое понимание процесса, как единственной реальности, что делает его таким современным и близким нам [2]).

---

[1]) Сравн. те же мысли у Ламеттри, Traité de l'âme, Chapitre III, стр. 14.

[2]) Так, например, ставит он в большую заслугу Декарту то обстоятельство, что тот не дает никакого определения души, а перечисляет только действия, в коих она выражается.

Чтобы понять правильно учение Ламеттри о материи, мы не должны, если не хотим запутаться в противоречиях, придерживаться изложения этого вопроса в такой форме и порядке, в каком оно сделано в начальных главах «Трактата о душе». На канве своего изложения автор ударяется часто в полемику с другими авторами и с собой, подвергает критике свои собственные взгляды, свои прежние этапы развития, колеблется, возвращается к прежним точкам зрения и т. д.

В окончательном своем виде являются эти главы на первый взгляд конгломератом многих систем, рядом набросков, как будто соединенных между собою чисто внешне.

Мы должны применить к этим главам генетический метод: исходя из предположения (соответствующего исторической действительности), что взгляды Ламеттри на материю подвергались изменениям, мы должны путем историко-генетического анализа разделить его изложение на составные элементы и реконструировать на их основании всю историю развития Ламеттри в этом, принципиальном для материалиста вопросе, доказать, что он должен был силой логической необходимости достигнуть той точки зрения, которая стала для него окончательной и предопределяла уже ответы на другие проблемы.

Только такого рода генетические исследования позволят нам разобраться в этом хаосе; мы убедимся, что некоторые мысли, которые нам кажутся брошенными вскользь, с легкой руки талантливого человека, были плодом непрерывной работы.

Пламенный манифест (какой видели до сих пор в произведениях Ламеттри) окажется строго продуманной системой.

Исходной точкой рассуждений Ламеттри о материи является дуализм материи и силы. Существуют два элемента действительности: инертная, пассивная материя и приводящая ее в движение сила, это, так сказать, естественное мировоззрение здравого смысла, наивный реализм в области материализма — был исходным пунктом и Ламеттри. «Материя является сама по себе пассивным принципом; она обладает только силой инерции; поэтому мы можем всегда, как только видим, что она движется, заключить, что ее движение имеет своим источником другой принцип, который тонкий ум («un bon ésprit») не отождествит никогда с материей, или субстанцией тел; идея одного и идея другого являются двумя различными идеями, как отличными друг от друга, как отличны активное и пассивное» (Traité de l'âme, стр. 9).

Разберемся тщательно в этих двух понятиях, не отвлеченно, но в связи с дальнейшим ходом мыслей у самого Ламеттри, заполняя пробелы, оставленные автором в «Traité de l'âme».

Начнем с материи.

Каково ее строение? Перед нашим автором существовало два возможных способа решения: или картезианское, по которому материя заполняет плотно пространство, для которого пустого пространства не существует, или с другой стороны, атомистическое, Декарт или Гассенди.

Можно доказать, что Ламеттри прошел оба эти этапа. Судя по тексту «Traité de l'âme», он сначала принимает картезианскую теорию материи, которая отрицала существование [1]) пустого пространства и атомов, пользуясь при об'яснении физических явлений идеей «мельчайших телец» (corpuscules).

---

[1]) Не все материалисты того времени были атомистами. Так, например, один из крупнейших материалистов XVII ст. — Гоббс был противником атомистической теории.

На стр. 14 «Трактата о душе» Ламеттри говорит: Философы, которые много размышляли над проблемой материи, не понимают под протяженностью этой субстанции плотную протяженность (une étendue solide»), состоящую из отдельных частей, способных к сопротивлению. Ничто не соединено, ничто не раз'единено в этой субстанции, так как, чтобы делить нужна сила, которая бы разделяла; нужна опять другая (разумеется, сила), которая соединяла бы разделенные части».

Тут ополчается Ламеттри со всей решительностью против атомистической трактовки материи. Но с другой стороны, он замалчивает вопрос, который в то время был выдвинут против Декарта: как возможно движение абсолютно плотной и неделимой на части непрерывной материи.

Что это затруднение было Ламеттри известно, это не подлежит никакому сомнению, так как оно обсуждалось широко в литературе. В тогдашних салонах ходила по рукам целая масса стихов шутливого содержания по адресу картезианской материи, для которой Декарт нашел величину движения m. v., хотя не указал, как она движется и каким образом «corpuscules» («тельца») могут вытеснять своих тормозящих движение соседей.

Впрочем и чистых картезианцев было немного. Большинство их перешло на сторону атомизма.

Наконец, сама аргументация Ламеттри против атомистики заключала в себе petitio principii. Он указывает, что материя в атомистическом толковании предполагает две силы: одну раз'единяющую, которая должна была разделить материю на части—атомы, и другую соединяющую, образующую из атомов тела. Следовательно, он принимает как доказанное то, что требовалось доказать, а именно положение, что первичная материя была плотной и непрерывной.

Несостоятельность такой аргументации должна была броситься ему в глаза. И сознание шаткости своих построений находит свое выражение в следующем замечании (стр. 14): «Эта теория (картезианской материи *В. Ю.)* очень трудна для понимания, но раз мы согласимся с посылками, она строго верна в своих следствиях.

Это одна из тех алгебраических истин, в достоверности которых мы тем более уверены, чем меньше мы в состоянии представить себе их наглядно».

Значит, это истина для разума, но не для нашей способности воображения, дискурсивная, а не интуитивная истина, как сказал бы К а н т.

Очевидно, что Ламеттри, эмпирик по инстинкту, решительный враг отвлеченных понятий, не мог долго удовлетворяться таким алгебраическим миром. Его влечет к атомизму, он бессознательно переходит в лагерь атомизма даже в цитированной выше фразе: он не отрицает атомистической структуры материи, но не считает ее первичной, а производной. Атомы могли образоваться из плотной материи под действием двух сил, соединяющей и раз'единяющей.

Но тут получалось опять затруднение. Для такой конструкции материи нужно было предположить существование двух сил, а Ламеттри знает только одну силу. Ему, видно, были неизвестны современные учения об относительности понятий противоположных сил: притяжения и отталкивания, являющихся собственно выражением одной силы, действующей только в различных формах, в зависимости от расстояния. Об'ясняется это тем, что Ламеттри был преимущественно биологом, между тем как даже для физиков эти теории были пока еще новостью.

Такой дуализм сил был, конечно, неприемлемым для нашего автора, он завлек бы его в дебри философской мифологии, в область эмпедоклевой φιλία и νεῖκος. Правда, у его учителя Бургава встречались такие пережитки «мифологии»; так, например, он об'ясняет еще химическое сродство виталистически, посредством понятия «amicitia». Но Ламеттри был слишком критичен, чтобы следовать в этом отношении за своим учителем.

Нужно было подыскать другой выход. Таким выходом был атомизм. Теперь впервые появляется у Ламеттри и идея пустого пространства в промежутках между атомами. Он упрекает Мальбранша, известного фантаста и путаника в том, что он отрицает пустое пространство («nie le vide»).

В сильных выражениях обрушивается он против концепции материи у Декарта в «Кратком изложении систем» («Abregé des Systèmes»): «Представляют себе, что существуют три рода частиц или материи в мире: «corpora subtilia» (материальная «пыль», образующаяся по Декарту, благодаря трению друг о друга больших масс материи. *В. Ю.)*, «corpora globulosa» (шарообразные частицы) и corpora striata.

Эти частицы заполняют плотно вселенную, так что она абсолютна полна. Но без Ньютона, без пустого пространства (le vide) древних, нет физики, нет механики и астрономии». (204).

Таким путем возвращается Ламеттри к древним, собственно говоря, к Гассенди и старается соединить учение Гассенди с физикой Ньютона. Насколько эта попытка оправдана и имеет ли она под собой почву— это уже другой вопрос, который здесь решать неуместно. Но это замечание Ламеттри доказывает, что во взглядах Ламеттри на силу начался уже процесс брожения, что догматическое истолкование силы, как элемента, отличного от материи перестает его удовлетворять. Он мечтает о каком-то синтезе атомизма и динамизма. С этим вопросом мы встретимся еще в другом месте.

О переходе Ламеттри к атомизму свидетельствует еще одно место из «Трактата о душе» (стр. 15): «Между тем еще до Декарта усматривали некоторые древние философы сущность материи в плотной протяженности (une ètendue solide). Однако это мнение, за которое с таким убеждением стояли картезианцы (que les Cartesiens ont tant fait valoir) было во все времена опровергаемо успешно очевидными аргументами (raisons), которые мы изложим впоследствии; потому что порядок изложения требует от нас предварительного решения вопроса о свойствах материи».

Спрашивается, как об'яснить эти колебания Ламеттри между атомистикой и картезианством? Кроме трудностей самого вопроса, подчеркиваемых многими философами математиками и физиками того времени, я думаю, что немалая доля вины в этом отношении падает на Локка. Локк был, как это подчеркивает неоднократно Ламеттри, его путеводной звездой и великим учителем. В главе «о гении» («Трактат о душе») Ламеттри становит Локка в разряд крупнейших гениев, с которыми не может быть сравниваем даже Декарт. Мы знаем, впрочем, какое значение имел Локк для развития французского материализма XVIII века вообще. Во многих местах своего «Трактата о душе» и «Человека-машины» Ламеттри пользуется фактическим материалом, почерпнутыми из Локкового «опыта». Убеждение Ламеттри, например, что животные могут научиться человеческой речи, является отголоском соответствующих рассуждений Локка в «Опыте».

И, странным образом, в вопросе об атомистическом или неатомистическом строении материи Локк всегда колебался. Мы знаем, что Локк тоже был врачем, как и Ламеттри и как он, не очень выдающимся физиком. Известно, что он просил Ньютона написать ему изложение своих «Principia» без математических формул, которые были для него непонятны.

Очень вероятно, что долгое колебание Ламеттри имело своим источником то обстоятельство, что его уважаемый учитель не достиг в этом вопросе окончательных выводов. Из его примеров сжимаемости различных тел (Abhandlungen über menschlichen Verstand, Bd. I., стр. 128) следовало бы, что Локк является атомистом. Но на стр. 127 он говорит: «Я не задаюсь вопросом, являются ли условия существования тел такими, что одно из них не может двигаться, если не движется другое... Ответить на этот вопрос простым «да» или «нет», это значит решить в том или ином смысле вопрос о пустом пространстве» (nach dem rakuum). И на протяжении всего опыта нельзя найти определенного ответа.

Кроме материи Ламеттри принимает в этот первый период развития своих взглядов на материю, еще другой принцип, принцип силы, как отдельный момент действительности.

Разве он мог оставаться у него долго в таком виде? Разве он мог сохраниться навсегда при явно монистических тенденциях автора, которые он подчеркивает неоднократно?

Что старалась побороть философия Ламеттри?—Дуализм во всех его видах. Конкретно, надо было опровергнуть Декартову идею бога как первого толчка, его мысли о crèation continuée, как несогласованные со всей системой Декарта (и заимствованные впрочем от Аристотеля и его τὸ πρῶτον κινοῦν) и как следствие этой первой предпосылки—духовную субстанцию—душу. Но не является ли существующая отдельно от материи сила только более современной модификацией идеи бога? Не может ли она с течением времени опять гипостазироваться в бога, в идеалистический νοῦς? Вот какие вопросы встали перед Ламеттри. Его точка зрения пока не устраняла дуализма.

Справедливо и метко говорит о том же вопросе Дюбуа-Реймонд в своих «Untersuchungen über die tierische Elektrizität»: «Сила, насколько она мыслится как причина движения, есть ничто иное, как замаскированное порождение непреодолимой склонности к олицетворению, которая нам врождена, как бы реторическая уловка нашего мозга, который хватается за иносказательный оборот, потому, что ему недостает ясного представления для прямого выражения. В понятиях о силе и веществе мы видим возвращение того же дуализма, который обнаруживается в представлении о боге и мире, о душе и теле. Это, в утонченном виде та же потребность, которая некогда заставила людей населить рощи и источники, скалы, воздух и море созданиями нашего воображения. Что мы выигрываем, когда говорим, что вследствие взаимной силы притяжения сближаются между собой две вещественные частички? Ни тени проникновения в сущность процесса. Но, довольно странно, для присущего нам стремления к причинам, есть некоторого рода удовлетворение в непроизвольно являющемся перед нашим внутренним оком образе руки, которая слегка подталкивает косную материю, или невидимых рук полипа, которыми частички вещества обхватывают одна другую, стараются притянуть к себе друг друга, наконец сплетаются в один узел» (Vorrede, стр. XL и след.).

Очевидно, что такого рода мысли должны были заставить Ламеттри искать выхода из затруднений, возникших из дуалистической концепции действительности. Нужно было соединить материю с силой, найти единство в взаимопроникновении друг с другом этих элементов, совершить их «бракосочетание» (mariage), как выражается в другом месте Ламеттри, перефразируя Аристотеля.

Но все-таки, пока Ламеттри не пошел по этому пути. Некоторые мысли Локка, — теория первичных и вторичных качеств, — отвлекали его в сторону. Ламеттри старается устранить дуализм материи и силы, но таким образом, что материя совсем улетучивается.

Что такое «плотность» (Solidité) материи? Благодаря чему мы говорим о ней?

Идея плотности материи возникает у нас, по Локку, посредством чувства осязания. Но ощущение осязания, именно как ощущение, дает нам только вторичные качества. Они представляют собой только нашу реакцию на действительность, а не действительность самое.

Тут отразился на развитии Ламеттри идеалистический уклон Локка, о котором говорит А. Деборин в своем «Введении», стр. 78 и др. Между нашими ощущениями и материей теряется всякая связь.

Ламеттри угрожает поворот в сторону Беркли. От такого падения его спасает, однако, его реалистическая натура. Но все-таки мысль Ламеттри переживает тяжелый кризис. Внешние контуры этого кризиса запечатлены на страницах 14 и 15 его «Трактата». Там встречаются какие-то странные на первый взгляд намеки и робкие полуслова об étendue metaphysique (метафизической протяженности), которые не вяжутся совсем с обычным течением мысли Ламеттри, как мы его проследим до сих пор.

Ламеттри переживает фазис влияний совсем другого рода. Процитируем упомянутые выше места: «Протяженность материи, это только протяженность метафизическая, которая не имеет в себе ничего чувственного (qui n'offre rien de sensible), по мысли тех же философов. Они думают совершенно правильно, что только плотная протяженность может действовать на наши чувства. Нам кажется, что протяженность является только аттрибутом, который является только частью ее метафизической формы; но мы далеки от того, чтобы полагать, что плотная протяженность составляет ее сущность».

Место очень темное; выяснение его кажется делом почти безнадежным. Не надо забывать, что речь идет здесь о материи, для которой плотность более или менее абсолютная должна являться существенным свойством. Между тем, Ламеттри утверждает, с одной стороны, что без плотности мы не ощущали бы материи совсем, с другой стороны, он считает плотность чем-то несущественным для материи. Эти кажущиеся противоречия можно согласовать друг с другом только таким образом, что плотность существуют и об'ективно, и действует на наши чувства. Но вместе с тем, она является об'ективно не чем-то первичным, а производным. Только в таком истолковании можно понять это место.

Пока мы только на краю берега. Пока мы только знаем, что существуют два вида протяженности, одна плотная, чувственная, другая—метафизическая. Плотная протяженность не является, следовательно, протяженностью par excellence, она имеет под собой другую основу.

Но какова эта основа?

На первый взгляд кажется, что Ламеттри возвращается опять к картезианским мотивам. Припомним себе, какая цель стояла перед Ламеттри: он должен был обосновать возможность плотной протяженности, но таким образом, чтобы эта плотность не была лишь следствием реакции нашего чувства осязания, а чем-то «первичным». Дальше, он должен был устранить дуализм материи и силы. Декарт решал своеобразно эту проблему; правда, его аргументы не выдерживали никакой критики, но могли пленить в первый момент. Декарт «геометризирует» материю; она—плотная протяженность, но ее плотность не имеет динамического характера, не является «сопротивляемостью». Декарт собирается заменить динамику кинематикой, об'яснить, например, почему и как все тела движутся по направлению к центру земли, хотя им не присуща никакая сила. (Discours de la méthode). Его конструкция материи монистическая. И его протяженность имеет умозрительный, «метафизический» (в переносном значении) характер, так что к ней подошло бы, по всей видимости, название «étendue metaphysique».

Но Ламеттри не пошел во второй раз по стопам Декарта. Протяженность Декарта не имеет отношения к чувствам, которого Ламеттри не отрицает. Действие на чувственные органы предполагает момент силы, которого у Декарта нет.

Нам нужно обратиться к другим источникам и к другим возможностям истолкования.

Дело станет яснее, когда мы обратимся к «Краткому изложению систем» и к его рассуждениям о философии Лейбница. На стр. 219 он говорит: «Эти существа, которые в отдельности, взятые каждая для себя, являются монадами, или субстанциями, образуют путем соединения (par leur assemblance) тело или протяженность, протяженность метафизическую (курсив мой *В. Ю.),* как я уже сказал в IV главе.

Кроме того, он приводит в цитированном месте шесть других тезисов Лейбница, которых он не отрицает, но и не одобряет, как будто хочет тем доказать, что он согласен с Лейбницем, только на другой, не спиритуалистической почве. Что это не только обычное об'ективное изложение Лейбница, не касающееся убеждений самого Ламеттри, явствует уже хотя бы из того факта, что не ко всем пунктам доктрины Лейбница относится он так беспристрастно и хладнокровно. Так, например, в том же месте он высмеивает идею предустановленной гармонии и принцип достаточного основания principe de la raison suffisante, который он называет едко principe de la raison inutile.

Из этого следует, что Ламеттри находился некоторое время под большим влиянием Лейбница. Это и понятно; Лейбниц был не только автором спиритуалистической монадологии, но одним из крупнейших математиков и физиков того времени.

Монада монадологии принимала в других работах Лейбница физико-динамический характер; он никогда не отрицал своего родства с Гассенди, влияния последнего на него.

Вот эти-то динамические, но не спиритуалистические моменты Лейбница воспринял на некоторое время Ламеттри, в какой мере—об этом речь впереди».

Но не лишено будет интереса, для раз'яснения вопроса, еще одно место из «Краткого изложения систем» (стр. 217): «Как говорят о человеке и мире Декарта, так говорят и о моонадах Лейбница. Очень возможно, я склонен согласиться (je le veûx), что они соответствуют

действительности. Но мы не в состоянии убедится в этом соответствии».

Соединив теперь идею метафизической протяженности с моментом силы—мы получим какие-то непротяженные центры сил, что-то в роде физических монад, «точечных атомов». Эти идеи напоминают во многом современную «физику полей».

Ламеттри не стоял, конечно, в этом отношении особняком. Такое понятие материи, парадоксально говоря, без материи, висело тогда в воздухе. Оно могло образоваться как доведение до крайних пределов динамизма Ньютона. Именно, в средине этого века Боскович занялся этой проблемой. Он создает теорию об атомах, как центрах сил. Мы знаем, также, что Кант старается в своих «Метафизических основах естествознания» об'яснить протяженность, как следствие действия силы притяжения и отталкивания.

Все-таки Ламеттри не мог оставаться долго на этой точке зрения. Прежде всего должна была броситься ему в глаза парадоксальность его положения: пытаясь спасти материю, он ее потерял. Материя без материи могла увлекать физиков, которых интересовала прежде всего точная формулировка законов и их математическое выражение. Они могли элиминировать, отвлечься временно от одного момента, чтобы сосредоточиться на другом.

«Абсолютный динамизм» в физике понятен, как реакция против физики толчков Декарта.

Но Ламеттри - философ не мог отказаться от действительности, если не хотел быть односторонним. Никакие умные хитросплетения не сотворят протяженности из ничего. Даже бесконечно малые атомы—протяженны, иначе они не физические атомы, а чистые монады. Как результат могло получиться об'ективно — царство духов, помещающееся «нигде», суб,ективно,—чувство сопротивления и конструированная на их основании «чистая материя» с ее «étendue métaphysique».

И Ламеттри делает отступление. Наполненная протяженность вступает в свои парва, составляет существенный аттрибут материи.

Внешним толчком для перехода на новые позиции является резкая критика лейбницианства в форме решительной атаки на самого выдающегося ученика Лейбница—Вольфа, особенно той части его учения, которая трактует о протяженности. Ламеттри цитирует следующее место из «Jnstitutiones physicae» Вольфа: «Простое существо или элемент ни протяженно, ни делимо; оно не обладает никакой формой; оно не может заполнять никакого пространства. Тела являются следствием соединения этих простых существ, из которых они состоят, или так называемыми аггрегатами. Воображение не в состоянии составить себе понятия многих вещей, не воображая себе одну вещь вне другой. Это воображение является причиной идеи протяженности, которая является поэтому метафизической протяженностью, в которой заключается сущность материи».

Такое утверждение Вольфа Ламеттри считает в корне ошибочным, так как оно движется в порочном круге. Познавание различных предметов является предпосылкой идеи пространства, но познание предметов, как различных, предполагает возможность их сопоставления, значит пространства. Пространство играет двойную роль: один раз выступает оно как предпосылка, второй раз как следствие.

Рассуждение Вольфа похожи на теорию пространства идеалистов, — «генетиков», типа Беркли. И они задаются целью «дедуцировать» про-

странство из различных ощущений, но ощущениям уже сначала сопутствует пространство, так как эти ощущения сначала внеположены в отношении друг друга.

Такого рода противоречия у Вольфа заставили Ламеттри пойти дальше. Куда,—это было ему пока неизвестно. Одно только казалось ему очевидным: 1) протяженность существенна для материи, она первична, а не производна, 2) нельзя отделять силу от материи, как две обособленные «сущности».

Момент силы сплачивается теперь теснее с материей, и олицетворяется как ее форма. Наука о формах вызывает сейчас же воспоминание о формах Аристотеля. И больше того, Ламеттри сам ссылается в изложении своей теории форм на древних, под которыми и он и его современники могли подразумевать только Аристотеля и его школу.

Но был ли Ламеттри аристотеликом? Ни в коем случае. Формы Аристотеля и формы Ламеттри, кроме названия, не имеют ничего общего друг с другом. Формы Аристотеля,—понятия телеологического порядка, формы Ламеттри—механического. Формы Аристотеля—«одухотворяющий» материю принцип, у Ламеттри «дух»—функция материи. Ламеттри был решительнейшим врагом телеологии и высмеивает ее на многих страницах своих произведений. От «форм» Аристотеля осталось у Ламеттри только пустое слово, но это слово было ему нужно для «введения в заблуждение Аргусов Сорбонны» (как он замечает о «душе» Декарта). Ламеттри не интересовали слова, а содержание, скрывающееся за словом.

«Форма» материи—это форма ее движения, вид присущих ей сил. Сила дана вместе с материей и реализуется в различных процессах, коим она подвержена. Но «процессом» является и то, что мы называем «формой» тела в узком значении этого слова, понимая под ней геометрические свойства. Материя сама по себе безразлична к таким видам «форм», они должны быть тоже подчинены понятию силы. Самая неопределенная, аморфная форма Лапласовых туманностей — все-таки форма.

Чтобы поставить в зависимость форму материи в широком и узком значении этого слова—от силы, а тем самым исключить возможность представления, что сила как-то «привходит» извне к материи—Ламеттри проводит деление форм на активные и пассивные. Материя должна обладать, прежде чем она примет определенную, конкретную форму, формой вообще, модификацией которой будут дальнейшие, конкретные формы тел. Эти конкретные формы находятся, так сказать, в потенциальном состоянии в общей «пассивной» форме.

Таких пассивных форм четыре: величина, фигура, покой, положение (grandeur, figure, repos, situation). Они исходные позиции материи. «Эти формы являются самыми простыми состояниями, пассивными зависимостями материи (des dépendances passives de la matière), состояниями, которых нельзя отделить от нее, и которые не могут уничтожить ее простоту. Древние думали, что эти механические, пассивные формы не имеют другого источника, кроме протяженности, в том убеждении, что материя заключает в себе потенциально все формы (стр. 17).

Но в каком состоянии находится сила, когда материя не пошла еще дальше состояния формы вообще? Или ее нет? А если нет, так откуда она берется потом?

Развернуться она еще не в состоянии, так как развертывание силы равнозначно принятию материей определенных конкретных форм. Ко-

гда сила развивается, материя принимает вид определенного тела. Следовательно, сила во время пребывания материи в состоянии означенной пассивной формы находится в «предельном» «нулевом» состоянии своего напряжения, в виде «потенциальной», еще не обнаружившейся энергии. Она еще не «force», а «puissance motrice».

Хотя Ламеттри уже давно вырос из Лейбницианской одежды, все-таки нельзя отрицать, что в делении форм заметны следы «vis mortua et vis viva, vis activa et vis passiva», Лейбница.

Мы уже знаем, что пассивные формы материи с некоторой нулевой точкой силы, с «двигательной способностью» являются предпосылкой возможности дальнейших ее модификаций. Бывшие puissances motrices превращаются в forces motrices. Прекрасно излагает это Леметтри на 27 стр. «Трактата о душе»:

«Не без основания полагали древние, что субстанция тел, рассматриваемая в ее первичном состоянии, без определенных форм, не обладает никакой действительностью, а находится только в состоянии возможности».

И тут поднимается вопрос: каким образом потенциальная сила переходит в актуальное состояние. Возможны два ответа: или puissance motrice развертывается самопроизвольно, без всякого влияния извне или она получает толчок извне.

К какому мнению склонялся Ламеттри? Ответ на этот вопрос у него довольно неясен. Но в общем преобладает у него убеждение, что для «освобождения» внутренней силы необходим внешний толчок.

В связи с этим строит Ламеттри свою теорию причинности. Она не лишена интереса из-за ее полнейшей противоположности тому, что Ламеттри говорит о причинности потом. Понятие причинности основывается на факте равенства причины и следствия. Современная механика выражает это равенство в строго-математических формах, руководясь законами сохранения энергии. Причина и следствие — это только различные формы одного процесса. Так думал и Ламеттри в период полной зрелости своего мировоззрения. Но пока его взгляды на причинность другие. Причина является в его глазах только внешним толчком, который вызывает наружу «дремлющие» в данном теле силы.

Здесь нет и речи о соответствии причины и следствия. Причины — еще не действующие причины (causae efficientes), а causae occasionales, как сказал бы Лейбниц. Правда, у них нет мистического привкуса, в духе Аристотеля, но нет и чисто научной точки зрения. Такого понятия причинности придерживались впрочем крупнейшие биологи того времени. Оно появляется еще и в XIX столетии в форме специфических энергий чувств (spezifische sinnesenergieen) Иоанна Мюллера.

Еще раз пришлось Ламеттри подвергнуть основательному пересмотру свои взгляды на материю. Внутренние противоречия набросанной только-что точки зрения, не могли ускользнуть от его проникновенного взора. Forces en puissance, материи in statu nascendi, на грани между состоянием чистой аморфности и неопределенной формы—это все понятия, хорошие как подсобные гипотезы для теоретической физики, но неудовлетворительные для философа-материалиста, а в особенности для такого конкретного ума, каким является Ламеттри. Впрочем неясной была и проблема толчка. Откуда берется толчок раз существуют только имманентные силы? На это, мы не находим у Ламеттри ответа, и такого ответа он вообще не мог дать.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

Понятие «первичной» формы заключало в себе много темных элементов.

Но нужны ли вообще «конструкции» материи? Возможны ли они в виду факта все большего расширения нашего опыта, открывающего все новые свойства тел? Не будут ли такие понятия о материи именно только конструкциями? Вот такие вопросы заставили Ламеттри перейти к последнему своему фазису во взглядах на материю, который можно определить как материалистический номинализм. Существует не материя «вообще», а конкретные материальные тела с определенными свойствами. Мы должны ограничиться исследованием закономерных связей между ними, а не их «сущностью». Так просто решается и проблема силы. Сила — это только «flatus vocis» гипостаза. В действительности существуют только тела в движении.

Таков его окончательный взгляд на материю, который лег в основу дальнейших частей его мировоззрения. Во многих местах своих трудов восклицает Ламеттри восторженно: пора бросить первичные качества, надо позаняться вторичными. Этих слов не надо принимать буквально. Ламеттри хочет этим сказать, что «сущности» материи надо искать в явлении, что явление не отделено от сущности непроницаемою стеною, а обнаруживает ее с определенной стороны.

На несколько десятилетий позже провозгласил кенигсбергский философ свою науку о «вещи в себе». Кант утверждал, также как и Ламеттри, что наука имеет дело только с явлениями. Но явления не говорили ему ничего об об'ективной действительности. Суб'ективные формы созерцания, формы времени и пространства разорвали в Кантовской системе навсегда мир явлений и мир реальности. Понятие явления не было у Ламеттри выражением резиньяции, а стимулом ко все более усиленному, методическому проникновению в материальную действительность.

Материалистов XVIII столетия обычно называют метафизическими. Если слово «метафизический» употреблять в противовес к слову диалектический, тогда это утверждение верно. Но метафизиками в смысле философов—искателей вечных сущностей они не были. А уже, во всяком случае, не был им Ламеттри, развитие которого является упорным стремлением к устранению всего «метафизического». Как мы видим из этого краткого изложения — стремление было увенчано успехом.

Ноябрь 1921 г.

А. Троицкий.

Этические взгляды Гельвеция.

«Мы предпочитаем наслаждаться гениальными проблесками мысли»...

Если среди современных или близких к нам историков философии, не принадлежащих к школе марксистов, еще и можно встретить отдельных исследователей, которые в оценке материализма возвышаются над типом «литературного мелочного лавочника», то гораздо труднее отыскать среди них таких, которые дали бы себе надлежащий труд тщательно изучить и правильно понять мыслителя-материалиста. Эту общую участь материалистов разделяет и Гельвеций, оставаясь, в качестве мыслителя, перенесшего материализм в область наук о человеке, быть может, еще менее понятым и потому более ненавидимым, чем другие материалисты. Даже Ланге (я уже не говорю о тех, тоже, «исследователях»), которые ограничивают свои изыскания простым зачислением Гельвеция в разряд «извергов», следуя за русским крепостником Болотовым), даже Ланге, автор специальной работы по истории материализма, от которого, казалось бы, можно требовать более внимательного отношения к мыслителю изучаемой школы, ограничивается тем, что из семи случаев упоминания мимоходом имени Гельвеция в двух повторяет сплетни ученых и неученых тупиц о его тщеславии и развращенности. Но и исследователи, считающие возможным несколько более остановиться на Гельвеции (это, главным образом, авторы работ по этике и некоторые исследователи общественно-политического движения), дают такое изложение его взглядов, с которым едва-ли согласится всякий беспристрастный читатель, и такую оценку, которую вряд-ли может оставить без сомнений всякий, кто даже и не в полной мере знаком с мыслителем. Все они, стремясь отнестись к Гельвецию возможно «более благосклонно» (Гюйо) и понимая, что он «занимает в этике важное и не всегда должным образом оцениваемое место» [1]), дружным хором возвещают ни больше, ни меньше, как отсутствие у Гельвеция большого ума, наблюдательности и даже «способности правильно мыслить» [2]). Разумеется, после такой декларации ничего не останется сделать, как вслед за Морлеем об'яснять бессмертие Гельвеция только тем «одним фактом, достаточным, чтобы дать Гельвецию право на почетное место в истории, что понятие о всеобщей пользе, как об основе нравственности, было заимствовано от Гельвеция тем энергичным и мощным английским мыслителем, который» и т. д. [3]), словом Гельвеций бессмертен потому, что

---

[1]) Иодль.—История этики, т. II.
[2]) Морлей —Дидро и энциклопедисты, М., 1882 г. 360 стр.
[3]) Морлей, цит. раб. 348 стр.

его, по словам Маркса, «остроумные вещи неостроумно излагал Бентам». Морлей, в качестве нелишенного известного остроумия английского буржуа, мог считать этот вывод логически обоснованным и исчерпывающим вопрос об оценке Гельвеция: но всякому иному человеку, над которым не простирается обаяние английского патриотизма (Морлей так и писал: «для нас, англичан») — чрезвычайно трудно уверовать в такую мощь влияния Бентама на своих предшественников, чтоб отраженный свет этого «гения буржуазной глупости» был в состоянии придать бренным останкам, не имевшего способности правильно мыслить, Гельвеция печать бессмертия.

Так путаются в противоречиях эти исследователи, на мой взгляд, не понимая Гельвеция. А между тем он достаточно интересен, чтобы ценить знакомство с его доктриной, и не так труден, чтобы мог остаться не понятым... Попытаюсь разобраться в его этических взглядах, поскольку это возможно в пределах одной работы «Об уме».

Для всякого мыслителя чрезвычайно характерным является метод его исследований; в методе всегда обнаруживается связь мыслителя с общими достижениями эпохи, и характер метода определяет его, так сказать, во времени, указывая, принадлежит ли он к последним представителям уже прошедшего вчера, или это один из первых вестников грядущего завтра. На этот счет Гельвеций едва ли может вызвать сомнения; его позиция здесь настолько ясна, что даже упоминавшиеся критики не могут не понять его: «новатор» — довольно частый эпитет, которым они сопровождают имя Гельвеция. Гельвеций, знающий Спинозу, едко высмеявшего философов, вместо этики сочинявших сатиру, хочет в своем исследовании, подобно Ламеттри, опираться только на посох опыта. «Я восходил от фактов к причинам. Я полагал, что этику следует трактовать так же, как и все другие науки, и создавать этику, как создается опытная физика» [1]), говорит он в своем предисловии к «Об уме», обещая «остановиться (в исследовании) там, где наблюдение нас покидает и иметь мужество не знать того, что знать еще не дано» [2]). Он еще не может освободиться, выражаясь словами Маркса, от «излюбленного просветителями XVIII ст. способа об'яснения: не умея разгадать происхождение и процесс развития загадочных форм человеческих взаимоотношений, он об'ясняет их сознательно разумным творчеством», но он совершенно верно и по-современному собирается строить свою этику, отправляясь от истории. Он убежден в необходимости такого историзма и уверен, что избежать ошибок при построении этической системы можно только в том случае, если под нее будет подведено «несокрушимое основание из фактов и опыта», взятых из области истории человечества. «Оба рода философов,—говорит Гельвеций про платоников и скептиков,—одинаково впадают в ошибку, но и тот и другой избежали бы ее, если бы внимательно вникли в историю» [3]). Эта чрезвычайно существенная особенность методологического характера является одной из черт Гельвеция, роднящей его с современным материализмом, — чтоб согласиться с этим, стоит лишь припомнить соответствующие места из Энгельса, Каутского. Не безынтересно также отметить, что и исследователи, подобно покойному М. Ковалевскому, не разделяющие материализма в целом, в этом отношении идут тем самым путем, который по-

---

[1]) Гельвеций. Об уме. ПБ. 1917 г. 29 с. (предисловие).
[2]) Гельвеций. I. с. 22 с.
[3]) I. с. 86 с.

казал и которым шел Гельвеций. (См. интересный очерк Ковалевского «Обоснование дозволенных и недозволенных действий» в сб. № 4 «Новые идеи в социологии»).

Итак, только путем тщательного изучения («мораль, как и всякая наука, требует большого изучения и размышления», — замечает где-то Гельвеций) исторических данных можно удовлетворительно выполнить задачу создания не фантастической этики. Какие же выводы позволяет сделать такой исторический подход? Прежде всего он позволяет установить, что «в мире нравственном происходит то же, что и в мире физическом: нравственный мир, как и физический, находится в постоянном и последовательном разрушении и созидании» [1]). Движение, а не покой — вот, что характеризует мораль; и здесь нет абсолютных истин, годных для всех времен и народов: ни откровение, ни гений не могут создать морали, пригодной на все времена и для всех наций. Время необходимо приводит и здесь к революциям, и дать единый, пригодный «на вся веки», масштаб морального нельзя: ведь «несомненно, что если судить о нравственности с точки зрения, существующей теперь в Европе, самые добродетельные греки покажутся развратниками» [2]). И только лицемер будет строить этику, продолжая витать в заоблачных высях фантастики абсолютов; тот же, «чье сердце согрето стремлением к общему благу», спустит этику из этих высей в кипучий поток живой человеческой жизни, не смущаясь тем, что она благодаря этому становится подвержена закону «постоянного и последовательного разрушения и созидания»... Было бы не безопасно стараться во что бы то ни стало вставить Гельвеция в рамку нашей современности, — сдается мне, что этого вовсе и не требуется, — но кто из современных материалистов не признает в этих утверждениях Гельвеция своей собственной точки зрения, и кто не сочтет за честь быть в соответствующей исторической обстановке Гельвецием или вместе с ним?

Таким образом, внимательно вглядываясь в историю человеческого общества, — нужно иметь в виду, что Гельвеций не ограничивает свои наблюдения историей, так называемой «культурных народов», но постоянно совершает экскурсы в область жизни «диких» народностей, используя материал современной ему этнологии, — приходим к заключению, что понятие нравственного изменчиво, что нет такого блага, которое было бы признано всеми людьми за таковое: различие людей определяет различие их оценки. Но если нет абсолютных моральных норм, если те, которыми располагает человечество, относительны, то в отношении к чему же производится оценка? Где критерий нравственного? Может, этот критерий лежит в моей воле, и я по произволу определяю одно действие, как нравственное, а другое, также произвольно, клеймлю печатью безнравственности. Нет, отвечает Гельвеций, произвола здесь быть не может, относительность идеи добродетели вовсе не означает ее фиктивности. Наоборот, призрачен этот самый произвол суждения. Человеческое суждение совсем не произвольно, и вовсе не каприз моего желания его определяет: «наши идеи необходимо вытекают из того, в каком мы обществе живем, что мы читаем, какими предметами мы окружены».

Следовательно, мой личный произвол отнюдь не является критерием нравственного, и «идея добродетели вовсе не есть нечто произволь-

---

[1]) Гельвеций. I. с. 202 с.
[2]) I. с. 96 с.

ное, по крайней мере, у людей, которые живут обществами»[1]). Но тогда где же еще искать начала нравственности. Не останется ли тогда предположить, что нравственность врождена нам, что нравственный критерий изначала присущ человеческой природе и что достаточно родиться человеком, чтоб обладать моралью. Гельвеций и на это отвечает отрицательно, базируясь в данном случае на своей психологии, куда на минуту должен заглянуть и я. Ученик Локка, Гельвеций не знает врожденных идей; все, с чем появляется человек на свет божий, — это «физическая чувствительность», различные модификации которой и составляют все то богатство человеческой психики, наиболее яркий эффект которого мы наблюдаем в гении. Но было бы ошибочно думать, что это богатство развертывается из физической чувствительности самособой, вне условий времени и пространства: здесь огромную роль играет внешний фактор. И чарующая необ'ятность далей мысли и зовущее величие подвига воли — все это, конечно, проявление физической чувствительности, но определяющую роль здесь играет внешний фактор, среда, в которой физическая чувствительность проявляется (при этом не нужно забывать, что Гельвеций вслед за Ламеттри признает значение организации носителя физической чувствительности, но, отступая от Ламеттри, не здесь он ставит ударение). Все, что дано от природы человеку, все это исчерпывается, с одной стороны, способностью ощущать, с другой — влечением к удовольствиям и отвращением к страданиям. Никакой микроскоп не откроет здесь и намека на нравственность.

Таким образом, «люди от природы ни добры, ни злы, но готовые стать теми и другими»; от природы человек—существо внеморальное, и не в соках темперамента нужно искать его особенностей, как существа нравственного. Так где же начало нравственности, что делает человека добрым и злым, в чем критерий морали? Ответ на поставленные вопросы отчасти заключаются в той методологической особенности Гельвеция, о которой я уже говорил. К истории общества обращается он, чтобы производить свои наблюдения над явлениями морали,—в обществе ищет он и начало морали, сюда же относит он и критерий нравственности. Вот почему необходимо, не касаясь социологии Гельвеция в целом, остановиться на его взглядах по вопросу о происхождении общества, что прольет свет и на его этику и устранит некоторые традиционные недоразумения.

Являясь учеником Гоббса и сыном своего времени, Гельвеций строит социологию, не лишенную своеобразия и некоторого значения даже и для нашего времени, исходя из факта существования дообщественного индивида. Сей, чрезвычайно популярный в XVIII веке, представитель счастливого детства человечества предстал перед нашим философом в том самом виде, в каком вышел из рук природы, и, естественно, «совершенно лишенный знания законов», спасовал в его кабинете, не сумев защититься против насильственного отторжения от родной природы, где он вырос; слабое знание языка (он из'ясняется посредством крика) вынудило его согласиться с дальнейшими положениями философа и открыть свою жизненную карьеру наслаждением. Обладай он даже незнанием марксистской литературы, а всего только более членораздельным языком, и он, конечно, подвел бы «социально-экономический базис» под утверждения философа и по-просту раз'яснил бы ему, что про-

[1]) Гельвеций. I. с. 87 с.

исходит простая подмена качеств далекого и малоизвестного философу обитателя первобытных лесов характерными качествами более близкого и хорошо знакомого завсегдатая парижских салонов. К сожалению, дикарь не только что не обучался в институтах, но и не знал языка, насилие свершилось, — и перед нами предстает совершенная абстракция физической чувствительности, из которой выростает «любовь к удовольствию и отвращение к страданию», сеющая, в свою очередь, в сердце абстрагированного дикаря семя себелюбия. Наделенный этими качествами представителей beau monde'a (их мастерски запечатлел в своих «Maximes» Ларошфуко, не оставшийся без влияния на Гельвеция), вышел из рук Гельвеция его злополучный дикарь. Создав его таким, Гельвеций заставил его создать общество, и благодаря этому, уже не мог не считаться с ним в своей этике. Во всех этих операциях над своим дикарем, наш философ, разумеется, не мог проглядеть отсутствия такой существенной части внешнего фактора, определяющего модификации физической чувствительности, какой является общество. Для дикаря нет общества, но зато в его физической чувствительности отсутствует такая модификация, как нравственный мир. Кто внимательно прочтет «Об уме», тот не только согласится, что этика Гельвеция вовсе не есть этика индивидуального наслаждения, но найдет иное, настойчиво подчеркиваемое самим автором. Три вида добродетели, или, по терминологии самого Гельвеция, честности, известны ему: индивидуальная (честность по отношению к отдельному человеку), групповая (честность по отношению к отдельным сообществам) и общественная (честность по отношению к обществу). Все эти три вида (собственно он знает и четвертый — честность по отношению ко всему миру, но не останавливается на нем ввиду его малозначительности в практической жизни) вовсе не равноценны в глазах Гельвеция. «Этот вид честности, — говорит он про общественную добродетель, — единственный, заслуживающий это название». «Человек праведен, когда все его действия направлены к общему благу». Недостаточно делать добро, чтобы заслужить титул добродетельного человека. Если хочешь поступить честно, принимай в расчет и верь только общественному интересу, а не окружающим линам» [1]), так выражается по тому же поводу в другом месте Гельвеций, и тем самым указывает, где нужно искать критерий нравственности. «Общий интерес», «народный интерес, т.-е. интерес большинства», — вот критерий морали. Все, что имеет в виду благо народа, законно и даже добродетельно» [2]), «и сама правда подчинена принципу общей пользы» [3]),— так сильно и подкупающе решительно выражается Гельвеций. Исключите этот момент из общественной жизни, заглушите это чувство общественного интереса, и вы потеряете моральное равновесие, вы впадете в моральный разврат. «Народ судит,—так выражает свою мысль Гельвеций,—сообразуясь с своей выгодой; если бы он потерял из виду свой интерес, не осталось бы ясной идеи ни о доблести, ни об уме» [4]). Теперь становится ясно, чем определяется моральная оценка и почему она не может быть постоянной. История учит, что время неизбежно приводит к революциям, и при таких потрясениях интересы общественные претерпевают резкие изменения, обусловливая тем самым непостоянство моральной оценки и че-

---

[1]) Гельвеций l. c. 56 c.
[2]) l. c. 53 c.
[3]) l. c. 54 c.
[4]) l. c. 82 c.

ловеческих благ. Дальше этого Гельвеций не идет, ему кажется, что открыто последнее определяющее, независимое переменное там, где в действительности найдена новая функция математического ряда. Он кончает там, где следовало бы начинать. Но сделанное им по своему значению велико.

Итак, «под словом добродетель следует понимать только стремление к общему благу, а предмет добродетели есть народное благо, приписываемые же ею поступки суть средства для достижения этой цели» [1]). Дело очевидное, что эта этика не может быть приложена к тому индивидуалисту, от которого начинает свою социологию Гельвеций. Но введя его в свою социологию, он не мог отмахнуться от него в этике, — он должен был выдвинуть специальную категорию честности, честности с неистинной точки зрения. (Воспользуюсь случаем отметить, что гораздо интереснее и поучительнее его вторая категория честности по отношению к отдельным сообществам). И здесь критерием является интерес, но уже личный. Этот личный интерес наш индивидуалист не потерял, когда, взвесив все pro и contra, за благо признал переход в общественное состояние. Совсем напротив, при этом переходе «из всех интересов частных лиц образовался общий интерес, который и дал различным поступкам название справедливых, дозволенных и несправедливых в зависимости от того, были ли они полезны, безразличны или вредны для общества» [2]). Этот личный интерес, чувство «предпочтения, которое каждый испытывает к самому себе и с которым связано сохранение рода», Гельвеций вслед за Ларошфуко — и вполне правильно, расценивает очень высоко, зная о силе и значении его из повседневных наблюдений, правда, не над до-общественным дикарем, а над современным ему обществом. Но не отсюда выводил он свою этику. Делая свои чрезвычайно интересные замечания социологического характера (должен, кстати, отметить, что даже и в его фантастической теории происхождения общества, слышатся, хотя и слабые, но уже новые мотивы, каких нет у его учителей, Гоббса и Спинозы), об'ясняя весь прогресс общества совершенно материальными причинами, он продолжает, переходя к вопросу о морали: «когда общества достигнут этой степени провосходства, тогда совершенно будет нарушено равенство между людьми, тогда они распадутся на высших и низших, тогда слова «добро и зло», созданные для обозначения ощущений физического наслаждения и страдания, распространятся на все, что может вызвать в нас удовольствие или неудовольствие. Отсюда возникнут преступные или добродетельные страсти» [3]). Мораль — явление общественной жизни и из общества нужно об'яснять порок и добродетель. Не природные условия определяют человека, как моральную личность, а общественная среда. Сколько ни изучайте «соки темперамента» и влияние климата на человека, вы не поймете моральной стороны, и в качестве моралиста, будете строить пустую науку, ни мало не способствуя счастью человечества.

Но как же возможна добродетель, раз первичным фактом является интерес индивида. Для Гельвеция здесь совершенно нет затруднения,— ведь общество создано во имя счастья всех, и нет ничего проще, как сделаться добродетельным в правильно организованном обществе, — собственно, здесь даже и не нужно стараться, так как достаточно одного

---

[1]) Гельвеций. 1. с. 87 с.
[2]) 1. с. 18 с.
[3]) 1. с. 212 с.

факта вступления в общество. Но так ли это в жизни? Не совсем, и Гельвеций с глубокой иронией констатирует «странность, что в государствах, наиболее славящихся роскошью и государственным устройством, большая часть граждан несчастнее, чем у дикарей». Где причина этого? «В странах,—отвечает Гельвеций,—с государственным строем искусство законодателя часто состояло в том, чтобы заставить множество людей способствовать счастью небольшого числа их и для этого притеснять это большинство и нарушать все человеческие права по отношению к нему» [1]). Там, где этого нет, где законодатель руководится «компасом народной пользы», там нет разрыва между индивидуальным и общим благом, там нет и пороков. Законодательство в конечном счете определяет моральную физиономию народа. Не чувствуя противоречия с самим собой, Гельвеций часто возвращается к этому. «Пороки и добродетели народа являются всегда неизбежным следствием законодательства его» [2]), так как «подобно воде, принимающей форму всякого сосуда, в который его выливают, характер народов восприимчив ко всякой форме правления» [3]). Эта истина чрезвычайно важна для него; она в состоянии превратить этику из пустой науки в науку, действительно приносящую счастье человечеству. «Если до сих пор этика мало содействовала счастью человечества, то это потому, что моралисты недостаточно часто рассматривали различные пороки народов, как необходимые следствия различных форм их правления, а этика может стать действительно полезной людям, когда она будет рассмотрена с этой точки зрения» [4]), так выражена эта мысль у Гельвеция. Но разве после этого этика не становится практическим руководством для политико-законодателя. «Этика пустая наука, если она не сливается с политикой и законодательством» [5]) — точный и ясный ответ Гельвеция. Этика пустая тарабарщина, если она не является руководством в классовой борьбе, так звучит этот ответ нашего мыслителя, если модернизировать его язык... Нет, не только об'яснял Гельвеций: вглядитесь в эти логически-стройные рассуждения его книги, — вы в них почувствуете страстный призыв революционера...

9 января 1922 г.

---

[1]) Гельвеций. l. c. 18 c.
[2]) l. c. 27 c.
[3]) l. c. 306 c.
[4]) l. c. 101 c.
[5]) l. c. 104 c.

И. Луппол.

Социальная этика Мабли и Морелли.

I.

При изучении работ французских философов и политических мыслителей XVIII века исследователя поражает необычайное сплетение и перекрещивание сходных по содержанию мыслей и положений. Отправляясь от различных философских предпосылок, мыслители нередко приходят к достаточно близким политическим требованиям и, наоборот, исходя из одинаковых метафизических положений, значительно расходятся в построении практического идеала общества. Иногда отдельные детали системы двух, расходящихся в главном мыслителей кажутся воспроизводящими и повторяющими одна другую. Можно ли в подобных случаях говорить о подражании или заимствовании?

В своем труде «Des droits et des devoirs du citoyen», опубликованном лишь в 1788 году, а написанном, по изысканиям В. Геррье, в 1758 г., Мабли пишет: «Je crois que les hommes sont sortis de mains de la nature parfaitement égaux, par consequent sans droits les uns sur les autres, et parfaitement libres» [1]).

В вышедшем в 1762 г. «Du Contrat Sociale» Ж.-Ж. Руссо эту же мысль выразил в знаменитых словах «L'homme est né libre...». Мысль одна, но о заимствовании не может быть речи. Нельзя говорить и о том, что Мабли заимствовал свое положение у Руссо, поскольку последний высказал его уже в «Discours sur l'inégalité parmi les hommes», напечатанном в 1755 г., и поскольку эта работа должна была быть известной Мабли. Правда, Руссо в своей «Исповеди» выразился, что «Диалоги Фокиона» Мабли «без всякой совести понадерганы» из его сочинений, но такой резкий и незаслуженный отзыв сам должен остаться на совести стареющего и все более и более на всех и вся раздражающегося писателя.

Дело в том, что в интеллигентски-буржуазных кругах тогдашней Франции поднимались вопросы, находившие аналогичные решения у различных мыслителей. Философия входила в моду, как говорит тот же Руссо в той же «Исповеди». Самая тема Дижонской академии в 1749 г. «Содействуют ли успехи наук и искусств очищению нравов или их порче?» указывает, что вопрос этот уже ставился, быть может, не в такой отчетливой формулировке, в салонах и кабинетах. Учение о страстях человека, также было предметом боевых дискуссий в литературе и обществе. Один из собеседников в «Principe de morale» Мабли (напеч. в 1784 г.) говорит, что он всю свою жизнь слышал разговоры о страстях...

---

[1]) Я полагаю, что люди вышли из рук природы совершенно равными, следовательно, без прав одних над другими. и совершенно свободными.

Но если нельзя, таким образом, говорить зачастую о заимствованиях, то следует признать роль влияния, непосредственного, одного современника на другого, и посредственного, отделенного десятилетиями и столетиями; таково влияние, напр., на Гельвеция и Мабли брата последнего, аббата Кондильяка; таково несомненное влияние на Мабли древней Стои и Цицерона.

Все сказанное приходится иметь в виду при изучении крупной фигуры своего века, аббата Габриэля Боно-де-Мабли, незаслуженно забытого в XIX веке. Некоторое значение имеет это и для, быть может, более оригинального, но менее многогранного аббата Морелли.

Если взять на себя этот неблагодарный труд механического «возвращения» отдельным философам и школам впервые брошенных ими мыслей, то, несомненно, многое отойдет от Мабли, ибо он не так оригинален, в истинном смысле этого слова, как Руссо, не так разносторонен и всеоб'емлющ, как Дидро, не так глубок, как в своей области Монтескье, если брать современников; однако, Мабли представляет цельную фигуру, достаточно яркую и радикальную для своего времени. Большой эрудист-историк, своеобразный социолог (Observation sur les Grecs et sur les Romains, De l'étude de l'histoire и др.), сильный публицист в общежитейском смысле этого слова (Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés) и публицист - государствовед (De la législation, ou principe des lois), коммунист, правда, непоследовательный, и, наконец, моралист, давший свою систему (Principe de morale),—таковы только крупнейшие грани его разностороннего таланта. Конечно, на Мабли следует смотреть только глазами историка, дальше своего века в выводах он не шагнул, хотя и был колоритным и интересным писателем - радикалом, требующим и по сей день изучения.

Рядом с ним стоит аббат Морелли. Если для Мабли аграрный коммунизм является прекрасным, но давно минувшим и—увы! безвозвратно—золотым веком, то для Морелли коммунизм, это—легко достижимое будущее, всецело находящееся в руках человека. Требование коммунизма превращается у него в катоновское praeterea censeo, повторяемое каждый раз со все бо́льшей и бо́льшей силой и настойчивостью. Но кроме этого железного требования, он оставил только несколько любопытных положений и всерегламентирующие, выведенные чисто умозрительным путем, утопические «законы» для будущего общества.

Что же позволяет нам соединить эти два имени? Ведь при целом ряде общих для обоих положений у них имеются и расхождения, что, между прочим, будет предметом дальнейшего исследования. Их об'единяет задача рассуждений. Пусть конечный конкретный идеал мыслится каждым из них по-своему, оба они хотят, выражаясь словами Морелли, «найти такое положение, при котором для человека представлялось бы почти невозможным быть развращенным или злым, найти, по крайней мере, minima de malis (Морелли. «Кодекс природы», пер. под ред. Волгина, стр. 6). Этого можно достичь, исходя из морали, основанной на природе человека, и средствами политики. Фактически у Мабли не простая связь морали с политикой, а полное слияние их. Мораль, это—домашняя политика (Mably. Principe de morale. Ed. 1792, p. 399), а политика, это—государственная мораль (ibid. p. 212). Играя словами, мы можем выразить общую идею обоих мыслителей понятием «моральная политика» или еще лучше, «политическая мораль».

Подобные мысли проглядывали и у Руссо. В цитированной уже «Исповеди» он говорит, обращаясь в прошлое: «С тех пор мои взгляды значительно расширились под влиянием изучения морали. Я увидел, что все радикально связано с политикой». Отсюда Руссо делает вывод, что «всякий народ будет лишь тем, чем сделает его природа его правительства». Морелли пошел дальше; на современном языке он сказал бы: «народ будет лишь тем, чем его сделает экономика, а потому уничтожьте земельную собственность», но в исходном пункте он согласен с Руссо. Этот-то исходный пункт, на-ряду с общими метафизическими предпосылками, дает историкам право причислять Мабли и Морелли к школе Руссо, а нам—об'единить суммарное исследование их взглядов в одну работу.

II.

Оба мыслителя остаются картезианцами в истолковании сущности бытия: дух и материя—две субстанции, лежащие в основе всего. Это проглядывает у Морелли, когда он говорит об аналогии между физическим и нравственным порядком (Код. прир., 60 стр.), это определенным образом высказывается неоднократно и Мабли: «N' oublions donc pas qu'etant composés de deux substances aussi differents que l'esprit et la matière, mais entre lesquelles la puissance divine a établi de relations constantes et nécessaires...» [1]). (Princ de mor., p. 282.) Последовательный дуализм неизменно должен привести к признанию третьей и образующей субстанции—бога, что и имеется у обоих аббатов. По Мабли, бог—le premier principe et le dernier terme de tout. Бог создал и дух и материю, не только создал, но и установил между ними определенные и необходимые отношения.

Но установив раз этот психофизический параллелизм, бог отнюдь не вмешивается в повседневные дела и действия. К окказионализму ни Мабли, ни Морелли не примкнули; напротив, оба они о Мальбранше отзываются весьма отрицательно. Морелли, напр., говорит о «сатирическом и элегическом вздоре, который наговорили против человеческого рода, древние и новые стоики, всякие Паскали, Мальбранши, Дюге».

Но неправильно было бы думать, что бог Мабли и Морелли—обычный церковный, католический бог. Оба аббата типичны для века просвещения. Из церковных аттрибутов бога Морелли оставляет немногие: бог—создатель вселенной, всеблагое провидение, всемогущая сила, существо бесконечно доброе и мудрое, а главное, благотворящее. Как видно, церковная закваска у философов-моралистов была большая; христианский умеренно-аскетический идеал часто сквозит в их этических построениях, но самое христианство оказывается преломленным в призме учений XVIII века об естественном праве и во всяком случае не официально - церковным.

Не будет смелостью сказать, что аббаты были довольны, когда в христианстве они могли почерпнуть аргументы против собственности, роскоши, и т. п. Морелли с удовлетворением констатирует, что «дух христианства приближал людей к законам природы», но он же обрушивается на христианские правила и обряды, ослабившие его мораль:

---

[1]) Не забудем же, что будучи составлены из двух субстанций столь различных, как дух и материя, но между которыми божественная сила установила постоянные и несбходимые отношения...

«Жизнь... отрешившаяся от земных привязанностей, чтобы предаваться созерцанию, должна была выродиться в бездеятельность для общества и служить часто предлогом к лености» (Код. прир., 43 стр.). Он же обрушивается на монашеский дух, всецело противный законам природы. Мабли, относясь более благожелательно к целибату (по моральным соображениям), тоже негодует, что «бога наделили качествами людей» и нападает на церковные обряды. В конечном счете, христианство и самый бог принимаются Мабли и Морелли, лишь поскольку они не противоречат и необходимы для утверждения их учения об естественном праве. Только в таком боге они и нуждаются. Все это заставляет нас видеть в Мабли и Морелли типичных деистов XVIII столетия.

Не придя к материализму в своих онтологических взглядах, изучаемые мыслители не пришли к нему и через теорию познания сенсуализма. Тем любопытнее представляется нам, как этот сенсуализм в области гносеологии и этики привел их к политическим требованиям, более радикальным, нежели требования их современников-материалистов.

Теоретико-познавательные взгляды Мабли формировались под сильнейшим влиянием Локка и его французского последователя Кондильяка. Он сам признавался, что его этико-политическая система является лишь приложением к гносеологической теории брата.

Вопрос о врожденных идеях уже перестал быть боевой проблемой во Франции XVIII века, будучи давно разрешен отрицательно. Морелли разрешает его в нескольких словах, обосновывать которые даже не берет труда. «У человека нет ни врожденных идей, ни врожденных наклонностей. В первые минуты своей жизни он окутан полным безразличием даже к своему собственному существованию. Первым двигателем, прекращающим это безразличие, является слепое чувство, которое ничем не отличается от такого же чувства у животных» (Код. прир., 8 стр.). А Мабли просто говорит: «Personne ne croit plus aux idées innées de Descartes et de Mallebranche» [1]). (Princ. de mor., p. 332.) Говорить философу о врожденных идеях в середине XVIII века было, очевидно, просто лишним.

Теория познания Мабли тесно переплетается с его учением о страстях, ибо она ему и нужна в таком контексте. Итак, при рождении люди не имеют никаких идей и ограничены в упражнении своих чувств, едва сформированных, следовательно, они не испытывают даже зачатков страстей. Они наслаждаются спокойствием, которое погружает их в глубокий сон. Только ощущения органов внешних чувств порождают довольные или недовольные крики. Их единственная потребность — пища, которая одна способна удовлетворить; это—их единственная страсть; но не от нее, конечно, проистекают все последующие страсти.

И дальше, когда ребенок начинает ходить и болтать больше слов, чем у него мыслей, это еще не момент, который формирует характер человека, ибо нет еще памяти; ощущения от предметов стираются новыми ощущениями. Но мало-по-малу ощущения одних предметов как бы сохраняются и формируют память.

Здесь Мабли считает нужным ввести понятие души. От роста памяти и сил тела увеличивается душа, появляются зачатки страстей: некоторые дети завистливы, ревнивы, хотят господствовать над равными себе и т. д. Ребенок созревает, память обогащается новыми идеями, силы тела дают душе больше крепости, и она, в свою очередь приводит в движение органы тела, начинают складываться привычки.

---

[1]) Никто не верит больше во врожденные идеи Декарта и Мальбранша.

В этом возрасте можно найти еще остатки прежней невинности, это—разум, слабый, со смутными идеями. В этом-то возрасте следует воспользоваться зачатками богатств разума, чтобы укрепить его должным образом; средство—воспитание, которое должно помнить, что разум просвещается опытом. Несомненно, эта душа, которую Мабли под сурдинку вкладывает в человека, значительно нарушает цельность построения, но нельзя забывать, что он—аббат и деист, и без души, отличной от тела, обойтись не может. L'homme, de tous les animaux le plus parfait, душой-то и отличается от животных. «La nature nous a donné une âme faite pour penser, pour nous élever jusquaux vérités les plus sublimes, et nous rapprocher des substances purement spirituelles» [1]). (Princ. de mor., p. 337.)

Таким образом, пока все люди развиваются одинаково. Где же причина различий в характерах, почему уже в начале зрелого возраста у людей разные страсти и в разных количествах? На этот вопрос Мабли дает ответ только предположительный. Он колеблется, материальные и идеальные причины приводят в движение чашки весов. Он говорит и о различной циркуляции крови, и о декартовских les esprits animaux, plus rares ou plus abondans, указывает на философов, сводящих все к моральным причинам. Его дуализм, наконец, заставляет резюмировать: «Peut-être aussi, mes amis, que ces causes, soit physiques, soit morales, concourent á la fois à former la différance de nos caractéres; et cette opinion me parait la plus probable» [2]) (ibid., p. 339). Правда, в конце своего «Principe de moral» Мабли как бы противоречит себе, говоря, что природа предопределила некоторых быть более талантливыми и вести других; с этим противоречием у мыслителя приходится считаться.

Мы не будем следить вместе с Мабли за каждым возрастом человека и за модификациями страстей соответственно этим возрастам, ибо, будучи само по себе интересным, это выходит за пределы нашей задачи, относясь к учению о частной морали.

III.

Прежде чем говорить о теории страстей и о политической морали Мабли, необходимо остановиться на его методе, типичном так же и для Морелли. В своей необыкновенно яркой и талантливой полемике с физиократами Мабли уничтожающе критикует метод Мерсье де ля Ривьера, метод, в котором «очевидность» играет колоссальную роль. Он говорит: «Il n'en est pas des vérités morales et politiques comme des vérités géometriques» [3]). (Doutes sur l'ordre naturel... Ed. 1792, p. 45.) Относительно положений Евклида не может быть никакого спора, но мораль и политика—дело другое. В геометрии простые предметы, здесь сложные; там один об'ект исследования, здесь сразу десятки. К этим препятствиям присоединяются сотни предрассудков, частных интересов, которые нас обманывают, в то время, как мы их не замечаем. «Enfin, les passions s'enflamment et elles ne balancent point à prendre pour l'évidance une opinion qui leur est

---

[1]) Природа дала нам душу, созданную для того, чтобы мыслить, чтобы поднять нас до наиболее возвышенных истин и приблизить к всецело духовной субстанции.

[2]) Быть может, также, друзья мои, эти причины, будут ли они физическими или моральными, вместе содействуют образованию различий наших характеров; и это мнение кажется мне наиболее вероятным.

[3]) Нет таких моральных и политических истин, как истины геометрические.

favorable» [1]) (ibid., p. 45). Несомненно, рассуждение это не потеряло ценности и для наших дней.

Мабли применяет в своих исследованиях метод догматический и исторический; для своего времени он был недурным историком с уклоном в область социологии. На его ранних работах заметны следы влияния Вольтера и Монтескье. В трактате «De l'étude de l'histoire» он так называет первую главу: «Que l'histoire doit être une école de morale et politique». Но нужно помнить, что его исторический метод целиком укладывается в рамки XVIII столетия. Истины, которые Мабли должен вывести, зачастую найдены им умозрительно, и он принужден насиловать свой метод, чтобы притти к тому, к чему он пришел спекулятивным путем. Мабли видит в истории то, что хочет видеть и что ему нужно видеть из пропагандистских целей. Так Мабли доходит до признания средневекового Карла Великого конституционным королем, ибо ему нужно показать, что «nous avons été libres... nos péres ont vendu, donné et laissé détruire leur liberté [2]).

Сенсуалисты Мабли и Морелли, сами того не сознавая, остаются рационалистами в методе. Природа, провидение, разум делают то, что нужно философам. Для Морелли, например, ничего не стоит сказать в виде категорического довода против возражений: «Не таковы были, однако, намерения высшей мудрости; она хотела» и т. д., и затем идет положение, выведенное всецело умозрительным путем. Мы принуждены были сделать это отступление, чтобы стали понятными многие положения из учения Мабли о страстях, чтобы далее не всегда верить ему, когда он ссылается на опыт и наблюдение.

Итак, с того времени, когда человек начинает размышлять, у него наряду с разумом появляются страсти. Что же такое эти страсти? Мабли не дает их теоретического определения, но в различных местах пытается выявить их сущность: Les passions sont aussi anciens que le monde (Princ. de mor., p. 208). Les passions sont l'âme du monde [3]). Страсти—единственная пружина человеческих действий и вообще прогресса, ибо они, как правила, сильнее разума. Страсти должны служить нам в качестве проводников; они даны природой, чтобы нам быть счастливыми. Без помощи страстей наш разум охладился бы и сделался лишь грубым инстинктом.

Естественно, что Мабли критикует стоиков, порицает их за требование свободы от страстей. Страсти необходимы человеку, поэтому природа и наделила нас ими. Однако сам Мабли не избежал влияния стоиков. Он в их учение о страстях ввел, как мы это увидим, элементы диалектики, и в этом его заслуга перед XVIII веком.

Этическое учение Мабли, отправляясь от сенсуализма Кондильяка, весьма близко подходит к этике материалистов (Гельвеций), ибо оно также основывается на «правильно понятой природе человека». Однако мораль Мабли знает не только amour-propre материалистов, но и amour de soi-méme Руссо. Как и у Руссо, amour de soi-méme, любовь к самому себе, появляется у человека раньше. С тех пор, как человек начал думать, он уже должен был любить себя, т.-е. искать счастья. Меня нельзя отделить от любви ко мне самому,—говорит Мабли. Amour-propre появляется только в обществе; это—себялюбие, но оно не противоречит,

---

[1]) Наконец, воспламеняются страсти и они не колеблются принять за очевидное то мнение, которое им более благоприятствует.

[2]) Мы были свободны... наши отцы продали, отдали и позволили разрушить свою свободу.

[3]) Страсти также древни, как и мир. Страсти — душа мира.

как казалось бы, природе существа, определенного жить с себе подобными; напротив, amour-propre есть та связь, которая с наибольшей силой соединяет одних с другими. Дело в том, что человек не в силах один достигнуть счастья, нужна помощь других. И вот существо, которое любит себя, любит все, что способствует его счастью. Под покровительством мудрого правления amour-propre заставляет нас любить жену, друзей, отечество и забывать самих себя; необходимо только сознание, что все равны. Ясно, что стремиться к уничтожению всех страстей, подобно стоикам, нельзя. Но Мабли и против эпикурейцев: нельзя быть милостивым к страстям, которые сделали нас несправедливыми к равным себе и которые помешали нам быть счастливыми.

Первый тезис Мабли, таким образом, следующий: страсти необходимы; они могут привести нас равным образом к добродетели и к пороку; добродетельные страсти легко могут превратиться в порочные, и наоборот; наши добродетели смешаны с пороками. «L'homme, il est vrai, porte en lui le principe de tous les vertus; mais il est également vrai qu'il porte encore en lui le principe de tous les vices» [1]). (Princ. de mor., p. 284.)

Собственно, обладать добродетелью во всем ее об'еме люди даже не способны. Тогда достаточно было бы ее одной, чтобы стать счастливым. Но наша натура слаба, мы не ангелы, чего требует Мальбранш. «Etudions l'homme tel qu'il est pour lui apprendre à devenir ce qu'il doit être [2]) (ibid.)

Сама добродетель нуждается в умеренности, ибо, как остроумно говорит Мабли, on cesse d'être sage quand on commence à l'être trop [3]). Количество переходит в качество, самая добродель превращается в порок. Милосердие, если оно слишком неразборчиво, переходит в слабость, мягкость и леность; любовь к славе, вообще—добродетель (ей противополагается честолюбие, как порок), но она вырождается в суетность, когда думают лишь о своем знатном происхождении, роскоши, элегантности дворца и т. п.

Одна добродетельная страсть без помощи других погибла бы в борьбе с порочными страстями. В действительности, все добродетели находятся во взаимной связи, даже самые отдаленные от них. Рассматривая некоторые страсти порознь, Мабли никогда не забывает этой их связи, обнаруживая таким образом и в этом элементы диалектического мышления.

Он создает целую морфологию добродетелей, располагая их по степеням полезности для человека. На первом месте у него стоит благоразумие (la prudence); он вспоминает Цицерона, которого вообще любит питировать: vivendi ars est prudentia. Собственно, la prudence есть уже la raison éclairée. Без него нельзя заметить тайной связи добродетелей и пороков.

В обществе, где все равны, первое место могла бы занять справедливость, но в наши дни страсти делают усилие изгнать ее, нужна помощь благоразумия, которое учит познанию природы страстей. Поэтому справедливость (la justice) занимает второе место. Третье и четвертое место занимают у Мабли воздержанность, умеренность (la temperance) и бод-

---

[1]) Истинно, что человек заключает в себе основу всех добродетелей, но равным образом истинно и то, что он содержит в себе также основу всех пороков.

[2]) Будем изучать человека таким, каков он есть, чтобы научить его стать таким, каким он должен быть.

[3]) Перестают быть мудрыми, когда начинают быть слишком мудрыми.

рость (le courage). Далее идет целый ряд мелких добродетелей: экономия, милосердие, терпение, благодеяние, благодарение, однако—это добротели как бы второго порядка, падающие с падением первых. Нельзя не признать, что такое расположение страстей напоминает стоиков.

Морелли первой и основной добродетелью признает благотворение; это—основа идеи божества. При господстве благотворения человеку не нужны были бы ни законы, ни мораль.

Из пороков наиболее вредным Мабли считает жадность, скупость (l'avarice), второе место занимает честолюбие (l'ambition). Морелли жадность считает также основным пороком; у него мы встречаем блестящий афоризм: «Вы найдете любостяжание даже на дне бескорыстия».

Но в этом оригинальном и, казалось бы, стройном учении Мабли о страстях обнаруживаются противоречия, лишь только мы рассмотрим отношения страстей к разуму. Разум, по Мабли, является каким-то абсолютным началом добра и счастья человека, и страсти находятся в постоянной борьбе с ним. Мабли говорит инфанту Пармскому (Об изучении истории): «Вы—странная смесь страстей и разума, между коими существует вечная брань». Далее открывается, что разум абсолютно слабее страстей, что в этой неравной борьбе страсти побеждают, и человек становится порочным. Таким образом, здесь как бы стирается вовсе грань между добродетельными и порочными страстями, все они оказываются порочными, а на противоположном полюсе остается один слабый разум. И природа сделала это сознательно. Определив людей к счастью, она не дала его готовым, а оставила многое сделать разуму. Счастье готовым не дано, но даны «инструменты», с которыми можно достигнуть этого счастья. Эти инструменты: мир, союз, дружба, согласие, зачатки которых брошены в нашу душу. Их должны развивать «социальные качества». Социальные же качества, это—те же добродетельные страсти, которые должен еще совершенствовать и направлять разум, ибо и они, как мы видели, перейдя границу, могут стать порочными.

Мабли попадает, таким образом, в circulus vitiosus: разум слаб, необходимы «инструменты»; инструменты требуют развития их социальными качествами; социальные качества суть добродетельные страсти; добродетельные страсти должны руководиться разумом, но разум слаб... Тогда Мабли обращается за помощью к внешнему миру: разум просвещается опытом. «Notre expérience nous éclaire». Поэтому особую роль приобретает воспитание и при том медленное. Нужно, чтобы разум просвещался по степеням и чтобы многолетнее воспитание приготовило его к выполнению своих обязанностей. Без длинного детства разум был бы рабом страстей.

Мабли не нравятся даже слишком добродетельные молодые люди. Нехорошо, когда у юноши 18—20 лет уже есть «умеренность и аккуратность»—это признак слабости его в зрелом возрасте. «Не будем требовать от молодого человека, который должен иметь живые страсти, дабы некогда стоить чего-нибудь, чтобы он имел много благоразумия и умеренности в своих удовольствиях» (Princ. de mor., p. 351.) Неважно, если иной раз он будет даже побежден страстями. «И большие вожди бывали побежденными, не теряя своей репутации» (ibid.). «Нужны только границы. В молодости удовольствия любви позволительны; они такие же потребности человека, как и еда; но нельзя быть обжорой ни там, ни здесь, даже в супружеской жизни». Поэтому Мабли для юности намечает только три порока: сладострастие (la volupté), изнеженность (la molesse) и роскошь (le luxe).

Как юности необходимо некоторое количество «яда», так и народы нуждаются иногда в некотором количестве пороков. У Мабли в Principe de morale есть любопытное место; он говорит, что если бы у него в одной руке были все добродетели, а в другой все пороки, то он не сразу выпустил бы в общество добродетели, а не побоялся бы выпустить из рук и порок, подобно тому, как врач, чтобы добиться благоприятного кризиса у больного, применяет иногда яд.

Но разум в своей борьбе со страстями должен и может найти еще одного союзника. Союзник этот—законодатель, государственная власть или, как коротко говорит Мабли, п о л и т и к а. Здесь то и заключается переход от домашней, внутренней, морали к внешней, государственной.

IV.

Как показывает сопоставление ранних и поздних работ Мабли, он пережил в вопросе о роли законодателя в обществе, вопросе необычайно широко обсуждавшемся в XVIII веке, две стадии. Для Мабли, полного сил, характерно, как и для некоторых других мыслителей той же эпохи, придавание громадного значения политике и законодательству и, как следствие, революционные выводы. Для Мабли-старика, напротив, характерно замыкание во внутреннее я и примирение с окружающей действительностью. Мы рассмотрим сперва взгляды Мабли-революционера, уступающего в принципиальной части Морелли, но более трезвого в части практических требований.

В качестве отправной точки мы берем следующее четкое положение Мабли: «Les lois et toute la machine du gouvernement politique n'ont été imaginées que pour venir au secours de notre raison presque toujours impuissante contre nos passions» [1]). (Des droits et des devoirs du citoyen.) Самые правительства устанавливаются для победы разума, более того, общество создано для удержания страстей во имя разума. Только с этой целью человек и вступает в него; отсюда Мабли делает революционный вывод: люди должны повиноваться правительствам только до тех пор, пока те поступают согласно разуму, ибо нельзя отнять у людей право на улучшение их состояния. Это тем более понятно, что l'idée du bien et du mal a nécessairement précedé l'établissement de la société» [2]). Если сделана ошибка, ее нужно исправить.

А ошибка была допущена людьми в свое время, и ошибка громадная, именно—установление собственности. Самые яркие и мощные страницы и у Мабли, и у Морелли те, на которых они говорят об установлении собственности на землю, как о первородном грехе sui generis.

Красной нитью через всю книгу Морелли проходит призыв: уничтожьте собственность! Раздел земли, это summi materia mali. Морелли доказывает это и теоретическими рассуждениями, и примерами из истории первобытных народов Америки, представление о которых у него всецело в духе просветителей XVIII столетия, т.-е. насквозь умозрительно и наивно.

Человек может быть счастлив, только когда он живет согласно законам природы. «После ряда ошибок и испытаний,—говорит Морелли,—

---

[1]) Законы и весь механизм политического управления изобретены только для того, чтобы приходить на помощь нашему разуму, почти всегда беспомощному против наших страстей.

[2]) Идея добра и зла необходимо предшествовала установлению общества.

разум открывает, что нет состояния счастливей простой природы». И вот этот разум подсказывает Морелли, что земельная собственность противна законам природы. Мы не будем искать литературных источников этого положения, иначе мы принуждены были бы заняться изучением Руссо и его генезиса.

Клич Морелли: назад к природе, к аграрному коммунизму, сквозит в каждой его строке, о чем бы он ни говорил. Собственность—корень испорченности; собственность—причина, вследствие которой человек стал вредить себе самому и всему роду человеческому. Говорят, что человек по природе зол. Неправда, скажет Морелли. «Относительно человека, предполагаемого послушным законам природы, нет нравственного зла». Если же сейчас он дурен, то «устраните условия, устраните причины, по большей части от него не зависящие, и он не может быть извращенным, не может ни желать, ни продолжать быть им» (Код. прир., стр. 68). А потому устраните собственность!

Основная заповедь природы человеку—благотворение, не «не делай другому зла, чтобы не вредили тебе», но «делай другим добро, чтобы получать его». Сейчас люди не придерживаются этой заповеди; чтобы восстановить ее в действии,—устраните собственность!

Будучи последовательным, Морелли высмеивает все попытки изобрести лучшую форму правления: «Рассуждайте сколько вам угодно о наилучшей форме правления, ищите средств основать самую мудрую республику»—все будет тщетно,—«вы не подрезали корня у собственности и потому ничего не сделали» (ibid.). «Нужны нравы, цивилизация, законы, правительство,—так говорят все, и столь же усердно повторяю я: правила надлежало почерпнуть в природе. Но природа подвержена порче, человеческие страсти—огонь, который может стать пожаром, так что же;—надо было удалить от них горючие материалы», т.-е. собственность, (ibid., стр. 72). Мы далеки от приписывания Морелли материалистических взглядов в области истолкования истории, но несомненная прозорливость налицо.

Таким образом, Морелли расходится с Мабли в понимании важности законодательства в совершенствовании нравов. Однако уничтожения земельной собственности он ждет от того же законодателя и при том без всяких иных предпосылок. Наивно, как утопист, Морелли спрашивает: «Разве для некоторых законодателей это (уничтожение собственности) было бы труднее, чем диктовать страшные законы? — Нисколько!».

Несогласен Морелли и по вопросу об обязанностях разума. «Назначение разума не в том, чтобы бороться в нас с пылкими страстями». Этого не требуется; нужно только уничтожить идею собственности—и все будет хорошо.

Но как же всеблагой бог Морелли допустил на земле эту альфу и омегу зла? Мыслитель дает ответ мало вразумительный: «Почему провидение допустило столь роковую перемену? — Не знаю!» По Морелли, это не более как случайность, через которую всемогущая сила замышляет человеческий род привести к состоянию доброты. Не трудно видеть, что мыслитель вопрос «почему» заменяет вопросом «для чего», и таким образом вместо причинной связи устанавливает связь телеологическую. Это неизбежно для религиозно мыслящего человека, но абсолютно не научно не только для наших дней, но и для французского «века просвещения».

В противоположность Руссо и Мабли, Морелли обычно считают оптимистом, искренно верящим в то, что можно легко исправить

ошибки «ходячей» политики и морали согласно законам природы. Действительно, тон Морелли неизменно бодрый; главная трудность— устранение собственности, а там воспитание и законы легко укрепят эту счастливую перемену. Но первые же строки вступления к его «Образцу законодательства» способны носеять сомнение относительно оптимизма Морелли. Он пишет: «...К несчастью, слишком верно, что в наши дни было бы почти невозможно основать подобную республику». Оптимизма в этом сомнении мало. Поэтому следует, пожалуй, говорить не о пессимизме Мабли и оптимизме Морелли, а о большом чувстве реальности первого и утопичности второго, если рассматривать обоих под углом зрения XVIII века.

Чтобы покончить с общественным идеалом Морелли, необходимо указать, что он требует устранения только собственности на землю. Те же предметы, которыми человек «будет пользоваться для своих нужд и удовольствий или для своего повседневного труда», Морелли оставляет в частной собственности, что весьма показательно. Все это как нельзя лучше доказывает, что Морелли жил в последние десятилетия феодального строя и при, главным образом, ремесленном способе производства, выражая интересы беднейших ремесленников и наемных рабочих. Отсюда понятны и ссылки бабувистов на «Кодекс природы».

Аналогичные взгляды на роль земельной собственности высказал также Мабли в 1768 г. в своей полемической с физиократами работе Doutes proposés aux philosophes économistes sur l'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques». «Природный и существенно необходимый порядок политических обществ»—так называлась работа Мерсье де ля Ривьера, выпущенная в 1767 г., в которой автор излагал учение физиократов. Как известно, последние между прочим утверждали, что естественными правами человека как в до-общественном состоянии, так и в обществе являются свобода и собственность. Все законы должны лишь развивать эти права. Политический идеал физиократов—сильная самодержавная монархия. Ни с одним из этих положений Мабли не соглашается.

Нам нет нужды следить за этой полемикой подробно, достаточно наметить лишь основные взгляды Мабли. Его точкой опоры является положение: «L'ordre de la nature consiste dans la communauté des biens et l'égalité des conditions» [1]) (Doutes... Ed. 1792, p. 36). Природа была бы нашей мачехой, если бы она осудила нас на это гибельное учреждение (земельная собственность!). От введения земельной собственности произошли все неравенства и пороки.

Мерсье де ля Ривьер различает три рода собственности:

1) личная свобода, так сказать собственность личная (la propriété personelle),

2) собственность движимая (la propriété mobiliaire) и

3) собственность земельная (la propriété foncière.). Вокруг третьего рода собственности и вращается по существу весь спор.

По учению физиократов, первая собственность необходимо присуща человеку, Мабли соглашается; вторая вытекает из первой, Мабли соглашается. Но с тех пор, как люди познали собственность первого и второго рода (с тех пор, как они они стали мыслить), они пришли к пониманию справедливости и необходимости третьей, земельной, собственности, которая как бы рождается из первых двух.

---

[1]) Порядок природы состоит в общности имуществ и равенстве состояний.

Вот с этим Мабли никак не может согласиться. Во всей этой полемике так и чувствуется, что спорят люди различных классовых группировок: идеалы крупных землевладельцев, втянутых в сферу товарного обращения, стоящих у порога капитализма, и идеалы мелкой земельной собственности, ремесленников, мелких торговцев, пролетаризующихся у того же порога грозно шествующего капитализма.

Мабли доказывает, что земля далеко не единственный источник существования общества, что первобытный человек смотрел на землю как на вотчину всех, что не мог даже желать ее собственности, ибо не мог чувствовать справедливости и необходимости последней. Мабли может принять собственность на землю лишь в качестве домена всего общества; граждане—не более как узуфруктуарии. Мабли буквально засыпает противника знакомыми нам уже по Морелли доводами: 1) моральными: собственность ввела праздность и тунеядство, собственность вооружает страсти, которые не слушаются разума, 2) историческими: неизменная для XVIII века Спарта, великая и сильная в век коммунизма и злая и несчастная—после раздела земель, 3) этнологическими, если можно так выразиться: неизменные добродетельные индейцы Америки, к которым Мабли присоединяет отцов-иезуитов в Парагвае.

Мерсье де ля Ривьер оправдывает собственность необходимостью культуры полей, ведь продукты земли—основа нашего существования. Мабли пытается разбить его и как философ и как экономист противной школы: во-первых, поля обрабатываются и при коммунизме (стимулом является любовь к славе), а во-вторых, если бы даже шел разговор о культуре плодов земли, то ей надо предпочесть культуру социальных качеств. Мы—не животные,—говорит Мабли,—у нас потребности не только в пище. Без социальных добродетелей поля останутся необработанными или будут опустошены. В конечном счете, земледелие—плод хорошего управления, а не наоборот. В этом, с нашей точки зрения, парадоксе весь Мабли. Философ называет учение физиократов «деревенским пристрастием», «деревенской философией» и зло, хотя и в мягких тонах, издевается над ней.

В нескольких строках Мабли набрасывает свою теорию происхождения земельной собственности. Тунеядцы ленились и хотели жить на средства других, их не сумели научить полюбить труд; тогда и появилась первая мысль о введении собственности. Мы полагаем, что убожество этой гипотезы было ясно самому автору, по крайней мере, он не развивает ее. Зато в другом месте (Princ. de mor., p. 322) Мабли выражается более решительно и определенно: более умные и ловкие презрели тех, у кого разум был слаб; они отделились от большинства и заставили его подчиниться. Первобытные идеи равенства стерлись. Природа поставила сильных умом руководить слабыми, как отец руководит ребенком, но,—говорит Мабли,—«нашли более удобным и выгодным обмануть их». Конечно, и эта точка зрения наивна, ненаучна, она понятна лишь в глазах философа-моралиста XVIII столетия.

Но на-ряду с такими местами в «Doutes» можно найти проникновенные для того времени мысли о классовом строении общества, более яркие чем у других мыслителей-современников. Таково, напр., рассуждение Мабли («Doutes»., p. 37): «Qui ne voit pas que nos sociétés sont partagées en différents classes d'hommes, qui grâce aux proprietés foncières à leur avarice et à leur vanité, ont toutes des intérêts, je ne dis pas différents, mais contraires? Il faut être bien sûr de son éloquence pour oser se flatter qu'on persuadera à un manouvrier qui n'a que son industrie pour vivre

laborieusement dans la sueur et dans la peine, qu'il est dans le meilleur état possible; que c'est bien fait qu'il y ait de grands propriétaires, qui ont tout envahi et qui vivent délicieusement dans l'abondance et les plaisirs» [1]). Таково же по силе место, принадлежащее де ля Ривьеру и благосклонно цитируемое Мабли (ibid. p. 174), которое мы не приводим, чтобы не обременять работы цитатами.

В трактате «Об изучении истории» Мабли говорит: «Одна из вещей, которая удивила бы древнего, если бы он воскрес среди нас, есть это разделение граждан, которые ничего общего не имеют между собой и коих нравы, правила и предрассудки противоположны» (русский перевод, изд. 1812 г., кн. II, стр. 35).

Принципиальный вывод Мабли по силе и четкости не уступает Морелли: «Интерес частный можно примирить с интересом общественным только при системе общности имуществ (biens) и равенстве состояний (conditions)» («Doutes»... p. 150), только при этих условиях законодательная власть не удалится от правил, предписанных ей природой. Этим выводом Мабли превосходит материалистов-современников, далеко не давших такой конкретной и четкой формулы примирения частного интереса с общим. Дело только в том, что для XVIII столетия, для предреволюционной Франции Мабли (по крайней мере в данной формуле) оказался коммунистом-утопистом, а философы-материалисты практически трезвыми революционерами.

Но... repariunt montes, nascitur ridiculus mus. Когда дело доходит до вывода практического, Мабли сдает все свои коммунистические позиции. Он остается, как и Руссо, целиком на позициях мелкой буржуазии и в отношении прогресса экономики общества оказывается позади кружка материалистов. «Le mal est aujourd'hui trop invétéré pour espérer de le guerir»[2]). «Сейчас нет возврата; раз собственность установлена, безрассудно мечтать об ее искоренении» (De la législation). Мабли, видимо, тоже хочет быть практиком. В упоминаемом уже трактате «Об изуч. ист.» он говорит, «теория ничто, если не последует ей практика». Однако практическое требование Мабли, как только что сказано, не выходит за пределы идеологии мелкой буржуазии, разоряющейся под напором победно шествующего капитализма; таково требование хотя бы приблизительного равенства частновладельческого имущества.

Обращаясь к своему ученику, инфанту Пармскому, Мабли говорит: «Не дай бог, чтобы под видом желания произвести величайшее благо, т.-е. сделать имущества равными, я вас побуждал поднять руку на собственность ваших подданных» (ibid. стр. 120); и дальше, «но если невозможно ныне домогаться спартанского равенства... по крайней мере, удобно изгнать из государства нищету и чрезмерное богатство». Таковы, коротко говоря, экономические требования Мабли на практике. Каков же его политический идеал?

---

[1]) Кто не видит, что наши общества разделены на различные классы людей, у которых, благодаря земельной собственности, их жадности и их тщеславию, все интересы, я не говорю различны, но противоположны? Нужно быть хорошо уверенным в своем красноречии, дабы осмелиться льстить себя надеждой убедить рабочего, у которого для трудолюбивой жизни в поте лица и трудах только и есть его ремесло, что он находится в наилучшем возможном состоянии; что хорошо устроено, раз имеются крупные собственники, все захватившие и восхитительно живущие в изобилии и удовольствиях.

[2]) Зло теперь слишком застарело, чтобы надеяться от него излечиться.

V.

Выше мы уже говорили, что, с точки зрения Мабли, политика есть только государственная мораль. «Les moeurs domestiques préparent les moeurs politiques» (Princ. de mor.). Правительство является тем воспитателем, который должен укрепить разум в борьбе со страстями, который должен, следовательно, усовершенствовать общественные нравы. «Все дела преобразователя напрасны, если он не старается особенным образом произвести добрые нравы в гражданах; на этом-то основании должно быть воздвигнуто политическое здание» (Об изуч. ист.). Конкретно, законодатель отклоняет от порока наказаниями и влечет к добродетели наградами. Так Мабли верит во всемогущество политики. «Политика может сделать разумное общество из толпы людей глупых и злых. Зло—закваска, которая незаметно приготовляет опасные перевороты. Заблуждения могут притти из многих дверей. Политика должна быть часовым» (Princ. de mor.). Словом, в хорошо устроенном обществе добродетели свойственны всем гражданам.

Как же практически нужно построить политическую систему, чтобы общество было «хорошо устроено»? В этой области Мабли представляется нам эклектиком, ибо он хочет соединить разнородные принципы Монтескье и Руссо. От Руссо он берет учение о суверенитете народа: «народ—сам свой законодатель», но он не делает тех выводов, к которым приходит Руссо от учения о неотчуждаемости и неделимости суверенитета. Правда, Мабли рисует напоминающую Руссо лестницу власти и подчинения. Как известно, у последнего она такова: Etat—народ, как подданные; Gouvernement—правительство; souverain—народ, как законодатель (Du contrat social). У Мабли это же представлено в других терминах: подданные повинуются правителям, а правители — законам, которые издаются теми же подданными, но, так сказать, в качестве граждан.

Однако, став на эту точку зрения (неделимость и неотчуждаемость суверенитета), необходимо было отвергнуть вместе с Руссо теорию разделения властей. Ведь у последнего власть исполнительная есть лишь эманация власти законодательной, точнее, вообще суверенной власти: правители—не более как чиновники. Мабли же хочет связать с учением Руссо теорию разделения властей Монтескье, но, делая уступку все тому же Руссо, требует примата законодательной власти; конечно, в последнем требовании его учение для Франции XVIII века, Франции, не видавшей Генеральных Штатов с 1614 года, глубоко революционно и при том практически революционно.

Мабли убежден, что власть правителей всегда и неизменно старается поглотить власть законодателя и ввести деспотию, чего мыслитель более всего опасается. Поэтому-то первую надо всячески принизить. Мабли критикует английскую конституцию, полемизируя с Монтескье, при чем в этой критике выявляет себя более глубоко проникшим в суть вопроса, нежели знаменитый поклонник английского строя. Английский народ, по его мнению, не свободен, ибо у короля слишком много власти: он созывает и распускает парламент и имеет право veto. «Король может много без парламента,—говорит Мабли,— парламент, напротив, не может ничего без короля» (Об изуч. ист.). Если король безответствен, то и «надлежало поставить его в счастливую невозможность быть виновным» (ibid.).

Боязнь деспотизма заставляет Мабли требовать как можно большего дробления исполнительной власти между многими. В этом гарантия ее слабости. «Где монарх имеет всю власть, там правление анархическое». Мабли отечески поучает инфанта Пармского: «Не верьте тому, что говорят о чрезмерной любви народов к своим государям. Дружба имеет свои правила, и природа не определила человеческому сердцу любить, не будучи любимым» (ibid. кн. III, стр. 52). Быть может, сам наставник не сознавал той иронии, какая заключалась в этих словах, обращенных к одному из будущих «венценосцев».

Но Мабли высказывается и против демократии, демократии по представлениям просветителей XVIII столетия, т.-е. античной демократии, прямого народоправства, как сказали бы мы теперь. Все его симпатии на стороне той формы правления, какую в его время называли gouvernement mixte или системой контрфорсов, le système chimérique des contre-forces, как называли ее презрительно физиократы.

В полемике с последними Мабли говорит, что нам не позволено больше подчиняться простым законам природы. Страсти слишком свободны и при деспотизме, и при аристократии, и при демократии. Нужно управление умеренное. «В таком случае страсти сдерживаются, так как нет надежды успеть им в их предприятиях; они направляются к общему благу, потому что каждый доволен своим частным положением».

Симпатии Мабли более других привлекает шведская система. Он восхваляет и, несомненно, идеализирует ее. В ней привлекает философа то, что вся законодательная власть принадлежит сейму, что король рассматривается как равный всем гражданам. Единственные недостатки шведской конституции (1720 года), согласно Мабли, заключаются в том, что король, а не сейм жалует почетные титулы, что власть сенаторов пожизненна, а не краткосрочна, что сейм вмешивается в функции исполнительной власти. В последнем, несомненно, влияние Руссо сказалось в большей степени, чем Монтескье. Согласно Руссо, как известно, законодательное учреждение не должно издавать частные административного характера акты; деятельность его ограничивается лишь изданием общих законов.

Что же в самом деле так привлекало Мабли в Швеции? Очевидно, действительно сила сейма, состоящего из представителей четырех сословий: дворян, духовенства, буржуа и крестьян. Но вопросы представительства, избирательного права, в сущности, мало интересуют Мабли. Была бы лишь законодательная палата. По некоторым данным можно заключить, что Мабли не поднялся до идеи, наиболее прогрессивной в его эпоху, идеи всеобщего избирательного права. И самые Генеральные Штаты мыслятся им именно как сословно-предствительное учреждение. Мабли не стремится к уничтожению сословных перегородок; он хочет только, чтобы сословия уважали друг друга.

Генеральные Штаты должны собираться периодически и при том собственной властью. Исполнительную власть Мабли вверяет правительству во главе с наследственным королем. Король, правда,—зло, но уничтожить это зло пока также нельзя (Des droits...). Король лишь представляет своей персоной величие государства, принимает знаки уважения, имея при всем этом лишь тень власти. (Об управлении Польши.) Сочувственно относясь к Петру I, Мабли указывает, что он сделал не то, что следовало. А следовало Петру провести в России разделение властей по рецепту Мабли. Итак, мыслитель делает два шага

вперед и один назад. В двух словах его идеал—«республиканская монархия».

Отсюда, от этой половинчатости, начинается его проповедь умеренности, воздержания, посредственности, которая может быть охарактеризована словами Горация aurea mediocritas и которая вновь подтверждает классовый характер идеологии Мабли, идеологии ремесла и полунатурального хозяйства.

Умеренность и посредственность должны быть во всем, начиная с общества в целом и кончая частной жизнью отдельного человека. Государство не должно быть большим: «обширные государства—бедствия для людей». И богатым не должно быть государство: «богатство не дает ни счастья, ни могущества; богатство и добрые нравы несовместимы». Если государство будет богатым, соседи позавидуют и пойдут на него войной,—наивно рассуждает Мабли. «То государство вечно, которое довольствуется посредственностью своего счастья» (Об изуч. ист.). В чем же то благополучие, которое является целью социальной политики,—спрашивает Мабли и отвечает: посредственность! Эта проповедь умеренности и посредственности, несомненно, реакционна, но такова в этой области идеология тех слоев мелкой буржуазии, интересы которых выражал Мабли. Соответственно этому Мабли намечает и линии внешней политики государств. Она должна быть также умеренной и основанной на тех же принципах морали.

Состояния отдельных лиц не должны быть крупными, ибо от роскоши одних проистекает бедность других, а «всякая излишняя нужда, рождаемая роскошью, есть цепь, на нас возложенная». Лучше уж бедность всех, рожденная добронравием. «Большие богатства, если бы они не были самим злом, были бы источниками всякого зла» (Princ. de mor. p. 294).

Требование умеренности, как залога счастья, Мабли распространяет на всех без изъятия. Он с удовольствием цитирует шведские законы: «Да содержится он (король) посредственно в отношении одежды и пропитания». Это же требование Мабли переносит и на личную жизнь каждого человека: «Познаем потребности природы, и мы найдем в посредственном счастье необ'ятный излишек» (Princ. de mor.). Умеренные страсти, посредственное счастье, таков этический идеал Мабли.

Будучи доведена до логического конца, эта мораль посредственности должна привести к требованию довольствоваться своим положением, направленному естественно к неимущим классам. И эти ноты сильно звучат в одном из последних сочинений Мабли, в «Principe de morale», напечатанном за год до смерти автора, когда ему было уже 75 лет. «Мы не будем исправлять государств, — говорится там, — они рабы страстей, ошибок и предрассудков, которых освятили привычки».

На политику в этой работе Мабли уже не возлагает больших надежд. Он отводит ей только роль сторожа, присматривающего за страстями, и посмеивается на счет ее бессилия. При развращенности нравов «нужны законы, говорят, наиболее строгие, но обратите внимание, что мир полон подобными законами», а в другом месте выражается так: «В то время как политики забавляются изданием бесполезных законов, страсти, более ловкие, чем они, насмехаются грубо над их реформами». Поэтому Мабли центр тяжести переносит на самовоспитание; надо стараться уменьшать свои потребности, «тогда я не буду иметь никакой досады против великих и богатых. Это дети, которые забавляются игрушками, и философия не исправит их». Этим миро-

любивым призывом довольствоваться тем, что имеешь, Мабли заканчивает «Principe de morale».

Ясно, что от былой революционности Мабли осталось немногое. Но революция, разразившаяся через 4 года после смерти писателя, знала его революционным мыслителем. В 1792 году было издано полное собрание его сочинений. Идеи Мабли отразились на конституции 1791 года, конституции «республиканской монархии».

Конечно, конституция эта, будучи фиксацией реального соотношения сил тогдашней Франции, отражала взгляды не одного Мабли. В принципиальных ее статьях сквозят положения, общие для всей литературы просвещения, но характерно, что эта конституция является эклектической выкладкой, главным образом, теорий Руссо и Монтескье, как такой же эклектикой является и политическая система Мабли. Таким образом, мы в праве сказать вслед за Оларом и Геррье, что в революции Мабли одержал верх над своими учителями.

Особенно в этом отношении характерны статьи 4 и 5 главы I, титула III конституции 1791 г. о созыве и роспуске законодательного собрания силою закона и статья 2 секции 3, главы III, титула III о суспенсивном, а не абсолютном veto короля. Как раз эти требования особенно выдвигал Мабли. С развитием революции Мабли как бы отошел на задний план, и в движении бабувистов мы видим уже идеологическое влияние Морелли.

Мабли должен привлечь наше внимание еще и вот в каком отношении. В то время, как большинство деятелей эпохи просвещения высказывали свои пожелания и требования в общей форме, эзоповским языком и, говоря, например, о деспотизме, постоянно обращались, правда, иносказательно в туманный Китай и Турцию, Мабли высмеивал подобные ссылки на Китай (полемика с физиократами) и не боялся говорить впрямую о Франции. В своих «Наблюдениях над историей Франции» он ставит себе задачу пропагандиста, пытается доказать, что во Франции искони господствовали народные массы, а князья лишь впоследствии узурпировали власть, и открыто заявляет о необходимости созыва Генеральных Штатов. Инфанту Пармскому, будущему герцогу, он прямо говорит: «Истина может подать вам только один совет: соберите чины вашей земли» (Об изуч. ист., кн. III).

Насколько Мабли был известен в свое время за пределами Франции показывает то, что поляки обратились к нему с просьбой составить для них проект конституции. Такое предложение, кроме Мабли, получил только Руссо.

Школа Руссо-Мабли долгое время находила последователей в недрах буржуазного общества, как их политический идеал долгое время являлся идеалом либералов буржуазного государства.

О. Танхилевич.

Учение И. Канта о категориях.

Излагать какой-нибудь отдел «Критики чистого разума» Канта чрезвычайно трудно, ибо «Критика» Канта представляет собой единство системы, и отдельная ее часть, рассматриваемая изолированно, дает неправильное представление о целом. Поэтому совершенно справедливым является требование Канта, чтобы его читатель высказывал свое суждение о «Критике», лишь ознакомившись с общим строением ситемы. Однако вовсе не обязательно при исследовании теоретического разума выходить за его пределы и вторгаться в область практического разума. Существует мнение (Паульсен), что главной целью кантовской «Критики» было обоснование веры. Если стать на такую точку зрения, «Критика» теоретического разума превратится в побочное рассуждение (правда, неизбежное) для достижения основной цели: обоснования умопостигаемого морального мира. В таком случае придется: 1) рассматривать всю докритическую работу Канта, как случайную и 2) совершенно отвлечься от эпохи, в какую жил Кант, и от влияния, оказанного на него Ньютоном. Кант жил в эпоху грандиозных успехов математических и естественных наук, в эпоху расцвета математического естествознания, и, как показывают ранние труды Канта («История и теория неба»), его философский интерес был направлен, именно, в сторону науки. Для чего нужно было Канту утверждение мира ноуменов, сверхчувственного мира, мы узнаем от него самого, и здесь мы увидим, как неосновательно утверждение, что умопостигаемый мир является предпосылкой «Критики чистого разума». Полагание мира непознаваемых сущностей возникло, как следствие критического исследования теоретического разума. В предисловии ко II-му изд. «Критики» Кант определенно указывает, что разделение внешнего мира на «мир явлений» и «мир ноуменов» явилось следствием новой точки зрения, нового научного — трансцендентального — метода. Так как — говорит Кант — точка зрения метафизиков, что наши понятия о предмете сообразуются с предметом, терпит поражение, ибо разум запутывается в противоречиях, прилагая чистые идеи разума к чувственному миру, — следует изменить точку зрения, а именно: предположить, что предметы, опыт сообразуется с нашими понятиями. Этот новый метод Кант нашел, обратившись к математике и естествознанию. Кант считает, что революция в области научного мышления произошла тогда, когда математики и естествоиспытатели стали применять в своих исследованиях априористическую точку зрения. В математике «новый свет открылся тому, кто впервые доказал теорему о равнобедренном треугольнике; он понял, что его задача состоит не в исследовании того, что он усматривает в фигуре или в понятии ее, как бы прочитывая в ней ее свойства,

а в том, чтобы создать фигуру (путем конструирования) с помощью того, что он сам, a priori, сообразно понятиям, мысленно вложил в нее и представил в ней... Естествоиспытатели увидели новый свет тогда, когда Галилей стал скатывать с наклонной плоскости шары, изменяя тяжесть по своему произволу... Итак, даже физика обязана столь благоприятной для нее революции исключительно счастливой догадке (подчеркнуто мной *Т.)* искать (а не выдумывать) в природе сообразно тому, что сам разум вложил в нее». (Кр. ч. р. Пред. ко II изд.). Также и в философии новый трансцендентальный метод появляется вначале в форме догадки, научной гипотезы. Эта гипотеза должна быть оправдана экспериментальным путем, подобно тому, как гипотеза математиков и физиков была доказана на экспериментах. В сущности, вся «Критика» направлена на доказательство этого «a priori» и, поэтому, она может рассматриваться, как «эксперимент чистого разума». Согласно этого, полагание сверхопытного мира явилось следствием трансцендентального метода, и «мир ноуменов» служит лишь отрицательным подтверждением правильности априорной точки зрения, ограничивающей поле своего влияния областью опыта. В этом смысле практический разум может рассматриваться, как ограничительное определение теоретического разума, так что теоретический разум представляет собой, известным образом, законченное единство, как систему априорных знаний. В силу этого, наше исследование, не нанося ущерба единству кантовской системы, может быть ограничено областью познания из теоретического разума. Эта система априорных знаний из разума представляет собой замечательный образец развития одной мысли, одной тенденции: единство разума и, вытекающее из него, единство опыта. Анализ Канта, исходя от низших инстанций, поднимается к более высоким и достигает, наконец, высшего основоположения рассудка; так что, поднявшись на более высокую точку зрения, мы отсюда в совершенно ином освещении обозреваем всю систему. Те формы чувственности, напр., которые на низшей ступени представлялись нам самостоятельными, с высшей точки зрения, являются вдруг в ином аспекте, связанными и обоснованными в высшем основоположении. Поэтому, прежде чем приступить к рассмотрению отдельной части «Критики», особенно, основного отдела о чистых понятиях рассудка, где дается обоснование единства теоретического разума,—необходимо, хотя бы, в беглых чертах припомнить связь, в которой возникает это обоснование. Для восстановления этой связи обратимся к сочинению Канта 1791 г.: «Какие действительные успехи сделала метафизика в Германии со времени Лейбница и Вольфа», где Кант, пройдя синтетический путь «Критики чистого разума» и аналитический «Пролегомен», мог дать догматически-сжатое изложение своей системы.

В этом сочинении Кант называет «метафизикой» не только науку, стремящуюся посредством разума перешагнуть от чувственного познания к познанию сверхопытному, но также и трансцендентальную философию, ибо она содержит условия всякого познания a priori. В этом смысле он определяет разум, как неэмпирическую, априорную способность познания. Как сам Кант оценивает свое положение в истории философии? Он полагает, что философия в его время вступила в 3-ю стадию своего развития,—стадию критицизма чистого разума. Предшествующие стадии — догматизм и скептицизм — не достигли своей цели — поднять метафизику до степени науки, по следующим причинам: догматизм (к догматикам Кант относит также Лейбница и Вольфа) в силу того,

что он, пытаясь обосновать метафизику, подобно математике, не учитывал, что математика, познающая свойства вещей a priori, все же остается в области чувственного, ибо она представляет предметы, тогда как метафизике последнее недоступно; что касается скептицизма, он приходит к выводам, что в нашем разуме существуют начала, которые каждому утверждению о предметах противопоставляют противоположное утверждение, так что разум сам себя разрушает. Следовательно, задачей новой философии является критика самого разума. Первый шаг, сделанный в этом направлении, заключается в различении аналитических и синтетических суждений вообще. Отличие аналитических суждений от синтетических заключается в том: 1) что первые всегда априорны, вторые же могут быть эмпирическими, и 2) что особенно важно, логика не может указать условий возможности априорных синтетических суждений. Отсюда, совершенно неизбежен 2-й шаг в исследовании разума, заключающийся в вопросе: как возможны синтетические суждения a priori? Этот вопрос, в частной форме причинности, был поставлен уже Юмом. Третий шаг критической философии заключается в вопросе: как возможно априорное познание из синтетических суждений? Непосредственно за этим Кант дает определения познания и опыта, на которые следует обратить особенное внимание, ибо они представляют собой ключ к пониманию всей критики теоретического разума: «Познание есть суждение, из которого происходит понятие, имеющее об'ективную реальность, т.-е. такое, которому может быть дан соответствующий предмет в опыте». Здесь Кант определенным образом указывает, что синтетические суждения (ибо только они дают познание) суть суждения опыта. Следовательно, вопрос о возможности синтетических суждений a priori совпадает с вопросом возможности опыта. «Но всякий опыт,—говорит далее Кант,—состоит: 1) из интуиции предмета, т.-е. непосредственного и единичного представления, которым предмет дан для знания, и 2) из понятия, посредством которого он мыслится, т.-е. из посредственного представления, заключающего признак, общий многим предметам. Каждый из этих родов представлений, взятый в отдельности, не дает никакого познания, и если существует синтетические суждения a priori, должны существовать априорные интуиции и понятия» (соч. 1791). Суб'ективная форма чувственности не дает еще познания предмета, ибо представление определенного пространства, например, возможно лишь, посредством присоединения одной части его к другой, или построения его, которое производится через понятие сложения. Это понятие сложения есть трансцендентальная апперцепция—высшее априорное понятие, лежащее в основе всех понятий о предметах опыта. Соответственно тому, сколько есть видов сложения или синтеза в мышлении, столько же имеется и чистых понятий рассудка, или категорий, под которые подводится предмет. Говоря иначе, чувственность дает нам материю познания, многообразие ощущений и многообразие чистых созерцаний пространства и времени; но она не дает познания предметов, т.-е. опыта. Возможность опыта обусловлена упорядочением данного в чувственности многообразия созерцания, а это возможно лишь посредством рассудка. Итак, на вопрос: как возможен опыт? Кант отвечает полаганием понятия высшего синтеза, т.-е. синтетического единства апперцепции. Трансцендентальная апперцепция дает обоснование возможности синтетических суждений a priori. Старая Лейбнице-Вольфовская философия не сделала ни шага для обоснования метафизики, именно, в силу того, что она осталась на почве логики, действующей, исключительно,

в области аналитических суждений. «Критика разума» своим различением суждений на аналитические и синтетические, кладет пределы старой логике и дает начало новой, трансцендентальной логике.

I.

Перейдем теперь к самой «Критике чистого разума». Прежде всего, заметим, что главный вопрос трансцендентальной философии: как возможен опыт? — направлен на возможность чистого, научного опыта. Это подтверждают неоднократные заявления Канта, что он стремится обосновать чистую математику и чистое, т.-е. математическое, естествознание. О том же говорят также следующие слова из предисловия к 1-му изд. «Критики»: «происхождение этой пресловутой царицы (метафизики) выводилось (Локком) из плебейской среды обыкновенного опыта». Кант, таким образом, отличает обыкновенный опыт, т.-е. обычное человеческое познание о мире, от научного опыта математического естествознания, обосновать который и является задачей «Критики разума». Кант исходит из факта науки, именно математического естествознания, научное обоснование которого было дано Ньютоном. Что прямой задачей Канта было философское обоснование естествознания, а обоснование математики явилось лишь рабочей, сопутствующей проблемой, постольку, поскольку математика, как средство, входит в состав науки о природе— это видно, хотя бы из того, что полного исчерпывающего обоснования математических основоположений у Канта нет; он дает только метод, формы, по которым могут итти математические построения. И именно потому, что отправным пунктом Канта были ньютоновские основоположения, которые на новых, математических началах строят новое научное понятие опыта, Кант делает основным вопросом трансцендентальной философии—вопрос о возможности опыта. Но мы уже знаем, что суждения возможности чистого опыта суть синтетические суждения, и не просто синтетические суждения, но синтетические суждения a priori, ибо и математика, и естествознание содержат такие суждения всеобщности и необходимости; последнее Кант констатирует, как факт. Связь между чувственностью и рассудком, являющаяся существенным моментом в кантовской системе предопределяется этим фактом связи двух научных дисциплин: математики и естествознания. Поэтому, вопрос о возможности априорных синтетических суждений, поставленный Кантом для математики и естествознания в отдельности, есть, в действительности, один общий вопрос для всей науки в целом: как возможен опыт математического естествознания?

При постановке вопроса о синтетических суждениях a priori, мы заранее знаем, что нужно нам искать для их возможности, ибо у нас есть пример эмпирических суждений, которые все, без всякого исключения, синтетичны. В чем заключается особенность синтетического суждения. «В случае синтетического суждения я должен иметь, кроме понятия суб'екта, еще нечто другое «X» на что опирается рассудок, чтобы познать принадлежность предиката к понятию суб'екта, в котором он не содержится» (1 изд. «Критики», стр. 30). Что это за неизвестное «X» в эмпирических суждениях. «Опыт есть тот «X»—отвечает Кант все в том же 1-м изд., а во 2-м добавляет, что опыт есть не что иное «как синтетическое соединение наглядных представлений». Этим уже предопределены условия возможности синтетических априорных суждений: совер-

шенно очевидно, что для последних неизвестное «X» будет синтетическое соединение в разуме чистых наглядных представлений. Таким образом, с самого начала ясно, по какому пути доказательства пойдет в своем исследовании Кант. Что одно из условий возможности синтетических суждений a priori существует в самой способности нашего разума, именно в чистой чувственности, Кант доказывает в трансцендентальной эстетике; при чем чистые созерцания он находит в чистых формах пространства и времени. Но многообразие чистых интуиций пространства и времени должно быть еще соединено, чтобы получилось суждение. Это соединение Кант мыслит в форме понятия рассудочного синтеза. Следовательно, с точки зрения самого Канта, переход от трансцедентальной эстетики к трансцендентальной логике совершенно очевиден.

Кант различает две способности разума: чувственность и рассудок, но каждая из этих способностей приобретает у Канта двойственный характер; чувственность распадается: 1) на эмпирическую, так сказать, чувственность, непосредственно относящуюся к предметам опыта и производящую эмпирические представления, каковы ощущения, и 2) на чистую чувственность, содержащую чистые созерцания пространства и времени. Подобно этому, Кант полагает две стороны рассудка: «эмпирический» рассудок, производящий эмпирические понятия предметов и чистый рассудок, производящий чистые понятия рассудка, или категории.

На различении эмпирического и чистого, или априорного, мышления Кант строит различие между общей и трансцендентальной логикой. По существу, это есть известное нам различие: общая логика дает обоснование лишь аналитическим суждениям; трансцендентальная,—напротив, должна дать обоснование суждениям синтетическим. Кант определяет общую логику, как формальную науку, отвлекающуюся от всякого содержания суждения; поэтому общая логика может иметь своим содержанием эмпирические понятия о предметах. Напротив,—поскольку задачей трансцендентальной логики является обоснование возможности синтетических суждений a priori, этим самым, она предполагает известное априорное содержание. Трансцендентальная логика имеет дело с правилами рассудка, поскольку они a priori относятся к предметам; следовательно, здесь предполагается, что существуют понятия, a priori относящиеся к предмету, понятия, происходящие из чистого рассудка, подобно тому, как трансцендентальная эстетика открыла созерцания, относящиеся a priori к предмету и происходящие из чистой чувственности. С другой стороны, трансцендентальная логика содержит необходимое условие возможности синтетических суждений a priori: многообразие чистых интуиций пространства и времени, дать единство которым есть задача чистых понятий рассудка. Следовательно, различие между обеими логиками заключается в том содержании знания, с которым они имеют дело, и в их отношении к данному содержанию. (Это различие между эмпирическим и чистым рассудком, а следовательно, и между обеими логиками, намечается Кантом уже в его диссертации 1770 г.: «Интеллектуальное познание бывает: 1) реальным, когда создаются самые понятия вещей и отношений и 2) логическим по законам тождества и противоречия.)

Так как общая логика имеет дело с формальными правилами мышления и отвлекается от всякого содержания знания, она дает лишь формальный критерий истины. Трансцендентальная логика исследует априорные понятия рассудка в отношении их к предмету, данному в

наглядном представлении; поэтому, трансцендентальная логика должна дать критерий истины также и со стороны содержания знания. Критерий истинного познания предмета дает трансцендентальная аналитика, тот отдел трансцендентальной логики, который исследует принципы, без которых ни один предмет не может быть мыслим. Если же разум пытается применить чистые рассудочные понятия, выходя за пределы опыта, т.-е. как бы гипостазирует формальные правила чистого рассудка, тогда получается не логика истины, а логика видимости. Поэтому, трансцендентальная диалектика есть критика диалектической видимости.

В трансцендентальной эстетике Кант дает метафизическое и трансцендентальное истолкование пространства и времени. Метафизическое истолкование направлено на доказательство априорности этих созерцаний, а трансцендентальное—на доказательство возможности познания из априорных представлений пространства и времени, т.-е. возможности построения из них априорных синтетических суждений, предполагающих отношение к предмету. Трансцендентальному истолкованию времени и пространства соответствует трансцендентальная дедукция чистых понятий рассудка, ибо оба рассуждения направлены на доказательство об'ективной значимости суб'ективных условий чувственности и рассудка. Совершенно естественно, что мы можем потребовать от Канта метафизической дедукции чистых понятий, так как, прежде чем доказывать их об'ективное значение, нужно показать, что эти понятия—априорного происхождения, подобно тому, как это было представлено в трансцендентальной эстетике. Кант должен доказать, что в рассудке есть чистые понятия, неэмпирического происхождения, которые сам рассудок производит своей собственной деятельностью; и, в действительности, Кант дает метафизическую дедукцию категорий. Какие требования следует пред'явить доказательству априорности чистых понятий рассудка: «1) Чтобы понятия были чистыми, а не эмпирическими; 2) чтобы они относились к мышлению и рассудку, а не к наглядным представлениям и чувственности; 3) чтобы они были элементарными понятиями и были отличены от производных или сложенных из них понятий; 4) чтобы их таблица была полной и чтобы она совершенно заполняла всю область чистого рассудка». («Кр. ч. раз.», стр. 67). Если сравнить эти положения с положениями о пространстве и времени в метафизическом истолковании, мы увидим, что они за исключением 4-го совпадают, и это вполне естественно, ибо и там и здесь они являются условиями априорности. Каким путем нужно итти, чтобы найти условия априорности чистых понятий рассудка? Как исследовать априорность понятий? Очевидно, поскольку эти понятия обязаны своим существованием исключительно самодеятельности рассудка, исследование должно пойти по пути «расчленения самой способности рассудка», ибо рассудок в самом себе должен открыть источник возможности чистых понятий. Кант, как известно, открывает свою знаменитую таблицу категорий, руководствуясь таблицей суждений общей логики. На первый поверхностный взгляд это кажется совершенно непонятным противоречием, с точки зрения самого Канта. До сих пор мы видели, что он самым категорическим образом противопоставлял общую логику логике трансцендентальной, вплоть до разграничения области чистого и эмпирического рассудка. Общая логика и логика трансцендентальная до сих пор представлялись, как науки со столь противоположными принципами, что их соединение в одном принципе казалось бы просто нелепым. Однако при

более внимательном рассмотрении становится ясным причина и неизбежным необходимость этого соединения. Единство опыта, при котором опыт вообще возможен, у Канта покоится на единстве теоретического разума в целом. Поэтому, чистое и эмпирическое мышления должны быть об'единены в абсолютном единстве рассудка, и в нем они выявятся, не как два разных рассудка, а как одна и та же функция мышления; двойственность рассудка должна быть представлена, как две стороны одного и того же рассудка, иначе будет нарушено единство рассудка, а с ним вместе, и единство опыта. Если мы вспомним, что трансцендентальный метод возникает вначале, как гипотеза, мы признаем вполне законным гипотетическое полагание единства рассудка, хотя оно обосновывается лишь в трансцендентальной дедукции. Вся «Критика», собственно говоря, построена на основе единства разума и доказывает свои положения, исходя из этого единства, представляющего собой вначале только гипотезу. Поэтому, забегая вперед, можно сказать, что и положения о пространстве и времени, и утверждения априорности чистых понятий рассудка становятся аподиктичными только в трансцендентальной дедукции категорий.

Исходя из абсолютного единства рассудочной способности, Кант выводит свою таблицу категорий из таблицы логических суждений. Что представляет собою кантовский рассудок? Выше рассудок был определен, как нечувственная способность познания, значит лишь отрицательно. Теперь Кант дает и положительное его определение, как способности суждения, но это определение относится, скорее, к логическому применению рассудка. Рассудок, производящий суждение, производит работу соединения, подведения различных представлений под одно общее представление. Это единство деятельности в логическом применении рассудка Кант называет «функцией». В чистом применении рассудка единство деятельности выражается, как чистый синтез наглядных представлений. Различие между логическим и трансцендентальным употреблением рассудка заключается в том содержании, которое дано в трансцендентальной логике; поэтому результаты обеих логик различны. Так как общая логика обращает внимание лишь на отношения между представлениями,—ее результатом является суждение; напротив, трансцендентальная логика имеет дело с многообразием чистых наглядных представлений, поэтому ее результатом является единое наглядное представление, например, представление определенного пространства. Но деятельность, которая и в том и в другом случае соединяет эти представления, одна и та же; это то понятие синтеза, или сложения, о котором Кант говорит в своем сочинении 1791 г. Функция логического применения рассудка в трансцендентальном его применении выражается, как единство синтезирующей деятельности, т.-е. как чистое понятие, a priori, или категории. Таким образом, единство рассудочной деятельности обосновывает параллелизм между логическими функциями суждения и категориями.

Кантовская таблица логических суждений отступает несколько от общепринятой: в суждениях по количеству добавлены единичные, в суждениях по качеству—бесконечные суждения. Кант считает, что эти суждения не входят в таблицу общей логики в силу того, что она, отвлекаясь от всякого содержания суждения, отождествляет, с одной стороны, единичные и общие суждения, бесконечные и утвердительные—с другой. Напротив, для трансцендентальной логики, весьма существенно, отличить указанные виды суждений. С точки зрения общей ло-

гики, конечно, все равно, — сказать-ли: «все тела делимы» или «всякое тело делимо», ибо в обоих случаях предикат относится ко всему об'ему суб'екта. Но трансцендентальная логика оценивает эти суждения также и со стороны ценности их содержания для знания; поэтому она их различает, так как они относятся друг к другу, как единица к бесконечности. То же самое относится к бесконечным и утвердительным суждениям. Трансцендентальная логика отличает их, в силу того, что бесконечное суждение, в противоположность утвердительному, носит характер ограничения содержания знания, и его суб'ект, поэтому, не определен положительным образом.

Общая логика создает свои суждения, благодаря единству деятельности, т.-е. рассудку, но это — аналитическое единство, ибо оно не содержит под собой многообразия созерцаний. Тот же рассудок, посредством синтетического единства многообразия в созерцании, вносит в свои представления трансцендентальное содержание, чистые понятия рассудка, или категории, относящиеся a priori к предметам. Никакое знание не может возникнуть аналитически, ибо для познания должно быть дано многообразие представлений; ни одно суждение, по содержанию, не может возникнуть аналитическим путем, но лишь, посредством синтеза, т.-е. деятельности, присоединяющей многие представления друг к другу и представляющей многообразие в едином знании. Но синтез многообразия представлений не дает еще полного познания, которое возможно лишь в суждении, т.-е. в подведении синтеза к рассудочному единству или к чистым понятиям. Синтез многообразия представлений, производимый способностью воображения, должен быть охвачен в высшем единстве, осуществляемом рассудком, ибо он есть способность суждения, деятельность, об'единяющая синтез представлений в одно знание, одно понятие. Следовательно, здесь Кант намечает дальнейшие вехи; возможность априорного познания определяется тремя моментами: 1) данность многообразия чистых наглядных представлений; 2) синтез этого многообразия, посредством воображения и 3) единство синтеза, осуществляемое чистым применением рассудка, чистым его понятием, или категорией. Всякое познание, таким образом, возможно лишь, благодаря об'единяющей деятельности рассудка, посредством подведения синтеза многообразия представлений под чистые понятия рассудка; этим самым дано доказательство априорности категорий. Это доказательство сходно с метафизическим истолкованием пространства и времени: и там, и здесь оно исходит из невозможности познания без допущения априорности чистых созерцаний и понятий. Задача метафизической дедукции разрешена; доказаны все 4 условия априорности вообще: 1) что понятия чистые, а не эмпирические, ибо они основываются в рассудке; 2) понятия относятся к мышлению и рассудку, а не к наглядным представлениям и чувственности, ибо они суть понятия сложения, продукт самодеятельности рассудка; 3) они—элементарные понятия, а не производные, ибо они произведены собственной деятельностью рассудка; 4) их таблица полна и совершенно заполняет всю область рассудка, ибо она есть таблица логических функций мышления, т.-е. полное число направлений, по каким действует единство мыслительной деятельности. Однако, метафизическая дедукция не может дать исчерпывающего доказательства априорности категорий, ибо она исходит из предпосылаемого, как гипотезы, единства рассудка. Только в трансцендентальной дедукции, обосновывающей абсолютное единство мышления, будет, аподиктически, представлена априорность чистых понятий рассудка.

Рассмотрим таблицу категорий. В ней не совсем очевидно соответствие категорий общения с разделительным суждением в таблице логических функций. Поэтому Кант дает особое об'яснение разделительному суждению. Подобно тому, как последнее состоит из двух суждений, не подчиненных друг другу, а координированных так, что они взаимно определяют друг друга, подобно этому мыслится связь в целом вещей: здесь действует закон взаимодействия, а не односторонней причинности, где действие направлено от причины к следствию, но следствие взаимно не определяет причины. Против этого выведения категории взаимодействия возражает Шопенгауэр: «Выведение из разделительных суждений категории общности или взаимодействия — яркий пример тех насилий, которые Кант позволяет себе иногда совершать над истиной только ради архитектонической симметрии» (Шопенгауэр «Критика кантовской философии»). Из дальнейшего, однако, видно, что Шопенгауэр протестует не столько против выведения категории взаимодействия из разделительных суждений, сколько против самой категории взаимодействия; он утверждает, что взаимодействия вообще нет. «На самом деле, мы имеем здесь цепь причин и действий, — только члены ее называются попеременно одним и тем же именем: горение А производит теплоту В, теплота В — новое горение С (т.-е. новое действие, одноименное с причиной А, но индивидуально с ней не тождественное)» (Ibidem). Все это рассуждение не делает особой чести Шопенгауэру, но лишний раз подтверждает, что Кант стоял на высоте науки своего времени. Категория взаимодействия, это — переведенный на рациональный язык закон противодействия Ньютона. В этом законе в гораздо большей степени, нежели в законе причинности, выступает момент силы; поэтому, из понятия взаимодействия, как двух друг на друга направленных сил, становится понятным и закон причинности, как действие одной силы. Перенеся силу в чистое мышление, Кант делает само чистое мышление, рассудок — силой. Если стать на такую точку зрения, становится ясным, почему закон причинности принимает у Канта совершенно иной характер, чем у Юма. Основываясь на понятии силы, Кант делит свою таблицу категорий на два отдела; математических и динамических категорий. Поскольку категории относятся не только к наглядным представлениям, каковы категории единства, множества и всеобщности, но к самому существованию предметов, они должны, кроме единства синтеза наглядных представлений, представить предмет, как самостоятельный, т.-е. как субстанцию или силу, а это возможно лишь, благодаря тому, что сам рассудок — сила. Математические категории дают обоснование математике, динамические — естествознанию, физике, так как они вносят понятие единства, как силы. Следовательно, окончательное обоснование математики дано в трансцендентальной аналитике, а не в эстетике, как думает, напр., Шопенгауэр. Это Кант подтверждает также и в «Пролегоменах». Он указывает, что напр., положение: «прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками», предполагает понятие величины, «а это понятие, конечно, не есть простое воззрение, но имеет свое место исключительно в рассудке и служит к тому, чтобы определить воззрение (линии) по отношению к суждению о нем относительно их количества, именно множественности, так как под ними разумеется, что в данном воззрении содержится многое однородное» («Пролегомены», § 20).

Относительно динамических категорий, к сказанному выше, можно добавить, что предикабилии, или производные из категорий понятия, перечислены Кантом именно для данного отдела чистых понятий рас-

судка. Это предикабилии силы, действия, страдания — для категории причинности; для категории общения — предикабилии присутствия и противодействия; для категорий модальности — предикабилии возникновения, исчезновения, изменения и т. п., т.-е. это такие понятия, которые совершенно неизбежны при основном понятии динамических категорий, — понятии независимого существования, субстанции или силы.

Прежде чем перейти к трансцендентальной дедукции категорий следует сделать еще одно указание, относительно характера категорий. Кант подчеркивает, что каждая III категория, возникает из соединения II и I того же класса, но, вместе с тем, она вполне самостоятельна. В этом выведении третьей категории из первых двух Гегель видел зародыш диалектики у Канта.

II.

Кант определяет трансцендентальную дедукцию категорий, как исследование того способа, каким чистые понятия a priori вообще относятся к предметам. Слово «дедукция» заимствовано Кантом из судебного процесса, где этим термином обозначается вопрос о праве (quid juris), отличающийся от вопроса о факте (quid facti). Пользуясь термином «дедукция», Кант противопоставляет свое исследование пространства, времени и чистых понятий рассудка «физиологическому» (как он называет) исследованию этих понятий Локком. Исследование Локка, направленное на происхождение общих понятий из единичных восприятий, касалось вопроса о факте; поэтому оно было эмпирической дедукцией. Кант считает вообще очень ценным такой анализ, но он не имеет никакого значения для чистых априорных понятий. Кантовское «a priori» не являеется только чем-то противополагающим себя происшедшему из опыта. Вопрос о происхождении из опыта и вопрос об «a priori» лежат в различных плоскостях. A priori—понятие, интересующее нас не с точки зрения его происхождения, а с точки зрения его ценности, значимости для познания. Поэтому, трансцендентальная дедукция должна оправдать самый факт наличия в нашем сознании чистых понятий, показать, что их присутствие об'ясняется необходимостью их участия в познании. Для чистых воззрений пространства и времени трансцендентальная дедукция не казалась столь необходимой, ибо и пространство и время относятся к предметам непосредственно. Напротив, для чистых понятий рассудка, не относящихся непосредственно к предметам, такая дедукция совершенно неизбежна. Трансцендентальная аналитика вызывает, кроме того, необходимость трансцендентального исследования чистых наглядных представлений в силу того, что категории склонны пользоваться чистыми формами пространства и времени, отрывая их от чувственных представлений. Трансцендентальная дедукция чистых созерцаний пространства и времени нетрудна: их об'ективное значение вполне очевидно, так как они суть априорные условия того, что предметы, вообще могут являться. Иное дело категории, эти чистые понятия рассудка; их об'ективное значение нужно еще доказать. То, что предметы должны согласоваться с априорными условиями чувственности, это— очевидно, ибо иначе предметы не были бы явлениями, т.-е. предметами для нас. Но, что явления должны подчиняться априорным условиям мышления, это вовсе не очевидно, ибо предметы могут являться, предстоять в чувственности без необходимого отношения к функциям рассудка. Итак, вопрос трансцендентальной дедукции категорий ясен; он

гласит: как возможно об'ективное значение априорных понятий? или, говоря языком сочинения 1791 г.: как возможно познание из априорных понятий? Если будет доказано, что к понятию, отвлеченному от воззрения, т.-е. эмпирическому понятию для того, чтобы предмет сделался об'ектом опыта, должно быть присоединено априорное понятие о предмете вообще, тогда задача трансцендентальной дедукции категорий будет выполнена. Путь доказательства, по которому пойдет трансцендентальная дедукция, ясно обозначится перед нами, если мы вспомним, что Кант: 1) определяет явление, как «неопределенный» предмет эмпирического наглядного представления («Критика чистого разума», стр. 41) и 2) об'ясняет категорию, как «понятие о предмете вообще, благодаря которому наглядное представление рассматривается, как о п р е д е л е н н о е в отношении логических функций в суждениях» (подчеркнуто мной *Т.;* ib., стр. 85), т.-е. посредством категорий определяется, какому из двух понятий в суждении нужно дать функцию суб'екта. Так как опыт есть познание предметов, чувственность же даст лишь «неопределенный предмет», который, очевидно, определяется посредством категорий,—трансцендентальная дедукция должна пойти по пути доказательства, что опыт, или предметы опыта, возможны только посредством категорий.

Как известно, трансцендентальная дедукция категорий в I изд. «Критики» значительно разнится от изложения II изд. Коген отдает предпочтение II изд., ибо в I Кант несколько сворачивает с пути чисто критико-познавательного исследования ценности познания на путь психологического рассмотрения происхождения познавательных форм. Как бы то ни было, различие обоих изданий весьма существенно, и поэтому необходимо рассмотреть каждое из них в отдельности.

Кант неоднократно, в различных своих сочинениях, указывает на то, что дедукция чистых понятий рассудка стоила ему наибольшего труда и, что это — самый важный отдел его «Критики разума». Поэтому приступая к такому ответственному и трудному делу, как изложение трансцендентальной дедукции, нельзя не повторить вслед за Кантом: «Итак, читатель раньше, чем он сделает хотя бы шаг в области чистого разума, должен быть убежден в неизбежной необходимости такой трансцендентальной дедукции, так как, в противном случае, он будет действовать слепо, и, проблуждав в различных направлениях, принужден будет вернуться к тому же состоянию неведения, с которого начал. Он должен также наперед усмотреть неизбежную трудность дела, чтобы не жаловаться на темноту там, где сам исследуемый предмет глубоко сокрыт, или, чтобы устранение препятствий не утомило его слишком рано» (Ib. стр. 82). Трансцендентальная дедукция категорий, это, действительно, альфа и омега «Критики чистого разума», ибо здесь обосновывается единство рассудка, на котором покоится единство опыта. Разрушьте трансцендентальную апперцепцию Канта—синтетическое единство рассудка — и вся столь архитектонически-правильно построенная система рассыплется, как карточный домик!

а) Трансцендентальная дедукция категорий в I-м изд.

Опыт есть познание предметов. В чувственности предмет дан, но это—неопределенный предмет. Предмет определяется в мышлении, отличающим данный предмет от всех остальных в понятии. Эмпирическое понятие в понимании Канта есть общее представление, содержащее

под собой, как признак, общий для многих предметов, другие представления. Если будет доказано, что возможность мышления предмета требует, чтобы предмет, или эмпирическое понятие предмета, был подведен под понятие о предмете вообще, которое производится чистым понятием рассудка—тогда будет дана достаточная дедукция необходимости категорий для познания, их об'ективной значимости. В познании предмета участвует не один только рассудок; чтобы рассудок мог действовать в процессе мышления, рассудочному понятию единства должен предшествовать, как готовый материал, к которому прилагается деятельность рассудка, синтез наглядных представлений. Способностью сознания к синтезу обусловливается возможность рассудочной деятельности. Кант насчитывает 3 формы синтеза: синтез аппрегензии представлений, воспроизведения их в воображении и воспризнания их в понятии. Синтезом аппрегензии Кант называет акт, посредством которого многообразие, данное в созерцании, упорядочивается и приводится в связь. Все наши представления подчинены условию внутреннего чувства, т.-е. времени; действительно, у нас в сознании имеется поток представлений. Этот поток представлений оставался бы непрерывным потоком, если бы он не подчинялся известным правилам упорядочения, т.-е. синтезу аппрегензии, об'единяющему многообразие представлений в одно представление. То же самое относится к чистым интуициям пространства и времени. У нас не было бы представления определенного пространства или определенного времени, если бы многообразие моментов времени или точек в пространстве не об'единялось в одно представление, что производится чистым синтезом аппрегензии. Синтез воспроизведения в воображении заключается в том, что в представлении многообразия мы воспроизводим, переходя от одного представления к другому, первое представление; в ином случае было бы невозможно из многообразия представлений составить одно целое представление. Этот закон распространяется также на чистые наглядные представления; представление времени или пространства возможно в том случае, если при присоединении моментов времени или точек в пространстве друг к другу, мы вспоминаем и воспроизводим предшествующие моменты. В ином случае, невозможно было бы представление единого целого пространства и времени. Таким образом, основные чистые представления трансцендентальной эстетики находят свое обоснование в трансцендентальной аналитике: связь между обеими частями «Критики» проясняется. Если бы, при соединении многообразия представлений, забывались предшествующие представления, невозможны были бы единичные целые представления; следовательно синтез аппрегензии тесно связан с синтезом воспроизведения в воображении. Исходя из того, что синтез аппрегензии есть трансцендентальное условие возможности познания, Кант заключает, что синтез воображения, неразрывно связанный с синтезом аппрегензии и его обусловливающий, также является синтезом трансцендентальным, т.-е. имеющим для познания значимость a priori. На чем основывается синтез воспроизведения в воображении? Эмпирический закон ассоциации, по которому одно представление влечет за собой другое, если даже предмет отсутствует, покоится на том, что предмет всегда остается одним и тем же. Если бы предмет ежеминутно менял свои признаки, исчезла бы возможность воспроизведения представленного ранее; наприм., при представлении красного цвета нельзя воспроизвести тяжелую киноварь в том проблематическом случае, если ее окраска все время изменяется.

Так как по Канту, мы знаем предмет не как вещь в себе, а как явление, т.-е. как наше представление, то воспроизведение явлений, благодаря которому вообще возможен опыт, это единство предмета, тождество его самому себе, возможно посредством некоторого априорного синтетического единства. Эмпирический факт единства явления должен быть оправдан трансцендентальным условием; этот факт поэтому является моментом перехода к синтезу воспризнания в понятии.

Если мы познаем только явления, т.-е. чувственные представления, а не предмет, существующий вне наших способностей познания, спрашивается: что есть предмет представлений, то равенство самому себе, которое лежит на основании явлений? Это—центральный вопрос трансцендентальной дедукции. Его решение даст решение основного, собственно говоря, единственного вопроса всей критики: как возможно познание из априорных синтетических суждений. Здесь, в трансцендентальной дедукции будет дано окончательное обоснование и математики и естествознания; поэтому в дальнейшем, исследование «Критики разума» пойдет по совершенно иному пути доказательства. Оно будет исходить из данного в трансцендентальной дедукции решения; так что, и рассмотрение основоположений естествознания, и учение о ноуменах и т. д. является лишь выводом из достигнутого здесь.

Если бы мы не сознавали, что представление, мыслимое нами в предыдущий момент, тождественно с представлением, мыслимым в данный момент, т.-е. если бы воспроизведенное представление мы не могли признать за то же самое, которое было дано в аппрегензии, или восприятии,— в таком случае синтез воспроизведения в воображении не приводил бы ни к каким результатам. Если бы, наприм., при счете мы забывали, что единицы постепенно присоединены друг к другу (но не представляют собой каждый раз нечто новое), у нас не было бы понятия величины, а следовательно, и понятия числа. Таким образом, синтез воспроизведения неразрывно связан с синтезом воспризнания в понятии и обусловлен им. Все три синтеза представляют одно целое: один не возможен без другого, и все взаимно обусловливают друг друга.

В основании всякого синтеза лежит единство синтеза многообразия представлений. Так как это единство не может быть дано в предмете, как он дан нашему сознанию, т.-е. в явлении, ибо оно само есть многообразие представлений, очевидно, что указанное единство должно искать в самом сознании. Вопрос о единстве синтеза в сознании совпадает с вопросом о предмете представлений. Действительно, поскольку нам даны явления, т.-е. наши собственные представления, неизменяющийся предмет этих представлений выпадает из нашего сознания, недоступен сознанию и поэтому равен X. Значит, единство, делающее предмет всеобщим и необходимым, его тождество с самим собой, привносится нами, нашим сознанием. Следовательно, предмет представлений обусловлен синтетическим единством многообразия, которое само сознание привнесло a priori; предмет представлений лежит a priori в сознании до всякого познания, и поэтому совпадает с синтетическим единством многообразия представлений. Единство синтеза, или предмет, возможно лишь при условии единства понятия предмета, дающего всеобщее и необходимое правило, по которому предмет всегда может быть сконструирован. В основании этой необходимости лежит трансцендентальное условие (как в основании всякой вообще необходимости), которое Кант называет трансцендентальной апперцепцией. Трансцендентальная апперцепция не должна быть смешиваема с внутренним чувством, пред-

ставляющим изменчивый поток представлений во времени. Трансцендентальная апперцепция есть численное тождество сознания самому себе, остающееся неизменным во всякое время, ибо, действительно, единство сознания было бы невозможным, если бы мы не сознавали при восприятии многообразия, что функция, связывающая это многообразие, остается всегда одной и той же.

В основании всякого познания лежит сознание тождества нашего «я», которое делает, впервые, возможным воспроизведение многообразия и определяет для многообразия представлений предмет, т.-е. понятие единства данных представлений. Следовательно, предмет представлений можно представить, как проекцию трансцендентальной апперцепции во вне.

Предмет представлений тождествен с тем «предметом вообще», о котором говорилось выше, что он должен быть условием возможности всякого эмпирического понятия предмета. Явления суть представления; представления имеют предмет, недоступный сознанию, не эмпирический, но этот предмет производится, благодаря единству деятельности сознания, значит, он—трансцендентальный предмет. Он неизвестен, недоступен познанию, поэтому, равен X. Если бы у нас было чистое понятие трансцендентального предмета, оно придавало бы эмпирическим понятиям об'ективную реальность. Эмпирические понятия сами по себе не обладают об'ективной значимостью в силу того, что основание тождества об'екта самому себе во времени, лежит в сознании тождества нашего «я». Таким образом, «предмет вообще» есть привносимое суб'ектом основание единства об'ектов опыта. Итак, трансцендентальное единство апперцепции, есть условие возможности не только пространства и времени, как единых представлений, но и условие возможности предметов опыта вообще. Вместе с тем, трансцендентальная апперцепция обусловливает связь между явлениями, ибо иначе нельзя об'яснить «сродство» явлений, т.-е. единство опыта, или то, что мы всегда имеем дело с одним и тем же опытом. Собственно говоря, основная задача трансцендентальной дедукции здесь уже разрешена: показано, что эмпирическое понятие предмета должно быть подведено под понятие «предмета вообще», которое дается категориями, и, тем самым, доказано отношение категорий к об'ектам опыта, т.-е. их об'ективная значимость.

Шопенгауэр в своей «Критике кантовской философии» выступает против введения Кантом чистого понятия «предмета вообще», или «предмета представлений». «Предметом категорий у Канта является если и не вещь в себе, то ее ближайший родственник, а именно, «об'ект сам в себе», об'ект, не требующий никакого суб'екта,—единичная вещь и в то же время находящаяся вне времени и пространства, ибо она не наглядна—предмет мышления и в то же время не отвлеченное понятие. В ничем не обоснованной вставке этого гермафродита—предмета представлений — лежит источник заблуждений Канта; с устранением же его падает и все учение о категориях, как априорных понятиях, ибо к наглядным представлениям они ничего не прибавляют, к вещи же в себе неприложимы, и, следовательно, вся их роль сводится к мышлению этих предметов представлений и превращению таким путем представлений в опыт» (Шопенгауэр. «Критика кантовской философии»). Шопенгауэр полагает, что познание предметов ограничивается одной данностью их в чувственности. Поэтому ему кажется, что предмет представлений совершенно не нужен для познания. Шопенгауэр прав

только в одном пункте: если отбросить предмет представлений, падает все учение Канта о категориях. Правоверный ученик Канта, каким считал себя Шопенгауэр, не может сказать, что учение о категориях является несущественным моментом в Кантовской системе. Напротив, на нем держится вся кантовская концепция. Шопенгауэр, очевидно, не понимал, в каком смысле Кант считал необходимым связь между чувственностью и рассудком и в каком смысле он различал обе эти способности. Рассматриваемые изолированно, с точки зрения их чистого формального содержания, и чувственность, и рассудок—самостоятельные способности сознания; но это возможно лишь в чистейшей абстракции. Категории, взятые сами по себе, конечно, не имеют никакого отношения к чувственным созерцаниям, для этого понадобилась их трансцендентальная дедукция. Но, взятые в отношении к опыту, категории связаны определенным образом с чувственными наглядными представлениями (правда, не непосредственно, но это показывает схематизм чистых понятий рассудка): они дают единство синтезу наглядных представлений, благодаря функции единства в сознании, в отношении которой 12 категорий суть 12 направлений этой функции. Без функции единства в сознании, наше познание предметов было бы несвязным потоком ощущений в пространстве и времени; больше того, не были бы возможны сами понятия пространства и времени, ибо и их единство покоится на основном тождестве апперцепции. Таким образом, чувственность, в конечном счете обусловлена рассудком. Предмет представлений есть поэтому, единство сознания, перенесенное в об'ект, ибо основание того, что предмет остается тождественным самому себе, с одной стороны, и что существует «сродство» (термин Канта) между многообразием явлений, лежит в численном тождестве сознания во всякое время. Что касается разницы между предметом представлений и вещью в себе, Шопенгауэру дает на этот вопрос исчерпывающий ответ Герман Коген: «Нет иного различия между предметом вообще и вещью в себе, как между трансцендентальным суб'ектом и об'ектом; оба — X. (Kohen. Kants Theorie d. Erfahrung). (Перевод соответствующих мест из соч. Когена: «Kants Theorie der Erfahrung» всюду сделан мною. *Т.*).

В чувственности предмет дан, но это неопределенный предмет, явление, которое само есть лишь представление, и поэтому само относится к какому-то предмету. Предмет представлений выходит из сферы нашего познания, поэтому он равен X. Определить предмет представлений является задачей категорий.

Рассмотрим теперь, каким образом происходит подведение эмпирических понятий под категории.

Трансцендентальная апперцепция является последним основанием возможности пространства, времени, категорий и предметов опыта вообще. Возможность опыта обусловлена возможностью связи форм чистой чувственности, эмпирических наглядных представлений и понятий и чистых понятий рассудка, так как все эти элементы входят в состав опыта. Эту связь производит трансцендентальное единство апперцепции. Все три синтеза—аппрегензии, воспроизведения в воображении и воспризнания в понятии—посредством которых осуществляется познание предметов, возможны, благодаря тождеству апперцепции, тому, что все наши представления сопровождаются представлением единства сознания. С этой высшей, достигнутой нами, точки зрения мы можем обозреть связь всех представлений в целом. Отсюда трансцендентальная апперцепция приобретает характер высшего всеобщего основания син-

тетического единства многообразия всех возможных представлений. Ни чистые созерцания пространства и времени ни категории не имели бы никакого значения, если бы они не относились к предметам возможного опыта. Многообразие наглядных представлений, данных в чувственности, может быть соединено лишь благодаря тому, что все представления мы относим к одному и тому же сознанию. Следовательно, синтез аппрегензии возможен посредством трансцендентальной апперцепции. Но, с другой стороны, единство апперцепции может быть приложено лишь к синтезу многообразия представлений; поэтому, трансцендентальная апперцепция предполагает необходимость синтеза аппрегензии. Всякий синтез есть деятельность способности воображения. Очевидно, что до синтеза воспризнания должен быть положен продуктивный, или чистый, синтез воображения; очевидно также, что в основе продуктивного синтеза воображения должна лежать трансцендентальная апперцепция, ибо без единства сознания был бы невозможен синтез. Всякое познание, таким образом, предполагает единство синтеза способности воображения, а так как это единство дано a priori в отношении всякого возможного опыта, оно может быть названо трансцендентальным синтезом способности воображения. Мы уже знаем, что единство синтеза многообразия выполняют чистые понятия рассудка, или категории. Поэтому Кант называет отношение единства к апперцепции к чистому синтезу способности воображения чистым рассудком. В рассудке содержатся чистые понятия, которые приносят единство в синтез воображения, без которого синтез не был бы возможен; следовательно, рассудок и способность воображения взаимно друг друга обусловливают.

Так как основой всякого познания является упорядочение многообразия представлений, т.-е. синтез, познание предметов предполагает необходимое отношение явлений к рассудку, посредством категорий. Рассудок вносит порядок и закономерность в явления, опыт организуется сознанием. К такому выводу приходит, в конечном счете, трансцендетальная дедукция категорий.

Итак, трансцендентальная апперцепция является последним основанием познания. Доказательство необходимости трансцендентальной апперцепции есть обычное Кантовское доказательство от противного: единство предметов опыта вообще, все наше познание, как необходимое и всеобщее значимое, невозможно, если не будет предположено численное тождество сознания во времени.

Если мы вспомним, что все формы сознания: пространство, время и категории обосновываются в этом единстве сознания, мы с отчетливой ясностью поймем, что a priori, положенное в основание «Критики» Канта имеет значение гипотезы, научной предпосылки. Положительного доказательства a priori, в силу этого, быть не может, поэтому, Канту приходится аппелировать к чувству, переживаемому каждым, тождества своего «я», независимого от времени.

б) Трансцендентальная дедукция категорий во II-м издании.

В I изд. аналитическое тождество апперцепции могло быть понято как самостоятельное, ибо там говорилось, что оно переживается нами, как тождество нашего суб'ективного «я» во всякое время. Однако суб'ективный характер единства самосознания в целях критики вовсе не

является существенным. «Критика», прежде всего, хочет обосновать научный опыт, следовательно, она должна изображать не субъективно-переживаемое единство самосознания, а единство самосознания, как единство научного сознания, т.-е. она должна показать объективную значимость трансцендентальной апперцепции, как условия возможного опыта. В силу того, что Кант видел этот недостаток в изложении трансцендентальной апперцепции в I изд., что подтверждают соответствующие места предисловия ко II изд. «Критики», он предпринял переработку трансцендентальной дедукции. На первых же страницах трансцендентальной дедукции II изд. Кант подчеркивает, что аналитическое единство самосознания, т.-е. переживаемое нами чувство тождества нашего «я» возможно лишь при условии синтетического единства самосознания, т.-е. опыта. Мы мыслим наше самосознание равным самому себе только потому, что мы раньше мыслили все представления, вошедшие в сознание, как представления одного и того же сознания, т.-е. прежде, чем у нас может появиться сознание тождества нашего «я», мы должны соединить, синтезировать многообразие данных представлений, как м о и х представлений. Всякое единство предполагает синтез наглядных представлений, без этого синтеза трансцендентальная апперцепция теряет всякую значимость. Проводя аналогию с пространством и временем, можно сказать, что, подобно тому, как они возникают лишь вместе с данностью внешних предметов (хотя они даны a priori, или, правильнее сказать: именно, в силу своей априорности), так как они не имеют иного назначения, как представлять сосуществование и отношение между явлениями, — так и трансцендентальное единство апперцепции возникает лишь с данностью синтеза наглядных представлений, ибо оно не имеет иного смысла, как дать единство синтезу явлений. Следовательно, всякое аналитическое суждение предполагает какое-либо синтетическое суждение. Кант приводит в пример понятие красного вообще. Красное вообще мыслится, как аналитическое единство потому, что оно раньше было найдено, как признак: 1) общий многим вещам и 2) соединенный в этих вещах с другими, отличными от него признаками, т.-е. в синтетическом единстве с другими представлениями. Таким образом, сознание численного тождества нашего «я» предполагает наличие многообразия наглядных представлений и синтеза этого многообразия. Рассудок, сам по себе, оторванный от чувственности, дающей многообразие представлений, не имеет никакой значимости. Если бы рассудок сам мог производить множество созерцаний, не нуждаясь в чувственности, он был бы наглядно представляющим рассудком; но такой рассудок есть contradictio in adjecto.

Познать предмет, значит: представить в одном об'екте соединенным многообразие представлений, относящихся к этому об'екту. Но всякое соединение обусловлено единством самосознания, т.-е. необходимостью присоединения к каждому представлению «я мыслю» (так как иначе невозможна была бы однородность явлений, а, следовательно, и их синтез). Поэтому об'ект становится возможным лишь благодаря основоположению синтетического единства апперцепции, или трансцендентального единства апперцепции, которое может быть названо так в силу того, что оно имеет значение об'ективного познания. Итак, основоположение синтетического единства апперцепции есть высший принцип всего применения рассудка.

С этой высшей точки зрения, окончательно выясняется отношение логических функций суждения к категориям. Назначение логических

функций состоит в подведении многообразия представлений к об'ективному единству апперцепции. Рассмотрим суждение в его общей форме: А есть В. Что означает здесь связка «есть». Она означает, что предикат В необходимо связан с суб'ектом А. Но эта необходимая, об'ективная связь возможна, благодаря тому, что и А и В рассматриваются, как необходимым образом связанные в сознании. Если бы суждения основывались на одном суб'ективном законе ассоциации, без отношения их к синтетическому единству самосознания, они не имели бы об'ективного значения, например, в таком случае нельзя было бы сказать: «тело есть нечто тяжелое», но возможно только утверждать: «если я несу тело, я чувствую давление тяжести». Об'ективную связь между суб'ектом и предикатом осуществляет логическая функция; следовательно, она есть особый акт рассудка, определяющий отношение многообразия представлений к первоначальному синтетическому единству апперцепции. Но категории, как раз и являются функциями суждения, производящими, определенным образом, единство самосознания в отношении к многообразию наглядных представлений.

Познание предмета осуществляется не посредством одной чувственности или одного только рассудка, но посредством обеих этих способностей познания. Но чистые, наглядные представления, даже подведенные под чистые понятия рассудка, не дают знания, ибо они определяют предмет только со стороны его формы. Материя познания дается из опыта; поэтому познание становится знанием, когда чистые понятия рассудка, посредством чистых созерцаний, прилагаются к эмпирическим наглядным представлениям, т.-е. к ощущениям. Поэтому, категории имеют значение постольку, поскольку они относятся к предметам возможного опыта; следовательно, математика, по мнению Канта, не является самостоятельной дисциплиной, а играет роль посредника для естествознания. «Чистые понятия рассудка, даже, если они применены к априорным наглядным представлениям (как в математике), доставляют знания только постольку, поскольку чистые наглядные представления и, значит, посредством них также понятия рассудка могут быть применены к эмпирическим наглядным представлениям» («Крит. чист. разума», стр. 105). Отсюда, неизбежен вывод, что категории имеют применение только к об'ектам возможного опыта, а не к вещам, каковы они сами по себе.

Трансцендентальная дедукция категорий делает еще один вывод, именно, что мы познаем самих себя, как явление, а не как вещь в себе. Так как внутреннее чувство представляет собой не упорядоченное многообразие представлений, единство в него вносится рассудком, который, посредством трансцендентального акта способности воображения, воздействует на внутреннее чувство. Поскольку Кант признает, что пространство есть форма внешних наглядных представлений, и предметы познаются в силу воздействия на чувственность извне, он утверждает, относительно внутреннего чувства, что суб'ект познает себя в силу внутреннего воздействия на самого себя, т.-е. суб'ект относится страдательно к самому себе. Следовательно, рассудок есть активный суб'ект, самодеятельность; внутреннее же чувство—суб'ект пассивный.

В конечном итоге, трансцендентальная дедукция категорий приходит к выводу, что в нашем познании ограниченности миром явлений, представляющих собой многообразие неупорядоченных, хаотических представлений, порядок и связь явлений привносится рассудком a priori—сознание предписывает законы природе.

III.

Если понимать Канта так, как понимал его Шопенгауэр, а именно, что Кант хотел обосновать внешний мир, как он предстоит человеческому сознанию в чувственном созерцании, то нам придется, вместе с Шопенгауэром, удивляться, к чему нужна кантовская трансцендентальная логика, если единичный, конкретный предмет уже дан в чувственности, а рассудок производит лишь абстрактное понятие данного предмета. В таком случае, мы, вместе с Шопенгауэром, отбросим кантовское учение о категориях и придем к взгляду, что неизбежным выводом из кантовской «Критики» является утверждение, будто «весь наш столь реальный мир со всеми его солнцами и млечными путями—ничто» (Шопенгауэр «Мир, как воля и представление»), или выражая ту же мысль в кантовских терминах, скажем, вместе с главой русских символистов, Андреем Белым:

„Жизнь...
Метафизическая связь
Трансцендентальных предпосылок:
Она рассеется, как дым.
Она—не жизнь, а тень суждений".

Но понимать Канта таким образом, значит—совсем не понимать его. Задачей Канта было вовсе не обоснование природы, мира, как он предстоит в восприятии единичных вещей. Он хотел дать обоснование научного опыта, т.-е. познание об'ектов природы, как они являются не суб'ективному, а научному сознанию. Уже в предисловии к 1-му изд. «Критики» Кант ограждается от «плебейского» опыта, опыта суб'ективного, индивидуального. «Критика» ставит своей целью обоснование не опыта дикарей или детей (ибо у них свой особый опыт), но того опыта, который дан, как факт математического естествознания. Ньютоновское естествознание, из которого исходил Кант, стремится уложить законы природы в математические формулы, выразить закономерность природы в числовых величинах. Естествознание, стремясь познать природу в ее закономерности, делает математику орудием достижения своей цели. Понятие числа входит, как основной момент, в научное познание мира; основные понятия механики, например, скорость, т.-е. отношение между пространством и временем, заимствуют эти представления из математики.

Поэтому перед Кантом прежде всего встал вопрос о математике, ибо, поскольку естествознание в своих выводах опирается на математику, оно не может быть обосновано до тех пор, пока не будет доказана аподиктическая достоверность последней. Математика сама по себе познания не дает; она имеет дело с чистыми интуициями пространства и времени и с чистыми образованиями, не имеющими об'екта во внешнем мире действительности. Только в соединении с естествознанием, с об'ектами опыта, математика может дать действительное познание. Связь между математикой и естествознанием Кант открывает и закрепляет в своем учении о категориях. Что нового по сравнению с математикой приносит естествознание? В область естествознания, кроме математических, чистых созерцаний пространства и времени, входят также эмпирические наглядные представления. Категории, посредством фигурного синтеза, т.-е. синтеза в чистых интуициях, вносят порядок и закономерность в многообразие эмпирических представлений. Но также и математические

образования в пространстве и времени, понятия числа и геометрической фигуры, сами единичные представления пространства и времени, невозможны без подведения наглядных представлений под категории. Категории могут относиться к эмпирическим представлениям, посредством чистых созерцаний; этим обусловлена связь между математикой и естествознанием. Обоснование обеих дисциплин и связь между ними заключены в учение о категориях.

Поскольку Кант поставил своей целью обоснование чистого научного опыта, его не должен был интересовать психологический вопрос о происхождения знания. Сам Кант указывает на это в «Пролегоменах». «Прежде всего, необходимо напомнить читателю, что здесь речь идет не о происхождении опыта, а о его составе» («Пролегомены», стр. 75). Выдерживает ли Кант до конца свою точку зрения, и если нет, то почему? Первая же страница «Критики чистого разума» начинается словами: «Без сомнения, все наше знание начинается с опыта; ибо, чем же пробуждалась к деятельности способность познания, если не предметами, которые действуют на наши чувства». Несколькими страницами дальше Кант говорит: «Действие предмета на способность представления, поскольку мы подвергаемся влиянию его, есть ощущение». Здесь речь идет о происхождении ощущений; ощущение есть продукт воздействия на чувственную способность сознания внешнего предмета. Поскольку речь идет об эмпирическом происхождении ощущения, Кант бросает критико-познавательную точку зрения и занимается психологическим анализом познания; следовательно, он оставляет поле научного опыта и с'езжает в область обыкновенного «плебейского» опыта. Таких противоречий у Канта немало. Остановимся еще на нескольких, особенно бросающихся в глаза. В 1-й секции трансцендентального руководства открытия всех чистых понятий рассудка, в разделе о логическом применении рассудка вообще, Кант дает описание возникновения эмпирического понятия из соединения эмпирических наглядных представлений. Это также психологический вопрос, а не вопрос критики познания. Дальше: мы знаем, что всякое познание возможно лишь, посредством синтеза многообразия представлений. Что же такое «синтез». «Синтез... есть исключительно действие способности воображения, слепой, хотя и необходимой функции души». («Кр. чист. разума», 74). Воображение, однако, есть чисто психологическая, суб'ективная функция; она не является чистой способностью, как чувственность или рассудок, но занимает промежуточное положение между одной и другим. Поскольку материалом воображения являются чувственные наглядные представления, воображение принадлежит к области чувственности; поскольку, напротив, оно осуществляет синтез, соединение многообразия, оно является самодеятельностью и принадлежит к области рассудка. И на такой «слепой функции души» держится возможность всякого априорного познания!

Как об'яснить эти противоречия в кантовской системе? Они явились неизбежным следствием двойственного понимания опыта, разделения его на суб'ективный, или психологический, с одной стороны, и об'ективный, или научный,—с другой. Эта исходная точка зрения заставляет Канта—1) различать чистую и «нечистую» чувственность, из которых 1-ая дает чистые, 2-ая — эмпирические наглядные представления; 2) различать чистый и «нечистый» рассудок, создающий эмпирические понятия. Вся «Критика чистого разума» построена на различении двух видов познания: психологического и научного. В конечном счете, научный вид познания должен обосновать психологический. Суб'ективное познание при-

обретает характер об'ективного, в силу подведения эмпирических представлений и понятий под чистые, априорные формы сознания. Воображение играет здесь роль моста между обоими видами и способностями познания.

Таким образом, Кант не выполняет своего обещания заниматься исключительно критическим исследованием познавательных форм, ибо, что представляет собой хотя бы вся дедукция категорий в 1-м изд., как не психологический разбор возникновения познания? Кант постоянно сбивается на психологический анализ познания; но со стороны нео-кантианцев мы слышим всегда, что психологические возражения, пред'являемые Канту, бьют мимо него, так как «Критика» касается только вопросов ценности познавательных форм. Поэтому следует поставить вопрос шире: какую роль играет психологизм, или вернее, историзм, в критике познания, и, действительно ли, это, настолько различные области знания, что смешивать их границы равносильно признанию в своей ненаучности? Примем формулировку задач и целей психологии и критики познания, даваемые Когеном: «Задача психологии—историческое развитие, которое с правом может быть применено к психологическим образованиям. Задача критики познания: решение вопроса ценности познания» (Kohen. «Kants Teorie d. Erf.» Einleitung, 12).

Задачи психологии и критики познания, действительно, кажутся совершенно различными. Психология берет познавательную способность в ее развитии; критика познания, напротив, рассматривает ее, как нечто устойчивое, интересное лишь с точки зрения своего значения для познания. Но ведь, прежде чем рассматривать моменты познания, с точки зрения возможности выведения из них других знаний, нужно откуда-то взять эти познавательные ценности. Критика познания вынуждена обратиться к психологии и воспользоваться ее достижениями, каковы, напр.: ощущение, понятие, различие между чувственностью и рассудком и т. д. Далее, получив эти понятия, критика познания для решения вопроса о значимости их должна, сначала, решить: какие из приобретенных понятий могут иметь познавательную ценность и какие не могут,—словом, она должна поставить вопрос о происхождении понятий. Действительно, Кант принужден этот вопрос поставить и он его ставит, опять-таки на первых же страницах «ритики». «Хотя все наше знание начинается с опыта, из этого вовсе не следует, что оно все происходит из опыта». Следовательно, в начале, вопрос об a priori ставится не с точки зрения значимости для познания познавательных форм, а в смысле их неэмпирического происхождения.

Нам могут возразить, что Кант взял свои познавательные ценности, обратившись к достижениям не психологии, а логики, а именно: он открыл чистые понятия рассудка из логических функций суждения. Посмотрим, однако, что представляют собой логические функции. Действительно ли они что-либо связывают? Возьмем суждение в его общей форме: А есть В. Связь между суб'ектом и предикатом, очевидно, заключается в том, что предикат В входит в об'ем суб'екта А. Но, чтобы констатировать в суждении этот факт связи, нужно было раньше об'единить в одно понятие многообразие представлений; анализируя произведенный ранее синтез, мы получаем суждение, или связанных между собой суб'екта и предиката. Следовательно, логическое суждение не производит никакого акта соединения: оно констатирует лишь факт связи, произведенный при психологическом образовании понятия. Связь суб'екта и предиката в суждении есть констатирование, произведенной при

образовании понятия, связи наглядных представлений. Логика имеет дело с готовыми понятиями, поэтому, она не производит никакой связи; она только констатирует созданную при психологическом образовании связь представлений, так как вопрос о формировании понятия есть вопрос психологический. Итак, при выведении чистых понятий рассудка, Канту пришлось, в конечном счете, обратиться к примеру психологического образования понятий.

По мнению Когена, психологию ни в коем случае нельзя смешивать с критикой познания: психологию интересует опыт дикарей и детей, критику познания—научный опыт. Психологический опыт ненаучен, поэтому, он не нужен и неинтересен для научного познания. Критерием научного знания является математика в силу того, что «в геометрии и арифметике не заботятся о том, есть ли нечто подобное их образованию в природе». (Kohen. Kants Th. d. Erf. Einl.).

Поэтому, с того момента, как естествознание сделало своим фундаментом математику, оно вступило на путь науки. «Открыть природу, произвести ее научными средствами,—это воинственный клич тех математических естествоиспытателей, которые бросили путь алхимии и стремились, посредством абстракций, ими самими созданных, образовать искусственным путем естественные вещи, чтобы посредством их познать природу так, как она есть. Это искусственное средство дает математика» (Ibid.). Следовательно, математика есть прообраз науки. Соответственно этому, Коген делит всю историю философии на два основных направления: платонизм или философов-математиков, с одной стороны, и аристотелизм или философов - историков, в широком смысле,—с другой. Аристотелики—ненаучны, ибо их интересует познание в его развитии, т.-е. психологический опыт, опыт дикарей и детей; платоники, напротив, научны, так как они вращаются в области научного опыта, математического бытия. Математическое бытие, столь отличное от бытия вещей, возникло в греческой философии, как необходимое следствие открытого ими нового вида познания. Со времен Гераклита чувственные ощущения становятся «плохими знаками», и критерием истинности познания делается новый вид знания: мышления (νόησις). Новому виду познания должно соответствовать новое бытие. Один из видов нового бытия, соответствующего мышлению вещей, был найден в математике. Почему? Потому, что «вещи, которые математик находит и открывает, действительно, рисуется на песке и измеряется струнами; однако они не могут считаться, поэтому, вообще чувственными вещами. Они не даны нам первоначально в мире вещей; больше того, даже после того как они найдены, они не могут быть изображены так, как они есть, в чувственном бытии: в мышлении они возникли и только в мышлении существуют. Математические числа и образы суть первый вид мысленного бытия» (Ibid. Einleit). Этой апелляцией к научности Коген думает сделать законным двойственный опыт Канта: опыт чувственного ощущения и опыт чистого сознания. Прав ли Коген, и существует ли в действительности такое бытие, оторванное от чувственного ощущения, возникшее в мышлении и не имеющее во внешнем мире соответствующего ему предмета? Доказывает ли что-либо пример математического бытия вещей? Доказывает, но нечто, прямым образом, противоположное тому, что утверждает Коген. «Вовсе неверно, что в чистой математике разум оперирует только над продуктами собственного творчества и воображения. Понятия о числе и фигуре возникли не иначе, как из реального мира. Десять пальцев, на которых люди научились считать, т.-е.

производить первую математическую операцию, представляют собой все, что угодно, только не продукт свободного творчества разума. Чтобы считать, нужно иметь не только предметы, подлежащие счету, но и способность отвлекаться, при наблюдении этих предметов, от всех прочих свойств, кроме числа, а эта способность есть результат долгого исторического эмпирического развития. Как понятие о числе, так и понятие о фигуре, заимствованы, исключительно, из внешнего мира, а не возникли в голове из чистого мышления. Должны были существовать вещи, имеющие определенные формы, и эти формы должны были подвергаться сравнению, прежде чем можно было дойти до понятия о фигуре. Чистая математика имеет своим об'ектом пространственные формы и количественные отношения реального мира; стало-быть, весьма реальный материал. То, что этот материал является в крайне абстрактной форме, может только для поверхностного взгляда скрыть его происхождение из внешнего мира. Но, чтобы быть в состоянии исследовать в чистом виде эти формы и отношения, необходимо совершенно отвлечь их от их содержания, оставив это последнее в стороне, как несущественное; таким путем мы получаем точки, лишенные измерений, линии, не имеющие ширины и толщины, *a* и *b*, *x* и *y*, и т. д. (Энгельс. «Анти-Дюринг».) Таким же путем возникают чистые понятия рассудка, или категории; поэтому они являются продуктом нашей способности к абстракции. Следовательно, действительному положению вещей не соответствует разделение опыта на два принципиально различных вида: психологический, чувственный, и научный, или чистый опыт. Опыт дикаря или ребенка, конечно, иной, нежели опыт ученого; но последний не будет понятен до тех пор, пока мы не посмотрим на него, как на продукт долгого исторического эмпирического развития. Нет двух принципиально различных видов опыта, есть одно исторически развивающееся познание мира действительности. Кант был вынужден все время сбиваться в область психологического опыта, ибо только в нем дан предмет, соответствующий абстракциям разума.

«Критика чистого разума» совершает, таким образом, своеобразное диалектическое движение. Исходя из двойственности опыта, Кант хочет обосновать психологический опыт научным, в подтверждение об'ективной значимости чистых форм познания. Однако само исследование приводит его, незаметно для него самого, к обратному выводу: опыт психологический дает обоснование научному опыту, или априорному знанию. Выводя свои априорные формы познания, Кант вынужден все время обращаться к примерам психологических образований; так что, в конечном счете, чистые понятия, обладающие трансцендентальной значимостью, выявляются, как абстракция от эмпирических форм познания. Кантовское «a priori» теряет критико-познавательный характер, опускаясь до степени абстракции от эмпирического понятия.

С точки зрения двойственного опыта, ясна связь между математикой и философией: оба имеют дело с чистым бытием, не имеющим соответствующего предмета во внешнем мире. Посредством математики философия связана также и с естествознанием. Естествознание имеет отношение не только к математике и к чувственному опыту; в его основании лежат такие понятия, которые им самим об'яснены быть не могут и делают его, поэтому, проблемой философии; таковы, наприм., понятия движущей силы, действующих причин механических движений, субстанции и т. д. С другой стороны, обе дисциплины, и математика, и естествознание имеют отношение к логике. Математические аксиомы и

теоремы доказываются на основании законов тождества и противоречия; закон достаточного основания есть принцип перехода к физике. Здесь была совершена грубая ошибка: логический закон достаточного основания смешали с реальным отношением причинности; идеальное основание сделали основанием реальным. Юм исправляет эту ошибку лейбнице-вольфовской школы, разграничивая логическое и реальное основания. Кант также начинает с различения между ними. Он показывает, что идеальное основание не прибавляет ничего к познанию предмета; следовательно, не обладает никакой ценностью. Закон достаточного основания носит характер аналитического суждения. Поэтому, согласно этого закона, пришлось бы утверждать, что вещь имеет основание своего бытия в себе самой; но это имеет значение не для вещей, но для аналитического суждения. Наприм., положение «тело делимо» можно рассматривать, как вывод предиката из суб'екта по закону противоречия. Начав с различения реального и идеального оснований, Кант приходит к своему знаменитому открытию аналитических и синтетических суждений. Кант противопоставил логику трансцендентальную общей, или аналитической логике, но в процессе исследования изменился сам предмет исследования. Трансцендентальная логика, в конечном счете, превратилась в отголосок формальной логики. Рассмотрим законы логики, на которых основываются логические функции суждения. Их четыре: 1) тождества, 2) противоречия, 3) исключенного третьего и 4) достаточного основания.

1) Закон тождества читается так: $a = a$, т.-е. в одно и то же время a равно себе самому;

2) Закон противоречия: a—a, т.-е. в одно и то же время a не может быть равным отрицанию себя;

3) Закон исключительного третьего: $a =$ или b, или — b, т.-е. в одно и то же время суб'екту не могут принадлежать два противоположных предиката;

4) Закон достаточного основания, как мы знаем, может быть сведен к закону противоречия.

Следовательно, аналитические суждения представляют собой суждения одновременности; в противоположность им синтетические суждения раскрывают содержание понятия в текучести времени, рассматривают понятие в его становлении. Кант хотел представить аналитические суждения, как вневременные, потому он указывает на неправильность вышеприведенной формулировки логических законов. Это недоразумение, по его мнению, происходит в силу того, что мы неправильно строим аналитическое суждение. При построении аналитического суждения обычно отвлекают предикат от суб'екта, вещи, и соединяют его с противоположным предикатом; поэтому противоречие возникает лишь для предикатов, а не для суб'екта суждения. Правильно построенное аналитическое суждение противополагает противоположное определение самому суб'екту. Наприм., предложение: «человек, который необразован, не есть образованный человек», не есть правильное аналитическое суждение, ибо человек, необразованный в одно время, может сделаться через некоторое время образованным. Действительное аналитическое суждение выразиться в положении: «всякий необразованный человек, необразован», ибо здесь предикат входит в самое понятие суб'екта; поэтому, такое утверждение обладает непосредственной очевидностью, без отношения ко времени. Канту нужно было доказать вневременность логических функций суждения, ибо в метафизической дедукции категорий он полагает

априорность чистых понятий, выводя их из таблицы суждений общей логики. На самом деле, формализм общей логики происходит не в силу вневременного рассудочного акта, а благодаря абстракции его от реального, текучего времени. Что представляет собой «в одно и то же время» или «во все времена» общей логики? От представления времени, очевидно, ни в том, ни в ином случае логика не освобождается, ибо, «всякий необразованный человек, необразован» означает, что во всякое время, или во все времена, необразованный человек, необразован. Аналитическое тождество получается благодаря ограничениям реального времени: «в одно и то же время» означает—в отдельный момент времени, оторванный от непрерывной текучести времени; «во все времена» представляет собой такую же абстракцию, ибо время бесконечно текуче, а «все времена» предполагают законченное, истекшее время. Следовательно, аналитическое суждение прдставляет собой не вневременную, непосредственную очевидность внутреннего равенства самому себе, но чистую абстракцию действительных отношений. Численное тождество апперцепции самой себе во всякое время есть такая же пустая абстракция логического закона тождества: $A = A$, полученная в силу ограничения реального времени. Кант становится мало красноречивым, когда он хочет дать определение своим высшим инстанциям познания: трансцендентальной апперцепции и предмету представлений. О первой он говорит, что она не есть представление и не есть понятие, т.-е. дает лишь отрицательное определение; о втором — что он есть неизвестное $= x$, непознаваемое. И действительно, как возможно познать пустую и бессодержательную абстракцию! «Критика чистого разума» вновь, против собственного желания, проделывает диалектический путь. Желая доказать примат синтетических суждений над аналитическими, Кант делает основой первых пустую абстракцию логического закона тождества, или трансцендентальную апперцепцию.

Мышление Канта остается абстрактным, он еще обеими ногами крепко опирается на фундамент старой логики. Это произошло в силу того, что Кант не сделал всех выводов из своего замечательного открытия синтетических суждений. Основной ошибкой Канта является его стремление рассматривать предмет не в действительном, становящемся существовании, но в его абстрактном устойчивом состоянии. Поэтому, высшим основоположением познания, в конечном счете, оказалось аналитическое тождество, пустая абстракция мышления. Кант не дошел до мысли, что само сознание подвержено законам движения; его мышление осталось метафизическим. Об этом говорит Энгельс в «Фейербахе»; при чем он указывает также исторические причины рассмотрения предметов в их неподвижном бытии: «Старый метод исследования, который Гегель называл метафизическим, который имел дело, преимущественно, с предметами, как с чем-то совершенно готовым и законченным, и остатки которого до сих пор еще глубоко сидят в головах, имел в свое время великое историческое оправдание. Надо было исследовать п р е д м е т ы, прежде чем можно было приступить к исследованию п р о ц е с с о в. Надо было сперва узнать, что такое данный предмет, а потом уже изучать те изменения, которые в нем происходят. Так шло дело в естественных науках. Из естествознания, рассматривавшего все предметы—и мертвые и живые,—как готовые и раз навсегда законченные, выросла старая метафизика, принимавшая их за неизменные. Когда же изучение отдельных предметов подвинулось так далеко, что можно было сделать новый решительный шаг вперед, т.-е. приступить к систематическому,

исследованию тех перемен, которые происходят в этих предметах, тогда и в философской области пробил смертный час старой метафизики» (Энгельс. «Фейербах»). В силу своей метафизичности, Кант полагает рассудок, как абсолютную способность познания; это придает критике познания характер того способа мышления, который Гегель назвал «резонирующим». Резонирующий способ мышления, это рассудок, полагающий определения, которые он считает устойчивыми, неизменными и данными раз навсегда. Такой рассудок есть чисто-формальная способность, ибо он полагает абстрактные понятия, и для своей деятельности нуждается в данном извне, чувственном многообразии представлений. Связь и взаимодействие чувственности и рассудка у Канта обусловлены их различной ролью в познании, двойственным характером сознания. Дуализм проникает всю систему Канта и в нем кроется причина неизбежных противоречий «Критики чистого разума». В противовес дуалистическому, трансцендентальному методу, Гегель выдвинул единство диалектического метода. Если где-либо может быть приложено когеновское деление философии на математическую и нематематическую, это относится к различию между указанными методами. Мышление Канта, как философа-математика, геометра, par excellence, было отравлено геометрической тенденцией созерцать тождественное, равное самому себе. Поэтому, и на рассудочные определения, Кант смотрел, как на единое, целое понятие предмета. Рассудочное определение есть формальное понятие, так как оно абстрагирует от многообразия содержания. В рассудочном суждении предикат относится формальным, внешним образом к суб'екту, ибо он есть, чуждое понятию, множество представимого содержания. В противоположность кантовской, основанием гегелевской системы является сама движущаяся мысль, становящийся суб'ект, и эта мысль есть единственная реальность, т.-е. она есть единственно-возможная форма и единственно-возможное содержание. Основным недостатком кантовской системы, источником его заблуждений, по мнению Гегеля, является то, что он не обратил достаточного внимания на деятельность разумной способности познания, т.-е. на деятельность, полагающую синтез из имманентных противоречий. Кант рассматривает рассудочные понятия, как определения, ограниченные другими определяниями, т.-е. извне. Но он не смог раскрыть, что определение является внутренним самоограничением понятия, а это происходит благодаря отрицательной работы мысли. Мысль, постигшая себя в своем противоречивом движении, полагает понятия, но уже, не как определенные извне, а как самоопределенные становлением собственного содержания. Кантовские синтетические суждения, поэтому, не дают внутренне-необходимого синтеза, ибо здесь форма оторвана от содержания. Синтетический акт Канта, на котором зиждется возможность опыта, является ничем необ'яснимым внешним присоединением наглядных представлений и понятий. Положенное Кантом в основу системы аналитическое тожество апперцепции, с одной стороны, и дуализм, проникающий всю систему, в силу различия функций познавательных способностей, чувственности и рассудка—с другой, взрывают изнутри сложную архитектонику трансцендентального здания.

Д. Рахман.

Спиноза и юдаизм.

Приступая к исследованию идеологического происхождения учения Спинозы, мы подразумеваем под этим не указания тех авторов, от которых Спиноза заимствовал свое учение, не отыскание тех лоскутов, из которых данная система составлена. Такой подход неправилен по отношению к такому оригинальному мыслителю, как Спиноза.

Здесь может итти речь лишь об указании на тот первичный материал, который служил для данного философа, как бы основной пищей, предметом обработки и переработки. Для этой цели могли быть применены самые разнообразные инструменты, результаты этого процесса могут оказаться совсем не схожими с его исходной точкой, но забыть об их связи нельзя.

С такой точки зрения указать на связь Спинозы с юдаизмом совсем не трудно. Ведь сами факты говорят за это.

Быть первым учеником в самой образцовой школе, в самой образованной общине тогдашнего еврейства, быть в такой традиционной среде до 22-летнего возраста,—это одно уже достаточно, чтобы тысячами нитей быть связанным с еврейством, несмотря на имеющееся налицо влияние чужого мира, посторонних учений и даже на личное желание окончательно освободиться от всяких влияний.

Вот почему странным покажется, когда некоторые исследователи ретиво доказывают, что этот изгнанник еврейства, Спиноза, ничего общего с еврейством не имеет, что он скорей всего христианин, что он окончательно вычеркнул из своей жизни первые годы своего еврейского образования, что Спиноза исключительно черпал из чужих, новых источников и т. п.

Не вдаваясь в подробности, где именно лежат эти «новые источники», и не намереваясь категорически отрицать возможности таковых, я хочу здесь только показать, что в самом юдаизме было достаточно потоков самых разнообразных волн и большое богатство, так сказать, философских мотивов, чтобы в крайнем случае это одно могло питать тот могучий интеллект, которым обладал Спиноза, и служить ему той твердой неподвижной точкой, исходя из которой можно было делать целый переворот.

При этом, мы не должны забыть, что Спиноза с самых юных лет занимался очень основательно естественными науками и математикой, что наверное предохранило его как от софистики Талмуда, так и бредней Кабаллы. Но с другой стороны и Талмуд, и Кабалла, и вся последующая религиозно-философская еврейская мысль тайком сделали свое дело и не только служили исходной точкой, началом философствования Спинозы, но и оставили свои следы в его системе.

Желая быть кратким, я не приведу здесь ни одной цитаты из сочинений Спинозы, а ограничусь лишь приведением целого ряда мест из еврейских источников, которые так или иначе напоминают нам учение Спинозы. Для нашего семинария, изучающего Спинозу, его система достаточно известна, почему и считаю лишним всякое приведение его цитат.

Но раньше всего несколько слов о знаменитом отлучении Спинозы. Мне кажется, что у некоторых товарищей отсутствует адэкватное понятие значения этой анафемы. Я должен сказать, что факт отлучения совсем не такое редкое явление у евреев и не так страшно, как это рисуют, некоторые исследователи, когда говорят об отлучении Спинозы.

Согласно Талмуду, отлучением наказывают за следующие проступки: критика действий учителя (даже после его смерти), клеймление товарищей обидным прозвищем, нарушение правил общественной морали, содержание в доме злой собаки, произнесение имени господа всуе и т. д.

В позднейшее время отлучение служило, главным образом, средством поддержать дисциплину и нравственность среди евреев.

Так в XI веке было запрещено под страхом анафемы: 1) многоженство, 2) насильный развод, 3) чтение чужих писем (הרר"ג).

Интересно то, что для всех проступков и для всех предосторожностей текст анафемы был почти одинаков. Здесь мы встречаем такие выражения: «пусть поразят его язвы великие, неисцелимые, болезни многочисленные и необычные»... «Пусть земля поглотит его, как Короха, а гром небесный да поразит его смертью».

Но вся эта процедура означала не отлучение от еврейства, а только отлучение из данной общины.

И если Спиноза ушел от еврейства, то это не благодаря анафеме, а потому, что ему там уже нечего было делать. Скорей всего, наоборот. Община его исключила потому, что Спиноза слишком далеко ушел от нее. Так бывает и в настоящее время, когда политическая партия, спешит исключением своего члена, раз только она узнает, что данный член хочет выйти из партии.

Но все это сказано между прочим. Перейдем к делу.

Не желая предугадать мнение нашего семинария в целом, я, однако, думаю, что мы все придем к тому заключению, что основной характерной чертой философии Спинозы является монизм или, выражаясь его же словами: «познание единства, которое дух имеет с природой в ее целом».

Но этот мотив единства, правда, не в таком широком смысле слова, и является основным принципом юдаизма.

Ежедневно религиозный еврей говорит: «верую, что господь един, бесподобен. Он один был, есть и будет».

Не менее известен самый святой пароль евреев, с произнесением которого многие из них мученически умирали на кострах. Он гласит: «слушай Израиль, наш бог един есть».

Молитва «עלינו», которой заканчивается всякое богослужение, говорит о пришествии того великого дня, когда все народы поймут, что имеется только царство е д и н о г о б о г а на земле.

Другим основным мотивом юдаизма является борьба со всяким видом антропоморфизма. Здесь опять-таки видим, как еврей ежедневно повторяет: «верую, что бог не является телом и нам никак нельзя наглядно его представить себе».

Против антропоморфизма, который еще имеет место в Пятикнижии, начинается борьба еще со времен пророков.

Талмудисты и этим не удовлетворились. Там мы читаем: «Пророки проявляют большую смелость, сравнивая творца с его творением».

Еврейская философская мысль пошла еще дальше. Раньше всего остановимся на Ибн-Гебироле (1021—1070) «אקור חיים» (у христианских схоластиков он известен под именем Авицеброна.

У него мы находим такие мысли: «Первая действующая причина безусловно едина без всякой множественности...»

Эпитеты всемогущий, всемудрый божеству не приложимы, ибо всякое определение и перечисление умаляет лишь его достоинство. (Этот мотив встречаем еще в Талмуде). Дальше. О боге мы можем иметь представление, лишь на основании наблюдений и выводов из его воздействия на все существующее. Божество есть первая субстанция... Одна и та же материя составляет основу всего существующего в мире, проходящая через все ряды существующего, как бы по ступеням лестницы, с высоты чистого интеллекта к глубине всего материалистического... Творение необходимо содержится в природе бога, почему творение также вечно и бесконечно, как бог.

Здесь, кажется, впервые пантеизм находит себе место в еврейской философии. Желая выразить образно мысль, что создатель и создание одно и то же, Ибн-Гебироль говорит:

ושואב ממקור האור בלי דלי
ופועל הכל בלי כלי (כתר מלכות)

«Первичное вещество все черпает из источника света без ведра и все творит без инструмента».

Не менее интересно является то обстоятельство, что он, Гебироль, впервые написал популярное руководство по этике, где этические проблемы трактуются вне всякой связи с религиозными и догматическими положениями, без цитат из Библии и Талмуда. Больше того. Он устанавливает здесь теснейшую связь между этическими положениями и физико-психологическими данными человеческой природы. «תקון מדות הנפש»

В XII веке мы встречаемся с другим крупным еврейским мыслителем с Маймонидом (1135—1204).

Здесь мы можем найти следующие положения:

1) О боге можно только сказать, что он есть, но не каков он есть.

2) «Сомневаться в наличии бога — сомневаться в наличии всего существующего».

3) «Бог един, но не как обычная единица, состоящая из дробей, не как единичный предмет, состоящий из измерений. Бог такого рода единства, какого мы реально не встречаем».

4) Знание бога не имеет аналогии с знанием человека, ибо «он одновременно вещь познающая, вещь познаваемая и само познание».

5) Только в одном боге нет различия между сущностью и существованием, ибо «его бытие составляет его сущность, а сущность его бытие».

6) Бог не может иметь новых представлений, ибо в нем все заключается.

7) Бог не определяется временем, точно так, как «голос не определяется ни как соленый, ни как пресный».

8) Про бога нельзя говорить, что он обладает волей, ибо «состояния мощи и воли приложимы к созданиям бога, а не к нему самому».

9) Все, что существует кроме бога, обладает лишь возможным существованием. Один лишь бог обладает необходимым существованием.

10) Задача человека—постичь истинное познание, которое равносильно любви к богу.

11) Человек может одолеть зло, стараясь познанием и усвоением нравственных правил победить свои страсти.

12) Во всем должен нами руководить разум, а не вера. Вот почему и Маймонид утверждает: «Философы, которые занимаются физикой и метафизикой, стоят на гораздо высшей ступени, чем люди, изучающие одну Тору».

Раньше чем перейти к рассмотрению взглядов других еврейских мыслителей, я остановлюсь несколько на одном арабском философе XII века, Авероэсе (1126—1198), который имел большое влияние на дальнейший ход развития философской мысли среди евреев. Многие из его сочинений были переведены на древне-еврейский язык. Много у него заимствовал еврейский мыслитель Герсонид, который, по мнению многих исследователей, служил источником для Спинозы.

Очень интересным является утверждение Авероэса, что религия дана для нерассуждающей народной массы, неспособной к философскому мышлению, и цель религии — не прояснять сознание людей, а только поднимать их нравственный уровень.

Не менее смелым является его отрицание «святая святых» того периода—бессмертия души. Он находит, что наша душа продолжает существовать после смерти не как особая субстанция, а лишь как момент во всемирном разуме, воплощенном во всем человеческом роде. Он настаивает на вечности материи, на вечности мира.

Как видно, отсюда уже не далеко до детерминизма Спинозы. В самом деле. Раз существует лишь одна мировая душа, а человеческая душа есть лишь часть этого мирового целого, то о свободе воли уже речи быть не может.

Как уже было сказано, из еврейских мыслителей более ярким последователем Авероэса является Герсонид (1288—1344).

У него мы замечаем целый ряд ересей. Раньше всего он отрицает акт творения, который является альфой и омегой традиционного юдаизма. Дальше он утверждает, что «Тора не может запретить нам считать верным то, признание чего требуется нашим разумом». Сверх'естественного не существует. Чудо является естественным действием первоначального закона.

Как видите, не даром современники Герсонида перефразировали название его книги, которая называлась «Войны бога» в «Войны с богом».

Стоит также напомнить утверждение Герсонида, что акт мышления не может быть отделен от об'екта мышления.

Не менее интересны для нас его следующие слова: «Никто не заботился о том, чтобы углы треугольника равнялись двум прямым, поэтому никто не может связывать цели с таким явлением».

Теперь мы перейдем к Хасдаю Крескасу (1340—1410). «אור ה"»

Самым важным для нас являются следующие его утверждения:

1) Философия и теология—это отдельные области и постигаются различными видами познания, и 2) что все бытие, все космическое в при-

роде и этическое в человеке есть явление не свободное, а необходимое следствие.

Вот его слова: «Неизбежно существующим, причиной самого себя является лишь бог. Все остальное происходит от него».

Интересно отметить, что Крескас очень часто оперирует категориями: «необходимость», «случайность», «возможность», что, как известно, имеет также место в системе Спинозы. (Вообще главы XIII, XIV и XV Теолого-политического трактата удивительно напоминают некоторые главы из сочинения Крескаса.)

Я считаю не лишним обратить внимание на следующее место у Крескаса. Он говорит: «как пространство входит в промежутки тела, так бог наполняет все части вселенной, он есть ее место «מקום», которое носит и содержит вселенную.

Я позволю себе остановиться очень коротко на терминологии того периода, которая сама по себе весьма характерна.

Так, во всей средневековой еврейской философии бог характеризуется как « מהויב המציאות », необходимо сущее, в отличие от всего остального—возможно сущего. Дальше. Та часть философии, которая у нас именуется онтологией, у них, начиная со времен Талмуда и кончая последними еврейскими схоластиками, называлась «מעשה מרכבה»— «дело колесницы».

Ибо человек может говорить и иметь понятие только о «natura naturata», о колеснице. О кучере же «natura naturans» мы адэкватного понятия иметь не можем. (Употребляю здесь термины «natura naturans» и «natura naturata» в понимании схоластиков.)

Насколько высоко ценили эту область философии, видно из следующего выражения, которое мы находим в Талмуде: «гораздо важнее заниматься «делом колесницы», чем вопросами ритуального характера». Но при этом указывается, что об этом деле публично нельзя дискуссировать, ибо оно может внести лишь путаницу и принести больше вреда, чем пользы.

Теперь перейдем к краткому рассмотрению другой ветви еврейской мысли, к еврейской мистике, к Кабалле. Последняя берет свое начало в XIII веке.

Краеугольным камнем является здесь «אין סוף»—бесконечный. Любимыми изречениями здесь являются: «все в боге, во всем бог». Все едино есть, как «горящий уголь и его пламя». «Нет места свободного от бога».

Позитивного определения бог не имеет, так как это ограничивало бы его. Богу не могут быть приписаны ни воля, ни намерения, ни мысль, ни слово, ни действия. К нему не применимы перемена или изменения, ибо в нем нет никаких границ. Никакое явление не может быть понятно без бога.

Связь между бесконечным и конечным миром происходит через Сефирот, своего рода «силы». Хотя бог имманентен в Сефирот, но они вместе взятые отнюдь не сумма его. Таких Сефирот, или, по терминологии Спинозы, аттрибутов, Кабалла насчитывает 10.

Считая невозможным подробно остановиться на учении Кабаллы, я ограничусь приведением одной характерной цитаты из известной Каббалистической книги «Зогар».

«Горе тому, кто сравнивает бога с атрибутами его, тем более с людьми, из земли исходящими и разрушению подверженными». Бог лишен всяких качеств, как море.

«Подобно тому, как вода не имеет своей собственной формы, а принимает форму этого сосуда, в котором она содержится, точно так же и божественный свет принимает характер той или иной Сефиры, в которой он содержится».

Наконец, мы еще остановимся на одном из еврейских мыслителей XVI века, на Моисее Кордоверо (1522—1570). «פרדס רמונים»

Здесь мы читаем: «Все существующее находится исключительно в Его сущности. Бог есть, как бы форма всех существ, ибо все они в Нем».

Дальше мы встречаем такие слова: «достаточно более углубиться, чтобы убедиться в том, что все мы происходим из него и включены в нем. Наша жизнь—его протяжение, и все то, чем мы питаемся—животный и растительный мир,—это все не может быть вне его. Получается, что все это похоже на колесо, которое катится без конца... Он все, все в нем, нет ничего вне его... Хотя единичные вещи весьма удаляются от него, но фактически все лишь в нем содержится и в нем сохраняется... Но обо всем этом нельзя публично говорить. Более того. Даже сердце не поведует об этом устам».

На этом пожалуй и покончим с богом.

* * *

Следующей характерной чертой учения Спинозы является его спокойный об'ективный взгляд на жизнь, отсутствие пессимизма. Такое настроение мы находим и в юдаизме.

Ведь весьма характерным является то обстоятельство, что в Пятикнижии добро отождествляется с жизнью, а зло со смертью. И часто там повторяется: «выбирай же жизнь».

В притчах Соломона мы читаем: «не заботься о завтрашнем дне, ибо неизвестно, что он с собой принесет».

В Талмуде мы встречаем много указаний против пессимизма и аскетизма:

«Кто отказывается от удовольствий, тот грешник».

«Человеку предстоит дать отчет (на том свете) за все то, что видел глазами и не пользовался».

Имеются в Талмуде даже такие места, где сквозит оптимизм.

«Все творимое богом—к добру».

«Сын мой, если есть у тебя, не отказывай себе, ибо нет в гробу наслаждения и нет у смерти отсрочки».

Не менее суровое отношение к аскетизму мы встречаем у многих еврейских мыслителей средневековья.

Саадья Гаон (892—942) говорит: «воздержание—прекрасная черта, если им пользуются в меру, но становится злом при преувеличении».

Маймонид говорит: «неправильно и даже скверно будет, если человек совершенно откажется от того, чтобы кушать мясо, пить вино, жениться, жить в хорошей квартире и хорошо одеваться, ибо этот путь полон греха».

При этом мы должны указать, что для Маймонида хорошим делом, добром, считалось все то, что помогает усовершенствованию личности; злом же, грехом—все то, что такому усовершенствованию мешает.

Кабалла, наоборот, склонна к аскетизму. Известен афоризм Зогара: «В крепком теле—слабая душа, в слабом теле—здоровая душа». Не менее известны наклонности кабаллистов к постам и самоистязаниям.

Не даром, видно, Спиноза так часто непочтительно отзывается о Кабалле. Но такое течение есть безусловно уклонение от юдаизма. Ибо лейт-мотивом юдаизма есть борьба против аскетизма и грусти.

* * *

Следующими основными элементами учения Спинозы является любовь к людям и любовь к богу.

И этими мотивами проникнут юдаизм. Ведь основным положением юдаизма, как известно, является: «возлюби ближнего, как самого себя», что распространяется и на не евреев, что ясно видно из текста. Там же мы читаем: «не оставайся спокойным при виде крови ближнего твоего».

Пророк Гошеа восклицает: «дружелюбия я требую, а не жертвоприношений». В Талмуде мы читаем: «человеконенавистничество ведет к смерти». Абрабенель (1460—1530) в своих «диалогах» говорит, что «любовь есть животворящее начало и в космосе и в человечестве. Любовью просветляется душа до способности созерцать бога».

Что касается элемента любви к богу, то он также издавна имеет место в юдаизме. Еврей несколько раз в день повторяет слова из Пятикнижия: «возлюби бога всем сердцем, всей душой и всей силой твоей». У Филона мы встречаем мысль, что любовь не только является основой философского познания, но и высшей добродетелью.

Этих мотивов много в еврейской религиозной философии средневековья. Весьма ярко они выражены в сочинениях Маймонида и Ибн-Эзры. Но не только у них. Очень сильно этот мотив выражен также у Ибн-Гебироля, который был не меньше поэтом, чем философом. У него мы читаем:

«Мое сердце тоскует по тебе, господи. Я не могу скрывать моей любви к тебе и должен выразить ее словами».

У Кресказа мы читаем: «любовь бога, в котором заключается его блаженство, является самым существенным, самой внутренней сущностью его».

Неоднократно он подчеркивает, что настоящая цель жизни человека—искренняя любовь к богу.

В очень распространенной среди евреев книге в XII веке «ספר חסידים» мы читаем: «пусть все служат богу не ради блаженства в раю, а из чистой любви к нему». (И этот мотив мы еще встречаем в Талмуде.)

Интересно, что когда автор этой книги, Иуда Благочестивый, рассуждает о высшем счастье человека, о слиянии его с божеством, автор так увлекается, что сравнивает это состояние «с половой страстью молодого человека».

Кабалле этот мотив также не чужд. Она учит, что главной основой нравственности является любовь к богу, которая определяет высшие и низшие ступени всего сущего и возвышает все на ту ступень, где все должно быть едино.

Можно с уверенностью сказать, что красной нитью во всей еврейской религиозной философской литературе является «любовь к богу».

* * *

Я теперь еще хотел бы остановиться на нескольких, так сказать, общеизвестных изречениях и ходячих сентенциях из Талмуда и Кабаллы, которые, наверное, в школе Мартейра были также распространены, и Спиноза невольно впитывал их в себя.

Я приведу некоторые из них без всякой системы, на память:

1) «Кого можно назвать героем? — того, кто владеет своими страстями».

2) «Никто не ударит себе палец здесь на земле, если это не было постановлено на небе».

3) «Количественное значение букв слова « אלהים », т.-е. бог, и слова « הטבע »; т.-е. природа, одинаково», почему между богом и природой можно провести знак равенства.

4) «Если тебе что-нибудь так ясно, как утро, то скажи это, если же нет, так лучше не скажи».

5) «Только то можешь провозгласить, как истинное познание, если оно известно тебе точно так, как то, что нельзя тебе жениться на твоей сестре».

6) «Кто подвергается аффектам гнева, тот идолопоклонник».

7) «Вознаграждение за доброе дело, это само доброе дело». «Наказание за грех—сам грех».

Я думаю, что этих цитат хватит.

Считаю, однако, необходимым повторить теперь то, что я уже сказал в самом начале. А именно. Было бы глубоко ошибочно, если бы на основании приведенного мною материала кто-нибудь хотел бы заключить, что Спиноза заимствовал свое учение у того или другого еврейского мыслителя. Нет. Учение Спинозы в целом в юдаизме никакого предшественника не имеет. Все приведенные выше мысли стояли там и сям разбросанными, одинокими, голыми.

Моя цель — показать, что в юдаизме там и здесь были налицо самые разнообразные мысли, самые различные мотивы, которые сами по себе еще ничего целого не составляют, точно так, как куча камней еще не дом. Но это могло служить хорошим материалом в руках искусного архитектора.

Говорить же здесь о прямом влиянии, о продолжении какой-нибудь системы в юдаизме—было бы более, чем нелепо.

В самом деле. У Спинозы ведь не менее точек расхождения с предшествующими еврейскими мыслителями, чем точек соприкосновения.

Укажем хотя бы на то, что Маймонид—самый ярый приверженец телеологии; что Крескас проводит знак отличия между богом, как нечто духовным и видимым миром, как материальным, что у него ясно выражен примат религии над философией, и, наконец, на то, что в таких основных вопросах как: творение мира, отношение между телом и душою, происхождение добра и зла,—во всем этом спинозизм и Каббалла далеки друг от друга, как небо от земли.

Я здесь только хотел показать, что был целый ряд понятий и идей, которые глубоко вкоренились в еврейской религиозно-философской мысли, и их влияние было, наверно, велико на всякого критически мыслящего еврея XVII века.

Величие Спинозы состоит в следующем:

В то время, как все предшественники Спинозы были рабами традиций, вели соглашательскую политику, чтобы примирить философию с религией, Спиноза, великий революционер мысли, окончательно порвал цепи традиций, разрушал все кумиры, и этим самым вышел на широкую дорогу.

Если вспомним, что такими соглашателями были тогда не только философствующие раввины, но такие величины, как Декарт и Лейбниц,

то величие Спинозы еще больше воссияет. Перейдем, однако, к делу. Я должен здесь указать, что большинство материалов, приведенных мною выше, принадлежит к сочинениям нелегальным или полулегальным в традиционной еврейской среде. Их авторы были самыми радикальными мыслителями в юдаизме. Они и служили мостом между юдаизмом и учением мирового характера—спинозизмом.

Что в самом юдаизме было достаточно материала, достаточно оттенков мысли, были достаточно выдвинутые проблемы, чтобы могла создаться система Спинозы, я хочу отчасти доказать следующим путем.

Я возьму одно течение еврейской мысли, которое появилось среди евреев у нас на Украйне и в Польше в начале XVIII века, и которое, без сомнения, не черпало ни откуда, кроме еврейских источников. И покажу здесь, что это течение в очень многом напоминает нам спинозизм.

Я хочу говорить здесь о хасидизме. Я ограничусь указанием самых распространенных взглядов хасидизма и некоторых изречений основателя этого течения—Бешта.

1) «Подобно тому, как складка в платье сделана из самого платья и в нем остается, так и мир—из бога и в боге».

2) «Бог во всем: в минералах, растениях, животных и человеке, в добре и зле. Ибо нет абсолютного добра и абсолютного зла. В известных случаях добро превращается в зло и наоборот».

3) «Бог не только первопричина всего существующего, но также его внутренняя сущность».

4) «Человек должен стремиться познать самого себя, как проявление божества».

5) «Грусть—от сатаны. Святость же лишь там, где сила и радость».

6) «Грусть—не хорошая черта. Человек должен всегда быть в радостном настроении».

7) «Цель человеческой жизни—слияние с божеством».

Я думаю, что этот перечень положений хасидизма многим из вас напомнил кое-что из «Этики» Спинозы.

По всему видно, что в XVII веке традиционный юдаизм дал трещину, и еврейская мысль искала для себя новые пути. В начале XVIII века это выразилось в хасидизме, во время Спинозы имело место крупное движение Сабатай-Цви (1626—1676).

Еще в конце XVI века мы встречаем целый ряд еврейских реформаторов, которые под влиянием общей свежей струи, которая имела место в Европе, хотят обновить также юдаизм, очистить его от разных традиций. Среди них более известны в еврейской литературе: Иосиф Демелдиго, Йуда Демодина и Уриэль Акоста. (Последний был, пожалуй, более бунтарь, чем теоретик.)

В сочинении Демодина « עאנת אריה », которое было написано в 1624 году, мы встречаем следующие места: «Есть такие, которые утверждают, что бог и мир одно и то же, что душа не живет вечно, что нет никакого страшного суда и нет загробной жизни». Дальше там говорится о том, что, мол, по мнению некоторых, все еврейские обряды—выдумки раввинов.

Нужно, однако, указать, что влияние этих реформаторов было не велико. Они выражались очень туманно, противоречиво, их доводы были слабы, была заметна большая путанность и нерешимость в головах самих авторов.

Но, что они могли будить мысли Спинозы в известном направлении, это весьма вероятно. Их книги были весьма распространены в Амстердаме.

Интересно отметить, что сочинения этих авторов, благодаря своей двусмысленности и эзоповскому языку, никаким гонениям не подвергались. Фактически же они уже начали подкапывать традиционный юдаизм.

Но все это было лишь началом того конца, того великого удара, который Спиноза нанес традиционному, аристократическому и официальному юдаизму. В самом деле. Ведь Спиноза лишил бога его трона и указал, что бог везде, т.-е., что личного бога нигде нет, что все разговоры о личном боге и его воле ведут в «asylum ignorantiae».

Отрицая высшее совершенство в чем-нибудь единичном, доказывая математически отсутствие бога, стоящего вне мира и над ним, Спиноза вырвал тот фундамент, на котором держится как официальный юдаизм, так и всякая религия вообще.

Современники Спинозы это прекрасно поняли и свои преследования Спиноза честно заслужил.

На этом, товарищи, я и мог бы закончить свое сообщение.

На вопрос же: что дал Декарт Спинозе—я скажу, что если Декарт приучил Спинозу к мысли, что для истинного познания необходимо выводить все исключительно из таких принципов, которые ясны и достоверны сами по себе; что следует утверждать только то, что вполне ясно и отчетливо, и, наконец, что никакая традиция, никакой авторитет не должны быть на пути исследования—если, я говорю, это одно получил Спиноза у Декарта, то уже достаточно, чтобы оправдать известные слова из предисловия к посмертным трудам Спинозы (см. К. Фишер. «Спиноза», стр. 121 и 273—9), что Спиноза «нашел себе могущественную поддержку в трудах возвышенного Рене Декарта». Да, именно, поддержку. Ибо Спиноза смотрел на Декарта, как на современника, с мнением которого следует считаться, метод которого следует усвоить.

В этом смысле Декарт, без сомнения, влиял на Спинозу. (Не без влияния оказались, наверное, также знакомства Спинозы с врачем Францем фон-дер-Энде и его остальными христианскими друзьями. Но войти в рассмотрение этого вопроса, мы здесь не можем.)

Я думаю закончить на следующем:

«Этика» Спинозы по содержанию — самое идеальное, самое отшлифованное, что имется в юдаизме, но изложенное методом Декарта.

Это далеко не значит, что до него кто-нибудь из еврейских мыслителей имел ясное и полное представление о проблемах, имеющих место в «Этике». Отнюдь нет. Спиноза здесь вполне оригинален и глубже, чем кто бы то ни было до него.

Но причину того, почему именно Спиноза строил свою систему так, а не иначе, следует искать в том, что он впитывал в себя юдаизм в самые лучшие годы своей жизни.

За спиною Спинозы лежало богатое прошлое. Нужно и можно было это использовать. Но для Спинозы использовать все богатое наследство прошлого означало сделать отбор в старом хламе между тем материалом, который соответствует духу нового времени и тем наростом, против которого надо бороться. Иначе выражаясь, нужно было безжалостно отказаться от многих старых истин, не пугаться новых и выбросить из головы все, что не соответствует «естественному свету». Имеющимся же плодотворным истинам нужно было дать развиться.

Чтобы сделать такой отбор нужна определенная мерка. Эту мерку Спиноза после долгих исканий и размышлений нашел сам, а «поддержку» в этом нашел в Декарте.

Можно ли после всего этого считать Спинозу специфически еврейским философом? Никак нет.

Еврейская философия в основе своей идеалистична, в системе же Спинозы преобладает материализм.

Основные пункты здесь различны. В то время, как этика у предшествующих еврейских мыслителей есть этика долга, у Спинозы же грандиозно развертывается натуралистическая этика, которая завершается у него элементами стоицизма.

Дальше. В то время, как одним из китов юдаизма есть свобода воли, у Спинозы гвоздем учения является последовательный, выдержанный детерминизм.

И, наконец, согласно юдаизму человек является венцом творения, конечной целью всего бытия, и история человечества об'ясняется исключительно телеологически. Спинозизм же с такой концепцией ничего общего не имеет. (Здесь перед нами духовная связь юдаизма с другим философом, не евреем, с Лейбницем.)

Вот почему мы никак не можем согласиться с теми, кто хочет видеть в Спинозе специфически еврейского философа.

Спиноза принадлежит не определенной нации, а всему человечеству.

9/XII—1922 года.

Использована следующая литература:

Маймонид «שמנה פרקים», «מורה נבוכים», «יד החזקה»

Беренфельд «דעת אלהים»

Карпелес—История еврейской литературы.

Грец — История евреев.

Крескас «אור ה"»

Журналы: «השלח» «העתיד»

II. Семинарий по политической экономии

Предисловие

к работам т.т. Марецкого и Мендельсона.

Печатаемые ниже доклады т.т. Марецкого и Мендельсона были прочитаны во втором семестре 1921—1922 уч. года в руководимом мною семинарии повышенного типа по теории политической экономии. Работа семинария началась в половине февраля 1922 г. при 12 участниках. До этого семинарий приблизительно в том же составе работал несколько месяцев под руководством проф. И. А. Трахтенберга, при чем проработал проблемы теории трудовой ценности.

В нашем семинарии были заслушаны и обсуждены доклады о теории предельной полезности и теории ценности-стоимости Туган-Барановского. После этого семинарий перешел к детальной разработке учения о деньгах. Были заслушаны и обсуждены доклады о теории металлических денег и теории бумажных денег Маркса (при чем были попутно разобраны теории Прудона и Родбертуса). Из буржуазных теорий семинарий работал над современными теориями — номиналистической (Кнапп, Бендиксен) и количественной (Кассель, Фишер).

Докладчики по этим теориям не имели в своем распоряжении марксистской литературы, и им пришлось самостоятельно проделать работу критического преодоления довольно сложных теоретических построений современной буржуазной теории денег.

Доклад т. Д. Марецкого «Теория ценности австрийской школы» не претендует на оригинальность.

Однако нам кажется, что докладчику удалось дать критику теории предельной полезности в сжатой, отчетливой и остроумной форме, сведя методологическую, логическую и социологическую аргументацию в стройное и компактное целое.

Впрочем, т. Марецкий не везде идет по следам Н. И. Бухарина и дает местами самостоятельную постановку вопросов.

Мы должны отметить, что не во всем согласны с докладчиком. Так, например, утверждение, что метод «австрийцев» не каузальный, а телеологический, чрезмерно решительно и недостаточно обосновано. В частности, ценность средств производства выводится у австрийцев из ценности предельных продуктов чисто каузально, а не телеоло-

гически, да и общая предпосылка, что хозяйство имеет целью удовлетворение потребностей, лежит в основе любой системы политической экономии и вовсе не делает таковую телеологической.

Точно также, мы не согласны с социологической характеристикой австрийской школы, как политической экономии рантье.

Соответствующая аргументация Н. И. Бухарина казалась и кажется нам скорее остроумной, чем основательной, а добавочная подпорка, сооруженная т. Марецким в виде внепроизводственной интеллигенции не делает бухаринского сооружения более устойчивым.

Но, в общем и целом, доклад т. Марецкого—стройный и изящный—продолжает в этом отношении блестящие традиции марксизма, резко отличаясь от тех продуктов буржуазной учености, «которые написаны таким сухим и темным языком, что у простого смертного голова трещит».

Доклад т. Мендельсона стоит несколько в стороне от общей программы работ семинария, но представляет по своему содержанию значительный интерес, как трактующий самостоятельно одну из наиболее сложных проблем в теории ценности Маркса.

Кстати, эта проблема, под названием спора об общественно-необходимом труде, как раз в текущем академическом году, вызывает повышенный, мы бы сказали, даже ненормально-повышенный, интерес почти во всех экономических семинариях Института.

Мы называем этот интерес ненормально-повышенным, поскольку в нем есть известная доля стремления превращать Маркса в об'ект талмудистского изучения и схоластических словопрений.

Но это отнюдь не значит, что самая проблема является мнимой. Наоборот, она своими корнями уходит в методологическую подпочву теории ценности и связана с вопросом о роли ценности в системе капиталистического хозяйства.

Пожалуй, столь же важен и значительно менее выяснен вопрос о диалектике превращения ценности в рыночную ценность и цену производства, о том, в каком методологическом соотношении находятся в теоретической системе Маркса эти категории. Очень мало изученная комментаторами Маркса 10-ая глава III тома «Капитала», несомненно, таит в себе богатые источники нового экономического познания.

Т. Мендельсон вдумчиво подошел ко всем этим проблемам. Мы не будем утверждать, что ему удалось дать их исчерпывающее решение. Но нам кажется, что ему вполне удалось показать, что вопрос решается совсем не так просто, как кажется, например, Т. Григорович или Ш. М. Дволайцкому.

Конечно, проблема очень упрощается, если подменить марксову ценность трудовой стоимостью, как логической и технической категорией, но это решение вопроса для Туган-Барановского или А. А. Богданова, а не для марксистов.

С. Членов.

Д. Марецкий.

Теория ценности австрийской школы.

Несмотря на столь претенциозный заголовок доклада, последний отнюдь не содержит в себе характеристику австрийской школы в ее историческом развитии и в ее современном состоянии. Даже такие ее корифеи, как Менгер и Визер используются лишь в незначительной степени. Предметом доклада является собственно теория ценности общепризнанного главы австрийцев Евг. Бем-Баверка. Но и в учении самого Бема вскрываются только основные элементы, многие детали опущены. Оставлена совсем без трактовки проблема так называемого экономического «вменения» (вопрос о ценности комплементарных благ), как имеющая бо́льшее отношение к теории распределения. Нечего и говорить, что руководящим критическим пособием послужила работа тов. Бухарина «Политическая экономия рантье», в которой автор разделался с австрийцами с таким совершенно исключительным мастерством и с такой исчерпывающей полнотой, что изменить, или добавить что-либо по существу вряд ли представляется возможным. Лишь по сравнительно второстепенным пунктам при построении и в некоторых формулировках, я счел себя вправе отступить от тов. Бухарина.

Вместе с тем, чтобы избежать повторения избитых примеров и желая хоть немного скрасить скуку, которую естественно на многих нагоняет австрийская схоластика, я сохраняю за собой право некоторых самостоятельных иллюстраций.

Доклад строится по следующему плану:

1. Изложение теории.
2. Критическая характеристика метода исследования.
3. Обнаружение основных логических ошибок.
4. Общая оценка теории и ее социологическая характеристика.

Признание центрального значения проблемы ценности давным-давно стало общим местом политико-экономической литературы. Все другие проблемы—суть производные проблемы ценности. Поэтому от правильного решения последней зависит правильность построения всей теоретико-экономической системы в целом. Наоборот, малейшая неосторожность, малейший промах в обращении с этой деликатной дамой—ценностью—неминуемо повлечет за собой самые тяжелые последствия: фиаско за фиаско, скандал за скандалом лавинообразно распространятся один за другим, и во всех остальных областях теории придется жестоко расплатиться за первородный грех, содеянный в сфере теории ценности. Все это усугубляет серьезность задачи и требует особой научной тщательности при ее решении. Как же, однако, ее нужно разрешить?

Прежде всего, вполне ясно, что решение должно удовлетворять тому элементарному признаку всякого научного познания, который именуется монизмом.

«Нужна именно такая теория, — говорит Бем-Баверк, — которая все явления ценности выводила бы из одного и того же начала, и при том давала бы им исчерпывающее об'яснение» («Основы», стр. 92).

Уже это основное методологическое требование делает a priori неправильным решение вопроса à la Рикардо, который ценность одних, — редких монопольных благ—выводил из принципа полезности, а ценность других—свободно воспроизводимых благ — из принципа издержек производства.

Такая двойственность принципов есть обратная сторона научной беспринципности, и, представляя собой недопустимое теоретическое двурушничество, должна быть решительно отвергнута.

Другими словами: экономический «дуализм» невозможен.

Но как же, где же, в чем же отыскать этот монистический, конститутивный принцип ценности, который обладал бы искомой общезначимостью, который гармонически непротиворечиво об'яснял бы «все явления ценности»?

Где «архимедова точка ценности»? Таков проклятый вопрос политической экономии. Уже прежние экономисты сознавали, что между ценностью и полезностью существует какое-то соотношение, но какое именно—они не выяснили, и в этом заключается их основная ошибка. Одни из них, признавая, что всякий ценный предмет должен быть полезным, тем не менее, при анализе явлений ценности, совершенно абстрагировались от полезности; последняя приобретала у них роль «в углу стоящего статиста» (In der Ecke stehender Statist) и вообще связь между полезностью и ценностью воспринималась ими «как загадочное противоречие, как contradiction économique» (стр. 33).

Другие экономисты впадали в противоположную ошибку, и некритически отождествляя ценность с полезностью, неизбежно становились в тупик перед фактом отсутствия ценности у «свободных» или, по терминологии Менгера, «неэкономических» благ, благ, вне всякого сомнения обладающих полезностью.

Однако Гордиев узел между ценностью и полезностью разрубается весьма просто, если признать всякую ценность полезностью, но не всякую полезность ценностью.

Лишь полезность определенной квалификации может быть наделена признаком ценности. Лишь та полезность, от обладания которой зависит благополучие хозяйствующего суб'екта, квалифицируется им, как ценность. Например, для человека, «сидящего у обильного источника воды», стакан воды представляет лишь полезность, для путешествующего «по раскаленной зноем пустыне», и обладающего ограниченным запасом воды, каждый стакан приобретает уже и значительную ценность.

Для туриста, путешествующего по России, бутылка «Нарзана» в Москве представляет собой весьма солидную ценность.

Та же бутылка «Нарзана» на Кавказе, в Кисловодске, у самого нарзанного источника, где он может потреблять нарзан безвозмездно, в неограниченном количестве, дисквалифицируется им, как ценность, и низводится в ранг простой полезности.

Также легко об'яснить и распространенное явление отсутствия ценности у «свободных» полезных благ, например, воздуха.

В итоге мы получаем следующее определение ценности:

«Ценность есть то значение, которое приобретает материальное благо или комплекс материальных благ, как признанное необходимое условие для благополучия суб'екта».

Но определив ценность вещи, как ее значение для хозяйствующего суб'екта, мы тем самым и нашли тот монистический принцип, который искали.

Суб'ективная оценка вещи индивидуумом—вот исходная точка наших дальнейших рассуждений.

Приведенное определение ценности, предполагая суб'ективную оценку, является определением суб'ективной ценности.

Кроме категории суб'ективной ценности политической экономии, приходится оперировать с категорией об'ективной меновой ценности, которая заключается в «об'ективном значении благ в сфере обмена», и может рассматриваться, как «сила или свойство, присущее самим материальным благам».

Сообразно с этим теория ценности распадается на д в е части:

1. Теорию суб'ективной ценности и
2. Теорию об'ективной меновой ценности.

I. Теория суб'ективной ценности.

Показав, при каких условиях полезность трансформируется в ценность, и выяснив, тем самым, сущность ценности, мы дали, так сказать, качественную характеристику ее. Но это еще не все решение вопроса. Ибо бесчисленные эмпирические факты постоянно указывают на то, что люди не ограничиваются констатированием ценности, не говорят о ценности вообще, но всегда о большей или меньшей ценности, всегда дают ей определенную количественную характеристику.

Таким образом, перед нами всплывает проблема величины ценности, и мы должны отыскать количественный масштаб ее. Это нам легко удастся, если в своих рассуждениях мы будем опираться на однажды открытый нами универсальный экономический принцип суб'ективной оценки.

В самом деле, если ценность вещи есть ее значение для суб'екта, то в е л и ч и н а ценности вещи должна быть адэкватна степени этого значения ее. Степень же «значения» вещи, совершенно очевидно, адэкватна важности той потребности, которую эта вещь удовлетворяет. Отсюда вытекает необходимость анализа потребностей.

Различные роды потребностей имеют различную важность, различное значение для жизненного благополучия.

Потребность в пище, например, выше, чем потребность в табаке, потребность в одежде существеннее, чем потребность в выездной карете, или шахматной доске. Но и в пределах данного рода потребность не представляет собой нечто неподвижное, наоборот, она является величиной переменной, падающей, по мере ее насыщения. Даже самый заправский любитель блинов и самый набожный почитатель масленицы, облизываясь при потреблении первого блина, при сотом блине начинает «сдавать», и, предчувствуя приближение тошноты, быстро соображает, что конкретная потребность в 101-ом блине для него равна нулю, а посему 101-ый блин используется им для приобщения к святому обычаю своего любимого мопса. (Вообще нельзя не признать, что русская масленица может быть довольно наглядной иллюстрацией для проявления действия так называемого «закона Госсена»).

Комбинируя классификацию потребностей по их разнообразию и по интенсивности их в пределах каждого рода, мы получаем «скалу» конкретных потребностей, при помощи которой имеем возможность количественного соизмерения их. Приводить и комментировать эту скалу мы считаем излишним в силу ее общеизвестности. Проанализировав потребности, нетрудно определить величину ценности экземпляра данного запаса благ. Стоит только спросить себя: удовлетворение какой конкретной потребности зависит от наличия этого экземпляра в распоряжении хозяйствующего индивидуума, наивысшей, средней или наименьшей? Ясно, что не наивысшей, ибо, в случае утраты одного экземпляра из данного запаса, наш хозяин не откажет себе в удовлетворении наивысшей, т.-е. самой настоятельной потребности, при помощи остающихся экземпляров, точно также постарается он покрыть и средние потребности, и от утраты вещи пострадают, таким образом, потребности, имеющие наименьшее значение.

Форменным идиотом оказался бы тот охотник, который, взяв с собой 2 французских булки—одну, предназначенную для утоления собственного голода, а другую—для собаки, в случае утраты первой вторую отдал бы собаке, а сам остался голодным.

Пользуясь методом лишения (хотя бы только мысленного) мы и определяем величину ценности единицы данного рода благ,—важностью той конкретной потребности, которая имеет наименьшее значение в ряду потребностей, удовлетворяемых всем наличным запасом. Или, резюмируя в двух словах: ценность вещи определяется наименьшей или предельной пользой. Такова кардинальная формула теории предельной полезности, от которой последняя и получила свое несколько замысловатое название.

До сих пор мы говорили о ценности одного экземпляра данного запаса благ. Теперь поставим вопрос о величине ценности всего запаса. На первый взгляд кажется, что ценность его должна определяться произведением предельной пользы одного экземпляра на число их. Но такой поспешный вывод неправилен, и покоится на забвении решающей роли суб'ективной оценки.

Какая суб'ективная польза зависит от обладания запасом?

Только ли наименьшая? Нет, конечно, и средние и высшие потребности не получат удовлетворения в случае лишения собственника всего запаса. Следовательно, слагаемыми являются неравные величины, а потому очевидно, что ценность суммы не может равняться произведению наименьшего слагаемого на число их, а будет гораздо большей.

Для ясности вообразим такую картину: поселенец, избушка которого стоит в первобытном лесу, обладает 5 мешками зерна; первый из них ему служит для удовлетворения самой настоятельной потребности в пище, потребности не умереть с голода, которую обозначим цифрой 5. Во втором мешке он нуждается для поддержания надлежащей силы и здоровья; обозначим его значение цифрой 4. Третий мешок—наш колонист не вегетарианец—им используется для откармливания птицы; обозначим пользу цифрою 3. Четвертый—наш колонист эпикуреец—предназначается им на выкуривание водки; пользу его выразим цифрой 2. Последний, пятый мешок—наш колонист большой эстет—пойдет у него на откармливание попугаев, болтавню которых он любит слушать; потребность эту обозначим цифрой 1.

Чему равна в этом случае ценность каждого мешка?

Предельной пользе его, т.-е. 1, ибо, если колонист лишится одного мешка, то он откажется лишь от прокормления попугаев, и, подавив лег-

ким вздохом разбитые эстетические надежды, изрядно выпьет, закусит дичью, и досыта наестся хлебом.

Чему равна ценность пяти мешков?

Единице ли, умноженной на 5, предельной ли пользе одного мешка, умноженной на число мешков, упятеренному ли удовольствию держать попугаев? Конечно, нет. Если у колониста пропадут все пять мешков, то ему придется распроститься не только с попугаями, но и с собственной жизнью; ценность пяти мешков будет равняться, следовательно, при наших цифровых обозначениях не $1 \times 5 = 5$, но $1 + 2 + 3 + 4 + 5 = 15$. Итак ценность суммы благ не пропорциональна ценности единицы их.

Ценность запаса измеряется непосредственно величиной всей совокупной суб'ективной пользы, полученной от запаса, взятого в целом.

Этого не понимают многие критики, в том числе даже остроумный марксист Густав Экштейн, который в статье, озаглавленной «О четвероляком корне недостаточного обоснования теории предельной полезности», пытается довести до абсурда приведенный пример Бем-Баверка следующим образом:

Предположим, что наш лесной Робинзон пересыпет каждый большой мешок в 2 маленьких; вместо 5 мешков у него будет 10; ценность каждого из этих 10 мешков будет равняться уже не единице и даже не половине, но, скажем, одной трети; ценность всего запаса $\frac{1}{3} \times 10$, т.-е. $3\frac{1}{3}$; перед роковым же пересыпанием ценность всего запаса равнялась $1 \times 5 = 5$; другими словами: единственно лишь из самой манипуляции с пересыпкой потеряна польза в $1\frac{2}{3}$, между тем, как величина запаса осталась неизменной.

Курьезный вывод. Но в нем повинен не Евгений Бем-Баверк, а курьезная интерпретация его Густавом Экштейном. Чтобы ошибка его стала наглядной, представим себе Экштейна в роли Робинзона, вообразим, что он один-одинешенек на всем белом свете.

Однако, находясь в таком затруднительном положении, он не покидает мысли уничтожить в конец ненавистную австрийскую школу, доведя ее посылки до нелепых выводов.

Противостоя всей вселенной в единственном числе, он решает ее суб'ективно оценить, при чем за единицу оценки принимает один атом.

Чему равна ценность одного атома с точки зрения Экштейна-Робинзона?

Ясно, что нулю, ибо в случае, если один атом как-нибудь улизнет из вселенной, то Экштейну на него ровным счетом наплевать, он даже не заметит его исчезновения.

Вся вселенная состоит из мириада-мириадов атомов. Но если ценность каждого из них равна нулю, то ценность мириада-мириадов атомов будет равняться мириаду-мириадов нулей, т.-е., по сути дела,—все тому же круглому нулю.

Вывод: ценность вселенной, согласно суб'ективной оценки Экштейна, равна нулю. Однако это пессимистическое заключение неверно. Экштейн просто не овладел еще вполне логикой суб'ективных оценок. На самом деле он должен рассуждать так: я оцениваю всю вселенную. Что будет, если я лишусь всей вселенной, если она вся без остатка провалится в нирвану, в небытие? Будет очень скверно,—тогда погибну и я сам, Густав Экштейн. Ergo, вселенная должна представлять для Экштейна бесконечно большую ценность.

Психологически заблуждение Экштейна, однако, понятно: он жил в обществе «при господстве производства, основанного на разделении труда

и обмена», и потому, при анализе Робинзонады впал в иллюзию, порожденную в нем теми «казуистическими модификациями» суб'ективной ценности, которые имеют место лишь в меновом обществе.

«В последнем,—говорит Бем-Баверк,—в продажу поступает в большинстве случаев избыток продуктов, совсем не предназначенных для удовлетворения личной потребности собственника».

«Один центнер или 1.000 центнеров сахару продает сахарозаводчик—это ни мало не отражается на удовлетворении его личных потребностей в сахаре; 1.000 центнеров в данном случае действительно представляют из себя лишь один центнер, умноженный на 1.000».

Но кроме этого установления пропорциональности между ценностью суммы и ценностью единицы, существование обмена вызывает к жизни ряд других «казуистических особенностей», с которыми мы сейчас познакомимся.

Возможность обмена несколько видоизменяет суб'ективную оценку материальных благ по непосредственной предельной пользе их, превращая их в оценку, по так называемой субституционной пользе.

Этот принцип «субституции» или замещения состоит вот в чем: суб'ективная ценность безусловно необходимых материальных благ, приобретаемых на рынке хозяйствующими суб'ектами, определяется не той непосредственной высокой предельной пользой, на удовлетворение которой они предназначаются, а («субституционной») предельной пользой благ другого рода, которые употребляются для приобретения благ первого рода. Это понижение предельной пользы естественно происходит потому, что в случае утраты безусловно необходимого материального блага пострадала бы не та высокая потребность, которая им удовлетворяется, но потребности менее важные, удовлетворяемые благами, которые используются для «замещения» утраченной вещи. Напр., для хозяина его единственный дом непосредственно представляет собой очень высокую предельную пользу, удовлетворяя одну из самых настоятельных потребностей его, потребность в жилище.

Но однажды его дом сгорел, при чем удалось спасти из него лишь шкатулку с бриллиантами. Повлечет ли за собой утрата дома превращение бывшего хозяина в бездомного бродягу? Ни капельки. Погорелец быстро найдет себе новое помещение, реализовав некоторую часть спасенных от пожара драгоценностей; таким образом он переложит одну более тяжелую утрату в сферу потребностей, имеющих относительно меньшее значение.

Или, наприм., хромой, у которого сломался единственный костыль, имеющий для него, разумеется, огромнейшее значение, не оставит себя в дальнейшем без костыля, а постарается переложить утрату на другого рода блага, блага составляющие для него второстепенную важность. Он продаст имеющуюся у него пару театральных билетов, и на вырученные деньги приобретет новый костыль.

Прежде чем перейти к другим вариациям суб'ективной оценки в рамках менового хозяйства, нужно остановиться вот на каком очень важном явлении ценности. Бывает так, что одна и та же вещь допускает различные способы употребления, давая при этом не одинаковую предельную пользу.

Чем же будет измеряться суб'ективная ценность такой вещи?

Ответ очевиден: она будет определяться наивысшей предельной пользой, получаемой от наиболее рационального употребления, так как хозяйственный расчет всегда заставляет индивидуума выжимать из

данного материального блага максимум пользы. И действительно, никто ведь не станет оценивать: алмаз—по его способности служить в качестве тары на весах, скаковую лошадь—как конину, редкую картину—как старый холст, редкую книгу—как топливо, и т. д. В меновом обществе особенно важен и рационален меновой способ употребления благ. Поэтому, ценность материальных благ, употребляемых для продажи, определяется не их ничтожною порой близкой к нулю предельной пользой, которая реализовалась бы при употреблении этих благ в качестве суб'ективной потребительной ценности, но предельной пользой, получаемой при употреблении их как меновой ценности, т.-е. предельной пользой предметов, получаемой в обмен за продаваемые блага.

Этот вариант суб'ективной оценки проливает яркий свет на соотношение между потребительной и меновой ценностью, разгадать которое тщетно пытались прежние экономисты. Потребительная и меновая ценность не представляют собой явлений, лежащих в совершенно различных, принципиально друг друга исключающих, плоскостях; наоборот,—они суть лишь, как говорит Менгер, «две формы одного и того же явления ценности». В зависимости от характера и размера потребностей и от имущественного положения собственника, суб'ективная оценка вещи базируется то на потребительной ценности ее, то на меновой.

Наприм., для миллионера золотой бокал представляет собой бо́льшую потребительную ценность, чем меновую; для жулика, укравшего золотой бокал из магазина, напротив, меновая ценность его покажется гораздо существеннее, чем потребительная. Кроме указанных факторов на суб'ективную меновую ценность блага влияет, конечно, и об'ективная меновая ценность его, так как этим моментом определяется количество выменяваемых на него благ.

В особенности благом, суб'ективная меновая ценность которого решительно превалирует над потребительной, являются деньги. А так как мы знаем, что суб'ективная оценка блага, допускающего разные употребления, базируется на его высшей предельной пользе, на ценности наиболее выгодного его употребления, то деньги будут оцениваться нами по их меновой ценности, а не по потребительной.

Польза от употребления золотых денег для детской забавы, или польза от применения бумажных денег для свертывания папирос неизмеримо ничтожнее, по сравнению с пользой их в качестве меновой ценности. Это и об'ясняет нам то экономическое явление, что с деньгами мы постоянно встречаемся в процессе обмена.

До сих пор мы анализировали ценности готовых благ, предметов непосредственного потребления. Но запасами потребительных благ не исчерпывается богатство народов. Огромную, если не бо́льшую часть последнего составляют, так называемые, «производительные блага», средства производства. Производительные блага подразделяются в зависимости от расстояния от готового продукта—на блага «высшего» и «низшего» или «отдаленного» порядка.

От чего зависит ценность производительных благ?

Приложим принцип суб'ективной оценки. Ценность производительных благ определится тогда, как значение их для хозяйствующих суб'ектов. В чем же состоит это значение? Ясно, что сами по себе производительные блага значения не имеют. Последнее они приобретают лишь постольку, поскольку из них изготовляются те или иные продукты. Значение, предельная польза продукта, т.-е. ценность его и явится конституирующим элементом ценности производительных благ. Значит,

«не ценность продуктов определяется ценностью их средств производства, а, наоборот, ценность средств производства определяется ценностью их продуктов». (Б.-Б. Основы, стр. 108).

Многие экономисты ставят вещи на голову, когда утверждают, что ценность продуктов определяется издержками производства, впадая при этом в самое нестерпимое противоречие с фактами.

Ибо, как можно отрицать то, что «ценность ртутного рудника зависит от ценности ртути, а ценность земли, на которой сеется пшеница— от ценности пшеницы».

«Не потому дорого токайское вино, что дороги токайские виноградники, а, наоборот, токайские виноградники дороги потому, что высока ценность их продукта».

Но все же принцип издержек не должен быть без дальних слов отброшен в сторону, как никуда негодный, и вот на каком основании.

Часто одни и те же производительные блага применяются в производстве различных продуктов, имеющих неодинаковую предельную полезность. Продукты эти «родственны по производству», являясь (по выражению Визера) как бы «аллотропическими модификациями» одних и тех же производительных элементов.

Как же определить ценность производительных элементов, из которых изготовляются продукты с разной ценностью?

Ценность производительных благ будет определяться ценностью «предельного продукта», т.-е. продукта с наименьшей предельной пользой, потому что в случае утраты данной группы производительных благ, мы, при помощи остающихся производительных групп, постараемся реализовать как максимальную, так и среднюю пользу, изготовляя наиболее дорогие продукты, и утрата производительной группы ляжет на предельный продукт.

Но будет ли ценность остальных «родственных по производству» продуктов измеряться непосредственно предельной пользой их самих. Нет, ибо, потеряв продукт, дающий высокую предельную пользу, мы не откажемся от ее реализации, но произведем новый продукт такого рода, затратив часть средств производства, ценность которых мы уже определили.

Следовательно, так как в этом случае начнет действовать известный нам принцип «субституции» ценность всех других продуктов кроме «предельного» будет определяться через издержки производства.

Получается, стало - быть, цепь: исходный пункт—ценность предельного продукта, ей определится ценность средств производства, а последние послужат определяющим фактором ценности остальных продуктов.

Понятна теперь истинная роль закона издержек производства; он является лишь «промежуточным этапом», по которому закон предельной пользы осуществляет свое действие.

Закон издержек производства есть лишь частный закон, подчиненный общему закону предельной пользы.

Вот что говорит Бем-Баверк: «Как луна отбрасывает на землю не свой, а заимствованный у солнца свет, точно так же допускающие многостороннее употребление производительные материальные блага отбрасывают на другие свои продукты ценность, получаемую ими от их предельного продукта. Основа ценности лежит не в них, а вне их—в предельной пользе продуктов». (Основы, стр. 107).

II. Теория об'ективной меновой ценности.

Нам остается теперь разрешить проблему цены. Идем на рынок. Пред нами безбрежное кипучее море хозяйственных страстей, переплетающаяся мозаика житейских интересов.

Верные своему методологическому принципу, мы и здесь не выпустим из рук ариаднину нить, которая выручала нас в самых темных, самых извилистых закоулках суб'ективной ценности.

Ничего, кроме суб'ективных оценок—таков наш неизменный девиз.

Постараемся показать, как «стремительный напор эгоистических волн» суб'ективных оценок, интерферируясь на рынке, образует цену как их об'ективную результанту.

Но вначале поставим себе кантианский критический вопрос: как возможна цена, как возможен рынок, каковы суб'ективные a priori, каковы предварительные условия обмена, без которых последний не может состояться. Прежде всего ясно, что побуждаемые доминирующими в них эгоистическими импульсами контр-агенты только тогда вступят в сделку, если она обоим обещает суб'ективную выгоду.

Дальнейшая тактика их будет строиться сообразно таким мотивам:

1. Они всегда предпочтут совершать сделку с бо́льшей выгодой, чем с меньшей и

2. Они скорее реализуют минимальную выгоду от обмена, нежели откажутся от него вовсе.

Проследим теперь процесс обмена. Обмен может происходить: «изолированно» между двумя лицами, в условиях конкуренции между одними покупателями при монопольном положении торговца, обратно при монопольном положении покупателя и при конкуренции на стороне продавцов, и, наконец, в условиях двустороннего соперничества как продавцов, так и покупателей.

Последний случай наиболее типичный, а потому ограничимся анализом его одного [1]).

Механизм конкурентного действия суб'ективных оценок приведет к установлению цены в промежутке между оценками «предельных пар» (в схеме предельными парами являются A—A_1 и B—B_1). Поэтому основной закон образования цен, который мы вывели, называется законом предельных пар.

Этот закон нам показывает:

1. Какие контр-агенты фактически заключают сделку.

2. Сколько окажется таких контр-агентов и

3. Какова высота цены.

Но закон «предельных пар» раскрывает перед нами лишь формальную сторону дела. Вдумываясь в содержание рыночного процесса мы откроем шесть более глубоких коренных факторов, которыми, в конечном счете, определяются как перипетии рыночной борьбы, так и высота цены. Эти факторы следующие:

---

[1]) **Схема образования цены на рынке.**

	B	A_1
Оценка продавцов лошадей	1, 2, 3, 4, 5	6, 7, 8, 9, 10
Оценка покупателей их . .	10, 9, 8, 7, 6	5, 4, 3, 2, 1
	A	B_1

Каждый продавец выводит на рынок только одну лошадь.
Цена устанавливается между 5 и 6.

1. Число желаний, направленных на товар.
2. Суб'ективная оценка товара покупателями.
3. Суб'ективная оценка денег покупателями.
4. Размер предложения товара на рынке.
5. Суб'ективная оценка товара продавцами.
6. Суб'ективная оценка денег продавцами.

Нетрудно видеть, как эти факторы, взаимно комбинируясь и нейтрализуя друг друга, регулируют движение цены. Например: если растет число желаний, если повышается оценка товара покупателями и понижается их оценка денег, то при прочих, равных условиях растет цена. Иначе: если растет предложение товара, понижается оценка товара продавцами, но оценка денег ими повышается, то caeteris paribus цена падает. В результате сложный феномен цены нами разгадан. «Рыночная цена,— говорит Бем-Баверк, — это равнодействующая сталкивающихся на рынке оценок товара, и в той вещи, в которой выражается его цена». Вся же теория ценности, как в «зеркале» отражающая «житейскую практику» и позволяющая научно ориентироваться в «казуистическом лабиринте человеческих хозяйственных интересов», теория, на стороне которой «опыт и логика», должна быть признана единственно научной и правильной.

Критическая характеристика метода исследования.

«Монистическим принципом», ариадниной нитью», «архимедовой точкой», единственным критерием ценности является у австрийцев, как мы видели и постоянно подчеркивали, суб'ективная оценка.

Поэтому суб'ективную оценку, составляющую методологический фундамент всего суб'ективно-психологического здания ценности, мы должны в первую голову подвергнуть самому тщательному рассмотрению, и выяснить, может ли она в самом деле играть роль самодовлеющего принципа, можно ли индивидуума с его переживаниями брать за исходный пункт при построении экономической теории.

Характеризуя методологический антагонизм между марксизмом и Grenznützler'ами, Зомбарт формулирует его как различные точки зрения лимитации и точки зрения мотивации.

«У Маркса, — говорит Зомбарт, — никогда не идет речь о мотивации, но всегда лишь о лимитации (ограничении); в данном случае об ограничении индивидуального произвола хозяйствующих суб'ектов».

С этой формулой соглашается и тов. Бухарин. Используем и мы ее для своих целей.

Индивидуальная мотивация, т.-е. суб'ективная оценка постоянно лимитируется. Чем же она лимитируется, каковы моменты лимитации? Попытаемся детализировать, расчленить формулу Зомбарта, и мы найдем лимитацию троякого рода:

1. Социальную лимитацию суб'ективной оценки.
2. Историческую лимитацию суб'ективной оценки, и
3. Производственную лимитацию ее.

Первый лимитирующий момент (социальный) выражает факт примата общества над личностью и указывает на то, что в индивидуальной психике, в индивидуальной воле, суждениях и оценках, социальный материал уже предполагается данным.

Отдельная личность является как бы маленьким сгустком бесчисленных социальных влияний. 2-ой момент—историческая лимитация суб'ективной оценки—констатирует тот факт, что индивидуальная психика всегда заключена в определенные исторические рамки, является величиной, так сказать, исторически переменной.

Оба первых момента лимитации, расчлененные абстрактным анализом, реально проявляются лишь одновременно, давая совместно социально-историческую лимитацию суб'ективной оценки.

В чем выразится действие социально-исторической лимитации на хозяйственные оценки суб'ектов товарно-капиталистической системы? В том, что эти оценки будут приспобляться к существующим ценам. Об'ективный социально-исторический феномен—цена—вот что лимитирует суб'ективную оценку. Но этого не понимает австрийская школа, которая, наоборот, вышелушив сперва из суб'ективной оценки все социально-историческое, представив ее какой-то суб'ективной оценкой an sich, пытается затем из нее опять-таки вывести социально-историческое. Но так как суб'ективно-внеисторическое и социально-историческое принципиально не связуемы, то ясно, что вывести одно из другого невозможно, и это заранее обрекает на неудачу сизифову работу Бем-Баверка, задавшегося целью совершить чудесное преосуществление суб'ективных оценок в цену. Видимость успеха ему дается при этом очень дорогой ценой,—ценой отказа от чистого суб'ективизма, путем контрабандного введения об'ективного в анализ, путем замаскированного признания социально-исторической лимитации. Но эта контрабанда не спасает Бем-Баверка: получается лишь порочный круг: цена выводится из суб'ективных оценок, но последние сами предполагают цену. Поэтому значительная доля дальнейшей развернутой «логической критики» предстает перед нами в виде какой-то охоты цен за суб'ективными оценками и сведется к регистрации порочных кругов в том или ином конкретном случае.

Перейдем теперь к третьему виду лимитации—к производственной лимитации суб'ективных оценок.

В чем она заключается?

Сущность ее в том, что динамика оценок есть функция динамики производства, что хозяйственные оценки меняются в зависимости от изменения в производительности общественного труда. Выделение момента производственной лимитации в особый пункт—да и вообще весь тяжеловесный аппарат лимитаций — нам понадобится потому, что мы считаем поле применения социально-исторической и производственной лимитации различным. Первая ограничена рамками товарно-капиталистической системы, только в последней суб'ективные оценки вынуждены приспособляться к ценам.

Вторая имеет, так сказать, универсально-историческое значение. Всегда, везде, всякие оценки как индивидуальные, так и социальные детерминируются в конечном счете данными производственными условиями. Проследим действие производственной лимитации, предполагая самые различные условия.

Возьмем 4 случая: 1) Робинзонаду, 2) меновое общество, 3) организованное социалистическое общество и, наконец, 4) переходный период,—период, так наз. «Zusammenbruch'a».

Рассмотрим первый случай—Робинзонаду. Но Робинзонада Робинзонаде рознь. История политической экономии знает Робинзона 2-х типов—производящего и непроизводящего. Первый культивировался в

старое время, им не брезговали классики, с ним слегка пококетничал и Карл Маркс в I-ой главе «Капитала». Второй представляет собой последнее слово новейшей политической экономии, на нем стяжала себе великую славу австрийская школа. Мы, однако, из скромности не будем касаться «новейшего» Робинзона, питающегося небесным подаянием, нас интересует больше устарелый Робинзон классиков.

Оценки последнего будут сообразовываться с количеством благ, с величиной запаса. Количество же благ Робинзон волен изменять по своему произволу, увеличивая или уменьшая количество труда, нужное на их производство. Следовательно, даже в совершенно фантастических условиях робинзонады производственная лимитация дает себя почувствовать. Или, как говорит К. Шмидт: «Относительная ценность благ, воспроизводимых в любом количестве, оценивается здесь... по затратам труда, необходимого для их воспроизводства». Еще раньше на это указал Дитцель в полемике с австрийцами.

А вот мнение Маркса по поводу робинзонады.

В отношениях «между Робинзоном и вещами, составляющими его самодельное богатство»... «уже заключаются все существенные определения стоимости» (подразумевается определение рабочим временем). Эти отношения «настолько просты и прозрачны, что даже г. Макс Вирт умел бы уразуметь их без особого напряжения ума». (Кап., пер. Баз. и Ст., стр. 43).

Мы не знаем, уразумел ли их Макс Вирт, но что их не уразумел Евгений Бем-Баверк, несмотря на чрезвычайно большое напряжение ума, это можно утверждать самым категорическим образом.

Даже последовательно проводя точку зрения самого Б.-Баверка нельзя говорить, что Робинзон будет оценивать свои «блага» по их предельной пользе, ибо уже в хозяйстве Робинзона начнет действовать принцип «субституции», правда, не «меновой», так как там нет обмена, и, значит, и не может быть менового «замещения» утерянных благ. Но зато войдет в силу принцип, так сказать, трудовой, производственной субституции.

Робинзон будет оценивать вещи по тому значению «наслаждения и счастья», которого он «лишится», если ему в поте лица своего придется «хлопотать» над воспроизводством утраченных вещей.

Стало-быть, даже с точки зрения Б.-Баверка правым окажется не он сам, а скорее Адам Смит суб'ективной манеры. Но довольно робинзонад. Перейдем к системе менового хозяйства. Производственная лимитация суб'ективных оценок в товарном обществе выражается в том, что движение цен регулируется движением производительности общественного труда. К существующим же на рынке ценам, как нам уже известно, приспособляются оценки «хозяйствующих суб'ектов». Дальнейшая критика покажет, как Бем-Баверку не удается избежать признания решающей роли производственного момента, каким образом несчастный производственный момент, выражаясь модным ныне языком, будучи непризнанным de jure окажется втихомолку признанным de facto.

Сейчас же займемся организованным хозяйством социалистического общества. Весьма любопытно, что Визер, чувствуя, как теория предельной полезности на каждом шагу противоречит фактам капиталистической действительности, решил, что она вообще неприменима для их об'яснения, но зато вполне развертывает свою мощь и логическую убедительность в рамках социалистического общества. Капитализм, по его словам, представляет собой лишь карикатуру (Zerrbild) на социализм. Со-

циализм же, с экономической точки зрения, есть не что иное, как «индивидуальное хозяйство высшего стиля» (Einzelwirtschaft in höchster Styl), своего рода робинзонада высшей марки. Поэтому закону предельной пользы, давшему исчерпывающее об'яснение индивидуальной робинзонады, обеспечено полное логическое торжество и в применении к коллективной робинзонаде. В последней его действие можно демонстрировать с особенным эффектом.

Таким образом, мы видим, что теоретическое использование социализма в интересах австрийской школы, которое с такой помпой было возвещено г. Бруцкусом в «Экономисте», и которое им было прокламировано, как новое научное открытие, на самом деле имеет за собой порядочную историческую давность, лет в 40, примерно.

Но это не мешает ему быть абсолютно неверным.

Как бы лицемерно не расшаркивались перед социализмом, как бы не золотили пилюлю наши классовые враги, каким бы социалистическим лаком они ее ни покрывали,—она для нас решительно не приемлема.

Социалистическое хозяйство не есть коллективный Робинзон.

Социальная оценка не идентична с индивидуальной. Социальная оценка и не есть умноженная или возведенная в степень суб'ективная оценка. Социалистический индивидуум—это сплошной nonsens.

Социальная предельная польза — это абсурд с точки зрения самой австрийской школы. Постулировать такую категорию — это значит впадать в конфликт с собственными предпосылками, потерять свою специфическую, суб'ективно-психологическую окраску. Поэтому невероятно комично выглядят заявления г. Бруцкуса, указывающего на то, что т.т. из «Экономической жизни» сдают свои марксистские позиции и спешат в об'ятия австрийской школы. Замечая сучки у них в глазах, он в своем собственном не видит целого бревна. Он сам давно уже совершил методологическое saltomortale, индентифицировав суб'ективную оценку с социальной. Общественная оценка социалистического общества есть явление sui generis. Но она не висит в воздухе. Она тоже подчинена действию производственной лимитации.

Общественные оценки благ в организованном хозяйстве будут меняться в зависимости от развития производительных сил его, в зависимости от прогресса техники.

И здесь динамика оценок отразит динамику производства.

Резюмируя все сказанное о значении производственной лимитации, мы констатируем ее общезначимость, лишь выявляющуюся в разных аспектах: в хозяйстве Робинзона непосредственно через его суб'ективную оценку; в меновом обществе посредственно, через слепую силу рынка, через его фетишистические категории, через ценность и цены, и, наконец, непосредственно в сознательных общественных оценках при социализме.

Признание универсальности действия производственной лимитации оценок само собой должно вытекать из общего духа нашей социологической концепции. Ведь не сознание людей определяет их бытие, а наоборот, общественное бытие определяет формы их сознания. В забвении момента производственной лимитации и состоит собственно вся премудрость психологической школы. Она попросту абстрагируется от производства и устами Джевонса дает парадоксально-нелепое определение политической экономии, как «теории потребления богатства». Философ Декарт выставлял тезис: «я мыслю—следовательно, я существую». Австрийцы, очевидно, хотят выставить другой: «я потребляю—следовательно, я

хозяйствую». Что потребление есть конечный момент всякого хозяйства, этого никто—за исключением, может быть, Туган-Барановского, давшего сумасшедшую теорию рынка, оторванного от потребления — этого никто никогда не отрицал.

Но если я потребляю, и только потребляю, то это означает, что я не хозяйствую, а лишь пользуюсь продуктами чужого хозяйства и являюсь паразитом и рантье.

С общественной же точки зрения совершенно несомненно, что потребление невозможно без производства.

Но могут быть такие периоды в общественном развитии, правда, относительно очень краткие, когда производство временно отстает от потребления, когда последний момент гипертрофически выпячивается на первый план. Примером может служить «переходная» эпоха, период капиталистического Zusammenbruch'a.

Чем характеризуется переходный период с производственной точки зрения?

Распадом хозяйственных связей, «отрицательным расширенным воспроизводством», колоссальной деградацией производительных сил. Но если процесс общественного воспроизводства может на пару лет даже прекратиться вовсе, то можно ли допустить то же самое относительно процесса общественного потребления?

Ясно, что нет; последний может сжаться до минимума, но прекратиться совершенно он не может даже на один месяц, иначе общество вымрет. Общество будет до последней минуты жить на старые, столь милые австрийским сердцам, «запасы».

При этом оценивать их оно будет — раз условия свободного воспроизводства частично элиминированы, а значит и действие производственной лимитации проявляется лишь в ослабленной степени, главным образом, с точки зрения общественного распределения и потребления.

Но этот расцвет потребительско-распределительских тенденций об'ясняется исключительно параличом хозяйственного механизма [1]).

Но даже и психологию потребления австрийцы изображают извращенно.

---

[1]) Немудрено, что в Советской России, представлявшей собой одно время по вине заграничных собратьев г. Бруцкуса если не «осажденный город», то «осажденную страну», потребительские интересы приобрели столь важное значение. Однако даже и в этом совсем экстраординарном случае пальму теоретического первенства предоставлять психологической школе нет никакой необходимости: достаточной гарантией этому может послужить социальная природа Советской власти. Ведь Советская Россия была не просто «осажденным городом», но осажденным с о в е т с к и м городом. В процессе регулирования распределения и потребления «запасов» Советская власть отнюдь не сообразовывалась с потребительскими мотивами и оценками любого обитавшего под ее эгидой «индивидуума». Наоборот, в корне чуждая какого бы то ни было индивидуалистического психологизма, она в этом процессе ориентировалась исключительно на момент социально-классовый, считаясь только с социальной пригодностью или—выражаясь австрийским языком—с «советской предельной пользой» того или иного общественного класса, группы, подгруппы и пр. Широкая практика всевозможных классовых, красноармейских, ударных рабочих, спецовских и сверхспецовских пайков — тому красноречивейший свидетель. Так что, в конце концов, отвлекаясь от легко об'ясняемых «маленькими недостатками механизма» некоторых случайностей, когда без самой крохотной «предельной пользы» для советского дела какой-нибудь профессор-экономист австрийского пошиба вместо пайка 3-ей категории получал паек «академический», отвлекаясь от таких казусов, можно с полной категоричностью утверждать, что практика Советского потребительского распределительного хозяйства эпохи военного коммунизма шла не по индивидуалистической линии гренцнюцлеров, а по испытанной боевой классовой линии Маркса.

Насквозь пропитанные статическим духом они совершенно не дают анализа потребностей в их динамике.

Маркс в одном месте иронизирует над классиками, указывая на то, что их Робинзоны в своих хозяйственных суждениях пользуются расчетными таблицами лондонской биржи.

Австрийцы впадают в двойную аберрацию, с ними случается вдвойне неприятная история.

С одной стороны, капиталисты, которых выводят на сцену австрийцы, обыкновенно рассуждают не как капиталисты, а как Робинзоны.

Но и Робинзоны у них рассуждают не как Робинзоны, а при оценках пользуются скалой потребностей Менгера, приноровленной к интересам среднего австрийского бюргера. При этом дело доходит до курьезов. Житель первобытного леса у Бем-Баверка, например, сохраняет любовь к австрийским гульденам, в которых он и выражает ценность своих «мешков зерна».

Уже приведенные беглые критические указания ясно вскрывают шаткость методологической позиции теории предельной полезности и достаточно указывают, что придавленная тяжелым прессом лимитаций суб'ективная оценка должна оказаться совершенно беспомощной при анализе экономической действительности.

В заключение мы хотим отметить два предрассудка относительно австрийской школы, которые обычно циркулируют в наших марксистских кругах.

В первом из них виновата излишняя марксистская горячность, во втором, пожалуй, сама австрийская школа.

Первый состоит в том, что австрийцев обыкновенно валят в одну кучу с фетишистами, при чем не отдают себе ясного отчета, в чем собственно у них заключается фетишизм. Если под фетишизмом понимать вообще абстрагирование от социальных связей, то тогда австрийцы, конечно,—фетишисты. Если же более узко и точно в фетишизме усматривать приписывание вещам ценности как их естественного свойства, то австрийцы м е т о д о л о г и ч е с к и свободны от этого греха.

На свой лад они даже пытаются преодолеть фетишизм, но действуют при этом в противоположном Марксу направлении.

Припомним определения ценности, которые дают австрийцы.

По Бем-Баверку ценность есть з н а ч е н и е вещи для благополучия суб'екта.

По Визеру ценность есть человеческий и н т е р е с, мыслимый как состояние внешнего предмета.

По Менгеру, выдвигающему вперед интеллектуальный момент в ценности, последняя есть суждение, которое люди имеют о значении вещей для их благополучия.

Свой антифетишизм Менгер тут же подчеркивает словами:

«Итак, ценность не есть нечто присущее благам, не свойство их, но также и не самостоятельная сама по себе существующая вещь.

Итак, мы видим, что австрийцы с у б ' е к т и в и р у ю т ценность, считая ее психическим состоянием хозяйствующих суб'ектов.

Фетишисты же чистой воды м а т е р и а л и з у ю т, овеществляют ценность.

Маркс в противоположность австрийцам о б ' е к т и в и р у е т ценность, считая ее выражением определенных производственных отношений, определенной об'ективной закономерностью.

Перефразируя Визера, можно сказать, что по Марксу ценность есть общественное отношение, лишь фетишистически мыслимое как состояние внешнего предмета.

Перед нами, стало - быть, троякого рода принципиально - различная интерпретация ценности. Материализация, об'ективация, и суб'ективирование ее. Суб'ективирование и есть метод австрийской школы.

Впрочем, своей точки зрения она последовательно не выдерживает. Бем-Баверк, например, определяя об'ективную меновую ценность, как «свойство, присущее самим материальным вещам», ставя ее на одну общую плоскость с «отопительными», «эксплозивными» и прочими «ценностями», скатывается на путь вульгарно-фетишистической материализации.

Общий вывод таков: точка зрения австрийцев—с п е ц и ф и ч е с к и й п о л у ф е т и ш и з м. Изгоняя из ценности вещное, они порывают с фетишизмом, изгоняя из ценности об'ективно - социальное — они остаются его пленниками.

Другой предрассудок, на который указал Штольцман, и которого мы сейчас коснемся, заключается в отождествлении абстрактно - дедуктивного метода классиков и Маркса, с одной стороны, и школы предельной полезности—с другой. Этого предрассудка не избежал, на наш взгляд, даже тов. Бухарин. Школа предельной полезности выросла и закалилась в ожесточенной борьбе с так наз. исторической школой политической экономии. Теоретическому нигилизму и ремесленному эмпиризму исторической школы Карл Менгер в полемике со Шмоллером противопоставил лозунг необходимости познания «общих законов», анализу конкретно - исторического — анализ типического, индуктивному методу статистических обобщений — «экзактный» или точный метод теоретического исследования.

Экономическая наука, как и все прочие, должна заняться выяснением «причинных законов», («Kausalgesetze»), управляющих явлениями. С легкой руки Менгера принцип строгой причинности выдвигали и все теоретики австрийской школы. И все - таки по существу дела этим принципом они хвастаются не по заслугам. Если австрийцы и говорят о нем, то это свидетельствует только о том, что они еще не достигли адэкватного методологического самопознания.

В самом деле. Что является исходным пунктом их теории?

Суб'ективная оценка, забота об индивидуальном благополучии, потребности хозяйствующего суб'екта.

Но, выдвигая в качестве исходного пункта суб'ективную оценку и точку зрения потребления, австрийцы тем самым делают решающим целевой момент, — момент телеологический, а не каузальный. Лишь постольку вещь является ценностью, поскольку она удовлетворяет тем или иным индивидуальным целям. Лишь как средство для удовлетворения целей, данное благо становится экономическим благом. Весь тот сложный комплекс явлений, который обозначается термином хозяйство, в их глазах есть не что иное, как конгломерат бесчисленных целей и средств их удовлетворения. Цена у них—равнодействующая бесчисленных целевых устремлений, если она и об'ективируется, то это есть лишь специальный феномен, именуемый «гетерогенией целей».

Таким образом закономерность, управляющая экономикой, трактуется ими фактически как закономерность целевая, а не причинная. Может быть, возразят на это так: но ведь самый целевой момент, самую суб'ективную оценку австрийцам не трудно причинно обосновать; то,

что индивидуум ставит целью заботу о собственном благополучии, на то имеются вполне определенные и очевидные причины, так что, в конце концов, принцип причинности австрийцами отнюдь не выбрасывается за борт.

Но подобное возражение мы считаем покоющимся на недоразумении. Вопрос заключается не в том, обоснован или необоснован исходный пункт экономической системы в каузальном отношении,—конечно, привлекая данные посторонних научных дисциплин: биологии, физиологии, психологии, австрийцы легко об'яснят, почему забота об индивидуальном благополучии является доминирующей. Гвоздь вопроса лежит в другой области. Проблема должна быть поставлена так: каков тип связи между экономическими явлениями? В концепции Маркса тип связи каузальный, в концепции австрийцев — телеологический.

Их дедукция не каузальная, а телеологическая. В особенности напряженной их телеология выступает в учении о ценности «производительных благ». Ценность средств производства определяется ценностью их продуктов. Какой тут тип связи: причинный или целевой? Разумеется, не причинный, а целевой.

Действительно, пусть перед нами две ценностных величины: ценность средств производства и ценность их продуктов.

Если от ценности продуктов зависит ценность средств производства, и если средства производства получают свою ценность от продуктов, которые еще не произведены, а только будут произведены, то можно ли сказать, что ценность продуктов служит «причиной» ценности средств производства, можно ли сказать, что будущее есть причина настоящего?

Безусловно нельзя. Будущее по отношению к настоящему может быть целью, стимулом, импульсом,—чем угодно, но никогда не причиной. Причина, забегающая вперед своего следствия,—это геркулесовы столпы нелепости.

Итак, точка зрения австрийцев—своеобразный телеологизм.

Мы говорим «своеобразный» потому, что он в корне отличен, например, от юридической телеологии Штаммлера или от этической телеологии Штольцмана. Штаммлеровская и Штольцмановская телеология—социиальная телеология, телеология австрийской школы—суб'ективная.

ЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА [1]).

I. Социально-историческая лимитация суб'ективных оценок.

Логическая критика должна прежде всего констатировать, что Бем-Баверк неверно характеризует психологию членов менового общества и сплошь и рядом психику капиталиста подменивает психикой Робинзона.

1. К суб'ективным оценкам товаров по «полезности» (по предельной пользе) хозяйствующие суб'екты не прибегают вовсе.

---

[1]) В целях сокращения критика дается лишь в схематическом «тезисообразном» виде: она исходит при этом из предположения нормально-функционирующей и воспроизводящейся товарной или товарно-капиталистической системы, базирующейся на широком общественном разделении труда и характеризующейся развитым обменом.

Ведь не руководствуются же суб'ективными оценками по полезности: гроба—гробовщик, 42-см. орудия—пушечный король, яда—аптекарь, его продающий, хлопчато-бумажной машины—капиталист-машиностроитель и т. п. Реально для продавцов как средств производства, так и средств потребления, предельная польза их равна, разумеется, нолю. (Это вынужден был признать и сам Бем-Баверк в цитированном выше примере с сахарозаводчиком).

Но оценки их, тем не менее, не равны нолю, а приспособляются к существующим ценам. Очевидно, что то же самое применено и к оценкам покупателей средств производства. Для покупателей же предметов личного потребления оценки их не основываются на чрезвычайно высокой их предельной пользе, а целиком покоятся, по витиеватому выражению Бема, на «антиципации» относительно гораздо более низких цен. Таким образом уже в суб'ективной оценке вещи индивидуумом (настоящим, конечно, а не сфантазированным) скрывается об'ективный социально-исторический феномен цены, сам формирующий и ограничивающий («лимитирующий») суб'ективную оценку.

Суб'ективное выводится из об'ективного, а последнее опять из суб'ективного, т.-е. порочный круг № 1. Бем - Баверк чувствует его и торопится спрятаться под сенью сконструированных им химерических категорий «субституционной пользы» и суб'ективной меновой ценности.

Критика обязана последовать за Бем - Баверком. Роль упомянутых категорий полярно-противоположна. Первая относится к покупателям, вторая—к продавцам. Рассмотрим их по порядку.

2. Оценка по «субституционной пользе» (которую применяют покупатели) и величина ее предполагают цены определенной величины: как цену «замещаемой вещи», так и цену благ, которыми пользуются для «замещения». Нам кажется, что в этом пункте ошибке Бем - Баверка можно даже дать точную математическую формулировку. Размер пользы, которой «хозяйствующие суб'екты» лишаются в процессе «замещения» (а она-то, по Бем-Баверку и определяет искомую величину ценности) зависит от количества «отчуждаемых» («замещающих») благ; количество же благ, требуемых для «замещения», определяется как частное от деления цены «замещаемой» вещи на цену экземпляра «замещающих» благ. Короче говоря: величина субституционной пользы прямо пропорциональна частному, полученному от деления одной цены на другую, т.-е. опять - таки цена в качестве конечного фактора ценности.

3. Суб'ективная меновая ценность (которой руководствуются продавцы), по мнению самого Бем-Баверка, определяется об'ективной меновой ценностью. Последняя на данной ступени анализа Б. - Баверком осталась не выясненной, если не считать выяснением фетишистическое констатирование ее, как «свойства вещи».

Во второй части своих «Основ» Бем развивает учение об об'ективной меновой ценности, и в числе факторов, определяющих величину ее, отмечает суб'ективную меновую ценность.

Критика регистрирует новый circulus vitiosis: суб'етивная ценность определяется ценностью об'ективной, последняя же в свою очередь, суб'ективной. (Примечание: на стр. 92 своей книги об австрийцах тов. Бухарин говорит следующее: «Определение суб'ективной ценности через об'ективную, которая сама выводится из суб'ективной—это центральная ошибка Бема».

С этим мы не совсем согласны, во всяком случае это выражение требует пояснения. Соответственно двум отделам Бемовской книжки

члены порочной триады у него располагаются диаметрально - противоположно. Суб'ективное, об'ективное и опять суб'ективное—основная ошибка, «адэкватная», так сказать, учению о суб'ективной ценности. Об'ективное, суб'ективное и опять об'ективное — другой основной порочный круг, «адэкватный» учению об об'ективной меновой ценности.

В зависимости от того, какой из отделов считать более важным, одна из указанных ошибок станет центральной, другая — производной.

Мы рассматриваем обе ошибки как равноправные и думаем, что они лишь суть два аттрибута одной и той же субстанции—конфликта между суб'ективным и об'ективным, по всем швам раз'едающего австрийскую школу).

4. Загадку денежного фетиша, этого узлового пункта вещной об'ективации социальных связей, Бем - Баверк избегает даже ставить на решение. Поскольку же Бем сводит ценность денег к суб'ективной меновой ценности их, постольку он запутывается в сети противоречий, отмеченных в предыдущем.

5. Все перечисленные логические ляпсусы сразу всплывают на поверхность при анализе теории цены. Из шести quasi-субективных факторов цены 2-ой (оценки товара покупателями) базируется на субституционной пользе, т.-е. по существу дела на цене (см. п. 2), 3-ий (суб'ективная оценка денег покупателями), 5-ый и 6-ой (оценки продавцов)—на суб'ективной меновой ценности, т.-е. на об'ективной меновой ценности, которая сама, таким образом, из себя выводится; первый фактор—число желаний — колеблется в зависимости от уровня товарных цен; последний же сам зависит от числа желаний (4-ый фактор будет разобран ниже). В итоге имеем весьма плачевную картину: вместо теории цены перед нами вращается неприглядная порочная карусель.

Что же касается до пресловутого закона «предельных пар», громко аттестованного как «основной закон образования цен», а на деле лишь демонстрирующего наглядно ход конкурентной борьбы, то он, как только-что указывалось, зиждется на пятерке факторов, самих себя жестоко высекших. При этом иллюстрируется он крайне нетипичным, искусственным примером, в котором каждый продавец выводит на рынок одну лошадь. Понятно, что тут можно еще говорить о суб'ективной «предельной пользе» лошади для продавца.

Если бы, однако, Бем - Баверк взял пример более близкий к действительности, то ни о суб'ективной пользе, ни о соблюдении предварительного условия обмена—«продавай только с выгодой»—не было бы и речи, и, несмотря на строжайшую инструкцию Бем - Баверка, капиталисты продавали бы порой с убытком и суб'ективно и об'ективно.

Интересно, что Менгер пытается анализировать более реалистическую обстановку: у него обменивается сразу по несколько коров и по несколько лошадей. Но зато у Менгера получается логическая несуразность: в его примере нарушается тот принцип, что ценность суммы непропорциональна ценности единицы. При таких условиях нельзя не признать змеино-мудрым поступок Визера, попросту отказавшегося от исследования менового хозяйства.

II. Производственная лимитация суб'ективных оценок.

Бем - Баверк резонно считает закон издержек производства, как самостоятельный основной закон ценности, неверным и мастерски вскрывает порочный круг, лежащий в его основе. Но как частный промежу-

точный закон, сам в последней стадии сводимый к закону предельной пользы, принцип издержек производства Бем - Баверком принимается. Действие «издержки производства» он сравнивает с лунным светом, действие «предельной пользы»—с солнечным. Так Бем-Баверк торжествует над законом издержек производства. Критика может показать обратное, как закон издержек производства торжествует над Бем - Баверком.

1. Возьмем кардинальное понятие австрийской школы — «предельную пользу». Изменение величины «предельной пользы» не может не зависеть от издержек производства. Высота предельной пользы определяется соотношением между потребностями и средством их удовлетворения, т.-е. количеством благ.

Чем же определяется это количество?

Откуда берется данный «запас» благ?

Здесь возможны два альтернативных ответа:

а) или блага падают с неба, но тогда Бем - Баверку нужно открыто признать, что «высшей инстанцией» ценности является у него не «предельная польза», а само небесное провидение, правда, осуществляющее свою волю через посредство «предельной пользы», но уже как через «промежуточный этап».

Отсюда мораль для критики: взамен милостиво сброшенного с неба «запаса» благ, отослать туда в виде блага эквивалентного—самое теорию ценности австрийцев.

в) или же количество благ (в особенности это очевидно при резких изменениях количества, например, когда происходят так. наз. «революции цен») определяется в первую голову высотою издержек производства. Но признать это—значит признать примат «издержек производства» над «предельной пользой».

2. Регулирующее влияние издержек производства открыто признается самим Бем - Баверком, когда он, анализируя «четвертый фактор» образования цен, заявляет, что количество товаров, доставляемых на рынок, определяется в особенности «высотой издержек производства». Результат один и тот же: повсюду жалкий лунный свет «издержек производства» оказывается ярче хваленого солнца «предельной пользы».

3. Ценность средств производства Бем-Баверком определяется через ценность производимого с их помощью продукта.

Этому, однако, противоречит уже тот эмпирический факт, что изменение ценности средств производства происходит хронологически раньше, чем соответствующее изменение ценности продукта. Но если даже мы и признаем тезис Б.-Баверка, то все равно будем только иметь удовольствие лицезреть новый махровейший idem per idem.

Ценность средств производства (т.-е. издержки производства) определяется предельной пользой заключительных продуктов; последняя зависит от их количества, а это количество, как мы видели уже, зависит опять-таки от издержек производства. То-есть, издержки производства определяются ими самими. В итоге получаем три «незыблемых» положения: предельная польза об'ясняет издержки производства, издержки производства об'ясняют... предельную пользу.

Кроме того, издержки производства об'ясняют также и издержки производства.

Зафиксировав этот, пожалуй, самый трогательный образчик, поистине, «стальной» логики Бем-Баверка, мы вправе считать свою критическую миссию выполненной.

Общая оценка теории и ее социологическая характеристика.

Суммировать и обобщать рассмотренные логические фокус-покусы австрийской школы представляется совершенно излишним занятием. Ее универсалистические претензии, как мы уже видели, прямо пропорциональны ее реальному теоретическому убожеству. Об'яснять гипотетическую экономику ветхого Адама, а затем проникать в тайны капиталистического строя, расшифровывать «потребительские эмоции» «заблудившихся путников» или папуасов, а затем переходить к разгадке валютного дэмпинга или к анализу перипетий мирового кризиса и, наконец, без всякого зазрения совести браться за решение проблемы социалистического учета [1])—подо все это подгоняя свой вымученный квази-всемогущий суб'ективно-психологический шаблон—затейка достаточно говорящая сама за себя, чтобы на ней еще стоило останавливаться. К меткому каламбуру Энгельса относительно теории «беспредельной бесполезности» нечего прибавить и от него нечего убавить. А если это так, то факт «приятия» теории «беспредельной бесполезности» буржуазной экономической мыслью, есть факт, знаменующий ее теоретическое банкротство. Нас не интересует, однако, этот факт, как таковой. Мы хотим вскрыть его подоснову, об'яснить его, как факт, сам по себе, строго закономерный. В об'яснении громадного успеха австрийской теории некоторые считают решающим обстоятельством выполняемую ей функцию теоретического противовеса марксизму. При этом рассуждают так. При всех своих недостатках эта теория, как-никак все же производит впечатление чего-то относительно стройного, законченного, гладко причесанного во всех направлениях, и вдобавок ее основные посылки явно антагонистичны марксистским. Чего же проще в таком случае, почему бы утопающей буржуазной мысли не ухватиться напоследок за психологическую соломинку. Против марксизма все средства хороши: таков секрет «психологического» поветрия буржуазной науки. Отнюдь не отрицая того, что австрийская школа служит единственным противоядием марксизму, мы считаем, однако, такое решение вопроса недостаточным, потому что оно оставляет вопрос открытым относительно, если можно так выразиться, химического состава этого противоядия, относительно его специфических черт. Почему именно теория Grenznützlehr'ов, а никакая другая стала противоядием? Вся проблема как раз в этом и заключается. Эстетический аргумент от стройности бьет, конечно, мимо цели. Во-первых, потому что буржуазную мысль регулируют не эстетические, а классовые интересы. А во-вторых, на основании предыдущего логического разбора теории предельной полезности, ее «эстетическую стройность» мы вправе признать в значительной степени фиктивной. Опорным пунктом при выяснении вопроса мы считаем положение Маркса о том, что формы социального сознания должны соответствовать формам социального бытия. Основные методологические контуры экономической идеологии новейшего буржуа должны быть обоснованы типическими условиями его социального быта. Точку зрения, разделяемую некоторыми марксистами, согласно которой идеологические формы имеют имманентную логику развития, формально

---

[1]) Ср. упомянутых выше Визера и Бруцкуса, а также заключительное замечание своего рода специалиста по теории ценности г. Шапошникова в рецензии на «Политическую Экономию Рантье» тов. Бухарина, напечатанную Научных Известиях» № 1, Москва, 1922 г. Издание Акцентра Наркомпроса.

не совпадающую с логикой развития социального бытия, так что, мол, дозволительно констатировать общую зависимость социального «духа» от социальной «материи», но зато никак нельзя отваживаться на отыскание адэкватности их основных форм—этот взгляд для нас абсолютно неприемлем. Мы считаем его куцым, недоделанным историческим материализмом. В установлении социальной обусловленности самих доминирующих черт общественной мысли, в раскрытии известного рода «принципиальной координации» между идеологическими и экономическими формами мы усматриваем одну из существеннейших задач историка и социолога материалиста. Тов. Бухарин идет, стало-быть, по методологически верному пути, когда, пытаясь выявить материальный эквивалент австрийской теории в некоей социальной подпочве, окрещивает ее «политической экономией рантье». Мы не будем здесь воспроизводить ход его рассуждений: как в новейшее время процесс капиталистического накопления отлагает паразитические социальные отбросы, класс, вернее фракцию рантьерской буржуазии, как в среде этой последней зарождаются и пышно расцветают черты деградирующей психологии (обостренный индивидуализм, страх перед грядущими социальными бурями и психология чистокровного победителя)—и как, в конце концов, социально-психологические особенности рантьеров выкристаллизовываются в законченные методологические формы принципиального суб'ективизма, принципиальной статичности мышления и принципиально потребительского угла зрения. Все это так, подо всем этим мы обеими руками подписываемся. Но в одном месте получается любопытная контраверза этой, не без художественного блеска выполненной тов. Бухариным социологической конструкции с некоторыми бьющими в глаза фактами эмпирической действительности. Дело в том, что та фракция буржуазии, из условий экономического и психологического бытия котор°й т°в. Бухарин извлекает душу теории предельной полезности—ее специфический метод—это лишь фракция рантье pur sang. В ее рамках тов. Бухарин помещает лишь завзятых прожигателей жизни, тех буржуа, экономическая функция которых сводится исключительно к пожиранию прибавочной ценности, рантье, изолировавших себя не только от процесса производства, но и от процесса обращения, даже от фондовой биржи, только рантье-облигационеров, чурающихся малейших тревог биржевого ажиотажа. Но, во-первых, такого рода рантье чистой воды сравнительно немногочисленны, а, во-вторых, едва ли тов. Бухарин их признает решающей, господствующей социально-экономической силой современности. Активных руководящих организаторов производства и крупнейших биржевых дельцов капиталистической Европы едва ли следует считать экономически слабейшей фракцией, по крайней мере, для конца XIX и начала XX столетия. С другой стороны, головокружительный триумф теории предельной полезности, ее фактическое торжество в буржуазной науке не может подвергаться ни малейшему сомнению. Теперь уже, пожалуй, трудно будет отыскать какой-нибудь хандбух или лербух по политической экономии, в котором не красовалась бы на особой любезно предоставленной автором странице угловатая таблица потребностей Менгера [1]). Мало того. Бесцетный флаг теории предельной полезности реет не только над стенами западно-европейских храмов науки, не только там за этой теорией идут пестрые нестройные колонны ученых и

---

[1]) Напротив того, бедные классики и еще более несчастный К. Маркс прогрессивно оттесняются на задний план, и все чаще и чаще их можно встретить тоскливо ютящимися в подстрочных примечаниях.

неученых адептов. И в России, падкой до всяческих новинок, ползучие идейки психологической школы с начала XX века прокладывали себе дорогу в мозги русских профессоров с невероятной быстротой, достойной поистине лучшего применения. Когда-то процветавший у нас легальный марксизм был очень скоро «изжит», и о нем потом вспоминали лишь как о простительном грехе молодости. И для наших доцентов Бем-Баверк скоро стал настоящим далай-ламой политической экономии. Только кучка принципиальных эклектиков, в роде Туган-Барановского,умничала на свой лад и, занимаясь, по выражению т. Бухарина, «прививкой оспы телеграфным столбам», упрямо сватала Бем-Баверка с Рикардо. Вообще же несомненна колоссальная победа суб'ективно-психологического знамени повсюду: теория предельной полезности—теперь господствующее течение политической экономии. А раз это так, то непонятно, каким образом на сравнительно узком базисе «ожиревшей» фракции буржуазии расцвела надстройка, заполнившая собой почти всю Европу. Получается необ'яснимая неадэкватность: базис чрезмерно узок, надстройка чрезмерна раздута. В этом и состоит контраверза, о которой мы говорили. Нам кажется, однако, что тут дело поправимое. Противоречие можно устранить, если несколько расширить базис, привлекая на помощь еще одну социальную группу — группу так называемой «внепроизводственной интеллигенции». Интеллигенцию с интересующей нас точки зрения можно разбить на две подгруппы. Интеллигентов-производственников: техническую интеллигенцию, инженеров, администраторов, бухгалтеров (последние строго говоря, являются «интеллигентами обращения», но так как процесс обращения может быть включен в систему производства в широком смысле слова, то и наши бухгалтера в таком же смысле будут интеллигентами-производственниками). С другой стороны, мы имеем категорию интеллигентов-внепроизводственников: всякого рода чиновников, юристов, художников, литераторов, педагогов, профессоров и пр. Если мы теперь попытаемся бросить взгляд на основные черты экономической и психологической физиономии этой группы интеллигенции, то сразу откроем их поразительное сходство с рантьерскими. Сопоставим вначале экономику рантье и экономику интеллигента. Прежде всего, с точки зрения процесса капиталистического накопления, интеллигенты, как и рантье, являются социальными пенсионерами, черпающими рессурсы своего материального существования из резервуара общественной прибавочной ценности. Как и рантье, интеллигент сам не производит прибавочной ценности. Правда, в отличие от рантье-паразита, он свое потребление соответствующей частицы прибавочной ценности возмещает определенным общественно-нужным идеологическим эквивалентом. Но все же в схемах воспроизводства капиталистической экономики интеллигенция фигурирует в рубрике не производителей, а потребителей, с'едающих часть прибавочной ценности общества. Чисто экономическая функция—мы отвлекаемся сейчас от остальных—интеллигентов внепроизводственников сводится, следовательно, к потреблению прибавочного продукта. Далее. Сфера «личной экономики» интеллигента, как и рантье, локализуется в пределах между полюсом потребления и полюсом обмена: полученную им долю прибавочной ценности в денежной форме интеллигент расходует на рынке, в своих покупках сообразуясь лишь со своими личными (или семейными) потребностями и больше ни с чем. «Примат потребления над производством» в индивидуальном «хозяйстве» интеллигента—точно также, значит, представляет собой очевидный факт. «Хозяйствование» интеллигента бук-

вально копирует «хозяйствование» рантье. Еще разительнее, пожалуй, тождественность социально - психологической аперцепции рантьеров, с одной стороны, и интеллигентов—с другой. Обостренный индивидуализм, который тов. Бухарин находит у рантье, у интеллигентов, еще более «обостряется» и приобретает, можно сказать, нервозный характер. Индивидуализм, суб'ективизм и бешеный культ своего «я», давным-давно стал притчей во языцах по отношению к интеллигентику любого провинциального захолустья, чтобы об этом еще стоило говорить. Вторая черта, которой тов. Бухарин характеризует психику рантье—«боязнь социальных катастроф», не в меньшей мере свойственна и буржуазному интеллигенту новейшей формации. Великая сила исторической традиции выковала в сознании интеллигента роковую привычку смотреть на рабочий класс свысока, как на нечто ему подчиненное, от него зависимое, им организуемое, им просвещаемое. Рядом с этим гигантский рост капитализма последних десятилетий, углубление социальной дифференциации и огромные успехи социалистической пропаганды—для ребенка сделали ясным, что революция, достойная своего названия, по крайней мере, в крупнейших странах капитализма, может произойти только, как революция рабочего класса. Перспектива приближающейся социальной революции воспринимается поэтому интеллигентским сознанием, как зловещая картина ада, в котором все переворачивается вверх дном, вещи становятся на голову, а интеллигенция теряет свое былое привилегированное полуначальствующее положение и превращается в подсобный технический аппарат кровавой диктатуры некультурной массы. Естественна отсюда та жгучая антипатия, которой удостаивается революционный пролетарский социализм со стороны интеллигента. Понятен и его дикий страх перед смертью капиталистического строя. Не желая тратить время на дальнейшее доказательство этих, ставших теперь уже тривиальными, положений, ограничимся напоминанием читателю того факта, что даже российская интеллигенция, когда-то всюду пользовавшаяся репутацией самой «красной» интеллигенции в мире, и то ухитрилась навеки похоронить эту репутацию в чаду саботажа Советской власти. В итоге и в непримиримом отношении к революции мы тоже открываем психологическое родство интеллигента с рантье. Наконец, и третья особенность рантьерской психологии—ее потребительский аспект—разделяется полностью интеллигентом внепроизводственником. Свое «личное хозяйство» действительный статский советник или профессор политической экономии организует исключительно на потребительский манер. Опираясь на доходную часть своего домашнего бюджета, как на величину данную, расходную статью его он конструирует, сообразуясь с градацией своих личных или семейных потребностей. Повысить ли гастрономический стандарт своего обеденного стола, умножить ли туалетные аксессуары своей «подруге жизни», выписать новый заграничный журнал или нанять бонну для «обожаемых деток», все это для него—questio facti потребительского порядка, определяемые и решаемые давлением потребностей различной степени соблазнительности. Правда, при этом глубокомысленной операции потребительского взвешивания различных «благ» мира сего, в сознании нашего расценщика незримо присутствуют коварные рыночные цены, которые он volens nolens вынужден «антиципировать», но это уж не его дело, на то существуют столпы теоретической эквилибристики психологической школы, чтобы с большей или меньшей ловкостью рук уметь разлагать цены на их составные суб'ективные элементы. Вообще же потребительский фон хозяйственных суждений так же характерен для интеллигентов-внепроизводственников,

как и для рантье. Примат потребительного момента над производственным в их текущей будничной жизни и в их сознании не должен представлять собой ничего загадочного. Средства производства для них суть «блага» столь же «отдаленного» порядка, как и для рантье: с ними они знакомятся только в литературе [1]). Теперь мы получаем следующий результат. Рантье находит себе неожиданного теоретического союзника в интеллигентской среде, который со свойственной ему экспансивностью трубит во все трубы психологические мелодии теории предельной полезности. В об'ятия рантье его кидает его собственное материальное бытие, его собственная социально-групповая психология, его суб'ективизм, его излюбленная манера смотреть на все сквозь призму интеллигентской вечности, его невесомые гуманитарные функции, его оторванность от производства. Индивидуалист до мозга костей, он впитывает в себя индивидуалистическую теорию с такою же легкостью, с какой губка впитывает воду. Интересно отметить, что Г. Экштейн в критической статье, направленной против австрийца Шумпетера [2]) после того, как он, фиксируя основную социальную подоплеку теории предельной полезности, заявляет, что она «кошия спокойного хозяйства рантье»,—в дальнейшем нападает на другой добавочный социальный след этой теории, когда говорит: «В теории предельной полезности отражается не дух жаждущего прибыли капиталиста, а профессора на государственной службе». К сожалению, только, эта мимоходом брошенная мысль не получает у него должного развития. Рассмотрение же вопроса, которое мы произвели в заключительной части нашей работы, позволяет сделать тот общий вывод, что теория предельной полезности, представляя собой в основном экономическую идеологию рантье, является одновременно и теорией внепроизводственной интеллигенции. Эта расширенная формула социального базиса австрийцев помогает уяснить кое-что в области истории экономической мысли. Едва ли кто-нибудь станет оспаривать то положение, что Австрия является классической страной теории предельной полезности, и что Вена является Меккой и Мединой ее; недаром даже тов. Бухарин ездил туда слушать лекции верховного жреца ее Евгения Бем-Баверка [3]). Но едва ли тов. Бухарин назовет Австрию классической страной рантье. А между тем, наличие большого интеллигентски-академического пятна на социальной подкладке психологической теории делает легко об'яснимыми ее австрийские успехи. Также естественны и ее российские

---

[1]) Совершенно очевидно, что того же отнюдь нельзя сказать про интеллигентов, подвизающихся в производственных сферах общественной жизни: инженеров, техников, организаторов труда и т. п. В повседневной практической работе этих последних средства производства являются «благами» максимально «приближенными» — но вовсе не максимально «удаленными», как у их коллег культурно-идеологических профессий — и только сверх'естественная куриная слепота могла бы от них скрыть огромную детерминирующую роль технически производственного момента. В мозги инженера по линии наименьшего сопротивления прошла бы, если не тысячу раз оплеванная критикой теория издержек производства, то входящая ныне в моду теория англо-американцев. Кстати: об англо-американской школе. Относительно нее мы вполне принимаем замечание тов. Бухарина, что в ней идеология рантье переходит в идеологию организаторов треста. Мы нарочно, чтобы не усложнять анализ, ее не касались. Цель нашей скромной социологической попытки сводится к выяснению причин блестящих успехов теории предельной полезности в большинстве капиталистических стран континентальной Европы.

[2]) См. Экштейн: «О методе политической экономии» в «Основных проблемах Политической экономии». М. 1922, стр. 89 и 90.

[3]) См. предисловие к «Политической Экономии Рантье».

успехи. В об'яснении их нет надобности ссылаться на скверную привычку россиян обез'янничать всему «заграничному»; такое об'яснение не содержало бы в себе ни песчинки марксизма. По нашему мнению, соединенный фронт русских держателей государственной ренты и русской внепроизводственной интеллигенции облюбовал себе австрийскую теорию попросту потому, что в ней он увидел свое собственное лицо, печать своих собственных классовых, фракционных и групповых интересов. Однако— спешим предупредить читателя—мы ничуть не склонны переоценивать указываемую нами интеллигентскую струю в теории предельной полезности. Интеллигенция, как социальная категория, появилась на свет божий, во всяком случае, не позже рождения самого капитализма, тогда как эпидемия экономического суб'ективизма относится к капитализму, вошедшему уже, по меньшей мере, в бальзаковский возраст. До этого времени интеллигенция, значит, почему-то довольствовалась другими теориями. Наоборот, как раз характерным явлением новейшего капитализма приходится считать его паразитическое «ожирение», размножение банды тунеядствующих рантье. И вот только когда на арене истории появился класс рантьеров, двери официальной науки распахнулись настежь навстречу доктринам Менгера, Бем-Баверка, Визера и tutti quanti. Отсюда прямой вывод, что в австрийском дуэте основной тон задал и задает рантье, а интеллигент играет лишь вторую скрипку. В этом, впрочем, нет ничего удивительного. Буржуазная интеллигенция, как промежуточная общественная группа, от века подчиненная господству капитала, пыл своих научных дерзаний всегда ограничивала и приноравливала к интересам своего всевластного хозяина. Ее роковой исторический удел—питаться крошками с барского стола. В предыдущих рассуждениях мы и не думали колебать незыблемость этого общего места. Мы только хотели показать, почему профессорам политической экономии крошки с рантьерского стола показались особенно вкусными, почему до сих пор они продолжают пережевывать их с неослабевающим аппетитом и как, таким образом, обеспечиваются для теории предельной полезности «сферы влияния», широта которых обратно пропорциональна ее реальному научному весу.

А. Мендельсон.

Категории полезности и потребности в теории стоимости Маркса.

Теория стоимости [1]) в том виде, как она сконструирована Марксом, включает ряд частных проблем: взаимоотношение полезности и труда, как факторов стоимости, сведение сложного труда к простому, стоимость и цена и т. д.

Настоящий доклад посвящен исследованию вопроса о том, какую роль играют категории полезности и потребности в теории стоимости Маркса.

Для нас ясно, что сосредоточивая внимание на одной частности целой концепции, легко потерять перспективу, и может случиться то, что бывает, когда слишком близко подходишь к картине: она превращается в хаос бессмысленных линий и пестрых пятен. Не всегда слишком пристальное разглядывание деталей приводит к лучшему осознанию целого. Учитывая опасность, мы все же решаемся поставить в поле нашего специального исследования частный вопрос.

Для нас теория стоимости является исходным пунктом, прожектором, освещающим весь механизм жизни и развития капиталистического общества.

Мы должны ею овладеть до конца, хотя бы на время пришлось превратить ее в груду не связанных между собой частностей и деталей.

В первой книге «Богатства народов» Ад. Смит расчленил понятие стоимости на стоимость потребительную и стоимость меновую—«value in use» и «value in exchange».

С тех пор,—говорит Реслер,—эти «membra disjecta» стоимости, служащие постоянным яблоком раздора, никому еще не удалось соединить в одно целое [2]).

Шеффле в своей «Сущности социализма», спустя несколько лет после выхода 1-го тома «Капитала», имея в своем распоряжении «Zur Kritik» и «Капитал», критикуя теорию стоимости Маркса, заявлял, что эта теория не годится, так как она игнорирует момент полезности. И тогда еще, в 1877 г., в «Vorwärts'е» ему раз'ясняли, что момент полезно-

---

[1]) Мы пользуемся всюду термином стоимость, разделяя точку зрения, высказанную в предисловии редакторами перевода I т. «Капитала» в изд. «Московского Книгоиздательства» 1909 г. В цитатах—сохраняем терминологию подлинников.

[2]) „Zur Theorie des Werths"—Hildebrand's Jahrbücher, 1868 г., стр. 239.

сти не игнорируется трудовой теорией, но что ему отводится в этой теории надлежащее место: полезность служит предпосылкой стоимости товара.

Упрек в игнорировании момента полезности и игнорирование действительного соотношения полезности и труда, как факторов стоимости, в том виде, как оно дано теорией Маркса, проходит красной нитью и через дальнейшую критику трудовой теории.

Указания на то, что полезность, т.-е. способность удовлетворять какую-либо общественную потребность, есть предпосылка бытия товара, такие указания мы находим и у Смита и у Рикардо. Но они не развили этого положения.

Маркс же с определения соотношения этих двух моментов—полезности и труда, как факторов стоимости—начинает свой анализ товара.

Разница между ролью, которую играет полезность, и той, которую играет труд, сводится, с точки зрения Маркса, к разнице между условием и причиной какого-либо явления.

Поясним примером.

Наличность почвы определенного состава есть условие того, чтобы могли вырасти рожь, пшеница или овес; но что́ вырастет в действительности, зависит от того, какие семена попадут на эту почву; причиной появления ржи будет служить то, что в землю попадут семена именно ржи, хотя для того, чтобы выросла рожь, необходимым условием, предпосылкой, является наличие почвы определенного химического состава.

«Товар есть прежде всего внешний предмет, вещь, которая своими свойствами удовлетворяет какую-либо человеческую потребность» [1]). «Никакая вещь не может быть ценностью, не будучи предметом потребления. Если она бесполезна, то и содержащийся в ней труд бесполезен, не считается за труд и потому не создает никакой ценности» [2]).

Но, с другой стороны, «характерным для менового отношения товаров является именно его независимость от потребительных ценностей» [3]); «все эти вещи теперь выражают собою лишь тот факт, что при их производстве потрачена человеческая рабочая сила, что в них накоплен человеческий труд. В качестве кристаллов этой общей всем им общественной субстанции они являются ценностями—товарными ценностями». «Как же... измерить величину этой ценности? Посредством количества содержащейся в ней «созидающей ценность субстанции», т.-е. труда» [4]). «Величина ценности какой-либо полезной вещи определяется только количеством общественно-необходимого труда или общественно-необходимого для ее производства рабочего времени» [5]).

Из приведенных выдержек—число их можно было бы увеличить—ясно, какое значение отводится полезности и труду: лишь при наличности полезности продукт человеческого труда становится товаром. Полезность—условие, труд—причина, источник стоимости.

Так решил вопрос о взаимоотношении этих двух моментов—полезности и труда—Маркс.

И никакого основания не имел Реслер в 1868 г., спустя год по выходе в свет первого тома «Капитала», говорить о «membra disjecta». У Маркса—

---

[1]) К. Маркс. «Капитал», т. I., перевод под ред. П. Струве, 1899 г., стр. 1.
[2]) Там же, стр. 6.
[3]) Там же, стр. 3.
[4]) Там же, стр. 4.
[5]) Там же, стр. 5.

это не «membra disjecta», а два момента, вполне координированные в своем отношении к образованию стоимости товаров.

Другой вопрос, почему Маркс так определяет роль труда и полезности в образовании стоимости,—имел ли он на это право? Почему только труд признается им источником стоимости?

Обвинение Маркса в petitio principii за то, что он не обосновал своего положения, что субстанцией стоимости является труд, С. Булгаков, в бытность свою марксистом, парировал тем, что трудовая теория «не только не обоснована, но и не может быть обоснована, как не может быть обоснован исторический факт» [1]). Обоснованием этого положения являются три тома «Капитала» и остальные труды Маркса. Указания же на то, почему полезность не может служить источником стоимости, имеются в самом начале изложения теории стоимости.

«Характерным для менового отношения товаров является именно его независимость от потребительных ценностей. В самом процессе обмена одна потребительная ценность стоит ровно столько же, сколько и всякая другая, раз она имеется в надлежащей пропорции» [2]).

Бем-Баверк этой аргументацией недоволен. По его мнению, в акте обмена «отвлекаются от специальной формы, в которой может выступать потребительная ценность товаров, т.-е. от того, служит ли товар для пропитания, жилища, одежды и т. д., но никак не от потребительной ценности вообще» [3]).

С точки зрения формальной логики он, быть может, и прав [4]).

Но меньше всего занимался Маркс схоластико-логической эквилибристикой, меньше всего играл словами. Он подходил к явлениям жизни вплотную и из них черпал материал для своих построений.

В разных местах «Капитала» разбросаны отдельные замечания, из которых можно сконструировать ту цепь рассуждений, которая отображает путь, пройденный продуктами человеческого труда в процессе их развития из продуктов в товары-стоимости.

Помня о том, что «при анализе экономических форм нельзя пользоваться ни микроскопом, ни химическими реактивами», и что «и то и другое должно быть заменено силой абстракции» [5]), мы попробуем проанализировать главные моменты в этом развитии.

Изолированное натуральное хозяйство. «Так как политическая экономия любит робинзонады, то прежде всего посетим Робинзона на его острове. Как он ни скромен, все же ему нужно удовлетворять различные потребности, а потому он должен исполнять различного рода полезные работы... Сама нужда заставляет его строго распределять свое время между различными функциями... Его инвентарь содержит в себе перечень всех предметов потребления, которыми он обладает... обозначение рабочего времени, которое он в среднем тратит на определенные количества этих различных продуктов. Все отношения между Робинзоном и вещами, которые составляют созданное им самим богатство, просты и очевидны» [6]). Элементы стоимости — полезность и труд — налицо, стоимости нет.

---

1) С. Булгаков. «Что такое трудовая ценность». Сб. Правовед. и обществ. знаний т. VI, стр. 235.

2) «Капитал», т. I. стр. 3.

3) Е. Бем-Баверк. «Капитал и прибыль», 1909 г., стр. 483.

4) Ср. Богданов. «Обмен и техника» в сб. «Очерки реалистического мировоззрения».

5) «Капитал», т. I, предисловие.

6) Там же, стр. 38—39.

То же самое имеет место в другой форме изолированного хозяйства — в общинном. «Чтобы познакомиться с общинным, т.-е. непосредственно обобществленным трудом, нам нет надобности обращаться к его примитивной, естественной форме, которая встречается на пороге истории всех культурных народов. Более близкий пример такого труда представляет деревенское патриархальное производство любой крестьянской семьи, которая производит для собственных потребностей хлеб, скот, пряжу, холст, одежду и т. п. Эти различные предметы являются для данной семьи различными продуктами ее семейного труда, но они не выступают друг против друга, как товары».

Это состояние самодовления есть результат слабого развития производительных сил. Продуктов производства хватает только на удовлетворение собственных потребностей. Рост производительных сил, приводящий к образованию излишков, влечет за собой также и появление обмена; при чем «обмен начинается, так сказать, на конечностях общественных организмов, в местах их соприкосновения с другими общественными организмами или с членами других общественных организмов».

Сначала обмен носит случайный характер. Продукты человеческого труда в этой стадии имеют двойственный характер: и предметов для собственного потребления, и товара. Поскольку излишек случаен, легко допустить, что вступающими в обмен принимается во внимание полезность для себя обмениваемого продукта на-ряду с трудом, затраченным на его производство. Продукт находится на грани превращения в товар, но он еще не товар, он еще не произведен специально для обмена; он может еще легко превратиться в полезность для своего владельца.

Но «постоянное повторение обмена превращает его в правильный общественный процесс. С течением времени, поэтому, известная, по крайней мере, часть продуктов труда производится специально для целей обмена. С этого момента укрепляется разграничение между полезностью вещи для непосредственного потребления и полезностью ее для обмена,— потребительная ценность 'отделяется' от меновой» [1]). Продукт превращается в товар. Для того, чтобы покончить со всякими построениями экономистов, которые при анализе капиталистического товарного хозяйства продолжают апеллировать к «излишкам», достаточно вспомнить Лассаля. «Господин Борзиг сначала производит машины для своего семейного потребления. Остающиеся машины он продает. Магазины траурных платьев сначала предусмотрительно работают ввиду смертных случаев в собственном семействе. Но так как число этих случаев слишком скудно, то оставшиеся траурные материи они обменивают. Господин Вольф, собственник здешнего телеграфного бюро, прежде всего получает депеши для собственного назидания и удовольствия. Когда же он достаточно насытится ими, то остаток он обменивает с биржевиками и редакциями газет, которые, с своей стороны, награждают его оставшимися в избытке газетными корреспонденциями и акциями!» [2]).

Ироническая форма, которую придал своей критике Лассаль, лишь ярче оттеняет всю бессмыслицу и нелепость предположения, что полезность и именно «полезность для себя»—исходный пункт для построения теории стоимости.

Если оставить в стороне клоунаду Бем-Баверка—ибо иначе, как клоунадой нельзя назвать его предложение в товарах «поискать» кроме полез-

---

[1]) «Капитал», т. I, стр. 48.
[2]) Лассаль. «Капитал и труд». 1905 г., стр. 72—73.

ности и труда другие общие свойства—«не остается ли у благ, имеющих меновую ценность, например, еще то общее свойство, что они р е д к и по отношению к потребности? Или то, что они являются предметами спроса и предложения? Или то, что они аппроприированы? Или то, что они «продукты» природы» [1]),—если оставить эти «общие свойства» в стороне, то в товарах остается лишь два момента—полезность и воплощенный в них труд — из-за которых, как источников стоимости, идет спор.

Если из двух конкурирующих моментов один, с нашей точки зрения, должен покинуть поле сражения, то, естественно, оно остается за вторым, и потому Маркс имел полное право об'явить труд единственной, «стоимость-образующей» субстанцией.

И поскольку реальностью является труд человеческий, постольку же реальность—и стоимость, им образуемая.

Сомневающимся в том, что стоимость есть реальность, следует помнить, что разница между реальностью и абстракцией сказывается в том, что реальность обнаруживает себя in actu. [См. «Капитал» т. II, стр. 81.] Г. Струве, пытавшийся превратить реальность в абстракцию, в фикцию, на себе испытал все неудобства таких экспериментов. Он превратил реальность—стоимость-труд в фикцию—«флогистон» политической экономии для того, чтобы одним взмахом... пера уничтожить и стоимость и трудовую теорию; реальность—стоимость-труд, проявляющаяся в капиталистическом обществе, как стоимость и прибавочная стоимость и об'ективирующаяся в классовой борьбе, выставила г. Струве за границу и предоставила ему возможность и досуг размышлять о стоимости и фикции, труде и флогистоне.

Полезности на стороне об'екта—товара соответствует потребность на стороне суб'екта—общества.

Посмотрим, какое место отводит категории потребности Маркс в своей теории стоимости.

Основной вопрос, который здесь возникает, состоит в том, что́ чем определяется: потребности производством или, наоборот, производство потребностями?

От того или иного решения этого вопроса зависит также и ответ на вопрос о том, что является—в последнем счете—источником стоимости, где искать корней ее: в труде ли или в потребностях?

Речь, конечно, не может итти о решении этого вопроса с физиологической точки зрения. С точки зрения вопроса о том, что́ чему предшествует, быть не может: потребность, имеющая своей конечной целью потребление, и труд—усилия, направленные на добывание средств удовлетворения потребности—это две стороны одного и того же процесса—жизни.

Когда ставится альтернативный вопрос о потребностях и труде, как источниках стоимости товаров, предпосылкой является факт перехода общества из того состояния, в котором добываемых средств едва хватает для поддержания существования, для удовлетворения минимальных физиологических потребностей, в такое состояние, при котором появляются излишки.

---

[1]) Цит. соч., стр. 484.

Речь идет о том, возникают ли новые потребности вследствие развития производительных сил или, наоборот, развитие производительных сил есть следствие развития потребностей.

Маркс на этот счет высказывается категорически. «На чем покоится система потребностей в их совокупности: на мнении ли или на общей организации производства? В большинстве случаев потребности возникают из производства или из общего строя вещей, покоящегося на производстве. Мировая торговля почти всецело регулируется именно потребностями производства, а не личного индивидуального потребления. Или возьмем другой пример: разве потребность в нотариусах не предполагает собою такого гражданского права, в котором выражается лишь определенное развитие собственности, т.-е. производства?» [1]). «Его [потребителя. *А. М.*] «предположение» или «мнение» зависит от его средств или потребностей; то и другое, в свою очередь, определяется его социальным положением, которое зависит от обще-социальной организации. Без сомнения и работник, покупающий картофель, и изнеженная содержанка, покупающая кружева, оба следуют своему собственному «мнению», но различие их мнений об'ясняется различием того положения, которое они занимают в свете, и которое, в свою очередь, есть продукт социальной организации» [2]).

Когда ставится вопрос о том, что́ чему предшествует—развитие ли производства появлению новых потребностей, или рост и изменение потребностей влекут за собой соответственные изменения в производстве, речь идет, мы должны твердо помнить об этом, о явлениях массовых: о производстве, результатом которого являются товары, о потребностях, для удовлетворения которых также нужны товары.

На стр. 66-й «Нищеты философии» Маркс снова касается этого вопроса, проверяя справедливость своего утверждения относительно примата производства на конкретном примере. «Хлопок, картофель и водка — предметы всеобщего потребления. Однако, картофель породил золотуху; хлопок в значительной мере вытеснил овечью шерсть и холст, хотя и холст и шерсть во многих случаях гораздо полезнее даже в гигиеническом отношении. Наконец, водка одержала верх над пивом и виноградным вином, хотя она, как вкусовое вещество, всеми признана за яд. В продолжение целого столетия правительства тщетно борются с этим европейским опиумом, но экономика сохранила за собой решающий голос и продиктовала потреблению свои законы.

Но почему же хлопок, картофель и водка стали главными товарами (Angelpunkte) буржуазного общества? Потому, что для производства их не требуется большого количества труда, вследствие чего и цены их очень низки. Но почему же минимум цены предметов является решающим моментом относительно максимума потребления? Быть может, потому, что эти предметы абсолютно полезны; быть может, им присуща полезность, они наиболее полезным образом удовлетворяют потребностям работника, как человека, а не человека, как работника?—Нет, а потому, что в обществе, покоящемся на нищете, самые нищенские продукты пользуются совершенно естественным преимуществом служить для массового потребления.

Говорить, что наиболее дешевые предметы наиболее полезны, потому что они более других потребляются, это значит утверждать, что

---

[1]) К. Маркс. «Нищета философии». 1918 г., стр. 45.
[2]) Там же, стр. 44.

потребление водки, ставшее явлением далеко распространенным, вследствие дешевизны производства, есть самое убедительное доказательство ее полезности».

Мимоходом касается этого вопроса Маркс в десятой главе III т. «Капитала» при анализе спроса и предложения. «Общественная потребность», т.-е. то, что регулирует принцип спроса, существенно обусловливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а, следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.)».

Влияние производства на потребление сказывается в трех направлениях. «Производство... создает потребление: 1) производя для него материал, 2) определяя способ потребления, 3) тем, что возбуждает в потребителе потребность, предметом которой является созданный им продукт» [1]).

В этом - то создании производством новых потребностей лежит примат труда над потребностью.

За вычетом элементарнейших физиологических потребностей, которые общи человеку с животными, вся остальная обширная гамма потребностей вызвана к жизни исключительно теми возможностями, которые созданы трудом.

В настоящее время мы присутствуем при том, как производственные возможности обусловливают собою нарождение потребности, которая спустя некоторое время несомненно превратится в «естественную»— мы говорим о потребности перемещаться по воздуху.

Конечно, сторонники различных «теорий полезности», базирующие свои теории на потребностях индивидуума, могут возразить, сославшись на Икара, как на доказательство того, что потребность летать присуща человеку с незапамятных времен. Предоставим любителям тешиться мифами. Для нас же, берущих жизнь такою, как она есть, ясно, что лишь развитие техники, создание мощных двигателей и т. д.,— словом, весь комплекс производственных возможностей современности обусловил собою овладение воздушной стихией и превратил мечтания людей в действительность. И недалеко то время — большая или меньшая близость его обусловливается опять - таки производственными возможностями,—когда появится новая «общественная потребность»: перемещаться по воздуху. Как отмерла потребность из одного города попадать в другой на лошадях, когда появились железные дороги, так отомрет потребность в пользовании железными дорогами, когда разовьется воздушное сообщение.

Если бы кто - нибудь взялся написать историю развития человеческих потребностей, ему предварительно пришлось бы написать критическую историю технологии, о которой Маркс говорит в первом томе «Капитала», ибо здесь лежит разгадка появления и отмирания различных общественных потребностей.

В итоге своего анализа взаимоотношений производства, распределения, обмена и потребления Маркс заявляет:

---

[1]) К. Маркс. «Введение к критике политической экономии» [сб. «Основные проблемы политической экономии» под ред. Ш. Дволайцкого и И. Рубина. Гос. Изд. 1922 г., стр. 15].

«Результат, к которому мы пришли, заключается не в том, что производство, распределение, обмен и потребление — одно и то же, но что все они образуют собою части целого, различия внутри единства». Но при этом «производство в противоположности своих определений охватывает как само себя, так и остальные моменты. С него каждый раз начинается снова процесс... Определенная (форма) производства обусловливает, таким образом, определенные (формы) потребления, распределения, обмена, и определенные отношения этих различных моментов друг к другу» [1]).

До сих пор мы рассматривали вопрос о взаимоотношении труда и потребности с точки зрения того, что́ чему предшествует, что́ чем определяется — с точки зрения взаимоотношения причины и следствия.

Но категории потребности Маркс касается и в другой связи: при анализе понятия общественно - необходимого труда [2]).

«Может показаться, что раз ценность товара определяется количеством потраченного на его производство труда, то чем ленивее или неискуснее человек, тем бо́льшую ценность имеет его товар, так как тем больше времени ему требуется для его приготовления. Однако, труд, образующий субстанцию ценности, есть одинаковый человеческий труд, затрата одинаковой человеческой рабочей силы. Совокупная рабочая сила общества, выражающаяся в товарных ценностях, рассматривается здесь, как одна и та же рабочая сила, хотя она состоит из бесчисленного множества индивидуальных рабочих сил. Каждая из этих индивидуальных рабочих сил представляет собою такую же человеческую силу, как и все другие, поскольку она обладает характером средней общественной рабочей силы и как таковая действует, т. - е. употребляет для производства какого - либо товара лишь средне - необходимое или общественно - необходимое рабочее время. Общественно же необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое, при существующих, нормальных в данном обществе, условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или другой полезной вещи. Напр., после введения в Англии парового ткацкого станка было достаточно, может быть, лишь половины прежнего труда для превращения известного количества пряжи в ткань. Английский ручной ткач на самом деле и теперь еще употребляет для этого превращения столько же рабочего времени, как и прежде, но продукт его индивидуального часа представляет собою теперь лишь половину общественного рабочего часа, а потому и ценность его понизилась на половину против прежней.

Поэтому величина ценности какой - либо полезной вещи определяется только количеством общественно - необходимого труда или общественно - необходимого для ее производства рабочего времени. Каждый отдельный товар считается здесь вообще как средний экземпляр данного рода товара» [3]).

Речь в данном отрывке, как это ясно каждому, идет о технической необходимости, которая «зависит от исторически данного уровня производительности труда».

---

[1]) К. Маркс. «Введение к критике политической экономии», стр. 23.

[2]) В несколько переработанном виде эта глава нашего исследования была помещена в журнале «Под знаменем марксизма» № 7—8, за 1922 г. под заглавием: «Понятие «общественно-необходимый труд», как элемент теории стоимости Маркса».

[3]) «Капитал», т. I, стр. 5.

Однако, уже и эту ясную теорию общественно-необходимого в техническом смысле труда г. Франк стремится «углубить». Раскрывая содержание понятий «необходимый» и «считается», он заявляет: «Данное количество труда создает ценность, т.-е. считается общественно-необходимым трудом, поскольку этот труд затрачивается при условиях, качественно совпадающих с средними общественными условиями. Впрочем, уже и тут источник ценности указывается собственно не в самом труде, а скорее в мнении о нем общества, или—что при нашем хозяйственном строе то же самое—во мнении рынка» [1]).

Этим, вскользь брошенным замечанием, г. Франк ограничивается, чувствуя, повидимому, слабость своей позиции в виду очевидной согласованности теории общественно-необходимого труда в только что указанном смысле с общим духом трудовой теории стоимости.

Но у Маркса имеется и другая трактовка понятия общественно-необходимого труда — так наз. экономическая. Для уяснения этой точки зрения мы приведем две довольно длинные цитаты из третьего тома «Капитала», в которых она подробно развивается. «Не существует никакой необходимой, а наблюдается лишь случайная связь между всем количеством общественного труда, затраченного на данный общественный продукт, — т.-е. между той соответственной частью всей рабочей силы, которую общество употребляет на производство этого продукта, следовательно, между размерами, которые производство этого продукта занимает во всем производстве, с одной стороны, — и, с другой стороны, между теми размерами, в которых общество стремится покрыть потребность, удовлетворяемую данным определенным продуктом. Хотя каждый отдельный продукт или каждое данное количество определенного сорта товаров заключает в себе лишь общественный труд, необходимый для его производства, и с этой точки зрения рыночная стоимость всей массы товаров данного сорта представляет только необходимый труд, тем не менее, раз определенный товар произведен в количестве, достаточно превышающем общественную потребность, часть общественного рабочего времени оказывается растраченной попусту, и вся масса товаров представляет тогда на рынке гораздо меньшее количество общественного труда, чем то, которое в нем действительно заключается» [2]). Еще определеннее формулирует Маркс свою точку зрения в 37-ой гл. третьего тома: «... Закон стоимости проявляется не по отношению к отдельным товарам или предметам, но каждый раз по отношению ко всей совокупности продуктов отдельных, обособившихся благодаря разделению труда сфер производства; следовательно, не только в том, что на каждый отдельный товар употреблено лишь необходимое рабочее время, но и в том, что из всего общественного рабочего времени на различные группы употреблено лишь необходимое пропорциональное количество. Потому что условием остается, чтобы товар представлял потребительную стоимость. Но, если потребительная стоимость отдельного товара зависит от того, удовлетворяет ли он сам по себе какую-либо потребность, то потребительная стоимость известной массы общественных продуктов зависит от того, адэкватна ли она количественно определенной общественной потребности в продукте каждого особого рода и, следовательно, от того, пропорционально ли, в соответствии ли с этой общественной количественно определенной потребностью распределен

---

[1]) Франк. «Теория ценности», стр. 115.
[2]) К. Маркс. «Капитал», III[1], стр. 162—163. Изд. «Моск. Книгоиздат.».

труд между различными сферами производства... Общественная потребность, т.-е. потребительная стоимость в общественном масштабе,—вот что определяет здесь количества всего общественного рабочего времени, приходящиеся на различные особые сферы производства. Но это — все тот же закон, который обнаруживается уже по отношению к отдельному товару, а именно, тот закон, согласно которому потребительная стоимость товара есть предпосылка его меновой стоимости, а потому и его стоимости... Пусть, наприм., бумажных тканей произведено непропорционально много, хотя во всем этом продукте, в этих тканях реализовано лишь необходимое для этого при данных условиях рабочее время. Но вообще - то на эту особую отрасль затрачено слишком много общественного труда; т. - е. часть продукта бесполезна... Эта количественная граница тех количеств общественного рабочего времени, которое можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства, есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще; хотя необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл. Для удовлетворения определенной общественной потребности необходимо столько - то рабочего времени. Ограничение проявляется здесь при посредстве потребительной стоимости. Общество, при данных условиях производства, на такой - то продукт определенного рода может затратить лишь столько из всего рабочего времени, которым оно располагает» [1]).

Эти места окрыляют критиков Маркса, особенно из числа тех, которые «имеют смелость» утверждать, что критическая разработка теории стоимости Маркса должна заключаться в «исправлении и углублении ее на почве тех данных, которые были добыты новейшим развитием западно-европейской теоретической экономии» [2]).

Под понятием общественно - необходимого труда, по мнению Франка, «нужно подразумевать то, что источником меновой ценности служит не только бо́льшее или меньшее количество «общественно-необходимого» труда, но и бо́льшая или меньшая н е о б х о д и м о с т ь этого труда. Другими словами, источником меновой ценности служит не сам труд, а величина общественной потребности в продукте» [3]). И затем—«понятие «общественной необходимости» труда само указывает на то, что источником меновой ценности служит не сам труд, а общественная потребность в нем» [4]).

Итак, выходит, что Маркс, начав за здравие, кончил за упокой: начав в первом томе с того, что труд является единственным источником стоимости, в третьем томе кончает признанием потребности за начало всех начал. Ко всем прочим «противоречиям» присоединяется еще одно, и не самое малое.

Отсюда стремление всех «углубителей» Маркса «дополнить», «исправить» трудовую теорию стоимости. Если у самого Маркса теория стоимости не удержалась на одном ките — труде, то им и подавно можно и даже должно подвести под свои сооружения второго кита — потребности (см. Бернштейн, Франк, Туган-Барановский, и проч., и проч.).

То, что в интерпретации критиков Маркс выступает против Маркса, и все его учение—сплошное «противоречие», это—не удивительно, на то они и «критики».

---

[1]) «Капитал», т. III², стр. 172—173.
[2]) Ф р а н к, цит. соч., предисловие.
[3]) Там же, стр. 120.
[4]) Там же, стр. 121.

Но по вопросу о понимании общественно-необходимого труда не совсем благополучно обстоит дело и среди марксистов.

Так, А. Богданов в 4-м выпуске второго тома «Курса политической экономии» следующим образом излагает «экономическую версию» теории общественно-необходимого труда.

«Предположим, что товар произведен при нормальных для данного общества технических условиях, и заключает в себе определенную сумму труда—абстрактного простого человеческого труда. Этим еще не решен вопрос о стоимости. Остается узнать, найдет ли общество весь этот выполненный труд необходимым; а практически такая «необходимость» выразится в рыночном спросе. Если, например, спрос меньше предложения, то, значит, на производство данного продукта обществу необходима менее значительная сумма труда, чем та, которая в действительности затрачена, и «стоимость» каждой единицы продукта, а вместе с тем ее цена, будет соответственно ниже фактически воплощенного в продукте количества труда. Наоборот, если спрос превышает предложение, то, значит, «общественно-необходимая» сумма труда в данной отрасли больше, чем та, которая была применена на деле, и «стоимость», а параллельно с нею денежная цена, в такой же мере превосходит реальную трудовую затрату».

Изложив содержание «экономической версии», Богданов продолжает: «Получается, как видим, полное об'яснение одновременно и стоимости и цены, при чем никаким устойчивым и закономерным уклонениям от нормы не остается места. Но, к сожалению, теоретическая сила закона оказывается при этом иллюзорной, об'яснение—мнимым. Оно должно было показать нам связь производства и обмена, как двух моментов социального процесса; а, между тем, в «об'ясняющем» понятии смешаны воедино и производственные условия, и вся меновая кон'юнктура. Всякая возможность дальнейшего анализа исчезает, и дело сводится к бессодержательной формуле: товар «стоит» именно столько, сколько общество, представленное рынком, находит «необходимым» за него давать».

А посему, «понятие «общественно-необходимого» труда, очевидно, должно приниматься исключительно в смысле техники, и тогда оно позволяет об'яснять закономерность обмена, исходя из условий производства. Только в таком виде может и должна приниматься трудовая теория» [1]).

В примечании Богданов заявляет: «надо признать, что и у Маркса можно встретить целый ряд мест, которые явно тяготеют к той же («экономической». *А. М.)* версии, в противоречии с изложением доктрины в ее целом».

«Circulus vitiosus» в «экономической версии» понятия общественно-необходимого труда в том виде, как она изложена у Богданова, несомненен. Но вопрос в том, можно ли ее приписывать Марксу.

Прежде всего нужно покончить с могущей получиться у незнакомых с историей написания «Капитала» хронологической аберрацией, будто бы третий том был написан позже первого, так что при развитии своей точки зрения Маркс впал в противоречия. По достаточно компетентному свидетельству Энгельса, «между 1863 и 1867 г.г. Маркс... составил в наброске две последние книги «Капитала» и подготовил к печати

---

[1]) А. Богданов и И. Степанов. «Курс политической экономии», т. II, вып 4-й. Гос. Изд. 1919 г., стр. 92—93.

рукопись первой книги» [1]). Мало того, третья книга «написана, по крайней мере, в большей своей части, в 1864 и 1865 годах. Лишь после того, как она в существенном была готова, Маркс приступил к обработке книги I-ой напечатанного в 1867 г. первого тома» [2]). Все те «противоречия», которые находят между первым и третьим томами «Капитала», не только смутно бродили в голове Маркса, но были им выявлены во всей полноте. Трудно предположить, чтобы Маркс, которому даже злейшие враги не отказывали в железной логике, мог не заметить таких «мелочей», как «противоречия», которые ему приписывают, в частности—отказ от признания труда единственным источником стоимости. У него, очевидно, эти противоречия как-то примирялись. Поэтому нам кажется правильным обратиться непосредственно к Марксу для уяснения его точки зрения на категорию общественно-необходимого труда.

Прежде всего нужно твердо помнить о методе исследования, которого придерживается Маркс на протяжении трех томов «Капитала».

«Исследование Маркс ведет таким образом, что начинает с самого простого и постепенно переходит к сложному. «Так как единичный товар — элементарная форма богатства, то наше исследование начинается с анализа товара»,—пишет Маркс в начале «Капитала». И, в действительности, чем дальше Маркс подвигается в своем исследовании, тем больше привлекает он новых факторов и моментов, которые делают хозяйственные явления все более многообразными и сложными.

В первом отделе первого тома он исходит из предположения о примитивном обществе, состоящем из самостоятельных товаропроизводителей. Затем он делает шаг вперед, привлекает к рассмотрению проблему прибавочной стоимости и переходит, таким образом, к капиталистическому производству. Последнее он рассматривает во всем первом томе лишь в стадии процесса производства и с точки зрения антагонистических взаимоотношений капиталистов и рабочего класса. Во втором томе он в первую голову выдвигает новый фактор — отношение капиталиста к своему капиталу, и рассматривает процесс обращения. В третьем томе он уничтожает единство класса капиталистов, рассматривает отношения отдельных категорий капиталистов друг к другу и распадение прибавочной стоимости на различные части—прибыль, процент и ренту. Лишь тогда приближается он к полной капиталистической действительности в ее основных проявлениях и характерных чертах. Дальнейшее продвижение вперед влечет за собой, само собой разумеется, постановку новых проблем» [3]).

Исходя из этого, нельзя, конечно, говорить о законченном изложении теории стоимости в первом томе. Естественно было ожидать, вместе с усложнением об'екта исследования, выявления тех моментов в первоначальной концепции, которых Маркс не касался, пока исследовал явление в упрощенном виде.

Нужно также помнить о другом принципе марксова анализа: «в... общем исследовании... действительные отношения изображаются лишь постольку, поскольку они выражают свой собственный общий тип—... средние, нормальные отношения» [4]). Поэтому «образование «среднего», как синтеза единичных явлений одного и того же рода, отличающихся друг

---

[1]) «Капитал», т. III, предисловие.
[2]) «Капитал», т. II, предисловие.
[3]) I. Rosenberg. Ricardo und Marx, als Werttheoretiker, стр. 73—74.
[4]) «Капитал», т. III[1], стр. 118—119.

от друга в различных отношениях, является у Маркса необходимым, излюбленным приемом. «Среднее», в котором выравниваются все отклонения, где пропадает все случайное, индивидуальное и произвольное, выражает согласно Марксу «общественно-необходимое», типичное, что заключается в каждом единичном явлении. Чем больше явлений охватывается понятием «среднее», тем, с одной стороны, вероятнее, что это «среднее» представляет общественно-типичное, с другой стороны — что некоторые явления отклоняются от него.

Мы находим у Маркса большое количество понятий, которые он получает таким путем: «рыночная стоимость», «рыночная цена», «общественно-необходимое рабочее время» [1]).

При первом подходе к анализу стоимости в простейших элементарнейших условиях ее проявления, стоимость выступает, прежде всего, как труд. Но тут же Маркс указывает и первый аттрибут, который должен точнее определить этот существеннейший признак — общественную необходимость в техническом смысле.

Так понимаемый общественно-необходимый труд об'ясняет нам «без отказа» все явления, анализируемые на протяжении I и II т.т.

В третьем томе Маркс переходит к анализу капиталистического производства, взятого в целом. Теперь уже те «Kleinigkeiten», от которых можно было отвлечься раньше—конкуренция, торговый капитал, процент, рента—словом «вся капиталистическая действительность» выступает во всей своей полноте.

Установленное раньше понятие общественно-необходимого труда подвергается дальнейшему усложнению.

Стоимость превращается в рыночную стоимость. О том, что это—разные категории, свидетельствует целый ряд мест, например, «... и то и другое изменяется как раз потому, что изменяется вследствие изменения стоимости рыночная стоимость» [2]); или «спрос и предложение предполагают превращение стоимости в рыночную стоимость» [3]).

С категорией рыночной стоимости мы встречаемся у Маркса при анализе спроса и предложения. Товар-стоимость находится в самом круговороте товаров—на рынке; он должен принять присущую ему форму меновой стоимости, окончательно количественно определиться.

Мы не будем останавливаться на подробном анализе понятия рыночной стоимости; но поскольку мы достигли того пункта, где стоимость товара должна окончательно конституироваться, попробуем конкретизировать наш анализ примером.

Допустим, что речь идет об электрических лампочках. Степень развития производительных сил позволяет тратить на производство лампочки один час. Фабриканты производят согласно этой нормы. Если исходить из технического понимания общественно-необходимого труда, каждая произведенная с соблюдением вышеуказанных условий лампочка (с затратой одного часа труда) должна иметь стоимость в один час труда. И сколько бы мы ни произвели лампочек, все они должны иметь эту стоимость.

Допустим, что обществу нужно для удовлетворения его потребностей плюс запас один миллион лампочек; их же произведено два миллиона. Будет ли каждая лампочка сверх миллиона (вполне удовлетворяющего

---

[1]) I. Rosenberg, цит. соч., стр. 71—72.
[2]) «Капитал», т. III[1], стр. 167.
[3]) Там же, стр. 170.

все потребности общества в лампочках вплоть до образования запаса) иметь стоимость?

Мы помним, что условием, предпосылкой стоимости является полезность—способность удовлетворять какую-либо общественную потребность. Если потребность общества вполне удовлетворяется миллионом штук, то, очевидно, каждая лампочка сверх миллиона никакой потребности не удовлетворяет, следовательно, лишена предпосылки, основного условия стоимости—полезности, а потому и стоимости.

Для того, чтобы каждая лампочка представляла собою стоимость, общество должно было бы произвести миллион лампочек; но раз произведено два миллиона, то либо один миллион не будет иметь никакой стоимости, ибо не обладает предпосылкой ее; либо, в силу того, что общественная потребность эластична, все два миллиона лампочек будут приравнены по стоимости одному миллиону, и стоимость каждой понизится наполовину; либо количественная граница установится где-то между одним и двумя миллионами штук, и индивидуальная стоимость одной лампочки выразится в соответствующем частном от деления миллиона часов на число штук.

Соответствие общественной потребности и есть «количественная граница тех количеств общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства».

О том, что такой постановкой вопроса вводится существенный корректив в установленное прежде понимание общественно-необходимого труда, Маркс давал себе ясный отчет. В цитированном нами отрывке он указывает—«необходимое рабочее время приобретает здесь иной смысл». И в то же время—это «есть лишь более развитое выражение закона стоимости вообще».

Обратимся к изложению «экономической версии» А. Богдановым.

Возможно, что такое толкование общественно-необходимого труда и существует, но оно не соответствует тому, о чем говорил Маркс.

В изложении Богданова получается полное отождествление стоимости и цены, и устанавливается непосредственная зависимость между спросом и стоимостью.

Ничего подобного у Маркса нет.

При анализе превращения стоимости товара в цену Маркс вводит две вспомогательные категории—рыночную стоимость и цену производства. Получается следующая цепь превращений: стоимость—рыночная стоимость — цена производства—цена.

«Стоимость» соответствует высшей степени абстракции; по мере своего приближения к реализации она обрастает дополнительными характеристиками.

Подробный анализ всех этих категорий не входит в нашу задачу, но в нескольких словах придется на них остановиться.

При идеальных условиях, если бы не было никаких отклоняющих обстоятельств, обмен товаров должен был бы совершаться пропорционально количествам общественно-необходимого труда [в техническом смысле], заключенного в продуктах, при условии, что каждый из них был бы полезностью, т.-е. удовлетворял бы какую-либо общественную потребность. Но в действительности выступает целый ряд осложняющих моментов, в частности, тенденция нормы прибыли к уравнению.

И вот стоимость отдельных товаров и целых групп товаров испытывает под влиянием этой тенденции некоторую модификацию. «В I и II кн. мы имели дело только со стоимостями товаров. В настоящее время... кон-

струировалась цена производства, как превращенная форма стоимости товара»... «Стоимость=всему количеству заключающегося в товаре оплаченного и неоплаченного труда; цена производства = сумме оплаченного труда, плюс определенное количество неоплаченного труда, независимое от условий самой данной сферы производства» [1]).

Здесь мы имеем дело с трансформацией стоимости под влиянием одного определенного обстоятельства.

Но одновременно с приближением момента реализации стоимости, обнаружения ее, как цены, является необходимость точнее определить другие признаки ее. Этому служит категория рыночной стоимости.

В то время, как вспомогательная категория цены призводства есть стоимость, рассматриваемая с точки зрения соотношения оплаченного и неоплаченного труда, рыночная стоимость—категория, которая должна отобразить тот момент, когда стоимость превращается в цену. Категория рыночной стоимости должна отобразить процесс, само превращение стоимости в цену. Отсюда понятна та неясность, незаконченность, как будто бы даже смешение категорий стоимости и рыночной стоимости, рыночной стоимости и цены, которые замечаются при чтении 10-ой главы.

Рыночная стоимость—это стоимость, перестающая быть стоимостью, но еще не превратившаяся в цену.

Десятая глава III тома, посвященная в значительной своей части анализу рыночной стоимости и рыночной цены, является блестящим примером анализа процесса и в то же время доказательством того, как ограничен человеческий язык, как слова, прекрасно выполняющие свои функции, пока речь идет о запечатлении статических моментов, оказываются бессильными при изображении динамики явления.

Одна категория заступает место другой—«цена производства заступает место рыночной стоимости» [стр. 159], цена и рыночная стоимость отождествляются—«средняя цена или рыночная стоимость» [стр. 159] и т. д. И грани между всеми категориями как будто совершенно стираются.

И на-ряду с этим имеются точные указания на различный характер всех этих категорий.

Различение стоимости, цены производства и цены не представляет трудности. Значительно сложнее обстоит дело с рыночной стоимостью.

Отличие рыночной стоимости от стоимости состоит в том, что более точные контуры приобретает категория общественно-необходимого труда. При чем уточнение происходит по обоим направлениям—и в технической и в так называемой экономической трактовке.

Когда мы впервые встречаемся с определением общественно-необходимого рабочего времени в техническом смысле, оно выступает перед нами, как «рабочее время, которое, при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или другой полезной вещи» [2]).

Но когда стоимость превращается в рыночную стоимость, тогда общая формула—«средне-необходимое или общественно-необходимое рабочее время» наполняется более конкретным содержанием.

Рыночная стоимость, с точки зрения Маркса, «должна рассматриваться, с одной стороны, как средняя стоимость товаров, произведенных в данной отрасли производства, с другой стороны, как индивидуальная

---

[1]) «Капитал», т. III[1], стр. 138—141.
[2]) «Капитал», т. I, стр. 5.

стоимость товаров, которые производятся при средних условиях данной отрасли и которые составляют значительную массу продуктов последней». При этом возможны три случая: либо рыночная стоимость «определяется стоимостью преобладающей средней массы товаров, либо она регулируется товарной массой, произведенной при худших условиях, либо ее регулирует часть товаров, произведенная при наилучших условиях» [1]).

Анализируя товар, Маркс устанавливает двойственный характер его, как потребительной стоимости и стоимости меновой; при чем потребительную стоимость он характеризует только с качественной стороны, не останавливаясь на количественной.

С превращением стоимости в рыночную стоимость, потребность в большей определенности приводит к подчеркиванию момента, не выявленного с достаточной определенностью прежде,—а именно, необходимости соответствия между массой труда, затрачиваемого на какую-либо отрасль производства, и величиной общественной потребности в продуктах этой отрасли. Вскользь брошенные раньше замечания развиваются в третьем томе в целую теорию.

Ошибка так называемой экономической версии в изложении А. Богданова состоит в том, что отождествляются понятия «общественная потребность» и «спрос». [«Остается узнать, найдет ли общество весь этот выполненный труд необходимым; а практически такая «необходимость» выразится в рыночном спросе» (ц. с.).]

Между тем, между категориями «общественная потребность» и «спрос» в трактовке Маркса существует такое же отношение, как между стоимостью и ценой, между абстракцией и конкретным ее проявлением. Маркс определенно разграничивает эти две категории. «Пределы, в которых потребность, представленная на рынке, или спрос на товары, количественно отклоняется от действительной общественной потребности, конечно, очень различны для различных товаров» [2]). «Общественная потребность», т.-е. то, что регулирует принцип спроса» [3]).

Вопрос о том, как сказывается, как обнаруживается влияние общественной потребности при образовании стоимости, нас не касается. Это явление того же порядка, как редукция сложного труда к простому, как определение общественно-необходимого времени в техническом смысле. Но то обстоятельство, что мы не можем себе представить, как общественная потребность оказывает свое влияние, не дает еще нам права подставлять вместо нее спрос. Категория спроса никакого отношения не имеет к стоимости; она соотносительна цене.

Простое декретирование того, что «понятие «общественно-необходимого» труда... должно приниматься исключительно в смысле техники» [Богданов и Степанов: «Курс пол. эк.», стр. 93], еще не решает вопроса.

Игнорирование общественной потребности, как количественной границы при определении полезности товара, а, следовательно, и стоимости его, приводит лишь в дальнейшем анализе капиталистического хозяйства к противоречиям. Богданов, который в такой категорической, хотя и не убедительной, форме выдвигает технический момент, упуская общественный, сам принужден обратиться к последнему, критикуя теорию кризисов Туган-Барановского. «Именно потребительную ценность товаров или, точнее, характер их общественной полезности упустил из виду в своих

---

[1]) «Капитал», т. III[1], стр. 157—160.
[2]) «Капитал», III[1], стр. 164.
[3]) Там же, стр. 156.

многочисленных схемах г. Туган-Барановский. У него получается так, что, например, при сужении ткацкой промышленности производство ткацких станков... может все-таки расширяться. «Машины» будут куплены «для производства новых машин». Как будто все они для такого дела годятся!» [1]).

Что это, как не апелляция к общественной потребности?

Кризис и есть та форма, в которой обнаруживается вся иллюзорность стоимости, которой будто бы обладают об'екты, произведенные с затратой среднего общественно-необходимого в техническом смысле труда, но без соблюдения соответствия с величиной общественной потребности в данных об'ектах.

Мы не будем распространяться насчет того, что при кризисах речь идет не только о цене, но именно о стоимости; мы сошлемся на соответственные места в «Theorien über den Mehrwert» [2]). «Итак, согласно нашего предположения рынок переполнен, например, хлопчато-бумажной пряжей настолько, что часть ее нельзя продать—совсем нельзя продать, либо можно продать лишь значительно ниже ее цены, или, мы скажем, стоимости. Мы будем пользоваться термином стоимость, так как при рассмотрении процесса обращения или процесса воспроизводства мы имеем дело со стоимостью, а не с ценой производства и тем менее с рыночной ценой... Подобно тому, как для товаров, для того, чтобы они продавались по их стоимости, необходимо, чтобы они содержали лишь общественно-необходимое время, точно так же для отдельной сферы производства необходимо, чтобы из всего рабочего времени общества лишь необходимая часть была затрачена на эту особую сферу, лишь рабочее время, которое требуется для удовлетворения общественных потребностей (спроса). Если же затрачено больше времени, то хотя каждый отдельный товар содержит в себе лишь необходимое рабочее время, но все количество товаров содержит рабочего времени больше общественно-необходимого, и хотя каждый отдельный товар и имеет потребительную стоимость, но вся сумма товаров, при данных условиях, часть своей потребительной стоимости теряет».

Правильность развиваемой нами точки зрения подтверждается также целым рядом мест из первого тома «Капитала». Это указывает только на то, что понимание общественно-необходимого труда в указанном нами смысле не является случайным у Маркса. Он только нигде подробно его не развил и не придал ему законченной формы. Но таких незаконченных вопросов осталось вообще не мало у автора «Капитала».

«Их (товаров) потребительная ценность должна быть установлена на опыте, прежде чем они могут реализоваться, как ценности, потому что затраченный на их производство труд идет в счет лишь постольку, поскольку он потрачен в полезной для других форме. Но полезен ли он для других, т.-е. способен ли его продукт удовлетворить чужие потребности, это может показать только обмен» [3]). В главе III — «Деньги или обращение товаров» — Маркс снова возвращается к этому вопросу: «Товар прежде всего должен быть потребительной ценностью для владельца денег; потраченный на него труд должен быть, следовательно, потрачен в общественно-полезной форме или выдержать испытание, как звено обще-

---

[1]) А. Богданов и И. Степанов. Цит. соч., стр. 111.

[2]) К. Маркс. «Theorien über den Mehrwert», т. II, ч. 2 стр. 299 — 300. см. также относящиеся к данному вопросу стр. 267—269.

[3]) «Капитал», т. I, стр. 46.

ственного разделения труда. Но общественное разделение труда есть естественно развивающийся производственный организм, нити которого были вытканы и продолжают ткаться за спиной у товаропроизводителей... Данный продукт сегодня удовлетворяет какой-либо общественной потребности; завтра, быть может, он будет целиком или частью вытеснен с своего места каким-либо другим сходным продуктом. Если даже какой-нибудь труд, как, например, труд нашего ткача, является патентованным звеном в системе общественного разделения труда, то это еще ни в коем случае не гарантирует потребительной ценности произведенных именно этим ткачем 20 арш. холста. Если общественная потребность в холсте, которая, как и все другое, имеет свои границы, удовлетворена уже другими соперниками ткачами, то продукт нашего приятеля становится излишним и потому бесполезным» [там же, стр. 64], а потому, продолжим мы, не имеет никакой стоимости.

Еще яснее и определеннее выступает роль общественной потребности в качестве «количественной границы... количеств общественного рабочего времени, которое можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства» в следующем отрывке. «Допустим, что каждый, находящийся на рынке кусок холста содержит в себе только общественно-необходимое (очевидно, в техническом смысле. *А. М.*) рабочие время. Все-таки вся сумма кусков может содержать в себе излишне затраченное рабочее время. Если желудок рынка не может поглотить всего количества холста по нормальной цене в 2 шилл. за аршин, то это указывает, что в форме труда ткачей холста потрачена слишком большая часть общей суммы общественного рабочего времени. Действие от этого получается то же самое, как если бы каждый отдельный ткач на производство своего индивидуального продукта потратил рабочего времени больше общественно-необходимого... Весь холст на рынке считается, как один товар, а каждый кусок—лишь как известная часть его. И, действительно, ценность каждого индивидуального аршина есть также лишь овеществление того же самого общественно-определенного количества однородного человеческого труда» [1]).

Нас не должно смущать то обстоятельство, что Маркс при помощи одного и того же термина «общественно-необходимый» обозначает явления разного порядка—техническую необходимость и т. н. экономическую. По поводу аналогичного явления он замечает: «Употребление одних и тех же termini technici в различных смыслах неудобно, но неизбежно во всякой науке. Его мы встречаем при изучении высшей и низшей математики» [2]).

Энгельс в предисловии к «Нищете философии», написанном в 1884 г., высказывается в том же духе.

Разбирая теорию стоимости Родбертуса, он говорит: «Труд здесь опять принимается без всякой критики... Тратят ли производители 10 дней на производство продуктов, которые можно произвести в один день, или только один день; применяют ли они орудия наилучшие или наихудшие (общественно-необходимый труд в техническом смысле. *А. М.*), употребляют ли они рабочее время на выделку общественно-необходимых предметов и в общественно-потребном количестве или же они выделывают предметы совершенно ненужные или предметы нужные изготовляют в количестве большем или меньшем необходимого» — обще-

---

[1]) «Капитал», т I, стр. 65.
[2]) Там же, стр. 160.

ственно-необходимый труд в экономическом смысле,—«обо всем этом не говорится ни слова» [1]).

То же двойственное понимание общественно - необходимого труда, не вносящее путаницы, а, наоборот, придающее этой категории необходимую полноту и цельность, мы видим в следующем отрывке: «Если бы он (Родбертус. А. М.) спросил себя, вследствие чего и каким образом труд создает ценность, а следовательно, определяет и измеряет ее, то он пришел бы к общественно-необходимому труду,—к труду, необходимому для каждого отдельного продукта, как относительно всех прочих продуктов того же рода, так и относительно общественно - совокупной потребности» [2]).

Все приведенные цитаты подтверждают, думается нам, наличие в теории стоимости Маркса т. н. экономической версии в установленном нами понимании.

Но это еще не исключает возможности противоречия между такой трактовкой общественно - необходимого труда и теорией стоимости в целом.

Мы не будем останавливаться на возражениях г. Прокоповича [3]). Они построены прежде всего на смешении категорий общественной потребности и спроса; а, во - вторых, г. критик прибегает к такому приему: сначала он приводит места, выявляющие понимание общественно - необходимого труда в техническом смысле, совершенно игнорируя имеющиеся там же, в I т., указания на экономическую трактовку; а потом вспоминает про пропущенные ранее места и... вскрывает противоречие.

Гораздо серьезнее кажется на первый взгляд возражение Э. Бернштейна.

«Согласно теории Маркса природа капиталистического хозяйства такова, что это отношение—общественная потребность—всегда неопределенна, а потому в действительности стоимость никогда не обнаруживается, либо обнаруживается случайно, что, с точки зрения науки, не может приниматься во внимание» [4]).

Исходя из этого, Бернштейн уличает Маркса, выражаясь мягко, в теоретическом маневрировании. При принятии во внимание категории общественной полезности, категория стоимости лишается устойчивости, а вместе с тем оказывается невозможным сконструировать теорию прибавочной стоимости. И вот, Маркс, чтобы избежать этого, «фактически ограничивается категорией рабочего времени в техническом смысле, отвлекаясь от второго момента» [5]).

Нам кажется, что нельзя исходить из момента неустойчивости, неопределенности при критике категорий, задача коих отобразить явление в его движении. Такого испытания, пожалуй, не выдержит и категория общественно - необходимого труда в техническом смысле.

В самом деле. Мы определяем общественно - необходимое рабочее время в техническом смысле, как «рабочее время, которое при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или другой полезной вещи». При построении абстрактной теории нам совершенно не важно установить, чему равна в действитель-

---

[1]) К. Маркс. «Нищета философии», предисловие Энгельса, стр. 12—13.
[2]) Там же, стр. 18.
[3]) Прокопович. «К критике Маркса», отд. I.
[4]) E. Bernstein. «Arbeitswerth oder Nutzwerth» [Neue Zeit»]. XVII, 2, стр. 549—550.
[5]) Там же, стр. 550.

ности «средняя степень умелости», «средняя степень напряженности», что такое «существующие нормальные условия» и т. п. В капиталистическом обществе все это устанавливается само собой, и тем не менее познавательное значение вышеупомянутых категорий огромно.

Точно так же обстоит дело с категорией общественной потребности. Несмотря на то, что «общественая потребность... существенно обусловливается отношением различных классов друг к другу и их взаимным экономическим положением, а, следовательно, во-первых, отношением всей прибавочной стоимости к заработной плате и, во-вторых, соотношением различных частей, на которые распадается прибавочная стоимость (прибыль, процент, земельная рента, налоги и т. п.)», т.-е. общественная потребность является категорией производной по отношению к стоимости, но в то же время величина ее является той границей, за пределами которой продукты человеческого труда перестают быть потребительными стоимостями, а следовательно, и стоимостями.

Общественная потребность — не источник, не причина стоимости; она играет лишь роль лакмусовой бумажки, при помощи которой выясняется, обладает ли данный предмет человеческого труда полезностью — предпосылкой стоимости. Но стоимость и величина ее определяются исключительно количеством кристаллизованного в товарах данной отрасли человеческого труда.

Такое «взаимодействие между различными моментами» не должно нас смущать, ибо «это бывает во всяком органическом целом» [1]).

Резюмируем выводы, к которым мы пришли.

У Маркса имеется двоякая трактовка понятия общественно-необходимого труда: техническая и т. н. экономическая.

Экономическая трактовка не носит случайного характера, и не только не противоречит технической, но, наоборот, дополняет ее. Без нее характеристика двойственного характера труда, создающего стоимость — товар, как труда конкретного и абстрактного, не была бы полна. Конкретный труд, охарактеризованный с качественной стороны, не был бы определен со стороны количественной.

Принятие одной только технической трактовки, не коррегированной категорией «общественной потребности», лишает категорию стоимости ее общественного характера. Между тем, как с точки зрения Маркса, «создателем стоимости является именно общественный человеческий труд, а не просто труд, как технический фактор производства».

Сторонники психологического направления могут заявить: если общественная потребность есть «количественная граница... количеств общественного рабочего времени, которые можно целесообразно затратить на различные особые сферы производства», то должна, очевидно, иметь место оценка, какое именно количество тех или иных продуктов необходимо. Ведь вот и по отношению к понятию общественно-необходимого труда в техническом смысле г. Франк обнаружил, что «источник ценности указывается собственно не в самом труде, а скорее в мнении о нем общества».

---

[1]) К. Маркс. «Введение к критике политической экономии». [сб. «Осн. проблемы полит. экономии», стр. 23].

Следовательно, примем ли мы только техническую трактовку категории общественно - необходимого труда, либо будем рассматривать техническую и т. н. экономическую трактовку, как последовательные ступени развития одного и того же понятия, как это сделано в настоящей статье, нам все равно придется столкнуться с вопросом о том, во - время ли мы прерываем анализ.

Вопрос, поставленный таким образом, приводит нас к необходимости выяснить, что́ же такое стоимость, понятие, которым мы оперируем все время.

Напрасно стали бы мы искать у Маркса словесного определения этого понятия - формулы. Он имел к своим услугам целый букет определений. - «Стоимость есть способность предмета быть обмениваемым; правило, устанавливающее количество одного предмета, которое должно быть дано в обмен за другой; количество одного продукта, получаемого в обмен на другой; внутренняя способность к обмену; общая покупательная сила; свойство, вытекающее из нашего суждения над полезностью, а отнюдь не внутреннее; косвенная полезность; степень полезности; значение блага для хозяйственного сознания; отношение между променяваемыми услугами; мера власти природы над человеком». (Зибер: «Давид Рикардо».) Однако Маркс не воспользовался ни одним из этих определений и не прибавил к уже существующим нового, своего.

Он определяет стоимость, указывая основные ее признаки — субстанцию, мерило и форму. Субстанция стоимости — это человеческий труд, мерило — рабочее время, форма, в которой стоимость проявляется, это—меновая стоимость.

Точно так же поступает Энгельс в «Анти - Дюринге». «Говоря, что товар имеет данную определенную стоимость, я говорю: 1) что он представляет из себя общественно - полезный продукт; 2) что он произведен за частный счет отдельной личностью; 3) что он, будучи продуктом частного лица, в то же время, как бы без ведома и против воли производителя является продуктом целесообразного общественного труда, представляя собою в процессе обмена только известное количество такого труда; 4) что это последнее количество определяется не непосредственным трудом, затраченным на производство данного товара, а путем сравнения этого товара, рабочего времени, с другими товарами».

Как видим, и здесь ни одного слова нет сверх перечисления признаков стоимости.

Если Маркс в своем анализе стоимости не апеллировал к «значению», «оценке» и т. п., так это потому, что он считал, что в своем исследовании подошел к границе, за которой начинается область иррационального. Редукция сложного труда к простому, общественная необходимость труда, как в техническом, так и в экономическом смысле «устанавливаются посредством общественного процесса за спиной производителей».

Попытки рационализировать отношения, которые рационализации не поддаются, служат лишь психологической предпосылкой появления, как чистых теорий полезности, так и эклектических потуг разных примирителей.

Австрийцы, «разыгрывая симфонии на суб'ективных потребностях» индивидуума, в лучшем случае дают картину борьбы мотивов в душе потребителя, когда он очутится перед выставкой товаров, нивесть откуда явившихся, вероятнее всего, как манна, с неба; эклектики же создают

конструкции, которые соответствуют формам, либо уже отошедшим в область прошлого, либо таким, которые будут иметь место лишь в будущем.

Есть два принципиально различных типа хозяйства: либо сознательно, планомерно регулируемое — изолированное натуральное хозяйство в прошлом, социалистическое — в будущем; либо такое, в котором сознательное регулирование единой волей отсутствует,—товарное.

В первом случае соотношение между трудом и потребностью вполне ясно. «В том случае, если производство совершается по заранее намеченному плану под действительным контролем общества, общество создает связь между количеством общественного рабочего времени, затрачиваемого на производство определенного продукта и размерами общественной потребности, подлежащей удовлетворению при помощи этого продукта» [1]). «В будущем обществе, в котором ни классовой противоположности, ни классов уже не будет, потребление не будет зависеть от минимума производственного времени; наоборот, время, отводимое на производство различных предметов, будет определяться их общественной полезностью» [2]).

В сознательно регулируемом обществе мы имеем элементы стоимости — полезность и труд — налицо. Но стоимости нет.

Иначе обстоит дело в товарном, капиталистическом обществе. Здесь соотношение между потребностями и количеством труда, затрачиваемого на их удовлетворение, устанавливается стихийно, «за спиной производителей»; лишь этой стадии общественного развития соответствует появление стоимости в ее форме меновой стоимости. «Форма, в которой проявляется... пропорциональное распределение труда, при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда,—эта форма есть меновая стоимость этих продуктов» [3]).

Туган-Барановский, устанавливающий пропорциональность между полезностью продуктов и количеством затрачиваемого на них труда для товарного общества, переносит отношение, которое будет иметь место в социалистическом обществе, в общество капиталистическое. Превращая же ценность и стоимость в вечные, логические категории, он игнорирует принципиальную разницу между сознательно регулируемым обществом и обществом анархическим, стихийно живущим и развивающимся.

Анализируя роль категорий полезности и потребности в трудовой теории стоимости, мы не можем обойти молчанием возражения, опирающиеся на апелляцию к конкретным фактам.

Поскольку речь идет об «ученых критиках», мы бы считали разбор этих возражений совершенно излишним; ибо им известно, либо должно было быть известным, что абстрактная теория—а таковой именно и является марксова теория—вовсе не ставит себе целью об'яснить каждый отдельный случай во всей его конкретности.

Закон тяготения дает нам общий принцип для понимания явлений этого порядка, но вовсе не об'ясняет нам каждый частный случай, где переплетается чрезвычайное множество осложняющих моментов, вносящих значительную модификацию в проявление данного закона.

То же самое имеет место по отношению и к экономическим законам.

---

[1]) «Капитал», т. III[1], стр. 165.
[2]) К. Маркс. «Нищета философии» стр. 67.
[3]) Письмо К. Маркса к Кугельману от 11 июля 1868 г.

Если мы все же решаемся коснуться вопроса о применении закона трудовой стоимости к об'яснению конкретных случаев, то делаем это в силу того соображения, что хотим проверить, существует ли принципиальная невозможность об'яснения таких фактов или нет; а затем также потому, что в современных аудиториях, наполненных новыми слушателями—рабочими и крестьянами—часто приходится слышать из уст людей, мало искушенных в вопросах методологии научного мышления, вопросы, совершенно идентичные с теми, которые задают «критики».

«Наивный реализм», с которого начинают свое развитие впервые приступающие к изучению проблем теоретической экономии, является высшей мудростью «критиков», специализирующихся на борьбе с трудовой теорией.

Приведем пример опровержения трудовой теории при помощи «фактов». «Вот факты, доказывающие, что меновая ценность непропорциональна труду. В один день охоты я убиваю козу, вы убиваете зайца. И заяц и коза будут продуктом одного и того же усилия, в течение одного и того же времени; но будут ли они иметь одинаковую меновую ценность? Нет, коза может служить мне пищею в течение пяти дней, заяц—в течение одного. Ценность первой будет в пять раз более ценности второго. Вино Шато-Лафит стоит по 15 фр. за бутылку, вино соседнего холма стоит франк. И, однако, первое не требует вдвое большего труда, чем второе и т. д. и т. д., следовательно, меновая ценность непропорциональна труду... В действительности меновая ценность проистекает из полезности» [1]).

Разбором этого «опровержения» мы заниматься не будем. Интересующиеся найдут блестящую критику этой «критики» у Плеханова [2]). Нас в этом примере интересует методологическая невинность бельгийского профессора. Для опровержения теории, претендующей на об'яснение законов жизни и развития капиталистического хозяйства, он апеллирует к формам хозяйства, ничего общего не имеющим с подлежащим об'яснению.

Так как по существу между всеми этими апелляциями к «фактам» разницы нет, то мы обратимся к другим «фактам», где интересующее нас явление выступает в чистом виде.

«Лучшие сорта угля выручат на рынке более высокую цену, чем худшие сорта, несмотря на то, что оба сорта добывались с равными издержками»,—заявляет Маклеод. Сажень березовых дров стоит дороже сажени осиновых, хотя на ту и на другую затрачено одинаковое количество труда,—переводит с английского языка на русский ярый противник социализма и Маркса проф. Бунге.

«Я сам сею рожь и пшеницу, и одного и того же труда стоит мне пуд ржи и пуд пшеницы, а за пуд пшеницы мне на рынке платят дороже, чем за пуд ржи»,—заявляет слушатель-крестьянин, впервые знакомящийся с трудовой теорией.

Нам предлагают об'яснить, как это может быть с точки зрения трудовой теории стоимости, что продукты, на производство которых затрачено равное количество человеческого труда, имеют разную стоимость.

Не проистекает ли в данном конкретном случае—березовые и осиновые дрова—бо́льшая стоимость березовых дров из их бо́льшей полезно-

---

[1]) Em. de Laveley. «Le socialisme contemporain».

[2]) Бельтов. «За 20 лет» или Г. Валентинов. «Отечеств. записки» за 1881 г. № 11.

сти, и не следует ли исправить односторонность трудовой теории признанием полезности в качестве второго источника стоимости?

Для ответа на поставленный таким образом вопрос нужно принять во внимание следующие два обстоятельства.

Во-первых, для об'яснения бо́льшей полезности березовых дров по сравнению с осиновыми, вовсе не нужно обращаться к суб'ективным вкусам индивидуума. Бо́льшая полезность сводится к получению от березовых дров бо́льшего теплового эффекта. Разница в качестве—береза и осина—сводится к разнице в количестве и носит совершенно об'ективный характер. Вязанкой березовых дров можно отопить, скажем, 2 комнаты, в то время, как такой же вязанкой осиновых—только одну комнату. Отношение 2 : 1 — примерное, для простоты расчета.

Во-вторых, нужно принять во внимание соображения Маркса, изложенные им в конце 44-ой гл. 2-ой ч. III т. — «Дифференциальная рента с наихудшей из возделываемых земель». «Одно из самых забавных явлений заключается в том, что все противники Рикардо, отвергающие определение стоимости исключительно трудом, по отношению к дифференциальной ренте, вытекающей из различий земли, подчеркивают, что здесь стоимость определяется природой, а не трудом... Один и тот же труд дает одинаковую стоимость для продукта, созданного в течение данного времени; но величина или количество этого продукта, а потому и та часть стоимости, которая приходится на соответственную часть этого продукта, при данном количестве труда зависит единственно от количества продукта, а последнее, в свою очередь, от производительности данного количества труда, не от абсолютной величины этого количества. Обязана ли эта производительность своим происхождением природе или обществу, совершенно безразлично».

Возвращаемся к нашему примеру. Допустим, что на заготовку дров общество тратит из имеющегося в его распоряжении рабочего времени— 6.000.000 ч.; на заготовку одной сажени — безразлично березовых или осиновых дров — уходит 6 ч.; по своему тепловому эффекту 1 с. бер. дров равна 2 с. осиновых дров. Сажень осиновых дров принимается нами за тепловую единицу.

Если бы березовые дрова имелись в неограниченном количестве, то к заготовке осиновых не обращались бы в силу т. н. экономического принципа—при наименьшей затрате получать максимальный результат. Но так как березовых дров не хватает, то общество вынуждено обратиться к заготовке и осиновых дров также.

Допустим, что на заготовку тех и других дров общество тратит поровну по 3.000.000 ч., заготовляя по 500.000 с. каждого сорта.

Мы приняли 1 саж. осиновых дров за тепловую единицу. 500.000 с. осиновых дров равны 500.000 тепл. единиц; 1 с. березовых дров равна по своему тепловому эффекту 2 саж. осиновых дров = 2 тепл. единицам. 500.000 с. березовых дров = 1.000.000 тепл. единиц. Общество, затратив 6.000.000 час., получило 1.500.000 тепл. единиц. Стоимость одной единицы = 6.000.000 час. : 1.500.000 тепл. ед. = 4 час. Но одна сажень березовых дров равна 2 тепл. ед., следовательно, стоимость ее, выраженная в часах = 4 × 2 = 8 час.

Итак, общая стоимость всех заготовленных дров остается 6.000.000 ч.; но в виду различной производительности труда, приложенного к заготовке разных сортов, происходит перераспределение всего затраченного времени между всей суммой полученных тепловых единиц, ибо «тожество рыночной цены однородных товаров есть способ, посредством кото-

рого на базисе капиталистического способа производства и вообще производства, покоящегося на обмене товаров между отдельными производителями, проявляется общественный характер стоимости» [там же, стр. 197].

Из этого примера видно, что нет принципиальной невозможности об'яснить с точки зрения трудовой теории факт большей стоимости березовых дров по сравнению с осиновыми, при условии, что на заготовку сажени того и другого сорта идет одно и то же количество труда.

Затруднение, которое видят критики, является следствием их индивидуалистической точки зрения. Но картина сразу меняется, если посмотреть на наш «факт» с точки зрения общества, а эта точка зрения и является исходным пунктом трудовой теории стоимости Маркса.

Заканчивая анализ роли категорий полезности и потребности в трудовой теории стоимости, мы не можем не упомянуть о новейшей попытке произвести нападение на теорию Маркса.

В первом номере «Экономиста» [1])—Вестник XI Отд. Русск. Техн. Об-ства—помещены статьи г.г. Бруцкуса и Чубутского, которые критикуют трудовую теорию, исходя из опыта русской революции.

Свою статью «Предпосылки реальной экономической политики» г. Чубутский начинает констатированием, прежде всего, того факта, что «родина наша искони веков была страной лжи и неправды». И, очевидно, для подтверждения этого тезиса и поддержания открытой им традиции он свою критику начинает со злостного извращения.

Он предлагает об'яснить с точки зрения трудовой теории вздорожание хлеба в 175.000 раз, в то время, как цена квалифицированного умственного труда увеличилась только в 2.500 раз. Очевидно, речь идет о конце 1921 г. и о факте, который целиком или, по крайней мере, корнями своими глубоко уходит в период т. н. «военного коммунизма».

Но кто, где и когда говорил, что теория стоимости Маркса годится для всех времен? Или с точки зрения г. Чубутского ничего не произошло, и период военного коммунизма с его почти полным отсутствием свободного рынка был типичной капиталистической формацией, об'яснению коей и только ее служит теория стоимости Маркса?

Если бы он, приступая к критике враждебной теории, взял на себя труд ознакомиться с точкой зрения сторонников критикуемых им взглядов, он нашел бы не мало указаний на то, что в период социальной революции категории чистого капитализма перестают служить «без отказа».

И вот, поставив так вопрос, г. Чубутский заявляет: «Факт этой переоценки всех ценностей не случаен... Если политико-экономическая теория оказывается неприложимой к его об'яснению, она тем самым упраздняет себя».

Пользуясь таким методом, можно «опровергнуть» не только Маркса. Не знаем, найдется ли хоть один закон в какой бы то ни было области знания, который устоял бы против такой критики.

Но посмотрим, как г. Чубутскому служит теория предельной полезности, которая, с точки зрения ее последователей, «все может», годится для всех времен и народов.

Начнем с примера, о котором говорит г. Чубутский. «До войны черный хлеб стоил 2 к. за фунт, а за лист хорошего беллетристического

---

[1]) За 1922 г.

произведения платили в среднем по 200 руб., т.-е. существовало отношение 1 : 10.000. В настоящее время фунт плохого ржаного хлеба стоит около 3.500 р., а беллетристам за лист платят самое большее 500.000 р. («прекрасный гонорар»), т.-е. отношение изменилось, как 1 : 143. В то время, как хлеб вздорожал в 175.000 раз, цена квалифицированного умственного труда увеличилась только в 2.500 раз, в 70 раз меньше хлеба».

В чем искать причины такого изменения отношения в цене хлеба и квалифицированного умственного труда?

«В том, что изменилось количество общественно-необходимого труда, вкладываемого в производство хлеба?... Конечно, нет. Едва ли затраты труда в земледелии вообще увеличились, скорее наоборот. Быть-может, упало количество труда, заключавшееся в разных видах квалифицированного умственного труда, сводимого к тому или иному количеству «простого труда»? Конечно, ни одному серьезному наблюдателю не придет в голову строить подобные предположения. Как бы мы ни вертели «понятие» труд, каким бы искусным или искусственным операциям его не подвергали, при его помощи мы ничего не поймем в этом не случайном, не мимолетном, а годами длящемся факте, в результате которого продукт труда крестьянина стал цениться в 70 раз дороже высшего продукта квалифицированного умственного труда».

Раз «труд» не может нам об'яснить факта, нужно обратиться к полезности. Посмотрим, как г. Чубутский при помощи «полезности» об'ясняет.

Изложив пресловутую схему Менгера, раскрывающую борьбу мотивов в душе потребителя, познакомив с категорией «первых» фунтов хлеба, г. Чубутский заключает: «При помощи столь простого механизма и создалось, в конце концов, такое положение, что труд обыкновенного земледельца стал цениться в 70 раз дороже труда высоко - квалифицированного умственного работника».

Он брался доказать, почему труд земледельца стал цениться дороже именно в 70 раз, а не в 7 или 700 раз, а кончил не доказательством, а... простым констатированием факта: «создалось», «стал цениться»...

Там же, где г. Чубутский подходит к об'яснению, он становится на путь, ничего общего не имеющий с теорией предельной полезности.

«В результате войны и в особености внутренней разрухи, у нас уменьшилось количество всех продуктов, в частности предметов питания... Каждое уменьшение количества предлагаемых продуктов питания вызывало новое повышение цен», и т. д.

Не кажется ли г. критику, что есть какая-то связь между производством хлеба и его предельной полезностью? Не видит ли г. Чубутский связи между количеством труда, которое затрачивает общество в целом на производство хлеба, и количеством получаемого хлеба, между количеством получаемого хлеба и степенью полезности «первых» фунтов хлеба? А если так взглянуть на дело, то не ясно ли станет каждому, что количество всего затрачиваемого обществом труда на производство хлеба и есть та причина, которою, в конечном счете, обусловливается предельная полезность его.

Г. Чубутский прекращает свое исследование там, где во всей своей силе выступает основной фактор всех экономических явлений — труд. Революция лишний раз доказала, где нужно искать об'яснения явлений этого порядка.

Основное условие существования общества—труд. «Каждый ребенок знает... что всякая нация, переставшая работать, не скажу на год, но хотя бы на несколько недель, пропадет с голоду. Каждый ребенок знает также, что массы продуктов, соответствующие различным массам потребностей, требуют различных и количественно определенных масс общественного труда» [К. Маркс: Письма к Кугельману].

Империалистская война, а затем война гражданская потребовали колоссальной затраты сил. Для обслуживания своих нужд у общества осталось мало рабочей силы. Произошло перераспределение ее между различными отраслями народного хозяйства. В витринах, перед которыми останавливался «с борющимися в душе мотивами» потребитель, выставлялось все меньше товаров. И соответственно имевшемуся налицо ассортименту перестроилась и вся скала разнообразных потребностей у индивидуума.

Здесь, в сокращении количества труда, которое общество в данное время затрачивало на поддержание своего существования, лежит ответ на вопрос, поставленный г. Чубутским.

Мы знаем, почему изменилось соотношение между ценами хлеба и квалифицированного умственного труда; но почему именно в 70 раз—мы никогда не собирались об'яснять.

А г. Чубутский, пообещавший нам об'яснить это с точки зрения теории предельной полезности, попал как будто бы в положение... синицы, обещавшей зажечь море.

Г. Бруцкус в IV гл. своей статьи делает открытие, что «марксист С. Струмилин, который попытался вникнуть в проблему учета в социалистическом (курс наш. *А. М.*) хозяйстве... считает необходимым ввести понятие полезности хозяйственных благ». При чем, читая соответствующие рассуждения С. Струмилина, г. Бруцкус был удивлен, «как это почтенный экономист не вспомнит про учение предельной полезности».

Для того, кто изучал Маркса, нет ничего удивительного в том, что, решая проблему учета хозяйственных благ в социалистическом обществе, С. Струмилин вспомнил о категории полезности.

Мы в своем месте приводили соответствующие выдержки из «Нищеты философии» и «Капитала», где Маркс вскользь затрагивает эту проблему.

Мы указывали, что специфической чертой социалистически регулируемого хозяйственного организма является «сознательное координирование количеств затрачиваемого в разных сферах труда с количественно определенными потребностями».

С. Струмилин лишь подробнее развил в связи с требованиями момента указания, имевшиеся лишь в зародыше у Маркса.

Не знаем, как изучал г. Бруцкус Маркса—по Марксу или по... изложениям. Если бы г. Бруцкус, не превращая «Капитал» в святой коран, просто удостоил Маркса своим вниманием прежде, чем говорить о нем, ему не пришлось бы удивляться тому, что марксист Струмилин развивает идеи... Маркса.

Правда, игнорирование Струмилиным теории предельной полезности наводит г. Бруцкуса на грустные размышления о том, что «и С. Струмилин принадлежит к тем весьма обширным кругам русской интеллигенции, которые приняли «Капитал» Маркса, как святой коран, и согласно формуле, приписываемой Омару, полагают, что если последующая политическая экономия повторяла «Капитал», то она не нужна, ежели же она утверждала то, чего нет в «Капитале», то она, наверно, не нужна».

Нам вполне понятна скорбь г. Бруцкуса об ослепленной интеллигенции. Мы сочувствуем ему от всей души в его попытках спасения заблудшихся.

Но что ж поделаешь, если, при попытках применить предлагаемую им теорию к явлениям капиталистического хозяйства в целом, предельная полезность ее равняется, как это установлено еще до нас, беспредельной бесполезности. Более скромной роли ее—как «политической экономии рантье»—мы не отрицаем.

Г. Бруцкус совершенно правильно определяет сущность своих разногласий с Струмилиным: «С. Струмилин пытается воспроизвести в социалистическом обществе как раз тот механизм, который, согласно воззрениям современной политической экономии, действует в капиталистическом хозяйстве».

Другими словами, принцип, что трудовые затраты должны распределяться в соответствии с общественными потребностями — этот принцип, с точки зрения марксистов, есть принцип будущего социалистического общества, а с точки зрения «современной политической экономии» сознательное распределение затрат труда соответственно потребностям общества происходит уже теперь в капиталистическом обществе.

Итак, класс капиталистов, в качестве класса, владеющего орудиями и средствами производства, фактически дающий направление всему производству, руководится соображениями об удовлетворении общественных потребностей? Вот какие мотивы открывает в душе капиталиста современная политическая экономия, претендующая на обогащение экономической теории психологическим анализом!

Когда противник скрывается в окопы суб'ективизма, спорить с ним трудно. У всякого барона своя фантазия. Но не всякая фантазия является научной теорией, хотя бы она была даже помещена в толстейших Handbuch'ах. Не нужно быть особенно глубоким психологом, не нужно производить слишком длительные и сложные наблюдения над капиталистическою действительностью, чтоб открыть, что не соображения о полезности для общества того или иного продукта руководят капиталистом в его деятельности, а стремление к прибыли. «Норма прибыли, это та сила, которая приводит в движение капиталистическое производство; производится только то и постольку, что и поскольку можно производить с прибылью» [1]). В капиталистическом обществе «расширение и сокращение производства определяется не отношением производства к общественным потребностям, к потребностям общественно развитых людей, а присвоением неоплаченного труда и отношением этого неоплаченного труда к общественному труду вообще или, выражаясь капиталистически, определяется прибылью и отношением этой прибыли к затраченному капиталу, следовательно, известной высотой нормы прибыли... Капиталистическое производство доходит до своего предела при такой степени расширения, которая, наоборот, при других предпосылках, оказалась бы в высшей степени недостаточной. Оно приостанавливается не тогда, когда этого требует удовлетворение потребностей, а тогда, когда этой остановки требует производство и реализация прибыли» (там же, стр. 234—5).

В социалистическом обществе распределение трудовых затрат соответственно потребностям совершается сознательно и планомерно. В капиталистическом обществе—стихийно.

---

[1]) «Капитал», III[1], стр. 235.

Элементы, из которых конструируется механизм экономической жизни общества, даны вместе с обществом—это труд и общественные потребности. Но то или иное сочетание элементов создает разные механизмы, обусловливающие собою принципиально различные общественные формации.

Перенесение механизма, который будет действовать в социалистическом обществе, в капиталистическое означает, во-первых, полное игнорирование действительности; во-вторых, отвлечение от стремлений к переустройству современного общества на новых началах.

«Современная политическая экономия», от имени которой говорит г. Бруцкус, знает, что делает, когда утверждает, что уже существует то, что, по мнению ее противников, должно лишь еще быть завоевано.

Произведенный нами небольшой экскурс в область теории стоимости должен иметь не один только чисто теоретический интерес. Мы вообще мало верим в «чистую» теорию в области экономических проблем.

В связи с общим ходом событий России пришлось взять курс на государственный капитализм. В течение некоторого времени рационализация хозяйственного процесса, к чему, в первую очередь, сводится социализм, не сможет быть осуществлена.

Снова наступает господство свободного рынка, а с ним вступают в силу и категории капиталистического хозяйства.

Теперь особенно важно отточить и научиться пользоваться скальпелем, которым мы вскрываем сложные фетишистские покровы простых, в конце концов, отношений товарного хозяйства.

Ответ на вопрос о том, что мы считаем исходным пунктом в построении теории стоимости—труд или суб'ективную потребность,—предрешает ответы на все остальные вопросы, среди которых не последнее место занимает вопрос о классовой — буржуазной или пролетарской — идеологии.

Предисловие к работе т. Познякова.

Работы руководимого мною семинария по теоретической экономии в весеннем семестре 1921—22 г. были посвящены изучению теории рынков и кризисов. Основной канвой для занятий послужили нам знаменитые схемы воспроизводства, данные Марксом во II томе «Капитала», те самые схемы, которыми пользовались многие исследователи проблемы рынков, начиная с Туган-Барановского и кончая Р. Люксембург.

II том «Капитала», как известно, не был закончен: целый ряд глав, в частности, его третий отдел, представляют собой ряд фрагментов, написанных Марксом исключительно для самого себя и в таком виде не предназначавшихся им для печати. На основном вопросе, трактуемом настоящим докладом тов. Познякова, Маркс останавливается на полдороге и обещает рассмотреть его впоследствии. Обещанного анализа, как об этом свидетельствует Энгельс, в рукописях Маркса не оказалось. На этот дефект указывала, между прочим, и Роза Люксембург, которая, однако, не задавалась целью его устранить.

Тов. Позняков подошел к вопросу о репродукции денежного материала, исходя: 1) из того, что производство денежного материала следует рассматривать как особое подразделение общественного производства, параллельное подразделениям средств производства и средств потребления и 2) что снашивание денежного материала представляет собой своего рода процесс потребления. Возможность беспрепятственного развития общественного воспроизводства, которое в схемах II тома наталкивается на затруднения, связанные с репродукцией денежного материала, наглядно иллюстрируется анализом тов. Познякова. Само собой разумеется, что это не устраняет еще спора о возможности расширенного воспроизводства в условиях чистого капитализма, но поскольку эта возможность образуется на основании несвязки в марксовых схемах, настоящий доклад, несомненно, способствует уточнению марксистского анализа общественного воспроизводства.

Ш. Дволайцкий.

В. Позняков.

Деньги в схемах воспроизводства Маркса.

I.

Процесс воспроизводства, рассматриваемый с точки зрения его внешнего проявления в обращении, представляется в виде бесконечного ряда простых товарных метаморфоз Т — Д — Т и Д — Т — Д, т.-е. ряда метаморфоз Т — Д и Д — Т, друг с другом связанных, друг за друга цепляющихся, друг друга обусловливающих. Д, как специфический товар, как всеобщая форма стоимости, и вместе с тем, как средство обращения, становятся необходимым посредником в этом беге метаморфоз; они предполагаются, как данное, наличием развитого товарного общества. Золото, как деньги, таким образом, предполагается всяким развитым товарным обществом, а стало быть и капиталистическим, ибо оно является conditio sine qua non товарного оборота. Но количество метаморфоз, масса участвующих в этих метаморфозах товаров, взятая с точки зрения их стоимости, отнюдь не определяется количеством наличных средств обращения, количеством наличных Д; они прямо и непосредственно не определяются и не ограничиваются количеством наличного денежного материала. Отсюда, однако, не следует, что между этими величинами нет никакой зависимости. В I томе «Капитала» Маркс выводит эту зависимость, конструируя формулу количества потребных в данный промежуток времени денег, как функции массы товаров, вступающих в обмен — их цен, быстроты оборота одноименных монет и т. д. Формула эта общеизвестна, и мы не будем на ней останавливаться. Для нас здесь важно только одно: подчеркнуть, что количество денег, необходимое для оборота, является вполне определенной величиной, хотя и не совпадающей с суммой цен обмениваемых товаров.

Золото, как деньги (а также и серебро, в случае серебряного обращения), в качестве всеобщего эквивалента товаров, и в то же время средства обращения, представляет собой воплощение стоимости, но, как материя, оно подчиняется действию естественных законов природы. При своем обращении, употреблении, как средства обращения, монета стирается, изнашивается, и, вместе с исчезающей частью ее материальной субстанции, исчезает, улетучивается и воплощенная в ней стоимость. В процессе обращения происходит, таким образом, quasi-потребление денег. При воспроизводстве, в условиях товарного производства, это quasi-потребление входит составной частью в процесс общественного потребления вообще. Оно предполагает, таким образом, постоянное воспроизводство денежного материала. Простое воспроизводство (случай, с которого мы начинаем свой анализ) предполагает, следовательно, постоянное воспроизводство этой рассеянной, улетученной, quasi-потребленной стоимости. Но при анализе простого воспроизводства Маркс исходит из пред-

положения неизменяющихся условий этого воспроизводства: неизменяющейся стоимости элементов постоянного и переменного капиталов, неизменяющегося разделения всего общественного производства и т. д. Мы должны и здесь также, абстрагируясь от условий действительного товарного и денежного обращения, исходить из неизменяющихся условий товарного обращения, массы стоимости обмениваемых товаров, скорости оборотов и пр., следовательно, из неизменного количества функционирующих денег, и, стало быть, неизменяющейся стоимости того количества денежного материала, которое в процессе обращения изнашивается. Условием простого воспроизводства является, таким образом, постоянное и непрерывное воспроизводство золота, как денежного материала, и притом в количестве, равном изнашиванию, не бо́льшем и не меньшем, ибо иначе предпосылки простого воспроизводства не будут соблюдены.

При анализе простого воспроизводства (в 20-й главе II тома «Капитала») Маркс останавливается на этом моменте простого воспроизводства. Закончив анализ простого воспроизводства, Маркс переходит к анализу воспроизводства денежного материала. Он пишет: «До сих пор мы совершенно не обращали внимания на один момент, именно на годичное воспроизводство золота и серебра. Как простой материал для предметов роскоши, позолоты и т. д., они, подобно всяким другим продуктам, не заслуживали бы здесь особого упоминания. Напротив, как денежный материал и, следовательно, как потенциальные деньги, они играют важную роль» [1]). «Поэтому золото следует трактовать здесь, как непосредственный элемент годичного воспроизводства» [2]). Несколькими страницами дальше, в полном противоречии с этим, Маркс указывает, что деньги «сами по себе не составляют элемента действительного воспроизводства» [3]). Тем не менее производство золота, как денежного материала, он относит к 1-му подразделению, к производству средств производства. «Производство золота, как и вообще производство металлов, относится к классу I, к категории, которая охватывает производство средств производства. Предположим, что годичное производство золота = 30 (для удобства; фактически же эта цифра слишком высока по сравнению с числами нашей схемы) (мы увидим впоследствии, что и здесь существует строгая пропорциональность *В. П.);* пусть эта стоимость разлагается на $20_c + 5_v + 5_m$; 20_c подлежат обмену на другие элементы I_c и это мы рассмотрим впоследствии, а $5_v + 5_m$ (1) должны быть обменены на элементы II_c, т.-е. на средства потребления» [4]).

Мы не станем подробно останавливаться на изложении анализа Маркса и отсылаем интересующихся к самому Марксу. Мы укажем лишь, что Маркс, в полном соответствии с приведенными выше словами, относит золото, как денежный материал, к элементам постоянного капитала обеих групп капиталистов, а в этом и заключается ошибка, приведшая его к неправильным выводам.

В результате реализации 5_v [5]) переменного капитала капиталистов-золотопромышленников, выделенных Марксом в особое подразде-

---

[1]) II т. «Капитала». Цитирую по русск. пер. Базарова и Степанова изд. 1907 г., стр. 441.

[2]) Там же, стр. 442.

[3]) Там же, стр. 461.

[4]) Там же, стр. 442.

[5]) Реализация происходит таким образом: капиталисты I_3 авансируют рабочим 5_v, те на 5 р. покупают у капиталистов II средства существования; капиталисты II из

ление I_3, рассматриваемое, как часть всего класса I, производящего средства производства, и последующих обменов, часть этих 5_v, а именно 3, остается на руках у капиталистов II, как сокровище, т.-е. «часть прибавочной стоимости накопляется, как денежное сокровище» [1]). То же самое и с реализацией 5_m, прибавочной стоимости золотопромышленников, — «оно опять-таки становится элементом для образования сокровища, как части II_m, задерживаемой в денежной форме» [2]). И это только в рамках II подразделения, даже оставляя I_c в стороне. «Отсюда видно,—продолжает Маркс,—как даже простое воспроизводство, хотя здесь исключается накопление в собственном смысле слова, т.-е. воспроизводство в расширенном масштабе, все же необходимо предполагает накапливание денег или образование сокровища... Такое накапливание находит себе место даже по вычете золота, утрачиваемого вследствие снашивания обращающихся денег» [3]). Мы приходим, таким образом, к выводу, логически вытекающему из этих слов, к выводу о невозможности простого воспроизводства, т.-е. к противоречию, которое вызвало, например, основательную критику со стороны Розы Люксембург [4]). Но сверх того, мы имеем здесь не только внутреннее противоречие, но и противоречие этого вывода Маркса с другим его решительным и недвусмысленным заявлением, сделанным им в других местах «Капитала». Все подразделение 20-й главы, трактующее о воспроизводстве денежного материала, явно носит печать незаконченности, оно представляет попытку выяснить самому себе этот вопрос, попытку незаконченную, брошенную на полпути, быть может потому, что сам Маркс увидел ошибочность этого пути; по крайней мере, обещанного Марксом исследования реализации $20_c I_3$, как констатирует Энгельс, в рукописях не оказалось.

Но обратимся опять к Марксу.

Маркс вообще проводит строгое различие между издержками обращения, обусловленными материальными изменениями—в том числе и пространственными перемещениями—продукта, относя их к продолжающемуся в процессе обращения процессу производства и «чистыми» издержками обращения, обусловленными необходимостью «превратить стоимость из товарной формы в денежную форму» [5]), вытекающими «лишь из определенной формы производственного процесса, из того, что это—процесс производства товаров». «Все такие издержки делаются не при производстве потребительной стоимости товара, а при реализации его стоимости; они суть чистые издержки обращения. Они входят не в непосредственный процесс производства, а в процесс обращения, а потому в общий процесс воспроизводства» (курсив мой. *В. П.*) [6]). К числу таких «издержек обращения, относящихся к простому превращению формы стоимости, следовательно, вытекающих из определенной

этой суммы покупают у капиталистов I средства производства на 2_v, а 3_v остаются у них на руках. Роза Люксембург находит здесь противоречие, так как, по ее мнению, Маркс здесь подменяет золото, как денежный материал золотом, как сырым материалом или же средствами производства. Но этот упрек неоснователен: Маркс включает золото, как деньги, в постоянный капитал.

[1]) «Капитал», том II, стр. 443.

[2]) II т. «Капитала», стр. 444.

[3]) Курсив мой, там же, стр. 444—445.

[4]) См. Р. Люксембург «Накопление капитала». Русск. перев. 1921 г., стр. 57—59.

[5]) «Капитал». том II, стр. 104.

[6]) «Капитал» т. III, ч. I, русск. перев. В. Базарова и И. Степанова. Изд. 1907 г., стр. 266.

общественной формы производственного процесса» принадлежат и издержки, вызываемые изнашиванием денежного материала. «Товары эти, функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление. Это общественный труд, фиксированный в такой форме, в которой он служит только как машина для обращения... Золото и серебро, как денежные товары, представляют для общества издержки обращения, вытекающие лишь из общественной формы производства. Это—faux frais товарного производства вообще. Это—часть общественного богатства, которую приходится приносить в жертву процессу обращения» [1]). Таким образом—и это есть прямой вывод из приведенных цитат—часть продукта годового производства, предназначенная на покрытие потерь в денежном материале, происшедших от естественного снашивания денег, представляет, с точки зрения общественного воспроизводства, faux frais; как таковые, они ограничивают это воспроизводство в условиях капиталистического производства, отвлекая часть средств производства и наличной рабочей силы для производства денежного материала, т.-е. такого товара, необходимость которого обусловливается только особой, специфической формой производственных отношений, отношений капиталистических; в качестве тех же faux frais они падают на прибавочную стоимость капиталистов всех подразделений.

Обратимся теперь к анализу формулы простого воспроизводства, включив в нее и воспроизводство денежного материала в размере, необходимом для покрытия этих специфических faux frais, вытекающих из денежного обращения, как такового.

При анализе простого воспроизводства Маркс подразделяет весь процесс общественного производства на два основных подразделения: I—производство средств производства и II—производство средств потребления, или, другими словами (если рассматривать вопрос с точки зрения материальной формы продукта), на производство средств производительного потребления и на производство средств индивидуального потребления.

Формула, даваемая Марксом, такова:

$$\text{I. } 4000_c + 1000_v + 1000_m = 6000$$
$$\text{II. } 2000_c + 500_v + 500_m = 3000$$

При включении в эту формулу воспроизводства денежного материала нам придется ввести новую рубрику $III_з$ — производство средств обращения или же производство средств общественного quasi-потребления, а также несколько модифицировать и самую формулу. По внесении соответствующих изменений схема принимает такой вид:

$$\text{I. } 4020_c + 1005_v + 1005_m = 6030$$
$$\text{II. } 2000_c + 500_v + 500_m = 3000$$
$$III_з^{2}) \; 10_c + 2{,}5_v + 2{,}5_m = 15$$

---

[1]) Курсив мой. «Капитал», т, II, стр. 107.

[2]) Производство золота для промышленных целей и производство золотых изделий как, главным образом, предметов роскоши, входят соответственно в I или II.

Таким образом: $(1005_v + 1005_m)\ I = 2000_c\ II + 10_c\ III_3$, что представляет основное условие простого воспроизводства, установленное Марксом; или, что то же, но в несколько иной формулировке:

$$2000_c\ II + 500_v\ II + 500_m\ II = [(1005_v\ I + 1005_m\ I) + (500_v\ II + 500_m\ II) + (2{,}5_v\ III_3 + 2{,}5_m\ III_3)] - 15_3$$

(единиц в золоте), которые представляют собой faux frais, покрывающие изнашивание монеты, и потому должны быть вычтены из совокупной прибавочной стоимости $(1005_m\ I + 500_m\ II + 2{,}5_m\ III_3)$ капиталистов всех трех подразделений.

Реализация происходит таким образом:

а) Капиталисты I подразделения авансируют 1005_v, в качестве переменного капитала, на оплату рабочей силы своего подразделения; рабочие покупают у капиталистов подразделения II средства существования на 1005_p [1]) и реализуют таким образом 1005_c II. У капиталистов II остается, следовательно, $2000_c\ II - 1005_v\ I = 995_c$. II. Капиталисты II на реализованную сумму покупают у капиталистов I средства производства 1005_v I. Эта денежная сумма возвращается снова к капиталистам I.

Первый оборот закончен. В результате: капиталисты I снова получили в денежной форме 1005_v, т.-е. в той форме, в которой они могут функционировать как капитал, в данном случае как переменный капитал. Капиталисты II имеют: 1005_c II восстановленными в натуральной форме, как средства производства и 995_c II в виде средств существования.

б) Капиталисты I авансируют добавочную денежную сумму 995 р., так как налицо имеется лишь 995_c II, подлежащих реализации, и покупают у капиталистов II средства существования на эту сумму; этим авансированием капиталисты I антиципируют подлежащую реализации прибавочную стоимость I подразделения. Капиталисты II на реализованную сумму покупают у капиталистов I средства производства и тем реализуют 995_m I. Денежная сумма возвращается к авансировавшим ее капиталистам I. Оборот окончен. Результат: капиталисты I реализуют 995_m I, бросая в обращение денежную сумму 995 р., покупают на эту же сумму средства существования у капиталистов II; эти средства существования тем самым выходят из оборота в процесс потребления. У капиталистов I остается нереализованными 10_m I в натуральной форме средств производства. Капиталисты II реализуют остававшиеся 995_c II и покупают у капиталистов I на эту же сумму средства производства. Все 2000_c II восстановлены в своей натуральной форме, имеется налицо в виде средств производства и могут снова начать кругооборот в качестве постоянного капитала.

в) Капиталисты III_3 покупают у капиталистов I непосредственно на золото, так как продукт производства этого подразделения уже при самом выходе имеет форму денег (повсюду мы исходим, что деньги—это золото), а именно на $10_c\ III_3$, средства производства и реализуют оставшиеся у капиталистов I нереализованными 10_m I.

Деньги остаются у капиталистов I, в них реализовалась часть их прибавочной стоимости, и они идут на покрытие изнашивания монеты.

Происходит ли это через посредство государства, взимающего посредством налога сумму, идущую на покрытие снашивания монет, или

---

[1]) Знак *p* мы ставим для обозначения денежной формы указываемой величины.

дело представляется так, что это снашивание монеты происходит во время циркуляции этих денег,—для нашего анализа безразлично. Для реализации всего продукта производства капиталистам I приходится обменивать оставшийся у них на руках остаток 10_m I на золото подразделения $III_з$; непосредственно потребить эту оставшуюся у них на руках часть прибавочной стоимости капиталисты I не могут, ибо эта часть прибавочной стоимости существует в форме средств производства, непригодных по своей натуральной форме быть предметом индивидуального потребления. С другой стороны, капиталисты I должны итти на этот обмен, ибо в процессе реализации продукта их производства и необходимо связанной с этим циркуляции денег часть денежного материала, как мы указывали ранее, износилась, улетучилась (в размере 10 р.) и должна быть восстановлена, ибо в противном случае уменьшится на соответствующую сумму их капитал, или же брошенная ими в обращение денежная сумма 995 р. вернется к ним в уменьшенном размере. Оборот закончен. Капиталисты I реализовали остаток средств производства 10_m I. Капиталисты $III_з$ восстановили 10_c $III_з$, которые снова могут функционировать как постоянный капитал в новом кругообороте.

г) 4020_c I перераспределяются в пределах подразделения I.

Мы имеем в подразделении I : 4020_c I восстановленными и готовыми функционировать в качестве постоянного капитала в новом кругообороте; 1005_v I существуют в денежной форме и тоже, следовательно, готовы функционировать в качестве переменного капитала. Рабочая сила, потребив 1005_c II, воспроизведена и готова принять участие в процессе производства.

Подразделение I готово к воспроизводству. 1005_m I вышли из кругооборота, потреблены: 995_m I в виде средств существования капиталистов I и 10_m I пошло на покрытие снашивания денег, которые, в конечном счете, оказались потребленными.

В подразделении II : 2000_c II восстановлены, они имеются налицо в виде средств производства и готовы снова функционировать в виде постоянного капитала.

д) 500_v II, которые представляют собой средства существования и могут быть непосредственно потреблены рабочими, распределяются между рабочими II подразделения; таким образом, они выходят из кругооборота в процесс потребления. Требуется ли для этого авансирование со стороны капиталистов II переменного капитала в денежной форме, вполне или отчасти, или же нет (Trusk-system, фабричные лавки, так наз. «зависимые» фабрично-заводские «потребиловки», и т. д.)—здесь не существенно. В результате потребления 500_v II рабочая сила воспроизведена и может снова вступить в процесс производства. Ей противостоит в руках капиталистов II переменный капитал 500_v II в виде денежного капитала или в виде фонда средств существования, производимых рабочими в текущем производственном процессе (рабочий авансирует капиталиста, а не обратно).

е) Капиталисты $III_з$ авансируют $2{,}5_v$ $III_з$ в качестве переменного капитала; потребуется ли для этого авансирование денежного капитала со стороны капиталистов $III_з$, будет ли эта сумма продуктом предшествующего кругооборота (продукт этого подразделения, являясь золотом, тем самым выступает уже с самого начала, при самом выходе из процесса производства, в качестве денег), или же она явится продуктом текущего производственного процесса (что вполне возможно ввиду того, что рабочий авансирует свою рабочую силу капиталисту) — дела ни-

сколько не меняет. Переменный капитал, авансированный капиталистами III_3, в процессе обращения перейдет к капиталистам II в результате реализации части 500_m II; он останется у них и будет потреблен для покрытия снашивания денежного материала. К капиталистам III_3 этот переменный капитал в денежной форме из обращения не возвращается. Он возвращается к ним из самого производственного процесса подразделения III_3. В этом отличие и своеобразие этого авансирования — авансирования $2{,}5_v$ III_3 от таких же авансирований в подразделениях I и II.

Рабочие подразделения III_3 покупают у капиталистов II на $2{,}5_v$ III средства существования и реализуют $2{,}5_m$ II. После потребления этих средств существования рабочая сила подразделения III_3 восстановлена.

Постоянный капитал 10_c III_3 был восстановлен раньше путем реализации 10_m I. Переменный капитал $2{,}5_v$ III_3 находится налицо у капиталистов III_3, как непосредственный продукт их производства. Процесс воспроизводства в подразделении III_3 может начаться снова.

У нас остается еще: в подразделении II $500 - 2{,}5 = 497{,}5_m$ II нереализованными, находящимися налицо ввиде средств существования.

В подразделении III_3 не реализованы еще $2{,}5_m$. Капиталисты III_3 покупают у капиталистов II средства существования на $2{,}5_m$ и тем реализуют $2{,}5_m$ II, из имеющихся налицо у капиталистов II $497{,}5_m$, у которых остается, таким образом, 495_m. Эти 495_m II перераспределяются среди капиталистов II, ими потребляются и выходят из процесса кругооборота. Эта реализация $2{,}5_m$ II должна иметь место, так как капиталисты II должны покрыть издержки по снашиванию денег. Если бы капиталисты II потребили эти $2{,}5_m$ II, которые в качестве предметов потребления могут быть непосредственно потреблены и отказались бы, таким образом, от их продажи капиталистам III_3, то они не смогли бы восстановить своего капитала в прежнем размере, часть его будет потреблена, и процесс воспроизводства в прежнем масштабе сделается невозможным.

5_m II, находящиеся на руках у капиталистов II, идут на покрытие снашивания денежного материала, т.-е. потребляются.

$2{,}5_m$ III_3 в виде средств существования потребляются капиталистами III_3. Процесс кругооборота закончен.

В подразделении I снова восстановлены 4020_c I; переменный капитал 1005_v I имеется налицо в денежной форме и может быть авансирован снова на покупку рабочей силы.

В подразделении II 2000_c опять восстановлены; 500_v II, переменный капитал, находится на руках у капиталистов II или в денежной форме или же непосредственно в форме средств потребления рабочих и тоже может быть авансирован снова. Подразделение III_3 тоже готово к воспроизводству: 10_c III_3 восстановлены, и $2{,}5_v$ III_3 налицо у капиталистов III_3.

Рабочая сила всех трех подразделений воспроизведена. Прибавочная стоимость всех трех подразделений потреблена целиком.

Процесс кругооборота может начаться снова с той же исходной точки, с которой начался и предшествующий кругооборот: происходит воспроизводство в прежних размерах.

Но здесь несколько замечаний.

Во-первых: с первого взгляда при анализе нашей схемы получается впечатление расширенного воспроизводства. Первоначально аван-

сированный капитал равен $(4020 + 2000 + 10)_c + (1005 + 500 + 2{,}5)_v = 6030_c + 1507{,}5_v = 7537{,}5$. В конце годичного цикла воспроизводства имеются: воспроизведенные 6030_c, представляющие собой продукт I-го подразделения, 3000 в средствах потребления—продукт II-го подразделения; из них потребляются: 1) рабочими всех трех подразделений — 1005_v I $+ 500_v$ II $+ 2{,}5_v$ $III_3 = 1507{,}5$; 2) капиталистами всех трех подразделений: 995_m I $+ 495_m$ II $+ 2{,}5_m$ $III_3 = 1492{,}5$; но $1507{,}5 + 1492{,}5 = 3000$. Таким образом, весь продукт подразделения II потреблен и тем выполнено условие простого воспроизводства. Но вся вновь созданная в этом году стоимость, равная $v + m$ во всех трех подразделениях, составляет 3015; стало быть, часть вновь произведенной в течение года стоимости, которая распадается на доходы различных классов (на заработную плату, прибыль и ренту) и на основании условий простого воспроизводства должна быть этими классами потреблена, остается нереализованной. Но мы имеем 15 в виде золота, продукта производства III_3 — эта оставшаяся нереализованной в средствах потребления часть прибавочной стоимости как раз реализуется в этом золоте в руках капиталистов I и II подразделений. Представляется, что эта часть накопляется и продолжает свое бытие в виде золота, т.-е. сокровища в их руках. Но мы исходили из условий простого воспроизводства и предполагали, что все условия этого воспроизводства постоянны в течение нескольких циклов, стало быть, не только стоимость производимых товаров, органический состав капиталов, норма эксплоатации неизменны, но неизменно также и количество денег, а следовательно, и величина стоимости изнашивающейся части денег.

Для условия простого воспроизводства необходимо, чтобы эта снашивающаяся часть стоимости денег как раз равнялась тем 15_m, которые с первого взгляда как бы накопляются в руках капиталистов. Следовательно, при условии капиталистического воспроизводства возникает еще одно, дополнительное условие — эта только что указанная пропорциональность, которая может быть выражена так: $(10_c + 2{,}5_v + 2{,}5_m)$ III_3 = стоимости снашивающейся монеты или же = той части прибавочной стоимости капиталистов, которая ими непосредственно не потребляется. С другой стороны, из приведенных выше рассуждений вытекает ошибочность отнесения производства денежного материала (золота или серебра) к I-му подразделению, к производству средств производства. Производство средств обращения, т.-е. производство денежного материала, представляет из себя самостоятельное, третье (III_3) подразделение всего общественного капитала. И если уже задаваться целью отнести производство золота, как денежного материала, к одному из двух основных подразделений производства, то с бо́льшим правом и с меньшей ошибкой его нужно отнести ко второму подразделению: к производству средств потребления, но средств потребления sui generis.

В самом деле, мы имели два основных подразделения: I — производство средств производства, которые уже благодаря своей натуральной форме предназначаются для производительного потребления. Их стоимость не исчезает в процессе этого потребления, она переносится благодаря приложению живого труда на вновь производимый продукт, т.-е. сохраняется в беге циклов простого воспроизводства. Напротив, продукт второго подразделения — средства существования выходят все время из процессов кругооборота общественного капитала и уничтожаются в процессе индивидуального потребления. Но и продукт третьего подразделе-

ния, в противоположность продукту I-го подразделения и аналогично продукту II-го подразделения, в процессе своего специфического потребления уничтожается, исчезает; он точно так же выходит из процесса кругооборота всего общественного капитала; в этом отношении третье подразделение— III_3 можно рассматривать в качестве части не I-го подразделения, как думал Маркс, а именно второго подразделения, и, несомненно, что при анализе Марксом условий простого воспроизводства оно в скрытом виде было уже включено в $2000_c + 500_v + 500_m$.

Таким образом, нашу схему можно представить и следующим образом:

$$\text{I. } 4020_c + 1005_v + 1005_m = 6030.$$
$$\text{II. } 2010_c + 502{,}5_v + 502{,}5_m = 3015.$$

Легко заметить, что перед нами марксова схема простого воспроизводства, только при несколько иных цифровых данных. Но основания для выделения воспроизводства денежного материала в качестве особого, третьего подразделения имеются троякого рода. Прежде всего такое выделение представляется необходимым постольку, поскольку Маркс шел по этому пути и пришел в результате своего анализа к неправильному выводу о невозможности простого воспроизводства, т.-е. к отрицанию своих собственных предпосылок. С другой стороны, деньги, не входя ни в индивидуальное, ни в производительное потребление [1]), являясь faux frais товарного производства вообще, входят в особую категорию общественного потребления. Далее, это специфическое общественное потребление вытекает лишь из особой общественной формы производства, формы товарного производства, и имеет место постольку и до тех пор, поскольку и до каких пор существует товарное производство. Напротив того, первое и второе подразделения, принимая в товарном обществе особую исторически-обусловленную форму, в то же время являются материальной основой воспроизводства вообще, независимо от особых исторических форм существования общества [2]).

Во-вторых. Что представляет из себя потерянная в течение годичного цикла воспроизводства стоимость денежного материала? Маркс сам относит ее к faux frais производства; но ведь faux frais производства падают на капиталиста, на его прибавочную стоимость и представляют вычет из нее. Значит, и faux frais, связанные с денежным обращением, также падают на прибавочную стоимость капиталиста. Но особенностью этих faux frais, их специфическим отличием является то обстоятельство, что они представляют faux frais не того или иного индивидуального капиталиста, а падают на прибавочную стоимость всего совокупного общественного капитала и его персонифицированного представителя, т.-е. на класс капиталистов в целом. Faux frais, связанные с денежным обращением и обусловленные самим фактом капиталистического воспроизводства, падают на весь класс капиталистов и распределяются

[1]) «Товары эти, функционирующие как деньги, не входят ни в индивидуальное, ни в производительное потребление». Маркс. «Капитал». т. II, стр. 107.

[2]) Здесь может быть еще одно возражение: в процессе денежного обращения снашивается часть стоимости циркулирующей монеты, но если это так, то необходимо, чтобы был налицо достаточный запас металлических (золотых) средств обращения, который является результатом предшествующего процесса производства. Но это выводит нас за рамки простого воспроизводства; простое воспроизводство есть абстракция, и поэтому наличность определенного достаточного запаса денег является предпосылкой, но не результатом простого воспроизводства.

между индивидуальными капиталистами pro rata их индивидуальных капиталов. В нашем примере эти издержки обращения распределялись между капиталистами таким образом: на капиталистов I подразделения падало 10 и на капиталистов II-го подразделения 5 из общей суммы в 15. Но они должны падать не только на капиталистов I и II подразделений, но также и на капиталистов подразделения III_3, и притом пропорционально капиталам этих подразделений.

Учитывая эту пропорциональность распределения издержек производства данного рода, мы не внесем существенных изменений в наш анализ воспроизводства денежного материала. Это скажется лишь на ином распределении m капиталистов всех трех подразделений, на ином распадении m на части, идущие на средства индивидуального потребления и на рассмотренное нами общественное потребление sui generis. Беря наш пример и распределяя соответствующим образом наши faux frais, мы получим: весь авансированный капитал составляет: $6030_c + 1507_v = 7537{,}5$. Общественные издержки обращения, вытекающие из сналшивания денег, составляют 15. Из этой суммы на капиталистов I подразделения придется 9,99975, II подразделения 4,97500, III подразделения 0,02487, или за округлением: на I подразделения 10,000, на II подразделения 4,975, на III подразделения 0,025.

Таким образом, простое воспроизводство, даже при включении в него воспроизводства денежного материала, оказывается вполне возможным; более того, воспроизводство денежного материала в скрытом виде уже было включено и учтено Марксом при анализе простого воспроизводства вообще.

II.

Но простое воспроизводство, строго говоря, представляет только абстракцию. В действительности оно встречается лишь в виде исключения. Вообще же его можно трактовать лишь как мысленно отвлекаемую часть расширенного воспроизводства, которое теоретически может быть представлено как простое воспроизводство + воспроизводство накопляемого m.

Основной вопрос, который возникает перед нами при переходе к анализу расширенного воспроизводства, гласит так: не откажутся ли наши выводы относительно воспроизводства денежного материала в условиях простого воспроизводства служить нам при анализе процесса накопления, и не натыкается ли именно здесь капиталистическое производство на те неопредолимые препятствия, о которых говорит Р. Люксембург?

Итак, как же обстоит дело с воспроизводством денежного материала при расширенном воспроизводстве? Возьмем опять марксову схему расширенного воспроизводства [1]).

$$\text{I. } 4000_c + 1000_v + 1000_m = 6000$$
$$\text{II. } 1500_c + 750_v + 750_m = 3000$$

---

[1]) См. «Капитал», т. II, стр. 482. Маркс в 21-й главе II-го тома «Капитала» дает, правда, несколько начальных схем расширенного воспроизводства, но для целей нашего анализа безразлично, какой схемой мы воспользуемся; равенство накопляемых частей прибавочной стоимости в различных подразделениях не играет здесь никакой роли: результаты анализа будут и в том, и в другом случае по существу одинаковы.

Включив в эту схему производство денежного материала в виде подразделения III_3, мы модифицируем эту схему следующим образом:

$$\begin{aligned} &\text{I. } 4160_c + 1040_v + 1040_m = 6240 \\ &\text{II. } 1500_c + 750_v + 750_m = 3000 \\ &\text{III. } 60_c + 15_v + 15_m = 90 \end{aligned}$$

Относительно подразделения III_3 нужно прежде всего отметить, что оно включает в себя как воспроизводство quasi-потребляющейся, снашивающейся части циркулирующей монеты, так и производство нового денежного материала, некоего прироста D, необходимого ceteris paribus для обращения возросшей массы товарных стоимостей. Если у нас раньше имелась некоторая сумма D, то для обращения во втором цикле потребуется уже $D + \Delta D$. Легко заметить, что как воспроизводство снашивающейся части денежного материала, так и производство нового добавочного количества, требуемого условиями обращения все возрастающей массы стоимостей, от цикла к циклу должны происходить во все расширяющемся масштабе. В нашем примере мы предполагаем, что из общего продукта производства подразделения III_3, равного 90, ⅔ представляют ΔD, или что 60 идут на увеличение массы циркулирующих денег, тогда как ⅓ или 30 покрывают убыль, как результат снашивания монеты—этого общественного quasi-потребления.

Посмотрим, каким же образом происходит реализация. Предположим сперва следуя Марксу, что накопляется половина прибавочной стоимости I подразделения, т.-е. 520 [1]). Но пока мы оставим это предположение в силе: это значит, что половина прибавочной стоимости I подразделения потребляется капиталистами. А если это так, то:

а) 1500_c II и 60_c III_3 реализуются в результате обмена в $(1040_v + 520_m)$ I. В итоге 1040 в средствах существования потребляются рабочими I подразделения, предназначенная для потребления капиталистов I часть прибавочной стоимости реализуется в размере 460 в средствах существования, а 60 в золоте, которые выходят из рук капиталистов III_3 подразделения и идут отчасти на увеличение количества обращающихся денег, отчасти на покрытие снашивания денег.

б) Так как увеличивается общая масса стоимостей, вступающих в обращение, то должна увеличиться и масса денежного материала, т.-е. средств обращения; соответственно же увеличению D, увеличивается и количество снашивающихся монет. А раз это так, то процесс расширенного воспроизводства на капиталистическом базисе требует, чтобы и в подразделении III_3 имел место процесс расширенного воспроизводства: подобно тому, как условием простого воспроизводства является производство золота в размерах, покрывающих снашивание денежного материала, условием накопления является все расширяющееся производство денежного материала, т.-е. золота, причем размеры его должны быть достаточны не только для соответствующего общему увеличению товарных стоимостей увеличения общей массы циркулирующих денег, но и для покрытия все возрастающего снашивания, пропорционального общему возрастанию всей

---

[1]) Далее мы увидим, что при включении в схему III_3 подразделения и это предположение тоже подвергается модификации.

массы обращающейся монеты. Отсюда явствует, что в подразделении III_3 тоже должно происходить накопление. Предположим, что оно также накопляет половину своей прибавочной стоимости, т.-е. $7\frac{1}{2}$, или для круглого счета 8. [1]).

Следовательно, 8_m I реализуется в 8_m III_3, при чем эта реализация не встречает никаких затруднений, так как 8_m I, существующим в материальной форме средств производства, противостоят 8_m III_3 в материальной форме денежного материала, т.-е. в виде денег. Эти 8 в руках капиталистов I подразделения идут на покрытие как снашивания денег, так и на $\Delta\ D$.

в) 4160_c I перераспределяются в пределах I подразделения.

г) Из прибавочной стоимости I подразделения равной 1040_m, 520 или непосредственно потреблены капиталистами этого подразделения или составили faux frais, падающие на них, или же пошли на $\Delta\ D$; 8 реализованы в C III_3 подразделения, и притекшее в руки капиталистов I на равную сумму золото тоже составило или часть faux frais, или часть $\Delta\ D$, падающих на капиталистов этого подразделения, т.-е. вышло так или иначе из процесса кругооборота. Остаются 512_m I, которые и накопляются.

Приняв и для этой накопляющейся части такое же отношение постоянного и переменного капитала, как и в исходной схеме, т.-е. 4 : 1, мы должны будем и накопляющееся m расчленить на постоянный и переменный капитал в той же пропорции и 410 [1]) присоединить к C, а 102 к V I подразделения [2]).

---

[1]) За округлением дробей, что здесь, конечно, не играет роли.

[2]) Мы предполагали, что в подразделении I капиталистами потребляется половина полученной ими прибавочной стоимости. Но мы уже видели, что некоторая доля этой части прибавочной стоимости идет на общественное quasi-потребление и на $\Delta\ D$ и представляет собою вычет из потребления капиталистов. Отсюда следует, что чистые издержки обращения в конечном счете падают на прибавочную стоимость капиталистов, а поскольку золото идет на $\Delta\ D$, оно в соответствующей мере ограничивает потребления капиталистов.

Существенное значение имеет и другой вывод, касающийся другой, накопляемой половины прибавочной стоимости I-го подразделения. Маркс принимал, — и мы следовали его примеру,—что накопляется половина прибавочной стоимости, или по нашей схеме, 520.

В действительности же, при включении в наши схемы подразделения III_3, в I подразделении накапливается только лишь 512. Но параллельно с этим происходит накопление=8 в III_3, а это означает, что сумма накопляемой прибавочной стоимости I и III_3 подразделений, вместе взятых, равна как раз предполагаемому нами накоплению в первом подразделении, или что накопление или расширенное воспроизводство денежного материала ограничивает накопление в целом. В этом и заключается та модификация допущения Маркса, о которой мы говорили выше (см. выноску на стр. 167).

Здесь же получает свое разрешение и то противоречие у Маркса, о котором мы уже говорили: производство золота и составляет и не составляет элемента действительного воспроизводства. Оно не составляет элемента действительного воспроизводства, поскольку продукт III_3 подразделения, т.-е. золото, ни одним атомом не входит в средства производства, т.-е. в постоянные капиталы всех подразделений. Но оно составляет элемент воспроизводства, поскольку часть средств производства, в которых воплощена часть накопляемой прибавочной стоимости, идет на расширение воспроизводства золота, при неизменяющемся темпе расширения воспроизводства средств существования.

Отсюда возникает иллюзия, что производство золота является как бы подразделением производства средств производства, но именно только иллюзия, ибо, если бы мы действительно отнесли производство золота к производству средств производства, хотя бы и средств производства sui generis, другими словами, если бы мы считали его элементом постоянного капитала, то мы необходимо пришли бы к выводу,

Таким образом, мы в I подразделении получаем:

$$\left.\begin{matrix}4160\\410\end{matrix}\right\} c + \left.\begin{matrix}1040\\102\end{matrix}\right\} v = 4570_c + 1142_v$$

д) Но 102_v I существуют в натуральной форме средств производства; отсюда вытекает реализация этих 102_v I в средствах существования, т.-е. в 102_m II, которые таким образом накопляются в II подразделении и дают ΔC.

е) Обратимся теперь к третьему подразделению: уже раньше было реализовано 60_c; сверх того, капиталисты III_3 путем реализации 8_m III_3 (накопляемых) имеют в своем распоряжении средства производства в размере 8 и могут начать расширенное воспроизводство. Остановимся на V: 15_v III_3 реализуются в средствах потребления, т.-е. в 15_m II, тем самым реализуя часть m капиталистов II подразделения. Таким образом капиталисты III_3 увеличили свой C, но увеличению C должно соответствовать и увеличение V в надлежащей пропорции. Для добавочных 8_c требуются добавочные 2_v, которые переносятся непосредственно из m III_3; 2_v III_3, требуемые для расширенного воспроизводства III_3, реализуются в 2_m II. Золото, притекшее к капиталистам II в результате реализаций 15_m и 2_m, представит в их руках, с одной стороны, faux frais, а с другой, долю ΔD, падающие соответственно на капиталистов этого подразделения.

В пределах III_3 подразделения имеем таким образом:

$$\left.\begin{matrix}60\\8\end{matrix}\right\} c + \left.\begin{matrix}15\\2\end{matrix}\right\} v = 68_c + 17_v$$

ж) Прибавочная стоимость III_3 подразделения равнялась 15_m; из них 8_m накопляются в виде C; 2_m — в виде V; из остающихся 5_m — 4_m потребляются капиталистами III_3 что имеет место в результате реализации:

$$4_m\ III_3 — 4_m\ II;$$

1_m III_3 падает на капиталистов III_3, как faux frais денежного обращения и как причитающаяся на них доля ΔD.

з) У нас остается еще II подразделение; берем это подразделение в исходный момент:

$$1500 + 750_v + 750;$$

1500_c реализованы в 1500_m I и имеются налицо в виде средств производства: C, таким образом, восстановлено; 750_v перераспределяются в пределах II-го подразделения. Что же касается прибавочной стоимости, то 102_m II реализованы в 102_m I и существуют в виде средств произ-

---

что стоимость снашивающейся части денег переносится в стоимость совокупной товарной массы. Но это было бы возможно только при том условии, если бы живой труд, производящий это перенесение стоимости, был трудом, создающим стоимость, а стало быть, и прибавочную стоимость, что при конструировании торгового или купеческого капитала в качестве самостоятельного капитала, означало бы, что труд, затрачиваемый лишь на превращение товарной формы стоимости в денежную, является трудом производительным. Эта reductio ad absurdum показывает, что производство золота, несмотря на внешнюю видимость, никоим образом не может быть отнесено к производству средств производства.

водства, которые должны быть присоединены к C; но чтобы привести в движение эти 102_c, нужны новые 51_v (строение накопляемого капитала принято такое же, как и в исходной схеме = 2 : 1). Эти 51_v прямо переносятся из m II, ибо m II существует в натуральной форме средств существования. Следовательно, во II-м подразделении из 750_m накопляется $102_c + 51_v = 153$; остается еще 597.

Но мы имели еще акт реализации (15_v + накопляемые $2_v + 4_m$) III_3 на 21_m II, каковые в руках капиталистов II подразделения представляют отчасти faux frais денежного обращения, отчасти идут на ΔD.

Остается в остатке $597 - 21 = 576_m$, которые непосредственно потребляются капиталистами этого подразделения.

Во II-м подразделении мы, следовательно, имеем.

$$\left.\begin{matrix}1500\\102\end{matrix}\right\} c + \left.\begin{matrix}750\\51\end{matrix}\right\} v + 1602_c + 801_v$$

Итак, реализация в первом цикле закончена.

Что же приведенный анализ даст, в частности, по интересующему нас вопросу о воспроизводстве денежного материала?

В исходной схеме мы имели III_3 подразделение:

$$60_c + 15_v + 15_m = 90.$$

Итого, следовательно, мы имели золота на 90, при чем 60 из них являются ΔD, составляя некоторое увеличение количества обращающихся D, 30 — покрывают убыль от снашивания.

В процессе обращения, как мы видели, эти суммы падали на капиталистов разных подразделений в следующей пропорции.

На капиталистов.

I	подразделения . .	$60 + 8 = 68$
II	„ . .	$15 + 2 + 4 = 21$
III	„ . .	1
	Итого . . .	90

Конечно, в действительности они должны распределяться между капиталистами различных категорий в другой пропорции,—а именно, падать pro rata принадлежащих им капиталов подобно тому, как мы указывали при анализе простого воспроизводства. В виду этого на капиталистов I-го подразделения должно было бы пасть из общей суммы 62,6; на капиталистов II—27 и на капиталистов III_3—0,8.

Из них, как мы уже говорили, 66,6% идут на увеличение обращающихся D и 33,3% на покрытие снашивания. И, тем не менее, как в том, так и в другом случае, они падают, подобно тому, как это имело место и при простом воспроизводстве, на прибавочную стоимость капиталистов, представляя из себя «чистые» издержки обращения. Особенность расширенного воспроизводства заключается в том, что они не целиком падают на потребляемую капиталистами часть прибавочной стоимости: часть их, равная ежегодному приращению C в производстве золота, падая на накопляемую в I-м подразделении часть прибавочной стоимости, ограничивает накопление в производстве средств производства. Здесь, между прочим, об'ективное основание для стремлений капиталистического общества

как можно более ограничить действительную массу обращающегося в качестве денег золота или серебра (в странах с серебряной валютой) путем замены их всевозможными суррогатами, распространения системы чеков, организации расчетных палат (clearing houses) и т. д. [1]).

Деньги действительно, не входят в индивидуальное, ни в производительное потребление. Но в то же время они как бы поглощаются quasi-потреблением и, будучи потребляемы, выходят из процесса обращения. Но это ясно для той части, которая покрывает убыль от снашивания. Овеществленная в ней стоимость действительно потреблена и масса обращающихся денег после того покрытия убыли вновь произведенным золотом, ничуть не изменилась: она в прежних размерах продолжает циркулировать в процессе обращения. Не то в процессе расширенного воспроизводства. Здесь D выступают на сцену и пред'являют свои притязания на ΔD, на увеличение общей массы денег. Относительно этой части нельзя повторить того, что было сказано раньше о том золоте, которое покрывало убыль золота и с точки зрения вещественной и с точки зрения стоимости. Относительно ΔD уже нельзя сказать, что оно потребляется (или quasi-потребляется), потому что оно на самом деле вовсе не потребляется. Более того, оно постоянно находится и остается в обращении, выходя, тем не менее, из обращения как будто бы оно на самом деле потреблялось. Получается противоречие: золото выходит из обращения, не выходя из него. Но сама функция денег заключается как раз в том, что они постоянно пребывают в обращении; деньги даже не могут выйти из него, не став сокровищем, не перестав быть деньгами и не делая невозможным самое обращение товаров и обусловленное им капиталистическое воспроизводство.

Но дело в том, что деньги, появляясь в процессах обращения и реализуя продукт того или иного производственного цикла совокупного общественного капитала, только появляются в процессе воспроизводства, поскольку отдельные акты реализации совершаются в процессе обращения и поскольку эти акты вплетаются, так сказать, в общую цель простых товарных метаморфоз. Каждый отдельный товар—или каждая отдельная доля всей массы капиталистически произведенных товаров,— как носитель той или иной доли совокупного капитала, вступает в сферу обращения в своей товарной оболочке. Здесь он сейчас же сбрасывает с себя эту оболочку, превращается в D, чтобы тотчас же превратиться в другое, качественно отличное T и снова ринуться в процесс производства.

Совокупный общественный капитал, в своем беге в ряде производственных циклов лишь частично и лишь на короткое время воплощается в D, принимая золотую оболочку, чтобы снова и снова сбрасывать ее. Лишь в этом смысле в процессе воспроизводства фигурируют деньги. Они входят, стало - быть, в процесс общего товарного кругооборота, пребывая все время в процессе обращения и не входя в действительный процесс общественного производства. D существуют на ряду с воспроизводственными процессами; но наличие определенного количества D является необходимым условием для самой возможности капиталистического воспроизводства. Продукт III_3 подразделения, идущий на увеличение наличных денег, тем самым выходит из процесса обращения, поскольку он являет-

---

[1]) Эта тенденция капиталистического общества об'ясняется еще и др. моментами. Таково стремление капиталиста свести к минимуму дополнительный капитал, требуемый наличностью периода обращения и обеспечивающий непрерывность производственного процесса. Об этом см. Р. Гильфердинг «Финансовый капитал» Русск. перев., 3 изд. 1918, стр. 95 и 102—103.

ся обращением совокупного общественного капитала, в котором каждый акт обращения является лишь мимолетной фазой действительного движения всего общественного капитала. Но деньги в то же время постоянно находятся в общем товарном обращении, и только они одни постоянно находятся в сфере обращения [1]).

Но вернемся к нашей схеме. Во втором году (или цикле) мы имеем:

$$\begin{aligned} &\text{I.}\quad 4570_c + 1142_v + 1142_m = 6854\\ &\text{II.}\quad 1602_c + 801_v + 801_m = 3204\\ &\text{III.}\quad 68_c + 17_v + 17_m = 102 \end{aligned}$$

Реализация здесь происходит таким образом:

а) 4570_c I и 801_v II перераспределяются в пределах этих же подразделений.

б) 1602_c II $+ 68_c$ $III_3 = 1670$ реализуются в $(1142_v + 528_m)$ I.

в) Половина $17_m = 8$ (для круглого счета) накопляется, реализуясь в 8_m I, которые в руках капиталистов I подразделения становятся отчасти faux frais, отчасти идут на ΔD, также как и 68.

г) В I подразделении накопляется таким образом: $1142 - 528 - 8 = 606_m$, которые распадаются на $485_c + 101_v$; 101_v I реализуются в 101_m II, которые прибавляются к C II.

д) В подразделении III_3 из m 8 накопляются, как C, и 2—в качестве V; $17_v + 2_v$ (накопляемые) $+ 6_m$ обмениваются на m II; 1_m III_3 идет в faux frais и на ΔD.

е) Во II подразделении из 801_m: 101 накопляется в виде C, 50 (отбрасывая дробь) в виде V; $17 + 2 + 6 = 25$ реализуются в золоте и идут в faux frais и на ΔD капиталистов II.

Остаток 625_m потребляется капиталистами II подразделения.

Продукт второго цикла $III_3 = 102$: эти издержки обращения (присоединяя и ΔD) след. образом падают на капиталистов:

на I подразделение	— 76	или распределенные pro rata — 71
„ II „	— 25	„ „ „ „ 29,9
„ III „	— 1	„ „ „ „ 1,1

Из них $66{,}6\%$ или 68 идут на ΔD, так что к концу второго цикла в обращении будет находиться: $[D$ (первоначальные$) + 60] + 68$; и на покрытие снашивания — $33{,}3\%$ или 34.

Итак, в третьем году мы будем иметь:

$$\begin{aligned} &\text{I.}\quad 5055_c + 1243_v + 1243_m = 7541\\ &\text{II.}\quad 1703_c + 851_v + 851_m = 3405\\ &\text{III.}\quad 76_c + 19_v + 19_m = 114 \end{aligned}$$

---

[1]) Роль денег в некотором смысле аналогична роли некоторых других, но уже чисто производственных элементов. В самом деле, не все даже элементы действительного воспроизводства учитываются нами при изучении процессов воспроизводства: так, постоянный капитал лишь в той мере входит в процесс воспроизводства, поскольку он, с точки зрения стоимости, участвует в этом воспроизводстве. D, или точнее, определенное количество D, является предпосылкой капиталистического воспроизводства, простого или расширенного. Но откуда взялись эти первоначальные D,—это вопрос, который уже не входит в рамки нашего анализа. Общий ответ, однако, может быть дан и здесь: происхождение этих начальных D таково же, как и происхождение капитала вообще: это — тайна of previous accumulation (первоначального накопления).

при чем издержки (со включением ΔD) распределяются след. образом:

на I подразделение	— 86	или	80,2
„ „	— 25,5	pro	32,5
„ „	— 1,5	rata	1,3

и т. д. и т. д.

Мы пришли, таким образом, к концу нашего анализа расширенного воспроизводства, с точки зрения воспроизводства денежного материала. Этот наш анализ привел нас к тем же самым выводам, к которым мы пришли и раньше при рассмотрении случая простого воспроизводства; производство денег представляет из себя потребление, но потребление sui generis, или как мы называли его—общественное qausi-потребление. Производство золота мы можем рассматривать, как faux frais капиталистического способа производства, обусловленные именно капиталистической формой производства [1]).

В заключение несколько замечаний.

Мы уже упоминали о теории накопления Розы Люксембург. В нашу задачу не входит ни изложение этой теории, ни ее критика, но здесь уместно указать, что один из существенных недостатков ее работы состоит в том, что она в условиях чистого капитализма не находила источника тех добавочных D, которые необходимы для обращения возросшей вследствие расширенного воспроизводства товарной массы. Предшествующее изложение, как нам представляется, показывает, что эта проблема вполне разрешима.

И еще одно. В своей рецензии на книгу Р. Люксембург в «Vorwärts». Г. Экштейн не соглашается с выделением производства денежного материала в третье самостоятельное подразделение. Тот факт, что Р. Люксембург не указывает, каким образом происходит обращение между всеми тремя подразделениями, считая в то же время отнесение производства золота к производству средств производства ошибочным, дает Экштейну повод сказать: «Тов. Люксембург возражает против того, что Маркс включает производство денежного материала, т.-е. золота и серебра, в ряд I и относит их к средствам производства. Это ошибочно. Поэтому она под

---

[1]) Здесь можем попутно отметить, что капиталистическое общество, на-ряду с этими faux frais обращения, несет еще целый ряд подобных же издержек, обусловленных специфической капиталистической формой производства. Все они в конечном счете падают на прибавочную стоимость совокупного капитала. Таковы издержки по содержанию капиталистического государства, поскольку речь идет о его непроизводительных функциях. Таковы расходы на армию, на войны и т. д., наличие которых также обусловлено существованием капиталистических производственных отношений.

Здесь же, в связи с нашим анализом, можно вскрыть еще одно противоречие капиталистического способа производства. Легко заметить, что все III_3 подразделение, взятое в целом, может быть представлено или как вычет из потребляемой доли прибавочной стоимости, или, при расширенном воспроизводстве, даже как вычет из накопляемой доли, вычет, стало быть, ограничивающий накопление.

Таким образом труд, затрачиваемый на издержки обращения, казалось бы должен быть трудом непроизводительным. Но ведь в капиталистическом обществе производство золота организовано и не может не быть организовано чисто капиталистически: труд, затрачиваемый в нем, должен создавать не только стоимость, но и сверхстоимость и, следовательно, быть трудом производительным.

Мы приходим к логическому противоречию: труд, затрачиваемый с точки зрения совокупного общественного капитала на покрытие «чистых» издержек обращения, вместе с тем выступает перед нами как труд, создающий прибавочную стоимость, т.-е. производительны, Но это противоречие есть только одно из действительных противоречий самого капиталистического способа производства.

обоими составленными Марксом рядами ставит еще третий ряд, который должен представить производство денежного материала. Такой прием, конечно, допустим, но с интересом ожидаешь, как должно происходить обращение между упомянутыми тремя рядами». И далее: «В схеме, составленной тов. Люксембург, затруднение не только велико—оно непреодолимо... Сама она, однако, не делает никакой попытки представить эти «органические сплетения». Простая попытка должна была бы показать ей, что ее схема невозможна и что она таким-образом отпадает» [1]).

Р. Люксембург утверждает, что ее схема [2]) взята у Маркса, но это не совсем так. Взяты у Маркса лишь цифры третьего ряда, но сам Маркс нигде не дает тройной схемы. Более того, мы показали, что его схема простого воспроизводства implicite содержит в себе и третий ряд, и что этот третий ряд есть лишь часть второго подразделения. Но дело не в этом. Обращение в данной Р. Люксембург схеме, действительно, представляет большие затруднения, более того, они «непреодолимы». В этом безусловно прав Экштейн. Но отсюда абсолютно не следует, что Р. Люксембург и в остальном не права и, что производство золота нужно отнести именно к производству средств производства. Ошибочность анализа Р. Люксембург (в данном вопросе) заключается в том, что она чисто механически присоединила к двойной схеме Маркса третий ряд, не попытавшись даже связать все подразделения общественного воспроизводства в органическое целое. Между тем, Р. Люксембург, как показывает наше исследование, была на правильном пути, конструируя самостоятельное подразделение производства денежного материала, ибо отнесение золота к элементам постоянного капитала неизбежно логически опрокидывает всю теорию стоимости Маркса... Последнее, повидимому, и было причиной того, что Маркс бросил на полпути начатый им черновой набросок анализа воспроизводства денежного материала...

---

[1]) Цитирую по кн. Р. Люксембург «Накопление капитала, или что эпигоны сделали из теории Маркса» (Антикритика). Русск. перев. 1922, стр. 46—47 (сноска).

[2]) Приведена у ней (см. стр. 57 русского перевода) в «Накоплении капитала».

III. Семинарий по революции 1905-1906 г.г.

Предисловие.

Семинарий по русской истории Института Красной Профессуры преследовал двоякую цель: научить будущих красных профессоров работать над совершенно *сырым* материалом и дать им, в то же время, основательное знакомство с теми фактами, которые должны составить главное содержание их будущих курсов. Этой двоякой цели соответствовал выбор *периода* для их изучения. История *революционной* эпохи, т.-е. первого двадцатилетия XX века является одновременно и наименее разработанной, и наиболее необходимой к качестве курса. Никто из наличных профессоров ее не мог бы читать просто по отсутствию монографической литературы: между грудами документов, уже напечатанных или еще лежащих в архивах, и полупубличистической популяризацией здесь нет середины. Освоить содержание этой эпохи можно лишь попытавшись эту монографическую литературу создать своими силами.

Руководитель семинария прекрасно сознает все *педагогические* трудности и опасности подобного предприятия. Работать над точно определенным, вполне обозримым и критически уже проверенным материалом было бы несравненно *безопаснее* для студентов и *удобнее* для профессора. Но преподаватели-марксисты не имеют возможности тратить время только на упражнение—попутно они должны и *узнавать* коечто для них необходимое. Притом, в работе исключительно над *сырьем* не все минусы, есть и плюсы: одним из них является именно отсутствие буржузной литературы—что избавляет от необходимости пробиваться сквозь чужую идеологию, прежде чем выработается собственный взгляд. Колоссальность трения, которое создается наличностью чужой идеологии, можно оценить на примере такого выдающегося ума и такого опытного марксиста, как покойный Г. В. Плеханов. Начав с безжалостного разгрома буржуазных исторических идеологий, он кончил в своей «Истории русской общественной мысли», тем, что усвоил наиболее шаблонную из этих идеологий, схему Чичерина,—Соловьева,—Ключевского. Так подавила даже этот исключительный талант та масса буржуазных книжек, которую Плеханову пришлось проработать.

Избежав харибды этой невольной подражательности чужим, в классовом отношении, предшественникам, легко, конечно, попасть в Сциллу отсебятины и хаотичности. Но тут вероятным руководителем является *марксистский метод*. Как всякий *подлинно - научный* метод, он дает возможность ориентироваться *в любом* материале, найти правильный подход к любому комплексу явлений. В этой методологической выдержанности громадное преимущество марксистов: единство метода исключает самую возможность того индивидуалистического хаоса оценок и решений, какие наполняют литературу любого вопроса в буржуазном ученом мире.

Для монографического изучения революционный период был разделен на следующие темы, которые и были проработаны семинарием в 1921—1922 г.г.

1. Промышленность и промышленный кризис в начале XX века.
2. Рабочее движение в начале XX века.
3. 9-е января.
4. Р.С.-Д.Р.П. перед революцией.
5. Аграрный вопрос накануне революции 1905 г.
6. Аграрное движение в революции 1905—1907 г.г.
7. Батраческое движение.
8. Экономическое и правовое положение рабочего класса к концу 1905 года.
9. Октябрьская забастовка.
10. Декабрьское восстание.
11. Советы в 1905 году.
12. Р.С.-Д.Р.П. в революции 1905 года.
13. Буржуазия и ее партии в 1905 году.
14. I-я Государственная Дума.

В 1922—1923 годах семинарий начал работу по изучению послереволюционного периода по думским материалам. Намечены были следующие темы:

1. Пормышленная Депрессия в послереволюционный период.
2. Промышленный под'ем в предвоенный период.
3. Столыпинское законодательство,—указ 9 ноября 1906 г., закон 14 июня 1910 года.
4. Экономические результаты столыпинского законодательства.
5. Динамика социального состава Гос. Думы 4-х созывов.
6. Социал-демократы в Гос. Думе 4-х созывов.
7. Трудовики
8. Кадеты
9. Прогрессисты
10. Октябристы
11. Националисты и правые.

} в Государ. Думе 4-х созывов.

12. Промышленная политика правительства и Думы.
13. Государственная Дума и Государственный Совет в вопросе о развитии промышленности в России.
14. Рабочее законодательство.
15. Рабочее движение, ленские события и Государственная Дума.
16. Аграрный вопрос в Государственной Думе.
17. Бюджет и его рассмотрение в Государственной Думе.

Из работ 1921—1922 г.г. для печати выбраны наиболее характеризующие разные стороны процесса: экономическую—работы т.т. Дубровского и Гусева, и социально-юридическую—работы т.т. Слепкова и Томсинского.

В каждой из них читатель найдет не только попытку об'яснить уже известное, но и новый *фактический материал*, отчасти даже архивного происхождения. Это более всего и оправдывает появление их в печати.

Одновременно помещаются и две, как показалось редактору, наиболее удачных из работ семинария по истории Запада, руководившегося покойным А. Н. Савиным. По части фактического материала они дают, пожалуй, даже больше работ по русской истории, так как затрогивают серию фактов, совершенно неизвестных русскому массовому читателю (промышленное развитие Франции первых десятилетий XX века), и представляющих громадный методологический интерес.

М. Покровский.

С. Дубровский.

Аграрное движение 1905—1907 г.г.

I. Введение.

Причины движения. Если для уяснения причин аграрного движения обратиться к показаниям или самих участников движения или лиц, непосредственно его наблюдавших [1]), то мы увидим указания, как на основную причину движения, на крестьянскую бедность и нищету, порожденную помещичьей эксплоатацией. Эта причина выставлялась, как основная, в крестьянских приговорах, наказах депутатам в Государственную Думу, в речах депутатов на крестьянских с'ездах и совещаниях и вообще во всей революционной литературе. Как мы убедимся далее, помещичья эксплоатация, действительно, играла решающую роль в подготовке аграрной революции. Однако, недостаточно установить революционизирующую роль помещичьей эксплоатации, — надо еще вскрыть причину того—почему ее революционизирующее влияние сказалось именно в начале XX века. Ведь эксплоатация существует, если не с «сотворения» человека, то со времени существования классового общества, между тем революции бывают лишь в определенные моменты развития классовых противоречий. Несомненно, и в русских аграрных отношениях помещичья эксплоатация при всей своей важности все же была вторичным фактором сельско-хозяйственной эволюции, тогда как первооснову составляли состояние производительных сил и в частности состояние техники.

Действительно, если, следуя усвоенному марксистами методу, обратиться к самому сельско-хозяйственному производству, то, несомненно, в нем, и прежде всего в нем, мы найдем источник развернувшихся социально-экономических конфликтов и в нем же найдем пути их разрешения.

Завязку аграрного кризиса, вызвавшего революцию, приходится искать задолго до революции, именно с последней четверти XIX века. Сущность этого кризиса, как уже правильно отмечалось в печати [2]), несомненно, кризис экстенсивного хозяйства, в частности для центральных губерний России, кризис трехполья, на основе которого и развер-

---

1) «Аграрное движение», ч. I, стр. 177, 223, 224, 240, 362; ч. II, 291, 424, 425 и др., а также протоколы с'ездов.

2) Должно заметить, что такие буржуазные экономисты, как А. А. Кауфман и Н. П. Огановский и др., пытаются аграрный кризис свести исключительно к кризису трехполья и тем затушевать влияние на кризис помещичьей эксплоатации. Между тем, как мы убедимся далее, этот кризис экстенсивного хозяйства и был выражением назревшего конфликта между развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями, т.-е. помещичьей властью.

нулся в деревне конфликт между развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями.

Как известно, основным условием нормального развития хозяйственной системы является расширенное воспроизводство. При экстенсивном хозяйстве последнее идет путем расширения запашек, но не путем повышения производительности той же площади пашни добавочными вложениями капитала и труда. Говорят, что история России есть история колонизуемой страны, и, действительно, за предшествующие столетия развитие сельского хозяйства шло экстенсивным путем. Захватывались все новые и новые земли, выдирались из-под леса новые пашни, поднимались девственные целины. В течение XIX века экстенсификация находится еще в полном разгаре, что очевидно из следующей таблицы роста пашни: [1]).

		Средний ежегодный прирост в 1.000 дес.
В 1809 г. (по Герману)	73 м. д.	—
„ 1832 г. (по Забловскому)	75 „	517
„ 1846 г. (по Арсеньеву)	84,7 „	606
„ 1860 г. (Воен.-стат. сборн.) . . .	88,8 „	293
„ 1881 г. (по Центр. ст. к.)	106,7 „	998
„ 1887 г. (тоже)	117,2 „	1.750

При непрерывном росте пашни урожайность с десятины находилась в статическом состоянии. Если взять урожаи с десятины средние по десятилетиям, начиная с 1801—1809 г.г. по 1880—1890 г.г., как они вычислены А. Ф. Фортунатовым, то будем иметь следующий ряд цифр: 8,1—6,9—6,7 6,4 6,6 6,4 6,7 7,5 7,4, т.-е. мы видим определенный застой, который нарушается только в последние 2 десятилетия.

С 80—90 г.г. прошло столетия положение сельского хозяйства изменяется. Экстенсификация достигла своих пределов, по крайней мере, для коренных русских земель. Если взять период с 1887 г. по 1905 г., то площадь посева сократилась: в промышленном районе на 3,6%, в центральном земледельческом и средне-волжском районах на 4,6%. Почти сократился или обнаруживается незначительный рост пашни в приозерном крае—на 4,7%, северо-восточном—на 1,9%, малороссийском —на 1,9%. Районы, в которых еще продолжается расширение запашек, как это видно из атласа Министерства Земледелия, опоясывают Россию сплошным полукольцом, охватив весь восток, начиная от Пермской губернии, юго-восток, юг и в особенности весь юго-запад до Бессарабии включительно, значит всю степную часть России, с еще доживающим свой век первобытным залежным хозяйством.

Итак, мы видим, что в центральных районах России сельское хозяйство дошло до предела экстенсивного хозяйства. С прекращением роста запашек наступает кризис экстенсивного трехполья, дальнейшее расширенное воспроизводство на его основе невозможно. Как последний пароксизм экстенсивного хозяйства, в этих районах мы наблюдаем распашку неудобных земель и даже выгонов. На надельных землях в 20 губерниях Европейской России с 1887 г. по 1917 г. площадь неудобных земель сократилась с 39 мил. дес. до 26 мил., т.-е. на целую треть;

---

[1]) Таблица заимствована у Н. П. Огановского. Закономерность аграрной эволюции, т. II, стр. 614.

площадь же выгонов—с 35 мил. до 30, т.-е. несколько более 14% [1]). Однако распашка последних наносит еще один удар по трехполью: сокращение выпасов для скота влечет за собой сокращение скотоводства, а вместе с последним и уменьшение навозного удобрения. Уменьшение же удобрения в нечерноземной полосе, для которой было типично навозное трехполье, влечет за собой истощение почвы и падение урожаев. Вот в этих-то условиях кризиса трехполья крестьянство, особенно в центральных районах, начинает судорожно метаться в поисках земли, оно жадно хватается за покупную и арендованную землю, цены на которую начинают бешено итти в гору и кладут предел покупательной способности крестьянства, и только на основе этого кризиса экстенсивного хозяйства могла возникнуть та мечта о вольной земле, которая вдохновляла крестьянина на революцию не только в районах действительно малоземельных, но даже в таких многоземельных, как Поволжье и юго-восток.

При невозможности расширенного воспроизводства на основе экстенсивного хозяйства, развитие производительных сил требует интенсификации, т.-е. повышения производительности той же площади пашни. Конкретно это означало переход от трехполья к плодосмену, а если взять экономическую сторону этого процесса, переход к развитому капиталистическому хозяйству.

Бурное развитие в России индустриального капитализма стремительно вовлекало в капиталистический кругооборот сельское хозяйство. Железные дороги связывали деревню с внутренними и внешними рынками и тем стимулировали капиталистический переворот в сельском хозяйстве. И действительно, начиная с 70 годов, замечается в крестьянском хозяйстве определенная тенденция к капиталистической интенсификации. Понемногу начинает пробивать себе дорогу травосеяние, особенно в западных, в центрально промышленном районах и др., где развивается молочное хозяйство. Растут посевы технических культур, корнеплодов, особенно свекловицы в юго-западном крае.

Однако все эти улучшения, капля в море—экстенсивного крестьянского хозяйства, которое безраздельно господствует в России. Так, на крестьянских землях посев клевера занимал не более 1,9% всей распашной земли, технических растений—3,9%, свекловицы—0,1%. Рост урожайности далеко не достигал возможной высоты и едва успевал угнаться за непрерывно возраставшим населением.

Интенсификация упиралась в производственные отношения, сложившиеся в России на основе экстенсивного хозяйства. Она упиралась, прежде всего, в общинные отношения, которые принудительным севооборотом, исторически сложившимся рутинным укладом полеводства, наконец, недостатками землеустройства, как чересполосица, мелкополосица и дальноземелье, накладывала узду на хозяйственную инициативу передовых крестьян. Но, самое главное, она упиралась в сложившиеся в деревне взаимоотношения с помещиками.

Хотя реформа 1861 года проходила под знаком трансформации крепостнических хозяйств в капиталистические, однако, последняя, в значительной мере, была задержана кризисом хлебных цен в последней четверти XIX века. В начале XX века из всей помещичьей пашни под капиталистическими посевами находилось не более 1/6 площади,

---

[1]) Статистич. ежегодник за 1913—17 гг. Москва 1922 г.

остальная же часть земли или сдавалась в аренду, или обрабатывалась полукрепостнически, за отработки крестьянами с их же инвентарем. Капиталистические хозяйства преобладали в западном крае, прибалтийском, промышленном, на юге и юго-востоке. По центру же России с запада на восток тянулась широкая полоса отработочных хозяйств и всецело сохранялся полукрепостнический строй отношений крестьян и помещиков. В этих районах помещик выступал не столько в качестве капиталистического предпринимателя, сколько в качестве паразитического рантье, получавшего ренту за сдаваемую в аренду или за продаваемую землю, что, как отмечал К. Маркс [1]), типично для капиталистического развития даже передовых стран. На примере русского помещика можно было более всего убедиться в верности положения Карла Маркса, что земельный собственник совершенно излишняя фигура для с.-х. производства, как мы скажем, не только излишняя, но и вредная. Между тем, у этой экономически-излишней фигуры сосредоточивалась до революции вся политическая власть, и она принимала все меры к тому, чтобы не только внеэкономическими подпорками поддержать свою экономически ликвидирующуюся власть, но и сохранить те полукрепостнические отношения, которые более всего обеспечивали ей нормальное получение ренты, к чему, в сущности, сводился весь смысл законодательства до первой русской революции. И вот в это-то земельное господство помещика и упиралось развитие производительных сил крестьянского хозяйства. Помещичье землевладение усугубляет земельную тесноту, отработочные хозяйства задерживают развитие денежных отношений, но самое главное—они нещадно эксплоатируют крестьянство, отнимают у него, благодаря непомерно высокой ренте, значительнейшую часть создаваемой им стоимости. Всем хорошо известно, какую непропорционально большую часть крестьянского дохода отнимала уплата за купчую и арендованную землю. Маркс [2]) писал, что под арендными деньгами «скрывается вычет или из средней прибыли и из нормальной заработной платы, или одновременно из той и из другой». По отношению к России было верно последнее.

Помимо арендной платы крестьянин выплачивал помещику и так называемую капитализированную ренту в виде уплаты за купчую землю, и этим об'ясняется, между прочим, то, что зажиточное крестьянство высказалось за отмену частной собственности на землю, так как собственность обернулась к нему высокими ценами. Последние, несомненно, крайне стесняли концентрацию земельной собственности в руках сельской буржуазии, особенно, если примем во внимание, как быстро росли арендные и продажные цены на землю.

Наконец «угнетающе действует на крестьянское хозяйство отлив ценностей в города через налоги и пошлины» (Карл Маркс). Непрерывное увеличение налогов для буржуазных государств, как доказывал Маркс, является не случайным уклонением, а самим принципом финансовой политики. Громадная часть прибавочной стоимости, создаваемой крестьянством, через руки помещиков, через государство, наконец, через местных ростовщиков и скупщиков перетекала или на непроизводительное потребление, или, в лучшем случае, в область индустрии и там капитализировалась.

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, гл. 37.
[2]) К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 1898 г., стр. 516.

Мы рассмотрели те препятствия, которые коренились в сложившихся в деревне земельных отношениях, однако, этим дело не ограничивалось. Неменьшее отрицательное значение имела неблагоприятная рыночная кон'юнктура. На европейских рынках русскому хлебу приходилось выдерживать жестокую конкуренцию с странами низкой земельной ренты. В довершение всего, в последней четверти XIX века разразился кризис хлебных цен, в результате которого последние понизились на 25—30%. У многих еще в памяти тот жестокий спор, который велся по вопросу о влиянии низких цен на крестьянское хозяйство. Теперь безусловно этот спор разрешен самой жизнью. Если мы перед революцией имели дело с недоразвившимся сельским хозяйством, то этим в значительной мере мы обязаны наравне с помещичьей эксплоатацией низким ценам на хлеб. Россия, как страна экспортирующая, находилась в зависимости от цен мирового рынка, которые устанавливались в значительной мере под влиянием массового импорта из стран экстенсивного хозяйства. Низкие цены понижали норму прибыли для капиталистических хозяйств и этим заставляли производственный капитал перетекать в другие отрасли хозяйства. Низким ценам безусловно мы обязаны тем, что помещичьи хозяйства так долго сохраняли рантьерский характер: сдача в аренду, или частичная продажа могла дать гораздо больше, чем самостоятельное хозяйствование. Итак, все это вместе взятое—и тяжесть помещичьей эксплоатации и неблагоприятная рыночная кон'юнктура тормозили изживание кризиса экстенсивного хозяйства. Передовые крестьянские хозяйства развивались крайне медленно, местами же, как в центральных районах, разлагались. Размеры работы не позволяют нам на этом остановиться. Отошлем читателя к соответствующим работам Вихляева, Румянцева, Суханова и Книповича.

Низкие цены имели убийственное значение для развития капиталистического сельского хозяйства. Если вообще высота земельной ренты и тяжесть налогового обложения тормозили развитие интенсивных хозяйств, то в годы кризиса хлебных цен эти хозяйства падали под тяжестью неблагоприятных факторов, скорее разлагались, чем развивались и уступали свое место мелким потребительским хозяйствам во славу семейно-трудовой теории хозяйства. Вот эта-то задержка в развитии интенсивных капиталистических хозяйств, что было идентично в условиях дореволюционной России задержке в развитии производительных сил, имела решающее значение в подготовке аграрной революции. Задержка в интенсификации имела решающее значение для подготовки аграрной революции не только тем, что оно было порождением резкого конфликта между развитием призводительных сил и производственными отношениями, которые стали оковами для первых. Ведь не всякое противоречие между производительными силами и производственными отношениями разрешается роволюцией, и не у всякого общества имеется возможность для революционного разрешения этого противоречия. Задержка в развитии интенсивных капиталистических хозяйства отжившими производственными отношениями имела другую сторону: насколько они замедляли развитие производительных сил и тем самым подготовляли экономическую подпочву революции, настолько они форсировали формирование могильщиков того строя, который был основан на отживших производительных отношениях. Мы имеем в виду формирование кадров деревенской бедноты и пролетариата.

Действительно, противоречия между сельской буржуазией и помещиками в сущности достаточно было бы для завязки буржуазной революции, однако, развитие этой завязки происходит на фоне колоссальнейшей революционной драмы, в которой действующим лицом выступает разоряемое многомиллионное крестьянство. И эта драма застилает собой конфликт между сельской буржуазией и помещиками, который представляется мелким и ничтожным по сравнению с ее грандиозностью и широким размахом. Мало того, с дальнейшим развитием революционных событий, как в этом убеждает нас опыт революции 1917 г. этот конфликт превращается в конфликт между деревенской беднотой и сельской буржуазией, который при наличии пролетарской революции в городе становится прологом к социалистической революции в деревне. Поэтому для понимания назревшей в деревне революции первостепенное значение имеет уяснение положения крестьянской массы и ее пролетаризации.

При медленной буржуазизации деревни пролетаризация или, вернее, пауперизация шла ускоренным темпом. В России также, как и в других странах, производственный капитализм в первую голову захватывает все отрасли, кроме сельского хозяйства. Но сельско-хозяйственные производители имеют исключительное значение для развития промышленного капитала, как поставщики промышленной армии, как об'ект эксплоатации для накопления капитала и как рынок для товаров индустрии. Мы не разделяем теории Розы Люксембург, что реализация сверхстоимости невозможна без наличия некапиталистического производства. Но в ее построениях, неверных теоретически, есть положения, несомненно, верные исторически. «Экспроприация с.-х. производителя, обезземеленье крестьянина составляют основу всего капиталистического процесса»,—говорит Маркс [1]). Миллионная промышленная армия, которая создалась в России в течение последней четверти XIX века, миллиарды туземного капитала, брошенные в железнодорожное строительство, казенные заказы и т. п., капиталистическое производство,—все это говорило за более чем интенсивную экспроприацию крестьянина. Несомненно, главную роль в эксплоатации ее играла фискальная политика царского правительства. Если возрастание прямых и косвенных налогов, а также и протекционизм поглощают у зажиточных крестьян значительнейшую часть чистого дохода, то у слабых—вдвоевтрое против их дохода от земли. Столь высокое обложение бросает слабого крестьянина в об'ятия торгового капитала (усиленная продажа хлеба часто в невыгодных условиях) и ростовщического, экспроприирующая роль которых хорошо известна. К экспроприации торговым и ростовщическим капиталом прибавлялась не менее интенсивная эксплоатация помещиками через непомерно высокую арендную плату, отработки и т. п., о чем мы уже говорили выше. Большую экспроприирующую роль сыграл кризис хлебных цен. Насколько последний задерживал буржуазизацию деревни, настолько он форсировал пролетаризацию. В результате этого кризиса, как мы скажем словами Энгельса [2]), «продукты эти продаются по ценам, неимеющим никакого отношения к стоимости производства, по ценам, которые дают торговцы, так как крестьянину во время платежа податей деньги нужны безусловно». А то, что слабое крестьянство продавало за счет недоедания, это обще-

---

[1]) К. Маркс. Капитал, т. I. стр. 738.
[2]) Капитал, т. III, стр. 553 (издание 1898 г.).

известно. Столь усиленная экспроприация должна была ускорить отделение мелкого производителя от средств производства. Это выразилось в возрастании числа безземельных, малоземельных, безлошадных и бескоровных.

Понятно, с точки зрения развития капитализма в этом раскрестьянивании ничего анормального не было. Ведь это только зубры крепостничества могли сожалеть о разорении необходимого для их отработочных хозяйств мелкого крестьянства, да народники по наивности проливать слезу над гибелью крестьянской самостоятельности. Капиталистическое развитие всегда и всюду шло через расщепление натуральных производителей на два полярно-противоположных класса—буржуазию и пролетариат. Разорение одних хозяйств и пролетаризация крестьянства на одном полюсе является основным условием накопления капиталов и развития производства на другом. Но в России, особенно, накануне 1905 г., это равновесие, относительное, конечно, в капиталистической системе не имело места. Как мы видели, создаваемая в деревне прибавочная стоимость не капитализировалась в сельском хозяйстве, а уходила в область индустрии (это, между прочим, создало основу для поразительно быстрого развития промышленности, поднявшейся на дрожжах разоряемого сельского хозяйства), или на непроизводительное потребление, что, при наличии других неблагоприятных условий, влекло за собой крайне медленную буржуазизацию. Итак, разорение слабого крестьянства, не компенсируемое развитием капиталистического фермерского хозяйства превращается в оскудение всего сельского хозяйства. В связи с задержкой в интенсификации во всей своей остроте выявляется кризис экстенсивного трехполья, оказывается невозможным расширенное воспроизводство, намечается уклон или к застою, или к регрессу. На это указывают средние цифры, показывающие воспроизводство хозяйства в целом (данные об урожаях, скоте и т. п.). Начавшийся с.-х. под'ем после 1896 года не улучшил, а ухудшил положение подавляющей массы крестьянства. Помещики начали усиленно применять машины, которые вытесняют батрацкий труд, а главное увеличивать экономические запашки и через это сокращать сдачу в аренду. За десятилетие перед 1905 годом арендные и продажные цены на землю увеличились почти вдвое. Сельская буржуазия также несколько расширяет свое хозяйство, классовые и групповые противоречия в деревне обостряются.

Особенно критическим становится положение в центральных черноземных губерниях, более всего страдавших от кризиса экстенсивного хозяйства. Тяжесть положения в этих районах усугублялась не только силой помещичьей эксплоатации, но и тем, что для них были наиболее неблагоприятны условия рынка, находившегося под сильным давлением русских экстенсивных окраин. Кроме того, усиленная машинизация на юго-востоке, юго-западе сокращает отход туда рабочих из центральных губерний (недаром там так упорно будут разбивать машины) [1]), сокращается и отход рабочих в города из-за промышленной депрессии. Положение усугубляется резким недородом в 1905 г., в котором неурожай охватил 25 губерний—150 уездов (Воронежская губ., Казанская, Калужская, Новгородская, Пензенская, Петербургская, Псковская, Самарская, Саратовская, Симбирская, Тамбовская, Тульская и Харьковская). В перечисленных губерниях все уезды, в остальных—некоторые. Если ко всем этим экономическим причинам прибавить чисто-политические: революциони-

---

[1]) «Аграрное движение», ч. 2., стр. 531.

зирующее влияние японской войны, то ясно будет, что в деревне создалось то настроение, от которого до движения один шаг. Достаточно было самого ничтожного повода, чтобы крестьяне пришли в движение. Достаточно было какого-либо частного столкновения с помещиками из-за земли или из-за угодий, или просто столкновения с полицией, чтобы крестьяне пошли разбивать экономии. Хотя правительство и правые партии подчеркивали роль и значение агитации посторонних лиц, однако, их влияние было очень невелико. Агитаторами обычно являлись или крестьяне, бывшие на заработках, или солдаты манчжурцы [1]).

Влияние партий было невелико. В промышленных и западных губерниях, а также на Кавказе, замечалось влияние социал-демократии. В районах черноземного центра—эс-эров. В общем, «если движение и обязано—а оно безусловно обязано—влиянию посторонних лиц, то только в организованности и сознательности формулировки стремлений» [2]),—пишет корреспондент из Екатеринославской губ. Местами противоречия настолько назрели, что, как, например, в Череповецком уезде «просто молчагом сговорилась вся волость, конечно, непоголовно, и мигом нагрянула разорять экономии» [3]). Особый под'ем аграрного движения осенью 1905 г. несомненно, указывает на связь с движением в городе, это подтверждают и многие из корреспондентов. Замечалась связь особенно в малороссийских губерниях с еврейскими погромами. Например, в Черниговской г., как пишет корреспондент, бездействие власти во время еврейских погромов толковалось, что «бить панов и жидов разрешено» [4]). После этого беглого обзора причин движения перейдем к описаню движения.

II. Общий обзор движения.

Нужно отметить, что столкновения с помещиками бывали и ранее, не только в момент проведения реформы 1861 г., но и в последующие десятилетия. Но столкновения носили единичный характер и часто бывали лишь сопутствующими фактами при тяжбах крестьян с помещиками за спорную землю, особенно отрезанную по положению 1861 г. Уже осенью 1901 года чувствовалось приближение революционной грозы. Неурожаи и связанный с ними голод приближали развязку. Из Воронежской губернии еще в августе 1901 г. писали: «У нас в воздухе висит что-то зловещее; каждый день на горизонте зарево пожаров; по земле стелется кровавый туман,—дышется и живется трудно, точно перед грозой. Мужик угрюмо молчит, а если и заговорит, то так, что мороз по коже подирает» [5]). С особенной силой в 1901—1902 г.г. вспыхнуло движение в Полтавской и Харьковской губ., в тех уездах; которые особенно пострадали от неурожая. За несколько дней было разобрано до сотни имений. И в других губерниях крестьяне глухо волновались, но разгромы были единичными случаями.

В 1903—1904 г.г. движение затихло, чтобы с новой силой развернуться в 1905—1906 г.г. Первым очагом его были центрально-земледельческие губернии. 15 февраля крестьяне разгромили один хутор в Дмитровском уезде Курской губ. Этот разгром послужил сигналом к разбору экономий

---

1) «Аграрное движение», ч. I, стр. 58, 61, 66, 69 и др.
2) «Аграрное движение», ч. II, стр. 450, 451.
3) «Аграрное движение», ч. I, стр. 287.
4) Аграрное движение», ч. II, стр. 358.
5) П е т р М а с л о в: Аграрный вопрос в России, том II-й, СПБ. 1908 г. 160 стр.

в других селениях. В 5 дней были разобраны десятки экономий на пространстве 150 квадратных верст. В ближайшие дни движение перекидывается в соседние уезды Орловской губ. и Черниговской. В том же феврале поступают сведения о движении в Кутаисской и Батумской губ. Начинаются порубки леса в Харьковской губернии. В середине марта громят имения в Воронежской губ.; идут телеграммы о волнениях в Прибалтийском крае. Разумеется, движение возникает в различных районах России без всякой взаимной связи. Вначале года сведения о движении поступают из 74 уездов. Летом движение нарастает. Разгорается непосредственная борьба за землю (захваты, запашки, увозы). По югу прокатывается волна сельско-хозяйственных забастовок. Летом поступают сведения о волнениях из 91 уезда. С большой силой движение развивается осенью 1905 г. в непосредственной связи с движением в городе. Им охвачено до половины всех уездов России (240). Выдающееся место (119 уездов) занимают разгромы, которые с наибольшей интенсивностью проявляются в черноземных центрах России. Разгромное движение идет широкой полосой по центру России, с запада на восток, сосредоточивается в центре, откуда, как волны от упавшего в воду камня, расходится к окраинам и там замирает. Зимой с общим затишьем в сельском хозяйстве несколько затихает и аграрное движение (120 уездов), с тем, чтобы с началом сельско-хозяйственного сезона достигнуть наибольшего размаха (особенно потравы и с.-х. стачки)—240 уездов. К осени 1906 года волна движения спадает (72 уезда). Зимой опускается (до 44), весной и летом 1907 г. движение разгорается последним пламенем (82 уезда), чтобы к осени совсем загаснуть (3 уезда). Для того, чтобы иметь некоторую картину распространения движения по районам, мы возьмем среднее число случаев аграрного движения, приходящихся на уезд и сопоставим их с данными о числе безземельных, что показывает степень пауперизации деревни.

Районы.	Число случаев движения на уезд.	% безземел.
Юго-Западный	3,30	57,6
Малороссийский	2,90	44,8
Средневолжский	2,80	17,9
Приозерный	2,47	5,1
Новороссийский	2,10	35,4
Центр. земледельч.	2,50	33,7
Белорусский	2,00	7,9
Литовский	1,70	4,0
Нижневолжский	1,70	5,4
Крайнесеверный	1,10	9,9
Центр. промышл.	1,09	16,8
Приуральский	0,40	10,0

В этой таблице мы сопоставили два ряда цифр: цифры движения и цифры малоземелья, хотя, понятно, последними отнюдь не исчерпываются все признаки крестьянского хозяйства. Но, несомненно, при экстенсивном хозяйстве и при слабой промышленной дифференциации землевладение является основным признаком. Мы, видим, что районы с большими земельными противоречиями, с большим числом разоренных крестьян, дают и больший процент движения. Исключение как будто бы составляют два района: Приозерный край, где мало безземельных, но где было сильное движение и центрально-промышленный, где много безземельных, но где было слабое движение. Причина здесь проста. В Приозерном крае боль-

шой процент движения падает на громадное порубочное движение, в котором активное участие принимала сельская буржуазия, другие же формы движения были там значительно слабее. Кроме того, движение об'ясняется сильнейшим неурожаем, который поразил этот район в 1905—1906 г.г. Что касается центрально-промышленного района, то земледелие не является там абсолютно определяющим положение населения. Известно, насколько там развиты всевозможные промыслы.

Для того, чтобы лучше разобраться в движении, мы последовательно рассмотрим его участников, направление движения и его формы.

III. Участники движения.

Начнем с участников движения. Как согласно отмечают все наблюдавшие движение и, как это ясно из заявлений самих крестьян, не всегда и везде участвовали в движении все крестьяне, и далеко не по одним и тем же причинам и целям выступали различные его слои.

а) Средняки.

Несомненно душой движения были средняки и бедняки. Остановимся на первых. Как мы указывали в введении, им приходилось вести упорную борьбу за свое мелко-буржуазное существование. Им не столько грозила пролетаризация, которая, как мы видели, в деревне из-за медленного развития капитализма шла не так быстро, сколько пауперизация. Недостаток земель, нехватка угодий, тяжкие отработки и высокая плата за аренду у помещика, которая все время шла в гору и к 1905 г. достигла такой высоты, что средняк был не в силах ее выплачивать, наконец, высокие платежи государству—все это до крайности отягощало его положение. Поэтому в 1905 г. средняк вступает, прежде всего, в борьбу за землю, которая и все время и благодаря росту населения, и благодаря сокращению аренды, и просто из-за прямого насилия помещиков выплывает из его рук.

После 1861 г., особенно в годы с.-х. под'ема, помещики неоднократно и по суду и без суда отбивали у крестьян земли и угодья. В докладе из Подольской губернии Ямпольского уезда описывается картинка, как помещик сгонял с земли чиншевиков: «Отнял все полевые наделы, усадебные земли и конопляники. Возводимые нами по бедности землянки разрушал, заливал водой, сносил до основания... В колодцы лил керосин и кидал табак... Закрыл водопой... словом помещик издевался над нами, как хотел. Жалобы ни к чему не приводили, так как он был член Синода» [1]). Чем не Англия шестнадцатого века!

Средняк старается всяческими способами овладеть частновладельческими землями. Для того, чтобы «господишек из деревни выгнать» [2]), он пускает в ход и разгромы, и «красного петуха», прибегает и к непомерно высоким ценам на рабочие руки [3]). Если же ему не удается добыть землю в собственность, он старается расширить и удешевить аренду. Средняк борется против перехода земли в другие руки, он ведет жестокую борьбу с крупными арендаторами, требует сдачи мелкими участками [4]), как ведующие преимущественно натуральное хо-

---

[1]) Материалы по вопросам земельному и крестьянскому. Всерос. С'езд крестьян старообрядцев. Москва 1906 г., стр. 418 — 420.

[2]) **Аграрное движение, часть I, стр. 76.**

[3]) Там же, стр. 83.

[4]) **Там же, ч. I, стр. 99.**

зяйство (денежное хозяйство ведут крайние группы крестьян [1]), они являются противниками развития денежных отношений, которые способствуют экспроприации и которые являются столь выгодными для богатеев. Против богатеев направлено их требование сдавать землю не за деньги, а за отработки [2]). Они ведут борьбу против батрацких экономий, так как капиталистическая обработка лишает их аренды. Поэтому их требованием является, «чтобы помещики совсем прекратили обработку земли своим инвентарем и всю землю сдавали крестьянам исполу» [3]). Также неприемлимо для средняков расширение помещиками применения усовершенствованных машин. Поэтому крестьяне с таким зверством уничтожают их во время погромов, что, как говорит М. Н. Покровский [4]), напоминают нам Англию начала XIX века. Если же дело до погрома не доходило, они требуют замены машинной работы ручной, «чтобы хлеб убирали косами, а не жнеями, молотили цепами, а не паровой молотилкой», как это отмечает один корреспондент из Рязанской губернии [5]). Вообще средняк—ярый враг капиталистических нововведений. Так удивительно ярко один крестьянин-корреспондент описывает, «как местные бедные жители нашей стороны приходят в смущение в том, что многие из них (помещиков) в нашем Новоржевском уезде, Псковской губернии ввели 6-ти и 9-типольный севооборот», «несколько тысяч десятин стали засевать картошкой и травой», первая идет на винокуренный завод, а вторая «на корм скоту, который угоняется гуртами». Хлеб же через это дорожает, дорожает и аренда. Ясно, что это «смущение» в 1905 г. должно было закончиться разгромом. Борются средняки и против наемных рабочих, сгоняют пришлых и сами становятся на их место [6]). Однако, всю эту борьбу крестьянство ведет мало организованно. Средняк, да и другие слои деревни далеко не чувствуют себя «конституированным классом». Случалось, что за «угощение» [7]) помещики натравляли одни деревни на другие громившие деревни, или же «соглашением» [8]), или «льготами» [9]) добивались их нейтралитета.

Как видим, в движении средняков было немало реакционных консервативных черт, противоречащих современному хозяйственному развитию. Однако это нисколько не умаляет революционного значения их движения. Часто средняк руководствовался при установлении своих требований опытом прошлых веков и говорил языком натурального и крепостного хозяйства. Однако его движение, физически уничтожившее остатки крепостничества, об'ективно играло громадную революционную роль, что достаточно доказал т. Ленин в своих работах, к которым мы и отсылаем читателя.

Мы остановились на характеристике средняцкого движения потому, что оно является наиболее типичным для крестьянства. От средняка мало вперед ушло зажиточное крестьянство, а также батраки, и полубатраки. Поэтому много черт движения средняков мы заметим и у этих групп.

---

[1]) Сравни Вл. Ильин. Развитие капитализма в России. Москва. 1908 г.
[2]) Агр. движение, ч. I, стр. 117.
[3]) Там же, стр. 118.
[4]) М. Н. Покровский. „Русская История“ т. IV.
[5]) Агр. движение. ч. I, стр. 65.
[6]) Там же, стр. 81.
[7]) Там же.
[8]) Там же.
[9]) Там же.

б) Батраки и полубатраки.

На характеристике батраков и полубатраков мы останавливаться не будем (это должно было быть сделано в специальной работе). Заметим только, что очень и очень немногие из них успели вполне выварриться в капиталистическом котле. Мало кто из них всецело изжил мелко-буржуазные идеалы и многие из них, как даже и более передовые батраки Англии, готовы были требовать «три акра и корову» (слова вождя английских батраков конца XIX века, Арча) [1]).

Но, несомненно, нужда и безвыходность положения делали их наиболее революционными. «Замаялись, живучи в бедноте и земельной тесноте» [2]). Поэтому вполне естественно, что они часто стоят во главе движения. Им «терять нечего», замечает корреспондент [3]). «Все равно: бунтовать—умирать и не бунтовать—умирать от голоду», говорит другой. Самосознание бедноты растет. В 1905—1906 г.г. «на поверхность мирской жизни выплывают низшие и средние крестьянские слои, которые сами хотят заведывать мирскими делами», пишет корреспондент центральных черноземных губерний [4]). Проблески социалистического сознания и у бедноты, и у батраков крайне слабы. Выявляются лишь некоторые идеи уравнительности. У них есть стремление «подвести всех к одному знаменателю, а потому надо уничтожить все лишнее у соседа побогаче», говорит корреспондент из Рязанской губ. Большинство корреспондентов, если и говорят о бедноте, то подчеркивают ее активную роль. Особенно проявилось движение бедноты в районах, где дифференциация крестьян была наибольшая, где уже ярко проявилась внутрикрестьянская борьба бедноты против богачей. Так из Новороссийских, средневолжских губерний сообщают о преимущественном участии бедноты. Они не только ведут борьбу с помещиками, но часто и с кулаками,— «устраивают самосуды за принадлежность к помещичьей партии» [5]). Корреспонденты подчеркивают, что здесь бедняки были главными «аграрниками». Единственно, где бедняки играли пассивную роль, это в районах, где они еще не выбились из кабалы и где вообще аграрное движение было слабо. Так, например, из Приуральского края сообщают о «забитости» бедноты, ее зависимости от богачей и от помещиков. «Если тот (помещик или кулак) узнает, что был на митинге, так пожалуй и не даст землю, или даст где-нибудь на рытвинах» [6]). Аналогичные сведения поступают из малоземельных районов Юго-Запада [7]).

в) Зажиточное крестьянство.

Гораздо более противоречиво участие в движении зажиточных слоев. Мы видели, что помещичья эксплоатация, хотя в неизмеримо меньшей степени, казалась и их. Они вступали с помещиками в борьбу отнюдь не за свое существование,—ему опасность не грозила,—а за дальнейшее расширение своего хозяйства, за прибавочную стоимость, которую перехватывали у него и государство высокими податями, и помещик высо-

---

[1]) Тотомианц. Формы аграрного движения, стр. 24.
[2]) Аграрное движение, т. I, стр. 97.
[3]) Там же, т. I, стр. 120.
[4]) Там же, т. I, стр. 69.
[5]) Там же, т. I, стр. 135 и 137—II, стр. 27.
[6]) [illegible] гр. 164.
[7]) [illegible] же, т. II, стр. 61.

кими арендными и земельными ценами... «Чумазый», который так недавно хватал «сицилистов», представлял их по начальству, теперь почти целиком записался в ряды революционеров», пишет один помещик из Балашевского уезда, Саратовской губ. [1]). То, что зажиточный крестьянин становился либералом, это подчеркивают и многие другие. Действительно, зажиточное крестьянство становится носителем буржуазных идей в деревне. Как увидим далее, оно играет выдающуюся роль в крестьянских организациях, напр., в крестьянском союзе. Но его требования совсем другого порядка, чем средняка и бедняка. Отнятия земли у помещика он не требует, «землей довольны», говорит один зажиточный крестьянин на с'езде старообрядцев [2]). Их требования в отношении земли это, чтобы земля «хозяйственным мужикам определялась не по 13 дес. на двор, а по 50 и по 100» [3]). Конечно, с понижением цены. Если они и хотят получить у помещика землю, то «не бунтом, а честно» [4]), а выкуп. Главные же их требования—это отчасти смена властей, преимущественно же уменьшение налогов. «Сами мы довольны всем, кроме одного,—говорит на с'езде старообрядцев [5]) зажиточный крестьянин из Владимирской губ.,—хотелось бы, если бы было возможно, скостить земские, уездные и губернские сборы; а если будет невозможно, то согласны пребывать как и раньше». Другой, который тоже землей доволен, пишет: «Молим Господа спасти нас от полиции». Таким образом, если зажиточный крестьянин и не был революционером, то оппозиционным по отношению к помещичьей власти он, несомненно, был. Однако взаимоотношения с помещиками и помещичьей властью, которые делали его оппозиционным, составляли одну сторону его позиции; другая определялась взаимоотношением с беднотой, о противоречиях интересов с которой мы уже упоминали. В тех районах, где расслоение деревни не доходило до открытой борьбы, и богатеи были уверены в том, что когда они поедут за помещичьим добром, у них дома не разграбят ихнее, как это частенько бывало [6]), там они принимают активное участие в движении. Особенно велика доля их участия в рубках леса и в разборах экономий. Как курьез, отметим факт, что состоятельные хозяева нанимали бедняков «из доли возить панское добро». Иногда богатеи сначала не принимали участия в разгроме. Но видя, как соседи себе тащат, «им становилось завидно» [7]). «Страсть к наживе заставила их от людей не отставать» [8]). Но случалось, что «у зажиточных крестьян, поехавших за чужбиной, в их отсутствии сжигались постройки» [9]). Наоборот—в местностях, где расслоение переходило в открытую взаимную борьбу, зажиточные стояли в стороне от движения, «изображали из себя мирных жителей» и «косвенно (косо) смотрели на аграрников» [10]). Более того, местами они принимали меры не только к защите своего имущества, но и вступали в защиту экономий. Они «очень жестоко поступали с грабителями», предавали их смертной казни, как это сообщается

---

1) Аграрное движение, т. I, стр. 165.
2) Съезд старообрядцев, протоколы стр. 33.
3) Аграрное движение, ч. I, стр. 105.
4) Там же ч. I, стр. 111.
5) Съезд старообрядцев. Протоколы стр. 33.
6) Аграрное движение, ч. I, стр. 192.
7) Там же, ч. I, стр. 78.
8) Там же, ч. I, стр. 94 и ч. II, стр. 220.
9) Там же, ч. I, стр. 142.
10) Там же, ч. I, стр. 77.

из юго-западных губерний [1]). Дело доходило до образования красной и черной сотни. Этим двойственным положением кулаков и определяется разногласие корреспондентов в оценке их участия в движении. Так из одного и того же района, напр., из центрально-земледельческого, об участии зажиточного крестьянства сообщают 10 корреспондентов, неучастии—21 из общего числа 79 [2]). Но все же больше их участия было в районах с большей нивеллировкой крестьян и значительно меньше, где расслоение было велико—Поволожье, губ. Новоросс. и др.

IV. Направление движения.

Уяснив участников движения, мы кратко остановимся на направлении движения. Как это указывают и обозреватели и сами корреспонденты, «движение носило не сословный, а классовый характер». И как ими правильно отмечается, «личные отношения не играли большой роли при возникновении движения». «Движение направлялось исключительно против владений, а не против помещиков» [3]). Главным об'ектом движения были повсеместно средние и крупные имения, как частно-владельческие, так и казенные, удельные, монастырские, церковные и т. п. В первую голову доставалось имениям местных «высокопоставленных особ», «земских начальников, предводителей» и др. [4]), против которых было особенно сильно местное раздражение. Есть указания, что мелкие землевладельцы, реже располагавшие содействием войск и полиции, скорее шли крестьянам на уступки, и тем сохраняли себя от разгрома. Какие именно имения громили в первую очередь—отработочные или батрацкие? Придется указать на первые, хотя как те, так и другие вызывали одинаково сильное раздражение крестьян. Но разгрому подвергались гораздо более отработочные хозяйства, которые сосредоточивались в центрально-черноземном районе, где были погромы, и гораздо менее на Украине, где преобладали стачки. Движение направлялось особенно против имений, произведших отрезы, отбои и т. п.

Сказывались и пережитки крепостничества: так, крестьяне считали, что имеют большие права на разгром и захват имущества «своих панов», «своего крепостного барина» [5]). Направлялось движение и против зажиточного крестьянства, имевшего купчую землю, но движение распространялось на них, как мы уже указывали, в районах резкой дифференциации крестьян, в районах же большей нивеллировки, где крестьяне вели общую борьбу с помещиками, там случаи разгрома зажиточного крестьянства были значительно реже. Но в общем, сведения об этом крайне противоречивы. В пределах одного и того же уезда, напр., Черниговского, мы найдем указания и на движение против зажиточного крестьянства и на их участие в движении. Гораздо реже наблюдаются столкновения с властью,—«с войсками не справишься»,—говорит один делегат на всероссийском учредительном с'езде крестьянского союза [6]). Крестьяне избегают столкновения с полицией и казаками.

---

[1]) Аграрное движение, ч. I, стр. 367.
[2]) Там же, ч I, стр. 150.
[3]) Там же ч. I, 51—58, ч. II, 30—114.
[4]) Там же, ч. I, стр. 62.
[5]) Там же, ч. I, стр. 31, 59, 67.
[6]) Учредительный съезд всеросс. крестьянск. союза, протоколы.

Если же оно и происходит, то обычно провоцируется самой властью, именно арестами зачинщиков или агитаторов, или же просто поркой крестьян, доводящей их до открытого возмущения. Помимо землевладельцев и власти, нужно отметить такие об'екты движения, как духовенство, по отношению к которому было очень распространено установление такс за требы, изредка встречаются указания на разгром базаров и лавочников [1]). Наконец, единичными случаями были разгромы ж.-д. станций и даже телефонной станции, что корреспондент об'ясняет «столкновениями со служащими, суеверием и общим под'емом духа» [2]). Как характерный эпизод, отметим разгром ссудо-сберегательного товарищества Псковской губ., крестьяне об'яснили это тем, что оно находилось во власти кулаков и «запутало крестьян процентами» [3]). Случалось, что частенько громили и винные лавки [4]) по причинам, об'яснения не требующим.

V. Формы движения.

Сколь различны были формы эксплоатации крестьян и классы, участвовавшие в движении, и сколь многообразны особенности отдельных губерний, настолько были разнообразны формы движения. Мы здесь видим и чисто-пролетарскую форму борьбы, как сельско-хозяйственные стачки, и чисто-крепостнические—разгромы.

Разгромы. Наш обзор начнем с последних, своей решительностью исключающих все остальные. Как мы указывали, разгром типичен для средняков, для которых он является одним из средств их войны с помещиками за землю, как самое радикальное средство их выкупить из имений. Крестьяне обычно никаких иных требований не пред'являли, как требования «уволиться с насиженных мест» [5]). В то время, как разгром фабрики лишает рабочих заработка, для крестьян разгром экономии, наоборот, приводил к переходу в их руки земель. Крестьяне старались «экономии сравнять с землей» [6]), пишет корреспондент из Саратовской губернии. «Если мы оставим постройки в целости, то через два-три месяца помещики смогут опять вернуться и зажить по-старому», говорят крестьяне [7]). «Постройки ваши нам не нужны: движимость ваша, а земля и хлеб наши», говорят крестьяне Саратовской губ. Громили не только экономические постройки, но и инвентарь, особенно машины, которые при мелком хозяйстве «крестьянам без надобности». Громят в имениях и заводы винокуренные и свеклосахарные и др.—«мы сахар варить не будем», говорят крестьяне Малороссийских губ. Интересно отметить, что разгром не всегда носил характер грабежа; забирали обычно только скот и хлеб преимущественно в местах, пораженных неурожаем, реже—предметы утвари. Обычно же у крестьян была единственная цель— уничтожение. Из очага разгромного движения — центральных черноземных губерний пишут, что «во многих губерниях было снесено все: каменные постройки разнесены до фундамента, старые парки и фруктовые сады вырублены, пасеки уничтожены, живой

---

[1]) Аграрное движение, ч. I, стр. 72, 79 и 213.
[2]) Там же, ч. I, стр. 52.
[3]) Там же, ч. I, стр. 194.
[4]) Там же, ч. I, стр. 197.
[5]) Там же, ч. II, стр. 240.
[6]) Там же, ч. I, стр. 139.
[7]) „Сын Отечества", 1905 г. № 226.

и мертвый инвентарь разграблен или разрушен. Погибли и паровые молотилки, и жнеи, и сноповязки» [1]). Разгром экономий ничего «заворного» в глазах крестьян не представлял. Один корреспондент описывает, как старуха-мать будит сына и заставляет его ехать на разгром. убеждает его, «что все порядочные люди поехали и что нельзя от людей оставать». В Воронежской губ. народ поговаривал: «Царь и Дума разрешили грабить и жечь владельцев» [2]). В Саратовской же губ. 28 октября 1905 г. отслужили молебен, прослушали манифест 17 октября и затем пошли громить экономию [3]). Все это говорит за сильнейшую стихийность движения, и также за то, что крестьяне были глубоко убеждены в правоте своего дела. Что касается до географического распространения погромов, то, как видно из прилагаемой таблицы № 1, как и нужно было ожидать, движение охватывает преимущественно губернии центрального чернозема, тянется по центру России, с запада на восток. Первое место по количеству погромов занимают центральные черноземные губернии (на 75 уездов приходится 78 сообщений о разгромах). второе—нижневолжские (16 из 17). Затем идут средневолжские (43 из 51), затем—малороссийские (33 из 41), новороссийские (24 из 39). В остальных районах погромы были единичные. В районах большего распространения капиталистического хозяйства, как на Юго-Западе, Белоруссии, Приозерном крае, число разгромов насчитывается единицами. В Московском промышленном районе из 71 уезда есть указания на разгромы только в 4. Что касается времени распространения погромного движения, то, несомненно, оно наибольшей силы достигает осенью 1905 г. (119 случаев из 215 за все 3 года). Первым по времени очагом движения была Курская губ., откуда оно перебросилось на соседние уезды Орловской и Черниговской губ (февраль 1905 г.). Осенью очагом движения была Саратовская губ., откуда оно распространилось на Самарскую, Саратовскую, Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и губернии центрального чернозема. Другим очагом была Черниговская губ., где погромы начались в непосредственной связи с еврейскими («жидов и панов бить дозволено»). В октябре и ноябре вся Россия была охвачена небывалым разгромным движением. В 1906 г. движение уменьшилось, зимой было им охвачено 20 уездов, летом—50, осенью—4.

В 1907 г. движение прекращается.

П о д ж о г и. Другой формой, тесно связаной с первой, являются поджоги. Они носят ту же цель, что и погромы—«выкурить помещика». Поджог всегда завершал погром, но часто являлся и самостоятельным средством борьбы. Им пользовались крестьяне для того, чтобы вынудить у помещиков те или иные уступки [4]), или же он являлся актом мести за репрессии [5]). Поджогами крестьяне часто сводили счета между собой. Особенно часто стали применяться поджоги после неудачи открытого движения. С разгромом движения, с разгоном думы, на которую крестьяне также возлагали некоторые надежды, по словам корреспондента из Рязанской губ. крестьяне обещают «такую аллюминацию устроить, чтобы небу стало жарко» [6]).И, действительно, 1906—1907 г.г. отличаются преобладанием тайных поджогов.

---

[1]) Аграрное движение, ч. I, стр. 56.
[2]) Там же, ч. I, стр. 87.
[3]) Там же, ч. I, стр. 141.
[4]) Там же, ч. II, стр. 272.
[5]) Там же, ч. II, стр. 274.
[6]) Там же, ч., II стр. 267.

Порубки леса. Теперь перейдем к одной из самых распространенных форм движения—к порубкам. Из 478 уездов России о них имеется 467 сообщений. Это единственная форма движения, которая была распространена повсюду, начиная с северных лесных районов и кончая степями юга и юго-востока, где леса являются редкостью. Как видно из таблицы № 2, эта форма движения равномерно распространяется по всем районам. Даже в таких районах, как северный, центрально-промышленный и приуральский, где вообще движение было очень слабо, порубки занимают выдающееся место. Об'ясняется это тем, что если крестьяне даже и в лесу живут, как это имеет место на севере, лес не их, а или частных владельцев, или казенный и уделов. Интересно отметить, что это единственная форма движения, в которой мы замечаем наибольшее участие богачей, которые располагали большим транспортом и потому имели гораздо большие возможности, чем безлошадные и бедняки. О том, что бедняки лишены возможности участвовать в порубках, об этом сообщают из целого ряда губерний, например, Гомельской, Новгородской и др. Кроме того, преимущественное участие богачей в порубках леса об'ясняется тем, что даже зажиточные крестьяне (мы исключаем, конечно, лесопромышленников, выходцев из крестьян), очень редко имели покупной лес, так что в этом отношении противоречия между ними и остальными крестьянами были меньшие, чем в отношении землепользования. Богачи, конечно, рубили лес не на свои нужды, а для продажи [1]). В отношении леса очень распространенной формой было противодействие крестьян продаже его на сторону, что наблюдалось, например, в Псковской губ. [2]).

Это особенно было распространено на севере, в Полесье, и в других районах распространения промыслового лесного хозяйства. «По понятиям крестьян,—пишет корреспондент из Псковской губ. [3]),—лес должен итти не на продажу, а для удовлетворения нужд местного населения». Зажиточные крестьяне из Холмского уезда той же губ. жалуются, «что казна и уделы лес продают купцам да евреям на выруб, на сплав по реке, а куда его гонят, Бог его ведает» [4]). На с'езде старообрядцев зажиточны крестьяне из западного края говорят: «как бы это сделать, чтобы лес за границу не отпускать» [5]).

Массовые потравы, захваты, запашки, увоз сена и хлеба. Большое распространение в 1905—1906 г.г. получили захваты помещичьих земель, запашки их крестьянами, самовольное снятие урожая, увоз сена и хлеба. Наибольшего размаха эти формы борьбы получили осенью 1905 г. (70 уездов), но особенно летом 1906 г. (240 уездов). Наибольшей интенсивностью, как и все формы движения, они отличались в пораженных неурожаем губерниях и преимущественно в центрально-земледельческих (из 75 уездов—105 сообщений); в Литовских губ., приозерных, центрально-промышленных, Белоруссии оно было мало распространено и совсем единично в Приуральских и северных губерниях (см. таблицу № 3 в приложении). Захват земли и угодий, а также и урожая с них, большею частью имел место на спорных землях, отбитых, отрезанных ранее помещиками. Массовые же потравы особенно сильны были летом 1906 г., когда ряд районов был поражен засухой. «От бескормицы в

[1]) Аграрное движение, ч. I, стр. 227.
[2]) Там же, стр. 191.
[3]) Там же, стр. 227.
[4]) Там же, стр. 226.
[5]) Съезд старообрядцев. Протоколы стр. 33.

средневолжских губерниях скот сильно изнурен,—пишет корреспондент,—нужда вывела чуть ли не всех крестьян некоторых деревень вооруженных косами, со стадами на барские и купеческие луга».

Арендное движение. Арендное движение с особой силой проявилось летом 1906 г. в районах черноземных, где особенно распространена краткосрочная мелкая аренда на самых кабальных условиях. По данным А. Кауфмана [1]), на центральные черноземные губернии приходится 20% всего количества имений, более половины своей земли сдающих в аренду.

На первом месте по арендному движению стоят центрально-земледельческие губернии, малороссийские и новороссийские. Как мы указывали, с.-х. под'ем накануне 1905 г. имел результатом сокращение владельцами сдачи в аренду в виду расширения экономических запашек. Это вытеснение батрацким трудом аренды было повсеместно. Крестьяне за подобные сокращения жестоко мстили в 1905—1906 г.г., и это столкновение из-за аренды часто являлось поводом к общему разгрому экономии. Один корреспондент [2]), описывает заключение одного землевладельца, который попытался лишить крестьян аренды: «поджигали меня,—пишет он,—выбивали в доме камнями окна, ломали изгороди, жгли сложенное для сушки сено на полях и делали целый ряд других безобразий». Так что ему действительно стало «жить худо». В другом месте корреспондент, констатируя факт сокращения аренды и введения плодосмена, с горечью замечает: «Зато сколько сожжено землевладельцам сараев с клевером и сколько переколото лошадей и других разных неприятностей» [3]).

Такими средствами крестьяне боролись за расширение арендной площади и нужно сказать, что они своей цели добились. Повсеместно после аграрного движения сдача в аренду увеличилась. Для понижения арендной платы крестьяне прибегали к не менее решительным действиям. Практиковались и поджоги, и разгромы, и потравы. Более мирными способами были арендные стачки. Так из центрального земледельческого района сообщают, что крестьяне прогоняют пришлых арендаторов и устанавливают свои таксы, выше которых помещик не имеет права повышать арендную плату. С своими конкурентами они расправляются жестоко, «с торгов прогоняют их с побоями» [4]). В целях борьбы с крупными арендаторами, бедняки и средняки требуют сдачи мелкими участками. При чем случалось, что они сами захватывали землю, делили ее на участки и сами же ее распределяли [5]). Цель крестьянами в общем достигалась. После 1905 г. арендная плата значительно понизилась [6]).

Сельско-хозяйственные стачки. Совершенно иной характер носили с.-х. стачки. Если все предыдущие формы движения были наиболее типичным для движения средняков, то с.-х. стачки, несомненно, более типичны для деревенских батраков и полубатраков. За это говорит тот факт, что большинство стачек приходится на районы развитого капиталистического хозяйства. Если для отработочного центрального чернозема были типичны разгромы и поджоги, как средство борьбы за землю,

---

[1]) А. Кауфман, статья в сборнике „Аграрный Вопрос", ч. II.
[2]) Аграрное движение, ч. I, стр. 337.
[3]) Там же, ч. I, стр. 233.
[4]) Там же, ч. I, стр. 39.
[5]) Там же, ч. I, стр. 99.
[6]) Там же, ч. I, стр. 12, 16, 54, 63, 69, 73, 81, 89, 101, 231 и др.

то юг и юго - запад, где наиболее развито капиталистическое хозяйство, отличаются с.-х. стачками, которые приближаются к чисто-пролетарскому движению за улучшение условий труда. Как эпизод отметим, что крестьяне малороссийского района праздновали 1-ое мая [4]). Кроме юго-западного края, где на 36 уездов было 93 указания на стачку, стачками отличается малороссийский край (61 из 41), дальше идут Западные губ., Литовские (31 из 23), Белорусские (36 из 43) и др. (см. приложение, таблица № 4). Любопытно отметить, что центрально-промышленный район, где было крайне слабое аграрное движение, дает больший процент стачек против других форм движения. Есть сведения о стачках и из губерний центрально-земледельческого района (52 из 75). Но там стачки носили несколько иной характер. Они являлись подсобным средством тому, чтобы «господишек из деревни выгнать». Интересно, что в этом районе из 52 уездов, где были стачки, за все годы движения в 45 были летом 1906 г., т.-е. после волны разгромов осенью 1905 года, которые, как известно, отнюдь не привели к переходу помещичьих земель в руки крестьян. Теперь крестьяне начали добиваться своей цели высокими ценами на рабочие руки, превышавшие нормальные в 3—5, а то и более раз. Понятно, что помещики от таких цен взвыли и бросились за помощью к полиции. От чисто экономических форм борьбы перейдем к формам, близким к политическим.

Смена властей и неплатеж налогов. Смена властей, неплатеж налогов более всего были распространены в районах нечерноземных—промышленных, где в движении немалую роль играли зажиточные крестьяне. Интересно, что вместе с указанием на малоземелье фигурируют основные причины: «неудовлетворительность экономического и правового положения крестьянского сословия», указания на притеснения властей и высокие налоги. В этом отношении очень показателен протокол «первого свободного схода крестьян Бобровской волости Кашинского уезда. Тверской губ. [2]). Там крестьяне решают «игнорировать» земских начальников и их органы,—волостные суды. Имеются указания на неплатеж налогов. Впрочем революционных мер у них мы не замечаем. Они решают: «полицию не принимать, но и не оскорблять», сопротивляться лишь «всеми способами, не доводящими до ответственности по суду» [3]). Особенно часты были смены властей в Приозерном крае. Об отказе платить налоги имеются 21 сообщение из 71, при чем 12 падают на Псковскую губ., 8 на Новгородскую, тогда как в Петроградской нет ни одного случая. После порубок отказ в платеже повинности занимает второе место (40 случаев). Особенно сильно политическое движение было в Литовских губерниях, где были организованы даже выборные суды и исполнительные комитеты [4]). В других губерниях, кроме отмеченных нами центрально-промышленного района, можно отметить лишь единичные случаи, например, в Воронежской, Саратовской губ. В последней обращает внимание постановление одного сельского схода 28 мая 1906 г.: «отозвать с полицейской службы всех крестьян общественников, в случае неподчинения, лишить их земельного надела» [5]). Местами, например, в Кромском уезде, были случаи удале-

[1]) П. Маслов. Аграрный вопрос, т. II, стр. 317.
[2]) Аграрное движение, ч. I, стр. 28.
[3]) Там же, ч. I, стр. 23.
[4]) П. Маслов. Аграрный вопрос, т. II, стр. 352.
[5]) Аграрное движение, ч. I, стр. 132.

ния властей, но единичные [1]). Более часто встречались в промышленных губ.—в Ярославской, Владимирской и др. [2]). Но в общем,—даже и в районах наибольшего распространения этих форм движения, они не носили характера массового и характера систематического бойкота. Наоборот, неплатеж налогов и податей большей частью об'яснялся действительным отсутствием средств из-за недорода.

VI. Крестьянские организации.

Чтобы закончить обзор аграрного движения, дадим краткий очерк крестьянской организации, крестьянского союза. Как говорил председатель учредительного с'езда В. Кр. С., толчком к образованию его послужила попытка Самарина и Московского губернатора получить от крестьян патриотические приговоры. В ответ на это в мае месяце состоялся с'езд крестьян Московской губернии, который, под влиянием происходившего тогда среди интеллигенции течения в сторону образования проф. союзов, постановил организовать крестьянский союз [3]). Это постановление через газеты разошлось по всей России и послужило толчком к организации местных союзов. 31-го июля—1 августа 1905 г. в Москве состоялся учредительный с'езд крестьянского союза. Были представители от 22 губерний свыше 100 человек плюс 25 гостей. После учредительного с'езда собрался 6—10 ноября 1905 г. в Москве с'езд «уже открыто, не как заговорщики» (речь председателя) [4]). На нем было 187 делегатов от 27 губерний. Однако, это был первый и последний легальный с'езд. Дни «свобод» окончились. Союз был разгромлен. Многие его активные члены были арестованы. Остатки всероссийского крестьянского союза собрались на первом северном областном с'езде 29—30 декабря 1905 г. в Финляндии. После этого деятельность союза замерла. На местах попытки организовать союз были в целом ряде губерний. Обращает на себя внимание образование союзов в Донской области, где работали братья Мазуренко, Тульской губ. (Епифанский уезд), Курской, Харьковской и др. Однако широкого размаха это движение не получило. У крестьян были более распространены подачи петиций и приговоров на основании манифеста 18 февраля 1905 г. После же политических репрессий, где и были попытки к организиции, — они замерли. Таким образом, при необыкновенно широком размахе экономического или даже узко земельного движения политическое движение занимает более чем скромное место в крестьянском движении первой революции. Единственно, когда оно чуть-чут проявилось, это в месяце наибольшего под'ема революционной волны в городах—в октябре и ноябре 1905 г., когда особенно часто крестьяне привлекались на митинги. С'езды крестьянского союза нам интересны потому, что они дали возможность отразиться если и не подлинной крестьянской мысли, то, по крайней мере, мысли его руководящих кругов, так как на с'ездах преобладали зажиточные крестьяне и интеллигенция. Посмотрим, что из себя представляла эта крестьянская мысль [5]).

---

[1]) Аграрное движение, ч. I, стр. 63.
[2]) Там же, ч. I, стр. 18, 41.
[3]) Учредит. съезд Всерос. крест. союза, протоколы, стр. 5—6.
[4]) Делегатское совещание Всеросс. крест. союза, стр. 4.
[5]) Материалы по крестьян. вопросу с предисловием В. Громана (стр. 3.)

VII. Крестьянская мысль.

Все внимание крестьян сосредоточивается на земле. Делегат учредительного с'езда рассказывает, что в Епифанском у., Тульской губ., крестьяне решили сначала, что им нужна только земля: «Ежели дадут нам землю, то мы сами будем паны» [1]). Интеллигентам стоило немалых усилий убедить крестьян, «что нужны еще хорошие законы». Такой взгляд на взаимоотношения между экономикой и политикой был типичен для крестьянства. Немало наивности было у них и при разрешении земельного вопроса. «Земля в народном сознании, — говорит делегат Владимирской губ.,—божий дар, как воздух и вода. Ее должен получать тот, кто ею нуждается. Сколько нужно, столько и получай» [2]). «Землю создал дух святой», говорит другой делегат. Мы у них встречаем аргументы еще эпохи средневековья, об Адаме и Еве. «Когда Адам пахал, а Ева пряла, где был дворянин?» [3]). Под этими наивными рассуждениями скрывалось, разумеется, вполне здоровое содержание буржуазной революции. При таком наивном представлении, не менее наивны были и их проекты земельной реформы. Крестьяне, даже собственники, выступают за отмену частной собственности. Но, понятно, это требование менее всего социалистично. Крестьянин, даже кулак, от этой собственности получал прежде всего высокие земельные цены и арендную плату, которые его больно били, как покупателя и арендатора. А при отмене частной собственности на землю «сколько нужно, столько и получай». Тут мы встречаем и«трудовой принцип, и уравнительность». Характерно для крестьянских с'ездов их отношение к конфискации земель. Этот вопрос вызвал ожесточенные прения на учредительном с'езде. Сказалось расслоение деревни. Имеющие купчую землю соглашались на конфискацию всех земель, кроме частно-владельческих. или стояли за выкуп последних, «чтобы не обидеть помещиков». «Нельзя же выбросить помещиков на улицу», говорит депутат Черноморской губ. [4]). Интеллигенты предлагают «согласиться» на выкуп, чтобы по возможности избежать пролития крестьянской крови [5]).

Интересно отметить, что некоторые, высказывавшиеся за общую конфискацию земель, делали исключение для монастырей. «Монастырям мы больше доверяем, чем дворянам. Монастыри—общественные создания и молятся за народ», говорил один делегат [6]). Хотя большинство заявлений было направлено против духовенства, все же подобная речь показательна для клерикального настроения части крестьянства. Были и призывы к конфискации всех без исключения земель, но они потонули в голосах противников. В результате прений с'ездом было принято компромиссное решение: «отчуждение без выкупа монастырской, церковной, казенной, удельной и государевой земли; у частных владельцев частью за вознаграждение, а частью без вознаграждения» [7]). Если в области земельной крестьяне проявили некоторую революционность, то в области политической—полную реакционность. Нет ничего удивительного, что самые правые реакционные крестьяне соединяли в себе экономиче-

---

1) Учредит. съезд Всеросс. кр. союза, проток., стр. 12.
2) Там же, стр. 26 и 29.
3) Думский сборник, издание „Товарищ", речь Аладьина в I-й Думе.
4) Проток. учредит. съезда, стр. 29 и 30.
5) Там же, стр. 30.
6) Учредит. съезд, стр. 26.
7) Там же, стр. 35.

ский радикализм с ярым черносотенством. Так один корреспондент, волостной писарь, пишет о «необходимости прекратить левые партии, поделить между крестьянами землю по силе возможности, затем, после наделения крестьян землею принять строгие меры свыше» [1]). Аналогичных примеров можно найти не мало в сообщениях с мест. На с'езде крестьяне выказывают себя монархистами. Предложение социал-демократов требовать демократической республики поддержки не встретило [2]). Делегаты рассказывают о черносотенном движении в деревнях, когда избивали рабочих и учителей за агитацию против царя. «Нужно, чтобы личность государя не подвергалась нападкам», говорил один делегат [3]). Вместе с тем монархизм не помешал делегатам принять постановление об Учр. Собрании [4]). Представление о тактике также отличалось некоторой наивностью. Мы встречаем здесь и прошения на высочайшее имя, и просьбы к отдельным лицам «похлопотать об отмене частной собственности на землю», и голые пожелания о том, «чтобы арендные цены были понижены» [5]).

VIII. Тактика.

Показательны развернувшиеся на учр. с'езде крестьян прения о тактике. Одни делегаты стояли за революционную борьбу. Эту революционную точку зрения поддерживали саратовцы, где было в то время восстание, и смоленцы [6]). Других же эти революционные призывы «очень удручали» [7]). Они стоят за мирную борьбу—«за митинги, за мирные захваты и против всяких вспышек». Делегат Моск. губ. предлагает: «Нужно в те губернии, где крестьяне восстали, послать воззвание о терпении» [8]). Любопытно, что совещание отклонило приветствие восставших саратовским крестьянам [9]). В резолюции о тактике делегатское совещание решает: 1) не покупать землю, 2) не арендовать, на преследования—грозить забастовкой, отказом в уплате податей и поставке рекрутов и потребовать из сберегательных касс и банков все вклады и крестьянские капиталы. За неудовлетворение требований — грозить всеобщим восстанием [10]). Таким образом, подводя итог «крестьянской мысли», мы видим, что она соединяла в себе немало черт буржуазной революции XIX века, утопических лозунгов и даже средневековых воззрений эпохи крестьянских войн.

IX Ликвидация движения.

Характеризуя движение в целом, приходится отметить его крайнюю неорганизованность, переходящую в чисто местную ограниченность. Лишь только в промышленных губерниях, как например, Тверской,

---

1) Аграрное движение, ч. I, стр. 142.
2) Учредит. съезд, протоколы, стр. 25.
3) Учредит. съезд, протоколы, стр. 47.
4) Там же, стр. 82.
5) Съезд старообрядцев, стр. 30.
6) I. Делегатское совещание, протоколы, стр. 54.
7) Там же, стр. 25.
8) Там же, стр. 57.
9) Делегатское совещание, протоколы, стр. 78.
10) Там же, стр. 92.

мы замечаем кое-какие признаки организации и на юге, где было влияние р. с.-д.р.п. [1]). В большинстве случаев, не говоря уже о центральных черноземных губерниях, где господствовал наиболее трудно поддающийся организации средняк, какие-либо признаки организаций заметить трудно. Крестьяне каждой губернии действовали за себя и часто в ущерб другим. Нам приходилось уже отмечать, что помещики за льготу или «за угощение», т.-е. просто за вино, подговаривали одно село для защиты помещика от другого. Цель в общем достигалась. Не только межселенная конкуренция, типичная для мелких собственников, но и борьба внутриселенная, классовая, значительно облегчала борьбу с движением. Полиция часто пользовалась услугами богачей и других «панских подлизников». Кроме того, на крестьянском движении, при всей его экономической революционности, лежал отпечаток политической беспомощности. Крестьянин еще не поднялся до сознания себя, как класса (понятие класса употреблено здесь условно), еще не осознал того, что для разгрома помещиков мало разгромить их имения,—надо еще разгромить их власть. Поэтому мы очень часто встречаем сообщения о том, что крестьяне заботятся, чтобы не было насилий, чтобы не переходить рамок закона, как это прекрасно сказано в одном крестьянском протоколе: «Пользоваться всеми способами, не доводящими до ответственности по суду» [2]). Кроме того, большей частью крестьяне выступали с конкретными, чисто местными требованиями, что способствовало раздроблению движения и тем облегчало его разгром. Все это способствовало ликвидации движения, которое прекращалось или само собой, или большей частью силою оружия. Крестьяне разбирали экономию, захватывали землю и угодья и затем успокаивались, а за этим шла самая жестокая полицейская репрессия. Вопреки манифесту 17-го октября широко практиковались телесные наказания. Правительство, начиная с весны 1905 г., принимает экстренные меры для борьбы с аграрным движением. 10 апреля учреждаются специальные временные уездные комиссии из представителей властей и земства для выяснения лиц, участвовавших в движении и убытках. Впоследствии правительство принимает более крутые меры. Назначаются особо уполномоченные генерал-ад'ютанты. Министр внутр. дел, П. Дурново, рекомендует расстрелы—«аресты теперь не достигают цели: сотни и тысячи людей судить невозможно». Генерал ад'ютант г. Курска, Дубасов, за «беспорядки» грозит уничтожением жилищ, и мы знаем, что подобные заявления не были простой угрозой. Местами действительно действовала артиллерия [3]). На даром правительство так убеждало население «твердо помнить, что частная собственность неприкосновенна» (приказ кременчугского губернатора) [4]). Столь суровые репрессии обрушивались не только за разгром, но и за невзнос налогов и за смену властей. «Виновных в посягательстве на смещение властей,—пишет кременчугский генерал-губернатор,—я без суда буду предавать военному расстрелу, как открытых бунтовщиков» [5]). К угрозам карами мира сего прибавлялись угрозы карами страшного суда. Тот же губернатор, призывая к повиновению «придержащим властям», добавлял: «этому учил нас божественный

---

[1]) Аграрное движение, ч. II, стр. 59, 103, 309.
[2]) Там же, ч. I, стр. 29.
[3]) Там же, ч. II, стр. 453, 481 — др.
[4]) Там же, ч. II, стр. 351.
[5]) Там же, ч. II, стр. 351.

спаситель, сын бога всевышнего» [1]). В этой области большую помощь полиции оказывало духовенство. Почти отовсюду идут сведения о зверствах казаков и ингушей, которые особенно «тешились» при усмирениях [2]). Преследуются и сел.-хоз. стачки, о которых издается специальный закон 15 апреля 1906 г. (по которому стачки караются, как уголовные преступления) и раз'яснение к нему столыпинского Министерства внутр. дел. от 11 июня 1906 г. Однако, отнюдь не этим репрессивным мерам правительство было обязано прекращением движения. Помимо общих причин, уже указанных нами, на крестьян, несомненно, успокаивающе подействовали достигнутые ими частные успехи,—расширение аренды, благодаря разгрому имений, понижение арендной платы, увеличение заработной платы и т. п., только в отношении цен на землю изменений было мало, так как, как правильно замечает один корреспондент, «нет рыночных цен на землю, а есть цена крестьянского банка», деятельность которого хорошо известна [3]). Эти, хотя и мелочные достижения, должны были удовлетворить определенные круги крестьянства и способствовать их успокоению. Деревня отчасти разряжается переселением в Сибирь, которое в 1905—1906 г.г. получает широкий размах. Наконец, успокаивающее действие имели урожай и неурожай 1907 г. Если в 1905 г. неурожай захватил ⅔ всей России, а в 1906 г. благополучными были только 9 губерний, то в 1907 г. неурожай был только на Украйне и в двух промышленных губерниях, т.-е. в тех, в которых было, главным образом, забастовочное движение, которое для своего развития требуют высокого урожая. Таким образом в 1905 г. и урожай, и неурожай, способствовали ликвидации движения (Прокопович). Но, несомненно, главную роль в ликвидации движения играла неудача рабочей революции. Крестьянство, благодаря своей распыленности, отнюдь не могло своими силами совершить революцию. Когда революция в городе потерпела поражение, то это одновременно было и поражением крестьянства. Успех крестьянства мог быть связан лишь с успехом рабочего класса. Крестьянская масса у других городских классов поддержки найти не смогла. Крупная буржуазия единственно кого поддерживала, да и то негодными средствами,— это сельскую буржуазию, борющуюся за прибавочную стоимость с помещиками. Заинтересованность в развитии хозяйств сельской буржуазии заставляет ее пойти с «ходатайством на высочайшее имя» (в 1905 г. она на революционные акты уже неспособна, так как у врат ее господства стоит пролетариат)—о передаче земель на льготных условиях по справедливой цене сельской буржуазии. (О слабом крестьянстве буржуазия если и говорит, то только из страха, чтобы его выступление не подлило масла в огонь социальной революции.)

Оскудение середняка, его борьба с помещиками за мелко-буржуазное существование против грозящей экспроприации вдохновляет на борьбу наиболее передовую революционную часть городской мелкой буржуазии, из которой выделяются бесформенные «народнические партии» с не менее бесформенной политической программой.

Единственно у кого деревенская беднота и батраки находят поддержку в своей зарождающейся пролетарской борьбе с помещиками и сельской буржуазией, и середняки, поскольку они ведут борьбу с полукрепостническим строем, так это со стороны только что вылупив-

---

[1]) Аграрное движение, ч. II, стр. 352.
[2]) Там же, ч. I, стр. 83, 84, 141, 149; ч. II, стр. 77, 78, 129, 222, 226.
[3]) Там же, ч. I, стр. 120.

шегося из деревенского яйца городского пролетариата—этого самого активного и революционного класса в русской революции. Поэтому, поскольку потерпел поражение рабочий класс, потерпело поражение и крестьянство. Однако, несмотря на поражение аграрные волны основательно подмыли устои царизма. Разгром отработочных имений был разгромом его крепостнической базы; недаром после 1905 г. правительство должно будет отказаться от крепостнической политики, и в этом, а не в мелочных достижениях крестьянства был смысл и значение революции 1905—1907 г.г., которая послужила прологом к революции 1917 г., завершившей то, что было начато в первой русской революции.

Содержание доклада.

I. *Введение.* Методологические замечания. Причина аграрной революции—конфликт между развитием производительных сил и полукрепостническими производственными отношениями, развернувшийся на основе кризиса экстенсивного хозяйства.

Наступление кризиса экстенсивного хозяйства. Невозможность расширенного воспроизводства на его основе. В чем препятствия к интенсификации. Задерживающее влияние полукрепостнической помещичьей эксплоатации. Роль кризиса хлебных цен конца XIX века. Задержка в развитии сельской буржуазии. Быстрый темп экспроприации крестьянства. Оскудение деревни. Влияние сельско-хозяйственного под'ема 1896—1905 г.г. на оскудение деревни. Обострение классовых противоречий в деревне. Голод 1905—1906 г.г. «Настроение деревни». «Поводы к движению».

II. *Общий обзор движения 1905—1907 г.г.* Движение накануне 1905 г. Общий обзор по районам. Место и время наиболее интенсивного движения.

III. *Участники движения*: а) Середняки. Их интересы. Борьба натурального хозяйства с капиталистическим. Мелко-буржуазный утопизм и реакционность их требований при революционном значении движения. Погромы. б) Батраки и полубатраки. Идеал «мелкого хозяйчика». Отличия от середняцкого движения. Сельско-хозяйственные стачки. Зародыш социалистических идей. в) Зажиточное крестьянство. Оппозиционность «чумазого». Причины этого. Противоречия интересов помещичьего и кулацкого хозяйства. Их требования. Противоречивые сведения о роли зажиточного крестьянства в движении. Взаимоотношения с середняками и беднякими. «Красная и черная сотня».

IV. *Направление движения.* «Не сословный характер, а классовый». «Не против личностей, а против владений». Крупные и мелкие владения, батрацкие и отработочные хозяйства. Борьба с их властью. Борьба с зажиточным крестьянством. Отношение к духовенству, лавочникам и т. д.

V. *Формы движения.* Зависимость их от социальной географии: а) Погромы. Распространение их по районам. Их цель по об'яснению крестьян. Характер погромов. б) Порубки. Их распространение. Участие зажиточного крестьянства в порубках. Борьба за то, «чтобы за границу лес не отпускать». в) Массовые потравы, захваты, запашки. Увоз хлеба и сена. Распространение по районам. Борьба за отбои и отрезы. Связи потрав и увозов с неурожаем. г) Арендные движения. Борьба за арендную площадь и арендную плату. Методы борьбы. Противоречие интересов кулачества и остального крестьянства. Арендные стачки. д) Сельско-хозяйственные стачки. Их распространение. Стачки на Украйне и стачки в центральных черноземн. губ. Их отличия. е) Смена властей и неплатеж налогов. Бойкот ли? Распространение в промышленных нечерноземных губерниях. Их единичность и неорганизованность.

VI. *Крестьянские организации.* Крестьянский союз. Учредительный с'езд. Первое делегатское совещание. Первый областной с'езд северной области. Засилье богачей. Крестьянские организации на местах.

VII. *Крестьянская мысль.* Представление о связи экономики и политики. Представление о земле. Отмена частной собственности. Ее подлинный смысл. Вопросы о выкупе. Разногласие. Причины его. Вопросы о формах Правления. Монархизм и учредительное собрание.

VIII. *Тактика.* Борьба тактики революционной и мирной (митинговой) на первом делегатском совещании. Угрозы крестьян. Всеобщая стачка.

IX. *Ликвидация движения.* Полицейская и «само собой». Причины. Неорганизованность. Местная ограниченность движения. Частные достижения. Земельные цены, арендные цены, заработная плата после движения. Влияние урожая и неурожая 1907 года.

Полицейские репрессии. Распоряжение центральной и распоряжения местной власти. «Защита неприкосновенности личности и собственности». Расстрелы и ссылки.

X. *Выводы.* Итоги движения. Форсированное уничтожения остатков крепостничества. Связь деревенского движения с городским. Деревенские корни царизма Значение революции 1905—1907 г.

Приложение. Таблицы форм аграрного движения.

Таблица № 1.

Разгромы экономий.

НАЗВАНИЕ.	Всего уездов.	1905 г.			1906 г.			1907 г.			ВСЕГО.
		Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	
1. Центр.-земледел. . .	75	5	1	42	5	24	1	—	—	—	78
2. Средневолжские . .	51	—	2	24	2	10	1	4	—	—	43
3. Нижневолжские . .	17	—	—	6	2	6	2	—	—	—	16
4. Новороссийские . .	39	—	—	17	4	2	—	—	1	—	24
5. Юго-западн.	36	—	1	3	—	2	—	—	1	—	7
6. Малороссийские . .	41	2	1	22	3	5	—	—	—	—	33
7. Центр.-промышлен.	71	—	1	1	—	2	—	—	—	—	4
8. Белорусские	43	1	—	2	3	—	—	—	—	—	6
9. Приуральские . . .	29	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
10. Крайнесеверные . .	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
11. Приозерные	34	—	—	1	1	1	—	—	—	—	3
12. Литовские	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	478	8	6	119	20	52	4	4	2	—	215

Таблица № 2.

Рубка леса.

НАЗВАНИЕ.	Всего уездов.	1905 г.			1906 г.			1907 г.			ВСЕГО.
		Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	
1. Центр.-земледел. . .	75	4	—	26	9	14	7	2	—	—	62
2. Средневолжские . .	51	4	2	25	9	13	10	11	7	—	81
3. Нижневолжские . .	17	—	—	5	2	5	2	—	—	—	14
4. Новороссийские . .	39	—	—	11	3	5	1	1	—	—	21
5. Юго-западн.	36	1	1	10	9	6	2	5	1	—	35
6. Малороссийские . .	41	6	2	17	8	3	2	—	6	—	44
7. Центр.-промышлен.	71	3	1	22	11	10	6	7	1	—	61
8. Белорусские	43	8	1	20	10	4	2	1	3	—	49
9. Приуральские . . .	29	—	—	7	—	1	—	—	2	—	10
10. Крайнесеверные . .	19	1	1	1	6	2	3	11	3	—	28
11. Приозерные	34	1	—	14	10	6	6	5	2	1	44
12. Литовские	23	1	—	9	2	3	2	1	—	—	18
Всего	478	29	8	167	79	72	43	44	25	1	467

Таблица № 3.

Массовые потравы, захваты, запашки, увоз сена и увоз хлеба.

НАЗВАНИЕ.	Всего уездов	1905 г.			1906 г.			1907 г.			ВСЕГО.
		Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	
1. Центр.-земледельч. .	75	2	7	11	2	74	1	—	8	—	105
2. Средневолжские. . .	51	5	14	7	2	46	1	1	5	—	81
3. Нижневолжские. . .	17	3	5	7	—	8	2	—	—	—	25
4. Новороссийские. . .	39	8	4	9	4	16	—	3	5	1	50
5. Юго-западные. . . .	36	3	7	3	6	19	1	2	10	2	53
6. Малороссийские. . .	41	6	13	19	6	29	1	—	4	—	78
7. Центр.-промышл. . .	71	—	2	5	1	19	—	—	2	—	29
8. Белорусские	43	5	3	3	2	4	1	—	—	—	18
9. Приуральские. . . .	29	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
10. Крайне-северные. .	19	—	—	—	—	2	—	—	1	—	3
11. Приозерные	34	1	1	2	2	13	2	—	7	—	28
12. Литовские	23	3	3	4	3	10	—	—	3	—	26
Всего.	478	36	59	70	28	240	9	6	47	3	498

Таблица № 4.

Арендные движения.

НАЗВАНИЕ.	Всего уездов.	1905 г.			1906 г.			1907 г.			ВСЕГО.
		Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	
1. Центр.-земледельч. .	75	—	2	1	1	25	—	—	2	—	31
2. Средневолжские . .	51	—	6	—	2	7	—	1	—	—	16
3. Нижневолжские. . .	17	—	3	1	—	3	1	—	—	—	8
4. Новороссийские. . .	39	—	6	5	1	8	7	—	2	1	29
5. Юго-западные. . . .	36	—	5	—	—	4	—	—	—	—	9
6. Малороссийские. . .	41	—	2	12	3	18	—	—	—	—	35
7. Центр.-промышл. . .	71	—	—	—	—	2	—	1	—	—	3
8. Белорусские	43	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9. Приуральские. . . .	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Крайнесеверные. .	19	—	—	—	—	—	1	—	1	—	2
11. Приозерные.	34	—	—	1	—	3	—	—	—	—	4
12. Литовские	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего.	478	—	24	20	7	70	9	2	5	—	137

Таблица № 5.

Сельско-хозяйственные забастовки.

НАЗВАНИЕ.	Всего уездов.	1905 г.			1906 г.			1907 г.			ВСЕГО.
		Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	Начало года.	Лето.	Конец года.	
1. Центр.-земледел. . .	75	—	—	1	—	45	—	2	4	—	52
2. Средневолжские . .	51	2	3	2	3	10	—	2	1	—	23
3. Нижневолжские . .	17	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
4. Новороссийские . .	39	—	5	7	1	9	—	—	2	—	24
5. Юго-западные	36	6	16	8	14	26	9	2	12	—	93
6. Малороссийские . .	41	—	4	20	6	25	2	1	3	—	61
7. Центр.-промышлен. .	71	—	—	2	—	7	—	1	—	—	10
8. Белорусские	43	—	6	7	2	17	2	2	—	—	36
9. Приуральские . . .	29	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
10. Крайне-северные . .	19	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1
11. Приозерные	34	—	—	2	—	5	—	—	4	—	11
12. Литовские	23	—	2	9	5	11	5	—	2	—	31
Всего	478	8	36	58	31	157	15	10	28	—	343

А. Гусев.

Экономическое и правовое положение пролетариата в России к концу 1905 года.

Революция 1905 г. в России является первым реальным шагом к социальной революции 1917 г., как в смысле нащупывания соотношения сил борющихся классов, так и в смысле приобретения опыта пролетарских организационных форм и пролетарской стратегии. Поэтому, первая русская революция приобретает для нас первостепенное значение

Анализ причин, вызвавших революцию, бурного хода событий, в которых пролетариат играет руководящую роль и, наконец, анализ причин, приведших революцию к поражению—вот тот круг основных вопросов, который мы имеем при изучении революции. В настоящий момент нас интересует последний вопрос—о причинах поражения революции.

К разрешению его можно подходить так же различно, как подходят, напр., авторы работ о Парижской Коммуне.

Моменты об'ективного порядка переплетаются с моментами суб'ективного порядка,—экономическое развитие страны, обусловливающее тот или иной социальный строй и их анализ с неизбежностью приводят к рассмотрению недочетов партийной организации и др. организационных, тактических, программных положений.

Говоря об экономическом и правовом положениях пролетариата России за 1905 г., я, тем самым, избрал подход к об'яснению причин поражения революции, нисколько, конечно, не умаляя всего значения других об'ективных и суб'ективных моментов.

По многим причинам я не претендую дать исчерпывающего ответа.

Несмотря на весь колоссальный, с одной стороны, вынужденный (правительственный), с другой—естественный интерес к рабочему вопросу вот уже в продолжение не одного десятка лет, его исследователи, как на Западе, так и в России, оказываются в крайне затруднительном положении. Адольф Браун [1]) говорит о случайных и скудных материалах германских частных и официальных обследований. Зомбарт говорит, что «цифры средней заработной платы дает ценз—это несчастное дитя официальной статистики заработной платы [2]) Сев.-Америк. Соедин.-Штатов». В русской литературе совершенно нет работы, охватывающей рабочий вопрос в его целом. Понятно, что и политические условия совсем не благоприятствовали всем начинаниям в этой области. Интересующимся экономическим положением рабочего класса России приходилось ограничиваться лишь краткими сведениями, напр.,

---

[1]) Адольф Браун, «Положение рабочего класса в Германии». Пер. с рукописи под ред. П. Теплова СПБ, стр. 36.

[2]) Зомбарт. Очерки из истории развития сев.-амер. пролетариата. М. 1906, стр. 99

с'ездов Пироговского о-ва, отчетами фабр. инспекторов и т. д. Сведения же периодических изданий очень разбросаны, отрывочны; вдобавок, пользование ими затруднено отсутствием комплектов этих изданий, что усугубляет эту разбросанность и отрывочность. Единственно достоверным источником являются фабрично-заводские архивы с их книгами «О результатах рабочей силы» (Путиловский завод) или месячных заработков по табелям и т. д. На путь исследования таких материалов в архивах непосредственно на предприятиях, несомненно, и нужно вступить, не пугаясь всей тяжести и кропотливости этой работы. С своей стороны, я, в поисках за сведениями об экономическом положении рабочего России за отдельные месяцы 1905 г., вынужден был обратиться к архивам Путиловского завода в Питере и Красно-Пресненской Трехгорной мануфактуры в Москве [1]).

Недостаток времени заставил меня сузить рамки работы исследованием преимущественно заработной платы—для рабочего, в его материальной и духовной жизни, несомненно основным вопросом; продолжительности же рабочего времени, а также жилищных условий и пр., я касаюсь лишь вскользь.

I.

Два последних десятилетия второй половины XIX в. являются в развитии русской экономической жизни решающими—они определили ее экономические возможности и перспективы.

Естественные богатства в виде чрезвычайного разнообразия сырья в это время приобретают особенную силу притяжения промышленного капитала. И этот капитал с невиданной энергией развивается в России. Добро, налицо были и другие необходимые для его развития условия. Пролетаризирующаяся деревня, не удовлетворяя всех претензий промышленности по части покупательной емкости внутреннего рынка, с лихвой удовлетворяла ее по линии снабжения необходимой рабочей силой. Даже, более того, эта рабочая сила всегда имелась в таких размерах резервной армии, что сводила до действительного минимума заработок рабочего. С другой стороны, и самодержавие, как это ни парадоксально, но для того времени и для тех конкретных условий, в которых происходило развитие промышленности—не противоречило основам этого развития. Своей протекционистской политикой, разного рода внеуставными ссудами, наконец, казенными заказами, своим нежеланием правительственного регламентирования взаимоотношений капиталиста и рабочего—всем этим оно создавало тепличную обстановку для роста промышленности.

Иностранный капитал вносит в организацию предприятий высокую техническую основу, в результате чего концентрация производства по числу рабочих достигает таких размеров, каких она не достигает в целом ряде передовых капиталистических стран Запада, в том числе и Германии.

Такое развитие промышленности быстро ставит Россию в ряды мировых промышленных стран, ставит ее в одно из неразрывных звеньев общей цепи мирового хозяйства.

Вполне естественно, что все свойственное капиталистическому Западу свойственно было и капиталистической России. Можно даже от-

[1]) Так названа теперь Прохоровская Трехгорная м-ра.

метить, что как капиталистическая страна, выросшая в особых условиях, она оказывается, пожалуй, ко всем социально-экономическим катаклизмам капиталистического мира более восприимчивой. Она раньше вступает в кризис 900-х г.г., острее его переживает, и в области социальной ставит глубже вопросы и решительнее их разрешает.

Теперь, несколько подробнее остановимся на промышленной жизни России после кризиса 900-х г.г. во время русско-японской войны и революции 1905 года.

Кризис 900-х г.г. особенно глубоко коснулся крупной индустрии—железной и горно-заводской, достигнув максимума в 1902 г. [1]). В 1903 г., когда начинается мировое изменение хозяйственной кон'юктуры в сторону ее повышения, замечается и в России как бы период изживания кризиса, что не мешает этому явлению, в сущности, оставаться кажущимся. Систематическое взваливание всех убытков промышленников, возникших при кризисе, на плечи рабочих, вызывает очень яркую всеобщую забастовку на юге. Начавшаяся русско-японская война различно повлияла на отдельные отрасли промышленности: на железоделательную и горно-заводскую промышленность русско-японская война имела положительное влияние, на что показывает увеличение добычи угля, выплавки чугуна, полупродукта и готового продудкта [2]). Под'ем этой отрасли промышленности, частью обслуживающей потребности войны, вполне понятен.

Годы.	Выплавка чугуна.	Полупродукты из стали и железа.	Готовый продукт.	
1900	177.957 т. п.	158.553 т. п.	132.540	
1901	173.156 „ „	165.032 „ „	122.656	
1902	156.815 „ „	155.539 „ „	122.391	
1903	150.486 „ „	165.070 „ „	136.038	Стр.
1904	180.313 „ „	182.574 „ „	152.719	193—194

Годы.	Добыча каменного угля и производство кокса.	
1900	986,3 м. п.	
1901	1.018,7 „ „	
1902	1.005,2 „ „	
1903	1.090,9 „ „	
1904	1.197,1 „ „	Там же стр. 147.

Совсем иную картину имеем мы в отраслях хлопчато-бумажной, сахарной, табачной и т. п. промышленности. Эти отрасли промышленности, выбрасывающие на рынок товары массового потребления, в кризис 900-х г.г. терпели лишь заминку, для первой отрасли промышленности, связанную отчасти с мировым хлопчато-бумажным кризисом 900-х г.г. В 1903 г. эти отрасли промышленности дают значительное повышение [3]). Но с началом войны производства по обработке волокни-

---

[1]) Статистический ежегодник на 1914 г. под редакц. Шарого. СПБ. 1914 г.

[2]) Сравн. годы 1903 и 1904 в приводимой таблице.

[3]) Рост хлопчато-бумаж. фабрик. и количества веретен. в России.

Годы.	Фабрик:	Веретен:	
1890	до 65	3.250.000	стр. 5.
1895	„ 84—5	4.150	
1900	„ 110—11	5.550	„Вестник мануф. пром.“
1903	„ 122	6.000	„Забастовки, налоги и доходность
1905	„ 127	6.400	мануфакт. и нефтепромышл.“
1910	„ 140	8.250.000	Составил Иоксимович, М. 1915 г.

стых веществ оказались в исключительно тяжелых условиях. Массовый потребитель был отчасти взят на войну, в большинстве же—просто потерял всякую покупательную способность, ввиду всех тех тягот, которые перекладывались пр-вом в виде налогов на массу крестьянства и мелкую буржуазию. Для лодзинских, варшавских и домбровских мануфактуристов с закрытием сибирского и дальневосточного рынка кризис начался уже с апреля 1904 г.

Война же положила начало и денежному кризису, от которого, в первую очередь, пострадали государственные ценности. 4% заем котируется на Берлинской и Парижской биржах с замечательной закономерностью. В Берлине 23-го января 1904 года—96,00, в Париже—95,25, но вот об'является война, и 28-го января в Берлине—92,00, в Париже—90,50, и чем дальше, тем хуже, т.-е. чем больше войска терпят поражений, тем ниже котируются государственные ценности [1]). Параллельно этому идет сокращение кредитов на постройку железных дорог на 54,9 м. р., на усиление, улучшение и увеличение их оборотного капитала—18,2 м. р., на заготовку железнодорожных принадлежностей—1,9 м. р.; приостановлены кредиты на устройство торговых—3,9 м. р. и военных портов—4,9 м. р. и строительные кредиты по винной монополии 2 м. р. и т. д. [2]) (82,2 м. р.). Это, в свою очередь, ведет к сокращению строительного дела, земляных, заготовительных, кирпичных и т. п. работ, превращая финансовую операцию в экономическую. Совершенно очевидно, что, как и при кризисах, «все жертвы войны переносятся предпринимателями во всяком случае—об'ективно и суб'ективно—непосредственно легче, чем рабочими».

Таким образом, к 1905 г. мы имеем несомненный рецидив промышленного кризиса, который захватил своими щупальцами чрезвычайно больно широкие массы городского и сельского населения. Война, усугубляя своим неудачным ходом социальную противоречивость действительности, форсировала ход революции. Ее первый громовый удар прокатился по югу и, как бы затихая, замер в центре и на окраинах России с тем, чтобы в 1905 г. начать с них, затаивших заветы всеобщей забастовки третьего года.

Не останавливаясь на вопросе взаимной обусловленности экономических репрессий, с одной стороны, и революционных выступлений пролетариата, с другой, проследим дальнейший ход экономики России за 1905 г.

Если мы обратимся к цифрам выплавки чугуна за 1905 год, то мы увидим, что начиная с последней четверти 1904 года, в продолжение 3-х первых четвертей 1905 г. происходит постоянное понижение добычи, которая достигает перед октябрьской забастовкой максимума падения, не повышаясь к декабрю и в продолжение всего 1906 г.; производство полупродукта, быстро падая с четвертой четверти 1904 года, достигает в первой четверти 1905 года—в момент январо-февральских забастовок—

---

[1]) 1904 г. 24/IV (сухопутн. блокада Порт-Артура). 14/VIII (Ляоян). 17/XII (П.-Артур).

Берлин . . 89,75	91,70	90,80
Париж . . 88,75	92,10	89,51
24/II (Мукден).	12/V (Цусима).	См. Финн-Енотаевский.
89,75	84,50	Соврем. хоз. России,
89,40	84,20	158 стр.

[2]) „Правда“, 1904 г., апрель.

низшей цифры падения, поднимается несколько во вторую и третью четверть с тем, чтобы опять-таки в октябрьскую забастовку и, вообще, в четвертую четверть пасть почти до цифр января м-ца; такое же движение имеем и с готовым продуктом. Что касается добычи угля за 1905 год, то, оставаясь в целом за год ниже предшествующего года, добыча в первую четверть падает, во вторую—поднимается и в октябре-декабре падает.

Рассматривая индустрию общим фоном, на котором развертывается революционное движение 1905 года, нужно признать, что этот фон, как никогда, расшатан, неустойчив, колеблясь и достигая минимума производства как раз в месяцы наиболее ожесточенной классовой борьбы—первая и четвертая четверти 1905 года,—будучи, очевидно, этой борьбой частично обусловлены.

Обращаясь к цифрам котировки русских ценных бумаг на Парижской бирже, мы видим громадное же падение их цены за 1905 год. [1])

II.

Касаясь движения цен на предметы потребления рабочего за 1904—1905 г.г., мы замечаем, что в то время, как повышаются в цене хлебные, животные, масличные продукты, дешевые сорта прядильного производства значительно понижаются.

Достаточно привести несколько цифр для Питера и Москвы. За январь—сентябрь 1904 г. в среднем в Петрограде ржаная мука стоила 84,6 коп за пуд, за те же месяцы 1905 года—90,6 коп., при этом показателем высшей цены для 1905 года будет март и сентябрь (97,1 к. и 95,2.). В 1905 году мука дорожает за девять месяцев—против 1904 г.—на семь процентов сентябрь 1905 года—против 1904 г.—показывает повышение на 17%. Для Москвы соответствующие цены будут в 1904 г. 75,5 к. пуд., 1905 г.—90,6 коп., т.-е. повышаются на 16,7%. Пшено за те же месяцы в 1904 г. в Петрограде стоило 115,8 коп., в 1905 г.—152,3 коп., что дает 32% повышения, для Москвы—1904 г. 99,3 коп., 1905 г.—140,6 к., или 41% повышения. Мясо наиболее употребительного сорта не дает большого скачка вверх, повышаясь в Петрограде на 3%, в Москве на 10%. Последняя четверть 1905 года дает в отношении товарных цен следующие цифры: ржаная мука в СПБ за окт.—декабрь в среднем на 5,7% выше тех же месяцев 1904 г.; в Москве же этот % будет равен 33,3; пшено не терпит зачительных изменений (понижаясь в цене для СПБ и повышаясь для Москвы).

В то время, как указанные выше продукты растут в цене, миткаль, напр., падает в Петрограде на 13%, в Москве на 14%.

---

[1]) Котировались в Париже

	3% рента 1891 г.		4%—1889 г.	
к концу 1894 г.	83,80		89,00	
23/I 1905 г.	69,90	(Нач. револ.)	84,75	
30/V „	79,35	(Цусима)	88,60	
31/VIII „	81,00	(Мир. закл.)	89,75	
31/X „	78,10	(Всеобщ. заб.)	88,90	
13—18/XI „	72,35	(Погр. и волнения)	84,75	
1/XII „	71,50	(Севаст. мят.)	86,75	
4/XII „	63,80	(II. - т. забастов., бирж. пан.)	77,00	См. Финн-Енотаевский „Сов. хоз. России", 158.
25/XII „	63,20	(Вооруж. вост.)	77,90	

Числа по новому стилю.

Из приведенных данных отметим, что Москва является более чуткой в отношении колебания цен, давая большее повышение и большее падение.

Лященко, изучая факторы хлебного снабжения, констатирует у нас наличие с 80-х до 900-х г.г. тенденции хлебных цен к понижению; при этом в нечерноземных губерниях, преимущественно промышленных, для ржаного хлеба это понижение идет более быстрым темпом, чем в черноземных [1]). В пятилетие же с 1900 по 1905 г.г. налицо повышательная тенденция, на что указывает следующая таблица:

Годы.	Хл. пр.	Жив. пр.	Масл.	Пряд. мат.	Ископ.	Бакал.
1895—1899 г.г.	100	100	100	100	100	100
1900—1904 „	112,5	118,4	117,0	125,5	108,7	110,7

За 100 для верхнего ряда принята средняя годичная цена за 1895—1899 г.г. [2])

Таким образом, приведенные мною для Петрограда и Москвы по немногим продуктам (рожь, пшено, мясо и миткаль) цены за 1905 г. нисколько не являются случайными по своему направлению кверху, являясь, наоборот, свидетельством все продолжающегося с начала XX века повышения цен, притом для упомянутых городов повышения особенно интенсивного. Нас сейчас не интересуют причины этого повышения,—мы, констатируя этот факт, ставим усиление революционного движения с начала XX века в функциональную зависимость от него.

Итак, из создавшегося скрещения социально-экономических факторов, направленных прежде всего против интересов рабочего класса, нужно было искать выхода. Это искание вылилось в 1905 г. в первую русскую революцию. Корни ее лежат не в кризисе и не в русско-японской войне, которые играли роль лишь повода к революции. Ее корней нужно искать в развитии производительных сил страны и производственных отношений, конкретно—в развитии русской крупной индустрии и экономически-правовом положении пролетариата.

III.

Экономическое положение рабочих в России до 1905 года.

Маркс в первом томе говорит: «Самые естественные потребности, как-то: пища, одежда, жилища и т. д., различны в зависимости от климатических и других особенностей природы той или иной страны. С другой стороны, размер так называемых необходимых потребностей, равно как и способы их удовлетворения, сами представляют продукт истории и зависят, по большей части, от культурного уровня страны, между прочим и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями, сформировался класс свободных рабочих. Итак, в противоположность другим товарам, определение стоимости рабочей силы включает в себя исторический и моральный элемент» [1]).

Что нужно отметить, как особенность для русского пролетариата при оценке его жизненного уровня, помимо тех климатических условий, на которые указывает Маркс, так это те привычки и жизненные

---

[1]) „Вестник Финансов.“ 1906 г., № 22. Лященко, „Статист. изучение факторов хлебного снабжения, 342 стр.

[2]) Таблица составлена по цифрам Свода товарных цен за 1904-1906 годы.

[3]) Маркс. „Капитал“, т. I, стр. 146, изд. Госиздата.

притязания, с какими сформировался класс русских рабочих. На ранних ступенях нашего промышленного развития—ремесленный, кустарный и мануфактурный период—русский рабочий был крепостным. Он не прошел той школы ученичества, подмастерства и мастерства, которые прошел рабочий Запада. Внутрецеховая организованная борьба ему не знакома. Ремесленником или рабочим мануфактуры он выступает, зная лишь крепостнические отношения сравнительно слабо развитого менового общества. Культурный уровень его в целом (материальный и духовный) очень низок.

Оформление русского рабочего класса, как класса для себя (XIX в., вторая половина), происходит опять-таки в условиях полукрепостнического хозяйства, когда деревня со всей своей «культурой» давит на город, а вместе с ним и на рабочего.

На последнего постольку, поскольку (это относится и к началу XX в.) пролетаризующаяся деревня является главным поставщиком промышленной резервной армии, а в «общем и целом широкие колебания заработной платы, — говорит Маркс, — регулируются исключительно расширением и сокращением промышленной резервной армии» [1]). Постоянное наличие колоссальной армии в деревне во всякий момент готовой нахлынуть в город за заработком, сводило положение рабочего города почти до уровня жителя полуфеодальной, пауперизирующейся деревни. Если в русской деревне—лачуги, то в городе—казармы и углы; если русский крестьянин надевает драную самотканную поддевку, рабочий в городе вынужден довольствоваться поношенным пальто; если в русской деревне—хлеб и вода, у рабочего в городе весь обед с хлебом и приправой—3—5 коп. ценой; если в русской деревне 80% неграмотных, то редкий рабочий в городе читает газету, и т. д.

Таковы основы, при которых продолжал формироваться русский рабочий. Но для XX в. был уже и другой тип рабочего, который особенно беспокоил таких людей, как, например, начальника Балт. завода К. Ратника, который в своей докладной записке, представленной в правление завода в декабре 1901 г., говрит: «Самый беспокойный и распущенный состав мастеровых на заводе—из мещан и ремесленников, а затем из детей безземельных крестьян, выросших в городе; большей частью грамотные и по-своему начитанные, они, к тому же развитые и юркие, нередко даровитые; они всегда мастеровые, а не рабочие, имеют хороший заработок, которого им редко достает по широко развитым городским потребностям. Среди этой молодежи,—замечает Ратник,—пока она не натерпится какого-либо горя, развивается наиболее активный элемент рабочего движения, увлекающий других всякими мерами, хотя бы насильственными» [2]).

Ратник говорит о широко развитых городских потребностях и в то же время о квалифицированных рабочих,—очевидно, это и есть тот класс потомственных пролетариев, порвавших связь с деревней и подобно которым к тому времени—1901 г.—на Балт. заводе было до 53% (процент неимеющих совершенно надела [3]).

Несколько иначе обстоит дело с рабочими и высотой их потребностей на предприятиях первых пяти групп промышленности: обработка

---

[1]) Маркс. «Капитал», т. I, стр. 655.
[2]) Архив истории труда в России. Кн. 2-я, стр. 81.
[3]) Там же, стр. 80.

хлопка, шерсти, шелка, льна, пеньки и джута, смешанных производств по обработке волокнистых веществ. Как менее квалифицированные, они на фабриках пополняются рабочими, имеющими большие связи с деревней. Это общеизвестно. Все же я приведу несколько цифр относительно рабочих Иваново - Вознесенска и Трехгорной мануфактуры. На связь с деревней показывает территориальная узость того района, из которого притягивается рабочая сила. Так, в Иваново-Вознесенске рабочие (за исключением механиков и служащих) прежде всего более чем на 90%—крестьяне, не-крестьянских сословий насчитывается от 5,3% до 10%. Ядром фабричного населения являются местные крестьяне; на губернии, кроме Костромской и Владимирской, приходится только 8,3% мужчин и 4,8% женщин. Другим моментом, указывающим на эту связь, является момент владения наделом. Из семейных рабочих к надельным крестьянам принадлежит 51,6% мужчин и столько же женщин, а из рабочих-одиночек надельных 58,4% мужчин и 42% женщин. Из безнадельных крестьян-рабочих некоторые—8% семейных и 16% одиночек—имеют в деревне дом и, следовательно, еще не окончательно порвали связь с деревней. Из надельных крестьян-рабочих большинство не только сохранило владение землей, но и обрабатывает землю: 27% семейных рабочих (из 55,6%) и 47% одиночек (из 58,4%) принадлежит к таким крестьянским семьям, которые сами ведут свое хозяйство. Создается как будто бы картина самой органической связи рабочих с деревней. Но если мы обратимся к другому факту, который, по мнению автора только что цитированных строк, является «лучшим показателем действительной связи с деревней»—единства семейного бюджета и участия рабочего в платежах общих повинностей, то эта картина несколько меняется. Оказывается, что из числа семейных рабочих мужчин совсем не посылают в деревню денег—85,4 % и из одиночек—60%.

Огромное большинство, таким образом, рабочих-крестьян отделилось от деревенской семьи в своих расходах [1]).

Приблизительно то же имеется и на Трехгорной м-ре—94% всего рабочих дали Московская, Рязанская, Владимирская, Смоленская, Тульская и Калужская губернии. Крестьяне-рабочие имеют, очевидно, аналогичную с иваново-вознесенскими связь с деревней. Эта связь—меньшая для семейных сравнительно с одиночками—в общем идет по линии окончательного отрыва от деревни. Но уже оторванные рабочие все же не могут расширить своих потребностей до пределов городского рабочего, поскольку постоянно притекают в город на неквалифицированную работу массы пролетаризирующегося крестьянства.

Помимо этих общих условий, определяющих уровень жизни рабочего России для того периода, на котором мы останавливаемся— годы перед революцией,—необходимо отметить наличие общего и затяжного кризиса. Если при конкурентной борьбе между капиталистами на рынке путем понижения цен товаров капиталисты стараются выиграть на понижении заработной платы, то в период кризиса положение рабочего становится наиболее критическим,—увеличение безработицы и тем самым резервной армии, о влиянии которой выше было сказано, уменьшение заработка, как массовое явление, увеличение рабочего дня и пр.,—все это,

---

[1]) К экономическому положению рабочих в русской промышленности. М. 1907 г. По поручению Музея содействия труда о стачке иваново-вознесенских рабочих 12 мая—22 июля 1905 г. очерк составил Воробьев.

вместе взятое, не будем забывать, говоря о действительном положении русского рабочего.

Когда для сравнения картины с ее историческим происхождением хочешь сравнить Россию с какой-либо другой страной, то, как мне кажется, наиболее подходящей является современная Япония—эта страна для того времени «восходящего солнца», а не Германия и, тем более, не Америка.

«Страна восходящего солнца» постольку, поскольку там происходит аналогичный России процесс быстрого развития капитализма в условиях крепостничества и поскольку там, как следствие этого последнего, имеется налицо и разлагающаяся деревня с ее резервной армией, постоянно и сильно давящей на город, и низкий жизненный уровень жизни трудящихся.

IV.

Заработная плата.

Маркс блестяще доказал, что в погоне за большой прибавочной стоимостью капиталисты экономят положительно на всем, что касается рабочих. Несмотря на то, что «условия производственного процесса являются также условиями активного жизненного процесса рабочего», условиями его существования, все же этот процесс производства обставляется крайне примитивно. Маркс говорит, что «экономия приводит к переполнению тесных нездоровых помещений, что на капиталистическом языке называется сбережением на постройках; она требует, далее, нагромождения опасных машин в одном и том же помещении и отсутствия приспособлений, предохраняющих от опасности, отсутствия мер предосторожности в процессах производства, которые по своей природе вредны для здоровья или сопряжены с опасностью, как рудники и т. п. Мы уже не говорим об отсутствии всех учреждений, предназначенных для того, чтобы очеловечить процесс производства, сделать его приятным или хотя бы только сносным для рабочего. С капиталистической точки зрения это было бы совершенно бесцельной и бессмысленной расточительностью. Вообще капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно расточительно в обращении с человеческим материалом»[1]). Маркс наблюдал условия производства на Западе 60-х, 70-х г.г., но то, что он говорит в приведенной цитате, может быть с полным правом отнесено и к России начала XX века.

Отмеченные выше особенности экономики России, когда деревня особо грубо давит на город, поставляя армию безработных, давала возможность капиталистам России выжимать большую прибавочную стоимость через понижение заработной платы, в зависимости от которой разрешались и квартирный вопрос и вопросы одежды, пищи, духовной жизни и т. д.

Вопросам заработной платы в России отводилось относительно больше внимания.

Нас в настоящее время не будет интересовать изменение заработной платы рабочих во второй половине XIX в. В целом она повышалась как для отдельных отраслей промышленности, так и для отдельных катего-

---

[1]) Маркс: „Капитал“ том III, стр. 60—61.

рий рабочих различно. Повышалась весьма медленно и на немного; при этом у рабочих большей квалификации заработок возрастал значительнее, чем у вспомогательных рабочих, у которых с 70-х г.г. до 900-х г.г. повышения совсем не наблюдалось.

Туган-Барановский приводит сведения относительно рабочих Шуйского уезда и их заработка за 1856—1858 г.г. Если остановиться на прядильщиках, то разница в заработке будет незначительной—с 14,58 в м-ц повышается до 16,25 р., т.-е. на 12%, у ткачей заработок за эти годы повышается на 4% (11,25 р. да 11,75 р.) [1]). За годы 1883 и 1896 имеются сведения от ряда бумаго-прядильных и бумаго-ткацких фабрик Владимирской и Московской губ. И эти сведения показывают, что у прядильщиков Влад. губ. заработок повысился на 10% (с 18,9 до 20,8 р. в м-ц), а у ткачей немного более—на 11% (с 14,2 до 15,8); московские прядильщики увеличивают заработок на 17% (с 19,7 до 23,0 р.), ткачи на 9% (с 17,12 до 18,7 р. [2]). Но если эти цифры перевести на цифры реальной заработной платы, то все %% увеличения не выручат рабочего Шуйских фабрик от того, что к началу 80-х г.г. его плата понизится «не менее, чем на 20—30%» [3]). К концу XIX ст. Туган отмечает повышение заработка рабочих. Что касается, например, чернорабочих уральской горно-заводской промышленности, то в начале 70-х г.г. они получали в день 30—36 к., а в 1897—25—35 коп., токаря за то же время получали в день 35—40 коп. и 35—60 коп. [4]).

Что касается начала XX века в отношении роста заработной платы, то наличие промышленного кризиса совсем не благоприятствовало ее повышению. Прежде чем остановиться на анализе движения заработной платы в России в XX в., сравним ее с западно-европейской и американской, чтобы тем самым подчеркнуть все ее относительно низкую величину.

В «Материалах об экономическом положении рабочих металлистов Петрограда» приводятся следующие цифры:

Слесаря	в Англии	зарабатывали	в месяц	64 — 78 р.
„	„ Германии	„	„	56 — 64 „
„	„ Петербурге	„	„	46 р. 80 к.
Токаря	„ Англии	„	„	64 — 70 р.
„	„ Германии	„	„	58 — 66 „
„	„ Петрограде	„	„	48 р. 60 к.
Чернорабочий	„ Англии	„	„	39 — 47 р.
„	„ Германии	„	„	39 — 47 „
„	„ Петрограде	„	„	21 р. 60 к.

Не входя в оценку абсолютной достоверности приводимых цифр, нам следует отметить лишь то, что по трем крупнейшим категориям у нас заработок, по крайней мере, на 20% ниже Германии, не говоря уже об Англии. Чернорабочие Питера вдвое меньше получают сотоварищей по профессии в Германии и Англии. В 1903 г. котельщик получал в час в Сев.-Амер. Соед. Штатах 57 к., в Англии—34 к., в Германии—22 к., во Франции—29 к., в Бельгии—15 к., в России в 1908 г. в среднем око-

---

[1]) Туган-Барановский. „Русская ф-ка", стр. 434.
[2]) Тоже, 440 стр., таблица.
[3]) Тоже, стр. 435.
[4]) Пажитнов. Некотор. итоги и перспективы в области рабочего вопроса в России. СПБ 1910 г., 42—44 стр.

ло 18 к., т.-е. в 3 раза часовой заработок котельщика в России меньше американского, почти в два раза—английского.

Приводимые цифры о слесарях, токарях и чернорабочих относятся к Питеру. Если взять те же профессии рабочих для горно-заводской промышленности Урала, то контраст будет неизмеримо значительнее. В слесарно-механических цехах слесарь и токарь получали одинаково— 14 р. 10 к. в месяц, а чернорабочий — 9,9 р., что для первых двух категорий рабочих будет в 6—7 раз ниже английского и в 5—6 раз германского, а для чернорабочих в 4—3 раза ниже английского и во столько же германского.

Сравнивать заработок американского рабочего с русским не приходится, просто по той недосягаемости расстояния, которое отделяет русского рабочего от американского. Зомбарт так формулирует анализ сравнительных цифр германского и американского рабочего [1]): американская заработная плата (за исключением Южных Штатов) на 100% выше, чем в областях Германии с самым высоким заработком и несомненно на 150—200% выше, чем в областях с низким заработком (восток и части юга).

Вполне естественно, что для русского рабочего в его требованиях первенствующее значение играет именно заработная плата, потом уже рабочее время, санитария и пр. В упомянутом уже выше докладе Ратника мы читаем: «При личных моих об'яснениях во время бывшего 3 дня бунта (1901 г.) с различными группами мастеровых слышалась общая жалоба, что большинство их едва может существовать на получаемый заработок, все они перезакладывали свое имущество, которое нередко пропадает за пустяки, так как они не в состоянии его выкупить и в настоящее время дошли до крйности после уменьшения сверхшабашных работ, при которой даже в случае преследования за бунт им хуже не может быть, а потому настоятельно требуют прибавки жалованья, чтобы выйти из нетерпимого более их бедственного положения. Это вопрос для мастерских самый жгучий и гораздо важнее сокращения рабочего времени по непосредственому его влиянию на текущую жизнь человека [2]). Упоминаемые сверхшабашные работы очень знаменательны для русского рабочего—их наличие свидетельствует об относительно низкой заработной плате за обычное время.

Теперь коротко остановимся на вопросе, как изменялась заработная плата рабочих отдельных отраслей промышленности в начале XX в. до 1904 г. включительно. Не забудем про то угнетенное состояние русской промышленности, в которое она вошла в 1899 г., имея некоторое ослабление кризиса в 1903 г. и его рецидив в 1904 г., с началом войны для промышленности I-ой группы—выработки волокнистых веществ и в конце 1904 г., начала 1905 г. — для промышленности в целом.

Проследить год за годом средний заработок для всех рабочих металлистов России, повторяю, пока не представляется возможным. Я останавливаюсь лишь на отдельных предприятиях, как мне кажется, типичных, и устанавливаю лишь тенденцию в ее изменении. Абсолютные цифры не будут играть большой роли; при этом останавливаюсь на 1901, 1903 и 1904 г.г. В 1901 г. на 11 заводах Питера, однородных по производству—металлических, средняя поденная плата мастеровым равнялась— 1 р. 37 к., (в м-ц 35 р. 62 к.), наименьшая 75—90 к. (19,5 или 20,40 при

---

[1]) Зомбарт. Очерки, стр. 111.
[2]) Архив истории труда, кн. 2-я, стр. 79.

26 рабочих днях в м-ц.) В то же время, если в одну рубрику включить всех рабочих, получающих менее 1 р. в день, то % таковых будет в среднем для всех упомянутых заводов равен 44,8, при этом для Балт. завода этот % повышается до 51,5, а для Путиловского завода до 74,84% [1]). Цифры заработка очень низкие. Немудрено, конечно, об'яснить, имея перед собой эти цифры, такое заявление рабочего: «Телом и душой социалист хотя 5 лет тому назад был глубоко религиозен. Много читал по истории религии и по политическим вопросам и пришел к окончательному выводу, что бога нет» и все же за 8 р. в м-ц поет в церковном хоре [2]).

С 1903 г. намечается тенденция к под'ему заработной платы. Так, цифры для Балт. завода будут такими: мастеровые всего завода получали в среднем ежедневно 1 р. 62 к., в 1903 г. в металлургическом отделении в паровозо-строительных мастерских рабочие получали 1 р. 93 к., в 1904 г. — 2 р. 04 к., на Путиловском заводе рабочие в 1901 г. получали 1 р. 28 к. в день, в 1904 же г.—1 р. 75 к. [3]).

Насколько увеличение заработка могло улучшить или ухудшить положение в условиях существования рабочего, можно судить по сведениям, которые приводит бюджетная анкета особой комиссии при XII отделе ИРТО: из 110 рабочих только 6 сводят приходы и расходы с разницей до 1 р. и только 24 зарабатывают больше, чем проживают; у остальных же 80 (72%) мы имеем дефициты: у 26 расход превышает доход не более чем на 10%, у 9 на 10—20%, у 15 на 20—30% и у 30 более чем на 30% [4]).

Значит, что касается заработка рабочих металлистов, то, наблюдая его повышение к 1905 г., мы должны это повышение признать чрезвычайно незначительным, неспособным хоть сколько нибудь удовлетворить несомненно возросшие потребности рабочего.

В еще худших условиях находились рабочие по обработке волокнистых веществ, хлопчато-бумажных и т. п. промышленностей.

Если принять, что Петербург является центром металлической промышленности, а Московская и Владимирская губернии—текстильной, и если сравнить средний годовой заработок рабочих этих губерний, то получится довольно яркая картина значительной разницы в их размерах. Приводимая табличка цифр красочнее всяких слов говорит об этой разнице:

Годовой заработок рабочих в рублях.

	Моск. губ.	Владимир. губ.	Петерб. губ.
1901 г.	202,6	160,6	302,4
1902 „	191,1	160,5	336,2
1903 „	198,5	159,7	335,2
1904 „	204,4	163,4	366,1 [5])

Бросается в глаза, прежде всего, разница абсолютных цифр: московский рабочий в 1901 г. получал на 50% меньше питерского; владимирский же почти что на целых 90% (точно—88,7½). Те изменения, которые произошли за эти годы, говорят за относительную подвижность заработка металлиста и безотрадную устойчивость его у рабочего текстиля. В то

---

[1]) Архив истории, стр. 66.
[2]) Материалы об эконом. полож. и проф. орг. рабоч. метал. Питера 1909 г. СПБ. стр. 115.
[3]) Общие ежемесячные результаты за 1904 г. Из арх. Путил. завода.
[4]) Материалы об экономич. полож., стр. 114.
[5]) Вестник мануфакт. промышл. Иоксимович. Забастовки, налоги, стр. 6.

время как за годы с 1901 по 1904-й у первого заработок повышается на 21,2%, у второго увеличение не измеряется даже двумя процентами. Из иваново-вознесенских рабочих до половины мужчин в среднем за целый год зарабатывает от 132 до 180 р., т.-е. в м-ц от 11 до 15 р., треть работниц получает значительно меньше того (от 6 до 10 р.). С заработком в 16 р. и более в м-ц среди работниц насчитывается не более 6%, а среди мужчин до 30%. С заработком в 21 р. и более среди мужчин зарегистрировано 13%, а среди женщин только 0,4% [1]). И без того низкий заработок понижается еще процветающими больше в текстильной промышленности штрафами. Стоит привести для примера, за что именно брали штраф на ф-ке Н-ков Зубкова (Ив.-Вознесенск.) Различные таксы взыскания установлены «за грубость, угрозы, брань и ослушание артельному старосте, пекарям и кухарям, сторожам в спальнях и банщицам» (5—30 к.). Само собой разумеется, что за «грубость, брань, угрозы лицам, принадлежащим к составу фабричной администрации» штраф увеличивается (5—50 к.). В результате такой сплошь штрафной обстановки, свидетельствующей, кстати сказать, о чрезвычайно угнетенном правовом положении на фабрике — рабочий из своего заработка вынужден еще отдавать в кассу «штрафного капитала».

В 1905 год рабочие, как металлисты, так и текстильщики, вступают, находясь в таком материальном положении, которое толкает их на путь революционных выступлений за экономические и правовые завоевания.

Рабочее время.

В области продолжительности рабочего времени мы имеем ту же безотрадную картину. Попытки правительственного регулирования продолжительности рабочего времени ни к чему реальному не приводили: на фабриках и заводах рабочее время устанавливалось предпринимателями. Где по формальным соображениям нельзя было продолжить его выше 11 с половиной часов, там практиковались сверхурочные и сверхшабашные работы, которые и доводили рабочее время до «японских» границ, т.-е 17 часов.

Все же нужно отметить, что на предприятиях металлический промышленности продолжительность рабочего времени была меньшая, чем на текстильных, а из последних — в Московском районе большая, чем в Польском (на чем и основано во многом рабочее законодательство и конфликты мануфактуристов польских, с одной стороны, и московско-иваново-вознесенских—с другой).

Гвоздев приводит в своих «Записках фабричного инспектора» следующие цифры, охватывающие 112 предприятий с 26 тысячами рабочих. Он говорит: «С 1901 г. в моем участке установился такой рабочий день: для сменных рабочих мануфактурных фабрик—9 часов, для всех рабочих, работающих в одну смену—11 с половиной часов и для рабочих, занятых непрерывным производством, а также работающих по уходу за паровозами, котлами, сторожевою службой и т. п.—12 часов [2]).

На Прохоровской мануфактуре рабочий день продолжается вплоть до 1905 г. — 11½ часов, при этом были распространены сверхурочные работы, которые значительно удлиняли рабочий день. На 11 заводах Петрограда, на которых мы останавливались, говоря о заработной

---

[1]) К экономич. положен. рабочих в русск. промышленности. М. 1907 г.
[2]) Гвоздев. Записки фабричн. инспектора 1894 — 1906 г.г. М. 1911, стр. 91.

плате, продолжительность была следующая: на 4 заводах был 9-часовой рабочий день, на 4—10½, на 2—11 часов и на 1 железопрокатном)—даже 11½-час. рабочий день, и на этих заводах имели место сверхшабашные работы, в виду которых и соответствующего понижения заработка путиловцы в 1901 г. «бунтовали». До 1905 г. уменьшения продолжительности рабочего дня не наблюдалось за исключением тех случаев, когда сами предприниматели сокращали этот день, а иногда и целые дни, недели, толкаемые на этот путь затяжным кризисом. Но тогда подобные сокращения, естественно, сопровождались расчетом рабочих или уменьшением их заработка.

Жилище.

Получая мизерную заработную плату, проводя почти половину своей жизни за станком, русский рабочий не имел и хорошего угла для своего отдыха и семейного очага.

Система англо-американских коттеджей русскому рабочему незнакома. Он больше знает казарму, углы и все такое, что с большой натяжкой можно назвать квартирой. Впрочем, лучше об этом сказать словами фабричного инспектора: «В моем участке,—говорит он,—находятся жилища всех обычно существующих типов (заметим «обычно» и «типов»): отдельные домики в несколько квартир, чаще в две квартиры, — исключительно при небольших фабриках и заводах, расположенных в глуши, каморки в общих казарменных зданиях с размещением в них по 2, по 3 и даже 4 семьи и общие спальни, мужские и дамские, часто с нарами в два этажа; но, кроме того, у меня были и вполне оригинальные помещения, кажется, нигде более не встречающиеся: это были тоже общие спальни, но только в них отдельные места на нарах были несколько шире и отделялись друг от друга более высокими, достигающими полутора аршин, переборками; на этих местах помещались пары: муж и жена, занавесившись со стороны прохода грязными тряпками. Такие помещения назывались «семейными» [1]), добавляет инспектор.

Упоминаемый выше начальник Балтийского завода называет помещения рабочих изнурительными по нездоровью и нравственному расстройству, похожими скорей на общие берлоги, чем на уютные покои для отдыха [2]).

Рабочий путиловец на мой вопрос о том, в каких помещениях они жили, очень коротко ответил: «скверно... Подвалы, чердаки, углы... Семейные—семь человек в маленькой каморке... холостые жили лучше». Это было в то время, когда Наврский район жилищного кризиса вблизи завода не испытывал, так как в эти годы он быстро застраивался.

В Москве дело было еще хуже: рабочий Иванов—кондитер,—хозяйские квартиры называет клоаками грязи: «весь дым, смрад, мучная пыль—все это падает в спальню рабочего» [3]).

На Трехгорной м-ре были казармы; при этом поступающие муж и жена должны были жить: муж в холостецкой, жена в девичьей и т. д.

В заключение для квартирного вопроса можно принять, как правило, следующие два положения: 1) чем больше квартира, тем больше приходится куб. сажен. на одного жителя, т.-е. тем меньше ее плотность

---

[1]) Гвоздев. Записки, стр. 151.
[2]) Архив, стр. 85.
[3]) Иванов. Проф. движ. рабочих бул.-пек.-конд. произв. М. 1920 г., стр. 13.

населения, и, наоборот, и 2) чем меньше квартира, тем куб. саж. воздуха в ней для одного жителя и чем больше, тем дешевле [1]).

В зданиях, размером куб. саж. . .	5;	5—10;	10—15;	15—20;	20—30;	30—40;	40—50;	50—60;	60—100
На одного жителя приходится к. с. воздуха	0,79	1,14	1,50	1,72	2,13	2,82	3,33	3,90	5,30

При этом цена меньших квартир дороже квартир больших: плата за куб. саж. воздуха в квартирах:

	Тверь.	Тула.
до 1 куб. саж.	19,14 руб.	—
от 1 до 2 „ „	16,23 „	21,39 руб.
„ 10 „ 12 „ „	9,38 „	12,75 „
„ 24 „ 32 „ „	8,67 „	9,66 „
б. 64 „ „	6,85 „	—

Эти положения в жизни рабочего означают то, чем меньше заработок у рабочих, тем в худших квартирах они селятся и в то же время относительно больше платят за 1 куб. саж воздуха.

Насколько примитивна обстановка внутри рабочих казарм — говорить не приходиться. В Иваново-Вознесенских Ямах (пригород) казармы у коек не имеют ни табурет, ни столиков. Рабочий может иметь свой сундук и держать его под койкой. У окон поставлены небольшие столы для общего пользования: один такой стол со стулом приходится в казарме на 10—12 человек. На что нужно еще обратить внимание, так это на внутренний распорядок казарм.

В § 15 условий расчетной книжки ф-ки Новикова (Ямы) читаем: «Посещение живущих в зданиях ф-ки родственниками и знакомыми разрешается только с 10 ч. утра до 7 час. вечера с ведома заведующего фабрикой; при чем прием родственников и знакомых разрешается только в столовой.

§ 22. Игры на гармонике и др. инструменты, а также пение недозволительных (?) песен и пляски в спальнях не допускаются в будни, в обеденное время и ежедневно после 8 час. вечера, а накануне праздников с 6 ч. веч. [1]). Дальше этого, кажется, итти уже некуда—со стулом на 10 чел. и действительно «патриархальными отеческими» заботами г. Новиковой жили рабочие текстильного Иваново-Вознесенска.

Пища и одежда.

Американец питается преимущественно мясом, плодами, мучными блюдами, белым пшеничным хлебом, тогда как немец—картофелем, колбасой и черным (ржаным) хлебом,—говорит Зомбарт [2]). У русского крестьянина есть излюбленное блюдо—щи и каша. Рабочий недалеко ушел от этих блюд: в праздники у него чай с ситным хлебом, в обед суп, картошка, мясо 3-го сорта, каша, селедка, вот и все. «По точному, лично мною проверенному подсчету,—говорит Гвоздев,—на одной фабрике муж-

---

[1]), «Правда», 1904. О причинах дороговизны квартир в рабочих кварталах, стр. 203—204.

[2]) К экономическому положению рабочих, стр. 6.

[3]) Зомбарт. Очерки, стр. 126.

ской артели ткачей в 1.200 чел. продовольствие обходилось на каждого человека в день мясоеда семь с половиной копеек, в пост—пять три восьмых копейки. На той же фабрике женской артели в 700 человек скоромный день обходился в пять три четверти копейки, постный—в три три четверти копейки. Дальше,—говорит он,—повидимому, уже итти некуда—ни на одной фабрике стоимость харчевания не поднималась выше 9 с половиной копеек».

Нельзя, говоря о харчевании рабочего, упустить из вида систему фабричных лавок. Она удовлетворяла в сущности все той же цели капиталиста—выбить из рабочего как можно больше прибавочной стоимости, совсем, в большинстве случаев, не удовлетворяя рабочих. Рабочие Прохоровской мануфактуры вспоминают, как они прямо из котла общей кухни положили на носилки никуда негодное мясо, отнесли его к фабричной лавке и там перед дверьми его бросили. Подобные случаи—недоброкачественности товаров в фабричной лавке—не единичны.

Что касается одежды, то и в этом вопросе та же неприглядность. Не говоря о профессиональной одежде, приобретаемой более квалифицированными рабочими в кредит, большинство неквалифицированных носят самое разнообразное—начиная от самого летнего в зимнюю пору и кончая зимним в летний сезон,—что дешевле купится, то и носится, не считаясь со временем года. 43 из 110 человек ответивших, читаем мы в материалах об экономическом положении рабочих металлистов Питера, не имеют возможности покупать одежду и обувь новыми; они вынуждены довольствоваться одеждой с чужого плеча, покупая все изношенным [1]).

Правовое положение рабочих до 1905 года и фабричное законодательство.

Приводимые выше сведения о заработной плате и штрафах, о казармах и регламентирование со стороны предпринимателя внутреннего его распорядка—все эти факты обнажают перед нами, помимо крайне тяжелых материальных условий существования рабочих, еще полную его бесправность. Рабочий не устраивает своей жизни, как то ему хотелось бы в пределах получаемых им рессурсов; мало того, что он вынужден не возражать администрации, но он сплошь и рядом вынужден оскорбления администрации вбирать в себя с тем, чтобы вылить путем грозной забастовки, дружным революционным взмахом поставить вопрос и явочным порядком его разрешить...

Что дело будет разрешаться со стороны рабочих именно такими методами можно было предсказать немного раньше, чем это сделали сами промышленники. Они немного запоздали с своим заявлением о том, что «в течение последних 2—3-х десятков лет наше фабричное законодательство тогда только проявляло свою деятельность, когда обнаруживались острые проявления внутреннего недостатка и когда дело доходило до бунтов, беспорядков и открытого неповиновения законам» [2])... В 1905 году хватило духа у промышленников сделать такое запоздалое заявление. До 1905 года они довольно благосклонно внимали пресловутым потугам правительства «регулировать» взаимоотношения капиталиста с рабочими.

---

[1]) Материалы об экономическом положении рабочих, стр. 115.
[2]) Записки Совета Съездов горнопромышленников Урала. СПБ. 1906 г.

К этому регулированию прибегали с чрезвычайной неохотой и вызывалось оно или нажимом рабочих или же конкуренцией между собой фабрикантов. Первое особенно чувствовалось министерством внутренних дел — этим блюстителем феодальных отношений в России, — которое, с точки зрения капиталиста, иногда даже через меру, думало вмешиваться в дела капиталиста и рабочего (конфликты мин. фин. и внутр. дел, зубатовщина, гапоновщина, ушаковщина и т. п. «мероприятия»). Второе—конкуренция в среде капиталистов—приводила иногда к регулированию продолжительности рабочего времени (польский и центрально-промышленные текстильные районы). Но в целом, нужно сказать, что чего либо ощутительного для рабочих фабричное законодательство не давало. Не давало просто по одному тому, что тот или иной издаваемый закон сопровождался обыкновенно соответствующими инструкциями градоначальнику, или же предусматривал ряд исключений, которыми очень широко пользовались, а в конце концов, через год-два, в закон официально вносились «поправки», сводившие этот закон к нулю или почти к нулю.

Закон 1882 г., устанавливающий предельный возраст детей, допускаемых к работе на фабриках и заводах, 12-ю годами, возлагающий на фабрикантов обязанность озаботиться о школьном обучении детей, кладущий основу институту фабричных инспекторов; затем, закон 1885 г., запрещающий женщинам и подросткам ночные работы на хлопчато-бумажных, полотняных и шерстяных фабриках, — эти законы в 1890 г. вновь обсуждаются в Гос. Совете, где и претерпевают соответствующее изменение: 1) при непрерывной 18-тичасовой работе предприятия подростки 12—15 лет могут работать в течение 9 часов в сутки (раньше закону 1882 г. они должны были работать 8 часов с 2-часовым перерывом); 2) допускается работа женщин и подростков в некоторых особо уважительных случаях: после продолжительной, вызванной несчастьем, остановки в работе или вследствие усиленного поступления заказов перед ярмарками и т. д., и ряд других «поправок».

Законы 1886 и 1897 г.г., регулирующие условия найма рабочих, продолжительность и распределение рабочего времени взрослых рабочих составлены были так, что в первых пунктах предоставляют кое-что рабочим, а заключительным пунктом дают возможность фабрикантам все данные отбирать назад; закон 1886 г. запрещает выдавать жалованье рабочим товарами своего производства, купонами и друг. знаками, вместо денег, а также удерживать с рабочих плату за медицинскую помощь, освещение мастерских и пр., затем хозяева не могут делать вычеты за долги из заработка рабочих, но тут же мы читаем, что штрафовать рабочих за неисправную (?) работу, прогул и нарушение правил внутреннего распорядка (?)—не возбраняется.

Закон 1897 года вводит для дневных рабочих 11 с половиной часовой рабочий день в сутки, по субботам и накануне праздников—10 часов; раб. день для ночных работ—10 часов в сутки; но тот же закон вводит сверхурочные работы, которые за год не должны превышать 120 часов. Этот же закон упоминает об отступлениях от него для предприятий с непрерывным производством, которые не могут останавливаться, не портя приборов и т. д. [1]).

---

[1]) Сборник узакон., прав. и распор. по делам, касающ. фабр. инспекц., вып. I, СПБ. 1898 г., стр. 162, 166, 172, 177, 193 и сл.

Даже в такой форме закон 1897 г. существовал без «поправок» лишь один год—в 1898 г. министерство финансов циркуляром предписывает фабричным инспекторам не считаться строго с требованиями закона о соблюдении нормального числа сверхурочных часов, мотивируя это тем, что, мол, подобные ограничения препятствуют рабочим увеличивать заработок. Этот циркуляр и привел к массовому появлению принудительных сверхурочных работ.

Взаимоотношения фабриканта, фабричного инспектора и рабочего с достаточной яркостью могут быть представлены приводимыми ниже цифрами:

Во второй половине 1900 г. фабрикантами было заявлено за самовольный уход рабочих 2.188 жалоб, инспекция привлекла к суду 872 человека, а суд оказался милосерднее инспекторов и по его решению виновными оказались лишь 293 человека. К фабрикантам отношение другое: закон о ночной рабоче детей был нарушен за два с половиной года (вторая половина 1900, 1901, 1902 г.г.) 45 раз, протоколов же было составлено только два; закон 1907 года был нарушен фабрикантами 4.562 раза, а протоколов было составлено 152; за 1902 г. всего нарушений было 28.606, составлено же протоколов 1.603 [1]). Инспектора были в большинстве случаев на стороне интересов фабрикантов, к последним при всяком конфликте на предприятиях они являлись, редко внимательно выслушивая другую сторону.

В заключение нужно упомянуть закон о фабричных старостах 1903 г. (10 июня). Для организованных переговоров фабриканта с рабочими, там, где это найдет нужным фабрикант, учреждается институт старост от рабочих. Рабочие выбирают кандидатов в старосты, из которых фабрично-заводским управлением и утверждается один старостой. Последний должен служить посредником во всех вопросах, связанных с исполнением условий найма и быта рабочих. Нечего говорить про то, что рабочие были лишены средств так или иначе поддержать свои желания. Естественно, конечно, что это уродливое произведение бюрократического измышления не нашло себе сколько-нибудь значительного применения. В комиссии Коковцева указывалось, что старосты введены всего в 30—40 предприятиях [1]). Только 1905 г., вторая его половина, ставит вопрос о правовом положении рабочих. Пятый год создает революционную организацию рабочего класса С. Р. Д., он же дает возможность рабочему классу почти каждого предприятия нащупать свою фабричную конституцию—депутаты, старосты, круговая порука, комитеты, наконец, союзы—все это продукт революционных завоеваний 1905 года. Если же пытаться охарактеризировать правовое положение рабочих России до 1905 года, то немногим мы рискнем, если вместе с иваново-вознесенским рабочим и его же словами закончим эту страничку. «И чего же ожидать хорошего,—говорит он,—рабочему человеку от фабрики! ведь это второе крепостное право, где рабочий лишен своего права, а если хочет он быть хорошим рабочим, так выполняй все требования хозяина безусловно, а не хочешь этого делать, так и уходи на всю свою волю, на все четыре стороны» [3]).

Какие же этапы революционной борьбы прошел русский рабочий в начале XX в. до 1905 года, которые подготовили его к первой революции?

---

[1]) Семь дней. Журнал М. 1906 г. К рабочему вопросу. О фабричной инспекции.
[2]) Пажитнов. Положение рабочего класса в России. СПБ. 1906 г., стр. 161.
[3]) „Вестник Финансов.“ 1906 г., № 17, стр 131.

Быстрый под'ем промышленности последних лет (1895—1898 г.г.) XIX в. использовывается русским рабочим с большей энергией, чем в предшествующие годы для борьбы за свое улучшение. Растут абсолютные числа охваченных забастовками предприятий и участников забастовок. При этом, как при всяком под'еме промышленности, стачки в эти годы кончаются с некоторым успехом для рабочих. Этот успех приводит, с одной стороны, к более широким перспективам в русском рабочем движении, и социал-демократия именно в эти годы находит себе непосредственную поддержку в рабочих кружках, с другой—эти же годы кладут основу «экономизму». Грянувший общий промышленный кризис в 1900-х г.г., хоть и ослабил энергию рабочих к непосредственной борьбе за улучшение своего положения (уменьшение числа стачек и участников—это доказывает), но сослужил большую службу для рабочего движения, определив его рамки, как исключительно социал-демократические. Этап оформления начерно был пройден. Чтобы оформиться окончательно к первой революции—не хватило времени. Частичное улучшение промышленной кон'юнктуры, наметившееся в 1903 г., отмечается колоссальным взмахом рабочего стачечного движения этого года. Юг дает первый всплеск революции и намечает даже ее методы—всеобщую забастовку.

Предпринятая в 1904 г.—по словам Плеве—для отвлечения внимания от внутри страны разгоревшагося пожара—русско-японская война, сыграла для 1904 г. свою роль и кажется, за все предшествующее десятилетие, не было таких малых цифр, как для числа охваченных стачками предприятий (0,4% от общего числа), так и для числа бастующих рабочих (1,46% к общему числу рабочих). Но уже сама ничтожность этих цифр невольно наводит каждого на ту мысль, что рабочий уж очень угрюмо утих, ушел в себя, словно готовит решительный удар на завтра... Так и случилось....

Итак, в годы промышленого кризиса в условиях крепостнического режима, будучи экономически угнетенным и юридически совершенно бесправным, вступает русский пролетариат в революцию 1905 года. Он уже начерно идеологически определился, наметил себе социал-демократический путь, мало того, он приобрел уже опыт борьбы и мог выставить лозунг всеобщей забастовки... Он уже чувствовал себя силой и готовился к решительной схватке...

1905 год.

Основным моментом пролетарской борьбы в России начала XX в., как для нащупывания почвы социальной революции и соотношения сил, так и для учета опыта методов классовой организованной борьбы, является 1905 год со всеми его удачами и неудачами.

Русский пролетариат прошел как бы ускоренным темпом ту школу революции, которую западно-европейский пролетариат начал проходить с 1848 года.

Играя руководящую роль в революции пятого года, пролетариат об'ективно лил воду на буржуазную мельницу. Силой вещей он имел об'ективно и союзника себе в борьбе с самодержавием в лице либеральной буржуазии. Последней же важно было могучими пролетарскими и тем самым чужими руками политический жар загребать. Когда же эти «чужие руки» с особенно сильным напором вздумали загрести восьмичасовой рабочий день и ряд других для себя улучшений, либеральная бур-

жуазия отшатывается в об'ятия самодержавия. Об'ективный союз пролетариата и либеральной буржуазии нарушается (оправдывая тем самым позицию «большинства» в Р. С.-Д. Р. П.), налицо—соглашение буржуазии с самодержавием. Классовая борьба приобретает наиболее выпуклые формы,—даже экономические требования и методы их выявления, будучи крайними, при новом соотношении сил, носят характер политически-классовой борьбы. А при таком положении для победоносного хода революции нужно было бы иметь помимо революционного энтузиазма части рабочих еще единство всего класса, скованного в определенные организационные формы политической партии, способной во всякую минуту силе буржуазии и самодержавия противопоставить силу союза рабочих и крестьян. Всем ходом предшествующих событий была создана первая сила, но не было создано второго—союза. К тому же самый об'ективный смысл революции 1905 года, ее буржуазное содержание таило в себе все то, что готовит поражение пролетарской революции. Несмотря на кризис промышленности, как для предшествующих годов, так и для 1905 года, русская буржуазия находилась в таких условиях, что еще могла итти пролетариату на уступки. В 1905 году не было того тупика, в который буржуазия зашла в 1917 г. В то время дело сводилось к тому, что буржуазия могла делать уступки рабочим, не теряя столько, что могло бы ее самое свести на-нет. В то время она с нормы прибыли в 20—30% сползала к норме прибыли в 10—15% (примерные цифры), что уже вовсе не так страшно для существования самой буржуазии. «Наступление капитала», выражаясь современным языком, началось годом позднее, на протяжении же трех четвертей 1905 г. буржуазия, в первую очередь средняя, направлялась против самодержавия, частично удовлетворяя требования рабочих.

Рабочие же прибегают к испытанному средству борьбы—забастовкам и демонстрациям. Колоссальная по числу рабочих концентрированность русских предприятий приводит к охвату забастовочным движением громадных масс рабочих; крайняя их эксплоатация, экономическое угнетение неизбежно вызывает сильную напряженность этой борьбы, а полное безправие, политический кулак, отсутствие всяких парламентских иллюзий передвигает очень часто борьбу из плоскости экономической в плоскость политическую.

Обращаясь к цифрам стачечного движения рабочих за 1905 год с его результатами, что мы видим? Прежде всего, 1905 г. отличается как от предшествующих, так и от последующих лет своими поразительно высокими цифрами бастующих рабочих и охваченных забастовками предприятий [1]):

Годы.	Число заведений, охвачен. стачками.		Число рабочих, участников стачек.	
	Абсолют.	В %% к общему числу предпр.	Абсолют.	В %% к общему числу.
1895	68	0,36	31.195	2,01
1899	189	0,99	57.498	3,83
1903	550	3,21	86.832	5,10
1904	68	0,40	24.904	1,46
1905	13.110	93,2	2.709.695	163,8

[1]) Варзар. Статистика стачек рабочих за 1905 г. С. П. Б. 1908 г., стр. 5.

В 1905 году мы видим, как бастуют 13.995 предприятий, что составляет 93,2% общего их числа (в 1904—0,40%) и 2.863.178 человека рабочих (1904 г.—24.904 чел.). В одном лишь октябре бастовало до полумиллиона рабочих [1]). Куда же направлялось внимание бастующих? Те же цифры говорят о том, что на протяжении первых трех четвертей года процент бастующих с политическими и экономическими требованиями почти равен [2]). Зато в последней четверти это соотношение резко

З А Б А С Т О В К И.

Месяц.	Экономические.		Политические.	
	Число стачек:	Число бастовав. рабочих.	Число стачек.	Число бастовав. рабочих.
Январь	739	181.027	1.250	233.411
Февраль	510	176.819	524	114.391
Март	168	53.141	57	19.331
Апрель	150	25.933	304	54.635
Май	599	109.300	449	110.690
Июнь	386	55.029	462	87.612
Июль	356	87.475	225	62.584
Август	166	30.895	373	47.448
Сентябрь	157	23.268	104	13.361
Октябрь	447	115.923	2.181	365.441
Ноябрь	333	113.933	994	209.616
Декабрь	179	45.687	1.993	372.528

меняется—политические забастовки значительно превалируют над экономическими (74,2% политических и 25,8% экономических). Январь 1905 г. отмечается массой политических демонстраций протеста на январские события в Питере. Лишь в феврале—марте эти политические демонстрации-стачки рассыпаются и переходят в экономические, а именно эти месяцы, месяцы первых выступлений пролетариата против самодержавия, сопровождаются максимальной цифрой добровольных уступок фабрикантами требованиям рабочих (8,1%). И именно эти месяцы дают большой процент благоприятных для рабочих по своим результатам забастовок (51,5% в пользу рабочих и 48,5% в пользу предпринимателей).

Следующие месяцы лишь дополнят общую картину мощного нажима пролетариата, как по линии политических, так по линии экономических завоеваний. По результатам эти месяцы, включая и сентябрь, ме-

[1]) Варзар, ук. соч. стр. 102.
[2]) То же.

нее положительны, чем январь—март. Для второй и третьей четверти 1905 года процент благополучных по результатам забастовок равен 42,3%. Совершенно очевидно, что дело изменяется после октябрьской забастовки с новым соотношением сил, про которое я говорил выше. За ноябрь—декабрь процент забастовок, кончившихся в пользу предпринимателей, достигает 81,1, превосходя почти вдвое январско-—мартовскую цифру в 48,5%.

Классифицируя теперь экономические забастовки по их основным рубрикам, соотношение между кончившимися в пользу и не в пользу рабочих будет следующее: для заработной платы, требование повышения которой было из всех экономических требований наиболее распространенным (25,9% в среднем по четвертям года), в пользу рабочих окончилось 81% и в пользу предпринимателя 19%. Для требований сокращения рабочего времени первых было 79,4% и вторых—20,6%; для требований, связанных с порядком в заведениях, условиями найма и обстановкой труда—первых 63,8% и вторых—36,2%.

Из приводимых цифр, касающихся целого 1905 года можно сделать тот вывод, что в первую очередь экономическое, а затем и правовое положение пролетариата за год улучшилось. Несколько откладывая общие цифры для отдельных профессий рабочих, приведу сейчас те сведения, которые можно найти в периодической печати за 1905 год, начиная с января месяца.

Начнем с 8-часового рабочего дня. Обещания ввести восьмичасовой рабочий день добились в конце декабря 1904 года тартальщики и масленщики нефти в Баку. Совещание сахарозаводчиков в Киеве от 12/V 1905 года установило 8-часовой рабочий день по требованию рабочих.

В январе во всех типографиях г. Самары (числом 8), исключая казенной и Левенсона, был, во-первых, установлен 8-часовой рабочий день, во-вторых, отменены штрафы и, в-третьих, увеличены расценки.

В феврале м-це 8-часовой рабочий день был введен в инструментальной мастерской завода военно-врачебных заготовлений в Петрограде, того же самого добились рабочие на мебельно-столярной фабрике Мельцера и того же в Петрограде, на патронном заводе. В конце же февраля были введены три 8-часовых смены на рудниках у Владивостока.

В марте м-це 8-часовой рабочий день введен в механическом отделении экспедиции заготовления государственных бумаг. В Соснице на Корюковском сахарном заводе Бродского установлен 8-часовой рабочий день, затем открыты школа и библиотека.

В Бобруйске 30/IV произошла забастовка кузнецов, требовавших 8-час. раб. дня и увеличения заработной платы. Забастовка продолжалась всего 1 день, ибо хозяева быстро исполнили требования.

Второго мая дирекция электро-трамваев в Тифлисе согласилась исполнить требования служащих: увеличить содержание, выдать пособие в 6.600 р., установить 8-час. раб. день, если на это согласится Дума, учредить товарищеский и третейский суды. 4/V на мануфактурной фабрике бр. Морозовых был введен 8½ часовой раб. день, отменены ночные работы, значительно сокращен труд женщин и конторщиков и заработная плата повышена на 8%. По свидетельству «Новой Жизни» от 20/VI 8-часовой рабочий день был введен на маслобойном и для производства олифы заводе Иванова в Петрограде. То же было сделано на моск. маслобойне Давыдова.

21/VII 8½ часов. раб. дня добились крючники С.-Пет. порта.

В Орле 15/XI между владельцами частных типографий и наборщиками установлены следующие условия: 8-часовой раб. день, увеличение месячного жалования на 20%, увеличение вдвое сдельной платы и учреждение примирительного бюро с представителями обеих сторон для разбора возникающих недоразумений.

Железнодорожники 7/II добились 9-час. раб. дня в мастерских, такой же день введен на многих заводах, фабриках и мастерских военного и морского ведомства; 9-час. раб. дня добилось большинство фабрично-заводских рабочих Варшавы, Бердянска; в конце января того же достигли труженики печатного дела в Полтаве.

По сообщению «Руси» от 5/II администрация Невского стеаринового завода в Петрограде уменьшила своим рабочим раб. день до девяти с половиной часов, а в субботу—до шести с полов. За время забастовки на заводе женщины получили полностью заработную плату, а мужчины—половину.

В феврале 9-час. раб. день установлен во всех типографиях г. Минска; девяти с половиной час. раб. день на судо-строительном и литейном заводах г. Николаева; в мае девяти с пол. раб. день и 10% прибавку получили заготовщики обуви в г. Киеве.

Однако, — говорит рабочий ежегодник, — результатом всеобщих забастовок в 1905 г. чаще всего было сокращение рабочего дня до 10 час., которого добилось огромное большинство фабрично-заводских рабочих Лодзи, Сосновиц, Риги, Ковно, Ревеля, Юрьева, Минска, Харькова, пекаря Одессы и ремесленники Кишинева». [1]).

Конец октября и ноября для Питера проходят с неимоверным революционным под'емом. Всей питерской буржуазии об'является открытое сражение по фронту 8-час. раб. дня. «Новая Жизнь» пестрит сообщениями такого рода: «Семяниковский завод. Вопрос о 8-ч. р. д. на заводе считается решенным. Рабочие, игнорируя заводские свистки, не ходят на обед вовсе, а в 3½ ч. аккуратно бросают работу до следующего дня»... («Н. Ж.» № 6). А несколькими днями спустя, та же газета приводит длинный список крупнейших заводов Питера, на которых осуществлена уже заветная тройка: 8-час. раб. день, 8 для отдыха и 8 для сна. «Новая Жизнь» пишет: 8-час. рабочий день является теперь не только ближайшим требованием пролетариата, но уже проходящим в жизнь фактом. Несмотря на вопли и охи фабрикантов, он вводится революционным путем почти повсюду; пока к нему примкнули следующие предприятия: Семяниковский, Обуховский, Балтийский, Нов. Адмиралтейство, Орудийный, Трубопрокатный (Невский), Атлас, Лесснер, Кожевникова, Большая Охта, Шау (прядильная), Гвоздоделательный Аристова, Нов. Бумагопрядильня, Науман, Калин-Волынка, Екатеринославская, Воронина, Торшилова, Чешер, Штиглица, Максвель, Паль, Карточная ф-ка, Стеариновый и Александровский—25 самых крупных и передовых заводов Петербурга [1]).

Приведенные данные и сотой доли не охватывают того, что было в действительности. Но периодическая печать совершенно правильно запечатлела самый порядок, каким шли завоевания рабочих. Что за предприятия преимущественно фиксировались периодическою печатью? Это предприятия в первую голову механического производства, затем печатники, реже упоминается промышленность по обработке волокнистых веществ, подобно Морозовской м-ре, Новой Бумагопрядильне и т. д.

---

[1]) „Новая Жизнь“ № 9 от 10/XI 1905 г.

Территориально—наиболее передовыми областями в смысле определенных завоеваний является Польша, затем Западный Край и Петербург.

Обращаясь к заработной плате, как она представлена опять-таки периодической печатью, мы наталкиваемся на ряд заявлений подобного рода: «повышение заработной платы, очень бросающееся в глаза в отдельных случаях, в общем незначительно». Повышение заработной платы нашло себе место, особенно сильное, в Польше и Западном крае.

5/III Городское фабричное Управление Варшавы констатировало увеличение платы на 15%. В Ковне заработная плата увеличена для 73% всего числа рабочих.

В начале апреля рабочие судостроительного и механического завода добились установления минимума платы, кроме того, они добились согласия закрыть фабричную лавку, когда рабочие приступят к организации собственной потребительской.

В Одессе 23/IV часть владельцев пекарен согласилась удовлетворить требования булочников относительно установления минимальной заработной платы. В Иваново-Вознесенске рабочие добились увеличения заработной платы на 15%.

В апреле же м-це многие московские пекарни добились увеличения содержания на 50%, обещано улучшить квартирные условия, сокращено рабочее время до 10 часов в сутки (вместо 16—18) и установлено повышение вознаграждения за сверхурочную работу и в праздничные дни.

От этих частных случаев попробуем перейти к данным, охватывавшим большее число рабочих и по отдельным главнейшим профессиям.

Смирнов приводит данные относительно рабочих Владимирской губ. Он наблюдает два периода в изменении экономического положения рабочих:

Первый период — это первая половина 1905 г., которая характеризуется большим понижением фабричных заработков, сокращением производства, довольно тяжелым положением рабочих масс.

Вторая половина года характеризуется массовым развитием стачек, но стачек, уже упорных, кончавшихся большей частью, если не полной победой, то частичным успехом для них.

Стачки начались вскоре после Пасхи, и именно на тех фабриках, где до сих пор было спокойно. «В то время, как за 1-ую половину года только 6% корреспондентов говорили об увеличении заработка, во 2-ую половину об этом говорят уже 29%, или 50 из 170.

Из всех уездов идут сведения об увеличении заработка,—так в Шуйском уезде фабричные говорят о повышении его на 10%. На ткацких фабриках мужчины получали по 17 р., а теперь—20 р., женщины—12 р., а теперь—15 и 16 р. [1]).

По центр.-промышленному району, Московской губ. в первую очередь, заработок тоже повысился, но в общем незначительно. Для сравнения 1905 г. с 1904 г.—цифры будут мало показательны просто потому, что 1905 г., давая повышение заработка, также дает и максимальное количество «прогульных» дней. Если же взять 1906 г., то этот год показывает повышение:—так для 1904 года средняя цифра годового заработка рабочих до 25 тысяч числом (Моск. губ.) без подразделения по

---

[1]) „Вестник Финансов." 1906 г. № 17, стр. 131 и след.

полу и возрасту равняется 143 р., в 1905 г.—143,4 р. и в 1906 г.—157 р. Фабричный инспектор об'ясняет повышение заработка в 1906 году результатом сделанных в 1905 году под влиянием коллективных требований рабочих завоеваний.

Аналогичные данные приводит и Пажитнов относительно фабричных рабочих России в целом. Он говорит, что эти рабочие в среднем получили в 1904 г.—213,92 р., в 1905 г.—205,52 р., в 1906 г.—231,68 р. В 1905 году заработок понижается, но это свидетельствует лишь о том, что в этом году рабочие не получали за «прогульные» дни, те дни, которые они проводили в демонстрациях, забастовках. В м-цы же работы этот заработок сравнительно с предшествующим годом, выше.

Повышается заработная плата и рабочих, занятых в нефтяной промышленности. Так, рабочие Т-ва «Нобель» в день получали в 1904 г. 85 к., в 1905 году — 93 коп., или на 9,4% выше.

Железнодорожные поденные рабочие, которых к общему числу всех железнодорожников было 38% (256.391 ч.), увеличили заработок с 245,3 р. за 1904 г. до 260,6 р. в 1905 г. и до 329,5 р. в 1906 г., или на 6,5%; в то же время постоянные служащие и рабочие, которых было 54% к общему числу железнодорожников, в 1905 г. в среднем получили меньше, чем в 1904 году—415,7 р. вместо 416,0, но в 1906 г.—437,3 г., что опять-таки свидетельствует о том, что 1905 г. для этой категории рабочих был с значительным числом «прогульных» дней.

Наконец, обращаясь к рабочим горно-заводским юга России (каменноугольной и металлургической промышленности), мы видим, что они в 1904 году получили 276 р., в 1905 г.—283 р. и в 1906 г.—357 р. Незначительная разница между первыми двумя годами и значительное повышение в 1906 году дней лишний раз доказывает правильность высказанной мысли, что повышение в 1906 году завоевано еще в 1905, и если в этом последнем году цифры не многим выше 1904 года, то это об'ясняется «издержками революции» для рабочих.

Я привел изменение заработной платы за годы 1904, 1905 и 1906 с тем, чтобы отметить общую тенденцию ее движения к повышению. Теперь естественно возникает вопрос, насколько увеличилась реальная заработная плата. При разрешении этого вопроса трудно, конечно, ограничиться одними лишь математическими выкладками. Пажитнов приводит всем известные цифры о том, что заработная плата фабричных рабочих России увеличилась за годы революции на 19%, товарные же цены—лишь на 14%, вычитая второе из первого, получаем 5% увеличения заработной платы над повышением товарных цен. Для 1905 г. эти цифры не будут даже приблизительно соответствовать действительности. Инспектор Гвоздев в своих записках говорит, что увеличение заработной платы с 1905 по 1908 год на 47% пошло на покрытие разницы в цене только 4-х продуктов: ржаного хлеба, гречневой крупы, мяса и сала. «Вряд ли мы ошибемся, говорит далее он, если скажем, что материальное положение рабочих с 1905 года, несмотря на полученные ими прибавки к заработной плате, не только не улучшилось, но даже ухудшилось» [1]).

Из Шуйского уезда корреспондент пишет, что «фабричные заработки стали поболее прошлых 3-х лет от 1 р. 50 к. до 2 р. на человека в месяц. Но харчи и все продовольствие стало дороже. Предвидится также союз торговцев всех вообще» [2]).

---

[1]) „Русск. Ведомости“ 1908 г., № 164.
[2]) „Вестник Финансов“ 1906 г., № 17.

Не увеличилась заработная плата у служащих и постоянных рабочих жел. дорог, удорожание же продуктов ведет к падению их реальной заработной платы.

Можно без особой опасности сказать о действительном улучшении положения лишь нефтяных в Баку и горно-заводских рабочих на юге.

Общее же правило для 1905 года будет иным—прибавки к заработной плате уходили, с одной стороны, на доплату по вздорожавшим продуктам, с другой,—на покрытие недополучки жалованья иногда за целые месяцы в виду кризиса, стачек и демонстраций.

Более или менее повсеместным явлением было сокращение рабочего времени. Помимо вышеприведенных сведений об этом, приведу еще одно, касающееся всех рабочих металло-обрабатывающей промышленности России: начиная с июня 1904 г. по июль 1905 года, рабочий день сократился на полчаса, с 10½ до 10 ч., местами это сокращение доходило и до 8 часов, но это в порядке исключения[1]). Когда же металлисты Питера, руководимые Советом Раб. Депутатов, вздумали 3 восьмерки проводить явочным порядком по своим предприятиям, они встретили такой отпор со стороны буржуазии, которого долго не могли забыть.

Чтобы проследить изменение экономического положения рабочих за 1905 г., я обратился к архивам Путиловского завода в Питере и Кр.-Пресненской Трехгорной М-ры в Москве, бывш. Прохоровской.

К исследованию положения путиловцев и трехгорцев я сейчас и перехожу.

Что касается общих соображений относительно этих двух предприятий, то эти предприятия являются типично русскими. Шульце Геверниц для конца XIX века отметил большую концентрированность по числу рабочих русских предприятий перед западно-европейскими. Подобная скученность рабочих естественно вытекала из той универсальности предприятий и отсутствия специализации их, которые мы имеем для этих двух предприятий. На Путиловском заводе имелось 35 отделений-мастерских в 1905 г. с 12.000 рабочих. На Трехгорной М-ре в 1904 г. имела 21 отделение лишь ситце-набивная фабрика, не считая ткацкой и др. отделений. В то же время, со стороны своего технического оборудования лишь немногие русские предприятия построены по последнему слову техники. Большинство же, и в первую очередь Путиловский завод, носит отпечаток исторического развития русской и западно-европейской техники. Получалось как бы напластование технических усовершенствований—старая и новая кузницы, старая и новая испытательные станции и т. д. Невозможность перестройки предприятий на началах новой техники создавала из предприятий картину чрезвычайно разнообразного сожительства великолепно оборудованной технически мастерской с менее и совсем необорудованными мастерскими. В зависимости от этого и условия труда были различны. Но в общем, эти предприятия, во главе с русскими фабрикантами и заводчиками, со всем государственным бюрократическим аппаратом были хорошими котлами, где и могла только вывариться, а затем и отлиться в отчетливые формы та классовая психология, которая в смысле отточенности и радикализма в рабочем движении вряд ли где-либо имела себе равную.

Путиловский завод в 1904 году имел 11.667 рабочих. С началом войны это число быстро увеличивается, достигая в половине

---

[1]) Материалы, 120.

1904 г. 12,065 ч. (VII) в конце—13,196 ч. (XII). В 1905 году наблюдаются большие колебания числа рабочих; так, в июле это число падает до 2,230 человек и к октябрю повышается до 14,546 ч. Такие колебания свидетельствуют о том, что завод живет ненормально, терпя порой почти полную приостановку производства.

Рабочее время до 1905 года равнялось 10 час. в сутки и 7½ час. в субботние дни. В 1905 году рабочее время не изменяется по числу раб. часов.

Жилищный вопрос разрешался сравнительно удовлетворительно, поскольку в Нарвском районе шла усиленная стройка рабочих помещений. Удовлетворительно в том смысле, что не было казарм, но были углы у частных лиц.

Зараб. плата рабочих путиловцев была низкой сравнительно с заработной платой родственных по производству питерских рабочих. На Путиловском заводе в 1901 г. меньше 1 р. в день зарабатывали 74,84% всех рабочих, тогда как на заводе Лесснер % таких был равен 20. Рабочих, получающих более 2 р. в день, на Путиловском заводе было 1,12%, у Лесснера — 13,3% и на железо-прокатном этот % достигает 47,9%. Диапазон колебаний зараб. платы для путиловцев очень значителен: рабочие паровозо-строительного цеха получали в м-ц 58,5 р. (1904 г.), чернорабочий же—18,59 р.

Если мы обратимся к изменению зар. платы за 1904—1905 г.г., то тут нужно отметить изменения по цехам и изменение средней зараб. платы для всего завода, и в том, и в другом случае, конечно, не нужно будет упускать из вида количество рабочих дней.

По-цеховое изменение выразится следующими цифрами: для примера возьмем механическую мастерскую: выступает прежде всего разница в количестве дней для 1904—1905 г.г. Для 1904 года эта цифра будет равна 296 дням, для 1905—201,5, т.-е. количество дней уменьшилась на 31,8%, но поденная плата возросла с 1 р. 97 к. до 2 р. 25 к., т.-е. на 14,2%. Ведомость о результатах рабочей силы приводит далее сведения о количестве дней в м-ц; так, для 1904 года—24, для 1905—22,8; отсюда и месячный заработок рабочего для 1904 года равен 48,68, а для 1905—51,42 р.; таким образом, мы имеем месячную зарабплату увеличившейся, но за весь 1905 год рабочий получает меньше, чем за весь 1904. В 1904 г. рабочий механической мастерской получил 583,12р., в 1905 г.—452,25 р., т.-е. рабочие получили в 1905 году на 28,9% меньше. Остановимся еще на двух мастерских, противоположных по заработку. Максимальную заработную плату в м-ц в 1904 г. и в 1905 г. получали рабочие инструментальной мастерской. Число рабочих дней для этой мастерской в 1904 г.—269 и в 1905 г.—214, на 26% меньше. Средний дневной заработок в 1904 г.—2 р. 46 к., в 1905 г.—2 р. 99 к., т.-е. повысился на 17,7%; число рабочих дней в м-ц, как общее правило, уменьшилось с 24 до 21 дня, но в итоге месячный заработок увеличился с 59,47 до 65,22 р.—на 9,6%.

Вспомогательные рабочие представлены железнодорожным цехом (223 ч. в 1904 г. и 334 в 1905 г.), главным магазином (153 и 155), у смотрителя здания (68 и 53 ч.). Исследование годового заработка этих рабочих затруднено отсутствием цифр о числе суток работы в год. Все же можно отметить, что поденная плата этих рабочих изменилась очень незначительно—так, для жел. дор. цеха она повысилась с 99 коп. в 1904 году до 1 р. 01 к. в 1905 году, в главном ма-

газине—с 79,5 коп. до 83,0 к., у рабочих смотрителя здания с 80,8 к. до 87,7 к.

Из приводимой таблицы можно сделать следующий общий вывод, что чем рабочие квалифицированнее, тем заработок их рос быстрее, и наоборот; рабочие средней квалификации по увеличению заработка приближаются к рабочим менее квалифицированным (см. цехи и мастерские: кирпичный, прессовой, лесопильный, механо-лабораторная, пилорубная и депо жел.-дор. цеха).

В целом мы констатировали увеличение заработка за м-ц, но уменьшение его за целый год. Интересно поэтому ответить на вопрос, в какую именно половину года рабочие работали меньшее число дней и тем самым получили меньшую плату? У меня нет цифр для каждого цеха в отдельности по месяцам за 1904 и 1905 г.г., но есть цифры для всего завода в виде средней для всех мастерских. Эти цифры с несомненностью дают материал для ответа на поставленный вопрос.

Первая четверть 1904 г. имеет 68 р. дней (по случаю праздника ниже нормального числа дней в 74—76), первая четверть 1905 года—56 дней (в январе вместо обычных 24 лишь 13 дней, в феврале вместо 22—16, в марте вместо 22—26). Рабочие за всю первую четверть заработали в 1904 году 118,5 р., (колебания: 1-й м-ц—40,66 , 3-й м-ц—39,04) и в 1905 году 102,70 р. (колебания: 1-й м-ц—20,77, 3-й —51,76 р.); во вторую четверть рабочие в 1904 году при 74 рабочих днях получили 128,8 р., в 1905 году при 60-ти днях—116,09 р., в 3-ю четверть, включая сентябрь, в 1904 г.—77 дней и 136,49 р. заработка; в 1905 г.—72 дня и 125,55 р. Для четвертой четверти 75 дней и 135,13 р. в 1904 г. 60,4 дня и 118,21 р. в 1905 году.

За первые три четверти года рабочие в 1904 г., работая 219 дней, получили 383,86 р., в 1905 г. — за то же время — 188 дней — 344 р., т.-е. на 11,4% меньше [1]).

Наиболее ровно из первых трех четвертей проходит третья, предшествующая октябрьской забастовке. По числу дней эта четверть приближается к нормальной—72 дня, в августе же и в сентябре заработок достигает в среднем для всех рабочих почти 2 р.—цифры, которая в 1904 г. совсем не встречается. Также ровно проходят октябрь и ноябрь 1905 года. В ноябре средний для всех рабочих завода заработок превышает 2 р. (206,12).

Несколько слов о Кр.-Пресненской Трехгорной М-ре, бывш. Прохоровской, о ситценабивной ф-ке и механическом и строительном ее отделениях [2]).

Условия жизни рабочих мануфактуры, хотя и вскользь, но уже описывались. Что касается условий производства, то они так же тяжелы, как и на всех текстильных предприятиях с их пылью, испарениями, плохой вентиляцией и пр. Продолжительность рабочего дня до 1905 года, приблизительно до февраля—марта м-цев, равнялась 11 с половиной часам и только с указанного времени прошло сокращение до 10 часов.

---

[1]) Все приводимые сведения о Путиловском заводе взяты из архива бухгалтерии этого завода; о жилищных условиях, продолжительности рабочего дня, бюджете—со слов старых парт. работников, в беседе с которыми я провел не один час.

[2]) Метод подбора материала тот же, что и на Путиловск. Использованы помимо устных данных трехгоровцев и след. книги: 1) Мес. зараб. рабочих по табелям ситценабивной Т-ва П. Т. м-ры с пасхи 1899 г. по пасху 1906 г., 2) Рядная ситцевой ф-ки Т-ва П. Т. м-ры 1904 г.—1905 г. 2451—4760.

Из ужасных жилищных условий выход в 1905 г. был найден прибавкой 3 р. в м-ц квартирных, как для холостых, так и для женатых. Уж эти завоевания представляют большой шаг вперед.

Что касается зараб. платы, то при рассмотрении этого вопроса нужно сделать оговорку: рабочие текстильных предприятий несравненно ниже оплачиваются рабочих металлической промышленности, даже вспомогательные рабочие Путиловского завода получали больше, чем рабочий механического и строительного отделений Прохоровки. Это об'ясняется условиями производственной техники: в то время, как на металлургических заводах требуется большая квалификация рабочего, на текстильных фабриках такой квалификации не нужно. И давление деревни сказывается прежде и больше всего именно на этих последних предприятиях. Прохоровская М-ра не представляет исключения—свой рабочий год она начинает с апреля м-ца, когда все рабочие возвращаются из отпуска, который большинством их использовывается для поездок в деревню. Эта связь с деревней и приводит к тому, что средний заработок рабочих, например, в 1904—1905 г.г. на Прохоровской ситценабивной был равен 14 р. 56 к., а на механическом и строительном отделении и того меньше—12 р. 05 к. Конечно, нельзя упускать из виду того, что преобладающим элементом производства является женщина и подросток, которые при высчитывании средней заработной платы кладут свою печать, понижая ее.

Как же менялась у трехгорновцев заработная плата за 1905 год?

Предшествующие 1905 г. четверти 3-я и 4-я 1904 г. для ситценабивной представляются нормальными как в смысле количества рабочих дней, так и в смысле размеров заработка: 71 раб. день как в третью, так в четвертую четверти с заработком в 44 р. 89 к. и 46,34 к. по четвертям. Сравнивая с этими четвертями первую четверть 1905 года, мы находим уменьшение числа рабочих дней с небольшим повышением заработка. Разгадка этого явления тут же обнаруживается, как только мы обращаемся к рядной книге. В ней против фамилий рабочих стоит число 18 или 19 января и красными чернилами—3—5 коп. Приблизительно (точно не высчитывал) процентов на 25 всех рабочих ситценабивной была сделана такая прибавка. Она ничтожна, если сравнить с прибавкой металлистам, но для рабочих, получающих 30—33 коп. в сутки, 3—5 коп. имели известное значение.

Вторая четверть 1905 года (начало года для фабрики) показывает значительное понижение заработков. Рабочие за апрель-июнь 1904 года работали 62 дня и получили 44,22 р., за те же м-цы 1905 года они работали всего лишь 42 дня (меньше на 32,3%) и получили 33,91 р. (на 29,4% меньше).

Массовое рабочее движение в июле и августе, особенно в сентябре, вызывают более широкую прибавку, чем это имело место в январе. Первая прибавка 1-го августа на 3—5 коп. и вторая прибавка 24/X на 6—7 к. коснулись положительно всех рабочих, так что перед октябрем рабочие заработали с июля по август 46,95 р.—максимум того, что они только могли заработать в продолжение 1904 и 1905 годов. Но если мы сопоставим цифры заработка рабочих в целом с января по сентябрь 1904 с цифрами заработка за те же месяцы 1905, то получим приблизительно следующее: рабочие за 1904 год, январь-сентябрь получили 139,5 р., а за 1905 г.—125,5 р., т.-е. на 11% ниже.

Очевидно для рабочих Трехгорной М-ры то, что мы наблюдали для путиловцев, не чуждо,—так же как и там, они получают в м-ц уве-

личившийся заработок, но, ввиду сокращения числа рабочих дней, сумма заработка за 9 м-цев 1905 года меньше соответствующей суммы 1904 года. Это, естественно, могло привести лишь к ухудшению экономического положения рабочих к Октябрьской забастовке,—рабочих, как металлического, так и текстильного производств.

Это тем более так, что как раз до октября и к октябрю мы наблюдаем рецидив промышленной депрессии; кризис, отзываясь самым неблагоприятным образом на экономическом положении пролетариата, сопровождался еще ростом цен на предметы рабочего потребления.

Лишь случайным совпадением можно об'яснить то, что как для всех путиловцев, так и для рабочих Трехгорной ситценабивной ф-ки заработок первых 9-ти м-цев в 1905 году против 1904 на 11% ниже. Не останавливаясь на абсолютной точности проводимой цифры, отметим, что она в основном верно отражает величину заработной платы 9-ти м-цев 1904 и 1905 г.г.

Теперь, если подсчитаем, на сколько в среднем за те же м-цы поднялись в цене—ржаная мука, пшено и мясо в Петрограде и Москве, то перед нами отчетливо представится одно положение: в Петрограде указанные продукты за январь-сентябрь повысились в цене на 14%, а в Москве на 22,7%; в то же время Петроград имеет преимущественно металлургическую промышленность, рабочие которой имеют за 1905 год больше экономических завоеваний и абсолютно теряют меньше, Москва же наоборот: имеет преимущественно текстильное производство, рабочие которого, получая и без того небольшой заработок, больших завоеваний не делают, как это мы видели на примере Трехгорной м-ры.

Последующие м-цы—октябрь-ноябрь следует отметить, как м-цы оформления правового положения рабочего на ф-ке. Мы уже говорили, что последняя четверть 1905 года дает самые высокие цифры политических забастовок. В эту рубрику входят и те забастовки, которые вызваны непорядками внутри предприятия. И никогда раньше в революционном движении рабочих России не ставилась так широко проблема регулирования взаимоотношений капиталиста с рабочим, никогда не преломлялось ее фактическое проведение в жизнь в такие разнообразные формы, наконец, никогда самый метод установления правил внутреннего распорядка не был так решителен, действительно революционен, как в конце 1905 г.

Внимание русского рабочего всегда приковывали две стороны одного и того же по существу дела—это самодержавие и крепостничество фабрики. Выступая против самодержавия, выставляя лозунг учредительного собрания, в то же время создавая Совет Раб. Депутатов—орган своей власти, он тем самым шел и против «самодержавия» на предприятии. Требуя увольнения мастера, избирая депутата, входя в союз—этим самым рабочий взрывал не только крепостничество фабрики, но и самодержавие, как государственный аппарат власти. С которого конца подходили рабочие в своем революционном творчестве разрушения—не важно, все приводило в конце-концов к одному, все превращалось в «политику». И говоря о правовом положении рабочих к декабрю 1905 года, чрезвычайно трудно отграничить вопросы фабрично-заводского порядка от вопросов государственных и особенно от трещин, которые дает самодержавие. Это тем более трудно сделать, что, собственно, орган рабочих—Совет Депутатов превращается уже в 1905 году в зародыши рабочей власти и на него (не всегда только рабочие) смотрели часто, как на организацию, в тех условиях единственно способную распоряжаться. Все

же в настоящей работе мы коснемся лишь процесса взрывания крепостничества фабрики.

В чем заключались, конкретно, крепостнические отношения на фабриках и заводах? Просматривая требования рабочих при забастовках в 1905 году, постоянно встречаешь отдельными пунктами требования об увольнении какого-либо смотрителя, старшего мастера, начальника и пр. Невольно приходишь к выводу, что фабричная администрация существует не для того, чтобы направлять и регулировать производство, а для борьбы с рабочими. Администрация и рабочие—это два враждующих лагеря. «Низшая администрация—табельщики, надсмотрщики и мастера наушничают, оскорбляют женщин, притесняют рабочих, берут взятки. Грубое обращение с рабочими—это обязательный «хороший тон» у администрации». Жалобы на низших служащих обыкновенно ни к чему не приводят: по одиночке жаловаться нельзя—увольняют, а на жалобы группами отвечают: «если вам не нравится мой служащий—уходите, на ваше место много вашего брата». Озеров приводит ряд ответов рабочих, из которых очень выпукло выступают все козни низшей администрации—она сбавляет расценок, она смотрит за выполнением работы, стоит ближе всего к рабочему и больше всего по мелочам дергает его. Кто как не низы администрации могут смотреть за исполнением условий, написанных в расчетной книжке, например, мануфактуры Горелина с С-ми.—«Вертельщики и запасные, к р о м е работы при молетирных и др. машинах и при травлении валов, обязаны напирать и спирать валы, поднимать их с машин и верстаков, приносить из манерной и выносить их по назначению, приносить принадлежности и материалы, требуемые для граверной, и относить их по назначению, мыть и мести полы в граверных отделениях и лестницы и выносить мусор в указанное место, ходить за водой для питья и за кипятком для чая». Целая сеть самых незначительных «особых» условий опутывает со всех сторон рабочего и превращает его в мертвое орудие в руках старших, заведующих, управляющих и пр. многочисленных чинов фабричной администрации. Вполне естественно, что рабочие при каждом удобном случае заявляют о «точном обозначении работы, на которые нанимается рабочий, чтобы не посылали рабочих на другие работы». (Ив. Вознесенская забастовка летом 1905 года, 11 пункт требован. рабочих), о «безусловно вежливом обращении членов администрации с рабочими» (тамже, § 13 требований). Иногда иссякает всякое терпение рабочих по отношению к этим «чинам» и рабочие доходят до курьезных картинок. Так, на Путиловском заводе рабочие корабельной и лесообделочной мастерской 18-го октября связали начальника корабельной и мастера лесообделочной, потом одели на их головы грязные мешки и при общих возгласах радости и смеха вынесли их на улицу и бросили в грязь [1]). Но это не являлось выходом из положения постоянной зависимости от заводского начальства, от его постоянных давлений, прижимок, взяток и проч. Выход нащупывался по линии организации выборных от рабочих, и на этот путь вступили почти все предприятия.

Еще в январе (3-го) часть рабочих Путиловского завода пред'явила требование увольнения мастера Тетявкина, а параллельно этому в Гапоновских «обществах» вырабатывались общие требования путиловцев. Наиболее существенными пунктами этих требований являются:

---

1) «Новая Жизнь». № 4 от 30-го октября.

«Для выяснения исхода забастовки должно состояться совещание между выборной самими рабочими депутацией и представителями акционерного общества Путиловского завода.

«При совещании рабочие имеют равное число голосов с представителями завода.

«Расценка новых изделий после испытаний должна устанавливаться мастером по добровольному соглашению с выборными из мастеровых и затем считаться обязательной.

«При Путиловском заводе должна быть утверждена постоянная комиссия из выборных рабочих, которая совместно с администрацией разбирает все претензии рабочих. Увольнение рабочих не должно состояться иначе, как по постановлению этой комиссии» [1]).

Отрицательный ответ администрации завода на конституционные требования рабочих послужил поводом к забастовке всего Питера, наконец, к событиям 9-го января 1905 года.

Во время октябрьской всеобщей забастовки железнодорожники выставили в ряде других следующие требования: «§ 3. Образование бюро и комиссий из выборных от служащих и рабочих для совместного разрешения с администрацией дороги вопросов об увольнениях, перемещениях и приеме служащих и рабочих, а также для разрешения всех недоразумений, возникающих между служащими и администрацией» [2]).

Лозунг создания третейских судов в революционные м-цы на практике не привился, хотя создание их не встретило бы, очевидно, противодействия со стороны правительства Витте. Этот последний, как докладывали на общем собрании депутаты от рабочих экспедиции заготовления государственных бумаг 28-го октября — заявил по вопросу о ликвидации пенсионных касс: «Предлагаю вам выбрать из своей среды третейский суд, в который вошли бы: 1 чиновник, фабричный инспектор, 1 известный общественный деятель и 5 рабочих экспедиции». На предложение рабочих сделать переоценку труда совместно с администрацией и представителями от рабочих, Витте ответил, что рабочим желательно дать в данном случае право совещательного голоса [3]).

На полумеры правительство уже готово было итти, но этими полумерами не довольствуются рабочие. Рабочие электро-станции Микельштейна постановили обратиться к предпринимателю со следующим ультиматумом... (идут требования) и в заключение пишут: «что касается третейского суда, предложенного администрацией, то собрание постановило: согласиться на третейский суд только в том случае, если третейский судья будет назначен Исполнительным Комитетом Совета Раб. деп. [4]). Такое ультимативное предложение - постановление равносильно для того времени полному отказу от организации третейского суда, ибо, какой же предприниматель в этом вопросе согласится иметь дело с Исполкомом С. Р. Д? Но рабочие действовали так потому, что уже имели свою организацию, своих представителей — депутатов или старост. При этом старост, выбранных не на основании закона 1903 г. Делегаты были выбраны даже на самых отсталых заводах и фабриках. Они руководили борьбой рабочих, они собирались по отдельным районам, по отдельным профессиям, сносились с обще-городским С.Р.Д. В

---

[1]) „Красная Летопись“ № 1. В. И. Невский. Январские дни в ПТБ. в 1905 г. стр. 19.

[2]) «Семь Дней». Журнал 1906 г., № 6.

[3]) «Новая Жизнь». № 4 от 30 октября.

[4]) «Новая Жизнь», № 8 от 9 декабря.

короткое время они стали душою предприятий; и, естественно, заставили отступить на задний план различные выходки низшей администрации. И это занимало не последнее место в пролетарской борьбе за улучшение своего быта.

В ноябре м-це депутаты приобретают такое значение для рабочих, что когда, например, предприниматель делает попытку не признавать депутата или предлагает избрать депутата с его санкцией, то рабочие не находят другого языка в разговоре с капиталистом по этому вопросу, как язык забастовки. Так, на гвоздоделательном заводе администрация потребовала, чтобы рабочими были выбраны ею намеченные депутаты; в ответ на это рабочие забастовали и выставили следующие требования: 1) признание рабочих депутатов администрацией, 2) принятие рабочих, уволенных за политическую забастовку, 3) 8-ми часовой рабочий день, 4) вежливое обращение и улучшение внутреннего порядка, 5) полная отмена обысков, 6) помещение для митингов, устраиваемых по желанию рабочих [1]). На первом месте стоит признание рабочих депутатов. Подобный этому случай мы имеем и на крупнейшем в Питере Семяниковском заводе. 19-го ноября на собрании рабочих комиссия по переговорам с заводоуправлением отчитывается о ходе этих переговоров. Выясняется, что заводоуправление требует 10-ти час. раб. дня, запрещения всяких митингов и собраний, выборности депутатов от мастерских с условием утверждения последних заводской администрацией. По поводу последнего пункта собрание постановило: вести переговоры уже раз выбранными и зарекомендовавшими себя с самой хорошей стороны старыми делегатами [2]).

Следует отметить еще и то, что депутаты выбирались и от рабочих, уволенных с завода. На Александровском механическом заводе собрание депутатов от уволенных рабочих направляет депутацию к министру путей сообщения, чтобы заявить ему лично свои требования.

Несмотря на промышленный кризис, а следовательно, и массовую безработицу, заставляющую конкурировать между собой рабочих, мы имеем в 1905 году яркие образцы классовой солидарности. Наиболее передовые товарищи, избранники рабочих, сплошь и рядом ведут рабочих на забастовку в ответ предпринимателю за увольнение своих товарищей: соединенное собрание делегатов осветительных предприятий Питера (об'единение по профессиональной линии) постановляет не приступать к работам до тех пор, пока не будут приняты обратно уволенные товарищи [3]).

Органом, руководящим всем движением Питерского пролетариата,— был Совет Рабочих Депутатов. Его история, роль и значение, как для революции 1905 года в целом, так и для непосредственной борьбы питерского рабочего на фабрике, достаточно известны, чтобы о нем требовалось говорить еще раз. С. Р. Д.—как символ могучести пролетариата и начало его будущей власти устрашал одним фактом своего существования не только рядового предпринимателя, но и тех, кто стоял во главе всех предпринимателей. И для улучшения не столько материального, сколько правового положения рабочего, Совет, как власть и как высший третейский судья, сделал чрезвычайно много.

---

1) «Новая Жизнь». № 9 от 10 ноября.
2) «Н. Ж.» № 19 от 23 ноября.
3) «Н. Ж.» № 8 от 9 ноября.

После ареста Совета Р.Д. завершаемые им завоевания лишь постепенно отбираются на протяжении 1906—1907 г.г. Депутатов и старост мы встречаем в 1907 году, их признают, отводят заводским комитетам помещения и т. д. И только с осени 1907 года начинается систематический поход против них. На Семяниковском заводе новый директор отказался от сношений с существующим 3 года заводским комитетом, на патронном заводе была распущена «заводская дума». Чешер и друг. текстильные фабрики идут по следам металлозаводов [1]).

Зародившиеся в 1905 г., в октябре—ноябре месяцах, и охватившие большие массы рабочих, профессиональные союзы дополняют общую картину улучшения быта рабочих. Материальные потери на «прогульные» дни компенсируются условиями новой жизни в раскрепощенных фабрике и заводе.

В Москве движение за выборных своих представителей, их об'единение развертывается в сентябре—октябре месяцах, принимая законченную форму обще-городского Совета в ноябре. Рабочими Москвы пройдены на этом пути те же, очевидно, этапы, что и рабочими Питера. Отсталая фабрика красок Столярова за Дорогомиловской заставой в конце ноября имеет рабочее собрание. Темные и забитые рабочие (большая часть—серая деревенщина)—пишет корреспондент «Борьбы», — чтобы разрешить конфликт с хозяином, выбирает 6 депутатов. Переговоры их ни к чему не приводят. Рабочие обращаются к забастовке, выставляя требования... 4) принять назад слесаря, 5) уволить смотрителя, 6) не увольнять никого без согласия рабочих депутатов, 8) право свободно собираться для обсуждения своих нужд в помещении фабрики. Результат забастовки на лицо: добились, на-ряду с обще-экономическим улучшением, и того, что слесарь не будет уволен и вообще впредь никто не будет увольняться без согласия рабочих депутатов. Вдобавок, собрания могут устраиваться на кухне без «посторонних» [2]). Хоть к концу ноября, но и эта фабрика доросла до выборных депутатов.

Как и в Питере, в Москве делаются администрацией те же безуспешные попытки вмешаться в дело выборов рабочими своих депутатов. На цинко - железо - строительном заводе в Дорогомилове были избраны депутаты в районное депутатское собрание, этими же депутатами рабочие хотели воспользоваться, как своими представителями в сношениях с заводской администрацией. Однако, администрация выбора рабочих не одобрила и потребовала избрания представителями указанных ею лиц, грозя в противном случае уволить депутатов; в ответ на это большинство рабочих подписало заявление, в котором говорится, что рабочие признают своими представителями уже выбранных депутатов и, вызвав затем владельца завода, потребовали немедленного увольнения старшего мастера, более всех противившегося выбору рабочих и вообще нелюбимого заводом. Хозяин согласился и его уволили [3]).

Есть и такие случаи, когда рабочие достигают путем борьбы значительных успехов. Так, на митинге 28-го ноября выяснилось, что на винном складе после последней стачки, закончившейся полной победой рабочих, рабочие отвоевали себе значительные права по устройству своей внутренней жизни. Рабочим приходится разрешать целый ряд хозяйственных вопросов, связанных с ведением самого предприятия. Прием

---

[1]) Дмитриев. «Профессиональное движение в России» 1909 г.
[2]) «Борьба», № 9 от 7 декабря.
[3]) «Борьба». № 5 от 2 декабря.

и увольнение рабочих совершается с согласия их депутатов, система штрафа отменена и сами рабочие налагают кары на провинившихся товарищей. Так, вместе с царским самодержавием рушатся патриархально-деспотические отношения между рабочими и предпринимателями, добавляет корреспондент [1]).

Достигнутые успехи на отдельных предприятиях сразу же делаются достоянием целого района. Депутаты предприятий собираются на районные депутатские собрания.

17-го ноября «Московская Газета» фиксирует собрание рабочих депутатов Городского района, на котором присутствует 64 депутата от табачников, столяров, перчаточников и др. фабрик и булочной Филиппова [2]).

18-го ноября происходит такое же собрание в Бутырском районе, на которое явилось 88 представителей от 14 предприятий и более чем 8½ тысяч рабочих.

В тот же день в Народном доме на Введенской площади состоялось собрание Лефортовского района. Присутствовали представители 82-х фабрик и заводов, в количестве 192 депутатов. На этом собрании после доклада на очередь дня был поставлен вопрос об урегулировании прав депутатов на фабриках и заводах и выработаны общие правила: 1) неприкосновенности личности депутата, как со стороны администрации, так и со стороны полиции; 2) переговоры хозяев с рабочими и рабочих с хозяевами ведутся через посредство депутатов; 3) увольнение и прием рабочих производится с согласия депутатов; 4) за прогульное время—по депутатским обязанностям—заработная плата депутата сохраняется полностью; 5) перед праздником рождества и пасхи депутаты рассчитываются последними, после праздника принимаются первыми; 6) расценка устанавливается депутатами совместно с администрацией; 7) депутаты следят за санитарным состоянием мастерских; 8) депутаты, как и все рабочие, подчиняются установленным фабричным распорядкам. Это же собрание депутатов Лефортовского района решило в целях более скорого проведения решений по району—избрать С. Д. Лефортовского р. в количестве 20-ти человек [3]).

25 ноября созывается экстренное собрание Пресненского и Хамовнического районов. Ввиду экстренности собрания явились не все,—присутствовало 45 депут. от 11-ти фабрик и заводов. Все депутаты доказывали необходимость отвоевать у фабричной администрации права собраний и добиваться отвода помещений под собрания. Депутаты с тех фабрик, где добились уже и полной свободы собраний и помещений для них, поделились с собранием крайне интересными поучительными сообщениями о том, как они этого добились. В результате обмена мнений собрание постановило: устраивать после каждого собрания С. Р. Д. общие собрания по фабрикам. Далее, ввиду общего значения вопроса о борьбе с фабричной администрацией за право собраний и за отвод помещений для них, поставить его на обсуждение и решение общегородского С. Р. Д., а так же рекомендовать рабочим упорно добиваться осуществления своего неотъемлемого права всеми возможными средствами [4]).

---

[1]) «Борьба». № 3 от 30 ноября.
[2]) «Моск. Газета» № 9 от 19 ноября.
[3]) «Моск. Газета» № 10 от 20 ноября.
[4]) «Борьба № 5 от 2 декабря.

Что касается общегородского Моск. С. Р. Д., то мысль о его организации зародилась еще в сентябре, но лишь 2-го ноября были собраны депутаты всей Москвы. Явилось 250 человек от 70 предприятий. Приехавший тов. из Питера сделал подробный доклад об организации и работе Питерского С. Р. Д. Он указал на ту тесную связь, которая существует там между депутатами и выбравшими их рабочими. Их решения—являются решениями всех питерских рабочих... На этом собрании решено было об'единить сперва всех депутатов по районам в райсоветы, а затем уже из их среды послать представителей в общегородской совет. И в городской и в районные советы решено пригласить с решающим голосом представителей социал-демократической партии. Собрание решило обратиться ко всем московским рабочим с приглашением немедленно приступить к выбору депутатов там, где они еще не избраны [1]).

Так возникли Советы Р. Д. по Москве.

Воля революционных рабочих стихийно вдвинута в организованное русло революционного творчества — Советы. Разрозненные выступления, вспышки рабочих, направленных прежде всего против крепостничества фабрик и заводов, взрывают это крепостничество и широким фронтом направляются против крепостнического государства. На этот фронт нужно стянуть массу организованных сил, он требует координации выступлений города и деревни, умелого авторитетного руководства политической партии... Взрыв окончательный не удался,—многого не хватило—деревня развернулась широко, но не организованно и с большим опозданием против выступления города—лишь весной шестого года, когда пролетариат был уже одиноким, разбит; межпартийные трения отвлекли внимание и партийцев и рабочих от вопросов непосредственной революционной борьбы — этим партия доказала свою еще неподготовленность для такого великого дела, как социальная революция, партия с.-д. большевиков—оказалась еще не доросшей; наконец, силе пролетариата противостояла сила буржуазии и самодержавия. Но помимо этих общих условий, которые привели к поражению первой русской революции, нельзя, как мне кажется, упускать из виду и другого—именно того, что пролетариат за год революции достиг известного для себя улучшения—и улучшения правового положения в первую очередь. Пред ним развертывались перспективы закрепления завоеванных позиций и наступления дальше—по линии организации проф. союзов. И Питер в этом отношении идет вперед. Он крепче сидел в отвоеванных уже позициях. И декабрь м-ц для Питера не является месяцем разгрома низовых пролетарских организаций. Систематический поход капиталисты начали, как отмечалось, лишь с осени 1907 года, Тогда как в Москве после декабрьских дней положение заметно изменилось к худшему. Фабриканты прежде всего начали увольнять депутатов. Правительство играло в руку фабрикантам, арестуя часто, по указанию хозяев, депутатов, как главных зачинщиков декабрьского восстания. Институт депутатов временно исчез в Москве почти повсюду. [2]). Это показывает на некоторую слабость позиций московских рабочих. Об этом свидетельствует и рост профессиональных союзов в Питере и Москве. Из профсоюзов, просуществовавших до 1907 года, в 1905 году возникли и, следовательно, крепко осели для Питера — 19 и для Москвы — всего 8. При этом по месяцам это возникновение фиксируется так:

---

[1]) «Московская Газета» № 2 от 11 ноября.
[2]) Дмитриев. Профсоюзы в Москве.

	в Петрограде.	в Москве.
Сентябрь	3	1
Октябрь	6	2
Ноябрь	6	3
Декабрь	4	2
	19	8

Металлист Питера на протяжении 1905 года делает больше завоеваний, чем текстильщик Москвы. Этим частично об'ясняется и сравнительно слабый отклик питерского рабочего на арест С. Р. Д. и на декабрьское восстание. Для Москвы вопрос ставился острее и решался орудийным обстрелом Красной Пресни и казачьим штурмом рабочих баррикад.

Приложение № 1. Таблица № 1.

Путиловский завод.

Сравнение по цехам числа суток работы, числа рабочих и среднего заработка рабочего в день и месяц за 1904 и 1905 г.г.

Название цеха или мастерской.	Число суток работы в году.		Число рабочих в году.		Средний заработок одного рабочего. В годы.				Сумма.	
					1904 г.	1905 г.	1904 г.	1905 г.		
	1904 г.	1905 г.	1904 г.	1905 г.	В день.		При числе дней в месяц.		1904 г.	1905 г.
1. Кирпичная . .	—	229	152,5	154,1	151,2	145,6	25,4	24,4	38,50	37,07
2. Мартенов. . .	314	240	803,5	838,5	169,1	176,03	26,3	27,1	44,54	47,83
3. Тигельная . .	—	—	190	205,4	163,6	175,5	26,6	28,8	43,55	50,63
4. Литейная. . .	291	213	355,5	419,5	157,1	183,7	26,6	24,0	41,89	44,20
5. Трубопрокатн.	286	232	95,9	97,2	171,3	195,3	25,2	24,3	43,30	47,58
6. Сталепрокатн.	270	216	403,9	460,6	154,5	165,4	27,1	25,7	41,91	42,52
7. Железопр. . .	296	219	560	561	189,1	202,8	25,6	24,3	48,42	49,48
8. Шинопр. . . .	293	217	153	165	189,0	204,1	25,2	24,0	47,76	49,03
9. Кузнечная . .	293	217	894,4	1028	162,7	181,4	24,3	23,5	39,59	42,50
10. Прессовая . .	289	207	202	208	133,3	156,7	26,1	20,6	34,88	32,38
11. Механическая.	296,5	201,7	516,5	703,8	197,0	225,1	24,7	22,8	48,68	51,42
12. Котельная . .	306	—	544	535	142,6	176,1	24,6	22,5	35,18	39,65
13. Паровозо-кот.	337	224	318	314	176,2	180,6	24,3	21,7	42,94	39,23
14. Корабельн. . .	—	—	480,7	847,2	134,3	150,2	23,7	23	31,86	34,61
15. Медницк. . .	306	199,5	88,4	144,4	185,1	191,9	25,2	24,3	48,84	46,68
16. Паровозо-мех.	—	209	823	874	251,8	277,8	23,2	20,1	58,50	56,05
17. Пар.-сборная.	306	195,5	322,9	341,9	182,2	195,1	25,3	22,4	46,14	43,80
18. Лафетно-снар.	279	207	1023	1086	215,5	243,4	23,6	20,4	50,98	49,80
19. Пушечн. . . .	—	—	816	1126	220	252	23,5	22,1	51,04	55,84
20. Лесопильн. . .	292	—	69,1	106	125,2	131,9	24,09	24,6	30,17	32,49
21. Модельн. . . .	290	—	113,9	120,1	222,7	249,2	25,1	23	56,02	59,53
22. Вагонная. . .	313	207	1351	1378	172,2	198,2	23,6	21,9	40,72	43,55
23. Мех.-лаб. . .	290	219	18,5	19,4	129,0	137,9	25,1	26,2	32,42	36,19
24. Ж.-д. цех. . .	—	—	223	334	99	101	27,0	27,3	26,78	27,84
25. Строит. цех. .	—	—	91,9	116	141,6	144,1	24,0	23,3	35,34	33,60
26. Освет. цех. . .	366	—	78,9	94,1	139,1	150,1	33,7	33,7	47,00	50,59
27. Инструм. . . .	289	214	160	208	246	299	24	21	59,47	65,22
28. Элек.-литейн.	—	—	11,2	13,2	160,9	175,5	30	30,3	48,30	53,19
29. Стор. и дворн.	366	365	116,9	167	—	75,5	30,8	33,8	21,89	25,49
30. Опыт. станция.	289	207	129	210	128,7	146,6	30	30	39,91	44,23
31. Главн. магазин	—	—	153	155	79,5	83	24,1	23,05	19,21	19,24
32. Смотритель зд.	—	283	68,5	53,1	—	87,7	23,5	25,3	18,59	21,21
33. Пилорубн. . .	290	—	165,4	108	141,5	148,1	21,2	22,0	30,03	32,70
34. Депо ж.-д. цеха.	—	—	107	100	122,3	133,7	27,6	26,5	33,80	35,55
35. Колесно-жест.	46	—	78	320	192,5	185,0	16,21	21	31,76	40,10
36. Новоснарядн.	—	—	—	156,1	—	167,96	—	21,33	—	35,84
Итого. .	—	—	11,667	13,779	174,94	190,69	24,84	22,64	43,46	43,18

Приложение № 2. Таблица № 2.

Путиловский завод.

Колебание числа рабочих и среднего их заработка по месяцам за 1904 и 1905 г.г. для всего завода.

По месяцам.	Число рабочих.		Средний заработок одного рабочего.					
			В день.		В месяц.			
					При числе дней.		Сумма.	
	1904 г.	1905 г.	1904 г.	1905 г.	1904 г.	1905 г.	1904 г.	1905 г.
1. Январь . .	10.011	12.386	164,4	152,4	24,7	13,0	40,66	20,77
2. Февраль. .	10.178	12.691	173,3	175,2	22	16,6	38,80	29,17
3. Март . . .	10.331	13.538	171,4	196,7	22	26,3	39,04	51,76
Итоги за 1-ю четверть					68,7	56,0	118,50	102,70
4. Апрель . .	11.011	13.587	170,5	192,9	25	20,1	42,79	38,96
5. Май. . . .	11.218	13.827	170,0	193,6	24	23,3	41,05	45,28
6. Июнь . . .	21.589	13.825	174,4	186,6	25	17	45,03	31,85
Итоги за 2-ю четверть					74	60,3	128,87	116,09
Итоги за перв. 2 четв.					142,7	116,3	247,37	218,79
7. Июль . . .	12.065	2.230	175,2	132,4	26,9	25,9	47,22	34,37
8. Август. . .	12.104	13.364	179,8	193,4	24,5	20,8	44,13	40,29
9. Сентябрь .	12.352	14.440	177,1	199,13	25,4	25,5	45,14	50,89
Итоги за 3-ю четверть					76,7	72,2	136,49	125,55
Итоги за 3 перв. четв.					219,4	188,5	383,86	344,34
10. Октябрь. .	12.768	14.546	179,8	199,10	25,2	22,5	45,44	44,81
11. Ноябрь . .	13.204	14.084	182,3	206,2	26,1	21,6	47,65	44,56
12. Декабрь. .	13.196	13.677	175,4	174,4	23,9	16,3	42,04	28,84
В среднем в день . . .			174,4	183,6				
Итоги за 4-ю четверть					75,2	60,4	135,13	118,21
Итоги за годы в целом					294	249	518,99	462,55

Приложение № 3. Таблица № 3.

Ситце-набивная фабрика Красно-Пресненской Трехгорной мануфактуры (бывш. Прохорова).

Колебания по месяцам за 1904—5 г.г. числа рабочих дней, поденных рабочих и их заработка.

Год.	Месяц.	Число рабочих дней в м-ц.	Число поденных рабочих.	Средний заработ. в м-ц поденного рабочего.	Итоги по четвертям года.	Год.	Месяц.	Число раб. дней в м-ц.	Число поденных рабочих.	Средний заработок рабочих в месяц.	Итоги по четвертям года.
1904	IV	15,3	2.048	10,23		1905	IV	4,0	196	5,72	
	V	23,3	2.041	14,17			V	17,0	1.976	12,95	
	VI	23,6	2.088	14,88	44,22		VI	21,6	2.207	15,24	33,91
	VII	24,3	2.144	15,11			VII	23,8	2.157	16,56	
	VIII	23,8	2.059	15,00			VIII	23,00	2.175	17,73	
	IX	22,9	1.990	14,78	44,89		IX	23,3	2.161	12,66	46,95
	X	22,7	1.965	14,59			X	22,9	2.133	17,60	
	XI	24,6	1.928	16,28			XI	23,8	2.099	19,54	
	XII	23,9	1.909	15,47	46,34		XII	8,3	2.055	7,08	44,22
1905	I	20,2	1.858	13,66		1906	I	21,1	1.881	17,84	
	II	20,3	1.841	14,27			II	21,1	1.920	17,16	
	III	24,80	1.804	16,80	44,73		III	20,4	1.899	16,80	51,80
	IV	5,6	1.111	4,93			IV	—	—	—	—
В ср. за год.		21,8	—	14,56	180,18			20,50	—	15,54	176,80

Слепков.

К эволюции положения о государственной думе [1]).

I.

Ничто так ярко и выпукло не иллюстрирует трагедию русской буржуазии, как история русского пролетариата.

Рожденная в бурях революции, Государственная Дума была обречена на бессильную и позорную роль. Эта роль была обусловлена особенностями русского исторического процесса. Если в большинстве стран Западной Европы пролетариат стал готовить свою революцию после длительного периода укрепления и политического господства капитала, то в России XX века пролетарская революция назревала еще в условиях господства самодержавно-помещичьего строя. История причудливо сгрудила в России XX века различные хозяйственные и социальные формации, сочетала разнотипные системы производственных отношений, которые, отразившись в необычных для западно-европейских стран комбинациях борющихся классов, придали русским революциям своеобразный характер.

Втянутая в конце XIX века в систему мировых хозяйственных связей, Россия форсированным маршем шагает к крупному промышленному капитализму, сосуществующему с феодально-крепостническими и даже еще более древними отношениями.

Буржуазия еще не совершила своего переворота и не преодолела феодально-крепостнического строя, а пролетариат, подготовленный школой машинного капиталистического производства, уже вырос из пеленок буржуазной революции и ведет с начала XX века решительную борьбу против капитала, с самыми смелыми, поражающими своим размахом целями, с решительностью бороться с капиталом до победы, т.-е. преодоления капитализма.

Хозяйственный и политической кризис начала XX века обнаруживает сложную систему социальных противоречий, в которых противоре-

---

[1]) Настоящая статья представляет собою, в сущности говоря, обработку протоколов Петергофского и Царскосельских совещаний. Во избежание излишних повторений в ссылках, мы ограничиваемся лишь указанием этого основного источника, использываемого нами на протяжении всей работы в данном примечании.

Петергофское совещание о проекте Гос. Думы, Петр., 1917 г. Изд. „Голоса Минувшего".

Протоколы Царскосельских Совещаний „Былое" за 1917 г. №№ 3, 4, 5, 6.

В случае, где нами используется другой источник (Статистика раб. движ. В. Варзара, письма Витте к царю и т. д.) мы указываем на него в тексте.

Разбираемые нами юридические акты правительства собраны в особом справочном издании Госуд. Думы 4 созыва (подготовленном приставской частью Думы).

чия капитализма и феодализма заслоняют мещным антагонистическим движением внутри созревшего и потрясаемого классовой борьбой капитализма. Уже 1905 год наметил незаконное сожительство буржуазной и пролетарской революций.

Промышленный капитал еще в XIX веке вступает в блок с помещичьим классом, государство которого опекает промышленность и ведет протекционистскую политику. Развертывающееся движение пролетариата еще более толкает буржуазию на позицию контр-революции. Буржуазия перестает быть революционной силой. Миссию руководителя буржуазной революции берет на себя пролетариат, который, однако, не ограничивается этой ролью и в процессе революции развертывает наступление и на капитал.

Таким образом, начало XX века знает Россию, которая по своему об'ективному экономическому состоянию созрела для буржуазной революции, но в этой революции своеобразное сочетание классовых сил укрепляет социалистическое течение, представленное пролетариатом, который толкался кризисом на рельсы социалистической революции. Буржуазия была бы не прочь руками пролетариата загресть жар. Когда после январских событий, ощетинилась вся пролетарская Россия, буржуазия забила в барабан оппозиции, пытаясь изобразить, что именно она есть руководитель развертывающегося общественного движения, способный придать ему организованность и реализовать его завоевания. Но барабанщик не командир. Поскольку фактически главной революционной силой был пролетариат, а вождем революции—его социал-демократическая партия, буржуазия попала в положение обреченного на неудачу. Было ясно, что при всяком исходе революции буржуазия не станет у власти.

Если революция, возглавляемая пролетариатом, победит,—буржуазный парламентаризм будет отброшен, как политическая форма господства класса, враждебного победившим социальным группам, раньше всего пролетариату.

Если революция будет подавлена, то буржуазия беспомощна, ибо, если бы она даже была революционна, она не располагала бы физической силой революционных масс. При таких условиях буржуазия вынуждена остаться во второй роли, так как первую ей не уступит добровольно помещичий класс.

И победа, и поражение революции—исключают возможность укрепления буржуазного господства, исключают условия, в которых бы буржуазный парламент мог сыграть в русской истории крупную роль. Но диалектическая логика истории капризна. Если в конечном счете, характер революции обусловил слабость руского парламента, то все частичные достижения Думы в становлении находятся в тесной связи с успехами революции.

Эволюция положения о Государственной Думе—блестящее тому доказательство.

II.

Именно в обстановке и под влиянием великих потрясений I-го полугодия 1905 г., начавшихся Кровавым Воскресеньем 9 января и завершившихся июньским революционным выступлением броненосца «Потемкин» в Черном море,—самодержавие, несмотря на социальную сле-

поту помещичьего класса, обнаруживает опасную трещину в троне. Трещину нужно было заделать, — и материалом для конституционного ремонта—осторожно и с постоянной готовностью взять уступки обратно— намечается буржуазия. Купленная конституционными уступками, буржуазия вступит в блок с самодержавием, прекратит свою игру на революционном движении пролетариата, и, потянув с собой в «единую реакционную массу» и мелкую буржуазию, изолирует рабочий класс. Таков план отступления самодержавного государства.

Первым этапом этого отступления является период разработки положения о Законосовещательной Думе, открывшийся манифестом 19 февраля—и заключенный законом 6 августа 1905 года.

Январь открыл массовое революционное движение рабочего класса. По официальным данным, приведенным В. Варзаром, и, разумеется, значительно преуменьшенным, в январских стачках участвовало 414.438 рабочих, при чем из зарегистрированных правительством бастовавших в январе рабочих более 55% мотивировали стачку политическими требованиями. Но, несомненно, что и стачки, не имевшие политических мотивов, носили в этой обстановке острой классовой борьбы политический характер.

Эта январско-февральская волна революционного движения пролетариата вынудила правительство выдать буржуазии первый вексель. 18 февраля 1905 года на имя министра внутренних дел поступает высочайший рескрипт, в котором царь возвещает, что он «вознамерился отныне с Божиею помощью привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений...» «Соображая особые условия обширного отечества нашего, разноплеменность состава его населения—и слабое в некоторых его частях развитие гражданственности, — предупреждает царь, — государи российские в мудрости своей всегда даровали необходимые, в зависимости от назревших потребностей, преобразования, лишь в порядке известной последовательности и с осмотрительностью, обеспечивающей неразрывность крепкой исторической связи с прошлым, как залога прочности и устойчивости сих преобразований в будущем»... «А посему... Я признаю за благо учредить под вашим председательством особое совещание для обсуждения путей осуществления сей моей воли»... Здесь было только обещание законосовещательной Думы, но и это самодержавие считало большой уступкой.

Особое совещание под председательством министра внутренних дел А. Г. Булыгина тянуло свои работы вплоть до лета 1905 г. А за это время в орбиту революционного движения был втянут рабочий класс всей России, с весны же 1905 г. запылали помещичьи усадьбы и разразился первый удар аграрной революции, а в июне 1905 г. вспыхнуло первое, напугавшее своими возможностями, военно-революционное движение в Черноморском флоте. Рабочий класс все настоятельнее выдвигает политические требования и во второй четверти 1905 г.—по правительственным данным—из зарегистрированных стачек 59,3% являются политическими стачками, т.-е. стачками по политическим мотивам.

С конституционным ремонтом нужно было спешить, уступка буржуазии представлялась совершенно неизбежной, и царь созывает летом (заседания 19, 21, 23, 25 и 26 июня) совещание в Петергофе для обсуждения положения о Государственной Думе на основе рескрипта 18 февраля.

Состав Петергофского совещания еще не включает представителей буржуазных политических организаций и буржуазных лидеров. Оно почти целиком состояло из министров самодержавного правительства (министры: внутренних дел—А. Г. Булыгин, обер-прокурор Синода—К. П. Победоносцев, финансов—В. Н. Коковцев, юстиции—Манухин, военный—ген. А. Ф. Редигер, земледелия—П. Х. Шванебах и т. д.), великих князей (Михаил, Владимир и Алексей Александровичи, Николай Николаевич и Александр Михайлович) и представителей об'единенного дворянства, наиболее видными из которых являлись гр. А. А. Бобринский, А. С. Стишинский и А. А. Нарышкин.

По странной иронии истории—либерально-буржуазное течение было представлено специально приглашенным на это совещание об'единенным дворянством «заслуженным профессором» В. О. Ключевским.

Исходным моментом совещания явилось рассмотрение Булыгинского проекта, несколько модифицированного Советом Министров. Булыгинский проект носит на себе еще весьма заметные следы влияния помещичье-феодальной идеологии.

В основном, для Булыгинского проекта характерны следующие принципы избирательного права (мы говорим «избирательного права», ибо различие между проектом Булыгина и последующим модифицирующим его проектом Сов. Министров и положением 6 августа, заключается исключительно в различии избирательного права, в то время, как права Думы всюду не выходят за рамки законосовещательного учреждения).

Во-первых, избирательное право распространяется только на достигших 25-летнего возраста, вследствие чего большая группа достигших совершеннолетия, несущих различные государственные повинности и участвующих в процессе производства граждан, лишается активного и пассивного избирательного права.

Во-вторых, женщины, как правило, тоже не имеют голоса, за исключением отвечающих требованиям имущественного ценза.

Эти привилегированные буржуазные женщины могли передать свои голоса близким родственникам мужского пола, отвечающим остальным требованиям избирательного права.

В-третьих, проект исключал правоспособность евреев.

В-четвертых, лишались права находящиеся под следствием, осужденные или судившиеся и не оправданные судом, хотя бы они были освобождены от наказания силой манифеста. Это ограничение било по наиболее активной революционной части общества, носившей на себе клеймо осуждения судебных организаций самодержавного государства.

Все эти ограничения не носят на себе еще следов буржуазного влияния и об'ясняются консерватизмом самодержавно-помещичьего государства.

Но в дальнейшей разработке проекта избирательного права Булыгин склоняется к буржуазному принципу имущественного ценза. Государственное хозяйство строится на капиталистических основах. Нужды самого государства, господствующего класса помещиков, обусловили широкое железнодорожное строительство, а в связи с ним и поощрение крупной тяжелой индустрии. К капитализму же идет помещичье государство в своей финансовой и удельно-хозяйственной политике. Самодержавное государство железной логикой экономического развития вынуждено помогать врастанию капитализма в русское хозяйство.

Мир же крупной промышленности есть мир господства капиталистических производственных отношений, находящих свое отражение в буржуазной психологии и идеологии, принципиально отличных от психологии и идеологии помещичьего класса.

Именно поэтому во всю идеологию—и раньше всего правовую—господствующего класса просачиваются буржуазные принципы. Булыгинский проект кладет в основу не чисто сословный принцип, но, отражая собою обуржуазивание самодержавного государства, втискивает сословное избирательное право в рамки буржуазного принципа—имущественного ценза.

Самодержавие дорожит властью. Всякая попытка конституционных ограничений встречает с его стороны сопротивление и только под угрозой Дамоклова меча рабоче-крестьянской революции оно соглашается на создание пока еще только законосовещательной Думы. Но поскольку эта уступка уже дана, министру самодержавного правительства Булыгину кажется вполне естественным, не противоречащим правительственным взглядам, построить избирательный закон на основе имущественного ценза.

Все избиратели по Булыгинскому проекту должны быть собственниками. Лишенные средств производства, лишены и права голоса. Это пятая характерная черта Булыгинского проекта.

На основе имущественного ценза, но применяясь и к старым сословным делениям, избиратели делятся у Булыгина на три категории: 1) уездные землевладельцы и владельцы ценных торгово-промышленных предприятий в уезде, при чем мелкие землевладельцы имеют пропорционально-меньшее количество голосов относительно крупных; 2) городские избиратели, владельцы недвижимого имущества и торгово-промышленных предприятий определенного размера на территории города; 3) мелкие сельские собственники—крестьяне и казаки.

Число выборщиков по этим категориям определялось «отношением сумм сельских сборов, взимаемых с имуществ, принадлежащих уездным и городским избирателям, к суммам сборов, уплачиваемых с надельных земель».

Применение этого принципа давало крестьянам 2.535 выборщиков, т.-е. 43%; землевладельцам 1.965 выборщиков или 34%; горожанам 1.338 выборщиков, 23% из общего числа 5.838 выборщиков в 51 губ. Европейской России и Ставропольской губ. Крестьянство получает, таким образом, около 45% всех выборщиков. Мелкие сельские собственники относительно благополучно представляются — по этому проекту — в Законосовещательной Думе. Здесь есть некоторое отклонение от принципа имущественного ценза. Крестьянство выделяется, как правоспособное в избирательной области сословие, вне зависимости от степени имущественного благосостояния. Мотивы благосклонного отношения правительства к крестьянству обнаружатся нами при анализе материалов Петергофских совещаний. Для пролетариата, революция которого вынудила пойти на Законосовещательную Думу, двери в эту Думу были накрепко заколочены.

Итак, Булыгинский проект избирательного закона построен на принципе имущественного ценза, исключающего пролетариат и городскую среднюю и мелкую буржуазию из сферы влияния этого закона, и несколько модифицированного в сторону сословного признака по отношению к помещичьему классу и крестьянству.

Наконец, последней особенностью Булыгинского проекта является многостепенность выборов (3-х степенность для крупных землевладельцев и городских избирателей и 4-х степенность для мелких землевладельцев и крестьян). Многостепенность выборов, как это совершенно выпукло выявилось на выборной практике помещичьего государства, имела своей целью главным образом отсев нежелательных «низовых» представителей, не имеющих достаточной силы противостоять фальсификаторским тенденциям уполномоченных государством руководителей выборов, каковыми в деревне были помещики.

Так должна была выглядеть Булыгинская Дума.

На первый взгляд становится даже странным, что такую Думу боялись дать «народу». Боязнь эта была проявлением социального инстинкта самосохранения помещичьего государства, в глазах которого всякое выборное общероссийское и всесословное учреждение—в условиях революции—может представлять потенциально новую организацию государственной власти.

Однако ко времени перенесения Булыгинского проекта в Совет Министров, революция сделала новые успехи. Нужно было итти на новые уступки. Чрезвычайно характерно, что при увеличении опасности со стороны революции, Совет Министров расширяет круг лиц, имеющих право избрания в Думу.

В число уездных избирателей Совет Министров включил не только землевладельцев, но и людей связанных с землею (арендаторов, управляющих крупными имениями).

Городские избиратели были пополнены: 1) квартиронанимателями, платящими квартирный налог не ниже 10 разряда (в крупных городах платящих за квартиру не меньше 1.320 р. и квартирного налога—45 р., в более мелких—не ниже 1.000 р. квартирной годовой платы и 33 р. налога), и 2) плательщиками промыслового налога.

Эти поправки дали избирательное право городской средней и мелкой буржуазии. Пролетариат попрежнему был вне Думы. Распространив избирательное право и на евреев, Совет Министров обнаружил свое безразличие к национальности, поскольку дело касается буржуазии. Главное, чтобы был имущественный ценз, главное—буржуазность, а национальность—момент третьестепенной важности. Для крупных землевладельцов и горожан трехстепенные выборы были затем заменены двухстепенными, а для мелких землевладельцев—четырехстепенные трехстепенными. Для крестьянства выборная лестница попрежнему осталась четырехстепенной.

Таким образом, Совет Министров более последовательно проводил в избирательном законе принцип имущественного ценза.

Государственная Дума должна быть в основном Думой крупных собственников, имущественно благосостоятельных групп,—выборная процедура сокращалась именно для этих буржуазных групп населения.

Чрезвычайно характерно, что в Совете Министров против расширяющих избирательный закон поправок голосовали лишь министры, не имеющие прямого отношения к хозяйственной политике (министр народного просвещения Глазов и Госуд. контролер Лобко). Ни министр финансов, ни руководитель торгово-промышленной политики государства не только не выступали против этих поправок, но были главными защитниками их. Мы увидим, как эти министры будут выступать в дальнейшем против представителей реакционного дворянства на Петергофском совещании.

Последнее, как мы уже указали, состоялось в июле, когда на страницы истории революции, пугающими правительство буквами, было вписано, на-ряду с массовым рабочим движением, революционное выступление Черноморского флота.

Новая встряска раскачала, повидимому, и трон. Совещание созывается под председательством Николая II, при участии наиболее видных представителей царской фамилии. Вопрос о Думе встал уже перед находящимся на вершине государственной власти самодержавием. О составе Петергофского совещания мы уже говорили. Велось собрание царем Николаем чрезвычайно безобразно, путанно, один и тот же вопрос обсуждался вперемежку с другими вопросами, неоднократно поднимаемый вновь после уже принятого решения. Крупные принципиальные вопросы чередовались с мелочью,—и следовать в своем обзоре совещания за развитием его в хронологическом порядке — нецелесообразно. Мы отметили поэтому лишь наиболее важные моменты в совещании—в порядке их ценности для уяснения вопроса об отношении правительственных групп к Думе.

Разработка положения насчитывала за собой больше 5 месяцев. Царское правительство убедилось в неизбежности учреждения Думы. Но сделать это без санкции помещичьего класса, его правых кругов, всегда являвшихся оплотом самодержавия, царь не решался. По существу, на этом совещании Совет Министров, ходом экономического развития превращенный из правительства полу-феодального дворянства в правительство и крупнейшего, связанного с государственным хозяйством, капитала, — должен был отстоять свой проект перед лицом царя от нападков черносотенного помещика.

Без печати этого махрового совещания и царь, и Совет Министров не мыслили для себя возможным превратить проект в закон. В самом начале Николай II ставит тревожащий его вопрос: «находится ли проектированный новый закон в полезном согласии и правильном сочетании с нашими основными законами».

Большинство представителей Совета Министров и Государственного Совета отвечает на этот вопрос положительно... «Проект Совета,—говорит статс-секретарь граф Д. М. Сольский,—не нарушает начал самодержавия. Предложенное в одобренном Советом Министром проекте устройство существенно отличается от западно-европейских форм тем, что на Западе партии представляют из себя не что иное, как договор между монархом и народом: листом бумаги определяются права одной и ограничивается власть другой стороны. О таком ограничении самодержавной власти в проекте Совета Министров нет речи». Министр финансов В. Н. Коковцев полагает, что на поставленный царем вопрос: «нельзя ответить иначе, как утвердительно». То же утверждает и председатель департамента законов Э. В. Фриш.

Представители об'единенного дворянства весьма резко и определенно отвечают на вопрос царя отрицательно. А. С. Стишинский и А. А. Нарышкин указывают на ст. 42 проекта, согласно которой отклоненные большинством Государственной Думы законодательные предположения возвращаются подлежащему Министру или Главноуправляющему отдельною частью для дополнительного соображения. «Между моментом составления законопроекта и моментом его утверждения самодержавной властью появляется третий момент законодательной деятельности— одобрение проекта закона большинством Думы или Государственного Совета. Предположенный ст. 42 порядок находится, по моему мнению,

в принципиальном несоответствии с основным нашим законом» (Стишинский). «Отклоненные большинством Государственной Думы законопроекты не будут поступать на высочайшее благовоззрение, хотя бы они соответствовали монаршим предначертаниям. При такой постановке дела, несомненно, нарушается то основное начало, согласно коему законодательная власть принадлежит единственно самодержавному монарху» (Нарышкин).

В сущности, отвечавшие на вопрос царя утвердительно (Фриш, Коковцев и др). были правы. Если бы Дума была построена по проекту Совета Министров в условиях равновесия социально-политической системы—самодержавию не угрожало бы конституционное стеснение. Но прав был Коковцев, когда он сказал при обсуждении этого вопроса: «Высказанные в среде совещания сомнения по поводу некоторых постановлений обсуждаемого проекта учреждения Государственной Думы исходят, повидимому, из предположения, что она будет стремиться к расширению своих прав за положенные для того пределы. Отрицать возможности подобного направления деятельности Думы, конечно, нельзя. Но надлежит во всяком случае признать, что всякие уклонения Думы от предначерченного ей пути и все связанные с ними осложнения не будут р е з у л ь т а т о м издания рассматриваемого ныне учреждения, а явятся прямым с л е д с т в и е м н е и с п о л н е н и я тех постановлений оного, которые удостоятся высочайшего в. и. в. утверждения. Если же, сверх ожидания, создастся такое положение, при котором трудно будет вселить и поддержать уважение к существующему закону, то нужно будет готовиться ко всякого рода неожиданностям, предупредить которые едва ли возможно частичными изменениями подлежащего законопроекта».

Думе дано по проекту очень мало, проекта бояться нечего, в нем нет конституции, но Дума может быть и наверняка будет бо́льшим, чем ей полагается по проекту. «Всякого рода неожиданности, предупредить которые невозможно»,—могут сделать буржуазную Думу сильнее, чем это хотелось бы сановному совещанию. По проекту Дума лишь законосовещательное учреждение, но с ним нельзя будет не считаться. Это отмечается и гр. Д. М. Сольским: «Необходимо будет помнить, что оставшимся и на будущее время правом разрешения обсуждавшихся в законосовещательных учреждениях вопросов по непосредственному соизволению в. в.—придется пользоваться с особою осмотрительностью, т.-е. преимущественно в тех случаях, когда станут возникать основательные сомнения в том, что постановления Гос. Думы направлены к достижению каких-либо партийных целей, не совместимых, по мнению монарха, с благом народным и истинной пользой государства». То же утверждает и Э. В. Фриш: «Не следует, однако, упускать из виду, что к мнению Думы придется в. в. прислушиваться с особым вниманием и относиться осторожно и бережно к ее заключениям».

Несмотря на свое нежелание допустить существование Думы, дворянские депутаты думают про себя то же. Только этим можно об'яснить последующие прения по вопросу о том, только ли мнение большинства Думы предлагается вниманию царя, или и мнение меньшинства. Депутаты реакционного дворянства не без основания предвидят, что они будут в Думе в меньшинстве. До царя будут доходить только решения буржуазного большинства Думы, а не дворянского меньшинства. И только с этими решениями при настоящей формулировке 47 и 50 ст.ст. должен будет считаться царь. «В Думе могут быть мнения весьма различ-

ные, и нередки случаи, когда мнение, получившее меньшинство голосов, заслуживает по качеству своему больше внимания, а государь его не будет знать. Краеугольный камень всего нашего законодательства—это ограждение самодержавия, а тут ему ставятся преграды. В течение четырех царствований государи нередко соглашались с мнением меньшинства Совета, а теперь его голосу хотят преградить путь к престолу» (Стишинский).

В защиту оспариваемых 47 и 50 ст.ст. проекта среди многих других членов совещания выступил В. О. Ключевский.

Историк, дававший неоднократно прекрасную картину классовых отношений в древней России, теряет способность дать этот анализ, когда дело касается современного общества, современных классовых отношений, в которых буржуазия играет весьма определенную роль.

«Знать настроение страны составляет насущную потребность правительства, а дать ему это знание может только Дума. Спрашивались народные представители уже в XVI—XVII в. в., но созывавшиеся соборы не представляли верховной власти двух мнений... Царь Алексей Михайлович говорил: «Мира все слушают». Правда, Петр В. действовал без содействия общества, но им руководила мысль лучших людей земли. После 1730 года цари снова внимали голосу народа. Императрица Екатерина II созвала представителей и с 1767 г. по речам их узнала истинные желания народа, и народ стал судить о делах, как зрячий... Затем мысль о пользе народного представительства опять гаснет и воскресает вновь лишь в царствование Александра II. Вера в свою власть, как выражение воли народа, дала ему силу провести великие реформы»...

Буржуазный историк отождествляет народ с господствующими классами и приходит к выводу, что «верховная власть—защитник выраженной народной мысли». Дайте буржуазную Думу, хотя бы и законосовещательную, «сделайте так, чтобы к верховной власти всегда доходило господствующее чувство» (т.-е. мнение большинства Думы) и «перед царем будет такое спокойное озеро. Он будет видеть дно его—душу народа».

И для такой шаблонно-буржуазной маленькой мысли нужно было историку привлекать и исторические справки и свойственное ему яркое красноречие!

Царь, весьма внимательно и сочувственно выслушивающий представителей об'единенного дворянства, в большинстве случаев все же вынужден был соглашаться с положениями проекта Совета Министров. Несмотря на тупость и упрямство, и он понимал необходимость некоторых мероприятий, которые, давая буржуази очень мало, обещали бы вместе с тем некоторое разрежение тяжелой атмосферы всеобщего недовольства. Он соглашается с предложением гр. Бобринского о том, что Дума не будет представлять лишь тех мнений, которые соберут против себя большинство 2—3 голосов как в Думе, так и в Государственном Совете.

Очень живые прения открылись в совещании о том, может ли Дума заниматься обсуждением вопросов, связанных с руководством государственным хозяйством. Здесь были затронуты вопросы о праве налогов и влиянии на железнодорожное строительство. Обсуждение первого вопроса открывается словом гр. А. А. Голинищева-Кутузова, отмечающего отсутствие прямого указания в проекте на то, имеет ли Дума право «предложения новых налогов или производства новых расходов». «Не бесполезно при этом отметить, что даже в Англии, этой классической стране парламентаризма, палаты лишены означенного права.

Число грядущих конфликтов между верховной властью и Думою желательно уменьшить всеми возможными мерами, и один из вернейших для этого способов заключается в предложенном мною сужении законодательной инициативы создаваемого ныне нового законосовещательного учреждения». Граф А. А. Бобринский соглашается с гр. Голенищевым-Кутузовым: «Если не будет предлагаемого им ограничения, Дума с первых же своих шагов станет стремиться к расширению круга вносимых в нее дел, и это будет основным источником столкновений между нею и правительством»... А. С. Стишинский находит, «что Дума не должна обладать правом возбуждать вопросы об установлении новых налогов и усилении существующих», ибо должной осторожности при изыскании источников податного обложения «от Думы едва ли можно ожидать».

Дворянские представители не без основания боятся, что буржуазная Дума будет стремиться черпать налоги не из капиталистической доли общественного продукта—капиталистической прибыли, а уменьшить долю землевладельцев—земельную ренту.

Иначе относятся к вопросу представители Совета Министров по тем причинам, которые нами уже были выяснены при анализе булыгинского проекта. «Лишение права возбуждать законодательные предположения, связанные с производством новых расходов, равносильно было бы совершенному отнятию у нее законодательного почина,—утверждает министр юстиции С. С. Манухин,—ибо все вообще новые мероприятия требуют для своего осуществления известных денежных средств». Министр финансов В. Н. Коковцев солидаризируется с министром С. С. Манухиным. «Нет такого закона, который не требовал бы прямых или косвенных, бо́льших или меньших пожертвований государственного казначейства. Если будет введено в учреждение Государственной Думы ограничение законодательной инициативы предметами, не требующими новых расходов, то Дума фактически никогда не будет в состоянии осуществить даруемое ей весьма важное право». На стороне министров стоит, конечно, и В. О. Ключевский: «Вам самим угодно было выразить, — обращается Ключевский к царю, — что жизнь укажет нам пути к устранению тех несовершенств и погрешностей, которые могут оказаться в таком новом и большом деле, которое задумано на благо всех поданных. Все эти несовершенства прежде всего почувствуются самой Думой, и потому именно за нею должен быть обеспечен почин возбуждения перед в. в. в установленном порядке ходатайств об усовершенствовании предстоящего к изданию органического закона».

В. О. Ключевский свое положение старается обосновать на обещаниях и положениях самого царя. Мы видели уже, что все его исторические экскурсии при обсуждении предыдущего вопроса имели целью доказать необходимость считаться с мнением большинства Думы на основе установления «крепкой исторической связи с прошлым, как залога прочности и устойчивости сих преобразований в будущем». (Из царского рескрипта 18 февраля). Таким же методом доказательства своей правоты пользуется В. О. Ключевский и здесь, предвосхищая будущую тактику к.-д. в 1-ой Гос. Думе. Законодательная преемственность, санкция своего существования и своих положений царским законом, — это было принципом тактики буржуазных партий в русском парламенте.

Вопрос о законодательной инициативе налоговых изменений у царя отражался так же, как и у дворян. Он засвидетельствовал это своим то-

ропливым согласием с Голенищевым-Кутузовым. Но, встретив солидное сопротивление со стороны Совета Министров, он заявляет о своем согласии с представителями Совета Министров.

Совет Министров одерживает над об'единенным дворянством еще одну победу. Царь соглашается не с наиболее близкими и родными членами его правительственной семьи, но наиболее трезвыми и по существу более сильными.

Совершенно иное отношение встречает предложение члена Гос. Совета В. В. Верховского — о предоставлении Думе права рассмотрения вопросов гарантии облигационного капитала частных железнодорожных обществ. Наиболее энергично возражают Верховскому уже не представители об'единенного дворянства, а Совет Министров, и особенно В. Н. Коковцев.

«Надлежит прежде всего заметить, что по точному смыслу рескрипта 18 февраля, избранные от населения лица должны быть призваны к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений. Вопрос о железнодорожном строительстве не имеет характера законодательного; в применении к казенным железным дорогам это свойство проявляется в том только отношении, что на их постройку требуются прямые ассигнования из государственного казначейства, т.-е. отпуск кредитов, показываемых в росписи, которая подлежит рассмотрению Думы. Таким образом, включение в круг ведения Думы дел о гарантии облигационных капиталов частных железнодорожных обществ, как вопросов государственного управления, находились бы вне соответствия с положительными указаниями рескрипта в. и. в. от 18 февраля с. г. на имя М. В. Д.».

Правительство стяжало симпатии и поддержку крупного капитала именно благодаря бесконтрольной политике железнодорожного строительства. Из этого денежного мешка черпала привиллегированная крупная буржуазия колоссальные средства, но, получая капитал, она теряла политическую невинность. Связанная с правительством материальными узами, видящая в нем очень нужного и полезного помощника в деле накопления капитала, она не могла сойти в области политической с почвы самодержавного строя. И Коковцев великолепно учитывал это могучее орудие власти над капиталом, когда отстаивал сохранение за правительством права гарантии облигационных капиталов частных железнодорожных обществ.

Царь, разумеется, склонился к позиции Совета Министров. Но центральным вопросом Петергофского совещания был, бесспорно, вопрос о принципах избирательного права и порядке выборов в Думу. Если одним из факторов, обусловливающих опасность Думы, является в глазах самодержавия успех революции, то другим мог быть радикальный состав самой Думы.

Поэтому вопросы избирательного права и его применения—занимали более половины всех Петергофских совещаний (3 из 5).

Вопрос был поставлен в очень откровенной, и если принимать во внимание историческую обстановку, прямо-таки циничной форме,—должны ли быть выборы построены на сословном принципе или принципе имущественного ценза.

Ставить вопрос о законосовещательном «народном» представительстве, построенном на сословном принципе за несколько месяцев до того момента, когда в Питере фактически носителем политической власти, правда, на короткое время, сделался Совет Рабочих Депутатов! Какая

яркая иллюстрация своеобразия классовой обстановки в революции 1905—1907 годов!

«Я лично принадлежу к числу тех,—декларирует представитель об'единенного дворянства А. С. Стишинский,—которые придают словам рескрипта 18 февраля значение возложения на население новой и весьма важной государственной обязанности, тягла, и потому являюсь решительным сторонником построения выборов на сословном начале. В сущности, у нас имеются только две вполне организованные, жизнеспособные и потому имеющие будущность сословные группы—крестьянство и дворянство. Остальные сословия, под влиянием экономической эволюции, утратили прежнюю свою сплоченность и не могут итти в сравнение с названными двумя... В. и. в., простите мне, если я откровенно скажу, что от того удара, который нанесен будет дворянству предлагаемою в проекте учреждения Думы системою выборов, оно не оправится... Нельзя не отдать преимущества той системе выборов, которая намечена в проекте отечественного союза в С.П.Б. и построена на сословном начале. По этому проекту число членов Думы сократится против предполагаемого до 370, а с присоединением 36 членов от более крупных городов не превысит 406, при чем крестьянство будет представлено 144 членами, дворянство—131, а прочие классы населения—95».

Граф А. А. Бобринский: «Главное опасение заключается в том, что при смешанных выборах в Думу проникнут беспокойные, неблагонадежные, а потому вредные для важного, поручаемого Думе, государственного дела. Я вполне разделяю эти опасения. Поэтому и я склоняюсь в пользу выборов по сословиям. Но кроме дворянства и крестьянства, в Думе должно быть представлено и духовенство. Против этого предположения, я знаю, имеются готовые возражения: духовенство не сплочено, оно не находится на высоте своего призвания. Эти обвинения едва ли справедливы и заслужены. Во всяком случае духовенство представляет из себя огромную по своему влиянию на население силу, силу разумную и спокойную и потому заслуживающую того, чтобы правительство призвало ее себе на помощь в состав Думы».

Гр. А. А. Голенищев-Кутузов: «Я должен добавить, что хотя купечество в настоящее время и не представляет из себя обособленного сословия, однако, и в его среде имеется значительное число лиц, занимающихся торговлею преемственно, из поколения в поколение, поэтому и купечество, в моих глазах, является тою бытовою группой, которая заслуживает полного внимания к ее интересам».

Картина ясная и поучительная. Об'единенное дворянство вообще против всякого представительного учреждения, но уже если оно дано, так оно может быть принято только как учреждение дворянства, духовенства, купечества и фальсифицированных представителей крестьянства.

Новое учреждение мыслится реакционным дворянством как несколько модифицированная и повторенная почти через 140 лет—Екатерининская комиссия 1767 г. по сочинению нового уложения.

Мы помним, что там представлены были именно дворянство, купечество, духовенство, персонифицированное в представителе Синода, и крестьянство, правда лишь черносошное. Нужно ли говорить здесь о мотивах таких устремлений дворянства? Требуют некоторого обоснования и анализа лишь мотивы представителей об'единенного дворянства за расширение количественного представительства крестьянства. Предоставим слово самим дворянам.

«Необходимо обеспечить присутствие крестьян в Думе, как элемента консервативного и способного лучше всех выражать свои собственные нужды». (Князь М. С. Волконский.)

«Все мы одухотворены одним желанием: облегчить стране переход к новому порядку без потрясений. Залог этого спокойствия мы увидим в поддерживаемой нами системе сословных выборов. Об устойчивую стену консервативных крестьян разобьются все волны красноречия передовых элементов. Предоставлять крестьян их собственным силам в трудной борьбе за места в Думе невозможно. Им надо помочь». (Гр. А. А. Бобринский.)

«Крестьянский элемент и я считаю полезным для спокойной и плодотворной деятельности Думы. Крестьян можно уподобить ценному балласту, который придает устойчивость кораблю—Думе в борьбе со стихийными течениями и увлечениями общественной мысли». (П. Х. Шванебах.).

Дворянство полагает, что при известных условиях крестьянство будет опорой не революции, а реакции. Этими условиями являются 1) недопущение смешанных выборов, долженствующих исключить влияние революционных и либеральных социальных групп и агитаторов на предвыборные собрания крестьян, 2) руководство выборами крестьянства со стороны дворянства. Об этом откровенно говорят многие члены совещания.

Разве крестьянское самоуправление,—при условии господства помещичьего государства,—не сделалось ценным орудием в руках этого государства? Разве крестьянские старосты не были агентами самодержавия? Даже сравнительно «левый» член совещания Н. С. Таганцев выдает нелепый расчет дворянства на то, что при «ловкости рук», руководящих выборами уполномоченных правительством помещиков, даже в революционной обстановке, можно провести депутатами от крестьян волостных старшин. (Протокол совещания, 155 стр.). На то же надеется и Стишинский А. С. (140 стр. протоколов.).

Старые методы околпачивания крестьянства, практикуемые самодержавным государством в течение столетий, могли будто бы иметь силу и место в обстановке революции. Социальная слепота мешала дворянским представителям признать, что «tempora mutantur et homines mutantur». В их представлении история по-прежнему топталась и еще долго обречена на топтание в рамках самодержавно-помещичьего строя, в условиях господства помещичьей идеологии и культа дворянского господства. Совершенно прав Троцкий, когда он утверждает, что нет более живучей глупости, чем глупость, имеющая социальные корни.

Правда, некоторые члены совещания уже не выражали такую безусловную уверенность в покорности и консервативности крестьянства. Уже одно стремление дворянства изолировать крестьянство в выборах говорит о слабости этой уверенности. «При предполагаемой Советом Министров системе выборов в ней будут преобладать те же лица, что и на самочинных с'ездах, т.-е. крикуны, адвокаты, иного разного рода дельцы. Крестьянский элемент подпадет вредному влиянию политических агитаторов, которые будут стремиться направлять деятельность Думы на опасный и вредный для государственного порядка путь».

Но для массы правого крыла совещания еще казалось, что на крестьянство можно положиться.

Представители «левого» крыла царского совещания дают развернутую критику предлагаемых представителями об'единенного дворянства принципов избирательного права.

Тяжелой артиллерией выступает обманувший ожидания дворянства В. О. Ключевский. «По моему мнению, дворянство принесло огромную пользу в той именно области, где оно является не представителем сословия, а где оно сотрудничает народу и сообща с другими классами населения работает на пользу общую. Эта область—земская деятельность. Здесь они действуют, как лучшие люди, приносящие в земские собрания не сословное предание, а радеющие об общем благе».

Не было другого суб'ективно более страшного для представителей реакционного дворянства возражения против сословного принципа, чем кивок на буржуазную часть помещичьего класса—земцев, выступающих против сословного принципа. Еще более резко это возражение сформулировал великий князь Владимир Александрович, вообще идущий с «левой» частью совещания. «Из кого, по вашему мнению, состоит Совет Министров: из революционеров? В числе министров,—вот, например, министр внутренних дел,—есть крупные землевладельцы, которые никогда не порывали связей со своими поместьями. А ведь они не возражали, не отстаивали сословности дворянских выборов, а стремились тоже обеспечить согласный с монаршею волею состав Думы». А во время речи А. А. Нарышкина, великий князь прерывает его вопросом:—Позвольте вас спросить, к какому сословию принадлежат князья Долгорукие, Трубецкие, Голицины, Шаховские, Кузьмины-Караваевы, Петрункевичи? Они — дворяне. А что говорят и пишут?

Помещичий класс разлагается, как класс. Довольно большая часть его является более капиталистически - предпринимательской, чем землевладельческой, имеющей основным источником дохода капиталистическую прибыль, а не ренту. И именно за этой группой буржуазных помещиков будущее. Старое же дворянство теряет свою экономическую силу. «Если земля будет уходить из рук дворян быстрее прежнего, несмотря на оказываемую ему правительством широкую помощь в борьбе с этими печальными явлениями, то с таким фактом нельзя будет не считаться, как с неизбежным последствием экономической эволюции. Нужно пожалеть дворянство, но нельзя будет не признать, что оно не хотело или не сумело воспользоваться теми средствами, которые имелись в его распоряжении для предупреждения процесса обезземеления»—говорит Ключевский.

Но если дворянство неоднородно, в нем на-лицо и экономическая и социально-политическая дифференция, то то же отмечает Ключевский (несколько позже) и относительно крестьянства. Не следует забывать, что крестьянство не является вполне однородною группою населения. В нем уже начался серьезный процесс дифференциации, распадения по различным интересам. Каковы же исторические выводы Ключевского? Наиболее убедительным, по моему мнению, доводом против сословных выборов является то неоспоримое, как кажется, положение, что интересы населения получили бы крайне неодинаковые по разным местностям, весьма неравномерное, в отношении отдельных классов, выражение. Принятием имущественного ценза, как основного начала выборов, эти недостатки почти совершенно устраняются, а с тем вместе устраняется и бытовая и юридическая обособленность одних классов населения от других».

Итак, Ключевский с одной стороны констатирует выделение буржуазных элементов из старых сословий, с другой стороны, защитой имущественного ценза, высказывается за Думу именно буржуазного состава.

Следом за Ключевским высказывается ряд членов Совета Министров: «Нельзя отвлекаться от условий современности, невозможно не принимать в соображение тех явлений общественной жизни, которые не наблюдались ранее, и не позволительно отказываться от предвидения тех последствий, предусмотреть которые нам надо.... Успокоить господствующую смуту, обеспечить доброжелательное отношение к новому учреждению населения и достигнуть главной в настоящем деле цели—получить состав членов, способных выразить мнение, нужды и желания народа,—может только такая система выборов, которая наиболее отвечает равномерности и справедливости. Этим условиям более всего отвечает предлагаемая Советом Министров схема».

Коковцев, как мы видели, выясняет вопрос о целесообразности проекта Совета Министров, главным образом, не с точки зрения социально-экономической, как это делает Ключевский, а с точки зрения политических соображений. Но выводы его, как и большинства Совета Министров, те же. Сословный принцип отжил, и экономическая и политическая действительность требуют другого принципа. Этим принципом является принцип имущественного ценза. Царь, как и в других вопросах, после долгих колебаний, присоединяется к Совету Министров.

Отстоявши принцип, министры без особого труда отстояли и большинство частных положений проекта.

Наиболее спорными оказались те поправки, которые внес в булыгинский проект Совет Министров. Как уже нами указывалось, Совет Министров распространил избирательное право и на евреев.

Против этого выступает самый правый из правых членов совещания А. А. Нарышкин. «Я не буду распространяться о вреде еврейской нации, но я не могу не доложить в. и. в., что, по моему глубокому убеждению, евреев не следует пускать в Думу».

Нарышкину отвечает В. Н. Коковцев: «По установившейся почему-то традиции на министре финансов лежит защита евреев. Я, не уклоняясь от этой обязанности, считаю долгом поддержать проект Совета Министров... Лишение евреев избирательных прав несомненно являлось бы едва ли оправдываемою по отношению к ним несправедливостью». Когда к этой же точке зрения присоединяется и Д. Т. Трепов, находящий, что для прекращения революционного брожения среди евреев «надо действовать не прекращением им доступа в Думу, а другими средствами, которые устранили бы поводы к брожению», Николай склонился к поправке Совета Министров.

Гораздо больше прений возбудила поправка Совета Министров о включении в состав избирателей квартиронанимателей, под видом которых в Думу включались представители средней и мелкой городской буржуазии и, главным образом, буржуазной интеллигенции.

«Мне кажется,—выступает А. А. Нарышкин,—что нет достаточных оснований допускать квартиронанимателей. Ведь это больше окажутся адвокаты и другие дельцы—элемент, во всяком случае, едва ли желательный для Думы, скорее наоборот, надо стремиться, чтобы подобные лица не могли попасть в Думу».

По мнению гр. А. А. Игнатьева «пополнение Думы людьми так называемых свободных профессий может принести больше вреда, чем пользы».

«Я не буду повторять доводов, которые привел Совет Министров к такому заключению, — возражает В. Н. Коковцев, — напомню лишь, что принадлежа к наиболее образованному и культурному классу населения, квартиронаниматели, надо полагать, внесут в Думу только

технический навык и деловой опыт, который столь нужен Думе для разработки законопроектов».

Буржуазия не может обойтись без интеллигенции не только в производстве. Идеологами буржуазии, научными обоснователями буржуазных политических принципов, явятся, как мы увидим, не сами капиталисты и буржуазные помещики, а буржуазная профессура. Мыслима ли буржуазная Дума без буржуазного профессора, буржуазного журналиста, буржуазного адвоката, словом, буржуазной интеллигенции?

Буржуазных интеллигентов нужно было отстоять для Думы и их отстояли.

Мы не будет останавливаться на мелких вопросах, остановивших внимания Петергофского совещания, но мы не можем в заключение не указать на те методы, которыми, оставаясь на почве принятого за основу проекта Совета Министров, правительство надеялось все же обеспечить Думе желательный ему состав. Во-первых, выборами крестьянства должно руководить, по решению совещания—дворянство. Во-вторых, для «наблюдения» за выборами предполагалось привлечение полиции. В-третьих, общее руководство выборами находилось, конечно, в руках органа правительства, министерства внутренних дел.

У царя были надежды, что Дума, избранная в таких условиях, может быть «Государевой Думой», как он предлагал ее назвать на заключительном заседании Петергофского совещания.

Но булыгинской Думе вообще не суждено было существовать.

Вместо нее мы имели мертворожденное дитя — закон 6 августа 1905 г., не нашедший себе применения. Этот закон был заключительным этапом развития положения о законосовещательной Думе.

Если относительно поползновений правого дворянства, проект Совета Министров, реализованный законом 6-го августа, был прогрессивным, то с точки зрения пролетариата—это было ничем. Пролетариат, как мы уже видели, стоял вне этого закона. Его еще не признали правоспособной частью населения. Для этого признания нужна была октябрьская стачка и образование Питерского Совета Рабочих Депутатов.

Может показаться, что закон 6-го августа 1905 года мог удовлетворить крестьянство, которое было представлено в булыгинской Думе относительно полно, но, во-первых, крестьянство могло в лучшем случае получить лишь около 40% выборщиков, в то время, как % крестьянского населения выражался в ту пору во вдвое большем числе, во-вторых, многостепенность выборов, стеснительные условия изолированного проведения выборов, бесспорно, на половину обесценивали права крестьян.

Таким образом, если с пролетарской точки зрения закон 6 августа был совершенным нулем, то с точки зрения мелко-буржуазного крестьянства избирательный закон 6 августа нельзя считать удовлетворительным. Может быть, он удовлетворял требованиям буржуазии? Представители городов имели по булыгинскому проекту около 23% всех выборщиков. Но это раньше всего не включало еще всю массу городской буржуазии (достаточно, напр., упомянуть, что в Петербурге с 1½ мил. населением оказалось только 9½ тыс. цензовиков, а в Москве, имеющей свыше миллиона населения, 11 тысяч и в Одессе при 405 тыс. населения — около 7 тысяч избирателей), а затем и здесь двухстепенная система умаляла значение этих прав.

Но нет никакого сомнения, что в союзе с буржуазными слоями землевладельческих выборных, буржуазия, даже по этому закону, имела бы в Думе шансы на большинство.

Но и эти сравнительно сносные для буржуазии и менее сносные для крестьянства условия избирательного закона обесценивались тем, что Дума являлась по закону лишь законосовещательным учреждением, бесправным, связанным контролем и решениями Госуд. Совета. Фактически, булыгинская Дума являлась—по положению 6 августа—лишь расширенной комиссией, при чем комиссией, которой авансируется—еще до ее созыва—недоверие Государственного Совета.

Только успехи революции могли усилить в глазах самодержавия права Думы и вынудить его на дальнейшие уступки. Это, в сущности, и произошло.

III.

Третья четверть 1905 г. характеризуется в рабочем движении главным образом экономической борьбой с капиталом. Двойственная роль пролетариата в революции, в которой он борется и против самодержавия и против капитала, нашла отражение в формах борьбы рабочего класса, в характере его стачек. За сильнейшей политической всеобщей стачкой в январе - феврале, последовала целая волна частичных стачек против капитала; октябрь вновь знаменуется почти непрекращающейся до конца года сильнейшей политической борьбой против самодержавия, уступив место в начале 1906 года стачкам экономическим, правда, уже не имевшим после себя в течение нескольких лет—до 1912 г.—сильного политического массового движения. В сентябре, по официальным данным, охватывающим только сравнительно крупные (до 50 чел.) предприятия, обслуживаемые фабричными инспекторами, данным, подытоженным В. Варзаром, насчитывается только 30.629 стачечников рабочих, при чем процент политических выражается в 36,4. Октябрьская стачка превзошла своей грандиозностью январскую. За октябрь зарегистрировано 481.364 стачечника, из них 76%—политических. Ноябрь немного уменьшает размах движения и количество политических стачечников; однако движение носит еще массовый и угрожающий самодержавию характер: стачечников зарегистрировано 323.549, из них политических около 65%. В декабре вновь отмечается под'ем — количество стачечников поднимается до 418.215, из них политических около 90%. Приведенная нами статистика очень далека от действительности, ибо она не охватывает рабочих многих предприятий. Ею не дается также представления о количестве примкнувших к рабочей стачке мелко-буржуазных попутчиков, но тенденция развития движения иллюстрируется достаточно ясно и верно: 1) конец 1905 г., его последняя четверть, характеризуется массовым рабочим движением; 2) несмотря на искусственность и затруднительность разделения стачек на экономические и политические, совершенно отчетливо обнаруживается в рабочем движении этого периода сдвиг в сторону политической борьбы.

Высочайший манифест 17-го октября содержит в себе весьма ясное указание на то, что он является именно завоеванием революции.

«Смуты и волнения в столицах и во многих местностях империи нашей великою и тяжелою скорбью преисполняют сердце наше. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное

и угроза целости и единству Державы нашей... Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты... Мы, для успешнейшего выполнения общих, преднамечаемых нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым об'единить деятельность высшего правительства.

На обязанности правительства возлагаем мы выполнение непреклонной нашей воли:

1. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

2. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную Думу, привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав.

3. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог восприять силу без одобрения Гос. Думы, и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей. Призываем всех верных сынов России... помочь прекращению сей неслыханной смуты и вместе с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле».

Царский манифест прямо гласит, что перечисляемые в нем основы конституции даются ради прекращения смуты, под давлением революции, среди постоянных движений, перемен обстановок и организаций которой с пугающей четкостью вырисовывались контуры органа будущей рабочей власти—Совета Рабочих Депутатов. Когда за рядом послеоктябрьских стачек рабочего класса стало чувствоваться в атмосфере приближение нового и уже решающего боя пролетариата с самодержавием, царское правительство готовит условия, в которых бы оно имело в этой схватке все преимущество на своей стороне.

Оно обезглавляет пролетариат, громя его организации и раньше всего Питерский Совет, сделавшийся всероссийским центром руководства пролетарской революции, во-вторых, предпринимает меры к мобилизации вокруг себя общественных сил, кроме пролетариата. Этого оно думает достичь созывом Государственной Думы. Перед решающими исход революции днями декабрьского вооруженного восстания, царь созывает новые совещания—в Царском Селе на 5, 7 и 9 декабря, имеющие целью «рассмотрение предположений Совета Министров о способах осуществления высочайших предуказаний, возвещенных в пункте 2 манифеста 17 октября 1905 года», т.-е. о привлечении к участию в Думе лишенных этого права избирательным законом 6 августа 1905 года. На совещании уже присутствуют, кроме сановников, представители либеральной буржуазии промышленно-капиталистической—А. И. Гучков и помещичьей—Д. Н. Шипов.

Революционные события шагнули настолько далеко, что буржуазия является уже не только об'ектом совещания, как это было летом 1905 г. в Петергофе, а и его суб'ектом. Присутствует на совещании и новый премьер—гр. С. Ю. Витте.

На совещании фигурируют два проекта избирательного закона: проект Совета Министров и проект Гучкова—Шипова.

Совет Министров, сохраняя куриальность и многостепенность выборов положения 6 августа, предложил в развитие пункта 2-го мани-

феста 17 октября 1905 г. расширить круг избирателей включением в него: 1) группы городских жителей, имеющих источником существования умственный труд или торговлю и промыслы, т.-е. городскую мелкую буржуазию; 2) уездных избирателей, не сливающихся с населением земледельческим, т.-е.—сельской интеллигенции; 3) более мелких землевладельцев и арендаторов, т.-е сельскую мелкую хозяйственную буржуазию и 4) рабочих.

В общем, по проекту Совета Министров, 41,9% выборщиков должны принадлежать крестьянству, 32,4%—землевладельцам, 22,1%—городским избирателям и 3,4%—рабочим.

Таким образом, на-ряду с расширением прав Гос. Думы и превращением ее из учреждения законосовещательного и законодательное, Совет Министров предполагал распространение избирательных прав на мелкую буржуазию и пролетариат. Так постепенно, шаг за шагом, революция вносила в конституцию царского правительства все новые и новые поправки.

Еще более радикальным был проект Гучкова—Шипова, основанный на принципе всеобщности и отвергнутый Советом Министров, так как, по мнению Совета, «при наших общественных условиях при всеобщем голосовании совершенно растворяются немногие и пока еще единственные культурные органические части общества: частные землевладельцы, вся крупная промышленность, наконец, все образованные классы», а «сильнее всех будет работать при выборах единственно существующая, сплоченная и организованная революционная партия, которая, несомненно, достигнет весьма значительных результатов».

Совет Министров мудро указывал буржуазным партиям, что при настоящем соотношении социальных сил и характере революции всеобщее избирательное право может привести к провалу не только правых полу-крепостнических слоев помещичьего класса, но и «растворению» крупного капитала.

Это, повидимому, чуяли уже и сами буржуазные прожектеры, внесшие в свой проект неправоспособность судившихся и судом не оправданных, хотя бы и помилованных по амнистии, каковым ограничением надеялись лишить правоспособности активистов-революционеров, а за тем заимствовавшие из булыгинского проекта стеснительные условия для избирательной агитации.

Обсуждению этих двух проектов и было посвящено Царскосельское декабрьское совещание 1905 года.

Царскосельские совещания вообще носили иной характер, чем петергофские. Здесь не было очень длинных, общих и патетических речей,—вопрос ставился очень конкретно и разрешался скоро. События исключали возможность многоречивого заседания.

На второй день заседания гр. С. Ю. Витте отметил то изменение, которое произошло в соотношении классов за период от Петергофского до Царскосельского совещания. «Все наши усилия заключались в том, чтобы отделить революцию от общественного мнения. Правительство обязано бороться против революции, но не должно было воевать с теми, которые дорожат величием России и монархическим режимом.

Теперь благоразумные люди увидели, что только в вашей, государь, власти они могут обрести спасение. Ряды их с каждым днем увеличиваются, и правительство должно делать все для того, чтобы привлекать благоразумных людей на свою сторону. Меры, принятые в. и. в., избавили Россию от громадного пролития крови, и я не нахожу, чтобы эти меры были уступками».

Новый умеренно-либеральный буржуа - премьер дает понять правой части совещания и раньше всего царю, что с буржуазией «не должно было воевать» раньше, еще менее смысла имеет воевать теперь, когда «благоразумные... увидели», что революция страшна, что пролетариат хочет больше, чем буржуазную реформу. Теперь задача в дружеском, совместном с либеральной буржуазией, подавлении пролетарской революции.

В унисон Витте прозвучала декларация Шипова, представителя Союза 17 октября. «Грозное время,—говорит Шипов,—переживает Россия: смута, деморализация проникли в общество, утеряно всякое сознание не только гражданских, но и нравственных обязанностей; исчезло понятие долга. При таких условиях совершенно необходимо организованное взаимодействие правительства и общества, а в действительности между правительством и обществом—пропасть. Основания к умиротворению страны положены манифестом 17 октября. Теперь самое важное—опубликовать как можно скорее закон о выборах и определить срок созыва Гос. Думы». «Мы, члены союза 17 октября, хотим укрепления власти и проведения возвещенных в. и. в. реформ».

И царское правительство, и представители буржуазной партии хотят твердой власти, стремятся к подавлению революции. В минуту опасности они чувствуют свою солидарность и действуют, как одна сила, одним фронтом. Символом этого тесного контакта является назначение премьером С. Ю. Витте, который суб'ективно был противен и чужд царю и придворному дворянству, но который был наиболее удачной фигурой, персонифицирующей умеренную буржуазию, дорожащую, по его собственному выражению, «величием России и монархическим режимом». Но как подавить революцию? И мысль «благоразумных» бьется в перманентных противоречиях.

Представительное учреждение неизбежно, и при том такое, которое включило бы депутатов широких масс, грозную силу, для которой Дума будет противоядием.

«Весь вопрос в том,—обращается к совещанию Витте,—имеем ли мы возможность прекратить смуту силой, или же необходимо вступить на путь нравственного успокоения. Можно ли рассчитывать на успех в первом случае? Вне больших городов об этом нечего и думать: мы не располагаем достаточным количеством войска. Поэтому мы не можем отсрочить созыв Думы и должны принять тот принцип, который наиболее удовлетворит все население, весь народ, а не тот, другой или третий его элементы в отдельности. Затем необходимо как можно скорее созвать Думу. Но на этом же совещании персонифицированное «благоразумие» ставит другой вопрос: «интересно было бы знать, находят ли приглашенные деятели возможным производить выборы там, где происходят беспорядки. Во многих местностях все консервативные элементы бежали из деревни, и население находится всецело под влиянием революционеров».

Управляющий министерством внутренних дел особенно боится этой революционной обстановки выборов. «Мы открываем двери таким людям, которые чужды всяких традиций и государственного дела обсуждать не могут, которые недавно еще предводительствовали грабительскими шайками, разорявшими помещичьи усадьбы».

Большую задачу задала история «высокому» собранию!

Вопрос в конечном счете решается на улицах Москвы, где рабочий класс начинает знаменитое декабрьское восстание.

Дума должна быть дана, и Дума, как учреждение Законодательное. Но каковы должны быть принципы избирательного закона? Совет Министров предлагает взять за основу булыгинский проект и вносит в него ряд коррективов. Но эти коррективы настолько существенны, что против них возражают даже представители левого крыла совещания—октябристы Гучков и Шипов. Особенно энергично возражает против проектируемого Советом Министров создания рабочей курии Гучков. «По первому проекту (Совета Министров),—говорит он,—устанавливается известный ценз, а затем к участию вне его привлекаются рабочие, наиболее же мирные и спокойные элементы его все-таки устраняются».

Именно тем элементам, которые наиболее волновались после 6 августа, дается премия. Рабочие обособливаются в особый класс. Они имеют в Думе особое представительство в лице 14 депутатов. Эти последние будут, несомненно, держать в руках нити всего рабочего движения и будут диктовать и правительству, и обществу, и народу свои условия. Это будет организованный стачечный комитет...

Ну, а что же предлагает Гучков? Он предлагает... всеобщее избирательное право.

И он, и Шипов полагают, что всеобщее избирательное право даст более благоприятный состав Думы.

«Закон 6 августа,—говорит Шипов,—дал крайним партиям почву для распространения революционного движения среди масс, которым указывалось, что они исключены от участия в выборах... Совершенно иное манифест 17 октября... Без провозглашения принципа всеобщего избирательного права нет возможности рассчитывать вообще на производство выборов, так как в противном случае революционная пропаганда найдет для себя слишком благоприятную почву».

Гр. В. А. Бобринский, вполне соглашаясь с необходимостью всеобщего избирательного права, высказывает затаенную мысль, которая, вероятно, разделяется не одним членом совещания: «Нельзя не считаться и с тем, что имеются примеры перехода от всеобщего избирательного права к цензовому».

Пройдут, дескать, дни революции, и всеобщее избирательное право можно скушать, вернувшись вновь к цензовой системе... Но даже это утешение не может стушевать перед собранием всех опасностей, которыми чревато всеобщее избирательное право, в условиях революции. Их характеризует раньше всего член Гос. Совета А. А. Сабуров. «Рисковать всею будущностью России из-за затруднений настоящей минуты нельзя... Всеобщие выборы допустимы только там, где имеется несколько партий одинаково сильных и организованных. По моему мнению, отдавать Россию в руки той партии, которая лучше организована, т.-е. революционной, эксперимент весьма опасный, тем более, что это будет шаг уже бесповоротный. Из Петербурга уже до 5.000 молодых людей уехало в народ, чтобы его пропагандировать».

Характерно, что А. С. Стишинский, выступавший за расширение избирательных прав крестьянства на Петергофском совещании, возражает теперь против всеобщего избирательного права, мотивируя его недопустимость ненадежностью крестьянства.

«Нужно иметь в виду еще и то, что при всеобщем избирательном праве землевладельцы и торговые классы совершенно потонут в море крестьянских голосов. Между тем крестьяне недостаточно развиты, чтобы сознательно справляться с предстоящими Государственной Думе

работами, и будут легко поддаваться влиянию революционных партий и союзов. Неизбежно скажутся и аграрные их аппетиты».

Достаточно было мощного осеннего революционно-аграрного движения, чтобы представитель об'единенного дворянства изменил свою точку зрения на «благонадежность» крестьянства.

Как скоро иногда, в течение нескольких месяцев, изживаются вековые социальные иллюзии!

Значит, и всеобщее избирательное право не выход из положения. Проклятая контраверза не разрешима так, как этого хотелось бы правительству и буржуазии. Булыгинский проект с последними коррективами Совета Министров кажется совещанию все же более приемлемым.

Но, как и в Петергофском совещании, правительство в конце заседаний ищет средств обеспечить такую обстановку выборов, в которой состав Думы был бы менее радикальным.

Добрым гением правительства выступает С. Ю. Витте:

«Выборы могут быть произведены лишь там, где существует относительное спокойствие. Поэтому следует выразить в законе, что если половина членов Думы избрана, то Дума может начать свои занятия».

Фальсификация Думы—вот цель этого предложения Витте. Ту же цель, разумеется, преследует и менее тонкий политик, более откровенный монархист барон П. Л. Корф.

«Созыв Государственной Думы—это конец революции. Необходимы поэтому самые серьезные меры охраны. Для защиты избирателей нужны полиция и войско».

Но и при этих приемах совещанию кажется проблематичным обеспечение Думы «благоразумным» составом.

Даже царь не исключает возможности более печального развития событий. Возражая прожектерам Гучкову и Шипову, он заявляет: «Сегодня всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики».

Совещанию ясно, что последнее слово сказано не им, а будет предрешено исходом непосредственной классовой физической борьбы.

Царскосельское декабрьское совещание 1905 г. обнаруживает известный сдвиг в отношениях господствующих классов. Наиболее крупную роль в совещании играет буржуа—премьер С. Ю. Витте, открыто выступают с проектом всеобщего избирательного права октябристы. Правительство проявляется очень ясно, как организация крупной, умеренной буржуазии. Если в Петергофских совещаниях между крупной буржуазией и царским правительством еще можно было обнаружить вороздел, то в Царскосельском совещании—это единая, имеющая общий язык, масса.

У власти не стоят ни Гучков, ни Шипов, но Витте, в основном, ведет их политику —политику Союза 17 октября.

Правые хозяйственно-реакционные группы помещичьего класса уже не стоят у власти. Государство передвинулось на ту социальную основу, на которую оно раньше опиралось краюшком. Если раньше правительство было на $^2/_3$ организацией полу-феодального дворянства и лишь на $^1/_3$ крупного промышленного капитала, то теперь оно выступает как организация крупного промышленного капитала по преимуществу.

Правое дворянство на декабрьском совещании уже потеряло свой голос. Там, где оно его подает, оно робко поддакивает правительственной буржуазной группе. Царь спрашивает не их мнения, а интересуется мнением «московских депутатов» (Гучков и Шипов).

Результатом декабрьских совещаний явился закон 11 декабря 1905 г., в который превратился проект Совета Министров.

Мы уже видели, что в основу своего проекта Совет Министров положил закон 6 августа. Принцип законодательной преемственности, желание избегнуть в законодательстве резкого скачка проявилось и здесь. Поэтому было бы очень трудно говорить здесь о выдержанности какого-либо единого принципа. Изменения в революционной ситуации заставляли правительство вносить поправки в прежний проект, а они нагромождались на первоначальный булыгинский проект.

Новейшими и наиболее существенными пристройками к закону 6 августа явилось в законе 11 декабря расширение прав городских избирателей (вместо прежних 230.000 избирателей—по вычислениям А. Е. Лосицкого—2.700.000 избирателей) и создание рабочей курии.

Насколько далек еще этот закон от буржуазно-демократического принципа всеобщности, можно видеть из таблицы того же А. Е. Лосицкого.

Один выборщик приходится на душ населения (приблиз.).

Землевладельч. курия	2.000
Городская „	7.000
Крестьянская „	30.000
Рабочая „	90.000

Но, без сомнения, этот закон 11 декабря был шагом вперед по сравнению с 6 августа.

К концу 1905 г. таким образом мы видим, что успехи рабочего революционного движения вынудили правительство признать: 1) необходимость законодательного характера Г. Думы, 2) распространить избирательное право на все классы общества, хотя и далеко не равномерно.

IV.

В начале 1906 года был издан ряд законов, связанных с Государственной Думой (20 февр., 8 марта, 23 апреля). Эти законы охватывают третий период выработки положения о Гос. Думе, период ограничения прав законодательной Думы.

Моментом, определяющим характер этого периода, бесспорно, является спад революционного движения после декабрьского поражения рабочего класса, мобилизация сил реакции, имеющей в борьбе против рабочего класса поддержку широких буржуазных и мелко-буржуазных слоев общества.

1906 год есть год обороны рабочего класса. Если в 1905 г. стачки шли с лозунгом наступления, то теперь это борьба за сохранение занятых позиций, главным образом, экономических завоеваний. Поэтому в 1906 г. мы видим передвижку рабочего движения в сторону экономической борьбы. При обзоре статистики стачечного движения (по Варзару) мы обнаруживаем спад рабочего движения с 1905 г. на 1906 г., об'ясняемый раньше всего истощением сил рабочего класса.

В 1905 г. стачки охватывают 93,2% общего числа регистрируемых промышленных предприятий, в 1906 г.—42,2%. Динамика характера стачек видна из следующих данных: в последней четверти 1905 г. политические стачки занимают 74,2% стачечников, в 1-й четверти

1906 г.—70,9%, во 2-ой четверти—52,3%, в последней четверти падают до 40,2%.

Это абсолютное уменьшение стачек и абсолютное и относительное уменьшение политических забастовок в 1906 г. знаменуют закат пролетарской революции 1905 г.

Царское правительство это чувствует. В октябре премьер Совета Министров С. Ю. Витте великолепно учитывал силу и значение Питерского Совета Рабочих Депутатов, открыто заседавшего и руководившего революцией, и вынужден был ограничиться тогда лишь увещевательными обращениями к «братцам рабочим», ибо материальных, физических сил для подавления революции в распоряжении царского правительства еще не было. Декабрьские дни еще более дезорганизовали самодержавие.

17-го декабря, когда Московское восстание еще не было окончательно ликвидировано, Витте пишет царю (цитируемые письма опубликованы в журнале «Былое» за 1918 г., № 9): «Екатерининская дорога находится в руках мятежников... Они распоряжаются движением... Вся беда в том, что нет войск... Губернаторы заявляют, что если у них отберут мелкие отряды, то губернии погибнут... Необходимо также обеспечить главные узлы железных дорог войсками, иначе на дорогах будут постоянные перерывы. Между тем теперь идут новобранцы, они застревают, бунтуют и развращаются»...

Положение еще критическое. Всюду тонко, всюду рвется, перспективы самые мрачные.

Но вот письмо того же Витте к царю от 23-го декабря 1907 года: «Вообще можно сказать, что революционеры на время везде сломлены. Вероятно, на днях общие забастовки везде кончатся. Остаются остзейские губернии, Кавказ и Сибирская железная дорога. По моему мнению, прежде всего нужно разделаться с остзейскими губерниями. Я целым рядом телеграмм поощрял генерал-губернатора действовать решительно. Но там, очевидно, мало войск. С этими силами трудно справиться. Вследствие чего я ему еще вчера ночью телеграфировал, что, ввиду слабости войск и полиции, для поднятия авторитета власти, необходимо с кровожадными мятежниками расправиться самым беспощадным образом».

Так может писать только сознавший свою победу, мстящий пораженному врагу победитель.

Пролетариат поражен. Но тут то и обнаруживается трагизм положения либеральной буржуазии. Она рада поражению рабочего класса, ибо победа его грозит основам буржуазного строя. Но поражение пролетариата делает одновременно буржуазию бессильной. Правые помещичьи группы вновь придвигаются к власти, и к половине 1905 г. буржуазное министерство Витте пало. Неустойчивым делается и положение Гос. Думы. Либерализм осужден на прозябание. Реальные силы, вынуждающие самодержавие к уступкам, к расширению прав Думы и избирательных прав населения, — пролетариат и крестьянство, — разбиты. Правительство наступает на Думу.

Так же, как и в 1905 г., царское правительство перед изданием законов созывает совещание в Царском Селе.

Первый раз в 1906 г. оно созывает совещание в Царском Селе 14 и 16 апреля для обсуждения «Учреждения Гос. Думы».

На этом совещании мы уже не видим ни Гучкова, ни Шипова; оно замыкается вновь в кругу сановников, членов Гос. Совета и Совета

Министров. Но, несмотря на отсутствие октябристов, умеренная буржуазия все же представлена. Ее представляет С. Ю. Витте. Эта умеренная буржуазия пока у власти и пока она остается гегемоном правительственной семьи.

Каковы задачи совещания?! Революция ослабла, реакция усилилась. Можно урезать права Думы, свести до минимума права парламента. Это достигается учреждением реакционной второй палаты, Государственного Совета.

«Известно,—говорит совещанию Витте,—что только верхняя палата может спасти от необузданности нижней. Она необходима, чтобы гарантировать консервативный строй государства, чтобы не было непосредственных коллизий с верховной властью. Назначение ее состоит в том, чтобы давать отпор всем крайним взглядам». Так понимает премьер-министр задачи Совета. Но для того, чтобы Совет оправдал возлагаемые на него надежды, нужно обеспечить консерватизм его состава. Это стремление побуждает ряд членов совещания (А. С. Стишинский, П. Н. Дурново, гр. Игнатьев) выступит против принципа паритета членов Гос. Совета по выбору и по назначению царя.

«Пусть в. и. в. назначит столько членов, сколько окажется нужным» (П. Н. Дурново).

Но право царя конструировать Г. Совет может повлечь, и наверняка повлечет, превращение Совета в организацию дворянства, а это не может понравиться крупной буржуазии, ставшей у власти. «В прошлом году,—говорит А. А. Коковцев,—я согласился бы с А. С. Стишинским, но теперь надо считаться с веянием времени».

Еще более обстоятельно обосновывает необходимость паритета С. Ю. Витте: «Верхняя палата должна представлять из себя буфер. Для этого, конечно, существенно важно, чтобы она заключала в себе возможно более консервативные элементы, и нельзя не признать, что условиям этим преобразуемый Гом. Совет удовлетворяет в полной мере. В самом деле, кто входит в его состав? 18 членов от дворянства, 6 от православного духовенства, 12 от промышленности, и эти последние явятся наиболее консервативными. Отсюда ясно, что в выборном составе Совета консервативный элемент будет иметь преобладающее значение».

Буржуазный премьер ручается за консерватизм представителей крупной промышленной буржуазии. В. Н. Коковцев, имеющий в своей административной практике больше других соприкосновений с крупной буржуазией, даже полагает, что представители выборной части Совета будут не менее надежны, чем коронные его члены. «Весьма важно, будет ли учреждением снискано к себе доверие или не будет. Несомненно, однако, что искусственный подбор подорвет такое доверие. Самое же первенство никакой гарантии не представляет: и коронные члены могут оказаться не консервативными».

В результате прений Г. Совет конструируется как организация феодальных привилегированных групп и крупного промышленного капитала. Премьер предлагает еще одну меру для обеспечения консерватизма избранных в Гос. Совет. На предложение Н. С. Таганцева о сокращении срока правомочности для выборных членов до шести лет, Витте возражает: «Нет, уменьшать десятилетний срок не надо, так как чем продолжительнее срок, тем консервативнее состав избранных». Царь соглашается с доводами премьера.

Но, кастрируя конституцию, правительство этим не довольствуется, оно желает оставить себе лазейку: «между сессией Думы и Совета правительство оставляет за собой право законодательных мероприятий в виде указов», если чрезвычайные обстоятельства вызовут необходимость. «Предлагаемое правило существенно важно, так как мы не знаем, что будем переживать»—мотивирует С. Ю. Витте. «Поставить палку в углу необходимо».

Большие прения возбудило обсуждение разногласий Совета Министров по поводу примата Гос. Совета над Думой.

Что Гос. Совет должен быть верхней палатой, ограничивающей права Думы и говорящей царю последнее решающее слово от имени парламента по поводу того или иного законодательного предположения, это бесспорно приемлемо для всего Совета Министров и для всего Царскосельского февральского совещания. Оградиться от Думы, в которой будет представлено довольно значительной группой революционное крестьянство и малой по количественному составу, но чрезвычайно опасной по радикализму группой пролетариат, крайне необходимо. Но ведь в Думе в большинстве будут, повидимому, буржуазные представители промышленного и селько-хозяйственного предпринимательского капитала. И хотя эти буржуазные группы находятся в оппозиции к крупному промышленному капиталу, тесно связавшемуся и экономически и политически с самодержавием, и хотя эти группы чересчур либеральны, но ведь они все же б у р ж у а з н ы е, они являются товарищами по методу эксплоатации, по источнику доходов. Если к.-д. нельзя пустить к власти, то с их мнением не считаться нельзя.

Вот почему в Совете Министров при обсуждении ст. 4, отдела II произошло разногласие. По мнению подавляющего большинства Совета, царю представляются только те из принятых Думой законопроектов, которое получают одобрение Совета. По мнению же 2-х членов Совета, более инициативным из которых был министр Кутлер, в статью необходимо было внести следующую поправку:

«Те из законопроектов, которые будут вновь приняты Думой простым большинством голосов, могут быть затем отклонены Государственным Советом. Если же в пользу законопроекта, при вторичном обсуждении его Думой, выскажется не менее двух третей общего числа данного состава членов Думы, то законопроект, хотя бы он и не был принят Гос. Советом, представляется е. и. в.

Вначале на совещании защитников этой поправки выступал только кн. А. Д. Оболенский. «Совершенно ясно, что обсуждаемое преобразование Гос. Совета явится сюрпризом. Ждали только Думу. Вдруг, кроме Думы, явится с решительным голосом также Г. Совет, который может не допустить того, что уже принято Думой. Практически может быть этого и не будет, но возможность устанавливается. Едва ли это необходимо. Поэтому мы и предлагаем выход. Конечно, нашим мнением нарушается стройность двухпалатной системы, но это уже не так важно. Я согласен, чтобы при вторичном обсуждении требовалось не $^2/_3$, как сказано в проекте, а даже $^3/_4$ состава Думы. Важно лишь то, чтобы Дума знала, что она может довести до сведения вашего и. в. о своем мнении. Я боюсь, что в противном случае не обойтись без конфликтов».

Мы указали, что вначале кн. А. Д. Оболенский был одинок в своей защите этой поправки. С. Ю. Витте воздерживался от солидаризации с Оболенским. Вопрос был решен в желательном для большинства Совещания смысле. Но на следующем заседании в Витте

проснулся инстинкт обще-классовой буржуазной солидарности. Он вновь поднимает уже решенный вопрос и в довольно противоречивом выступлении высказывается за поправку Кутлера-Оболенского.

Витте хитрит. «Следует помнить, что Гос. Сов. учреждение аристократическое: крестьяне в его состав не войдут. Им открыт доступ только в Гос. Думу. Они и смотрят на Думу так: найдем через нее доступ к царю, найдем расправу... Какая же будет психология крестьян? Скажут, думали, что будет доступ, а между тем чиновники отдалили нас от Государя. Таким образом явится средостение, что крайне вредно»...

Как будто Витте не ясно, что в Думе крестьянские депутаты будут в меньшинстве, как будто бы не он больше всех старался воздвигнуть это «вредное средостение».

Представитель крупной буржуазии, сросшейся с самодержавием, и потому консервативной, он все же не может глядеть как на врага на более левую либеральную буржуазию, на к.-д., которые образуют большинство Думы.

Ради них он и выступает с защитой поправки Кутлера, ради них он осмеливается возражать почти всему совещанию, но сказать открыто, ради кого он старается, он боится. Самодержавие, раздавившее пролетарское движение, видело теперь реального врага, своего конкурента, имеющего в его глазах шансы на успех претендента на власть именно в этой либеральной буржуазии. Ее назвать, как об'ект своих забот, премьер царского правительства не может. И когда графу Витте указывают на то, что в Думе крестьянство, наверняка, будет иметь меньшинство, он прячется и отказывается от защиты поправки.

Таковы основные моменты февральского Царскосельского совещания, а результатом его явились: непосредственным—закон 20 февраля, а косвенным—8 марта.

Закон 20 февраля наносит сильный удар парламенту, ставя его под контроль и зависимость от реакционного государственного Совета, который строится на совершенно иных принципах, чем Г. Дума.

Наполовину назначенный царем, наполовину—состоящий из выборных преставителей дворянства (18 чел.), духовенства (6 чел.), крупного пром. капитала (12 чел.) и профессуры (6 чел.), Государственный Совет делался цитаделью реакции. Дума же вновь подготовлялась к роли большой комиссии при этом реакционном учреждении.

Ту же тенденцию ограничения прав Гос. Думы реализовал и закон 8 марта о порядке рассмотрения Государственной росписи.

Французская буржуазия начала в конце XVIII века свою борьбу со старым режимом, именно с требования контроля государственного бюджета. Нет ничего более классового, чем финансовая политика государства, его налоговая политика, общая приходо-расходная система.

Право контроля бюджета—вот требование, выставленное всеми либерально-буржуазными политическими группировками перед Думой, ибо нет конституции без права контроля бюджета, без права рассмотрения государственной росписи.

Вот почему закон 8 марта нанес жестокий удар конституционной Думе. Он из'ял из сферы компетенции Г. Думы кредиты на расходы Министерства Двора, Царской Канцелярии. Дума лишилась права сокращать назначения на платежи по государственным долгам и по другим государственным обязательствам.

Кроме того, военные расходы производились без всякой санкции Думы. Если принять во внимание, что так называемые «неотложные»

расходы могли производиться без утверждения Думы—с представлениями в Думу лишь post factum, а о «требующих тайны» расходах представления делались лишь по миновании секретности, то значение указа 8 марта будет ясно.

Перед с'ездом Думы царем было созвано в апреле в Царском Селе совещание для подготовки основных законов.

Царское правительство хотело закончить свои работы по реставрации старого строя, об'единению и согласованию последних законов со старыми.

Состав Совещания почти тот же, что и в февральском совещании. Для совещания показательно, что большинство вопросов не вызывает больших прений по существу. Разногласий почти нет, почти все поправки, направленные к юридическому подкреплению старого режима, принимаются без возражений.

Большая часть совещаний была посвящена определению прав царя, вернее, изысканию способов—путем примечаний, поправок, и раз'яснений к основным положениям—расширить его права вплоть до законодательных, за счет соответствующего урезывания прав Государственной Думы.

Определяя основные законы, совещание находит, что и самый пересмотр их должен зависеть исключительно от верховной власти.

«Надо считаться,—говорит Витте,—с государственными потребностями, которые выше логики. Я полагаю, что лучше теперь перетерпеть недовольство и оставить все, что нужно, всецело за государем, чем рисковать в будущем смутами во всем государстве».

Затем Витте намечает линию работ Совещания.

«Нужно отобрать от Думы все, что опасно трогать. Не опасно говорить о свободах, о законности, правах граждан, это все можно, но есть безусловно опасные вопросы—как основания устройства Думы и Совета, основные положения бюджетных правил и правил о займах, прерогативы монарха, как верховного главы государства. Все эти предметы надо внести в основные законы».

Эта программа и выполняется совещанием. Шаг за шагом, оно расширяет права самодержца.

Ему дается право чрезвычайных мер в опасные для государства минуты, право бесконтрольного руководства внешней политикой, право полного распоряжения военными силами, право чеканки, право займов, право бесконтрольных пенсий и пожалований и т. д., и т. д.

Особенно важное значение имеет право «указов в чрезвычайных обстоятельствах». При расширительном толковании «чрезвычайных обстоятельств» это вырывало законодательные права у Думы и предоставляло их царю.

При разработке проекта политических прав царя в отношении его к Думе, совещание пошло по пути реакции еще дальше, чем февральское совещание 1906 г.

Самым правым и консервативным в этих вопросах оказался не кто иной, как С. Ю. Витте. Это он выступал с защитой и обоснованием всех принятых поправок, возражая такому «левому», как Э. В. Фриш. Витте почти по всем вопросам политического устройства России идет нога в ногу с представителем дворянства—А. М. Стишинским.

Крупная буржуазия стала у власти, и у нее нет никаких импульсов ограничивать права самодержавия.

В политической области крупная буржуазия, представленная Витте, является теперь крайне реакционной.

Но там, где вопрос касается социально-экономических изменений, Витте выступает довольно резко против представителей дворянства.

При обсуждении вопроса об условиях отчуждения государством частной земельной собственности, И. Л. Горемыкин предлагает допустить принудительное отчуждение только для надобности государственных учреждений. Формулировка Горемыкина исключила возможность наделения крестьян землею частновладельцев.

Витте возражает: «Если об'явить крестьянам, что принудительное отчуждение не допускается вовсе для наделения их землею, то это будет величайшей ошибкой. Несомненно, у нас будет закон, который допустит отчуждение частной собственности в пользу крестьян. Через несколько месяцев государь император должен будет утвердить такой закон, или все крестьянство встанет против верховной власти».

Когда почти все участники совещания набросились на Витте, он с раздражением и уверенностью заявляет: «В Думу попадут лица, которые на первое время поставят крестьянский вопрос. Но засим в самой Думе составится большинство, которое, по цифровым данным, скажет, что наделение крестьян невозможно. В настоящее время этот вопрос кадеты замалчивают, а в Думе они сами откажутся от своего проекта, так как поймут, что осуществить его новозможно. Сама Дума отвергнет этот проект. Но сделать так, как советует И. Л. Горемыкин, это заранее составлять план революции в России».

Буржуа министр еще один раз ручается за «благоразумных», но он просит разрешения на минимальное удовлетворение их требований. Программа к.-д. будет обстрижена, но этой обстриженной программе надо обеспечить юридические предпосылки для ее реализации. Здесь Витте сказался в меньшинстве.

Все июльское совещание носит на себе печать реакции, реставрации дореволюционной России. Эта печать легла и на основные законы 23 апреля, характер которых уже выявлен нами при обзоре основных моментов совещания.

Этим законом, изданным за несколько дней до с'езда 1-ой Государственной Думы, в сущности и закончился 3-й период эволюции положения о Думе, период ограничения прав конституционной Думы. Но процесс продолжался и после первой Думы. Логическим завершением этого процесса нужно считать закон 3 июня 1907 г. Революция была окончательно подавлена. Самодержавие настолько крепко утвердилось, что перешло на прежнюю социальную основу. Вновь государственная власть переходит к помещичьему классу, крупная буржуазия превращается из суб'екта власти в об'ект, правда, наиболее опекаемый правительством.

Витте должен был уйти от власти.

Государство вновь выступило, как организация полуфеодальных классов по преимуществу.

А с окончательным подавлением революции и торжеством самодержавия, 3 июня было и возможно, и исторически неизбежно...

С. Томсини.

Борьба классов и партий в первой Государственной Думе

(27 апреля—8 июля 1906 г.).

— Что читаешь, принц?
— Слова. Слова (Из „Гамлета").

— Боженька, миленький, маленький, малю-
— Сидишь на мизинце. .. [сенький.
— Боишься? Лихорадит?
— Какой ты грустненький!..
(Из современной поэзии).

I.

Накануне Думы.

Каково было положение страны накануне созыва первой Государственной Думы?

В 1905 году промышленность испытала на себе влияние всеобщей политической забастовки, декабрьского восстания, аграрного движения и погромов. Тяжелая индустрия к концу 1905 г. очутилась в полосе кризиса, более опустошительного, чем кризис времени войны. Торговля прекратилась в небывалой степени. Удар, нанесенный промышленности, был слишком грозен для того, чтобы последствия его не сказались и в 1906 г., если бы даже в этом последнем и не было на-лицо условий, способных сами по себе создать промышленную депрессию. Но такие условия были. Революционное движение, хотя и значительно ослабевшее, продолжалось и временами, до начала осени, сказывалось довольно интенсивно. Аграрное движение росло: уездов, охваченных движением, было весной и летом 1905 г.—96, осенью—171, а весною и летом 1906 г.—305 [1]).

Локауты, тяжелая безработица, партизанские налеты, карательные экспедиции, жестокая реакция, обострили положение страны. «Революционное движение,—сознается к.-д. Езерский [2]),—оттолкнуло от революции те круги, которые в глазах левых заклеймены титулом «буржуазных». С этими кругами правительство поторопилось открыть легальный путь соглашения. Кроме того, надо было получить у Парижской биржи заем, надо было проделать комедию думы, которая впоследствии оказалась довольно ручной и по поводу займа даже не мяукнула.

---

[1]) Маслов. Аграрный вопрос в России.
[2]) См. его книгу: «Дума первого созыва».

Итак, революция получила Думу, — «дар, — пишет т. Троцкий (1905 г.), — по крайней мере, в том смысле, в каком труп собаки, покинутый на песчаной отмели отливом».

С этого момента борьба начинается под конституционной оболочкой Государственной Думы.

Права Думы.

Какими же правами был наделен наш первый парламент? Кто был допущен к выборам?

Булыгинская Дума, на основании закона 6 августа 1905 года, — законосовещательный орган, придаток к бюрократическому Государственному Совету, избираемый на основе высоко-имущественного ценза. Виттевская Дума, на основании закона 11 декабря (детище октябрьской забастовки), сохраняя куриальную систему, многостепенность выборов, предоставила избирательные права некоторым разрядам мелкой буржуазии и отчасти рабочим. Участие последних в выборах было обставлено сложной процедурой и крайним формализмом. Ремесленные рабочие были вовсе лишены избирательных прав; этим был фактически лишен избирательных прав еврейский пролетариат.

За то, как видно из «соображений министра внудел о порядке осуществления высочайших предуказаний, возвещенных в рескрипте от 18 февраля 1905 г., широкое участие крестьянского сословия в Государственной Думе признавалось особенно желательным», между прочим, «ввиду надежности этого сословия в политическом отношении». свойственной «этому сословию стойкости взглядов».

«Крестьянам, — писали авторы избирательного закона (см. «Материалы по учреждению Г. Д., 1905 г., вып. I.),—чужда мысль об ограничении самодержавной власти. В этой власти крестьянин видит для себя естественного и единственного защитника».

«Крестьянство — консервативная сила, на которую надо опираться. Об устойчивую стену консерватизма крестьян, — говорит гр. Бобринский на Петергофском совещании, — разобьются все волны красноречия передовых элементов. Крестьян можно уподобить ценному балласту, который придает устойчивость Думскому кораблю в борьбе со стихией». Поэтому в Думу были допущены и безграмотные депутаты. «Неграмотные мужики,—согласился царь с авторами «положения» о Думе», — обладают более цельным миросозерцанием, нежели грамотные. Неграмотные проникнуты охранительным духом и обладают эпической речью... Наконец, среди чтимой православной церковью святых есть один пустынник, не знавший грамоты. Все же слава о нем разошлась по всему миру и достигла Афона».

Если безграмотные попадают в святые, то тем более безграмотные мужики справятся с обязанностью депутата.

Насколько все-таки зубры заботились о своих интересах, показывает следующая табличка.

Один выборщик был на основании закона Витте по

Землевладельческой	курии	на	2.000	душ	населения
Городской	„	„	7.000	„	„
Крестьянской	„	„	30.000	„	„
Рабочей	„	„	90.000	„	„

Если закон 11 декабря 1905 года расширял избирательные права населения, то закон 20 февраля 1906 г. ограничивал права самого парламента. Он почти во всех пунктах реставрировал Булыгинскую Думу с опекой бюрократического Государственного Совета. Без верхней палаты ни один закон не мог получить силы. А эта палата набиралась из среды диких помещиков - крепостников и крупной буржуазии. Временные правила и новые узаконения о Думе и Государственном Совете постепенно сжимали, как бы железным кольцом, развернувшиеся в «дни свободы» общественные силы. В основу государственных законов, изданных за три дня до открытия Думы, было, по выражению Витте, положено «самое консервативное из консервативных конституций Японии и Пруссии».

«Накануне открытия Г. Д., — говорил Милюков на III с'езде к.-д. партии, собравшемся накануне открытия Г. Д., — правительство решило бросить русскому народу новый вызов. Изданы основные законы и право их пересмотра отнято у народа. Государственную Думу пытаются низвести на роль прислужницы бюрократического правительства. Партия народной свободы и ее представители в Г. Д. собранные на III делегатском с'езде, об'являют, что они видят в этом шаге правительства открытое и резкое нарушение прав народа, признанных за ним в манифесте 17 октября и что никакие преграды правительства не удержат народных избранников от исполнения задач, которые возложены на них народом»... Несмотря на достойную оценку прав «законодательной палаты», Долгоруков, председатель к.-д. с'езда, заявил от имени партии: «наши товарищи в Думе будут, избегая конфликтов, но без компромиссов, твердо и неуклонно работать над укреплением конституционной монархии в России» (стр. 62, стенограф. отчет).

Эти «права» первого парламента отчасти определили к нему отношение политических партий.

Либерально - монархическая буржуазия (крупная и средняя) встала на защиту монархии и помещичьего землевладения. Дальнейшее революционное движение серьезно и непосредственно грозило буржуазии и помещикам. Отношение к Г. Д. всех контр - революционных партий, включая и меньшевистской, можно характеризовать словами одного к.-д. публициста: «мы с упованием взираем на Г. Д., надеясь найти в ней и оплот от опасности революции».

Для буржуазии революция кончилась: ей нужно было возможно мирнее и прочнее закрепить сделанные в «дни свободы» завоевания.

Отношение рабочих к выборам.

Разногласия между большевиками и меньшевиками сводились в сущности к вопросу о характере революции, о роли в ней пролетариата и крестьянства. Меньшевики в этом вопросе последовательно «эволюционировали» к к.-д. Начав лишь с участия в выборах, они скоро решили активно поддерживать Думу и «при наличности с.-д. депутатов образовать в Думе с.-д. фракцию». Большевики активно бойкотировали Думу. «Участвуя в выборах, — писал т. Ленин, — невольно поддержим в народе веру в Думу. Мы ослабим этим силу своей борьбы против подделки народного представительства. Дума — не парламент, а уловка самодержавия. Только полный и последовательный бойкот даст возможность с.-д. поддержать лозунг созыва революционным народом

Учредительного Собрания — гласила резолюция большевиков, предложенная Об'единительному С'езду... «и предостерегать пролетариат от конституционных иллюзий».

«Попытка создать парламентскую с.-д. фракцию при современных условиях грозит скорее скомпрометировать Р. С.-Д. Р. П. и возложить на нее ответственность за особенно вредный тип парламентариев, средний между к.-д. и с.-д.».

Меньшевики устами Плеханова выкидывали лозунг «весь народ должен единодушно поддержать Думу, не смущаясь, что в ней господствуют буржуазные партии». Большевики говорили: «нужно поддерживать буржуазию мелкую, трудящуюся, угнетенную неимоверно, мечтающую об уравнительной дележке земли, толкаемую к решительной борьбе всем ходом событий, т.-е. трудовиков против буржуазии соглашательской, предательской, заведомо готовящей сделку с самодержавием. Как поддержать? — Борьбой не внутри Думы, а вне Думы, не Думы с министерством, а народа со старой властью».

Кто же был призван для того, чтобы выразить гнев и печаль народа? Из кого состояла Дума «народных надежд?»

Рабочие бойкотировали Думу. Об'единительный с'езд Р. С.-Д. Р. П. (на котором было меньшевистское большинство), осудив бойкот, лишь выразил настроение самых отсталых слоев рабочего населения.

«Бойкот катился по фабричной Руси — сознается лидер меньшевиков [1]) — захватывая наиболее сознательные слои рабочего класса. Там, где бойкотировали выборы наибольшее число предприятий и рабочих, в выборах принимали участие лишь немногие отсталые и малосознательные рабочие, которые, поддаваясь давлению мастеров и фабричного начальства, избирали правых уполномоченных, а порою и прямо черносотенных».

Кто же голосовал за меньшевиков, прошедших только от окраин Сибири и Кавказа? Следующая таблица, весьма показательна: те же социальные слои голосовали за меньшевиков во все Думы. [2]).

За меньшевиков голосовали крупная буржуазия, мелкие землевладельцы, лавочники и приказчики. Их избирательные платформы также, как и к.-д., шли во многих округах под общим туманными ярлыком «истинных друзей народа и передовых борцов за свободу».

Отношение дворянства и буржуазии к Думе.

В Думе не было представителя от рабочих.

Зато было не мало земцев, давших Аннибалову клятву фрондировать, дворян, владеющих 10.000 десятинами земли, профессоров, искусно топивших правду в длинных монотонных лекциях о справедливости крестьянских притязаний, адвокатов, комментировавших законы с точки зрения несуществующей конституции, «диких» помещиков, временно спрятавшихся за ширмы кадетской фразеологии.

Ведь представители буржуазии принадлежат к партии «надклассовой», заботящейся о всем народе! Какие они печальники горя народного! «Наш депутат Комиссаров,—декламировали кадеты [3]),—надворный совет-

---

[1]) См. М. Б-ов и Ф. Дан.—Рабочие депутаты в первой Гос. Думе, стр. 37.

[2]) См. таблицу на стр. 280.

[3]) Характеристики к-д. депутатов взяты из к-д. книжки „Члены 2 Гос. Думы Биографии и характеристики.—Москва, 1906 г.

Выборы на Кавказе [1]).

Избирательные участки и состав избирателей.	С.-д.	К.-д.	Блок грузинских демократов и федералистов.	„Патриоты“.	Черная сотня.
1. Больше половины рабочих, много мелкой буржуазии, крупной почти нет	1.302	232	169	320	—
2. $^2/_3$ рабочих, $^1/_9$ крупных, $^1/_6$ мелких буржуа	438	110	118	60	—
3. Лавочники и чиновники . . .	189	142	94	23	—
4. Большинство крупной буржуазии	248	286	73	89	—
5. Лавочники, приказчики . . .	443	335	30	16	—
6. Мелкая бурж., рабочие татары.	298	28	8	1	79
7. Большинство рабочих, много мелких буржуа	1.355	270	—	82	—
8. $^2/_3$ мелких буржуа, $^1/_3$ рабочих.	445	37	33	86	—
9. $^2/_3$ рабочих, мелкая и крестьянская буржуазия	1.217	242	165	100	—
10. Подавляющее большинство рабочих и интеллигенция . . .	2.352	134	160	92	213
	8.287	1.816	850	1.032	292

ник, происходит из богатой купеческой семьи, помещик Судогодского уезда, владелец небольшого завода, доставляющего ему, однако, т о л ь к о у б ы т о к (!), так как масса денег тратится на содержание школы и больницы. Рабочие обеспечены несравненно лучше, чем на других заводах, что создает Комиссарову врагов в лице других заводчиков!». А в искренность Любанского не верите? «Любанский — один из крупнейших помещиков Северо-Западного края, председатель комитета лесной биржи. Он безусловно прогрессист твердый и убежденный, так как целиком разделяет программу партии народной свободы». Вот Казимир! «Он — дворянин, крупный бессарабский землевладелец, чинов и орденов не получал по той причине, что от них отказывался. Он человек безусловно просвещенный, ш и р о к о - п р о г р е с с и в н ы й. Он не стеснен узко-партийными рамками и постоянно заботится о нуждах трудящегося деревенского люда». А Свешников? «Он казак, почетный судья, примкнул к к.-д. партии, признавая ее внеклассовой и стремящейся к защите в с е х групп населения, независимо от их социаль-

[1]) См. сб. „Перед новой Думой“, Стр. 7.

ного положения». Партия народной свободы даже солидарна с социал-демократией. Она рекомендует рабочего Савельева, с.-д., который «не признает крайностей социалистов, и Якобсона—социал-демократа, состоящего в кадетской партии, так как кадетская программа ближе подходит к программе minimum германской соц.-демократической рабочей партии».

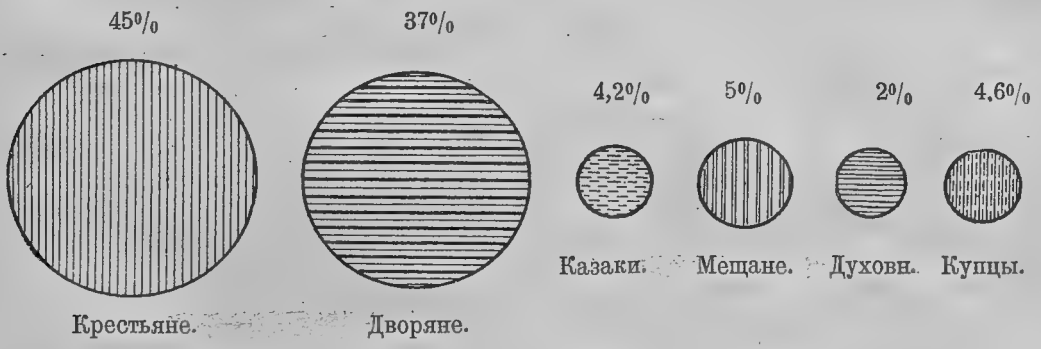
Кто шел за к-д.?

Расплывчатые к.-д. лозунги соответствовали тогдашнему настроению мелкой городской буржуазии. Не искушенная в борьбе, она сочла поражение пролетариата делом ей чуждым. Поэтому городские избиратели с разных концов России приветствовали парламент, как «чудотворную святыню, как чудесный талисман, исцеляющий и спасающий». Они заявляли, что «Дума — всенародная святыня — должна быть неприкосновенна. Нет и не может быть такой силы, которая посягнула бы на ее неприкосновенность и неприкосновенность депутатов!»

Благодаря поддержке мелкой буржуазии, к.-д. победили в городах. В особенности значительна была победа к.-д. в 20 городах с отдельным представительством: на 1.468 к.-д. выборщиков были лишь 32 прогрессиста, 128 октябристов, 32 трудовика, 76 правых и 25 беспартийных. Дворянская курия, давшая второй Думе почти исключительно правых и октябристов, в первую Думу провела 755 «неизвестных» и 200 прогрессивных, т.-е. также неопределенных, выборщиков, которым невыгодно было откровенничать. За то среди «определенных» было значительное число к.-д. — 200 и немного больше правых — 270 выборщиков. Буржуазия и дворянство об'единились в страстном желании отсечь голову гидре революции. Разногласия начались с вопроса, как рубить, чтобы вместо одной головы не выросло новых сто... Только на фоне революционного движения можно понять эволюцию классовых противоречий: накануне первой Думы еще не было уверенности, что «ураганный песок, залепляющий глаза, благодаря угодникам, пронесется». [1]). Поэтому помещики, приняв активное участие в выборах, стремились отвлечь внимание крестьян «законодательными» иллозиями...

Хотя крестьяне, как видно из этой диаграммы, численно преобладали в Думе, но парламент попал в руки почетных и потомственных дворян, среди которых было 11 князей, 7 графов и 7 баронов.

Дума по сословиям [2]).

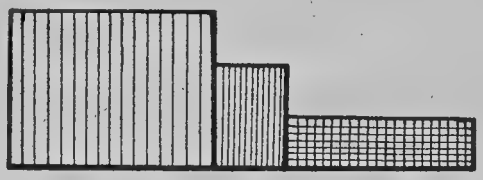


Привилегированный состав Думы отразился и на степени ее образованности. Если условно изобразить высшее, среднее и низшее образова-

[1]) См. „Воспоминания Таганцева". СПБ. 1919 г.

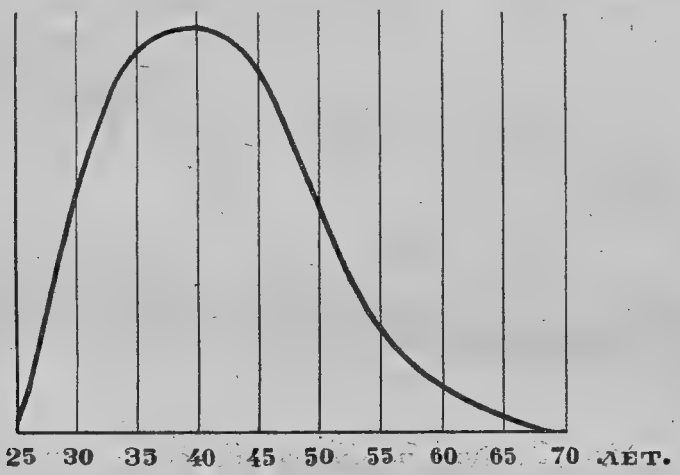
[2]) Первые четыре диаграммы составлены на основании данных Бородина „Г. Д. в цифрах" и „Нивы" за 1907 г.

ние высотою прямоугольников, а за основание принимать относительную численность лиц с той или другою степенью образования, то Г. Д. представится в таком виде:

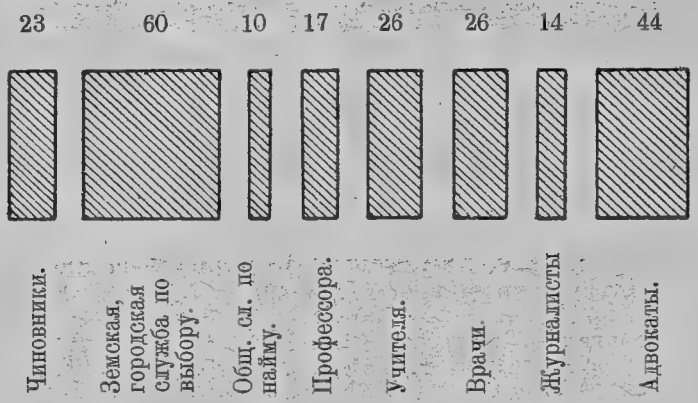


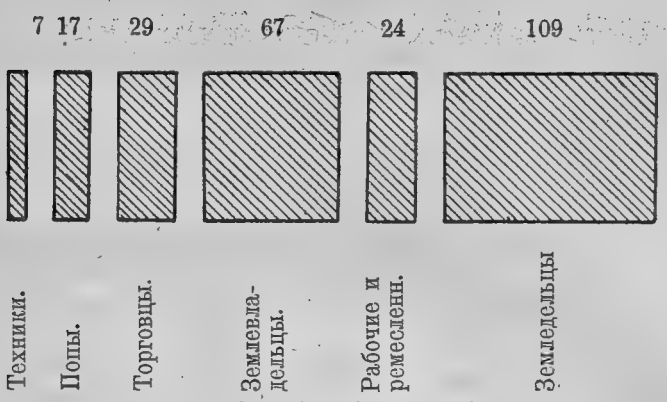
42,2% 13,8 44,0
Высшее образ. Средн. Низшее.

Почетная профессия, имущественный, образовательный ценз, понятно, связаны с почтенным возрастом, когда «человек,—по выражению кадетского публициста,—уже способен трезво рассуждать». В думе в возрасте менее 30 л. было 7%, в возрасте от 30 до 40 л.—40,4%, от 40 до 50 л.—37,2%, от 50—60 л.—12%, свыше 60 л.—3,1%.



Переходя теперь к распределению членов Думы по профессиям, укажем следующую детальную диаграмму:





Все они прошли в парламент не только, как представители имущих классов. Их послала вся городская одураченная мелкая буржуазия. Последняя еще верила, что к.-д. партия—всенародная, «надклассовая».

Отношение крестьян к Думе.

Выборы [1]) позволяют наметить преобладающее настроение крестьян в отдельных губерниях. Мы можем разделить Европейскую Россию на три района: один район, охватывающий громадную площадь Поволжья, от Архангельской до Астраханской губ. и тянущийся полосой к западу через Тамбовскую, Курскую, Черниговскую, Киевскую губернии, представляет революционно-настроенное крестьянство. Второй район — это Ярославская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Уфимская губернии и область Войска Донского. Здесь было сильно влияние кадетов. Наконец, третий район, тянущийся к западу России, от Бессарабии до Олонецкой губ., характеризуется подчинением крестьян влиянию помещиков и попов. Польша и отчасти губернии бывшей «черты оседлости евреев» послали автономистов—крупных помещиков и чиновников. Кавказ и Сибирь дали исключительно левых: больше с.-д. и трудовиков, чем кадетов.

В районах равновесия землевладельцев и крестьян большинство депутатских мест получила интеллигенция. В районах преобладания господ большинство получили землевладельцы, т.-е. дельцы реакции. В районах нераздельного господства к.-д., т.-е. помещиков, крестьяне вовсе не получили мест. Это прекрасно иллюстрирует буржуазный «демократизм». Только в некоторых чисто крестьянских губерниях крестьяне забаллотировали господ. На многих с'ездах в черноземных губерниях, где было сильно аграрное движение, был выдвинут лозунг: «выбирать ни помещика, ни интеллигента, ни попа, а непременно своего брата-мужика, кто-бы и каков бы он ни был».

Левые побеждают, как следовало ожидать, в тех губерниях, которые в аграрном движении стоят на первом месте [2]):

---

[1]) См. ст. Орловского о выборах в сб. „Текущий момент“ за 1907 г.

[2]) Губернии расположены в нисходящем порядке по интенсивности аграрных движений.

1. Саратовская губерния послала 11 депутатов оппозиции, в том числе 8 трудовиков
2. Самарская „ „ 8 „ „ „ 5 „
3. Курская „ „ 10 „ „ „ 6 „

Крестьянская аморфная масса послала и трудовиков (68), и беспартийных (59), и к.-д. (24), и одного октябриста. Она послала малограмотных мужичков, жаждавших «землицы», мелкую интеллигенцию и отчасти рабочих.

Большинство депутатов крестьян, совершенно не разбираясь в партийных группировках, перешло к беспартийным. Деревенские рабочие выгодно отличались от крестьян. Среди них совершенно не было правых. Для крестьянской интеллигенции кадеты были центром, кульминационной точкой, после которой начиналось постепенное падение [1]).

Это иллюстрируется следующими процентными рядами:

	Октябр.	Беспарт.	Прогресс.	К-д.	Лев. к-д.	Труд. и с.-д.
Интеллигенция	0%	5%	11%	31%	28%	25%
Рабочие	—	5,5	11	5,5	28	50

Следующий случай рисует отношение крестьян к Думе. «Шедший пассажирский поезд, в котором ехало несколько членов Г. Д., был остановлен крестьянами на одной из станций между Нижним-Новгородом и Москвой. Крестьяне пригласили священника из ближайшего села и попросили членов Г. Д. дать клятву, что они будут отстаивать в Думе интересы крестьян и не вернутся без земли и воли. После этого священник отслужил молебен, и поезд тронулся дальше».

Крестьянские ходоки, конечно, не были опытны в парламентском этикете. За то не мало из них были угощаемы розгами земских начальников и административной ссылкой за участие в аграрных беспорядках.

Даже «апеллировавшие» к царю-батюшке неожиданно поражали бюрократию своим требованием «взять силою». Поэтому правительству не удалось образовать, так называемую тогда, министерскую партию под руководством прав. депутата Ерогина. Крестьянские наказы и адреса, посылавшиеся в Петербург, сразу развернули грандиозную картину преобразований, которых жаждала деревня.

О характере этих обращений и наказов, посланных в Г. Д., можно судить по следующей таблице: [2]).

Настроение деревни определялось многообразными формами экономической борьбы: забастовками, регулированием платы, запрещением брать пришлых рабочих, отказом работать на помещиков, применением порубки леса, разборкой экономии и хлебных запасов, поджогами, разгромами имений, отказом от взносов податей, поставки рекрут и т. д.

Несмотря на тяжелые испытания деревни, крестьянские наказы были проникнуты глубокой наивной верой: «Мы верим вам! Мы любим вас,—

4.	Черниговская	губерния послала	9	деп. оппоз., в том числе		5	трудовиков
5.	Тамбовская	„ „	3	„ „	„	3	„ и 7 беспарт.
6.	Херсонская	„ „	2	„ „	„	—	„
7.	Воронежская	„ „	2	„ „	„	—	„ и 9 беспарт.
8.	Екатериносл.	„ „	7	„ „	„	4	„
9.	Орловская	„ „	6	„ „	„	6	„
10.	Полтавская	„ „	4	„ „	„	4	„
11.	Пензенская	„ „	6	„ „	„	6	„
12.	Симбирская	„ „	7	„ „	„	5	„
13.	Могилевская	„ „	6	„ „	„	4	„
14.	Витебская	„ „	4	„ „	„	1	„
15.	Тульская	„ „	3	„ „	„	2	„
16.	Казанская	„ „	9	„ „	„	4	„

[1]) Данные взяты у Орловского.—См. „Образование“ за 1906 г.

[2]) Маслов. „Аграрный вопрос в России“, т. II, стр. 283.

	Всего наказов.	Требования земли.	Политич. требования.	Требования амнистии.	Обещание поддержки.
Центр. Земледельч. район	52	38	32	—	—
Средне-волжский „	23	80	85	47	47
Нижне-волжский „	78	61	17	—	—
Новороссийский „	26	15	15	7	5
Юго-Западный „	11	7	6	2	3
Украйна	35	22	26	8	7
Промышленный район	38	26	18	13	18
Белорусский „	9	9	5	—	2
Литовский „	3	3	3	3	2
Приозерный „	15	15	13	6	10
Приуральский „	54	29	29	19	16
Северный „	3	1	1	—	1
Польский „	83	49	24	—	19
Итого	430	355	274	105	130

гласили наказы,—мы знаем вас! Будьте благословенны! Верим вам и всем борцам за землю и волю. Члены Г. Д.—наши желания, наша воля, наше счастье, наша жизнь, наше воскресенье. Наша надежда—Г. Д. и только у нее мы просим амнистии, земли и воли. Будьте решительны в борьбе с правительством, требуйте земли и воли. Помните. Без понижения налогов, без всей земли не возвращайтесь. Дальше терпеть нет сил! Лучше смерть, чем беспросветное будущее».

Получилось то же самое, что отмечал Токвиль, говоря о наказах французских крестьян 1789 г.: каждый наказ в отдельности представлял из себя мирную петицию о местных нуждах, но сложенные вместе они знаменовали полный переворот во всех общественных отношениях [1]). Количество реформ переходило в качество революции. Крестьяне, таким образом, разочаровали авторов «Положения о Г. Д.»: подделывание под политику Наполеона III не удалось.

Судьба Думы была предрешена. С первых дней ее зачатия, правительство на секретном Петергофском совещании постановило, что «в вопросе о собственности оно не оставит никакой щели, не пойдет ни на какие уступки». Если недоносок революции поставит вопрос об отчуждении земли, то он будет разогнан штыками.

---

1) См. „Вестник Жизни“, 1906 г., № 10.

Итак, если выборы в Г. Д. могли совершиться, если правительство посредством Думы могло перевооружиться, то только потому, что пролетариат ослаб. Дума была выражением бессилия оставшегося в одиночестве пролетариата. Созыв Генеральных Штатов во Франции означал начало революции, созыв Г. Д. у нас — ее конец.

А это одиночество пролетариата, поражение революции определили судьбу первой и остальных Дум.

II.

Дума и амнистия.

Уже в первой приветственной речи председателя Муромцева, Г. Д. показала свой монархический лик. «Долгая работа,—произнес Муромцев под гром аплодисментов,—на благо избравшего нас народа должно основываться на почве подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха». «Амнистия является,—говорил Родичев (к.-д.),—выражением желания и мольбы народа» и пожелал, чтобы она не стала «требованием воли народной». «Если бы оказалось,—продолжал он,—что наша работа встретит неожиданную поддержку, мы ее примем и будем работать вместе. Народ открывает царю об'ятия» (Бурные аплодисменты). «Если борцы за свободу будут выпущены на свободу,—повторил депутат Шапошников,—Г. Д. скажет, что желает серьезного перемирия. Наше первое слово—борьба правомерная, на борьбу слова, на парламентскую борьбу». «Я думаю, что не нужно делать конфликта из-за амнистии, — говорил к.-д. Гредескул (теперешний «красный» профессор). Его партия, опасаясь первомайских выступлений рабочих у стен самой Г. Д. с требованием амнистии,—постановила в этот день занятия Д. отменить, так как «фактором, грозящим опрокинуть вверх дном все сооружение, оказалась бы улица».

Трудовики не только не протестовали против этой слащавой лести и мольбы, но и покатились за к.-д. «Народ нас послал,—говорил Заболотный (труд.),—как парламентеров, указать, что на Руси не должно быть больше войны, на Руси должен быть мир». Трудовик Аладьин призывал к справедливости, к тому, что «не должно быть неправды, насилия», и закончил такой же мольбой: «я обращаюсь к тому, кто может, с простыми и ясными словами: пощадите нашу родину, возьмите дело в свои руки. Не заставьте нас взять его в свои руки». В даровании амнистии трудовики видели «последнюю возможность понять нас и примирить» (Аладьин). Трудовик Жилкин повторил всед за Гредескулом (к.-д.), что «из-за амнистии не следует доводить до разрыва».

Когда же один депутат рабочий заявил: «амнистию мы должны требовать», председатель Д. призвал его к порядку: «требовать в этом вопросе не подходит»...

Ответный адрес.

Ответ же на тронную речь, составленный в конституционно-монархическом духе, робко говорил о самовластных чиновниках, отделяющих царя от народа, просил о министерстве, пользующемся доверием большинства Г. Д., умолял об отмене смертной казни. Как буржуазия ни старалась избегать конфликта, но она вынуждена была в адресе за-

явить, что «если бы Г. Д. не занялась аграрным вопросом, то она не исполнила бы своего долга».

В «адресе» восторжествовал монархический принцип кадетов и правых, заявивших, «что только единение царя с народом является источником законодательной власти». Через пару строк к.-д. при молчаливом согласии трудовиков повторяют: «не может быть той области законодательства, которая была бы навсегда закрыта свободному пересмотру народного представительства в единении с монархом». Только после продолжительных дебатов и требований трудовиков, к.-д. согласились вставить следующее скромное желание: «Дума считает также необходимым обеспечить за гражданами право обращаться с петициями к народному представительству».

Рабочие нужды упомянуты были только вскользь, и из всех «неотложных» нужд выдвигается чисто формальное право «свободы организаций и самодеятельности». Ни слова о восьмичасовом рабочем дне, о рабочем законодательстве и т. д. Еще меньше Дума сказала о национальном вопросе, о националистической травле и погромах. Дума «народного гнева» напомнила лишь «об удовлетворении потребности сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта».

«Я представляю себе автора адреса,—сказал депутат-трудовик Меркулов,—со скрещенными руками и поникшей головой, молящего о пощаде, просящего о милости... Он просьб своих не выражает ясно, а делает недомолвки. Общая идея автора адреса—идея смирения. Он спешит обмолвиться теплым словечком с властью. Когда он говорит об отмене смертной казни, то не упоминает о приостановлении тех приговоров, которые уже состоялись. Когда он говорит об аграрной реформе, то кажется, что эти слова—не истинное желание, а какое-то вынужденное заявление».

Трудовики беспомощно шли за к.-д., и вслед за последними они убеждали Думу принять проект адреса и сказать «общее слово». Правда, они пробовали составить свой проект ответного адреса, но «он,—по замечанию т. Покровского,—если не считать его энергического введения, настолько мало отличался от к.-д., по существу, что невольно являлся вопрос: зачем группе понадобилось сочинять свой проект адреса?» [1]).

А к.-д. торжествовали: лава трудовиков, весьма раскаленная, могла снести устои парламента. Все это, к счастью, выливалось в твердое русло Родичевской формулы [2]).

Однако, несмотря на это, к.-д. уверяли, что ответный адрес даже не уступает такому историческому акту, вроде «декларации прав 1789 г.».

Аналогию к.-д., может быть, находили в том,—верно заметил трудовик Аладьин, критиковавший кадет,—что в знаменитом документе прямо сказано, что перечисленные в нем права признаны королем, а права, вымаливаемые к.-д., еще должны были быть признаны «королем».

Ответ правительства.

Отказ в аудиенции депутации Д. с ответом на тронную речь был первым актом явного пренебрежения со стороны старой власти по адресу «парламента». К.-д. в этом усмотрели лишь «почти оскорбление». Дума на это ответила простым переходом к очередным делам, так как «тот

---

[1]). См. газету „Светоч", 1906 г.
[2]) Винавер.—Конфликты в Думе, стр. 195.

или иной способ представления ответного адреса на тронную речь не имеет существенного значения».

Правительство продолжало наступать. Горемыкин в министерской декларации отвечал категорическим отказом на робкие пожелания Думы, ссылаясь на их противоречие «основным законам», изданным накануне Г. Д.

Совет Министров заявил, что разрешение земельного вопроса на предложенных Г. Д. основаниях безусловно недопустимо. Государственная власть не может признавать права собственности на землю за одними и в то же время отнимать это право у других. «Начало неотъемлимости и неприкосновенности собственности является во всем мире и на всех ступенях развития гражданской жизни краеугольным камнем народного благосостояния и общественного развития, коренным устоем государственного бытия, без коего немыслимо и самое существование государства...»

Государственная Дума не имеет права на коренное изменение основных государственных законов... Помилование приговоренных по суду составляет прерогативу верховной власти. Совет министров находит, что благу не отвечало бы в настоящее смутное время помилование преступников, участвовавших в убийствах, грабежах и насилиях...

Дума старается спасти идею монархии.

На этом заседании крестьяне впервые столкнулись с правительством по самому больному вопросу, о земле. «Могучий, но слепой Самсон,—говорил крестьянин Лосев,—пришел в безвыходное положение, и ему не оставалось ничего другого, как умереть, похоронив вместе с собой и филистимлян».

Кадеты всеми силами старались отвести этот удар. Их речи были направлены к тому, чтобы направить негодование только на министров. К.-д. лидер Набоков неоднократно старался взвалить всю ответственность только на министров. «Мы относим амнистию, — заявил он, — к прерогативам высшей власти и никакого посредничества между нами и верховной властью по вопросу об амнистии мы не допустим и возможность его отрицаем». В каждом заседании кадеты защищали то положение, что «государь не может делать зла». «Мы не посредники между государем и народом, — заявил Родичев (к.-д.), — мы представители народа перед государем». «Министры,—крикнул к.-д. Щепкин,—старающиеся разобщить народ от верховной власти, — должны прежде всего сами уйти!» Депутат Ледницкий даже обвинил министерство в том, что «оно стремится вовлечь государя императора в водоворот революции.» Даже Аладьин (труд.) поддался соблазну и с кафедры Думы процитировал письмо крестьян о «надеждах народа на царя-батюшку, о перенесении ответственности на министерство, как способа укоренения в народном уме понятия о полной безответственности монарха, о том, что наш царь — есть царь народа, а не царь чиновников и царедворцев».

Всего ярче выступило желание спасти в глазах крестьян идею монархии в речи депутата Ковалевского (правого). «Как смеете Вы, слуги царя,—крикнул он министрам при бурных аплодисментах к.-д. и правых,—восставать против воли царя!».

Правые энергично помогали к.-д. отстаивать идею монархии. Кадеты страстно стремились «пробить средостение» и «обняться с царем»...

Беда была в том, что царь их «не удостоил своим приемом». Тогда было внесено предложение «об обращении Г. Д. к царю через датского короля. (Речь Сыртланова).

Думе осталось одно:

Ответить на декларацию выражением «перед лицом страны полного недоверия к безответственному перед народным представительством министерству» и требованием «министерства, пользующегося доверием Г. Д.».

К.-д., стараясь замолить свои грехи перед правительством, в тот же день внесли в Д. заявление об «образовании особой думской комиссии, для сосредоточения в ней всех поступающих в Г. Д. данных о незаконных действиях администрации».

Для чего это нужно было к.-д.?

«Под влиянием упреков,—разболтал секрет Винавер [1]), — раздававшихся на митингах, нетерпение среди депутатов заметно возрастало, и любой день можно было ждать от депутатов предложения либо реального вмешательства в сферу следственной власти, либо немедленного снаряжения парламентского следствия. Идя навстречу этой опасности и желая предотвратить ее», фракция к.-д. поспешила данные «о преступных действиях администрации» похоронить в комиссии. «Мы сдаем в комиссию,—жаловался впоследствии депутат Лаврский,—десятки запросов, и все они исчезают, как будто проваливаются в колодезь».

Как правительство оценивает услуги Думы.

Правительство в ответ на услуги к.-д. и на недоверие Думы внесло в «парламент» два «неотложных» проекта: а) об ассигновании кредитов на прачечную и оранжерею при Юрьевском университете и б) о праве открывать частные женские курсы.

Одновременно в «Правительственном Вестнике» и в других черносотенных изданиях стали печататься статьи и телеграммы, переполненные убийственными нападками на Думу. А официозное «Русское Государство» грозило, что «неверно взятый тон может испортить всю музыку».

Когда Д. запросила правительство о печатающихся в газетах телеграммах, выражающих «дерзостное неуважение к Г. Д.», Горемыкин ответил, что он «не находит законного основания для ответа на запрос». «К.-д.,—пишет Винавер в цитированной нами выше книге,—опасаясь выступления Д. по этому поводу, решили: не спросив Думу, Муромцев должен дать Горемыкину дипломатический письменный ответ до открытия заседания». Г. Д., несмотря на явно незаконный поступок председателя, одобрила (не «просто», а «вполне»!) поведение председателя, и «подводный камень» был обойден» [2]).

Погромы и смертные казни продолжались. Когда Дума поставила законопроект о смертной казни, то министерство отказалось обсуждать его раньше месячного срока.

На основании 56 ст. положения о Г. Д., инициатива Думы в области законодательства тормозилась месячным сроком, который представлялся

---

[1]) См. Винавер.—«Конфликты в первой Думе». Эта его книга является весьма ценным обвинительным актом контр-революционной деятельности к.-д.

[2]) Винавер, 105 стр.

соответствующему министерству для рассмотрения думских проектов. Было совершенно очевидно, что министерство намеревается оттянуть дело и потребовало себе месячного срока в виде пустой отговорки. Трудовики предложили, не откладывая дело на месяц, не сдавая законопроект в комиссию, порешить дело немедленно. Локоть (труд.), будущий ренегат, закончил свою речь: «мы должны эти требования предъявить в сильной категорической форме существующему режиму и сказать ему—или мы, Г. Д., или этот разоривший страну старый режим». Аладьин (труд.) говорил: «мы должны довести до понимания народа и сказать ему, убедить его в том, что не мы виноваты, что ничего не делаем, а виноваты те, которые имеют пушки и пулеметы».

Трудовики пытаются вырваться из-под опеки к.-д.

И трудовики, несмотря на революционные фразы, уступили настояниям и угрозам к.-д., и Г. Д. передала законопроект в комиссию, согласно требованию правительства.

Первая попытка трудовиков вырваться из контр-революционной опеки к.-д. окончилась неудачей. Представители мелкой буржуазии еще верили, что революцию можно заменить красивой фразой и ссылкой на статью закона, что критику оружием можно заменить оружием критики.

Сначала между трудовиками и к.-д. были отношения временного доверия, в особенности со стороны трудовиков к политической искренности к.-д. Трудовики послали от себя в Президиум Думы кадета Гредескула. Когда для ответного адреса составилась формула избирательного права, то трудовики думали, что это только тактический прием для удаления самодержавного правительства путем «морального» единодушия Думы [1]). Затем после декларации правительства, отказавшего Думе во всех ее требованиях, действительность выдвинула необходимость пробы думского единодушия на деле. Здесь впервые столкнулись думские партии на почве своих непосредственных классовых интересов. Дальнейшая работа Думы, в особенности прения по аграрному вопросу, освободили часть трудовиков от «думских иллюзий» и откололи рабочую группу в самостоятельную с.-д. фракцию.

Часть трудовиков после правительственной декларации поняла, что за «землю и волю» неизбежна решительная борьба, но они еще не поняли, что такая борьба требует не решительных слов, а решительных дел; они еще не поняли, как надо бороться.

III.

Аграрный вопрос.

К.-д. мобилизовали все свои силы при обсуждении аграрного вопроса—«этого,—по выражению т. Троцкого,—mementо mori для контр-революционеров». Петражицкий (к.-д.), открывший прения по аграрному вопросу от имени своей партии, прикинулся простачком: он предложил сдать аграрный вопрос в комиссию без предварительного обсуждения.

---

[2]) См. „Воспоминание трудовика“, Москва 1906 г.

«В противном случае,—сказал он,—могло бы казаться (!), что палата разделяется в данный момент на множество враждебных между собой лагерей».

Но эта уловка ему не удалась, и к.-д., по выражению депутата к.-д. Езерского, «открыли бой в защиту частной собственности на землю». Как будто прорвалась плотина «сокровищницы словесной»: записалось больше 250 ораторов! Никакими мерами сократить эти прения было невозможно: они заняли не менее $^{9}/_{10}$ времени существования Думы.

К.-д. аграрный законопроект.

Основные пункты к.-д. законопроекта гласили:

1. Увеличение площади землепользования населения, обрабатывающего землю личным трудом, как-то: безземельных и малоземельных крестьян и других разрядов земледельцев,—государственными, удельными, кабинетскими, церковными землями и путем обязательного отчуждения для этой же цели, за счет государства, в потребных размерах частно-владельческих земель с вознаграждением по справедливой оценке, т.-е. сообразно с нормальной для данной местности доходностью, при условии самостоятельного ведения хозяйства, не принимая во внимание арендных цен, созданных земельной нуждой.

II. При этом является желательным доведение размеров обеспечения до потребительной нормы, т.-е. до такого количества земли, которое, по местным условиям и, принимая в расчет прочные промысловые доходы, где таковые существуют,—было бы достаточно для покрытия средних потребностей в продовольствии, жилище, одежде и для несения повинностей.

а) без всяких ограничений подлежат отчуждению все земли, обычно сдававшиеся до 1 января 1906 г. в аренду за деньги из доли или за отработки, а также земли, обрабатывавшиеся преимущественно крестьянским инвентарем, и земли впустележащие, но признанные годными для обработки.

Не подлежат отчуждению:

III. Земли под усадьбами, садами, огородами, искусственными лесонасаждениями, виноградниками, хмельниками, питомниками.

IV. Земли, на которых расположены фабрично-заводские или сельско-хозяйственные промышленные заведения, т.-е. земли, для них технически необходимые, находящиеся под строениями, складами, сооружениями и пр.

V. Участки, которые центральными землеустроительными учреждениями будет признано необходимым сохранять ввиду их общеполезного значения.

С одной стороны, к.-д. выставили свою «тяжелую артиллерию» в лице своих лучших юристов-правоведов, которые убеждали Гурко и Стишинского, что «отчуждение не противоречит основным законам». С другой стороны, они распинались за крестьян. В их речах чувствовалась необходимость итти на уступки для того, чтобы предупредить взрыв. Они доказывали, что их аграрная программа соответствует интересам всего крестьянства.

Настоящую правду об этом законопроекте рассказал почти к концу прений депутат Щепкин, кадетский «Марат». «Что такое проект 42-х, который подписал и я? Это повторение реформы 1861 г. Как историк,

я должен сказать, что никогда никого не нужно доводить до отчаяния. Поэтому проект 42-х представляет собою попытку сделки с теми интересами, с теми физическими силами старого строя, которые уступки не хотят. Для того, чтобы не доводить до отчаяния теперешних землевладельцев, партия народной свободы предлагает им вознаграждение и сохранение за ними усадеб и части земель. В них мы не только потеряли бы опытных деятелей для местного самоуправления, если бы мы их изгнали и выбросили из их гнезд, но довели бы до отчаяния. Я напомню, что как-раз из крупных землевладельцев нынешней зимой выделилась та боевая дружина партии реакционеров-революционеров, которая управляет Россией. Мы по политическим соображениям становимся на точку зрения сделки».

После таких откровенных признаний, меньшевики повторяют вслед за кадетами, что «аграрный законопроект партии народной свободы стремился уничтожить дифференциацию и классовую борьбу в деревне»[1]).

Между тем, сам творец к.-д. аграрного законопроекта, Герценштейн, бросил Гурко следующий основательный упрек: «Вам очень хочется подсунуть нам,—сказал он,—настоящий социализм, чтобы отпугнуть от нас крестьян. Спешите, господа, спешите, сейчас пожар и его надо тушить. Что же ожидают,—воскликнул он,—возражающие против принудительного отчуждения? Разве хотят, чтобы зарево охватило целый ряд губерний? Разве мало опыта майских иллюминаций 1905 г., когда в Саратовской губернии чуть ли не в один день погибло 150 усадеб?».

Вспоминая с тоской прошлое, Милюков в 1917 году писал в «Былом»: «Если бы правые были бы сознательными людьми, а не дикими зверями, то они бы поняли, что за Герценштейна надо было ухватиться обеими руками, что он указал им кратчайший и удобный путь спасения от иллюминаций»...

Хотя депутаты-крестьяне проявляли, впрочем, весьма различную степень политической сознательности, но большинство крестьян раскусило к.-д. законопроект. «Мы теперь не должны останавливаться на полумерах, как это было в 1861 г.»,—говорил депутат крестьянин еще до выступления к.-д. светил. Как к.-д. ни возмущались угрозами, но крестьяне один за другим повторяли угрозы. «Если землевладельцы не согласны уступить свою землю,—сказал кр. Врагов,—то народ все равно возьмет ее и ничего не уплатит». «Если мы не разрешим крестьянский вопрос,—сказал кр. Назаренко,—так его без нас разрешат. Вы, вероятно, знаете, что в очень недавнее время господа заставляли наших матерей кормить своей грудью щенков. Это самое делается теперь. Но только дело в том, что теперь щенки господские сосут не ту мать, которая нас родила и кормила, а ту, которая нас кормит — землю». «Миллионы голосов сливаются в один могучий голос,—говорил Онипко,—всю землю, всю волю всему народу, и в этом священном требовании крестьяне не допустят ни малейшей урезки. За землю они положат свою голову. За землю он пойдет в тюрьму и ссылку». Только некоторое крестьяне повторяли: «Мы обращаемся к нашему милостивому царю-батюшке. Он, милостивый царь-батюшка, даст нам землицы».

Что же на самом деле представлял собой к.-д. законопроект?

---

1) См. ст. Ф. Дана—«Перв. Госуд. Дума», стр. 27, в сб. «Обществ. движение в начале XX века» под ред. Мартова.

1) Выкуп. Законопроект заранее обещает, что землевладельцы будут вознаграждены по справедливой оценке; часть аграриев в лице к.-д. стремились навязать крестьянам выкуп, разорить крестьян и превратить свои хозяйства в юнкерские, капиталистические. «Господствующая в Думе партия народной свободы допускает,—сказал с.-д. Обнинский,—отчуждение земли по справедливой оценке, т.-е. крестьянство должно выкупать опять у помещиков, опять накидывают крестьянам петлю на шею, опять господство помещиков, опять крепостничество, но в другой форме. Принципом выкупа вы ввергаете несчастное русское крестьянство в новую нищету и кабалу и это называете наделением крестьян землей». О сущности справедливой оценки мы находим данные у кадетского спеца Кутлера. Из его расчета видно (см. Кутлер, «О финансовой стороне аграрной реформы»), что 70% всей выкупной суммы должны были достаться 9.573 земельным магнатам. К.-д. выкупная операция, по расчету самих кадетов, должна была бы привести к тому, что крестьяне должны были бы выплачивать ничтожной кучке землевладельцев колоссальный долг, превосходящий по размерам военную контрибуцию, которую Франция в 1871 г. заплатила Германии. Вот каков был справедливый выкуп к.-д.!

2) Сохранение помещичьего хозяйства, так как, на основании п. 4 можно было свободно толковать, какие земли подлежат и не подлежат отчуждению. Ибо—ясно, что Землеустроительная Комиссия, наполовину выбранная к.-д. Думой, наполовину назначенная бюрократией, признает «общеполезным» любое дворянское имение, где есть хотя бы зачатки рационального хозяйства.

3) К.-д. стремились наделить крестьян таким количеством земли, которое, по выражению крестьян, не накармливало до-сыта и не давало умереть с голоду: при определении величины надела принимается в расчет и посторонний заработок крестьян. Обеспечение до потребительной нормы являлось только желательным, но не обязательным. К.-д., таким образом, стремились создать в деревне класс постоянных сельских рабочих, всегда готовых работать по найму в помещичьих экономиях—рабочих, которые, по выражению к.-д. Петражицкого, «должны иметь свободный выход».

4) Сохранение помещичьих привилегий при проведении реформы. Это выражено с полной определенностью в к.-д. отношении к выбору местных земельных комитетов.

5) Что же касается части проекта, касающегося общегосударственного фонда, то вряд ли здесь приходится говорить даже о клочке национализации. Из земельного фонда земля передается в аренду, а не в собственность. Идея к.-д. ясна; они хотели создать на будущее время предохранительный клапан против дальнейшей экспроприации земли. Проект подводил под отчуждение земли «дикого» помещика, сдаваемые в аренду и обрабатываемые крестьянским инвентарем, и оберегал площадь собственного самостоятельного хозяйства помещика. Этот законопроект, посягавший на феодальное кабальное землевладение, имел тенденцию оградить землевладение обуржуазившееся, капиталистическое.

6) Наконец, что такое «принудительное отчуждение»? При составлении ответного адреса труднее всего было примирить крестьян и бар в аграрном вопросе. Надо было придумать такую формулу, которая говорила бы все и ничего, которая позволяла бы каждой партии вычитать в ней желательное и, т. о., ценой туманных обещаний и недоговоренности сплотила бы около себя всю Г. Д.

Для этого была придумана формула, признающая принцип «принудительного отчуждения частновладельческих земель». На ней сошлись все партии. Даже октябристы приняли ее. Уже этот факт указывает на полную бессодержательность этой формулы. Она была всеоб'емлющая: крестьяне прочитали в ней «всю землю без выкупа». Она была крайне узка: помещики видели в ней лишь «дополнительное наделение со справедливой оценкой», т.-е. просто сделку купли-продажи...

К.-д. долго отмалчивались, но, наконец, под давлением мужиков раскрыли скобки...

Надо отметить, что среди к.-д. были, конечно, разногласия по аграрному вопросу. Приняв за основу туманную формулу «принудительного отчуждения», Герценштейн и Петражицкий выражали интересы различных социальных групп.

Первый, прикрываясь «национализацией», народническими уклонами, рисовал «идеал Дании, счастливой страны мелких собственников». Это был тактический маневр для привлечения трудовиков на сторону к.-д. В действительности он этим выражал интересы полукрепостников, стремившихся создать батрака с наделом.

«Решение аграрного вопроса,—говорил второй,—будет не в прикреплении к земле, не в возвращении из городов тех, которые от земли отстали; напротив небходимо дать свободный выход в другие классы, более состоятельные, более просвещенные. Следует провести реформу так, чтобы способствовать развитию у нас мало развитого до сих пор третьего класса, среднего и промышленного, путем передвижения с земли в города. По возможности так проводить реформу, чтобы на земле была оставлена культурность и чтобы эта культурность могла размножаться». Петражицкого ужасает мысль, как бы после аграрной реформы не народились мелкие собственники, как бы они не положили препоны развитию крупной капиталистической собственности. Он боится, что вся страна превратится в крестьянскую, а это грозит опасностьючеловеческой (читай: капиталистической) цивилизации. «Есть опасность—говорит он—что необ'ятное пространство останется без таких людей, которые должны быть источниками промышленности».

Развитие производительных сил требовало перехода к высшей культуре, к интенсификации хозяйства, к применению новых технических средств и приемов обработки, к пользованию более доброкачественной и подготовленной рабочей силой, чем та, которую давала деревня. То экономическое развитие обращало часть землевладельцев на стезю либерализма, того умеренного либерализма, который сводится к убеждению, что «необходимо освободить страну от излишних искусственных основ деспотизма и устранить, таким образом, препятствия на пути к развитию промышленности и личной инициативы» [1]).

Аграрный законопроект трудовиков.

Земельный проект 104-х (трудовиков) явился главной и основной платформой крестьянства, выступившего как сознательная общественная сила. Этот проект, противопоставленный к. - д., в основном сводился к следующему:

1. Земельное законодательство должно стремиться к тому, чтобы установить такие порядки, при которых вся земля с ее недрами и водами

[1]) Из речи Петражицкого на 2-ом с'езде к.-д.

принадлежала бы всему народу, при чем нужная земля для сельского хозяйства могла бы отводиться в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом. Все граждане должны иметь равное право на пользование ею.

2. С этой целью должен быть образован общенародный земельный фонд, в который должны войти все казенные, удельные, кабинетские, монастырские и церковные земли; в тот же фонд должны быть принудительно отчуждены помещичьи и проч. частно-владельческие земли, поскольку размеры отдельных владений превышают установленную для данной местности трудовую норму.

3. Вознаграждение за принудительное отчуждение ...должно производиться за счет государства.

... 15. Лицам, получившим землю из общенародного фонда и не имеющим достаточных средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий.

... 17. Для подготовительных действий к земельной реформе и для упорядочения экономических отношений в течение переходного времени должны быть учреждены местные комитеты: губернские, уездные и волостные. Комитеты должны быть избраны посредством всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

Как же депутаты-крестьяне реагировали на народнический проект национализации земли?

Дело в том, что крестьяне вовсе не разбирались в теоретических тонкостях и сущности «общенародного земельного фонда». Лидеры трудовиков им импонировали своими страстными боевыми выступлениями о земельных нуждах, своими требованиями конфисковать земли, превышающие трудовую норму и освободить деревню. Проект трудовиков, несмотря на некоторые неясности, ярко подчеркивал, что вознаграждение за землю производится за счет государства. Этого было достаточно для того, чтобы крестьяне ушли от кадетов-помещиков.

Речи к.-д. по аграрному вопросу были выдержаны, строго обдуманы, рассчитаны и обоснованы длиннейшими статистическими данными и ссылками на статьи законов. Речи трудовиков-крестьян были грозным боевым кличем, то стоном и великою скорбью, то отчаянием и наивным лепетом крестьянской стихии.

К чему мудрые выкладки к.-д.? Если предки залили кровью землю, то почему за землю давать выкуп? Если Гурко уверен, что мужикам-холуям придется от многоземелья горевать, то пусть господа отдают свою землю, чтобы избавиться от горя, и оставят себе подупный надел, чтобы побарствовать!..[1]). «Крестьяне не знают граждан. Они знают рабов — мужиков и хищных дармоедов—эксплоататоров. До тех пор, пока не будет возвращено крестьянам все то, что нагло и дерзко оторвано от них помещиками, кабинетами, уделами, монастырями и церквами, пока не будут возвращены им издавна захваченные гражданские и человеческие права, пока их потом и кровью будут питаться паразиты, до тех пор мира не будет!.. Уступать некуда. Крестьяне готовы за землю умереть!»[2]).

Первое напутственное слово и завет своему депутату—«земля и воля!». Когда потом в уезд их провожала волость, слова эти переливались

---

[1]) Речь крестьянина из Херсонской губ.
[2]) Из речи Аникина.

в болезненный стон. Уезд еще раз требовал: «Хлеба, света, свободу!». Когда тысячное общество голых, бедных и голодных крестьян провожало их в Думу в продолжение семи верст, оно резко, громко и настойчиво требовало: «земли и воли!».

«Ответ решающий, недопускающий никаких возражений высказан в проекте аграрного закона трудовиков. Этот проект начинается теми же великими словами, исходящими из сердца каждого крестьянина: вся земля с ее недрами и водами должна принадлежать всему народу. В противоположность тем половинчатым мерам, которые предлагались здесь, чтобы заткнуть дыру, в противоположность тем, более или менее далеко идущим, компромиссам между интересами земледельцев и землевладельцев, наша группа выдвигает в своем проекте новое основное начало, что земля отныне должна перестать служить способом эксплоатации одних людей другими!» [1]). «О чем молится, о чем думает, о чем мечтает крестьянин? О земле, о свободном труде, о праве с'есть кусок чистого хлеба, добытого в поте лица своего! Миллионы людей трудятся на земле в летний зной и в осеннюю стужу, от зари до зари, не разгибая спины, работают дети, работают старики, работают беременные женщины—и все это для того, чтобы сытым и богатым был кто угодно, только не сам мужик - землероб. Он голодает. Он вымирает. Скупщики, с'емщики, арендаторы и кулаки, благодетели-процентщики—все они зорко следят за львиной долей крестьянского урожая. Один с сошкой, а семеро с ложкой! С сошкой—мужик, с ложкой—это те, которые здесь проявляли такую заботливость о мужиках,—заботливость, напоминающую ухаживание паука за мухой. Довольно! Довольно играть в прятки! Давай говорить на чистоту! Они знают хорошо, что когда хотят приманить к себе собаку, держа в одной руке кусок хлеба, а в другой нагайку, то собака не пойдет и, конечно, такими приемами не заманить русских мужиков. Деликатный профессор Петражицкий думает, что крестьяне по природе—дикари, но он не хочет знать, что самый консервативный, самый отсталый народ—крупные помещики. Они не только в России, но во всем мире тормозят все светлое и передовое... Разве дворянские собрания не требуют возвращения крепостного права? А кто писал проекты о вывозе из Китая рабов?—Курские дворяне [2]).

«Трудовое начало и уравнительность,—писал т. Ленин,—в туманной форме действительно выражают нечто реальное и прогрессивное в данный исторический момент. Именно: они выражают потребительную борьбу против крепостнических латифундий». А к этому крестьяне в лице трудовиков действительно стремились. «Должны быть отчуждены все земли,—говорили депутаты - трудовики,—которые превышают трудовую норму. Этим мы сразу желаем покончить с крупным и средним землевладением и стереть помещичье сословие,—сословие эксплоататоров-землевладельцев».

Трудовики в своем аграрном законопроекте обнаружили индивидуалистические стремления мелких землевладельцев («Надельные и мелкие частновладельческие земли, не превышающие трудовой нормы, остаются за теперешними владельцами»).

Итак, законопроект трудовиков был не чем иным, как платформой борьбы за превращение состоятельной части закабаленного крестьянства в свободное «ф е р м е р с т в о» [3]).

---

[1]) Из речи трудовика Онипко.
[2]) Речь трудовика Аникина.
[3]) **Ленин—Аграрная программа с.-д.**

Конфликт между к.-д. и трудовиками, еще более усугубился, когда последние внесли законопроект, чтобы Дума «не прекращала своих работ, в то же время, не дожидаясь их окончания, начала необходимые подготовительные работы на местах. Необходимо немедленно создать на местах комитеты, избранные на основе всеобщего и т. д.».

... на комитеты должно быть возложено:

а) организовать свободное и широкое, при участии всего населения, обсуждение общих оснований и всех подробностей аграрной реформы,

б) привести в известность количество и распределение земли, а также численность и состав нуждающегося в земле населения; проектировать соответствующие местным условиям трудовые и продовольственные нормы, и выработать, применительно к местным условиям, план проведения реформы;

в) устанавливать, впредь до осуществления реформы, арендные цены, заработную плату, продолжительность рабочего дня и другие отношения между земледельцами и трудящимися, в случае споров и недоразумений между ними.

«Соображения о необходимости сгруппировать силы народные, вырвать их из хаоса,—говорил лидер трудовиков Аладьин,—сделать их способными защищать свои жизненные интересы, — вот почему мы хотим, чтобы эти комитеты были учреждены немедленно. К.-д. же потребовали, чтобы в местных комитетах были представлены равномерно сталкивающиеся интересы сторон и «без обращения в акт одностороннего насилия», т.-е. 100 миллионов крестьян должны, по мнению к.-д., иметь столько же голосов, сколько 130.000 дворян».

Для того, чтобы подействовать на кадетов, Аладьин постарался затронуть их самое больное место. Разве они, трудовики, анархисты? Нет! Они заботятся только о государственной безопасности. Хорошо, когда происходят незначительные местные взрывы. Но очень плохо, если народ, доведенный до отчаяния, решается больше не ждать!..

Кадеты с октябристами доказывали противоположное: местные маленькие «думы» могут скорее вызвать революцию. Кончилось тем, что трудовики взяли назад свое предложение о немедленном учреждении местных земельных комитетов.

Таким образом, прения по аграрному вопросу показали, что разграничительная линия в Думе проходит между к.-д. и трудовиками. К.-д. выражали интересы помещиков, ведущих буржуазные хозяйства, буржуазии, непосредственно заинтересованной в повышении покупательной способности масс, которое немыслимо вне широкой аграрной реформы. Трудовики отражали настроение радикальной буржуазии—мелкого крестьянства. В следующих Думах обе группы значительно поправели. Во время первой Думы было сильно аграрное движение и еще вспыхивали рабочие волнения.

Аграрный законопроект с.-р.

Весьма интересны были прения о направлении аграрного законопроекта с.-р. (33).

Проект с.-р. гласил: Всякая частная собственность на землю... совершенно уничтожается. «Все граждане должны иметь равное право в пользовании землею. Верховным распорядителем всей земли является собрание народных представителей. Местными распорядителями являются

органы местного самоуправления. Низшим органом самоуправления является община, включающая одно или несколько селений... Продажные, залоговые и дарственные сделки на землю должны быть немедленно приостановлены.

... Наделение землей производится в пределах трудовой нормы. Все, имеющие менее продовольственной нормы, получают право на переселение за счет государства в те местности империи, где в земле имеется избыток. Лицам, не имеющим достаточно средств для обзаведения всем необходимым для хозяйства, должна быть оказываема помощь за счет государства в форме ссуд и пособий».

С.-р. думали провести социализацию еще в период буржуазного строя, т.-е. в условиях капиталистических отношений, что делало невозможным социализацию, как уничтожение собственности на землю.

К.-д. с октябристом Гейденом бешено нападали на предложение с.-р. передать проект в комиссию. «Передавая проект без обсуждения,—говорил к.-д. Петрункевич,—Дума как бы дает молчаливое одобрение принципам, в нем изложенным». «Обсуждать проект,—говорил Гейден,—вряд ли есть возможность, так как мы имеем целый ряд других гораздо больших и существенных вопросов». «Дума,—говорил князь Шаховской,—не есть инстанция для передачи всяких записок в комиссию». «Этот проект,—повторил к.-д. Френкель,—дал бы основание для высшей степени вредной агитации. Такой проект здесь опасно обсуждать. Правительство могло бы обвинить Думу в социализме».

Аладьин, испугавшись наступления правого крыла, стал оправдываться. «Наш проект,—говорил он,—ничего общего с ниспровержением существующего порядка не имеет. При чем тут республика и самодержавие? Референдум даже в самых развитых формах может существовать при том способе правления, который у нас имеется, — конституционном способе правления». Кадет Кокошкин ему вполне резонно возразил: «Аладьин ответил, но возбудил еще бо́льшие сомнения. Вряд ли аграрная записка особой цели не преследует».

К.-д., вопреки обыкновению, гильотинировали прения и провалили сдачу проекта в комиссию.

Аграрная программа правительства.

Программу дворян, диких помещиков, владельцев крепостнических латифундий, отстаивали правые группы с министерством Горемыкина [1]), категорически заявившего: «ни пяди земли!»

Если против принудительного отчуждения правительство выступало решительно и категорически, то правые группы,—октябристы, мирно-обновленцы, партия демократических реформ,—выступали осторожно и дипломатически. Октябрист Скворцов от имени своей группы высказался в том смысле, что «вопрос о наделении крестьян землей окажется средством палиативным. Пройдет 20 лет, и наши крестьяне очутятся в таком положении, что им нельзя будет помочь». «Отчуждение может быть лишь

---

[1]) Надо напомнить, что в руках 648 действительных тайных и просто тайных советников было сосредоточено 3.387.587 десятин земли. На каждого чиновника Мин. внудел приходилось в среднем 2, 954 десятины, на каждого члена Госуд. Совета в среднем 1.549 дес. земли.

до известного размера,—говорил правый, князь Волконский,—мне, например, из 1.200 десятин придется уступить 500, я думаю, что собственника, имеющего менее 300 десятин, никоим образом трогать нельзя. У собственника 1.500 десятин можно отнять ⅛,—не больше». Отношение октябристов к проекту к.-д. было крайне враждебное. «А проект трудовиков? Жестокий проект! Он еще более противоречит стремлению народа владеть на праве собственности той землей, которую он обрабатывает». В своей аграрной записке октябристы в исключительных случаях допускали отчуждение; но это нельзя было принять всерьез, так как октябристы весьма серьезно обсуждали насколько «отчуждение законно, тактично, целесообразно и безопасно».

Довольно любопытно было заявление Гурко от имени правительства. «Не думайте господа,—сказал он,—что выгоды землевладельцев я отстаиваю. Наоборот. Мы того мнения, что если стать исключительно на точку зрения выгоды землевладельцев, то предложенная мера в том виде, как она изложена в записке к.-д., в высокой степени соответствует интересам помещиков. Опасность не в этом. Наших владельцев приходится убеждать не в необходимости расстаться с землей, а в том, что их патриотический долг состоит в сохранении хотя бы части их земельных владений. Проект был бы приемлем, если он был бы полезен для крестьян».

Товарищ министра внудел Гурко подробно доказывал Думе, что прирезка земли крестьянам не возможна, и ничего, кроме вреда, для самих же крестьян от нее не будет. Крестьяне и сейчас живут плохо, а если им еще прибавить земли, то они окончательно разорятся. Если у помещиков взять часть их земель, чтобы наделить крестьян, то помещичье хозяйство нарушится. Помещики прекратят свое хозяйство, отчего крестьянам будет большой убыток, так как они лишатся заработка. Обработка одной десятины пахотной земли и уборка урожая обходятся в среднем в 15—16 р., т.-е. крестьяне, работающие на помещика, зарабатывают на каждой его десятине 15—16 р. А если эту самую землю отдать крестьянам, то они получат чистого дохода от каждой десятины по 5—6 р., потому что не умеют и не могут ее хорошо обработать... Таким образом, сами крестьяне на каждой десятине пашни, которая перейдет к ним от помещика, понесут 10—11 р. убытка. Для пользы крестьян следует сохранить в руках помещиков их земли...

К.-д. выступают против крестьян.

К концу прений по аграрному вопросу к.-д. спохватились, что мужик—элемент вредный. Было бы хорошо очистить от них Думу.

20 июня кадетская Дума аннулировала выборы по Тамбовской губернии. 10 тамбовских крестьян оставили зал заседания Думы. «Это дело кадетов. Это дело дворян,—говорили крестьяне. У нас не прошло ни одного кадета, ни одного дворянина. Вот они теперь и стараются. Выборы были бы утверждены, если бы при тех же условиях от нашей губернии прошли к.-д. дворяне, а не мужики».

Кадеты в это же время всеми силами препятствовали перераспределению мест в парламенте. Трудовики были распылены в зале от крайних левых до крайних правых скамей. Поэтому они не были в состоянии координировать свои действия при голосовании. Кадетам это было выгодно, и они доказывали трудовикам, что перераспределение мест прежде-

временно и несправедливо... К.-д. распорядительная комиссия, считая беспартийных крестьян правыми, отвела им места на крайней правой. Беспартийные крестьяне протестовали и требовали посадить их между к.-д. и трудовиками.

Но такие услуги не помогли. Кто не хотел уступить правительству, для того аграрный вопрос неизбежно сводился к вопросу об экспроприации дворянского землевладения. Реакционное дворянство заявило, что оно добровольно не уступит ни пяди земли.

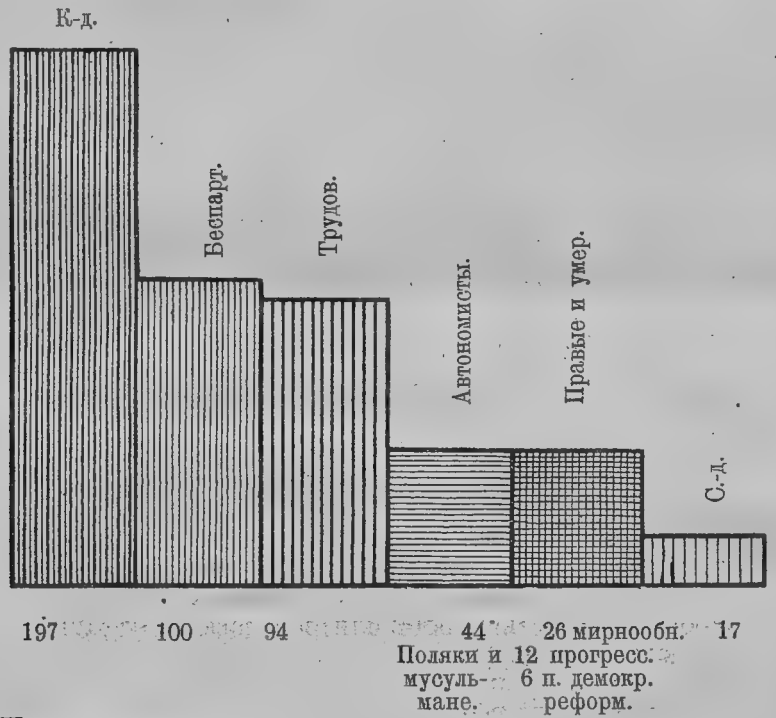
Законная попытка к.-д. экспроприировать конституционным путем крупные поместья привела к разгону парламента.

IV.

Партийный Состав Думы.

Дебаты по аграрному вопросу раскололи Думу, которая казалась «единой». Началась дифференциация: часть трудовиков образовала с.-д. группу, левые кадеты перешли к трудовикам, беспартийные стали переходить к к.-д. и т. д.

Следующая диаграмма дает представление о партийном составе депутатов накануне разгона Думы [1]):

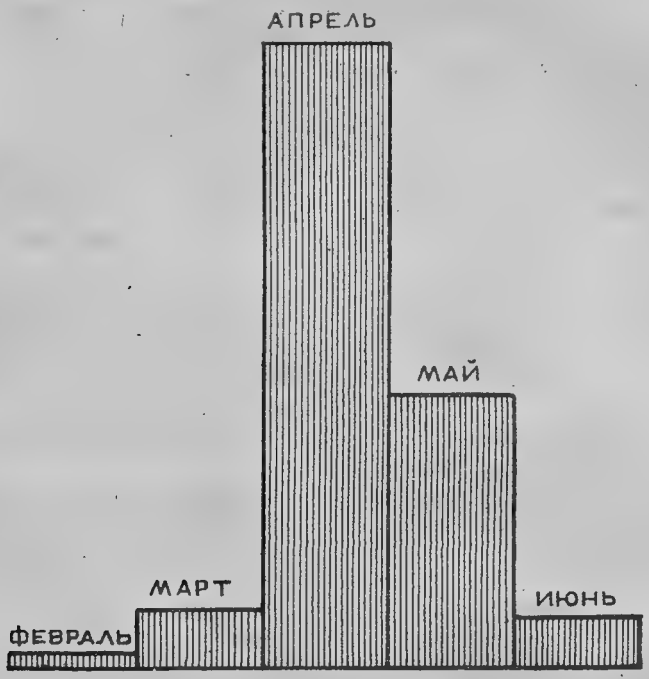


[1]) Эти цифры приблизительны, т. к. ни данные Бородина («Г. Д. в цифрах»), ни Орловского (в «Образовании» 1906 г.) не точны, т. к. аморфная масса в большинстве своем долго колебалась и перекочевывала из партии в партию. Многие, например, считали себя кадетами, а по земельному вопросу шли с трудовиками или с правыми; некоторые крестьяне, считая себя трудовиками, высказывались против расширения прав нац. меньшинств. Было много «прогрессистов» или «свободомыслящих т.-е. их политическая физиономия была расплывчата и неопределенна.

Эта чиновничья-дворянская Дума, притворяясь, что выступает с революционной аграрной программой, совершенно откровенно вносит контрреволюционные законопроекты о гражданских свободах.

Причину такой тактики об'ясняют следующие данные:

В феврале было 17 политических стачек с 4.084 участниками, в марте—92 ст. с 28.538 уч., в апреле—1.026 ст. с 152.476 уч., в мае—449 ст. с 93.854 уч., в июне—86 ст. с 11.112 уч. [1]).



Под влиянием краха рабочего движения и усиливающихся аграрных волнений, проходит думская работа, начиная с второй половины мая. С аграрным законопроектом к.-д. еще кокетничают. Зато рабочий класс отдается на с'едение правительству.

Трудовики освобождаются от иллюзий.

К этому времени часть трудовиков, хотя и не последовательно, разочаровавшись в творческой законодательной работе, старается превратить Думу в трибуну для революционной пропаганды. «Если вы вспомните начало нашей деятельности,—говорил трудовик Аладьин, во время прений по аграрному вопросу—те чувства, с которыми мы шли сюда и в первом нашем заседании выразили, вы должны согласиться, что сколько

---

[1]) Варзар—«Забастовки в 1906—1908 г.»

ни накопилось горя, страданья, обид, все это мы сумели задушить в себе на минуту, подавить во имя лучшего светлого будущего, в которое мы верим. И когда в первый раз здесь произнесли слово «амнистия», мы не внесли ни единым словом, ни единым жестом страстности, ненависти, желания мстить». Но... все чаще и чаще стали среди трудовиков раздаваться, по выражению к.-д., «митинговые речи». Аникин (труд.) говорил, что Дума должна дать отпор насилиям правительства и его покушениям на неприкосновенность народных представителей и дать его грудью: «это даже выгоднее, чем параграфом». В другой раз он же говорил: «не мелочами нужно заниматься, а нужно крупное дело делать... Если уже начинать ломку, то нужно начинать ломку положения о Думе коренную». Винавер спросил его: «что же вы желаете делать?» и попрекнул, что он мечтает разрушить Думу. Аникин немедленно взял свои слова обратно, истолковав, что его фраза о разрушении относилась только к министерству: «Единственная мысль,—сказал трудовик Аладьин,—которая у меня блеснула в голове, когда министры говорили о совместной работе, это было: а не желает ли, господин министр, сообщить, в каком месте и когда будет продолжение Белостока?»

Когда Столыпин появился в Г. Д., Аладьин (трудовик) заявил, что за безопасность министерства он и его группа не ручаются. Набоков (к.-д.) воспользовался моментом для «личных об'яснений» и отмежевал себя от «теории физического воздействия на министров». Частное заседание к.-д. фракции единогласно одобрило поведение Набокова.

Не один правый, граф Гейден, протестовал против «избитых митинговых выражений», неуместных в Г. Д.

Гейден даже призывал к тому, что «мы не должны вспоминать о прошлых неправдах, о прошлой беде. Мы не должны разжигать чувства злобы, а должны притти с чувством примирения и забвения прошлого».

Против «зверских эпитетов» протестуют и кадеты. Князь Долгоруков (к.-д.) и Петражицкий (к.-д.) «считали бы себя дикарями, если бы действовали не парламентскими средствами, а грубостью и бранными выражениями». «Сознательные выборщики не ждали от нас,—говорил к.-д. Левин,—да смешно было бы ждать, что мы силой пересоздадим Россию. Наш язык—язык законов и законопроектов». «Нарушая основные законы,—говорил Петражицкий, обращаясь к левым,—вы превращаете нас в самозванных узурпаторов, а это собрание — в незаконный митинг».

Только почти к концу прений по аграрному вопросу трудовики догадались, что «между гр. Гейденом (правым) и к.-д. нет разницы». «Между вами,—говорил трудовик Галецкий,—установилось определенное взаимоотношение. Когда Гейден обучает неуклюжих с.-д. салонности и галантным выражениям, тогда вы ему очень охотно аплодируете. В свою очередь, когда вы даете нам уроки парламентской лойяльности, то очень охотно одобряет вас компания графа». Впоследствии трудовики стали отрицать основные законы и призывали «принимать и проводить законы революционным путем» (Якубсон). Они об'явили бойкот министрам. Аладьин даже призывал захватить и организовать власть.

Таким образом одно время в представлении некоторых трудовиков Г. Д. должна была стать полномочным собранием, революционным конвентом. Задача Думы заключается в том, чтобы, опрокинув преграды, воздвигнутые основными законами, завладеть по «захватному праву», «явочным порядком», совокупностью полномочий государственной власти.

Но чем далее, тем резче представление о Думе, как о полномочном законодательном собрании, вытесняется в сознании трудовиков другими представлениями о Думе, как «о безвластной революционной трибуне». Последним лозунгом трудовики прониклись под влиянием с.-д. фракции.

Отношение с.-д. к Думе.

Рассматривая Думу, как революционную трибуну, с.-д. относились отрицательно к ее законодательной работе. Джапаридзе заявил, что с.-д. будут поддерживать все законопроекты, направленные к восстановлению давно попираемых прав народа. Они их будут поддерживать не в надежде на то, что они скоро получат силу закона и водворят мир и счастье, а лишь в том убеждении, что все законопроекты неизбежно разобьются о те преграды, которые поставлены Думе в лице Государственного Совета и правительства. Составление подробных законопроектов с примечаниями, оговорками и об'яснительными записками с.-д. считают излишней тратой времени. С.-д. признают лишь полезность обработки основных начал законов в тех целях, чтобы народ видел, чего его представители требуют, и как правительство во всем отказывает. «Мы,—говорил с.-д. Николаевский,—только боевой авангард, высланный народом, чтобы очистить русское поле от азиатских плевел». Когда это будет достигнуто, тогда другой истинный парламент, выбранный на началах всеобщего, равного и т. п. голосования, займется истинной законодательной работой...

Также и запросы в глазах с.-д. не имели никакого значения. Они сводились, по мнению с.-д., к щедринской фразе: «Мы будем пописывать, а чиновники будут почитывать».

Хоть господа профессора
Болтают с ночи до утра,
Хоть парла-парла-парламент
Не умолкал ни на момент,

но все же Дума вынуждена вносить массу запросов (около 400) по поводу высылок и арестов, смертных казней и военно-полевых судов, погромов и избиений, кар против печати и избиений депутатов и т. д. и т. д. [1]).

Запросы прекраснейшим образом иллюстрировали жалкую роль и бессилие нашего парламента. Стоит привести один случай, породивший большую полемику между кадетами и трудовиками. Кадеты впоследствии упрекали трудовиков: если запрос был бы направлен по соответствующему адресу, то удалось бы спасти осужденных к смертной казни...

«Во имя сохранения семи человеческих жизней, во имя человеколюбия и справедливости», 33 депутата просят военного министра приостановить исполнение приговора над семью осужденными в г. Риге. Винавер предложил отправить этот запрос одновременно к двум министрам: к военному и внудел. Если направить запрос одному министру,

---

[1]) Неполные данные, собранные Обнинским, являются интересной иллюстрацией:

	Апрель.	Май.	Июнь.	Июль.
Аресты, обыски и т. п.	493	464	538	3.597
Тюрьма, ссылка	3.605	2.812	967	2.380
Увольнение со службы	6.165	354	54	79
Избито и ранено	57	57	442	43
Военный суд	16	14	5	9

то получим ответ, что запрос был направлен не туда, куда следует. Аладьин выступил с другим предложением: лучше выбрать более простой путь—послать председателю министров. Началась длинная страстная полемика, кто может казнить, кто миловать, какого ведомства боятся генерал-губернаторы, и какое министерство милосерднее. Аладьина очень скоро уговорили: он присоединился к предложению правых. Запрос был направлен только к военному министру. «Пролилась кровь невинная, правосудие осталось безмолвным и глухим к голосу народной совести, так как не по тому адресу было направлено думское челобитье».

К.-д. с октябристами старались из'ять запросы из обсуждения на кафедре Думы, спрятать их в комиссии и отклонить их спешность. Запросы же с точки зрения с.-д. имели чисто агитационное значение.

С.-д. дали первый бой по вопросу о гражданских свободах и беспощадно разоблачали контр-революционный характер к.-д. законопроекта о собраниях.

К.-д. против гражданских свобод.

К.-д. в целом ряде красивых свободолюбивых фраз своей об'яснительной записки заявляли, что представители местной власти еще долго не сумеют проникнуться уважением к свободе собраний. Между тем, своими формулами, допускающими очень широкое толкование, они впали в непримиримое противоречие: полиция могла свободно разгонять собрания.

Об этом говорит кадетский законопроект о свободе собраний:

1. Российские граждане вольны собираться мирно и без оружия, не спрашивая на то предварительного разрешения.

2. Воспрещаются собрания под открытым небом, в расстоянии одной версты от места действительного пребывания государя императора и от места заседаний Г. Д. во время ее сессий.

3. Воспрещаются всякие собрания на полотне железных дорог.

4. Собрания на площадях, улицах и в других проездах и проходах допускаются постольку, поскольку они не препятствуют свободному уличному движению.

... 6. О публичных собраниях, созываемых для совместного обсуждения государственных и общественных вопросов, в городских поселениях или на расстоянии пяти верст от оных, устроители обязаны известить начальника местной полиции не позднее, чем за 24 часа до созыва собрания.

... Начальник местной полиции может назначать для присутствия на собрании уполномоченное лицо, обязанное быть в форменной одежде.

10. Начальнику местной полиции или уполномоченному от него лицу полицейской службы предоставляется закрыть публичное собрание: а) если оно состоится в нарушение статей 2—4 настоящего закона и б) если оно имеет характер, непосредственно угрожающий общественной безопасности.

Трудовик Брамсон, критикуя этот законопроект, очень метко вскрыл его сущность. «Вы боретесь,—сказал он,—таким слабым оружием, как запросы, а куете уже цепи для будущих борцов за свободу».

К.-д. возражали, что «осуществление свободы собраний стоит в зависимости от способности населения уважать свободу чужих мнений и порядок», что «интересы свободы необходимо согласовать с интересами «общественного порядка». «Мы желаем,—говорил Гредескул,—свободы, но и желаем того, чтобы среди этой свободы существовал полный по-

рядок». «Принцип свободы,—повторил Винавер (к.-д.),—есть наша святая святых, но параграф для извещения полиции о времени и месте собраний должен быть»... К.-д., по выражению с.-д., превратили Г. Д. «в кафедру государственного права и читали длинные лекции о том, что они поборники свободы. Демократическим принципам не противоречит к.-д. законопроект, воспрещающий собрания под открытым небом, в расстоянии одной версты от Г. Д. и места действительного пребывания царя». Октябристы поддерживали к.-д. «Мы обязаны охранять особу царя и спокойствие работы Думы»,—пели октябристы в унисон кадетам. Ясно, что кадеты стремились ликвидировать свободу собраний. Гредескул, выступая от имени к.-д., сказал: «Непозволительно загромождать железные дороги бревнами и поленьями. Непозволительно их загромождать телами людей». Под людьми он разумел, конечно, железнодорожных рабочих. «Всякая толпа,—продолжал он,—придет на собрание и принесет свое чувство и принесет разум в недостаточном количестве, а потому—разгар чувства, столкновения и угрозу общественному спокойствию». Винавер доказывал, что... когда они составляли этот законопроект, то имели в виду черносотенные собрания; если бы не черносотенная опасность, то, пожалуй, можно было бы сделать некоторые отступления от первоначальной редакции. Кокошкин (к.-д.) убеждал, что «это место (жел. дорога) в высшей степени неудобна для митингов. Каждый человек заботится о своей безопасности, но в России ежегодно множество людей ходит по рельсам и попадает под поезда». Октябристы, как всегда, спешили на помощь кадетам. «До сих пор,—говорил Гейден,—двигали жизнью и прогрессом не труженики физические, а работники ума, передовые люди, двинувшие свободу гораздо далее, чем работники физических занятий... Людям физического труда незачем собираться, а люди умственного труда и сейчас собираются свободно... Предупредить полицию о времени собраний необходимо, ибо и «в Англии смотрят на полицейского, как на защитника самого дорогого и необходимого для каждого гражданина».

К.-д. ораторы всячески старались свести возражения на частности. Они оправдывались тем, что «полиция будет совершенно реорганизована и лишена тех свойств, которые ей присущи в настоящее время». Будущая образцовая полиция никогда не будет злоупотреблять статьей десятой, явно уничтожающей в корне принципы свободы собраний».

Законопроект с.-д. о беспрепятственной свободе собраний был отклонен. Когда Рамишвили (с.-д.) стал на этом упрекать Думу в том, что она отстаивает интересы правительства, то Муромцев, председатель Думы, его сердито прервал и сказал:

— Родство всей Думы с правительством органическое. Дума—часть правительства.

Итак, на место бурных декламаций о свободе выступило трезворассудочное взвешивание полезности отдельных законопроектов для сохранения и укрепления монархической власти. Страх перед «необузданностью» пролетариата, перед растущею «чернью» овладел запуганными умами буржуазии. Ее представители спешили воздвигнуть защитную плотину против революционного потока.

Каторжный законопроект о печати был наиболее ярким сгустком монархического творчества кадетов.

«Виновный в произнесении или чтении, публично, речи или сочинения, или в распространении или публичном выставлении сочинения или изображения, с целью возбудить:

1) к учинению бунтовщического или изменнического деяния;

2) к неповиновению или противодействию закону или обязательному постановлению или законному распоряжению власти...

За возбуждение пунктом первым сей статьи наказывается к а т о р г о ю, на срок не свыше в о с ь м и лет. За возбуждение пунктом вторым... заключению в исправительном доме».

Вот как они защищали правительство, с которым они будто бы боролись. Рожденный в дни свобод, законопроект назначал такое суровое наказание: к.-д. надо было уничтожить рабочую печать... [1]).

А каково было отношение к.-д. к вопросу об уничтожении сословий?

В законопроекте кадеты предложили уничтожить национальные и сословные ограничения. Кадетский докладчик начал с того, что ограничения следует смести, а кончил тем, что «нельзя», например, отменить все права дворянства в местном самоуправлении и управлении, нельзя совершенно уничтожить подведомственность крестьян особым учреждениям и их сословную обособленность, не пересмотрев коренным образом всего положения о крестьянах... В заключение к.-д. Кокошкин заявил: «Мы желаем сохранить сословия, но все реальное содержание сословий обусловливается и сводится к неравенству прав, к известным привилегиям или ограничениям. Раз привилегии и ограничения будут уничтожены, то реального различия существовать уже не будет. Остается только один вопрос — вопрос о названии, который не заслуживает внимания»... Октябристы таким же образом отнеслись к «крестьянскому сословию». «Что касается крестьянского законодательства,—указал Гейден,—то оно чрезвычайно сложно, так как, уравнивая крестьян в правах с остальным населением, придется пересмотреть крестьянские самоуправления, а это очень сложно».

Кадеты в свое время хвастали, что их законопроект о неприкосновенности личности открывает новую эру. Поэтому стоит привести мнение умеренного трудовика Брамсона, сказавшего в Думе о кадетском законопроекте следующее: «В к.-д. законопроекте чувствуется сохранение остатков полицейского режима. Статья шестая говорит о лицах, нуждающихся в особом попечении и защите, которых полиция имеет право задерживать». Полицейские чины имеют право задерживать всех, нуждающихся в особом попечении. Не напоминает ли сей проект николаевских жандармов, призванных «утереть слезы вдовам и сиротам?».

... В проекте о гражданском равенстве был оставлен параграф, на основании которого «граждане не могут привлечь чиновников без позволения соответствующих верхов»...

Такую же печальную участь постиг национальный вопрос. Хотя депутаты выступали от имени различных национальных меньшинств, но национальный вопрос был отклонен до разрешения других вопросов, т.-е. он был просто отдвинут на задний план. Не стоило поднять этот щекотливый вопрос, если правительство умалчивало о нем в своей декларации...

К.-д. законопроекты о «гражданских свободах» невольно напоминают слова Маркса: «Каждый параграф конституции заключает в себе собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю палату. С одной стороны, мы видим общую фразу о свободе, с другой— оговорки, уничтожающие свободу».

---

[1]) Позже к.-д. оправдывались, что они выступили с этим законопроектом „случайно“.

С другой стороны, демонстрируя свой «демократизм», к.-д. поддерживали трудовиков, выступивших против генерала Павлова, пришедшего дать об'яснения от имени правительства. Когда он вошел на кафедру, разыгралась бурная сцена, заставившая военного прокурора покинуть трибуну, не произнеся ни слова. Дума единогласно приняла законопроект: 1) смертная казнь отменяется; 2) во всех тех случаях, в которых действующими законами установлена смертная казнь, она заменяется непосредственно следующим по тяжести наказанием».

Когда кадеты декретировали отмену смертной казни, то они, конечно, руководились «гуманностью, стремлением к нравственным реформам и христианским чувством». Об этом свидетельствует думский стенографический отчет. Оказывается, что настоящую правду можно узнать у кадетского адвоката Винавера [1]). Дума могла бы сделать попытку дать исход накипевшему чувству после того, как в Риге казнили 8 невинных юношей... Поэтому нобходимо было принять меры к тому, чтобы возмущение, вырвавшись наружу, не унесло Думу. В качестве успокоения возбужденного настроения,—внести немедленно закон об отмене смертной казни. Этим вопрос был введен в русло. Хотя затем трудовики выступали с очень резкими речами, тем не менее, для всех этих выступлений был уже уготован практический исход, выводящий самые резкие речи из «конфликтной сферы»...

Трудовики хотели также декретировать дарование амнистии; но к.-д., испугавшись конфликта, «немедленно отправили к трудовикам лучших юристов, которым удалось убедить трудовиков в необходимости отказаться от своего проекта, который нарушил бы права монарха».

Погром в Белостоке.

Перемена в настроении Думы сказалась при обсуждении доклада о погроме в Белостоке.

С.-д. формула к очередным делам не встретила обычной резкой критики со стороны думского большинства. Рамишвили заявил, что весь состав «настоящего и предыдущего кабинета подлежит суду по обвинению в тяжких уголовных преступлениях».

С.-д. предложили командировать членов Г. Д. в те места, которым угрожает наиболее серьезная опасность погромов, и призывать население дать отпор национальной травле, разжигаемой врагами народа и добиваться полного равноправия национальностей. К.-д. также обвиняли правительство в организации погромов и требовали отставки министерства. Князь Урусов, занимавший должность министра внудел при Дурново, рассказал, как «департамент полиции устроил типографию, в которой печатались погромные прокламации. Департаментские чиновники докладывали буквально следующее: «погром устроить можно какой угодно. Хотите на 10 человек, хотите на 10.000». Разоблачения к.-д. делегации, вернувшейся из Белостока, были до того обоснованы, что думское большинство вынуждено было обвинить правительство в организации погромов. Только в этом вопросе за все время существования Г. Д. к.-д. разошлись с октябристами. Последние предложили Д. «воздержаться от излишней поспешности, от опрометчивых решений, от блестящих, но бессодержательных речей». А Стахович от имени октябристов заявил, что «он не верит в участие высшего правительства в организации погрома».

[1]) Винавер.—Конфликты в первой Думе.

На помощь правым выступил католический епископ барон Роон в священническом облачении с крестом на шее. Он «против погромов и правительства; но ведь революционные организации, еврейские или всееврейские, раздражают население». «За два месяца до погрома—сообщает он—в Белостоке на еврейском кладбище было собрание революционеров, преимущественно евреев. Там была высказана мысль, что бога нет. Затем революционеры отправились на пир, где были совершены кощунственные обряды с непотребными девками, а после раздавали денежную помощь тем, которые признали, что бога нет».

Но прежде чем еще была вынесена резолюция, подтвердившая в сотый раз требование об отставке министерства, к.-д. доказали свою преданность правительству во время обсуждения продовольственного вопроса. Как бы извиняясь за беспокойствие, причиняемое Думой правительству при обсуждении Белостокского погрома, кадеты самым жалким образом унизили себя. Возмутительный случай полицейского насилия над депутатом Седельниковым глубоко взволновал Думу. Трудовики резко выступили против действия правительства. Вслед выступают кадеты и заявляют: «То, что говорил лидер трудовой группы, не следует относить ко всей Думе. Если даже лидер группы говорил не от имени всей Думы, а от имени трудовой группы, то мы просим, чтобы—когда будут избивать нас, кадетов, члены трудовой группы не применяли к министрам тех мер обструкции, какими грозит сейчас лидер этой группы».

Продовольственный вопрос.

В тот день, когда Д. заставила военного прокурора уйти из залы, министерством внудел и финансов был внесен законопроект об ассигновании 50 милл. рублей на выдачу пособий населению, пострадавшему от неурожая. К.-д. высказались за ассигновку 15 милл. рублей с требованием отчета в их израсходовании. Герценштейн (к-д.) предложил даже «просить увеличить указанную правит. сумму, так как пострадавшее население имеет основание на то, чтобы мы некоторые счеты с министерством в настоящее время «устранили».

После Герценштейна к.-д. выдвинули своих лучших депутатов, которые убеждали принять предложение правительства. Трасун, выступивший от имени крестьян, повидимому, хотел связать этот вопрос с общей политикой правительства, но он не сумел этого сделать. Он лишь ограничился указанием, что «правительство спаивает мужиков и что мужики страдают от конокрадов». Зато резкая речь Рамишвили внесла диссонанс в к.-д. музыку. «15 миллионов рублей,—сказал он,—недостаточно для помощи голодающим. Нужно достать бо́льшую сумму. Эту сумму нужно достать из казны, а чем больше оттуда возьмем, тем лучше, потому что обезоружим наше правительство в его войне против народа. Министр сказал, что у них средств нет. Но я еще не видал голодного министра, голодного генерала, не видал даже голодного уездного начальника, в то время, как стомиллионное русское крестьянство голодает»!...

Гармодели от имени с.-д. внес следующую поправку: «потребную сумму образовать путем уничтожения секретных фондов, сокращения военных расходов, распущения казачьих войск, несущих полицейскую службу, уничтожения расходов на жандармерию, политическую полицию, политический сыск и т. д.; и обращения на нужды голодающих доходов

с кабинетских, удельных, церковных и монастырских имений и капиталов».

К.-д. комментатор Петрункевич предложил отклонить поправки с.-д., так как «мы отыскиваем источники доходов, ищем их в тех остатках, которые могут образоваться, т.-е. мы здесь не нарушаем никакого закона, а остаемся в пределах существующих правил». Между тем, с.-д. хотят нарушить правило, что противоречит основным законам... Гейден, с пеной у рта, требовал «устранить из резолюции последние жалкие остатки оппозиционного настроения».

С.-д. заявили, что недопустимо давать деньги самодержавному правительству, что Г. Д. должна образовать свой продовольственный комитет, послать на места своих членов, привлечь к работе «свободные общественные организации». «С.-д. делали из своей резолюции революционное обращение к народу, бичующее правительство, как «истинного виновника голодовок».

Во время прений трудовик Аладьин вступил в переговоры с к.-д., в результате которых была принята резолюция, предложенная к.-д. Таким образом, трудовики отказались от главной идеи Аладьина: взять дело продовольствия населения в свои руки. Революционная поправка трудовика Галецкого была отвергнута.

Кадеты стремятся получить министерские портфели.

После разоблачений в Г. Д. в связи с белостокским погромом стало ясно, что вопрос о разгоне Думы решен. Кроме того [1]), все толки и переговоры о к.-д. министерстве в течение месяца топтались на одном месте. «Первое предложение об образовании кадетского министерства было сделано в июне 1906 г. председателю Д.—Муромцеву Треповым, который горячо ухватился за эту политическую комбинацию. В английской газете «Таймс» Трепов высказывал мысли, что ни коалиционное министерство ни министерство вне Думы взятое не дадут стране успокоения. Новое министерство должно быть образовано из к.-д., как сильнейшей партии в Думе. Призванный к власти думский центр оторвется от левого крыла—трудовиков. Кадетам ставились условия отказаться от требований: 1) принудительного отчуждения земли (вопрос жизни и смерти для высших сфер — земельных магнатов и крупных капиталистов) и 2) полной амнистии (предмет страха для «охранителей» государственного порядка).

Затем, по запискам Муромцева, он, «по желанию двух-трех сановников, беседовал с ними у себя о том же»; некоторые из сановников показывали себя сторонниками чистого кадетского министерства, других надо было в этом убеждать. Далее, по прямой просьбе А. С. Ермолова, который имел специальное поручение, Муромцев устроил его свидание с Милюковым у себя на квартире. Наконец, тов. министра внутр. дел С. Е. Крыжановский, посещая Муромцева по делам службы, дважды заявлял о желательности для Столыпина встречи с Муромцевым в каком-либо нейтральном месте. Но это не было приведено в исполнение. Крыжановский высказал воззрение своего начальника о полной желательности и возможности занятия министерских мест к.-д. при непременном условии, чтобы министерство внудел как ведающее охраной оставалось в руках Столыпина или вообще представителя старой власти. Такое же усло-

[1]) См. сочинения Ленина, т. VII, ч. II.

вие было поставлено и относительно военного министерства. Почему не удались все попытки соглашения? При размерах тех уступок, которые давала власть, кадеты не надеялись справиться с движением.

К.-д. тщательно в течение годов скрывали свои переговоры с правительством Николая II.

Правительство, ведя переговоры о думском министерстве, лишь выигрывало время.

Обращение правительства.

Еще за месяц до правительственного сообщения по аграрному вопросу казанский, саратовский, московский губернаторы обратились к населению с воззванием. «На основании своих планов по земельному вопросу,—сообщали начальники губерний,—Дума приняла предположения о полном упразднении права частной собственности на землю, которое существует во всех государствах. Правительство не могло согласиться с этим. Упразднение права частной собственности на землю должно в равной мере коснуться и крестьян».

Под предлогом полемики с воззванием 14 членов с.-д. фракции [1]), официальные обращения к населению заключали «критику действий и намерений Г. Д., основанную на искажении фактов и приписывающую Г. Д. решения и постановления, которых она не принимала. Целью всех подобных воззваний, вне сомнения, является возбуждение населения, преимущественно крестьян, против высшего законодательного учреждения страны путем распространения заведомо ложных известий о деятельности Думы» [2]).

Гос. контролер Шванебах сотруднику «Times» сказал: «Дума—вовсе не парламент, Дума—просто революционное сборище, вроде совета рабочих депутатов или союза союзов... Она дискредитирует себя, натворит много бед и кончит бесславной смертью»... Другой член кабинета, министр финансов Коковцев, высказался не менее решительно. Он предсказывал, что и немедленный роспуск Думы не вызовет ни рабочего, ни крестьянского движения. «Все сведения об этом,—говорил он,—страшно преувеличены. Те же опасения были, когда решено было принять решительные меры против совета рабочих депутатов, и, как оказалось, опасения эти не оправдались». В официозе «Россия» появилась статья, подтверждавшая, что в конце мая, ввиду усиления аграрного движения в России и опасной деятельности Думы, австрийское правительство вело переговоры с германским. Газеты, между прочим, подчеркивали, что наместник австрийской Галиции являлся в то же время крупным русским помещиком. В результате переговоров оба правительства пришли к выводу, что при «известных условиях активное вмешательство во внутренние дела России с целью подавления или ограничения аграрно-революционного движения могло бы явиться желательным и полезным», но под условием «не только согласия, но также прямо и ясно высказанного желания соответственного русского правительства».

Состоявшийся в июне дворянский с'езд поднес царю «всеподданнейший адрес», в котором развил свою программу. Она сводилась к самому энергичному протесту против «принудительного отчуждения» частных земель. Предводитель об'единенного дворянства поставил пра-

[1]) 14 рабочих депутатов опубликовали обращение «ко всем рабочим России», которые призывались «готовиться поддержать Думу в ее столкновении с правительством».

[2]) Из думского Запроса от 29 мая 1906 г.

вительству следующее условие: 1) роспуск Г. Д., 2) введение военно-полевых судов, 3) изменение избирательного права [1]).

Правительство, игнорируя Думу и желая нанести ей сокрушительный удар, выпустило сообщение по аграрному вопросу, составленное в интересах крупных помещиков. Сообщение резко полемизировало с крамольной Думой, «посягавшей на священные устои земельной собственности». Сообщение призывало крестьян надеяться не на Думу, а на чиновников, которые, не нарушая интересов помещиков, дадут крестьянам землю при помощи крестьянского банка. «В народе распространяются слухи,—говорилось в сообщении,—будто правительство не соглашается на принудительное отчуждение частно-владельческих земель, отстаивая выгоду помещиков. Это не верно. Правительство охраняет законы и права всех и каждого. В данном случае оно полагает, что не землевладельцам нанесло бы ущерб принудительное отчуждение от них земель, а самому крестьянству» [2]).

Это сообщение возвращает нас к 1861 году. Губернские депутаты, подававшие в свое время Александру II левые адреса, заявляли, что они от всей души сочувствуют полному освобождению крепостных, но мужику будет тем лучше, чем земли у него будет меньше.

«Потребности крестьянства велики и разнообразны,—продолжает правительственное сообщение. И далее следует перечисление этих потребностей. Упомянув о малоземелье, от которого особенно страдают дарственники, правительство указывает на следующие источники бедствий крестьян: 1) отдаленность угодий от усадебной оседлости, 2) внутренняя и внешняя чересполосность надельных земель и дробность полос, и 3) переделы земли, благодаря которым: «наиболее предприимчивые домохозяева не решаются улучшать состоящие в их пользовании участки общинной земли, опасаясь, что при следующем переделе участки эти будут от них отобраны и переданы другим крестьянам».

Для увеличения площади землепользования малоземельных крестьян правительство предложило: 1) передать на выгодных для них условиях все годные для земледелия казенные земли, 2) купить для этой цели за счет государства от частных владельцев, добровольно, продаваемые ими земли» и «продать их нуждающимся по ценам, доступным для крестьян», 3) переселить крестьян в Сибирь и степные области Средней Азии, «где в распоряжении государства имеются обширные площади плодородной земли». Дальше проводится та основная мысль, что единственное спасение в разрушении общины...

Выступление правительства навело на мысль о думском обращении к народу.

Обращение Думы.

Как же ответила Г. Д. на боевой манифест реакционного дворянства?

116 кадетов, трудовиков и с.-д. внесли в парламент срочное заявление о запросе. Авторы заявления исходили из признания сообщения незакономерным, «ввиду того, что министерство не может протендовать на исключительное единение с верховной властью после учреждения Г. Д. и отожествлять себя с правительством», Дума находила, что

---

1) А. Изгоев — П. А. Столыпин, стр. 32.

2) Автор сообщения, главноупр. землеустройством Стишинский, накануне пострадал: крестьяне разграбили его имение. Присяжные оправдали крестьян; на суде выяснилось, что в имении царили кабала и кулачество.

сообщение может при серьезном положении повести к обострению земельных отношений.

«К.-д. испугались выступления парламента на новый путь непосредственного обращения к народу, путь, не предусмотренный, но и не запрещенный основными законами,—сознается к.-д. депутат Езерский [1]). Они избегали назвать свой акт воззванием, так как стремились «не возбудить народ, а, наоборот,—предупредить смуту». «Мы обязаны ответить на это сообщение,—говорил к.-д. Якушкин,—которое возмущает народ, таким сообщением, которое должно его успокоить. Народ должен убедиться, что Г. Д. не отказалась от своих начинаний. Кадет Петражицкий указал, что «раз'яснение фактического положения дела, изложенное в правительственном сообщении, может быть достигнуто иначе. Следует лучше опубликовать отчет аграрной комиссии»,—т.-е. он был против какого то ни было обращения. Левый кадет Ледницкий предложил вместо обращения ограничиться резкой формулой перехода к очередным делам. К.-д. Петрункевич требовал, чтоб Дума указала, что в ее задачу не входит ни захват исполнительной власти ни вообще революционизирование страны. Ведь Дума всегда стремилась к устранению революционной смуты! Поэтому Г. Д. должна направить проект обращения к министерству внудел с требованием напечатать его в «Правительственном Вестнике». Кадет Петрункевич таким образом пришел к тому же, что предложил 4-го июля октябрист Волконский. Последний вообще прикинулся дурачком и цинично заявил: «Нельзя принять обращение к народу. Тогда крестьяне м о г у т у з н а т ь, что Дума ссорится с министерством». (!). Октябрист Стахович совершенно откровенно говорил о том, что из-за сообщения может пострадать биржа. «Мы не будем легкомысленны,—говорил он,—и мы учтем те страшные потери, которые в разоряемой стране опять понесет биржа. Мы часто вспоминаем о бирже, но никогда не останавливаемся на этом и к потерям биржи относимся, как к разным телеграммным известиям. Это как будто только принимается к сведению. Многие из нас, наверное, забывают, что всякое такое падение, большая и совершенно определенная потеря в финансовом хозяйстве и денежном состоянии всей России, и поэтому мы совсем не легко и не добродушно должны относиться к этим известиям. Из обращения следует поэтому вычеркнуть политическую часть». К.-д. вообще вместе с октябристами всеми силами старались придать обращению мирный характер.

Трудовик Жилкин особенно возражал против последних слов проекта:—«мир и спокойствие». Разве Г. Д. явилась благодаря мирному и спокойному течению русской жизни? Только благодаря народному восстанию завоеван впервые зародыш народного представительства. Народ! Не будь спокоен и тих! Не жди мирно. Ты никогда ничего не получишь сверху. Народ обязан поддерживать требования Думы. Дума превратилась в игрушку, потому что народ молчит. Пусть не пугаются люди, которые под революцией понимают открытое вооруженное восстание. Революция у нас и сейчас продолжается.

Когда же кадеты и правые обрушились на трудовиков за революционные выступления в такой критический момент, трудовик Жилкин струсил и стал оправдываться. «Я недоумеваю,—сказал он,—где же, в какой части моей речи я предлагал захватное право, восстание и т. п.?

---

[1]) См. Езерский. «Дума первого созыва».

Не призывал я к этому народ!». Другой же трудовик, критикуя действия Думы, дал замечательную характеристику думских партий. «Когда нужно, чтобы поверили в вашу силу, вы обращаетесь к народу, но когда она действительно нужна, эта сила, вы боитесь обратиться к нему, Мне это невольно напоминает анекдот про одного храброго человека, который всегда брал с собою револьвер, но никогда его не заряжал. Он мотивировал свои действия тем, что берет револьвер для того, чтобы попугать, но не заряжает, так как может сам себя застрелить».

С.-д. депутаты почему-то в прениях участия не принимали. Почти к концу прений депутат Ишерский заявил от с.-д. фракции следующее: «ввиду того, что большинство Г. Д. приняло такой текст обращения, главный смысл которого сводится к укору народа и призыву его к спокойствию, а не к обличению тех правительственных насильников, которые сделали Думу бессильной и не оставили народу другого пути, как путь насильственной борьбы за свободу и землю, мы видим себя вынужденными отказаться от дальнейшего участия в обсуждении проекта обращения, а при окончательном голосовании будем голосовать против него, оставляя за собой право самостоятельным обращением выяснить народу истинное положение дела». Своего обращения с.-д. так и не вынесли. Мысль с.-д. лишь затерялась в прениях.

Можно ли назвать революционным по содержанию такой акт, в котором говорилось, что Дума стремится к мирному установлению порядка в стране?! Дума даже позаботилась о том, чтоб и мысли не возникло у народа о принудительном отчуждении земли в порядке самовластного захвата! Дума в сообщении подчеркнула, что принудительное отчуждение должно совершиться на основании особого о том закона. Дума сослалась на проект организации местных земельных учреждений, умолчав о том, на каких началах предполагается организовать эти учреждения. Дума сделала все возможное,—по уверению Кузьмина-Караваева,—чтобы изверившееся крестьянство под влиянием обращения не дошло до мысли о самовластном захвате.

«Обращение» (а не воззвание) было принято 124 голосами кадетской фракции против 53 с.-д. и правых при 101 воздержавшихся трудовиках. Трудовики и на этот раз не знали, как поступить и с кем итти. Это с ними случалось каждый раз, когда надо было не болтать, а действовать.

После этого один депутат внес предложение перевести это сообщение на языки тех местностей, где «земледельческое население мало знакомо или совсем не знакомо с русским языком». Болтуны испугались инородцев, но отвергнуть это предложение все-таки было неудобно. Нашелся выход: депутаты от голосования воздержались, т.-е. разыграли немую сцену. Баллотировка этого вопроса не состоялась.

Разгон Думы.

7-го июля, вечером, еще заседали думские комиссии, а Столыпин сообщил Муромцеву, что он 10-го июля даст Думе об'яснение относительно белостокских событий. Кадетская «Речь» писала в этот день, что правительство бессильно против Думы бороться и что Дума добьется своего. А вечером того же дня Петербург был об'явлен на военном положении и уже набирался указ о разгоне первого российского парламента.

«Волею нашею,—сказано было в манифесте о разгоне Г. Д.,—призваны были к строительству законодательному люди, избранные от на-

селения... Во всех отраслях народной жизни намечены были нами крупные преобразования, и на первом месте всегда стояла главнейшая забота наша рассеять темноту народную светом просвещения и тяготы народные —облегчением условий земельного труда.

Ожиданиям нашим ниспослано тяжкое испытание. Выборные от населения вместо работы строительства законодательного уклонились в непринадлежащую им область и обратились к расследованию действий поставленных от нас местных властей, к указаниям нам на несовершенство законов основных, изменения которых могут быть предприняты лишь нашею монаршею волею, и к действиям явно незаконным, как обращение Думы к населению. Смущенное же таковыми непорядками крестьянство, не ожидая законного улучшения своего положения, перешло в целом ряде губерний к открытому грабежу, хищению чужого имущества, неповиновению закону и законным властям. Но пусть помнят наши подданные, что только при полном порядке и спокойствии возможно прочное улучшение народного быта. Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной мощи приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле».

Выборгское воззвание.

Состоявшееся в Выборге 9 и 10-го июля совещание депутатов приняло обращение к народу, известное под именем «Выборгского воззвания».

Как же себя вело в Выборге думское большинство, собравшееся для выработки этого воззвания? Предоставим слову Дану, который к кадетам всегда относился благосклонно. «В Выборге занятия собравшихся депутатов начались при очень бурном настроении,—сообщает Дан [1]).—Было решено обратиться к народу с воззванием. Но и тут, прежде всего, собравшиеся отказались об'явить себя «Государственной Думой», а признали себя просто собранием «народных представителей». Этим самым они примирялись с фактом разгона Думы, подчинялись ему. Народные представители не только не обещались помочь народу в «активной» борьбе, но отказались даже обращением к армии содействовать хотя бы ослаблению тех ударов, которые грозили обрушиться на народ. Наконец, составлявшие большинство собравшихся кадеты не хотели прямо сказать народу, что весь ход событий приводит к тому, что народу нельзя довольствоваться Государственной Думой в том виде, как она создана правительством». К.-д. даже не отрицали права царя роспускать Думу, но «внешний характер роспуска был неконституционный».

Когда начался выборгский процесс, вся либеральная пресса гремела, что судят потомков декабристов, великих борцов и героев российского конвента.

Между тем, допрос обвиняемых на предварительном следствии поразительно оттеняет беспомощность депутатов.

Председатель Муромцев через несколько месяцев после подписания выборгского воззвания ответил интервьюеру, что он еще не выяснил себе значения своего поступка. Депутат Волков заявил судебному следователю, что цели составления воззвания он не знал и подписал его потому, что подписали все собравшиеся в Выборге депутаты. Депутаты Врагов и Выровой заявили, что подписали не читая и не вслушавшись в содержа-

[1]) М. Б-ов и Ф. Дан—«Рабочие депутаты в первой Госуд. Думе», стр. 167.

ние воззвания. Дьяченко подписал только потому, что ему кто-то сказал, что воззвание подписал граф Гейден...

Депутаты, подписывая воззвание, прежде всего боялись его практического осуществления. Так, депутат Лавров выражал надежду, что правительство поспешит с созывом Думы до набора рекрутов, а Карандашев заявил, что, хотя и подписал воззвание, но не одобрил призыва к неплатежу податей и противодействию отбывать воинскую повинность.

Чего же так пугались «представители народа»?

«Граждане,—говорилось в «Выборгском воззвании»,—стойте крепко за Государственную Думу. Ни одного дня Россия не должна остаться без народного представительства. У вас способы добиться этого. Правительство не имеет права без согласия народного представительства ни собирать налоги с народа, ни призывать народ на военную службу и потому теперь, когда правительство распустило Г. Д., вы вправе не давать ему ни солдат, ни денег[1]). Если же правительство, чтобы добыть себе средства, станет делать займы, то такие займы, заключенные без согласия народных представителей, отныне не действительны, и русский народ никогда их не признает и платить по ним не будет.

Дума поклялась, что в этой вынужденной, но неизбежной борьбе выборные люди будут с народом, но вскоре после этого к.-д. раз'ехались по Европе, предварительно уплатив государственный сбор за заграничные паспорта.

Что собой представляло «выборгское воззвание» в кадетском понимании? На это ответил на выборгском процессе кадет Кокошкин. «Перед нами стояла возможность, — говорил он, — стихийных кровавых столкновений, вызванных роспуском Думы. В этот момент мы сочли необходимым указать народу другое средство защиты его прав, известное под названием пассивного сопротивления—отказ в платеже налогов».

«Когда на вас идет горный поток,—говорил на суде Муромцев,—чтобы спасти деревню, лежащую на пути этого потока, нужно сделать плотину и поток остановить, а кто думает, что поток нельзя остановить, тот предлагает другие средства—прорыть всевозможные обводные каналы и пустить его по этим каналам. Члены Думы думали именно так!».

Трудовики и с.-д. выпустили особое воззвание. Они об'явили правительство незаконным без Думы и призывали армию выступить против правительства со всем русским народом.

После разгона Думы, революционные волны ни разу не охватывали широких народных масс. Они разбивались на ряд коротких волн, которые были раздроблены и не давали большого результата.

В это же время правительство группировало вокруг себя контр-революционные силы. Об'единенный с'езд дворянства заявил, что он настаивает на разгоне Думы, которой крестьяне поощряются к преступлениям. Тяжелое положение крестьян происходит не от малоземелья, а кроется в общинном землевладении. Аналогичное заявление сделали представители крупной промышленности. «Не трудно видеть из самого простого расчета,—заявили горнозаводчики, сахарозаводчики, нефтепромышленники, металлозаводчики,—что никакие дополнительные прирезки земли не могут быть радикальным средством для создания деревенского благосостояния. Под'ем благосостояния деревни может итти

---

[1]) В этой части воззвание напоминало „финансовый манифест“ первого совета рабочих депутатов.

лишь тем путем, которым шел и идет во всем мире, т.-е., с одной стороны, отвлечением излишней части населения к промышленным и торговым занятиям, а с другой стороны, переходом сельского хозяйства ко все более и более интенсивным формам на почве замены общинного землевладения подворным».

Таким образом на стороне правительства стояли: дворянство, захватившее в свои руки земство, крупная буржуазия, пролетариат босяков и охотнорядцы, организованные в союз русского народа.

Крестьянство встретило роспуск Думы с унылой покорностью. Рабочие, изнуренные голодом и карательными экспедициями, менее всего были склонны поддерживать Думу, которую они бойкотировали 72 дня тому назад.

Характер нашего парламента.

Итак, что собой представлял наш парламент?

Некоторые гадатели предсказывали, что в Думе будет своя Жиронда и Гора [1]).

Фактически наша Дума была точной копией франкфуртского парламента 1848 года, который в революционную эпоху обнаружил стремление тушить революцию. «Большинство этого собрания,—писал Энгельс,—состояло из либеральных адвокатов и доктринеров-профессоров. Это собрание заявляло притязания на то, что будто бы оно воплощает собой цвет нации, но в действительности представляло арену, на которой старые отжившие свое время политические характеры демонстрировали весь свой комизм и всю свою неспособность к мышлениям и действиям. Это собрание старых баб больше трусило перед слабым движением народа, чем перед всеми реакционными заговорами всех взятых вместе правительств» [2]).

Социальный состав Думы определил ее физиономию: большая група беспартийных крестьян, огромный процент профессоров и юристов, значительное ядро помещиков,—все они превратили Думу в уездное земское собрание или в волостной сход, который стоял перед начальством без шапки. Если присмотреться к поведению господствовавшего в Думе так называемого третьего сословия, т.-е. того слоя, который видел в себе сливки не только своего сословия, но и всего народа, то окажется, что Дума «народного гнева» была подавлена мучительным страхом перед «толпой» и ждала спасения от двора. Никто из депутатов не решался обнаружить притязания на действительное дело! Никто не осмеливался заявлять своего права на существование! Наконец, барин, придя в себя, разогнал волостной сход...

Кадеты.

А наши кадеты? Те же прусские прогрессисты! Если обратимся к профессиональному составу членов к.-д. думской фракции, то получим следующую картину:

Состояло на службе общ., гор. земск.	30	или 19,6%
Землевлад.	22	„ 14,4%
Адвокатов.	15	„ 9,8%
Врачей.	13	„ 8,5%

[1]) См. ст. Алексинского в ж. «Образование», за 1906 г.

[2]) Энгельс. «Революция и контр-революция в Германии».

На службе гос.	12	7,8%
Учителей, инсп. н. шк.	11	7,1%
Домовлад.	9	5,9%
Профессоров	9	5,9%
Земледельцев	9	5,9%
Торговцев	8	5,2%
Приват-доц.	4	2,6%
Редакторов	4	2,6%
Попов	4	2,6%
Литераторов	3	1,9%
Инженеров	2	1,3%
Рабочих	2	1,3%
Промышленников	1	0,6%

Средний заработок членов данной партии колеблется от 360 р. до 20.000 р. в год [1]).

Большая часть этой интеллигенции в достаточной степени владела землицей:

От 5.000 до 10.000	десятин	3	депутата	или	1,9%
„ 2.000 „ 5.000	„	8	„	„	5,2%
„ 1.000 „ 2.000	„	8	„	„	5,2%
„ 1.000 „ 500	„	30	„	„	19,6%
„ 100 „ 500	„	14	„	„	9,1%
„ 10 „ 100	„	10	„	„	6,5%

Итак, по землевладению в партию к.-д. входит ½ всех крупных землевладельцев Думы, несколько более ½ землевладельцев средних и незначительное число мелких [2]).

Эта партия, зародившаяся как организация либеральных помещиков и третьего элемента, вынуждена была в ходе развития искать себе опоры в среде мелко-буржуазных слоев города и деревни. Кадеты находились между молотом революции и наковальней контр-революции. В стране еще бушевало, надо было показать, будто бы они выражают интересы всех классов и проводят кое-какие реформы. Отсюда либеральная фразеология. В то же время надо было столковаться с правительством и, если удастся, то получить пару министерских портфелей. Отсюда предательство интересов своих же избирателей. Их контр-революционные колебания определялись своей стратегией и тактикой.

Эту тактику характеризуют слова Милюкова в III Думе. Защищая аграрную политику в прошлом, Милюков в III Думе как бы извинялся за ее радикализм и доказывал, что поспешное внесение законопроекта в Думу диктовалось внешней необходимостью: это была последняя опора, единственная причина, способная сдержать поток.

Недаром эта партия в эпоху революции хотела повторить реформу 19 февраля, сохранить сословия в угоду помещикам-либералам, запретить собрания и закрыть рабочую печать.

Правые.

Какую же роль играли правые группы?

Между октябристами и мирно-обновленцами, партией демократических реформ не было никакой разницы. Все они, по выражению Гейдена, стояли на платформе 17 октября и были «мягкими в приемах и твердыми по существу». Применять «жесткие» приемы они, конечно, не могли, так как составляли в Думе незначительное меньшинство.

---

[1]) 360 р.—20.000 р. по курсу рубля 1906 года!

[2]) Данные взяты у Бородина «Г. Д. в цифрах».

Эти представители интересов крупного землевладения и капитала не наглели в I Думе, как—Валяй-Марков, Крушеван и Пуришкевич в следующих думах. В этом они сами были меньше всего виноваты. Крестьяне еще занимались «иллюминацией». При этом эффектном зрелище не совсем удобно было откровенничать.

Поэтому они разыгрывали роль «благородной оппозиции». Граф Гейден предложил себя в качестве «порицателя, который может быть очень полезен. Ведь и за римской колесницей триумфатора обязательно шел человек, который его порицал, чтобы он не заносился слишком высоко в облака».

Как правые ни старались «резкости суждений заменить об'ективной критикой и на место хлестких речей поставить кропотливую работу законодательного строительства»,—все же они совсем не скромничали, когда затрагивались интересы зубров. Правые частенько напоминали о здоровом городовом, о сильном и законном правительстве и о том, что баб еще рано допустить к законодательной работе, так как мужчины еще не научились [1]).

Говоря о правых группах, нельзя не упомянуть об автономистах. Весьма характерной является их группировка по занятиям. Здесь бросается в глаза очень высокий % землевладельцев (в 2½ раза больший среднего % для палаты, высокий % адвокатов и попов, и меньший % земледельцев). В этой группе сосредоточены наиболее крупные помещики из всей палаты. Здесь имеются владельцы латифундий Юго-Западного края, Польши и Прибалтики, владельцы свеклосахарных заводов и паровых мельниц. Заработок членов этой группы достигает... 30.000 рублей в год!

Эта группа с думской кафедры откровенно третировала «халуев-мужиков», которым добавочные наделы причинят только горе. «Мир давно бы рушился без разума господского. Барам на роду написано блюсти крестьянство глупое, а крестьянам—работать, слушаться, молиться на господ».

---

[1]) Кстати надо отметить, что „бабы“ думали об этом иначе. Приводим одно чрезвычайно характерное письмо к членам Г. Д. из Тверской губернии. Письмо это с оставлено женщинами трех деревень, тайно собравшимися для этой цели. Как в с обрании, так и в составлении письма никто из интеллигенции никакого участия не принимал: „Мы, крестьянки Тверской губернии, пишем в Г. Д. господам членам, которых выбрали от нашей губернии. Мы своим положением недовольны. Мужья наши и парни гулять с нами рады, а что касается разговоров, какие ведутся теперь про землю и правые новые законы, то говорить о дельном с нами не хотят. Допреж сего так и было, что хотя и побьют иной раз, но о делах наших вместе решим. Теперь же они говорят: вы нам не товарищи. Мы пойдем в Г. Д. и будем государством управлять, или хотя не сами, а будем членов выбирать. Нам надо промеж себя сговариться. Кабы закон нас с вами ровнял, тогда мы бы вас спрашивали. И выходит теперь, что бабы и девки, как обойденные, стоят в сторонке, в жизни своей решать ничего не смеют. Господа члены от Тверской г.!.. Закон этот неправильный, и от него рознь между бабами и мужиками, и даже вражда, то горько. Вместе мы горе мыкали, а как дошло до того, чтобы всем по закону жить, тогда мы не нужны. А мужики наших бабьих нужд не знают. А мы обсудим все не хуже мужиков. Дела наши общие, пускай и нас, баб, спросят, как их решать. Мужики, небось, не одним своим умом живут, а бабьим. Господа депутаты, явите божескую милость, обсудите наше положение. Нам сказали, что вы можете изменить законы. Заявите в Д., что надо все дела решать по-божески и всех равно допускать в Г. Д.: и богатых и бедных, и женщин и мужчин, а то не будет правды на земле, а в семье не будет ладу. Было у нас одно начальство с мужьями, а теперь мужья наши будут законы писать. Мы люди темные, что не так написали, в том прощения просим. Письмо писала малолетка за всех нас, баб с трех деревень, есть и старухи и девки...

Выступая под флагом автономизма, они отстаивали право «разрешить земельный вопрос согласно местным условиям». Каковы же эти были «местные условия», видно из того, что из Польши прошли в Думу почти исключительно дикие помещики-зубры...

«Вы хотите знать, что такое автономия? Дворянство в Курляндии отрекается от своих прав на крепостную и наследственную зависимость крестьян, предоставляя себе одно только право—право собственности на землю. Остзейские бароны явились горячими защитниками неприкосновенности зайцев и горячими противниками применения смертной казни крестьянами к зайцам. Зато они являются такими же ярыми защитниками применения смертной казни к крестьянам. Помещики балтийские топили мужиков в спирте и пиве...[1]).

Будучи автономны в эксплоатации крестьян и национальной травле, автономисты стремились оградить себя от покушений безземельных и малоземельных крестьян на «областную автономию».

Их автономизм, таким образом, напоминал федерализм жирондистов и Северного общества декабристов: все они стремились этим возвести плотину против черного передела.

Трудовики.

Если правые и кадеты определенно знали, чего они хотели, то трудовики совсем не знали, как бороться, чего требовать, какую линию вести. Они поддавались агитации то справа, то слева:

Что им речь последняя скажет,
То на душе их сверху и ляжет.

Ничего удивительного в этом не было. Эта группа состояла из 2 с.-р., 9 членов крестьянского союза, 7 соц. вне партии, одного радикала, 2 свободомыслящих, 18 левее к.-д., 8 автономистов, 21 беспартийных, 27 неопределенных и 10 с.-д., впоследствии выделившихся.

А каков был профессиональный состав этой группы, говорят следующие цифры:

Земледельцев	42	или	23,8%
Рабочих	19	„	17,7%
Учителей	10	„	9,3%
Служ. на общ. гор. сл.	12	„	11,2%
Адвокатов	8	„	7,4%
На частной службе	3	„	2,8%
Торговцев	3	„	2,8%
Врачей	3	„	2,8%
Литераторов, Студентов, Землемеров, Профессоров, Промышленников, Землевладельцев	1	„	0,9%

Из рабочих—16 относятся к категории фабрично-заводских и 3 сельско-хозяйственных рабочих. Служба частная—преимущественно конторщики и народные учителя. Служба общественная — преимущественно низшие служащие с небольшим заработком. Учителя преимущественно начальных училищ—ставленники крестьян. Врачи—земские. Характерная особенность трудовой группы заключается в ее сильно отличном от

[1]) Речь депутата Крейцберга.

к.-д. партии и от средних чисел за всю думу — сословном составе. В ней ничтожный % лиц дворянского происхождения—2,8% и сильное преобладание крестьян—81,3%. Число мещан относительно велико, включая около ½ мещан, входящих в состав Думы.

Колебания, нерешительность этой группы понятны. Они неизбежны, вследствие самой сущности экономического положения мелкого производителя. С одной стороны, он угнетен и невольно толкается к борьбе за демократию. С другой стороны, он—мелкий хозяин, стремящийся выйти в люди, стать буржуем. Эта мелко-буржуазная группа очень медленно эволюционировала, и с трудом и большим напряжением делала попытку уйти из-под влияния к.-д. Но до разгона Думы она не имела ни самостоятельной тактики, ни определенных принципов. Она не была в состоянии ни помириться с правительством, ни бороться с ним, ни поддерживать парламентские иллюзии, ни покончить с ними.

С.-д.

Что касается с.-д. фракции, то рабочие депутаты прошли в Г. Д. не партийным путем. Очень немногие из рабочих депутатов состояли раньше в партийных организациях и разделяли с.-д. программу. Почти все рабочие прошли в Думу посредством прямых или косвенных, молчаливых или признанных соглашений с к.-д. Многие прошли в Думу так, что нельзя было разобрать, в качестве к.-д. или с.-д. они были выбраны. Пророческими оказались слова Ленина, что рабочие депутаты окажутся парламентариями худшего типа. Странно, например, было читать в их декларации о том, что интересы всех классов одинаково противоречат самодержавию. Не менее странным в устах с.-д. было заявление о необходимости беспартийной армии. Члены рабочей группы заявили в газетах, что они от участия в голосовании ответа на тронную речь воздержались и не хотели только устроить из своего отказа демонстрацию, чтобы не смешиваться с правыми. Социал-демократ Николаевский повторил вслед за к.-д., что Г. Д. не достигнет практических результатов до тех пор, пока между Думой и царем будет стоять враждебная стена в лице министерства. С.-д. Рамишвили заявил о своем согласии с кадетами в том, что Г. Д.—любимое учреждение для народа и ее авторитет высок.

Только противодействие большевиков удержало с.-д. депутатот от прямого присоединения к лозунгу «министерства из думского большинства».

Несмотря на все эти промахи, голос рабочих депутатов находил живой отклик в стране. Яркие боевые речи, хотя и не всегда выдержанные, бросали искры в рабоче-крестьянские массы. Думское большинство приходило в ужас от неотесанных манер рабочих, нарушающих парламентский этикет.

Роль Думы.

Итак, Дума разоблачила сказки меньшевиков о революционности буржуазии и ее представителей—кадетов, об их готовности бороться. Она подтвердила прогноз большевиков о действующих силах революции. События лишили парламент всякого ореола святости и сделали его отвратительным и смешным.

История подтвердила, что единственным революционным борцом в силу особых условий стал только российский пролетариат, который в 1-ой Государственной Думе вовсе и не был представлен.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Литература о первой государственной думе огромна. Перечень книг, брошюр, журнальных и газетных статей, хотя далеко не полный, читатель найдет в «Указателе книг и статей о Г. Д.» В. Брусянникова и в «Указателе книг и журналов» Владиславлева. В указателе Брусянникова почти отсутствует марксистская литература. Огромная часть литературы создана кадетами, которые тенденциозно и неверно освещали деятельность Думы. Кадеты занимаются лишь тем, что восхваляют мудрое поведение своих представителей в Думе, «стоявших на внеклассовой платформе». Из всего литературного хлама стоит выделить книжку Винавера «Конфликты в первой Думе». Винавер без всяких прикрашиваний довольно откровенно рассказывает о том, как кадеты старались при помощи Думы задушить революцию.

Из литературы трудовиков стоит выделить книгу Локотя, изображающего никчемность и растерянность трудовиков. Меньшевики (см. ст. Ф. Дана в большом пятитомнике «Общественное движение в России» в начале XX в.) затушевывают классовую контр-революционную политику—политику Думы. Дан даже находит, что «К-д. аграрный законопроект стремился уничтожить дифференциацию и классовую борьбу в деревне». С-р. в лице Чернова дали оценку событиям на страницах «Современника» за 1911 г. Чернов в своих статьях находит, что к-д. в Думе были слишком неуступчивы (!), и из-за этой неуступчивости была разогнана Дума и что Муромцев олицетворял собой лучшего демократа (!).

Оценку Думы с марксистской точки зрения читатель найдет в VII т. сочинений В. И. Ленина.

С. Томсини.

„Борьба классов и партий в первой Государственной Думе".

ВЫБОРЫ ВЫБОРЩИКОВ.

№№ по порядку.	Губернии.	Общее число выборщиков.	Крестьянская курия.						Землевладельческая курия.						Городская курия.						Всего по губерниям.					
			К.-Д.	Прогр.	Октябр.	Торг.-пром. парт.	Правые.	Неизв.	К.-Д.	Прогр.	Октябр.	Торг.-пром. парт.	Правые.	Неизв.	К.-Д.	Прогр.	Октябр.	Торг.-пром. парт.	Правые.	Неизв.	К.-Д.	Прогр.	Октябр.	Торг.-пром. парт.	Правые.	Неизв.
1	Архангельская	32	1	—	—	—	5	13	4	—	—	—	—	7	2	—	—	—	—	—	7	5	—	—	—	20
2	Астраханская	45	—	—	—	—	3	21	—	—	—	—	—	5	—	—	—	—	1	15	—	—	—	—	4	41
3	Бессарабская	120	—	3	3	—	—	37	9	14	—	—	11	21	6	3	—	-	3	9	15	20	3	—	15	67
4	Виленская	91	—	12	—	—	1	27	7	14	3	—	—	20	2	3	—	—	—	2	9	29	3	—	1	49
5	Витебская	90	—	2	—	—	—	29	5	11	—	—	5	18	8	5	—	—	1	6	15	18	—	—	6	55
6	Владимирская	92	—	6	—	—	—	20	2	3	1	—	7	5	23	3	7	1	3	8	25	12	8	1	10	33
7	Вологодская	80	—	9	—	—	—	37	2	2	1	—	8	13	5	1	1	—	4	2	7	12	2	—	12	52
8	Волынская	195	1	—	1	—	5	62	7	6	7	—	7	59	5	13	—	—	1	21	13	19	8	—	13	142
9	Воронежская	165	—	2	—	—	6	93	1	3	4	—	6	25	6	4	—	1	—	11	7	9	4	1	12	129
10	Вятская	200	10	29	—	—	11	86	1	4	—	—	4	9	19	2	—	—	3	10	21	19	—	—	6	58
11	Гродненская	105	—	1	—	—	—	42	3	2	—	—	7	24	7	6	—	—	1	12	10	9	—	—	8	78
12	Обл. Войска Донск.	177	1	1	—	—	4	88	4	—	16	—	—	27	10	3	1	—	—	23	14	4	17	—	4	138
13	Екатеринославская	135	1	—	—	—	—	33	2	4	7	—	4	21	23	1	1	—	—	38	26	5	8	—	4	92
14	Казанская	139	—	5	—	—	—	93	2	3	2	—	7	9	5	1	—	—	—	12	7	9	2	—	7	114
15	Калужская	76	1	3	—	—	3	19	4	3	2	1	12	1	11	4	—	1	4	1	16	10	2	2	19	21
16	Киевская	225	1	5	—	—	7	56	6	8	1	—	4	24	6	7	—	—	1	8	13	20	1	—	12	88
17	Ковенская	90	—	12	—	—	—	27	—	5	—	—	5	25	2	8	—	—	—	6	2	25	—	—	5	58
18	Костромская	92	5	1	—	—	4	19	7	2	—	2	3	21	16	—	—	3	4	3	28	3	3	6	7	43
19	Курляндская	46	3	2	—	—	1	2	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	3	3	—	—	1	3
20	Курская	150	7	26	—	—	4	37	—	8	—	—	10	26	13	6	—	—	2	6	17	39	—	—	14	80

22	Минская	135	—	—	—	—	—	15	16	5	—	—	2	21	9	—	—	—	—	—	25	5	—	—	2	36
23	Могилевская	109	1	—	—	—	3	36	10	8	—	—	1	34	14	—	—	—	—	2	25	8	—	—	4	72
24	Московская	92	1	—	—	—	4	11	2	1	3	1	5	1	21	1	4	24	2	11	24	2	7	25	11	23
25	Нижегородская	90	4	4	—	—	3	27	4	4	3	—	9	7	8	5	—	—	2	3	14	15	3	—	13	38
26	Новгородская	92	—	5	—	—	—	26	1	5	4	—	8	27	2	3	5	—	—	6	3	10	12	—	8	59
27	Олонецкая	50	—	—	—	—	2	25	—	—	—	—	—	9	—	—	—	—	—	14	—	—	—	—	2	48
28	Оренбургская	105	—	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
29	Орловская	122	1	8	—	—	2	48	3	3	4	—	12	21	6	2	1	3	4	2	10	13	5	3	18	71
30	Пензенская	90	—	7	—	—	3	37	—	3	—	—	—	25	—	2	—	—	—	9	—	12	—	—	3	75
31	Пермская	196	—	2	—	—	2	82	4	16	2	4	9	23	23	5	—	4	8	12	27	23	2	8	19	117
32	Подольская	195	—	—	—	—	—	82	5	6	—	—	15	50	6	12	—	—	—	13	11	18	—	—	15	145
33	Полтавская	181	—	—	—	—	1	2	15	33	—	—	9	19	9	—	—	—	—	—	24	33	—	—	10	21
34	Псковская	61	2	11	—	—	—	11	3	4	—	—	4	16	6	—	2	—	—	2	11	16	1	—	4	29
35	Рязанская	121	1	8	—	2	10	33	2	5	11	—	2	20	6	2	4	4	5	6	9	15	17	4	17	59
36	Самарская	180	—	—	—	—	—	97	—	9	4	—	14	34	11	—	—	—	7	13	11	9	4	—	21	47
37	С.-Петербургская	151	—	13	—	—	—	1	5	7	3	—	1	2	13	—	1	3	2	—	18	21	6	—	3	3
38	Саратовская	150	14	12	—	—	—	—	7	7	1	—	14	2	24	—	4	—	—	—	45	23	1	—	14	3
39	Симбирская	90	—	12	—	—	—	32	4	6	—	—	—	19	6	—	7	—	1	3	10	25	—	—	1	54
40	Смоленская	90	1	4	—	—	4	20	9	4	10	—	5	5	5	—	1	—	—	1	15	9	10	—	9	26
41	Ставропольская	47	—	—	—	—	—	33	—	1	—	—	—	5	1	—	2	—	—	3	1	2	2	—	—	47
42	Таврическая	96	3	3	—	—	—	36	8	6	7	—	10	—	15	2	3	—	2	—	26	11	10	—	12	36
43	Тамбовская	180	—	4	—	—	21	67	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
44	Тверская	120	2	9	5	—	—	33	15	1	6	—	—	19	11	6	13	—	—	—	28	16	24	—	—	52
45	Тульская	76	1	1	1	—	1	28	—	—	2	—	7	20	1	1	1	—	3	9	2	2	4	—	11	57
46	Уфимская	150	—	—	—	—	—	88	—	—	—	—	5	31	6	6	—	—	2	10	6	8	—	—	7	129
47	Харьковская	150	6	—	4	—	5	45	8	4	19	—	1	11	14	5	7	—	5	12	28	9	30	—	11	68
48	Херсонская	150	10	4	2	—	1	33	4	8	11	—	34	8	15	1	—	—	—	9	29	13	—	—	35	50
49	Черниговская	150	—	6	—	—	—	6	—	7	—	—	6	37	5	12	—	—	—	1	5	25	—	—	6	44
50	Эстляндская	45	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
51	Ярославская	60	1	5	—	—	—	10	5	3	2	—	—	10	14	4	1	—	—	4	20	12	3	—	—	24
	И т о г о	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	675	646	220	54	451	2091

Приложение № 2 к ст. С. Томсини.

Выборы в первую Государственную Думу в городах с отдельным представительством.

№№ по порядку.	Наименование городов.	Общее число жителей.	Число выборщик.	Общее число избират. по закону 11 декабря 1905 г.	Участвовало в выборах в %%.	Выбрано выборщиков.					
						К.-Д.	Прогрес.	Октябрист.	Торг.-пром. парт.	Правые.	Беспарт.
1	Астрахань	113.001	80	16.787	54	53	—	—	27	—	—
2	Вильно	159.568	80	—	62	59	21	—	—	—	—
3	Воронеж	84.146	80	—	53	80	—	—	—	—	—
4	Екатеринослав	121.216	80	13.013	53	26	—	—	5	49	—
5	Казань	131.508	81	—	49	67	—	14	—	—	—
6	Кишинев	103.796	80	14.700	70	38	6	36	—	—	—
7	Киев	247.432	80	95.000	59	68	2	3	—	7	—
8	Курск	52.896	80	6.738	34	80	—	—	—	—	—
9	Москва	1.036.614	160	50.000	68	160	—	—	—	—	—
10	Н.-Новгород	95.124	80	10.079	46	80	—	—	—	—	—
11	Одесса	405.041	80	—	49,5	80	—	—	—	—	—
12	Орел	69.858	80	—	—	58	2	—	—	20	—
13	Рига	282.943	80	31.400	64	70	—	10	—	—	—
14	Ростов н/Д. и Нахичевань	149.201	80	—	—	56		23	—	—	—
15	Самара	91.672	80	12.000	42	80	—	—	—	—	—
16	Саратов	137.109	80	—	48	80	—	—	—	—	—
17	С.-Петербург	1.267.023	160	64.300	54,5	160	—	—	—	—	—
18	Тула	111.048	80	—	—	20	—	35	—	—	25
19	Харьков	174.846	80	—	58	80	—	—	—	—	—
20	Ярославль	70.610	80	—	61	73	—	7	—	—	—
	Итого	4.857.557	1.761	—	56,3	1.468	32	128	32	76	25

V. Семинарий по истории Западной Европы

Профессор А. Н. Савин.

29 января в Лондоне скончался Александр Николаевич Савин, профессор Московского университета по кафедре «истории новых европейских обществ».

В его лице понесла тяжелую утрату не только старая академическая наука—Александр Николаевич был одним из виднейших ее представителей,—но и наша новая наука: в его лице теряет одного из самых ценных руководителей наш Институт Красной Профессуры.

А. Н. выдвинула социальная среда, очень близкая к теперешнему пролетарскому студенчеству: он был сыном провинциального фельдшера. Болезненный, постоянно лечившийся—в молодости особенные опасения вызывали его глаза, ему пророчили совершенную слепоту,—только благодаря исключительной энергии он мог окончить университет, и сразу же занял одно из первых мест среди молодых ученых, окружавших крупнейшего тогда русского историка средних веков, Виноградова. Из всех учеников последнего А. Н. Савин оказался едва ли не самым удачным. Но он не застыл на средних веках. Его привлекала к себе гораздо более живая эпоха перехода от средних веков к новому времени, та самая эпоха, которой посвящены главы о первоначальном накоплении в 1-ом томе «Капитала». Савин хорошо знал эти главы,—конечно, как полагается академическому ученому, «не соглашался» с ними, но относился к Марксу настолько добросовестно, что, благодаря своей эрудиции в истории этой эпохи, мог оказать огромную услугу специально занимавшимся этой эпохой молодым марксистам.

А. Н. Савин начал свою работу в Институте Красной Профессуры с первых дней существования последнего. Из представителей старой науки он был безусловно первым (и долгое время оставался единственным) ученым, который решился перейти черту, отделявшую старую «об'ективную» науку от марксистской. В своем вступительном слове, в октябре 1921 г., А. Н. специально остановился на вопросе о том, мыслимо ли вообще научное сотрудничество приверженцев ортодоксального марксизма, с одной стороны, и человека «внепартийного», как он охарактеризовал себя,—с другой. На этот вопрос А. Н. отвечал, не ко-

леблясь, утвердительно, и мотивировал это тем, что никто не может отрицать, что метод материалистического понимания истории, в том виде, как его развил Маркс, безусловно оказался для науки весьма плодотворным; «с этой точки зрения я сам если не марксист, то почти марксист»,—добавил А. Н.

А. Н. Савин руководил в Институте Красной Профессуры несколькими семинариями: сначала по социальной истории Англии, а затем—по истории капитализма на континенте.

Богатая эрудиция А. Н. делала занятия с ним очень интересными и плодотворными. Различие во взглядах семинария и его руководителя сказывалось, конечно, в процессе работы, но не как отрицательный момент, а скорее как положительный: тем глубже в процессе дискуссий освещались рассматриваемые вопросы, как со стороны фактического материала, так и со стороны метода. Участникам семинария всегда приходилось отмечать необычайно добросовестное, строго-об'ективное отношение А. Н. к мнениям, которых он часто не разделял. В своих «заключительных словах» А. Н. никогда не навязывал своей точки зрения и, наоборот, не затушевывал ее, но щепетильно, добросовестно указывал на пункты разногласий, не только выявившиеся, но и возможные.

За время своей короткой работы в ИКП, А. Н. Савин безусловно успел оказать марксистской науке большие услуги и этого нельзя забыть. Мы не будем здесь давать оценку его научной работе до и вне ИКП—специалисты дадут оценку его трудам. Мы же никогда не забудем живого, отзывчивого и трогательно-добросовестного человека, показавшего будущим красным профессорам, что об'ективный ученый не совсем невозможен на свете—только их очень мало. Тем тяжелее утрата А. Н. Савина.

М. Покровский.

Н. Петров.

Французский рабочий класс в эпоху Реставрации.

Изучение сырых материалов эпохи Реставрации, собранных в книге Bourgin'ов, развернуло перед автором историческую картину того, что Бухарин назвал «четвертой (и последней) фазой революции — революцией технической»[1]). Рассматриваемая эпоха (1815—1830 г.г.) как будто слишком далеко отстоит от даты 1789 года, чтобы уместно было говорить о ней, как о «последней фазе» Великой Французской Революции. Да и возвращение монархии Бурбонов, сверженных революцией, трудно как будто отожествлять с завершением этой самой революции... Тем не менее — это так, и из настоящей работы читатель увидит, что Реставрации как раз и было суждено «завершить революцию» в указанном смысле слова.

Однако, в данном случае нас меньше всего интересует технический переворот сам по себе, хотя он и имеет большое значение. Но технический переворот, переход к производству на новой основе, при высших организационных формах, никогда не бывает возможен без более или менее значительных издержек,—«издержек революции» [2]). Революция, в ходе своего развития, ставит и одновременно разрешает вопрос о том, на какой же класс должны лечь эти издержки по переходу на новый технический базис. В данной работе мы увидим, что Реставрация, в отличие от предшествующего периода, ясно и определенно сложила все «издержки революции» на только что рождавшийся рабочий класс Франции. Ценою невероятных страданий последнего, французская капиталистическая промышленность получила доступ на мировой рынок, смогла начать конкуренцию с иностранными, главным образом, английскими товарами. Французский пролетариат ценою своего труда и невероятных лишений двинул Францию по пути прогресса.

Немного странным и неожиданным может показаться приписывание Реставрации столь «революционной» деятельности, как выполнение «заветов революции». Ведь возвращение Бурбонов вдруг, на целые полтора десятка лет, «устраняет от политической жизни... крестьян, массу буржуазии, средней и мелкой, промышленной, служащей и интеллигентной, а также индустриальных рабочих» [3]). Ведь при Людовике XVIII не было более верного способа погубить человека, как распространить про него, что он активно участвовал в революции или в поддержке На-

---

[1]) См. его „Теорию исторического материализма“ стр. 308, а также „Экономику переходного периода“.

[2]) ibid. стр. 312—317.

[3]) Виппер Р. „Новая история“, стр. 417.

подеона [1]). Тем не менее, именно дворянско-монархическому правительству Реставрации суждено было осуществлять очередные требования хозяйственного развития, т. - е. осуществлять на практике интересы французской буржуазии.

Я надеюсь показать в настоящей работе, как могло происходить в действительности столь «противоестественное» сочетание политического господства дворянско - феодальных элементов с практикой буржуазно - капиталистической экономики. Мы увидим, какой ценой правительство Реставрации сохраняло свое «господство» и когда последнему должен был наступить конец.

I.

Переход на мирное положение.

20-летний период военного напряжения, в котором находилась Франция до 1815 года, уже сам по себе должен был истощить промышленные рессурсы страны. Последние годы империи—война Франции против всей Европы — значительно усложнили картину печального состояния французской промышленности. Разрыв экономических отношений с другими государствами временами был равносилен фактическому закрытию границ, превращая Францию в обособленную народно - хозяйственную единицу. Потеря американского хлопка заставила прибегнуть к худшему по качеству и недостаточному по количеству левантскому хлопку и к усиленному развитию льняно - конопляной промышленности. Фактическое закрытие границ привело к развитию внутри Франции целого ряда новых отраслей производства, которые при нормальных условиях, из - за своей убыточности, не нашли бы места или имели бы ничтожное значение. Правда, некоторые отрасли промышленности жили как будто бы нормальной жизнью, даже разрастались; но это была, главным образом, промышленность, выполнявшая военные заказы, и ее жизнь искусственно поддерживалась за счет общегосударственных рессурсов. Экономическое же состояние Франции в целом с каждым годом падало все ниже и ниже: понижение покупательной способности населения, обеднение рабочей силой, замедленный темп технического развития, недостаток целого ряда сырых материалов—все эти факторы действовали в одном направлении.

Отсюда понятно, какое сильное расстройство должно было внести во французскую промышленность быстрое открытие границ после мира (1814—1815 г.г.). Мир, которого так жаждали все слои населения, имел первым своим последствием чуть не полное закрытие многих отраслей промышленности. Они оказались не в состоянии выдержать стремительного натиска иностранной, главным образом, английской, конкуренции—конкуренции, базировавшейся на более высоком техническом базисе. Хлопчато-бумажное, железное, сахарное производства пострадали всего более. Префект деп. Nord 15 февраля 1815 г. сообщает о приостановке 83 прядилен в Лилле и Roubaix [2]). Целый ряд

---

[1]) Levasseur. E. „Histoire des classes ouvrières et de industrie en France de 1789 à 1870» T. I, p. 540. Bourgin. G. et H. „Le régime de l'industrie en Erance de 1814 à 1830“ T. I, p.p. 58, 64.

[2]) Levasseur, ibid. 488, 493, 598, 606.

сообщений из Тура (15 мая 1815 г.) и др. мест также говорят о стоящих мануфактурах.

Но и без иностранной конкуренции переход к миру сопровождался бы целым рядом болезненных явлений—просто в силу того, что трудно было провести быструю демобилизацию множества предприятий, работавших «на оборону», как говорится у нас, т.-е. по военным заказам. И первым последствием мира для рабочих, также жаждавших его, было резкое усиление безработицы, со всеми ее спутниками. Демобилизация армии бросила в ряды рабочих громадную массу работоспособных людей, в значительной степени деклассированных, людей без традиций и связей. Они явились настоящим бичем для прежде занятых рабочих, но кладом для предпринимателей. Как общее явление почти во всех департаментах Франции в первые 4 года Реставрации самыми разнообразными документами указывается сильное понижение заработной платы, усиление безработицы, жалобы рабочих на дороговизну и т. д. [1]).

Только один Париж представлял некоторое исключение на общем фоне промышленного застоя Франции. Пребывание иностранной знати, «гостившей» в Париже несколько лет и проматывавшей здесь, в одном из лучших городов Европы, свою военную добычу, а в значительной степени и унаследованные именья, обеспечило столичной торговле период пышного расцвета [2]). Этому содействовало стечение в Париж со всех углов Франции нуво-ришей, продукта военной эпохи, не умевших или не могших вложить свои капиталы производительно. «К 1815 году относится начало образования крупных купеческих имуществ столицы»,—отмечает Эритье в своей «Истории французской революции 1848 г.»[3]). В дальнейшем мы увидим, что и во многих других отношениях Париж был «исключением» в эпоху Реставрации (правительственные меры по борьбе с дороговизной, безработицей и т. д.). Но исключения очень часто лишь подтверждают правило.

Во всяком случае, общее желание всех получить, наконец, «un régime où l'on mange» («режим, при котором едят») при возвращении Бурбонов на престол было далеко от осуществления.

II.

Французская промышленность 1814—1821 г.г.

Иллюстрацию тяжелого состояния французской промышленности после мира всего лучше может дать железоделательная индустрия. Насколько стремителен был натиск английской конкуренции—явствует уже из одного того, что английские железные изделия во Франции продавались на 30%—40% дешевле местных. Вопль французских заводчиков был поддержан почти всеми группами капиталистического общества. Скотоводы наткнулись на конкуренцию английских мериносов и стали требовать правительственного покровительства. Протест раздавался также против шведского железа, иностранного угля, водки, свинцовых белил и т. д. И даже хлопчато-бумажные фабриканты первое время не

---

[1]) Bourgin, ibid., 2, 3, 34, 40, 59, 243 и мн. др.

[2]) Levasseur, ibid, 600.

[3]) Эритье Луи. „История французской революции 1848 г. и второй республики“, стр. 16.

поняли своих выгод от удешевления хлопка, ибо им сначала пришлось переносить понижение цен на готовые товары, лежавшие у них на складах [1]).

Правительство вняло воплям и занялось «протекционизмом во вне, свободной внутри». Пошлина на железо сразу была увеличена с 10% его стоимости до 50% (вместо 4,40 фр. klgr — 16,50 фр. klgr) [2]), хотя этим мероприятием английский импорт лишь затруднялся, но не устранялся совсем, ибо жалобы на конкуренцию продолжаются и после этого. Зато совершенно прекращаются недовольства насчет осуществления экономических «свобод» внутри Франции. Выступления в пользу восстановления корпораций, о чем мы будем говорить дальше, являются совершенным исключением. «Свобода конкуренции» и, в особенности, «свобода труда» только теперь, можно сказать, становятся непререкаемыми положениями «азбуки капитализма».

Правда, осуществление этих «свобод» требовало целого ряда таможенных заграждений, воздвигавшихся в течение ряда лет. Сюда относятся таможенные законы 1817 и 1818 г.г., в особенности же закон 1820 г. Последний взвинтил пошлину на железные и стальные изделия так, что французский потребитель остался совершенно без инструментов, большинство которых во Франции изготовлять еще не умели (напильники и др.) [3]). Затем, могут быть отмечены: хлебный закон с его подвижной скалой, допускавшей ввоз хлеба лишь при условии, что цена на него поднимется до определенной высоты (18—24 фр.); ввоз хлеба, согласно этому закону, был допущен лишь один раз за 10 лет—в 1828 г. Законы о высокой пошлине на ввозимую шерсть, свинцовые белила и т. д. следовали один за другим. Только такими «героическими» мерами, в большинстве проводимыми за счет отечественного потребителя, удалось несколько оживить французскую промышленность и торговлю.

Расстроенная долгим периодом войн и, в особенности, внезапным нашествием иностранной конкуренции, промышленность, естественно, возрождаться стала на новом, более высоком техническом базисе. «Улучшение почти всех наших металлургических заводов начинается с мира 1814 года»,—писал Бланки в 1827 году [4]). Если на выставке 1806 г. был представлен лишь 1 завод (Creusot) с плавкой на коксе, то к выставке 1819 г. «вся Франция» стала пользоваться коксом. Потребление каменного угля поднялось с 900.000 тонн в 1812 году до 2.300.000 тонн в 1820 г., т.-е. потребление этого самого показательного для развития промышленности сырья возросло более чем в 2½ раза. В 1819 г. существовало 350 доменных печей и 498 каталонских плавильных заводов с продукцией 14.500 тонн чугуна и 64.000 тонн железа. Эти-то заводы и явились главными потребителями все возрастающего количества каменного угля, отчасти смешанного с древесным углем. К первым же годам Реставрации относится введение прокатных станков, вращающихся кранов, способов механической резки железа, поршневых поддувал и многих других усовершенствований.

---

[1]) Levasseur, ibid, 566—568.

[2]) Viviani, René, „La Restauration (1814 — 1830)". Histoire socialiste (1789 — 1900), tome VII. P. 97.

[3]) Levasseur, ibid, p. 575—578.

[4]) Levasseur, ibid, p. 602, 604. L. Smith в своей „Les coalitions et les grêves d'aprés l'histoire et l'économie politique» (Paris 1885) называет Реставрацию «наиболее блестящим периодом развития промышленности» (p. 124).

Почти во всех отраслях промышленности вводятся в рассматриваемый период значительные технические усовершенствования: употребление жженой кости на сахарных заводах; постановка клееваренного дела на серной кислоте; развитие искусства беления и крашения материй, значительно сократившее продолжительность производственного периода. Но особенно большое значение для трудящихся классов Франции имели нововведения в технике хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности [1]). «Общества поощрения изобретателей» проявляли энергичную деятельность.

Технический прогресс совершался стихийно и первое время не поддавался учету. Это ярко видно хотя бы из того, что даже Совет мануфактур совершенно не представлял себе степени распространенности паровых установок в промышленности, как это обнаружилось на одном из его заседаний, при обсуждении вопроса о запрещении Англией вывоза за границу машин. Считали, что во Франции существует лишь 2 машино-строительных завода (Chaillot и Charenton), тогда как Chaptal насчитал для этого времени до 12 заводов, из коих один (Manby) имел до 300 рабочих [2]).

К рассматриваемому периоду относится особенное распространение механического чесания шерсти (механизмы Douglass'a и Collier'a), механического ее прядения, установка первых стригальных машин (Collier'a и Poupart'a). Механические прядильни Франции стали выпускать теперь нитки №№ 100—200—300, тогда как около 1806 г., например, не существовало нити выше № 60 [3]). Но наибольшим шумом в первые годы Реставрации сопровождалось, пожалуй, введение «tondeuse» — стригально-лощильной машины. «Она обладает гибельным свойством стричь, лощить и чистить тысячу аршин сукна в 12 часов при 4 рабочих. Она разорит хозяев, рабочих лишит работы, а государство—налогов»,—протестовали вьеннские рабочие, а отчасти и мелкие хозяева при первых слухах о закупке этой машины [4]). Всюду ее прибытие и установка сопровождается протестом, борьбой с нею, иногда кровопролитием [5]). Уж слишком непосредственно установка этой машины имела своим последствием «освобождение» рабочего от работы. Тот же результат, может быть, немного с меньшим эффектом, наблюдается в эти годы в прядении хлопка, в ткацком деле, в книгопечатании и во множестве других производств. Положение рабочего всюду было заранее предопределено погоней капитала за относительной прибавочной стоимостью.

«Однако, машина действует не только как непреодолимый конкурент, постоянно готовый сделать наемного рабочего «излишним». Капитал громогласно и с обдуманным намерением возвещает о ней, как о силе, враждебной рабочему, и пользуется ею, как таковой» [6]). На выставке 1819 г. в Париже класс капиталистов, в лице выставочного жюри, разразился приветствиями по поводу технических достижений последних лет «потому, что он видел в них не только увеличение продукта, но, главное,

---

[1]) Levasseur, ibid, p. 627.
[2]) Levasseur, ibid, p. 628.
[3]) Levasseur, ibid, 611. Номера ниток соответствуют приблизительно числу тысяч метров нитки в килограмме.
[4]) Bourgin, ibid. 171.
[5]) Bourgin, ibid, 57, 177, 234, etc.
[6]) Маркс. „Капитал". Изд. 1920 г., том I, стр. 431.

освобождение рабочего» [1]). Здесь имеется в виду освобождение рабочего... от работы... Sancta simplicitas!

Итак, первый период Реставрации с экономической стороны характеризуется тем, что начинает восстанавливаться капиталистическое производство, но на новом, более высоком, техническом базисе. С небольшим коррективом здесь как раз уместно привести то, что Бухарин говорит о «четвертой фазе революции». «Наконец, четвертой (и последней) фазой революции является революция техническая. После того, как достигнуто новое общественное равновесие, т.-е. создана новая устойчивая оболочка производственных отношений, могущая служить формой развития производительных сил, с определенного пункта начинается ускоренное их развитие: препоны сломаны, раны, нанесенные социальным кризисом, залечены, начинается небывалый под'ем. Вводятся новые орудия, подводится новый технический фундамент — происходит техническая революция. А дальше начинается «нормальный», «органический» период развития новой общественной формы, которая создает себе соответствующую психологию и идеблогию» [2]).

Мы уже теперь можем заметить, на чей счет ложатся «издержки» по осуществлению «экономического возрождения». В дальнейшем это будет еще очевиднее.

III.

Правовое положение рабочего.

Бурбоны возвратились во Францию во главе феодальной аристократии, которая, ставши у кормила правления, могла иметь своим идеалом только восстановление старых порядков, феодальных прав и рент, цехов и корпораций. Все, что напоминало ей беспокойного Наполеона и, тем более, ненавистную революцию, было предметом гонения, уничтожения [3]). Наиболее верный способ погубить человека в это время было— распространить про него, что он активно участвовал в революции или в поддержке Наполеона [4]). И тем не менее, не было, кажется, такого закона, который правительством Людовика XVIII осуществлялся бы с большим усердием и старанием, чем законы Революции и Империи по рабочему вопросу: Ле-Шапелье (1791 г.), 22 жерминаля XI года, 9 фримера XII года и Уголовный Кодекс 1810 г. [5]). «Я замечаю, господа, что выполнение законов и правил, относящихся к рабочим, не везде соблюдается с такой точностью, какой требует столь важный предмет»,—пишет министр полиции в своем циркуляре префектам 10 января 1818 года о перечисленных выше законах. Но префекты и сами знают, что законы эти весьма важны: они «существенно интересуют коммерцию, ибо имеют назначением сохранить порядок в рабочих классах»,—рапортует один из префектов министру [6]).

---

[1]) Levasseur, ibid., p. 629. L. Smith, в „Coalitions et grêves“ вставляет ничем им не обоснованное мнение (стр. 124), что промышленность даже стала привлекать к себе, в города, деревенское население. Первому периоду Реставрации это во всяком случае противоречит.

[2]) Бухарин, Н. „Теория исторического материализма“. Стр. 308.

[3]) Levasseur, ibid., 540.

[4]) Bourgin, ibid., 58, 64 etc.

[5]) Viviani, ibid., p.p. 89—90.

[6]) Bourgin, ibid., p.p. 115—116.

Закон Ле-Шапелье был первым актом буржуазии, направленным против рабочих ассоциаций. Он прошел в Учредительном Собрании 14—17 июня 1791 года под шумок разгрома старых корпораций, цеховых пережитков и регламентов, навсегда осужденных ночью 4 августа 1789 года. Поданный под соусом «уничтожения корпораций», он казался лишь небольшой поправкой к провозглашенным свободам, но фактически был как раз той «изюминкой», которой нехватало в этих «свободах» для буржуазии. «Все граждане имеют право мирно собираться и образовывать между собою свободные общества», — говорил декрет 21 августа 1790 года. «Конечно, всем гражданам должно быть дозволено собираться, но гражданам известного рода занятий нельзя разрешать собираться для их «так называемых общих интересов»,—читаем мы в докладе Ле-Шапелье Учредительному Собранию. И ст. 2 принятого по его докладу закона прямо запрещает «гражданам одного и того же рода занятий вырабатывать правила для своих так называемых общих интересов». Номинально закон борется против старых корпораций (ст. 1), фактически—против всякой попытки организации рабочих союзов. Оговорившись специально, что текст закона не касается коммерческих судов, собрание этим подчеркнуло, что оно собственно стремится уничтожить свободу рабочих ассоциаций [1].

Если формально закон Ле-Шапелье распространяется и на предпринимателей и на рабочих, то законы 22 жерминаля XI года и 9 фримера XII года Республики недвусмысленно оттенили, что всей своей тяжестью правительство будет обрушиваться против рабочих коалиций. Закон 22 жерминаля ставит рабочего в исключительное положение, сковывает его рабочей книжкой и тысячью правил и репрессий. То же неравное отношение к предпринимателю и рабочему, но еще более резко выраженное, мы находим в Уголовном Кодексе 1810 года. В особенности прославилась его статья 415: «Всякая коалиция рабочих с целью одновременного прекращения работ... будет наказана тюремным заключением не менее 1 и не более 3 месяцев. Главари и предводители будут наказаны тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет» [2].

Правда, правительство Реставрации сначала отказалось было от закона 22 жерминаля XI года, но это продолжалось недолго. К тому же, это не помешало полиции со всей суровостью соблюдать правила о рабочих книжках, о борьбе с коалициями и проч. Приказами по полиции от 21 декабря 1816 г. и 25 марта 1818 года закону этому придана прежняя полная сила [3]. Таким образом, Реставрации именно суждено было осуществить на практике недвусмысленное третирование рабочих, как совершенно особого класса, нуждающегося в совершенно особых статьях закона и обреченного, тем самым, на самостоятельные, сепаратные от их хозяев и враждебные им и правительству выступления. Эпоха Реставрации именно начала выковывать пролетариат, как особый класс. Ей не пришлось формулировать новых законов. «Законодатель мало прибавил с 1814 г. по 1830 г. к системе правил в отношении промышленности и торговли»,—говорит Levasseur [4]. Фор-

---

[1]) Поль Луи. „Рабочий и государство", стр. 111 и 112.

[2]) Поль Луи, ibid, 58 и 140. Пеллутье, Ф. и М. „Жизнь рабочих во Франции" (270).

[3]) Nourrisson, Paul. „Histoire de la liberté d'associations en France depuis 1789". Tome I. Paris. 1920, p. 244—246.

[4]) Ibid., 551.

мулы были даны Революцией и Империей. Теперь их нужно было осуществить на практике, и здесь Реставрация «лицом в грязь не ударила»— буржуазия пожаловаться на нее, по существу, не может.

Промышленная полиция, вернее—полиция, поскольку она прикасалась к вопросам производства и торговли, правда, иногда перебарщивала по части «наблюдения» и «установления правил»; но излишнее усердие быстро вводилось в рамки (правила о рынках и под.). Зато уж по части обеспечения «свободы труда» она упрека не заслужила. Малейшая стачка, безобидная касса взаимной помощи, попытка отслужить торжественную мессу в день святого патрона корпорации (Бордо), эмблемы корпорации в виде сочетания цветов—все это незамедлительно влечет за собою разгон, аресты, вмешательство жандармерии, конфискацию собранных грошей, даже уничтожение ненавистных теней—цветов. И безусловно, никто не мог питать за это к полиции большей признательности, чем советы торговли и советы мануфактур, аналогичные вопросы в которых всегда решались единогласно в том же самом духе (см. заседание совета мануфактур от 20 ноября 1817 г. или 24 апреля 1821 года и друг.) [1].

IV.

Экономическое положение рабочего.

Бедственное положение рабочего класса в эпоху Реставрации совершенно определяется уже одним моментом — безработица. Все донесения полиции с мест указывают на недостаток работы, как на единственное, что мешает рабочим быть совершенно спокойными. Чуть не в каждом донесении парижской полиции говорится о беспокойных громадных массах рабочих на площади de la Grêve и на набережной—обычных местах ожидания найма [2]. Чаще других профессий среди этих безработных масс можно встретить строительных рабочих — плотников, каменщиков, камнетесов и др.; очевидно, капиталы с большим трудом переходили из торгово-спекулятивного использования к производительному употреблению, в особенности к употреблению, связывавшему его на долгие годы. (Подобное явление мы наблюдаем и в современной нам Германии, России и других странах.)

Состояние безработицы в Париже, в отличие от других городов Франции, определялось целым рядом моментов, с одной стороны, содействовавших ее уменьшению, с другой—прямо обострявших ее. Правительство стремилось хоть сколько-нибудь разрядить атмосферу, создававшуюся безработными в самом городе, и пыталось устроить общественные работы, преимущественно за городом, чтобы оттянуть туда рабочих (работы по постройке Лувра 1814 г., земляные работы Chaillot, работы в Булонском лесу, работы по прорытию канала Ourcq в деп. Сены в 1817 г. и т. д.). Значительного масштаба эти работы не приняли. Тем не менее слух о них распространился в провинции. Вместе с заманчивостью низких цен, установленных в Париже центральной властью по тем же соображениям «успокоения», надежда легче найти работу в столице, благодаря распространившейся молве об общественных работах, беспре-

---

[1] Bourgin, ibid, p.p. 84, 153, 154, 333.
[2] Bourgin, ibid, 7, 8, 38, 40, 65 и др.

станно привлекала сюда толпы безработных из всех департаментов, особенно из северных. В Париж же направлялись и рабочие, оставшиеся без работы благодаря введению какой-либо машины, при чем отправление их в Париж часто мотивировалось желанием разбить там ненавистную машину, погубившую их отрасль производства. (Норманнские рабочие-сапожники пошли в Париж уничтожить швейные машины—см. об этом у Bourgin, p. 37.) Следует ли говорить, что приказ правительства по департаментам—не выпускать в столицу безработных — не достигал своей цели? Наконец, в ряды безработных масс Парижа непосредственно вливались новые кадры из демобилизуемых солдат [1]).

В провинции безработица была еще тяжелее, чем в столице, в которой было хоть некоторое торговое оживление. В донесениях полиции из целого ряда городов (Vierzon, Arras, Firminy, Evreux, Essonnes, Bar-le-Duc, Saint-Omer, Rennes и мн. др.) мы слышим все время жалобы на безработицу. Даже полицейские донесения нередко отмечают, что «этот трудолюбивый класс стал праздным не по своей вине, ибо он хочет работать». Как мы уже указывали, не последнюю роль здесь сыграло введение машин,—см., напр., о безработице в Olorn'е после установки машин [2]).

Параллельно с ростом безработицы наблюдается повсеместный, кроме отчасти Парижа, рост цен на товары. Напрасно экономисты того времени и позднее старались доказать, что введение машин облегчит положение рабочего, ибо удешевляет товары. Удешевление если и было, то коснулось отнюдь не предметов потребления рабочего (фаянс подешевел на 60%, сукно на 25%, хлопчато-бумажная пряжа до 30% и некоторые др.). Цена предметов питания, наоборот, повысилась. Повышение достигло своего апогея в голодный 1817—1818 год (повышение на 100%—200%). Только Париж не видал такого сильного вздорожания хлеба благодаря закупленным в Одессе 1½ миллионам гектолитров пшеницы, хотя жалобы на дороговизну раздаются все время и здесь. И голос Сисмонди, обрушившегося против машин, гораздо сильнее звучал, чем голоса апологетов капитала (см., в особенности, Sismondi «Nouveaux principes d'économie politique», выш. в 1819 и в 1827 годах, кн. IV и VII) [3]).

Мы не находим статистики заработной платы за рассматриваемый период даже в таких подробных исследованиях, как Levasseur a. Последний располагает лишь сравнительными цифрами 1806 и 1825. Часовая оплата труда равнялась:

	В 1806 г.	В 1825 г.
Каменщики	0,325	0,350
Камнетесы	0,325	0,350
Столяры	0,350	0,335
Каменщики-подмастерья	0,17	0,21 [4])

Другими словами, даже в 1825 году она была на уровне 1806 года. Но для 1815—1820 годов мы определенно узнаем о многочисленных попытках предпринимателей понизить тарифы 1806 года. По большей части победа оставалась в этом деле за хозяевами. Так, мы узнаем о забастовке парижских шляпочников в 1818 году из-за понижения расценок; тоже происходит в Lorient, Rennes, в Париже и многих других городах, в самых

---

[1]) Bourgin, ibid., p.p. 2, 7, 8, 37, 59, 61, 113 и др.
[2]) Bourgin, ibid., p.p 34, 41, 43, 59, 245. Levasseur, ibid., p. 630.
[3]) Levasseur, ibid., p. 640, 664, etc. Бризон „История труда", 339.
[4]) Jbid., p. 665.

различных отраслях и в течение всего рассматриваемого периода. В октябре 1817 года мэр г. Лиона попытался законодательным путем понизить заработную плату (для начала—шляпочников) % на 35—50, мотивируя тем, что дорогие рабочие руки в городе вынуждают хозяев переводить производство в деревню. Но в результате его ордонанса началось такое бегство шляпочников из Лиона в другие города, что распоряжение вскоре пришлось отменить [1]).

Все попытки рабочих помочь себе организованным порядком, например, путем создания касс помощи безработным, больным и т. д., не говоря уже о кассах и организациях для осуществления стачек, безжалостно разбивались полицией, а собранные суммы конфисковывались. Так, в 1817 году шляпочники Парижа пытались создать фонд помощи безработным, желающим выехать из столицы; лионские пекари пытались создать фонд на случай стачки—фонд был конфискован. Также безуспешно кончилась попытка бурлаков Нижней Сены сорганизоваться для взаимной помощи,—от правительства на это санкции получено не было. Мы узнаем из документов лишь о нескольких случаях учреждения самой властью касс помощи жертвам труда (в горном деле). Префекты деп. Loire, Calvados'а убедились в ужасной беспомощности пострадавших рабочих, результатом чего явились статуты о «кассах помощи». Созданные бюрократическим порядком «сверху» б е з в с я к о г о у ч а с т и я р а б о ч и х, при более чем холодном отношении хозяев, да и самого центрального правительства, кассы эти, во избежание «дурного примера», не вышли из границ опыта одного только департамента (Loire). То же произошло с «обществами взаимной помощи» [2]).

Тяжелое экономическое положение рабочего класса нашло себе выражение еще в целом ряде явлений, кроме перечисленных. Отметим борьбу рабочих пограничных департаментов с конкуренцией пришлых из-за границы рабочих (вражда к бельгийским рабочим в Roubaix в 1819 г.). Но особенно бросается в глаза тяга рабочих в э м и г р а ц и ю. Многие уезжают в Америку, отправляются на временные заработки в Бельгию (на постройку пограничных с Францией крепостей), идут охотно за вербовщиками квалифицированного труда в Испанию, Италию, Англию и Россию. Из последней категории могут быть отмечены в особенности: стекольщики, набойщики, суконщики, слесаря и др., а также люди, умеющие ставить новые машины и обслуживать их [3]).

V.

Рабочее движение.

Исследовав экономическое состояние Франции первых годов Реставрации, мы уже можем отметить, что поскольку начинает происходить «экономическое возрождение», оно происходит, во-первых, как развитие машинно-капиталистического способа производства, и во-вторых, в процессе борьбы с иностранной (английской) конкуренцией. Момент иностранной конкуренции в данном случае важен, главным образом, постольку, поскольку конкуренты базировались на более высокую технику, т.-е. «экономическое возрождение» сводится почти целиком к «техни-

---

[1]) B o u r g i n, ibid; 94—109, 127, 141, 233.
[2]) B o u r g i n, ibid., 44—56, 135, 137, 148—152, 185, 241, etc. V i v i a n i, ibid., 93.
[3]) B o u r g i n, ibid., 35, 56, 155, 157, 160, 170, 185, 213, 233, 238, 261, 264.

ческому перевороту» при почти окончательно сложившихся «надлежащих» экономических отношениях.

Как всякая революция сопряжена с определенного рода «издержками», так и ее «четвертая фаза», технический переворот, для своего осуществления требует от нации определенных «издержек», и издержек весьма чувствительных,—особенно, если процесс обостряется ожесточенной иностранной конкуренцией. Возникает вопрос, за счет каких же рессурсов «нация» производит эти «издержки»? Экономически господствующий класс стремится сбросить с своих плеч всякие издержки, хотя бы они производились и в исключительных интересах данного класса. Расплачиваться по этим издержкам приходится отчасти потребителю страны вообще (таможенная политика и проч.), а, главным образом — рабочему классу: и как потребителю и, еще больше, как производителю. Мы уже видели, в каких формах происходило это во Франции в эпоху Реставрации: вытеснение рабочего машиной, понижение заработной платы, усиление эксплоатации, повышение цен на предметы первой необходимости рабочего, не только относительное, но и абсолютное, обречение рабочего на голод, лишения, эмиграцию. Если бы буржуазия не смогла переложить на рабочий класс «издержек технического переворота», она вообще не смогла бы выполнить во Франции свою историческую миссию. Это он, французский пролетариат, ценою своего труда и невероятных лишений двинул Францию по пути прогресса.

Буржуазия, естественно, встретилась с сопротивлением со стороны рабочего класса. Но это скорее было сопротивление инерции, пассивное сопротивление истощенных долгим военным периодом, классово-несознательных и неспаянных рабочих масс. Рецензент сборника документов Bourgin'ов, «Le régime de l'industrie en France de 1814 à 1830», известный историк А. Олар отмечает, что самое интересное, что почерпнет историк общественных настроений из изучения документов эпохи, это — состояние крайней апатии в рабочем классе при Людовике XVIII. «Кажется, что Сент-Антуанское предместье, когда-то такое республиканское, позднее — такое активно-бонапартистское, утихомирилось теперь, в эпоху Реставрации, и утихомирилось вплоть до апатии, вплоть до оцепенения». Бюллетень полиции от 13 декабря 1816 г. сообщает, что «рабочий класс бедствует», потому что не хватает работы. Но народ молчит: «Притязания ему чужды, кровавые химеры революции далеки от него». 12 января 1817 г.: «Этот, настолько многочисленный класс, где все еще можно встретить следы революционного опьянения, продолжает давать пример полного подчинения, от которого революция его было отучила, но деспотизм вновь вернул на пользу отеческой монархии». 28 марта 1817 г.: «Народ более не революционен: он боится следовать крамольным подстрекательствам. ...Ему ничего не нужно, кроме хлеба и работы». 1 октября 1817 г.: «Народ научился чувствовать страх, и на набережных теперь можно более найти (политической) сдержанности, чем в салонах». 9 мая 1819 г.: «Хотя рабочие вообще сильно страдают от застоя в торговле и производствах, они спокойны и не выказывают ни недовольства, ни дурных намерений». 7 марта 1820 г.: «Замечательно, что, несмотря на недостаток надзора, рабочий класс совершенно спокоен» [1]).

---

[1]) „La Revolution française", octobre 1912., pp. 380—382.

Трудно говорить о рабочем движении во Франции 1814—1821 г.г. в собственном смысле этого слова. Рабочий класс нигде не наступает и лишь местами он делает попытки к обороне против понижения заработной платы, против удлинения рабочего дня, против увольнений, против разного рода прижимок предпринимателей, наконец, против дороговизны. Но всего интереснее, что наибольшую активность французские рабочие в эти годы проявили в борьбе с машинами, которые казались им в эту эпоху политического оцепенения истинными их врагами. «Требуется известное время и опыт,—говорит Маркс,—для того, чтобы рабочий научился отличать машину от ее капиталистического применения и вместе с тем переносить свои нападения с материальных средств производства на общественную форму их эксплоатации» [1]). Правительству Реставрации пришлось столкнуться во Франции с движением того же самого типа, что́ почти одновременно происходило в Англии начала XIX века под именем движения Леддитов [2]).

В донесениях полиции 1814—1817 г.г. о недовольстве и брожениях среди рабочих мы редко-редко можем прочесть о более активном выступлении. «300 рабочих, занятых на каменоломнях под Ferté — sous Jouarre, решили отправиться скопом в ближайший базарный день на рынок Ferté и силой понизить цену хлеба». Мэр с 7 жандармами отправился немедленно в каменоломни и быстро «убедил» рабочих отказаться от этой затеи» [3]). В Evreux и в Essonnes в январе 1817 г. производство, вследствие застоя, было сокращено на ⅓—⅔. «Эта мера вызвала некоторый ропот, но никаких волнений» [4]). «Рабочие-прядильщики хлопка об'единились, чтобы составить петицию об уничтожении машин». Это собрание было легко рассеяно и попытка более не возобновлялась [5]). Также быстро и безуспешно кончились попытки добиться повышения заработной платы. В донесении 8 января 1818 года из Бордо мы читаем: «В начале января рабочие сорганизовались, чтобы добиться повышения заработной платы. Вследствие заявления хозяев, комиссар полиции произвел следствие и обнаружил трех вожаков, кои арестованы» [6]). Как и в сотне других случаев, движение тем и кончилось.

Лишь однажды за весь период мы встречаемся с расклеенной прокламацией безработных в округе города Clermont департамента Hérault в январе 1818 г. «Господа, бесчеловечность и черствость ваших сердец выводит нас из себя... Это вынуждает нас пойти на то, чего мы не хотели бы. Мы не покушаемся на ваше достояние, но если вы не примете каких-либо мер к тому, чтобы дать нам работу, мы не сможем избежать покушения на вас и на ваши машины; итак, мы предоставляем вам восемь дней на размышление и, если вы не прекратите обработку шерсти на машинах, чтобы дать работу четырем или пяти стам рабочим, которые сейчас оказались за воротами, то не гневайтесь, если вы увидите восстание против вас и против ваших машин — настолько сильно бедные рабочие и их бедные дети страдают». Как явствует из переписки властей по поводу этой прокламации, в окрестностях Lodève и Clermont оказалось действительно много безработных после недавней установки машин (не указано—каких) на шерстяных мануфактурах. За несколь-

---

[1]) Маркс „Капитал", т. I, изд 1920 г., стр. 424.
[2]) См. там же
[3]) Донесение 25 октября 1816 г. См. Bourgin, ib., p. 37.
[4]) Там же, 44.
[5]) Донесение 3 февраля 1817 г Bourgin, p. 57
[6]) Там же, 115.

ко дней перед назначенным прокламацией сроком (26 января 1818 г.) были произведены аресты среди безработных, чему немало помог анонимный донос «группы честных людей», и никакого восстания, понятно, не произошло [1]).

Несколько раз рабочие проявляют попытки бороться с понижением заработной платы (Rancié, Paris, Lyon, Rennes и др.) и всюду одинаково безуспешно. Как типичный случай мы можем взять кратковременную стачку горнорабочих в Rancié после того, как было об'явлено понижение расценок на 5 су с каждых 60 klgr. После отправления на шахты 40 пехотинцев и 8 жандармов и ареста «зачинщиков» забастовка была сломлена, а 8 «вожаков» судом были приговорены к пожизненному заключению «для назидания другим» [2]).

Лишь в 1822 году мы встречаем первую стачку за повышение заработной платы—стачка плотников в Париже, кончившаяся безуспешно [3]).

Как показывает ряд сведений (напр., о стачке ткачей в Сент-Антуанском предместье) при выступлении рабочие нигде не действовали дружно. Исключением могут явиться разве беспорядки января 1819 года в Vienne'е, в которых против установки машины «tondeuse» (стригально-лощильной машины) дружно выступили не только рабочие, но и мелкие хозяева-предприниматели. Возбуждение толпы, кричавшей: «à bas la tondeuse! vive le roi!» («к чорту машины! да здравствует король!») было настолько велико, что власти распорядились задержать прибытие в город машин, пока не вызвали 800 человек пехоты. Присутствие последней не помешало толпе разбить несколько частей ненавистного механизма и сбросить их в Рону. После того как «порядок» был восстановлен и новые машины прибыли на место разбитых, Vienne'ские рабочие еще раз продемонстрировали свою «дерзость»: по случаю оправдания нескольких арестованных за эти беспорядки рабочих была отслужена торжественная гранд-месса при огромном стечении рабочего населения города. Полиция проглотила эту пилюлю [4]).

Насколько реакционны были желания рабочих, можно видеть из содержания петиции, выработанной лионскими ткачами тюля: добавить по одному ученику на хозяина; удалить с работы женщин; уволить всех не-лионских рабочих: установление твердой цены на пучки шелка; организация надзора за производством, который распространился бы и на деревенскую промышленность. Во всех пунктах этой петиции чувствуется дух корпораций, уничтоженных революцией 1789 года, но традиции которых оставались живучи в рабочем классе Франции даже 30 лет спустя, как мы это сейчас увидим.

VI.

Корпоративная окраска рабочего движения.

Несмотря на все бури революционного и военного периода, некоторые, очень редкие, правда, корпорации все-таки сохранились до времен Реставрации, хотя и в сильно измененном виде. К числу таковых принадле-

---

[1]) Bourgin, ibid., p. 125.
[2]) Bourgin, ibid., 131, 135, 185, 213 etc.
[3]) P. de Marousseem, „La questio ouvrière". T. I p. 155. Defrennes, Maurice. „La coalition ouvrière et le droit de grêve (étude historique)". Paris 1903 (p. 121).
[4]) Bourgin, ibid., 171—185.

жала, например, корпорация мясников в Лиможе, фактически признанная даже властями. С некоторым успехом воссоздавалась корпорация мясников в Париже; шли хлопоты о восстановлении корпораций бочаров, грузчиков и др., но успехом не увенчались. После недолгого колебания правительство Людовика XVIII заняло позицию, резко враждебную корпорациям. «Всерьез и надолго была провозглашена политика экономических «свобод», и все дальнейшие поползновения к корпорациям встречали решительный отпор. Однако цеховая и корпоративная окраска долго еще давала себя чувствовать и особенно резко она проявилась именно теперь, в момент реакции. Замечательно при этом одно обстоятельство: сборники документов эпохи, охватывая множество случаев проявления корпоративных традиций, почти ни разу не говорят при этом о Париже. Пережитки цехового строя наиболее сильны оказались в провинции, особенно—в южной половине Франции (Марсель, Бордо, Лион, Вьенн, Анжер и др.).

В жизни рабочего класса эпохи Реставрации продолжали играть большую роль так называемые «compagnonnages» — товарищества или союзы ремесленников—рабочих одной и той же профессии [1]). Происхождение компаньонажа относится, вероятно, к далекому средневековью, когда корпорации городских ремесленников боролись между собою за монополию в той или другой отрасли производства, в том или другом городе. Речь шла об экономическом интересе первостепенной важности, и неудивительно, что борьба корпораций воспитала дух крайней исключительности, крайней вражды к не-инкорпорированным, особенно—к конкурентам. Схватки «не на жизнь, а на смерть» были самым естественным делом. Эта цеховая вражда была живуча даже в 20-х годах XIX столетия. Levasseur рассказывает, как в эти годы в Лионе произошла кровавая схватка между двумя союзами камнетесов. Поводом для нее послужил истекающий срок монополии одного из союзов на работу в городе Лионе (монополия была им выиграна в 1718 году на сто лет). И вот теперь, в 1818 г., второй союз, оказывается, сохранил за столетний промежуток времени память о проигранном деле и явился в город с требованием уступить ему место. Обладатель «счастливого места» не захотел отказаться от выгодной монополии. Произошла кровавая борьба, которая несколько позднее еще раз повторилась в одной из деревень департамента (Tournus), куда удалилась было потерпевшая поражение сторона. Победитель нарочно явился в это местечко, чтобы покончить спор навсегда путем уничтожения противника [2]).

Интересно отметить, что кроме необычайной жестокости к своим конкурентам, у этих «loups», «gavots» и т. д. была еще одна обязательная черта—это религиозность. И одним из соображений, мешавшим в начале правительству Реставрации взяться за борьбу с компаньонажем, была религиозная приверженность последнего. Каждый союз имел своего святого—патрона, и нередко демонстративно устраивали богослужение в день его; власти не могли принимать каких-либо мер. У каждого союза была своя эмблема, по большей части в виде бутоньерок из определенной комбинации цветов, и отличительный знак в виде ленты того или другого цвета. У каждого союза были разработаны свои пароли и не

---

[1]) Defrennes указывает, что компаньонаж особенно развился в XIX веке при Реставрации („La coalition ouvrière“ etc., p. 117).

[2]) Defrennes, M., в „La coalition ouvrière et le droit de grêve“ приводит интересный случай, когда товарищество слесарей „выиграло“ в 1808 году таким же образом гор. Марсель (p. 117).

знающих пароля конкурентов безжалостно избивали. Наконец, в некоторых случаях сохранились даже союзные знамена, с которыми товарищества выступали в торжественных церемониях, например, в дни празднеств царствующей династии (рождение герцога Бордосского и др. сл.).

Какие профессии наиболее сохранили у себя корпоративный дух? Мы уже упоминали, что его почти не осталось в Париже, где капиталистическое развитие сделало свое дело. Его не было, конечно, и среди рабочих вновь возникшей деревенской промышленности. Рабочие наименее разложенных капитализмом профессий в провинциальных городах, как построечники [1]) (плотники, столяры, каменщики, камнетесы), рабочие одежно-обувной промышленности (чулочники, башмачники, сапожники, шляпочники), затем транспортники (носильщики и весовщики в Марселе), наконец, такие, как бумажники и некоторые другие—были главными носителями корпоративных традиций в эпоху Реставрации. Мы уже упоминали о мясниках и бурлаках, корпоративные традиции которых были также живы.

Активное выявление свое в данную эпоху корпоратизм находил почти исключительно во взаимной борьбе рабочих друг против друга. При полной апатии к общественным вопросам, при энергичном преследовании правительством всякой «политики» среди трудовых слоев населения, при наступлении по всему фронту со стороны предпринимателей—рабочие просто шли по линии наименьшего сопротивления, когда они набрасывались друг на друга. Лишь очень редко встречаются столкновения с полицией и то, по большей части, по инициативе самой полиции.

Те немногие выступления против хозяев, какие мы выше видели, также часто оказываются окрашенными в цвет монопольно-корпоративных требований: обычными являются требования устранить «чужих» пришлых рабочих, попытки фиксировать число рабочих на каждого хозяина, стремление регламентировать в том или другом отношении производство (Лион, рабочие по тюлю—см. выше) [2]).

VII.

Политика Реставрации в рабочем вопросе.

Как мы уже видели, политика Реставрации в рабочем вопросе должна была прежде всего явиться истолкованием на практике формулы «свобода труда и промышленности». Правительство Реставрации при этом поступало, может быть, не совсем согласно со своими «убеждениями», вернее — реакционными вожделениями, но зато достаточно энергично... Отдельные лица и группы из предпринимателей несколько раз, например, обращались к министерствам Людовика XVIII с петициями о восстановлении корпораций. После того, как советы торговли и мануфактур в центре, советы фабрик (вернее фабрикантов) в провинции обсудили переданные им из министерства внутренних дел пе-

---

[1]) „В плотничном промысле институт компаньонажа живуч более, чем где бы то ни было“ (P. de-Marousse m, „La question ouvrière“, t. I, p. 127).

[2]) О корпорациях и компаньонаже см. у Levasseur'a „Hist. de cl. ouvr.“ t. I, 545, 556—558, 673; см. также Bourgin, ibid., 133, 154, 213, 300 и др. О ряде кровавых схваток между „товариществами“ см. также у Defrennes, M., op. c., p 117 и др.

тиции и высказались против[1]) — правительство совершенно отвергло домогательства петиционеров на «свободу труда», и в дальнейшей своей деятельности было верно раз принятому решению.

Но гораздо больше забот у правительства было в деле ограждения «свободы труда» от самих рабочих. Здесь первая роль принадлежала, конечно, полиции. Не говоря уже об упоминавшихся ранее разгромах рабочих коалиций, конфискации касс, подавлении восстаний против машин и т. д., министерство полиции проявило «кипучую деятельность» по взятии рабочих вообще в «ежовые рукавицы». Например, полиция бдительно следила за выполнением закона 14 марта 1803 года о рабочих книжках, издав при этом ряд дополнительных строгих правил (ордонанс префекта полиции от 13 апреля 1819 года). Для мальчиков-пекарей было установлено, что они могут уходить с работы лишь предупредив хозяина за 5 дней, но при этом не имеют права уходить более, чем один человек в день. «Административная полиция оставалась верной традициям Империи»,—говорит по этому поводу Levasseur. Иногда в своем усердии она, правда, слишком перегибала палку, регламентируя часы открытия и закрытия заведений, запрещая торговать в гостиницах тканями и т. д., но в общем и целом «была на своем месте»[2]).

Чаще были «уклонения» в сторону регламентации заработной платы, выработки и т. д. со стороны мэров—мы уже упоминали лионского мэра с его ордонансом о шляпочниках,—но центральное правительство неоднократно предписывает «местам» умерить реставраторскую деятельность. «Некоторые мэры распространяют свои распоряжения за законные границы; они хотят восстановить, в некотором роде, корпорации, разрушенные законодательством 1791 года. ... Эти ошибки, вызываемые, конечно, похвальным рвением, могут быть исправлены, если подобного рода распоряжения будут представляться на усмотрение высшей власти... Я прошу вас, господа префекты, восстановить все изданные ордонансы полиции и распоряжения мэров, относящиеся к рабочим и людям труда... и представить их на утверждение министерства» (циркуляр министерства внутренних дел префектам от 3 мая 1818 г.).

Мы почти совсем не упомянули до сих пор еще одной «заботы» правительства, так яро проводившего на практике осуществление буржуазных интересов. Это — забота о сохранении за Францией монополии на те немногие технические достижения, которые у нее были. Здесь приходиться бороться одновременно с двумя родами явлений: с одной стороны — с вывозом за границу машин и инструментов и, с другой стороны — с эмиграцией квалифицированных рабочих. Главным местом притяжения в этом случае служила Испания, отчасти документы говорят и о России, Италии, Америке, Англии. Основной мотив бегства рабочих — безработица и низкая заработная плата во Франции. По стране все время раз'езжают вербовщики, тайно сманивают рабочих, снабжают их небольшими суточными и под'емными деньгами, «явкой», и пачками переправляют в сопровождении опытных контрабандистов через границу. Вербовке подвергаются чаще других или рабочие, умеющие работать при машинах («tondeuse», чесальных и др.), или квалифицированные рабочие из таких отраслей, где искусство, навык все еще продолжали играть громадную роль (стекольщики, слесаря,

---

[1]) См. у Bourgin, ibid., 110.
[2]) Levasseur, ibid., 548—549

набойщики и т. д.). Полиция все время энергично борется с эмиграцией, пытается закрыть рабочим границу совсем, ловит и предает суду вербовщиков, но ее деятельность в этом направлении сколько-нибудь заметных результатов не дает.

В письме министра внутренних дел министру юстиции от 30 апреля 1819 года бегство рабочих за границу признается хотя и «мало патриотичным», но и не очень опасным для французских фабрик. Видимо, миновала пора ремесленных секретов производства, передававшихся от отца к сыну. А для машины—не Франция была родиной [1]).

VIII.

Социально-экономическая характеристика Реставрации.

„Я отличаю эпоху в хозяйственной жизни по духу хозяйственной жизни в зависимости от того, господствовал ли в определенное время определенный дух“ (W. Sombart, „Der Bourgeois“, S. 6).

Рассмотрев документы и факты эпохи мы можем увидеть теперь истинное лицо экономического процесса, совершавшегося во Франции в 1814—1830 годах. Это был процесс претворения в жизнь тех «священных принципов», в защиту коих творилась Великая Революция, велись бонапартистские войны. Теперь первая часть работы закончена и буржуазия занялась вплотную возведением нового экономического здания на новом же техническом базисе.

Но ведь лишь незначительная часть буржуазии, из финансовой верхушки, стояла действительно близко к кормилу правления? У власти стояли вернувшиеся из эмиграции феодальные элементы, и первым словом Реставрации было отстранение от всякого влияния на политику не только крестьянства и рабочих, но и буржуазии как мелкой, так и средней. Тем не менее, эта, отстраненная на $^{9}/_{10}$ от «власти», буржуазия была господствующим классом, и она сумела использовать в своих интересах аппарат государственной власти, несмотря на то, что он находился в «чужих» руках. Мы видели, что правительство Реставрации фактически превратилось в аппарат осуществления буржуазных «свобод труда и промышленности». Реакционным же вожделениям эмигрантов сбыться не удалось. Дворянская эмиграция, нечаянно вставшая у власти, должна была выполнять не свою волю, а волю продолжавшей развиваться буржуазии.

В Реставрации мы безусловно наблюдаем некоторый «надрыв» между «политикой» и «экономикой». Первая делается монополией дворянства и верхов финансовой буржуазии и как будто становится совершенно независимой от «экономики», от влияния интересов промышленной буржуазии. В то время, как «вверху», в области «высокой политики» страны, меняются министерства, санкционируются законопроекты, все более доказывающие суб'ективную реакционность правительства, идут заговоры и их разгромы, — «внизу» в экономической «подпочве» совершаются свои процессы: вводится машина, рабочий изгоняется, безработица растет, цены импортируемых товаров повышаются до «нужных»

[1]) Bourgin, ibid., 35, 56, 155, 158, 160, 235, 236, 233 и др.

размеров, полиция действует «как нужно», всякие коалиции энергично преследуются мэрами, префектами и королевскими прокурорами. Вопреки своему желанию, правительство Реставрации сделало все возможное для укрепления позиций промышленной буржуазии.

Обзор эпохи Реставрации дает нам поучительный пример того, как политическое господство может временно находиться в руках не того класса, который является истинным субъектом экономики, а в руках любого другого, если он только достаточно сорганизован для осуществления — не своих, нет, а буржуазных (в данном случае) интересов. Продолжительность такого политического господства без соответствующего базиса зависит исключительно от того, насколько верно будут учтены очередные требования хозяйственного развития и интересы господствующего в экономике страны класса.

А слишком ретивое обеспечение своих интересов «господствующим» в ковычках классом в ущерб классу, господствующему в действительности, лишь сокращает период его «господства». Именно эта причина проявила свое действие в 1827—1830 г.г. по отношению к правительству Карла X.

* * *

Изучение сырых материалов эпохи позволяет историку выйти из-под власти схем, которые, как бы они хороши ни были, могут повести к ошибочным суждениям, если их прилагать, как трафарет, к любой эпохе и стране.

Уж чего, кажется, проще с уничтожением цехов во Франции! Начало делу было положено еще в 1776 г., затем основательный разгром, сделанный Великой Революцией, шедшей под знаком уничтожения корпораций старого режима. Наконец, период войн. Тридцать лет прошло с 4 августа 1789 года... И, однако, корпоративные традиции, как мы видим, оказались живы, больше того,—оказались живы-здоровы целый ряд корпораций.

Только непосредственное знакомство с материалами эпохи позволит нам обеспечить себя от ошибок шаблонизирования. Больше того: только такое изучение исторических эпох позволит нам лучше выковать наш метод понимания исторических явлений — метод исторического материализма.

БИБЛИОГРАФИЯ.

В числе материалов, использованных при составлении настоящей работы, для историка эпохи представляет громаднейший интерес сборник документов Bourgin' ов, D. et. H. «Le régime de l'industrie en France de 1814 á 1830. Récueil de textes». Tome I-er. Mai 1814—mai 1821. Paris. 1912. XXII + 382 стр. Он состоит из значительного количества воспроизведенных в хронологическом порядке ценнейших документов—ценнейших по своей непосредственной связи с «живой жизнью» эпохи. Авторами документов являются самые разнообразные лица. Чаще всего, это—агенты полиции, префекты, прокуроры, мэры, министры. Затем имеется ряд документов из архивов совета торговли и мануфактур (в Париже) и советов фабрик (в провинции). Наконец, несколько «произведений» частных лиц, поскольку они освещают состояние промышленности и рабочего класса, также вошли в сборник Bourgin'ов. Многочисленность авторов, говорящих об одном и том же предмете, но каждый со своей точки зрения, дают достаточно точек опоры для представления, соответствующего действительности. Конечно, ко всем этим документам требуется весьма критическое отношение, особенно к сообщениям разных официальных органов. Но, с другой стороны, достаточно знать, напр., что данный документ принадлежит полиции, чтобы знать, в каком направлении он отклоняется от действительности. Во всяком случае, мы можем быть спокойны на тот счет, что все, сказанное официальными документами (а они составляют $^{9}/_{10}$ книги) о тяжелом положении рабочего класса, не может ни в каком случае быть преувеличением. Действительное состояние рабочих при Реставрации, вероятно, было во много раз хуже, чем представляют названные документы.

Кроме сборника Bourgin'ов, в первый раз использовываемого в русской работе, посвященной истории Франции, в данной работе использованы, из числа вообще довольно бедной литературы, освещающей эпоху Реставрации, также следующие:

Levasseur, E. «Histoire de classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870». Paris, 1903.

Viviani, René. «La Restauration (1814—1830)». Histoire socialiste (1789—1900). Tome VII.

Nourrisson, Paul. «Histoire de la liberté d'associations en France depuis 1789». Paris, 1920, а также работы Эритье, Aulard, Тарле, Сеньобос, Марешаль, Поль Луи, Бризона и др.

Н. Петров.

27/XI 1922 г.

Моносов.

Материалы по истории французской промышленности (промышленность эпохи Консульства).

СОДЕРЖАНИЕ.

Введение.
I. Промышленность текстильная и родственные ей отрасли.
II. Металлургия.
III. Второстепенные отрасли промышленности.
IV. Характер промышленности, ее размеры и значение.
V. Технический уровень промышленности.
VI. Издержки революции. (Влияние ее на положение промышленности.)
VII. Программа промышленной политики.
VIII. Рабочий вопрос.

Введение.

Настоящая работа является результатом изучения глав, касающихся промышленности, в докладах, поданных в IX году Республики Консульскому Правительству префектами 24 департаментов.

В X году Республики по распоряжению министра внутренних дел эти доклады были изданы под названием «Статистика департаментов», «Статистические таблицы департаментов» [1]).

«Статистика департаментов» представляет собой восемь небольших, in 8^0 томов, содержащих доклады 32 префектов. Из них мною рассмотрены лишь 24 доклада, касающихся состояния департаментов, расположенных на территории до-революционной Франции [2]).

Доклады весьма разнообразны по своему содержанию и размеру. Некоторые, как, например, доклад по департаменту Нижнего Рейна, заключают в себе до 280 страниц, другие весьма кратки и содержат не больше 26—24 страниц (доклады департамента Об и В. Соны). То же самое следует сказать и относительно глав, посвященных промышленности; как правило они не велики и обычно составляют лишь небольшую часть до-

[1]) «Statistique des départements», Paris, an X, vol. 8, Impimerie des sourds-muets.
[2]) Рассмотрены доклады следующих департаментов: Aube, Hautes-Alpes, Var, Lozère, Seine-et-Oise, Deux-Sèvres, Basses-Pyrénées, Marne, Vienne, Vosges, Rhône, Aude, Charente, Aisne, Ille-et-Vilaine, Gers, Lot-et-Garonne, Sarthe, Drôme, Vendée, Allier, Orne, Cher, Hautes-Saône.

кладов. Например, в докладе промышленного департамента Обы, промышленности уделено из 116 стр. доклада—22 страницы. Промышленности департамента Сарты уделена 21 страница, т. - е. менее чем $^1/_{10}$ всего доклада, столько же страниц посвящено индустрии департамента Марны, доклад которого занимает 129 страниц. Несколько больше места отведено обзору промышленности департамента Роны — 40 страниц из 129.

Некоторые доклады написаны очень обстоятельно и с большой тщательностью, другие, наоборот, официально сухи и производят такое впечатление, как будто их автор старался лишь скорее отделаться от надоедливых анкет и опросов центрального правительства. В составлении докладов иногда принимали участие ученые и научные учреждения данного департамента: отчет департамента Марны «составлен Департаментским О - вом Земледелия Коммерции Науки и Искусств», и префектом только одобрен, доклад департамента Орны «составлен Аленсонским лицеем по просьбе префекта».

Доклады содержат в себе большое количество интереснейших сведений, касающихся тогдашнего состояния различных областей народного хозяйства Франции, ее народного просвещения, юстиции, администрации, нравов и обычаев населения, его численности, а также состояния памятников старины, природных богатств и т. д. Словом, худо ли, хорошо ли, префекты пытались осветить своими докладами все стороны департаментской жизни.

Чем вызвано появление этих докладов? «Статистика,—говорит проф. Тарле,—была в глазах Наполеона и его министров instrumentum regni. Министры префектам, а префекты подчиненным властям не переставали внушать, что его величество придает величайшую важность точности статистических данных». Придавая статистическим сведениям такое значение, правительство засыпало префектов запросами и анкетами, при чем особенно интересовались сравнением до-революционного состояния Франции с ее состоянием по-революционным. «В общем,—говорит проф. Тарле,—правительство очень хотело таких сравнений настоящего с прошлым» [1]).

Так же точно и в IX г. Республики министр в циркулярном письме от 6 брюмера, адресованном префекту департамента Обы, писал: «Настал момент сравнить теперешнее состояние вашего департамента с прежним положением генералитета» [2]). Ответами на этот запрос и явились рассматриваемые нами доклады. Что касается самих докладчиков, то они возложенные на них правительственным запросом задачи, изображают в таких официально - высокопарных выражениях: «Когда генерал принимает командование над армией,—пишет префект департамента Обы,—его первое приказание — ревизия всех арсеналов, магазинов, его первые шаги—осмотр всех их частей. Так точно и Консульское правительство, правительство - восстановитель возымело мысль произвести смотр физическим, политическим и моральным силам Республики. Оно хочет узнать свои потери в этой ужасной войне, насчитывающей за несколько лет больше сражений, чем целые столетия прежних войн. Оно хочет представить перед глазами изумленной Европы огромные и непрестанно восстанавливающиеся рессурсы, оставшиеся у него для того, чтобы упрочить свою славу и свою независимость»...

---

[1]) Тарле «Континентальная блокада» стр. 54, 69, 70.

[2]) Généralité—Финансовая единица до-революционной Франции. Jean Bourdon «La statistique du departement de l'Aube par le préfet Bruslé», «Révolution Fransaise», 1912, № 2 (aout), p. 102.

Другой префект департамента Ло-е-Гаронн высказывается по тому же поводу таким образом: «Преуспевание государства в делах внутренних всегда основывается на усовершенствовании знаний политической экономии, а элементы этой науки зиждятся на точном изучении правительством положения всех частей территории государства в области физической, сельско-хозяйственной, индустриальной и моральной. Основываясь лишь на этих точных данных, возможно исчислить свои рессурсы и свои недостатки, определить средства, при помощи которых можно социальному телу придать всю ту силу и активность, которые оно может проявить»[1]).

При пользовании докладами префектов, как источниками, необходимо выяснить, насколько достоверными являются сообщаемые ими сведения. Некоторые, как, напр., проф. Тарле, придают весьма малое значение в смысле достоверности правительственной статистике революционной и наполеоновской эпох. «Историк не имеет права,—говорит проф. Тарле,—знакомить читателя с этой статистикой, не предварив его относительно ее неполноты и неточности». Однако тот же ученый признает, что статистика эта может дать приблизительные понятия «о положении вещей, а, главное, об относительной важности и распространенности той или иной отрасли промышленности». Он же считает, что «если неточны, ошибочны абсолютные цифры, то все же часто весьма характерно бывает соотношение между цифрами»...[2]).

Действительно ли так мало надежны сведения, имеющиеся в рассматриваемых нами докладах? Конечно, в условиях, в которых создавалась настоящая работа, не представлялось возможным произвести критическую оценку и проверку докладов префектов, однако, касательно одного из этих докладов, доклада префекта Брюле по департаменту Обы, эта работа была проделана французским историком Бурдоном[3]). Последний, путем тщательного изучения и сопоставления разных документов печатных и рукописных, пытался выяснить достоверность и ценность сообщаемых префектом Брюле сведений и пришел, в общем, к довольно благоприятным для автора доклада выводам. Бурдон находит, что префект Брюле, описывая довольно правдиво печальное состояние промышленности, путей сообщения, народного образования, сообщая о малом приросте населения в своем департаменте, совершенно не проявил официального оптимизма, что свою работу он выполнил не только с известной искренностью, но и со старанием, и что он показал полное понимание трудностей, встреченных им при выполнении возложенной на него задачи.

Об этих трудностях очень живо и интересно рассказывает сам Брюле в своих письмах, адресованных министру внутренних дел и помещенных в той же статье Бурдона. В них префект жалуется на неподведомственность ему большинства чиновников, к которым приходится обращаться за сведениями и на являющуюся следствием этого их небрежность, доходящую до того, что к одному мировому судье в целях получения ответа на запрос, пришлось послать на постой жандарма. Большинство чиновников, по словам префекта, даже при всем своем желании выполнить удовлетворительно возложенную на них по сбору сведений задачу, не могут этого сделать вследствие своей неспособности

---

[1]) «Tableau Statistique du département de l'Aube, p. 1—2, Lot et Garonne, p. 1 .
[2]) Тарле, указанн. сочинение, стр. 69—70.
[3]) Bourdon, указанная статья в «Révolution Fransaise».

и страха населения перед новыми налогами. «Они сейчас же начинают думать, — пишет Брюле министру, — или что на них хотят наложить реквизицию или увеличить налоги всех видов». События революции сделали фабрикантов недоверчивыми; «они считают нужным окутывать непроницаемой тайной свою деятельность», скрывать места получения сырья и места сбыта»[1]).

Бурдон, относительно цифр экономической статистики, сообщаемых Брюле, полагает, что они, как продиктованные в значительной степени людьми, заинтересованными в их преуменьшении,—ниже цифр действительных; данные же, относящиеся к техническому уровню промышленности, по мнению Бурдона, довольно верны.

Некоторый материал, могущий быть использованным для проверки докладов префектов, имеется в изданных Рокэном докладах чиновников, обследовавших приблизительно в ту же эпоху состояние Военных Округов[2]).

Сообщения этих чиновников в общем совпадают с данными наших докладов. Так, чиновник, обследовавший 8-й округ, указав на блестящее положение Марселя до революции, замечает: «Это великолепное положение вещей исчезло. Причинами этого являются — эксцессы революции, морские войны, уничтожение свободы марсельского порта... При незначительности внешней торговли население Марселя дошло до ужасной нищеты»... Как мы увидим ниже, эти сообщения вполне совпадают с данными о положении юга Франции, имеющимися в докладах префектов. То же самое следует сказать и о положении промышленности в 6 близких к Парижу департаментах 1 Военного Округа. Чиновник, их обследовавший, перечислив предварительно существующие в этом районе производства, говорит: «Во время революции почти все эти мануфактуры сократили свою деятельность. Причины этого известны: реквизиции, максимум, обесценение ассигнаций, террор, заставлявший прятать капиталы, война, препятствовавшая вывозу и сократившая иноземный спрос... Они снова приобретут большую активность, если утвердится мир на морях и понизится процент на капитал. Перед революцией процент равнялся 5—6 годовым... во время революции брали до 4—5 % месячных».

Приведенное место можно сопоставить с докладами префектов департаментов Сены-и-Уазы, и Сарты. Относительно департамента Роны в обследовании 19-го Военного Округа читаем: «Департамент Роны один из наиболее пострадавших от революционного кризиса». Затем мы узнаем, что число станков шелкового производства в Лионе сократилось с 9.300 до 5.000, что, приблизительно, сходится с показаниями доклада префекта того же департамента. Такое же сходство показаний обоих докладчиков можно отметить в отношении как других отраслей лионской промышленности (например, производство золото-канительное, шапочное), так и в отношении состояния промышленности других местностей того же департамента[3]).

Из сопоставления докладов префектов с данными Обследований Военных Округов, из результатов критической работы Бурдона, можно вывести заключение об известной надежности сведений, сообщаемых

---

[1]) Bourdon, указанная статья, стр. 102, 108, 116, 118, 129.

[2]) «L'etat de la France au 18 brumaire d'après les rapports des conseillers d'état... publiés Félix Rocquain». Paris 1874.

[3]) Rocquain «L'état de la France», pp. 45, 240, 300—303.

этими докладами префектов. В том же убеждает нас многочисленность, имеющихся в докладах ссылок на определенных лиц, указания на их деятельность, масса индивидуальных и конкретных описаний, которые не могут быть взяты просто с потолка.

Словом, по этим докладам, касающимся департаментов, составляющих приблизительно ⅓ до-революционной Франции, можно несомненно составить себе известное и притом близкое к действительности представление о тогдашнем положении Франции вообще и о положении ее промышленности в частности. Конечно, не нужно при этом забывать, что доклады написаны чиновниками, весьма склонными восхвалить «правительство - восстановителя» иногда, может быть, и за счет преувеличения хозяйственной разрухи революционного времени.

I.

Каким же рисуется на основании докладов префектов положение французской промышленности в первые годы XIX в.?

Начнем свой обзор с главнейшего производства, текстильного, и с важнейшей его ветви — изготовления шерстяных тканей.

Департамент Марны включал в себе старинные центры этого производства. Из них Шалон еще после отмены Нантского эдикта пришел в запустение: главные «фабриканты» эмигрировали, а с ними вместе исчезли их таланты, их капиталы; однако, сохранилась одна мануфактура, на которой в 1786 году работало 500 рабочих и производилось 1650 кусков материи в год.

Производство другого промышленного центра — Реймса, тоже сократилось, даже по сравнению с недавним прошлым: в 1787 г. на его мануфактурах изготовлялось 94.615 кусков материи, ко времени составления изучаемых нами отчетов производство понизилось до 12—15 тысяч кусков. Причины такого сокращения — отрезанность рынков сбыта, каковыми являлись — Италия, Испания, Португалия и Левант. В последней стране реймские сукна, по словам докладчика, удачно конкурировали с английскими.

Сырье для реймских фабрик доставлялось из Испании и департаментов южной Франции. Прядением шерсти было занято много работников, как в самом Реймсе, так и его окрестностях.

Если, как мы видели, события революционной эпохи повлияли на положение реймских фабрик губительно, то, напротив, «фабрика» грубых сукон в Сюипп (Suippe—на северо-запад от Шалона) процветала. Ее производство, не превышавшее раньше 500 кусков в год, теперь достигло 5 — 6 тысяч кусков. Это об'ясняется тем, что сукна шли на нужды армии [10]).

Другим важным пунктом шерстяной промышленности является департамент Сарты. В 60-х г.г. XVIII в. в Мансе и его окрестностях имелось до 30 тысяч работников, занятых в этой отрасли производства, тогда же в одном только этом городе было 800 станков и 200 «фабрикантов».

Уже в 1788 г. число владельцев мастерских сократилось до 54, а число станков до 275, однако, в то время здесь изготовлялось еще до 11 тысяч кусков этамина и 15 тысяч разных других материй. Тогда 12 тысяч рабочих, из них 9 тысяч женщин и детей находили себе за-

---

[10]) Marne, p.p. 106—107, 111, 108.

работок прядением шерсти. Материя находила сбыт в Бельгии, Португалии, Италии, Испании и Индии. Война, отрезав большинство этих рынков, нанесла тяжелый удар Манской промышленности: число фабрикантов сократилось до 15 — 20, число станков — до 100, а число занятых в производстве рабочих до 1.500. Имеющееся в других пунктах департамента, производство различных шерстяных материй — полудрапа, фланели, саржи—тоже значительно сократилось [1]).

Не менее разительный пример сокращения производства представляет один из юго-западных департаментов, департамент Об. «Производство главного города департамента (Каркассона), — говорит доклад,— в настоящее время далеко от того блестящего состояния, которое оно приобрело 20 лет тому назад» [2]). В те времена производилось 56 тысяч кусков материи, теперь же производится не более ¼ этого количества, об'ясняется это тем, что каркассонские «фабрики» являлись поставщиками, главным образом, Леванта, ныне отрезанного войной. Напротив, производство г. Шалабр (Chalabre), обслуживающее местные нужды, не только не сократилось, но увеличилось. К сожалению, доклад не указывает размеры этого увеличения. Сокращение производства Каркассона заставило большинство рабочих рассеяться: часть из них покинула Францию, часть пошла в армию, часть занялась другими делами.

Картину упадка представляет и западный департамент—Двух-Севр. Здесь в Туар (Thouars) перед революцией существовало значительное производство саржи и других шерстяных материй, «теперь же число фабрикантов сильно сократилось», осталось лишь несколько ткачей и других отдельных работников. То же самое можно сказать и о других пунктах департамента. В одном из них — Брессюир (Bressuire) осталось не более 10 ткачей, в другом — Партеней (Parthenay) еще сохранилась лишь одна «фабрика» с производством материй на 20—25 тысяч франков в год [3]).

Не лучше обстоят дела и в департаменте Н. Пиреней. Существовавшее здесь прежде, значительных размеров производство различных шерстяных материй, в настоящее время почти совершенно прекратилось: из 800 станков сохранилось не более 100, целая толпа рабочих осталась без всякого пропитания. Некоторое понятие о размерах упадка нижне-пиренейской промышленности дает цифра сокращения производства фланели: прежде ее выделывалось 20 тысяч кусков, теперь производится не более 600 кусков. Главнейшей причиной этого упадка является запрещение вывоза шерсти из Испании.

Доклад департамента Вар указывает еще одну причину сокращения производства шерстяных материй — конкуренцию хлопчато-бумажных тканей. «Теперь люди привыкли к роскоши,—говорит доклад,—и предпочитают материям шерстяным материи бумажные, привлекающие яркостью своей окраски» [4]).

Некоторое представление об организации шерсто-ткацкого и шерсто-прядильного дела можно получить из указаний, имеющихся в докладах департаментов Об, Лозер и Дром. Относительно первого департамента мы узнаем, что оставшиеся 200 станков (вместо 2000 имевшихся здесь в 1650 г.) принадлежат 14 владельцам, из которых каждый имеет по

---

[1]) Sarthe, p.p. 211—214, 216—217.
[2]) Aube, p. 6.
[3]) Deux-Sèvres, p.p. 18, 25, 32.
[4]) Basses-Pyrénées—75, Var—108.

11 станков, 5 больших и 6 малых, на больших работают по два человека. Кроме того, на каждого владельца работают по 6-ти éplucheurs, 1-му appareilleur и по 100 прядильщиков и чесальщиков. В настоящее время в этой отрасли производства по всему департаменту занято не более 1.715 человек [1]).

В департаменте Лозер производство различных сортов шерстяных материй, согласно доклада, организовано следующим образом. «Не редкость видеть одного и того же человека,—говорит доклад,—собирающим шерсть, пускающим ее во все стадии производства... и ее продающим. Здесь нет, как в других отраслях производства, фабрикантов. В деревнях, окружающих городки Манд и Марвежоль, Сен-Шели (Mende, Marvejols, St.- Chely), почти в каждом доме имеется станок, на котором работают в свободное от сельских занятий время. Работники этих городов люди небогатые (privés de biens), обрабатывают ежедневно покупаемую ими шерсть». Несмотря на такой мелкий характер этой промышленности, ее продукты вывозились в Германию, Италию, Испанию и даже в Англию, часть шла на нужды армии. Может - быть, последним и об'ясняется сравнительно незначительное (на $^2/_5$ сравнительно с до - революционным временем) сокращение этого производства [2]).

Приблизительно такой же характер имеет и производство грубых шерстяных материй в департаменте Дром. «Здесь не существует соединения рабочих под управлением фабриканта,—говорит доклад,—рабочие руки рассеяны по многим коммунам, особенно по горным, где продолжительность зимы долгое время препятствует жителям заниматься сельскими работами». Однако, сырье для этой мелкой промышленности ввозится из далекой Берберии и Прованса, «что приносит большую прибыль негоциантам» [3]).

Перейдем к ознакомлению с положением промышленности полотняной. Важнейшими центрами ее являются два департамента: Эн и Орн.

В департаменте Эн до революции производство полотняных материй процветало. В г. Сен-Кантене (St.-Quentin) и его окрестностях работало 12—14 тысяч станков. Число прядильщиков и прядильщиц, занятых в этом производстве, достигало 65—70 тысяч человек. «Кроме этих рабочих, масса лиц находила заработок в мастерских для беления и для других, связанных с производством линона и батиста, операций». Всего в этом производстве было занято не менее 80—100 тысяч человек. Ежегодно производилось 150—160 тысяч кусков материи, общей стоимостью до 15 миллионов франков, при чем $^3/_5$ всего производства вывозилось за границу. Ко времени составления доклада прежние рынки сбыта—Америка, Вест-Индия, Португалия, Германия, Россия и сев. страны—оказались отрезанными, поэтому производство пришло в упадок. В деревнях около Сен - Кантена сохранилось не более 2.500 — 3.000 станков, в самом городе их почти не осталось. Число прядильщиц, по выражению доклада, «чрезвычайно уменьшилось», заработок их сократился в 2 — 3½ раза. Мастерские для вспомогательных работ разрушены, работники их впали в бедность и дошли до нищенства. В течение 1800—1801 г.г. выработано не более 45—50 тысяч кусков, относительно же текущего 1801—1802 г. докладчик полагает, что будет изготовлено не более 30—35 тысяч кусков.

---

[1]) Aube—73—74.
[2]) Lozère, 54—56.
[3]) Drôme—28, 29.

Кроме Сен-Кантена и его окрестностей, изготовление полотняных материй существовало и в Вервене (Vervins), здесь производство сократилось до 1/8 своего прежнего размера [1]).

В департаменте Орн полотняное производство, центром которого был Алансон, сократилось на половину. В до-революционное время алансонские полотна вывозились в Англию и Америку. Доклад отмечает возникновение здесь производства батиста и пике, пока, правда, этим заняты не более 20 станков, однако, докладчик выражает надежду, что эта отрасль производства впоследствии разовьется [2]).

О положении полотняного производства в других местах Франции в докладах имеются лишь очень общие указания. Доклад департамента Вогезы, не сообщая никаких цифровых данных, говорит лишь о повсеместном изготовлении материи из льна, приблизительно то же самое говорится и в докладе департамента Вьенн [3]).

В департаментах Илль-е-Вилен и Ло-е-Гаронн было развито производство парусины, идущей, главным образом, на нужды военного и торгового флота. В первом из этих департаментов центром производства парусины являлся город Ренн (Renne). В самом Ренне в прежние времена имелось 2 фабрики с 250 станками и 1.250 рабочими, в настоящее же время производство сократилось до 1/10 прежнего. В окрестностях города с 1748 г. также существовала фабрика парусины, особенно процветавшая во время морской войны 1777 — 1783 г.г. Все окружающие деревни тоже заняты изготовлением парусины, идущей на нужды торгового флота. В настоящее время качество этой парусины ухудшилось настолько, что с водворением мира, по мнению докладчика, можно опасаться конкуренции России и Силезии. В Фужере (Fougères) изготовляли парусину, имевшую сбыт в Испанию и Америку. Около Доля (Dol) из особого сорта конопли изготовляют корабельные снасти. «Остальные части департамента,—говорит доклад,—производят пеньку и лен, но в меньшем количестве; изготовляемые здесь материи идут на удовлетворение нужд местных жителей» [4]).

В департаменте Ло-е-Гаронн в г. Ажан (Agen) имеется настоящая парусиновая мануфактура: «большое здание заключает в себе около 200 станков и все, что необходимо для производства». Около полусотни станков работает на эту же мануфактуру на стороне, 5 тысяч человек заняты прядением и другими операциями. В прежнее время местной пеньки нехватало, приходилось ввозить ее из Италии. Парусина, здесь изготовляемая, поставляется, главным образом, для флота западных портов. Доклад жалуется, что в настоящий момент на складах лежит до 80 тысяч аршин парусины благодаря задержки казной выплаты денег.

Производство веревок и ниток для парусины и рыболовных сетей в настоящий момент в упадке: «три главных мастерских теперь исчезли, а от других сохранились незначительные остатки» [5]).

Обращаясь к промышленности хлопчато-бумажной мы находим крупный центр ее в г. Труа (Troyes), департамент Об. Промышленность этой местности с 1770 — 1790 г.г. росла, но еще в 1783 г. ей был нанесен первый удар договором с Англией. Договор этот, по словам доклада, был

---

1) Aisne—49—53.
2) Orne—39—40, 44.
3) Vosges—90, Vienne 71.
4) Ille-et-Vilaine:—41, 42, 43.
5) Lot-et-Garonne—23, 26.

«гибелен для фабрик Франции вообще и особенно для фабрик Труа, являвшихся прямыми конкурентами английских... Революция нанесла этим фабрикам последний удар».

Здесь изготовлялись по большей части материи, состоящие на половину из льна, на половину из хлопка. В 1784 г. в этом производстве было занято 3.240 станков, но уже в 7 году Республики от них осталось лишь 1.470, из которых 370 не работали. Производство одного сорта материи toile de coton сократилось в 7½ раз. Одной из причин такого упадка этой промышленности является, помимо конкуренции Англии, нехватка сырья, вывозимого ранее из Америки, почему в настоящее время приходится с величайшими неудобствами употреблять низкосортный левантский хлопок.

В докладе имеются любопытные указания относительно организации этого производства. Прядильщики еженедельно покупают такое количество хлопка, какое могут обработать в течение одной недели. Сработанную пряжу они продают ткачам. Таких прядильщиков и прядильщиц в Труа и его окрестностях имеется до 6 тысяч. В 1791 г. была попытка ввести прядильную машину (rouets mécaniques—дженни?), при помощи которой один рабочий мог прясть 20 — 30 ниток. Эта попытка была встречена прядильщиками так враждебно, что пришлось перенести все предприятие в деревню. В 9 г. Республики граждане Трёлль и Ферран (Truelle et Ferrand) впервые поставили в своем предприятии Мюль. Это предприятие, по словам доклада, хотя и находится только в зародыше, но «благодаря заботам уважаемых граждан, обещает развиваться успешно».

Из приобретенной у прядильщиков пряжи ткачи изготовляют материю различных сортов, которую и перепродают негоциантам, последние совершают все дальнейшие операции производства. На совершение этих операций уходит весьма продолжительное время, так, беление требует до 2-х лет. Это об'ясняется тем, что при этих операциях употребляются исключительно самые первобытные способы. «Лишь по истечении этого времени, — говорит доклад, — купцу возвращается авансированный им капитал».

Доклад сообщает о недавних попытках применения химических способов беления и о том, что некий гр. Камюза (Camusat) в своей мастерской употреблял способы, указанные Шапталем.

«Класс «фабрикантов»,—говорит доклад,—состоит здесь из работников, не имеющих средств, и это их положение препятствует всякому усовершенствованию производства, так как они не могут произвести ни малейших попыток к усовершенствованию его, не разорившись» [1]).

Значительное хлопчато-бумажное производство имеется в весьма промышленном департаменте Сены и Уазы. Доклад этого департамента говорит о двух находящихся здесь «великолепных прядильнях хлопка». Обе эти прядильни, находясь в разных частях департамента, принадлежат одному хозяину—гр. Делетру. О размерах этих прядилен доклад ничего не сообщает, но указывает, что на одной из них работает 100 человек детей-сирот, «находящих здесь убежище, достойное воспитание и надежду определиться по достижении 21 года на место, если только их дурное поведение и упрямая лень не сделают их этого недостойными». В этом же департаменте находится знаменитая мануфактура «раскрашенных материй, принадлежащая Оберкамфу». На ней занято 1.200 рабочих,

[1]) Aube—59, 62, 63, 65.

преимущественно женщин и детей. Тому же владельцу принадлежит и другое подобное предприятие; к сожалению, более подробных сведений доклад о них не дает.

Кроме этих крупных хлопчато-бумажных предприятий, по всему департаменту раскинуты мелкие прядильные мастерские [1]).

Департамент Роны, хотя и знаменит, главным образом, шелковой промышленностью, однако, имеет значительное хлопчато-бумажное производство. В г. Невиль имеется прядильное заведение гр. Бару (Baroud), на которого в городке и его окрестностях работает 700—800 женщин и детей. Доклад сообщает, что в качестве двигательной силы здесь пользуются водой, лишь недавно сменившей лошадей, и что предполагают в скором времени пустить такую машину, которая, будучи «приводима в движение одним колесом, сможет прясть сразу 100 фунтов пряжи». На другом подобном же предприятии, принадлежащем гр. Юган (Hugand), занято 250 рабочих, из которых 7/8 составляют женщины и дети. На это же предприятие работают 200 заключенных лионского арестного дома, производя очистку хлопка. Владелец предприятия, по словам доклада, уверен, что сможет конкурировать с английской пряжей вплоть до № 40-го. В горной местности Божоле (Beaujolais), о которой доклад говорит, что ее мало плодородная почва «обрекала бы население на бедность» — «многочисленные станки стоят под кровлями хижин, и челнок дает работу мужчинам и женщинам, молодым, взрослым и старым». Здесь перед революцией изготовлялось бумажных материй и ниток не меньше чем на 10 миллионов франков ежегодно. На одной только ярмарке в Тизи (Thizy) еженедельно продавалось материй на 100 тысяч франков. Материи имели сбыт в колониях, почему и раскрашивались согласно вкусам их жителей в яркие цвета. Эта раскраска производилась на особых фабриках, находящихся в других местностях. Размеры этого производства в настоящее время сократились до 1/3, причины этого—дороговизна сырья, призыв в армию рабочих и отсутствие рынка сбыта.

Несколько хлопчато-бумажных предприятий имелось и в городке Тарар. Здесь была мануфактура миткаля, «в ее мастерских перед войной работало 130 рабочих». Теепрь это производство почти сошло на-нет. Здесь же занимаются изготовлением муслина. Это производство усовершенствовано благодаря привозу швейцарского хлопка. В нем, в самом городе и его окрестностях, в настоящее время занято не более 300 станков, в то время как в 1789 г. их было 600. Развитие указанной отрасли промышленности тормозится отсутствием тонких сортов пряжи: высокий таможенный тариф препятствует ввозу иностранной пряжи, а французские прядильщики еще не научились изготовлять достаточно хороших высоких номеров ее. В маленьком местечке Вернезон (Vernaison) также занимаются изготовлением муслина. В настоящий момент в этом производстве, которое по выражению доклада «очень пострадало от войны», занято не более 144 человек. Доклад сообщает ряд любопытных цифр относительно вернезонского производства: муслину здесь производится на 200 тысяч франков в год, из них 100 тысяч франков «поглощает заработная плата», 50 тысяч франков идет на покупку материала и 50 тысяч франков остается в качестве прибыли владельцу предприятия. Доклад называет этого владельца «благодетелем маленького села Вернезон» [2]).

---

[1]) Seine-et-Oise—30, 34.
[2]) Rhône—92—94, 85—89, 91—92.

Имеется хлопчато-бумажное производство и в других местностях Франции. Так, во многих коммунах Н. Пиреней изготовлялись платки наполовину из хлопка, на половину из льна. Еще в 1782 г. этим делом занималось до 6 тысяч человек, работая на 2.000 станках; изготовлялось до 60 тысяч дюжин платков в год. Мирный договор 1786 г. нанес этому производству первый удар: в 1790 г. осталось уже только 1.200 станков, в настоящий момент их сохранилось не более 400. Причина сокращения производства—исчезновение рынка сбыта, которым являлась Америка.

Эта промышленность Н. Пиреней носила исключительно мелкий характер. Каждый ткач имел свою мастерскую, «средства фабрикантов были очень ограничены, большинство вынуждено продавать по дешевке товары по мере их изготовления; все ткачи вместе не выручают и 100 тысяч франков» [1]).

Доклады департаментов Сарты и Ло-е-Гаронн сообщают также об упадке хлопчато-бумажного производства. Причинами этого упадка, как мы видели, является, главным образом, отсутствие сырья, отрезанность рынков сбыта, недостаток рабочих рук. Однако, некоторые доклады указывают и другие причины. Доклад департамента Вогез жалуется на конкуренцию германских фабрик, продукты которых ввозятся контрабандой. Доклад департамента Шер об'ясняет бездействие большой мануфактуры крашеных материй, имевшей некогда до 1.000 рабочих, отсутствием капиталов [2]).

Ко всему, что уже было сказано относительно технической организации производства, низкий уровень которой бросается в глаза, можно прибавить еще сообщение доклада департамента Лозер. Доклад говорит о нескольких молодых рабочих, отправляемых в Париж на предмет обучения обращению с летучим челноком, являющимся, повидимому, еще редкостью [3]).

Шелковое призводство, главнейшим центром которого является Лион, переживает очень тяжелую пору. В Лионе в 1788 г. имелось 14.782 станка и занято было в производстве более 58 тысяч человек. Теперь же работает не более 7 тысяч станков. Впрочем уже и в 1788 г. из общего числа станков около 5 тысяч находилось в бездействии, следовательно, производство начало сокращаться еще до революции. Докладчик сокращение это приписывает перемене моды: вкусы женщин,—говорит он,—обратились к льняным материям, «это нанесло губительный удар шелковым мануфактурам». К этому надо прибавить «усвоенную мужчинами английскую моду—носить сукно во все времена года, введение в большое употребление бумаги для оклейки комнат и успехи обойного дела».

Покупателем лионского шелка являлся, главным образом, Париж, им потреблялась половина всего производства, остальная половина распределялась поровну между иностранными рынками и провинцией. Французского сырья нехватало, хотя оно и считалось самым лучшим, приходилось ввозить шелк из Пьемонта, Сицилии, Леванта и даже Китая. Что касается организации этого производства, то доклад о ней не сообщает ничего.

Доклад департамента Вар также сообщает об упадке шелкового производства и причину этого упадка тоже видит в изменении моды [4]).

---

[1]) Basses-Pyrénées—75—79.
[2]) Vosges—89, Cher—43.
[3]) Lozère—56.
[4]) Rhône—60—65., Var—80.

Говоря о Лионе, как о центре шелковой промышленности, нельзя не упомянуть об изготовлении предметов украшения, также сосредоточенном в этом городе. Здесь некогда было развито производство басонное, золото-канительное, изготовление галунов и вышивок. Все эти отрасли производства очень значительно сократились. В производстве басонном, которым прежде занималось до 25 предприятий с общей стоимостью производимого товара до 20 миллионов франков и с 2 тысячами станков, сохранилось лишь 5—6 предприятий с 300 станков. Число предприятий, занимавшихся изготовлением галунов, уменьшилось в 3 раза, а их обороты сократились в 5 раз. Вышиванием, которым в 1782 г. занималось до 6 тысяч человек, теперь занимается едва 600 человек. Производство золото-канительное по размерам оборотов сократилось в 10 раз, по числу предприятий в 3—4 раза. Причину такого сокращения этой области производства доклад видит как и в отношении сокращения производства шелка, главным образом, в изменении моды. Повлияло здесь также отсутствие сношений с иностранными рынками, главным образом, Америкой и произошедшая революция уничтожившая роскошь двора и привилегированных [1]).

К этой же отрасли промышленности можно отнести и имеющееся в некоторых департаментах изготовление лент и шнурков.

Фабрика лент существовала в департаменте Вогез. По словам доклада этого департамента, на фабрике имелось всего лишь 3 станка, но благодаря сложному механизму этих станков ребенок 14 лет, работая на одном из них, мог ткать одновременно 80 штук лент. Чертеж станка был вывезен из Германии, и владелец фабрики предполагает приспособить станок к изготовлению полотняных материй [2]).

Об «очень хитрой машине», и притом также вывезенной из Германии и служащей для изготовления шнурков, упоминает и доклад департамента Об.

Доклад департамента Сены-и-Уазы сообщает о фабрике для изготовления лент любопытную подробность: эта фабрика была организована выходцем из Швеции в бывшем замке. Впрочем это предприятие, по словам доклада, оказалось недолговечным [3]).

Гораздо важнее другая отрасль этого производства — изготовление кружев. В департаменте Орн оно было развито еще со времени Кольбера, тогда изготовляемые здесь кружева конкурировали с венецианскими. Этим производством жило население 3-х местечек. Кружева имели сбыт в Италии, Германии, Испании, России и Англии. Производство в настоящее время сократилось более чем в 9 раз [4]).

Занимались изготовлением кружев и в Вогезах. Здесь по различным деревням работало до 800 женщин, сбывая изготовленные кружева при помощи кущов-скупщиков. В настоящее время производство сократилось на половину, вследствие отрезанности рынка сбыта, каковым были колонии и Германия [5]).

Во многих местностях занимались изготовлением вязаных изделий. В департаменте Эн в городе Вервен (Vervins) и его окрестностях половина всего населения, включая и 5-летних детей, занималась вязанием шерсти. В настоящее время производство сократилось на ⅓.

---

1) Rhône—71, 72, 74, 75.
2) Vosges—89—90.
3) Aube—75, Seine-et-Oise—20.
4) Orne—45.
5) Vosges—86—87.

В департаменте Сены-и-Уазы существует 18 «фабрик» для изготовления мелких вязаных изделий. На этих «фабриках» работают до 2.400 человек, из них ¾ составляют дети 7—8 лет. В департаменте Об трикотажная промышленность берет свое начало от 40 станков, установленных в сиротском доме в г. Труа. С началом революции это учреждение прекратило существование, но с 1760 г. вязание распространилось и среди горожан и в окрестностях города. В 1791 году работало 1.000 вязальных станков, теперь производство сократилось на ¼.

Доклад департамента Марны сообщает, что развитие имеющегося в этом департаменте трикотажного производства совершенно приостановилось вследствие вздорожания сырья. В производстве работало до 400 человек при 80 станках. Доклад департамента Шер говорит, что его трикотажное производство, некогда столь значительное, теперь почти уничтожено.

Значительное трикотажное производство существовало в департаменте Двух-Севр. Здесь около Сент-Мессен им занималось до 2.500 человек [1]). Сравнительно с прежним состоянием производство сильно сократилось.

II.

Обратившись к добыче металлов, их обработке и изготовлению из них различных изделий, мы увидим тоже далеко не блестящую картину состояния этой отрасли промышленности.

Железные, медные, свинцовые и другие рудники департаментов Вар, Лозер и Н. Пиреней по большей части заброшены и прекратили работу. «Единственная причина этого,—говорит доклад департамента Вар,—недостаток леса», Доклад департамента Н. Пиреней жалуется еще и на призыв рабочих в армию, послуживший причиной прекращения работы медных рудников, занимавших раньше до 400 рабочих. Относительно технической организации рудников кое-что сообщает доклад департамента Илль-е-Вилен. В 10-ти верстах от Ренна находились свинцовые рудники. На них имелись 3 насоса для выкачивания воды, которая отводилась специально устроенным каналом. Насосы приводились в действие водяным колесом 33 фута в диаметре, глубина шахт достигала 420 футов. Для дальнейшего расширения предприятия была необходима установка паровых насосов, однако, владельцы не пожелали делать лишних затрат и все предприятие было заброшено, постройки уничтожены. По своим размерам рудники являлись обычно предприятиями не крупными. Один из рудников департамента Лозер добывал в год не более 240—290 килограмм серебра и 39 тысяч килограмм свинца. На всех работах было занято 160—180 человек [2]).

Рудники теснейшим образом связаны с железоделательными и другими подобными заводами. Рудники департамента Н. Пиреней поставляют руду для 2-х близ расположенных железоделательных заводов. На них работает до 500 человек. Доклад упоминает о двух больших молотах, имеющихся на каждом из заводов, весом в 800 килограмм. Рудники и тесно связанные с ними железоделательные заводы имеются и в департаменте Алльe. Здесь два рядом расположенных завода, имеющие две домен-

---

[1]) Aisne—60—61, Aube—69—72, Seine-et-Oise —35, Marne—108, Cher—44, Deux-Sevres—57.

[2]) Var—48, Basres-Pyrènèes—42, 41, Ille-et-Vilaine—49, Lozère—42, 45.

ных печи, вырабатывают в год 1 милл. килограмм чугуна и 400.000 килограмм железа. На них вместе с рудниками и лесными разработками занято не более 500 чел. зимой и 250—летом. В этом же департаменте имеется 2 железоделательных завода, бездействующих в течение двух лет [1]).

Успешнее идут дела в департаменте Орн. Здесь единственная отрасль промышленности, процветавшая, по словам доклада, с начала войны—«железоделательные заводы, они многочисленны и всегда находятся в действии; железо, доставляемое ими, является значительной отраслью коммерции» [2]).

Доклады департаментов Илль-е-Вилен и Сарты сообщает кое-что о технической организации металлургических заводов. Заводы эти обычно состоят из одной-двух доменных печей и мастерских для дробления руды, приспособлений для фришевания железа и для его резки и большого молота. Это почти всегда очень некрупные предприятия. Пять заводов департамента Сарты имеют общую производительность 700 килограмм железа в год. Семь заводов департаментов Ло-е-Гаронн производят в месяц лишь 2.500 килограмм железа. Из-за недостатка топлива они работают лишь 6 месяцев в году. Сто одна железоделательная «фабрика» в департаменте В. Соны доставляет заработок 16 тысячам человек [3]).

Гораздо крупнее предприятие для выплавки железа, существующее в департаменте Вогез. На нем, правда, вместе с рудниками и лесными разработками, занято до 1.500 человек. Здесь же около Бэн (Bains) существует завод для выделки жести. Доклад характеризует его, как «самое прекрасное из всех подобных предприятий в государстве». После уничтожения договора с Англией, «столь выгодного для сбыта английских продуктов и столь губительного для товаров французских,—владельцы завода почувствовали необходимость повысить качество производства с тем, чтобы сравнять его с английским, новые способы сменили старые, появились прокатные валы взамен молота»; продукты, выходящие с этого завода, показывают, что и во Франции возможно употребление английских приемов обработки. В общем, и в этом департаменте развитие железоделательной промышленности тормозится отсутствием топлива [4]).

Добывание каменного угля развито было слабо. Доклад департамента Аллье изображает каменноугольные шахты этого департамента как предприятия очень мелкие, занимавшие 50—85 рабочих. Каменноугольные копи страдали от недостатка леса, необходимого для укрепления шахт, и от отсутствия паровых насосов. Для нужд металлургии каменный уголь не употреблялся. Поэтому, несмотря на близость железоделательных заводов, его вывозили из этого департамента в Париж, Нант, Орлеан.

В области обработки металлов главной причиной упадка является недостаток топлива и отсутствие мужских рабочих рук, связанное с революционными и военными событиями.

Переходя к изготовлению предметов из металлов, заметим, что наиболее крупными и технически всего лучше оборудованными предприятиями здесь являются заводы военного снаряжения.

В Рёлле (Ruelle), департамент Шаранты, таким предприятием является пушечный завод. В нем имеются четыре печи для отливки пушек, две из них построены «по новому методу». «Вполне основательно,—говорит до-

---

[1]) Basses-Pyrénées—43, Allier—34—35, 32.
[2]) Orne—50.
[3]) Ille-et-Vilaine—51, Sarthe—206—207, Haute-Saône—12—13, Lot-et-Garanne—30.
[4]) Vosges—75—77.

клад,—удивляются простому механизму приспособлений, предназначенных для сверления, поворачивания и вынимания пушек из форм. Склад угля привлекает внимание своей простой конструкцией и значительными размерами постройки». Это значительное предприятие работало также на древесном топливе и, может быть, по этой причине, по сообщению доклада, уже целый год бездействует.

Несколько предприятий, изготовляющих военные снаряжения, существовали в департаменте Сены-и-Уазы. Близ Версаля имелась «великолепная мануфактура оружия, которая по изяществу изготовляемых предметов, по богатству употребляемого ею материала, не имела во всем мире другой, равной себе». В том же департаменте близ Арпажона имелась сверлильня ружейных стволов [1]).

В департаменте Алльe, близ Мулен (Moulins), существовала основанная в 1792—1793 г.г. фабрика ружей. О ней доклад сообщает весьма любопытные сведения и предлагает интересный проект ее реорганизации. Производительность этой фабрики достигала в свое время 400--500 штук ружей в месяц. Обесценение ассигнатов заставило, в IV г. Республики, рабочих покинуть эту фабрику; затем она не раз то возобновляла, то опять прекращала работу, вследствие неуплаты казной денег за поставки. В VIII г. Республики она вновь начала работу и опять прекратила ее по распоряжению владельца «под тем предлогом, что правительство не платит или платит по такой цене, которая приносит владельцу большой убыток». Доклад полагает, что это единственное крупное во всем департаменте предприятие не должно быть потеряно для государства. Причину прекращения фабрикой работ докладчик видит в незаинтересованности ее владельца, имевшего и другие подобные предприятия в Льеже и Шарлевилль. Доклад предлагает для восстановления деятельности этой фабрики три способа: 1) заключить с предпринимателем договор о поставке в известный срок определенного количества оружия, 2) изготовлять оружие на казенный счет, однако, этот способ, по мнению докладчика, всегда бывает гибелен, вследствие чрезмерных издержек, являющихся результатом плохого управления предприятием, 3) выделывать оружие sous les ordres du gouvernement. Ответственный директор будет обязан поставить в определенный срок определенное количество оружия по ценам, уплачиваемым предприятиям первого разряда. Директор этот будет нести все издержки производства и принимать за свой счет брак. Он будет вести дело с возможной экономией, имея лишь одного служащего, ловкого мастера, для приемки изготовленного оружия. Он сам будет управлять предприятием, заботиться о его снабжении, исполняя роли бухгалтера и кассира одновременно. Ничего нет проще такого управления,—восклицает докладчик, в восторге от своего проекта [2]).

Из других предприятий, изготовляющих металлические предметы, следует указать на мануфактуру булавок в Эгле (Aigle), департамент Орн. В этом производстве, по словам доклада, достигнуто настолько значительное усовершенствование, что г. Эгль может соперничать с английскими мануфактурами этого рода. В прежние времена в Эгле и его окрестностях изготовлением булавок кормилось до 10 тысяч человек. Вздорожание сырья, вызванное войной, нанесло этой отрасли производства значительный ущерб [3]).

---

[1]) Charente—39, Seine-et-Oise 25, 30.
[2]) Allier—45—51.
[3]) Orne—49.

Кроме указанных предприятий, изготовлением металлических предметов занимались во многих местностях. В департаменте Вогез выделывали вязальные спицы, в департаменте Вьенн—ножи, в департаменте Орн—ключи и т. д.

III.

Переходим к производствам второстепенным.

Любопытна писчебумажная промышленность. В некоторых департаментах, например, в департаменте Шаранты, она была одной из главных отраслей промышленности. Доклад этого департамента изображает гибельные для писчебумажной промышленности последствия отмены Нантского эдикта. Меру эту доклад называет катастрофической. После ее проведения производство сократилось приблизительно на ⅔. Оно перешло в Голландию, с которой оставшиеся предприятия конкурируют с большим трудом. В начале революции потребление бумаги возросло, но затем дороговизна рабочих рук и прекращение сношений с иноземными рынками сильно подорвали эту отрасль промышленности.

Сократилось бумажное производство из-за потери иностранного, именно немецкого, рынка и в департаменте Вогез. Доклад указывает, кроме того, и другую причину сокращения производства: уменьшилось поступление тряпья, из которого теперь щиплют корпию.

Доклад департамента Ло-е-Гаронн тоже сообщает о значительном сокращении писчебумажного производства: до революции имелось 9 предприятий, теперь осталось только 2 [1]).

Из иностранных рынков сбыта бумаги следует указать на Левант и Испанию. На первый работали фабрики департамента Дром, на второй—фабрики Н. Пиреней. Испания являлась настолько надежным рынком, что пиренейские фабриканты не считали нужным усовершенствовать свое производство, почему в последнее время у них появились опасные конкуренты в лице генуэзцев.

Относительно технического уровня этой промышленности имеется лишь одно указание: на мельнице Экюри (Ecurie) в департаменте Марны имелись для изготовления бумаги цилиндры [2]).

Обращаясь к промышленности стеклянной, укажем, прежде всего, на две зеркальных фабрики в департаменте Эн. На них при старом порядке изготовлялось зеркал на 3 миллиона франков ежегодно. Зеркала эти вывозились в самые далекие страны, вплоть до Китая. Одна из этих фабрик, фабрика Сен-Гобен (St.-Gobain), «принадлежит, по словам доклада, к предприятиям, делающим величайшую честь нации», она очень обширна, «имеет 5 отдельных мастерских, ее постройки великолепны». В пору расцвета на ней работало до 1.200 человек, но уже в 1799 г. из 5-ти мастерских работало лишь две, затем осталась одна, наконец, предприятие совершенно прекратило работу и в таком положении находится уже 2 года. Компания, владеющая этим предприятием, продолжает с большим убытком содержать часть рабочих [3]).

В этом же департаменте занимаются изготовлением бутылок и мелких стеклянных изделий. Одно из таких предприятий занимало «в собственном помещении» 120 рабочих; призыв на военную службу, оторвав боль-

---

[1]) Charente—37—38, Vosges—81. Lot-et-Garonne—27.
[2]) Drôme—32, Basses-Pyrénées—82. Marne—116.
[3]) Aisne—53—56.

шую часть их, приостановил работы. В докладе департамента Аллье имеется указание на размеры производительности таких бутылочных заводов. В этом департаменте имелось 2 завода, из которых один изготовлял 450 тысяч бутылок, другой — 400 тысяч в год.

В департаменте Шер имелось производство оконных стекол. Доклад сообщает, что «оно мертво». Причину этого доклад видит в недостатке капиталов [1]).

Кожевенное производство тоже значительно сократилось. Причинами этого являются: недостаток хорошего сырья, ввозимого из Ирландии, Южной Америки, Португалии и России, конкуренция Англии на испанском рынке и прекращение сношений со Швейцарией и Германией. Последняя причина повела к упадку лионских кожевенных предприятий. Таковых до революции в Лионе имелось 50, с производством на сумму 8—10 мил. фр. в год, в настоящее время их осталось не более 20, с производством лишь на 160 тыс. франков.

В департаменте Двух-Севр существовало значительное производство замшевых предметов для снаряжения кавалерии. Когда-то оно достигало размеров потребностей 30 кавалерийских полков. Замша вывозилась из Ю. Америки, поэтому в настоящее время, вследствие прекращения морских сношений, производство сократилось и им занимается не более 170 человек [2]).

Из других, редко встречающихся производств, а также отдельных предприятий, стоит упомянуть следующие:

В департаменте Сены-и-Уазы существовал сахарно-рафинадный завод, работающий «согласно новым достижениям в этой области». Его производительность—800 фунтов сахару в год, «но дороговизна и редкость сырья обрекают его на бездействие в течение долгого времени» [3]).

Город Манс, департамента Сарты, знаменит производством восковых свечей. «Слава восковых свечей Манса была распространена по обоим полушариям». Производство было так значительно, что своего воска нехватало и его приходилось ввозить из М. Азии, Фракии, Голландии и Гамбурга. Свечи вывозились в Голландию, Германию, Швейцарию и обе Индии. В настоящий момент это производство почти сведено на-нет [4]).

В департаменте Вар было развито мыловарение. Эмиграция владельцев предприятий разрушила эту отрасль промышленности. Существовавшее в этом же департаменте производство больших глиняных сосудов для оливкового масла, вывозимых в Италию, вследствие прекращения сношений с этой страной тоже совершенно прекратилось [5]).

IV.

Из сопоставления приведенных выше известий об отдельных отраслях производства можно сделать некоторые общие выводы.

Французская промышленность конца XVIII и начала XIX в.в. была по преимуществу промышленностью мелкой. Выражения «фабрика», «фабрикант» не должны нас обманывать. «Фабрикант»—всегда обозначает владельца маленькой мастерской, слово «фабрика» имеет то же зна-

---

[1]) Aisne—56, Allier—40, Cher—42,
[2]) Rhône—81, Deux-Sèvres—46.
[3]) Seine-et-Oise—29.
[4]) Sarthe—220—21.
[5]) Var—106, 109.

чение, что и atelier—мастерская. Иногда «фабрикантом» называют и отдельного рабочего у себя на дому. Слово «мануфактура» употребляется или в значении нескольких мастерских, работающих на одного предпринимателя-негоцианта, или заменяет слова производство, промышленность. Гораздо реже словом «мануфактура» называют известное количество рабочих, собранных в хозяйском помещении, т.-е. то, что мы привыкли называть этим именем. Обычно, в таком хозяйском помещении работало лишь небольшое число рабочих, остальные были рассеяны по мелким мастерским—ateliers. Каждый раз, когда доклад говорит о предприятии, имеющем большое хозяйское помещение, о мануфактуре в собственном смысле, это бывает отмечено особо. Таковыми являлись: завод для изготовления купороса в деп. Эн, фабрика зеркал и бутылок в том же департаменте, мануфактура, парусины в Ажан в департаменте Ло-е-Гаронн.

Французская промышленность является в одинаковой степени промышленностью и городской и деревенской. Города окружены кольцом промышленных коммун, в самых глухих деревенских углах существует промышленная деятельность. Из доклада департамента Эн, в котором говорится, что из 12—14 тысяч станков, работавших здесь до революции по изготовлению полотна, сохранилось лишь 2.500—3.000, все в деревне, можно вывести заключение о том, что эта деревенская промышленность в смысле сопротивления невзгодам революции и военного времени оказалась более стойкой [1]).

Французская промышленность, будучи мелкой и в значительной степени промышленностью домашней, находится в зависимости от торгового капитала. Представитель его в докладах называется «купцом» (marchand). Это скупщик кружев в департаменте Вогез и раздатчик шерсти, вывозимой из Берберии и Прованса, для горных коммун департамента Дром. Если доклад и не упоминал о таком купце, его деятельность все же должна была иметь место. Как жители гор. Божоле департамента Роны смогли бы без его помощи доставить сработанные ими материи на отдаленные красильные фабрики? Как «лишенные состояний» работники департамента Лозер смогли бы доставить сделанные ими материи в Германию, Португалию и Англию?

Кроме купца, представителя торгового капитала, нам часто попадается и тип переходный от торговца к промышленному капиталисту—негоциант. Он имеет собственные мастерские для производства некоторых завершительных операций при изготовлении того или иного продукта, напр., для беления или окраски материй.

Мелкие производители, владельцы отдельных мастерских и одиночные работники на дому подвергаются со стороны купцов и негоциантов жестокой эксплоатации. Негоцианты, как мы видели, затративши свой капитал, иногда по году и более должны ждать его реализации. Поэтому, вполне естественно, что они стараются выколотить как можно больше прибыли из зависящих от них мелких производителей. Эти последние бывают вынуждены продавать продукты своей работы по дешевке, очень спешно, сейчас же по изготовлении.

Несмотря на преобладание промышлености мелкой, в руках купцов и негоциантов скопляются значительные капиталы. Что же касается подлинно крупных промышленных предприятий, то они чаще всего находятся во владении промышленных компаний, например, фабрика зер-

[1]) Aisne—50.

кал в Гобен, фабрика жести в Бен, мануфактура парусины в Ажан, многие рудники и т. д.

В обще-народном хозяйстве Франции промышленность, несмотря на ее мелкий характер, играет видную роль. Об'ясняется это и плохим состоянием земледелия, и жалким уровнем скотоводства, и исчезновением лесов.

Промышленная деятельность существует и принимает значительные размеры в самых глухих уголках: в Вогезах, в Н. Пиренеях в Вандее [1]).

К нашему изумлению, иногда в таких медвежьих углах оказываются большие рынки. В маленьком местечке Тизи (Thizy), департамент Роны, горная местность Божоле, еженедельно на ярмарках продавалось на 100 тысяч франк. материи и рядом в таком же маленьком местечке Амбль-Пюи (Amble-Puy) — приблизительно на такую же сумму. Охарактеризовав шерстяную промышленность департамента Дром, как промышленность мелкую и домашнюю, докладчик прибавляет, что это производство все-таки значительно, благодаря многочисленности занятых в ней работников [2]).

В эпоху, предшествующую революции, у французской промышленности были прочно налаженные связи со многими иноземными рынками, специально для которых и существовали некоторые отрасли производства. Покупателями французских товаров были: Россия, Португалия, Индия Вост. и Западная, Южная и Северная Америка, Китай, берега Средиземного моря — Левант, Балканский полуостров, Италия и Испания [3]).

Даже в страшную своей конкуренцией Англию, Франция ухитрялась вывозить кое-что, правда, исключительно предметы роскоши — кружева, вина и тонкие материи.

Сырье для своей промышленности Франция получала из самых различных и иногда отдаленных мест. Хлопок ввозили из Америки, Леванта, Италии, Испании, Швейцарии; кожу из Америки, России, Ирландии; шелк из Италии и Китая; железо из Швеции; воск с Балканского полуосторова и из Германии; шерсть из Испании, Сев. Африки и Англии; краску для материй из Голландии и лен из Польши.

Во всех докладах сквозит боязнь английской конкуренции. Сравняться с Англией, употребить в дело английские методы работы в той или иной отрасли промышленности — вот о чем мечтают все докладчики. Другие конкуренты Франции — Германия, Голландия и «начинающая просыпаться от летаргии», как говорит один доклад, Италия.

V.

Технический уровень промышленности, поскольку его можно представить на основании докладов префектов, — довольно низок. Методы, употребляемые в различных производствах, самые архаические. Всякое усовершенствование в любой отрасли промышленности тщательно отмечается докладом, будь то машина для изготовления шнурков и лент, или новый прием работы в металлургии. Даже самая передовая

---

[1]) Vendée—34 Производство бумаги в Мартань (Martagne), горшечное производство, изготовление грубых материй.

[2]) Rhône—85, Drôme—29.

[3]) Стоит отметить существование в департаменте Н. Пиреней производство шляп, вывозимых исключительно на Левант, такое же производстве в Лионе, исключительно для Америки и Испании, при чем занято в нем было перед революцией не менее 8 тысяч человек. Basses-Pyrénées—74, Rhône—76.

отрасль промышленности — бумаго - прядильная — обходится лишь первобытными приспособлениями, почему в ней не замечается и следа той концентрации в крупные предприятия, которую в это время мы видим в Англии. Во всех докладах только три раза упомянуты механические способы прядения, из них применение мюлля—один раз. На примере департамента Лозер мы видели, что и умение пользоваться летучим челноком было мало распространено. В качестве двигательной силы пользуются исключительно водой, паровая машина для француза того времени только — насос. Но и насосы эти считаются единицами. Рудники и шахты пользуются насосами водяными, почему постоянно затопляются.

Кое - какие усовершенствования достигнуты в писчебумажном деле (цилиндры мельницы Экюри), в изготовлении зеркал (фабрика Сен - Гобен), в изготовлении жести (фабрика в Бен). Химические способы окрашивания материй не применяются,—в этой области ограничиваются робкими попытками. В металлургии положение не лучше; при выплавке железа пользуются исключительно фришеванием, пудлингование не упомянуто ни разу, прокатные валы упомянуты только раз (фабрика в Бен), чаще говорится о молотах, при чем один раз указаны значительные размеры этих молотов — 800 килограмм. Один раз говорится о хорошо оборудованном пушечном заводе (департамент Шаранты).

И металлургия, и стеклянная промышленность стоят под знаком острого недостатка топлива, в качестве которого употребляются исключительно дрова. Лесу не хватает не только на топливо, но и для изготовления укреплений в шахтах и рудниках. Вопрос об исчезновении лесов стоит не менее остро, чем в Англии. Жалобы на безлесье попадаются во всех докладах. Из лесистого департамента В. Альп, префект пишет: «большая часть гор еще в недавнее время была покрыта прекрасными лесами, теперь их вершины являют собой только оскорбительную наготу, опустошенные и безлесные скалы».

Для борьбы с дороговизной топлива префект департамента Вогез предлагает ограничить число металлургических предприятий: «нельзя не согласиться, — пишет он, — с тем, что увеличение цены на топливо зависит от его чудовищного потребления, производимого многочисленными зевами этих предприятий». Однако, он же признает, что рост цен на топливо больше зависит от опустошения лесов и недостатков лесной администрации, поэтому его другое предложение — приписывать, как это делалось при старом режиме, леса к определенным заводским предприятиям [1]).

Каменный уголь в качестве технического топлива упомянут только два раза (в департаменте Вар и Н. Пиреней), оба раза об этом говорится лишь в предположительной форме. Один раз упоминается о торфе [2]).

Недостаток леса для топлива тормозит развитие металлургии, почти единственной отрасли промышленности, мало пострадавшей от войны.

VI.

Состояние других отраслей промышленности может быть охарактеризовано, как состояние упадка. Наибольшего процветания французская промышленность достигла, повидимому, в 60—80 г.г. XVIII в. В 1786 г.

[1]) Hautes-Alpes—74, Vosges—79.
[2]) Var—44, Basses-Pyrénnées—42.

был заключен договор с Англией, тяжело отразившийся на положении некоторых ее отраслей (фабрики бумажных материй Труа). Затем пришла революция.

Правда, даже в отношении производства предметов роскоши префекты - докладчики не считают революцию изначальной причиной упадка промышленности. Большое значение они придают резкому изменению вкусов публики, происшедшему еще до революции. Этим, как мы видели, об'ясняется сокращение многих отраслей лионской промышленности.

Как же все - таки отразилась, по мнению префектов, революция на положении промышленности? Прежде всего следует отметить ее отрасли, обслуживавшие слои населения или стороны общественной жизни, потерявшие в результате революции свое прежнее значение.

Говоря о двух фабриках саржи, пришедших в упадок, докладчик департамента Ло-е-Гаронн замечает: «Они теперь почти совершенно разрушены, как говорят, благодаря прекращению самого обычного употребления (этой материи) религиозными корпорациями, священниками и дворней» [1]).

На уничтожение ливрей жалуется и департамент Роны, говоря о галунном производстве. В докладе того же департамента по поводу упадка вышивального ремесла, читаем: «Никакая другая область лионской промышленности не пострадала так от революции. Эта отрасль лишилась сразу роскоши религиозных церемоний, великолепия двора, блеска владельцев больших состояний» [2]).

Префект департамента Сарты об изготовлении футляров и ножен говорит: «Препятствия к занятию охотой нанесли тяжелый удар этому производству». В том же департаменте сильно сократилось басонное производство, «главным предметом изготовления которого являлись пояса священников». Здесь же некогда процветало производство восковых свечей. Теперь «прекращение отправления культа, разорение богатых домов, свели почти на - нет эту, некогда столь значительную, отрасль промышленности».

По поводу упадка книгопечатного дела в Лионе, доклад департамента Роны говорит: «Причины упадка этого рода деятельности неотделимы от революции, прекратившей писание трудов по теологии, церковным вопросам и юриспруденции, печатанием которых были преимущественно заняты книгоиздатели Лиона» [3]).

Общую картину влияния революции на положение капитала, вложенного в промышленность, дает доклад департамента Эн. Говоря о сокращении полотняного производства, доклад по поводу капиталов, вложенных в него, пишет: «Они были значительны, но секвестры, бумажные деньги, займы добровольные и принудительные, одним словом, различные случайные события революции поглотили эти капиталы больше чем на половину» [4]).

Подходя к вопросу о причинах упадка полотняного производства Алансона, префект департамента Орн говорит: «Катастрофическая мера «максимум» нанесла последний удар фабрикам всех родов». Префект департамента Шер, по поводу деятельности одного предпринимателя, гр.

---

[1]) Lot-et-Garonne—25.
[2]) Rhône—72.
[3]) Sarthe—219, 218, 220, Rhône—82.
[4]) Aisne—58.

Бюте, замечает: «Он был разорен законом о максимуме и мог бы еще оправиться, если бы получил помощь от правительства».

В департаменте Дром производство шерстяных материй сильно сократилось — «война, бумажные деньги, редкость звонкой монеты, нанесли удары этой промышленности» [1]).

По поводу упадка фабрик Труа в докладе департамента Об читаем: «Революция нанесла фабрикам Труа последний удар, уменьшив потребление, отозвав в армию рабочие руки, заставив негоциантов потерять большую часть своих капиталов и особенно лишив их возможности снабжаться сырьем» [2]).

Правда, в данном случае на революцию взваливаются беды, причиненные промышленности скорее войной, связанной с революцией, чем самой революцией непосредственно.

В департаменте В. Альп, в Бриансоне, имелась добыча горного хрусталя. Это предприятие «перед революцией проявляло большую деятельность, но законы о реквизиции и наборы совершенно разрушили его».

Префект департамента Вар сравнивает результаты революции для юга Франции с результатами отмены Нантского эдикта. «Эмиграция 1793 года направила в Ливорно и ко всем берегам Италии значительное число негоциантов Марселя и Тулона. Эти люди, в массе своей предприимчивые, основали в Италии более 160 фабрик мыла и открыли для жиров этой страны местный рынок сбыта; до этого времени почти все жиры вывозились в Марсель во Францию, а теперь их не стало хватать для фабрик этого города... Можно это явление сравнить с отменой Нантского эдикта. Негоцианты, изгнанные превратностями революции, принесли в Италию свою энергию, свои капиталы и основали в ней предприятия, потребляющие сразу весь растительный жир, употреблявшийся доселе на фабриках юга Франции» [3]).

Заканчивая обзор состояния промышленности департамента Ло-е-Гаронн, доклад высказывает следующее соображение: «Суммируя эти детали, можно притти к выводу, что этот департамент заключает в себе элементы и средства к развитию промышленности, деятельной и разнообразной. Но в настоящее время она находится в состоянии удручающего бездействия. Причины этого известны: армия призвала рабочие руки... капиталы рассеяны в значительной степени, в результате политики бумажных денег, их циркулирующая масса уменьшилась, благодаря всем обстоятельствам, сократившим количество звонкой монеты или заставившим эту звонкую монету исчезнуть. Процент на деньги сделался благодаря ажиотажу неестественно огромным...» [4]).

Неприглядную картину денежной спекуляции, губившей промышленность, рисует префект департамента Сарты. «Ажиотаж, проявивший разрушительную силу в этом департаменте, поглотил торговые рессурсы, разорил частных лиц и уничтожил промышленные предприятия. Город Манс сделался ареной, на которой этот новый бич производил опустошения. В этом городе можно было видеть людей, называвшихся порядочными, пускавших свои капиталы в оборот при помощи недостойных посредников под 3—4% месячных. Горе тем, кого

---

[1]) Orne—42, Cher—45, Drôme—29.
[2]) Aube—60.
[3]) Hautes-Al. es—36, Var—87.
[4]) Lot-et-Garonne—31.

нужда приводила к ним». Далее доклад рассказывает о торговле деньгами, явившейся результатом различных финансовых мероприятий правительства. «Толпа различных подставных лиц принимает участие в этой постыдной торговле и коммерция заметно чахнет под ударами, наносимыми ей ажиотажем» [1]).

Один только доклад департамента Вогез отмечает благоприятные для промышленности результаты революции. Дело идет о фабрике листовой жести: «Революция,—говорится в докладе,—уничтожив все привилегии, разбила препятствия и прервала действие англо-французского договора. Поэтому она явилась действительно благодетельной для этого производства» [2]).

Так оценивают префекты-докладчики влияние революции на французскую промышленность. К этой оценке надлежит отнестись с известной осторожностью. Во-первых, потому, что префекты являются чиновниками «правительства восстановителя», во-вторых, потому, что они выражают взгляды тех слоев населения, которые жаждали правительства «покровительствующего порядку» [3]) и смотрели на революцию, как на время, весьма неприятное и, к счастью, благополучно миновавшее.

VII.

Какие же средства для восстановления промышленности предлагают префекты?

Первое средство, на которое согласны, кажется, все докладчики—прекращение войны, быстрое заключение мира. Говоря об упадке трикотажной промышленности департамента Эн, префект восклицает: «Один только мир может возвратить ей ее прежнюю активность». Приблизительно то же слышим от префекта департамента Шаранты по поводу писчебумажной промышленности этого департамента: «Мир и восстановление коммерческих сношений смогут придать новый блеск этому производству».

В докладе департамента Вар по поводу изготовления больших глиняных сосудов, читаем: «Нельзя не думать, что с установлением мира на морях, эта промышленность опять приобретет ту же активность и даст ту же прибыль, что и в 1789 г.» [4]).

Префект департамента Лозер пишет относительно упадка шерстяной промышленности: «Надеются, что с установлением общего мира, промышленность приобретет свой прежний блеск». Префект департамента Роны в части своего доклада, касающейся шелковой промышленности, пишет: «Восстановление мира и свободное сношение с иностранными государствами: Левантом, Южн. Америкой и Россией, дадут необходимый материал для работы части станков, находящихся теперь в бездействии». О промышленности гор Божоле в том же докладе читаем: «Общий мир, который откроет все морские и сухопутные сношения, который вернет рабочие руки в мастерские, понизит цены на сырье, восстановит промышленность гор Божоле и, может быть, увеличит ее».

«Мир,—восклицает префект департамента Ло-е-Гаронн,—возвратив земледелию, коммерции и ремеслам массу лиц, которых ожидает

---

[1]) Sarthe—225.
[2]) Vosges—76.
[3]) Lot-et-Garonne—30,
[4]) Aisne—6, Charente—38. Var—109.

их работа, умножив и облегчив сбыт и обмен, восстановив, наконец, все рессурсы национальной индустрии, один только мир может положить предел этому порядку вещей» [1]).

За время революционного и военного кризиса производство не только сократилось в количестве, но и качественно сильно ухудшилось. Жалобы на это явление очень часты в докладах. Докладчики полагали, что оно сможет впоследствии в случае возобновления сношений с прежними рынками, препятствовать сбыту французских товаров. Как средство борьбы с ухудшением качества товаров, всеми единогласно выдвигается восстановление прежних промышленных регламентов, определявших качество и размеры производимых продуктов.

Доклад департамента Роны рассказывает, будто бы в прежние времена шелковые товары пользовались таким доверием иностранцев, что они не вскрывали тюков с ними для просмотра. Доклад приписывает это действию правил 1744 года, неизменно определяющих количество необходимых волокон каждой материи и устанавливающих ее элементарные качества. «Отмена правил 1744 года имела гибельные последствия, облегчив до последней степени возможность ухудшения материй, результатом чего было самое прискорбное дискредитирование (товаров) в глазах иностранцев». Поэтому доклад полагает, что «некоторое уважение, которое надлежит иметь по отношению к свободе промышленности и фабрик согласуется, однако, с возвращением к охранительным принципам». «Лучшие умы Лиона, добавляет доклад, согласны между собой в этом пункте и они с этой мерой связывают надежду на возвращение прежнего процветания мануфактур». Доклад сообщает, что проект правил уже разработан [2]).

То же самое доклад полагает и относительно изготовления шелковой пряжи. «Является важным подчинить сучение шелка строгим правилам, которые препятствовали бы ухудшению производства, обеспечивали бы надлежащее качество ниток и содействовали бы нашему возвышению в этой области производства над Пьемонтом...». Впрочем, здесь же доклад выдвигает и другой способ поднятия промышленности — премии за лучшее качество пряжи.

Те же соображения высказываются докладом и по поводу галунного производства. «Необходимо, чтобы строгие правила препятствовали изготовлению галунов на половину из настоящего, на половину из поддельного материала... Это уничтожило доверие иностранцев к нашим мануфактурам» [3]).

Приблизительно такие же мысли высказывает префект департамента Об по поводу шерстяных материй. «Необходимо пожелать, чтобы производство шерстяных материй было подчинено полицейским правилам, определяющим качество и вес изготовляемых кусков, дабы препятствовать слепой жадности некоторых и не дать погибнуть доверию к этому производству и его репутации» [4]).

«Есть одна мера улучшения,—говорит доклад департамента Орн о полотняной промышленности, средство легкое и только одно могущее доставить это улучшение — возобновление прежних правил». «Спасительные правила, устанавливали размер полотен, число ниток... были по-

---

[1]) Lozère—56, Rhône—65, 86, Lot-et-Garonne—31.
[2]) Rhône—67, 68.
[3]) Rhône—62, 73.
[4]) Aube—69.

ставлены инспектора для наблюдения за этим. Это установление было мудро и полезно долгое время. Единодушное желание истинных негоциантов и всех просвещенных людей — видеть эти правила восстановленными. Роковой опыт нас научил, что, если и не нужно, чтобы коммерция была окована правилами мелочными и стеснительными, то все-таки, следует, чтобы существовали правила, постоянные и твердые».

В докладе департамента Вогез по поводу изготовления кружев, говорится, что средством улучшения положения этого производства должно явиться «восстановление старых правил».

И, наконец, столь много цитированный доклад департамента Роны по поводу промышленности кожевенной заявляет: «Желательно по отношению к этой отрасли промышленности... восстановление старых правил для того, чтобы положить предел плохому изготовлению кожи... и вновь завоевать доверие иностранцев» [1]).

С этим хвалебным хором в честь спасительных правил диссонирует только один голос, голос префекта департамента Дром. «Чтобы способствовать прогрессу коммерции,—говорит он,—не следует замедлять его шествия различными правилами. Эта финансовая мера, употребляемая до революции, всегда была для коммерции гибельной. Фабриканты, изготовляющие хорошие товары, будут нагружены сбытом хорошим и выгодным, те же, кто изготовляет плохое, будет наказан недоверием покупателя. Свобода и покровительство со стороны правительства—вот единственные средства оживить и усовершенствовать наши мануфактуры» [2]).

Это слово «покровительство» снова подхватывается дружным хором всех префектов. Французская промышленность, обессиленная военным и революционным кризисом, еще слишком слабо стоит на собственных ногах, слишком ничтожны ее технические средства и поэтому без правительственной помощи в борьбе со своими конкурентами она обойтись не может.

Префект департамента Вогез о бумажных фабрикантах пишет: «Правительство могло бы денежными поощрениями помочь им поставить на фабриках машины и применять дорого стоящие способы обработки, употребляемые в Англии и Голландии». Для процветания этой отрасли производства нужно — «стеснить вывоз сырья, облегчить вывоз фабрикатов умеренностью вывозных пошлин и, напротив, препятствуя ввозу иностранной бумаги, облегчить ввоз иностранного сырья».

Облегчение ввоза дубильного сырья требует и префект департамента Вар. «Затруднение в его ввозе заставит владельцев этого сырья — итальянцев—основать собственные предприятия» [3]).

Префект департамента Сарты относительно производства тонких шерстяных материй заявляет: «Для оживления этой промышленности необходимо условиться с Испанией, Португалией и друг. государствами, с которыми сейчас договариваются о мире, о понижении ввозных пошлин... Нужно содействовать ввозу иностранной шерсти»[4]).

О лионской шелковой промышленности префект-докладчик говорит: «Нужно правительству добиться уменьшения пошлин на газ и креп, последовательно устанавливаемых испанским двором таким образом, что в настящее время этот товар (в Испанию) иначе, как контрабандой, ввозить

---

[1]) Orne—41—42, Vosges—85, Rhône— 80.
[2]) Drôme—30—31.
[3]) Vosges—82, Var—119.
[4]) Sarthe—213—214.

невозможно». «Иностранный же газ и креп должны быть обложены, в свою очередь, налогом в 25% цены и для прядильщиков должны быть установлены премии за лучшую пряжу».

Тот же префект, об'ясняя упадок лионских мануфактур переменой вкусов публики, просит правительство искусственно привить прежнюю моду на шелк, галуны и позументы. «Велюр и другие сорта шелковых материй могут быть предписаны к ношению чиновникам». Необходимо «приказать употреблять велюр и шелка с шелковым же шитьем чиновникам трибуналов». «Точная регламентация их костюмов принесет, быть может, пользу мануфактурам Лиона». Кроме того, «нужно, чтобы дамы, которые благодаря своему положению в свете, являются авторитетом в области вкусов, ввели употребление лионских крепов». То же самое говорится относительно галунов, а примечание к этой странице доклада сообщает, что мадам Бонапарт уже занялась этим, и «лионские фабрики с каждым днем оживают все больше и больше» [1]).

Префект департамента Вар в этом отношении идет еще дальше, он полагает, что правительству удастся привить вкус к шелковым материям всей Европе.

Один лишь префект департамента Дром предлагает совершенно другие меры. По его мнению, наиболее верное и наиболее быстрое средство улучшить наши мануфактуры — подражать употреблению машин, которые, как в Англии, упрощают работу и уменьшают издержки на рабочие руки [2]).

VIII.

Доклады уделяют очень мало внимания положению рабочих. Почти все доклады жалуются на недостаток рабочих рук вследствие призывов в армию. С другой стороны, они же полны указаний на безработицу и связанную с ней нищету. Говорится кое-где о вздорожании съестных припасов: «прекращение разнообразных работ, — говорит доклад департамента Ло-е-Гаронн,—исключительная дороговизна зерна повергли в этих печальных обстоятельствах все жилища в общую нужду увеличили ужасающим образом массу бедняков, опустившихся до нищенства» [3]).

Доклад департамента Н. Пиреней сообщает о толпе рабочих, оставшихся без заработка. Из департамента Вьенн сообщают о рабочих, оставшихся без хлеба вследствие прекращения выделки ножей и т. д.

Там, где дело идет о высоко квалифицированных работниках - мужчинах, там ощущается в них острый недостаток. Так обстоит дело с шахтами, рудниками, железоделательными заводами, заводами стеклянными. Насколько дорожили квалифицированными рабочими в этой последней отрасли промышленности, показывает то, что владельцы фабрики зеркал с убытком содержали часть рабочих после прекращения работ этой фабрики.

Остальная масса неквалифицированных рабочих пребывала в страшной нужде. Об этом свидетельствует мизерность заработной платы, поскольку на нее имеются в докладах указания.

---

[1]) Rhône—70.
[2]) Var—111, Drôme – 31.
[3]) Lot-et-Garonne—26.

В департаменте Эн прядильщица льна зарабатывала в день 3—4 су, до революции ее заработок равнялся 10 су. Кружевница в департаменте Вогез зарабатывала в день 25 — 40 сантимов, прядильщица хлопка в департаменте Роны—50—67 сантимов, ткач хлопчатобумажных материй в департаменте Об—1 франк [1]). Относительно реального размера этого заработка кое-какое представление можно составить из слов префекта департамента Двух-Севр. Префект сообщает, что в этом малопромышленном департаменте, с дешевыми ценами на продукты, прокормиться в течение дня можно на 65 сантимов. Следовательно, только что указанные нами заработки различных работников и работниц являются в полном смысле заработками голодными. Столь низкий уровень их может быть об'яснен только тем, что заработок этот является подсобным к другим домашним занятиям. Это при домашнем характере промышленности явление вполне возможное. В том же департаменте Двух-Севр, где заработная плата, по словам префекта, вследствие дешевизны продуктов ниже, чем в других местах, заработок работников, оторванных от дома, гораздо выше указанного заработка прядильщиц и вязальщиц. Поденщик с хозяйскими харчами получает в день 60 сантимов; со своими — 1 франк, 1 фр. 20 сантимов; плотник — 2 фр.; каменщик—1 фр. 50 сантимов. Конечно, и этот заработок невысок, в особенности для семейного рабочего, тем более, что зимой, ввиду отсутствия спроса на рабочие руки в деревне, он понижался на 25% [2]).

Положение французской промышленности, каким оно рисуется из только что рассмотренных докладов, в значительной степени об'ясняет нам мероприятия последующих лет Консульства и Империи.

Нужно было приобрести рынки сырья, повысить технический уровень промышленности, улучшить качество выпускаемых товаров, а главное, уничтожить иностранную конкуренцию, в особенности английскую. Кроме того, нужно было, обеспечив предпринимателю рабочие руки, обезопаситься от возможных волнений, связанных с безработицей. Словом, нужно было выполнять программу, начертанную префектами и являющуюся «единодушным желанием всех лучших умов» и «всех истинных негоциантов».

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ КРАСН. ПРОФЕССУРЫ
№

[1]) Aisne—51, Vosges—86, Rhône—93, Aube—63.
[2]) Deux—Sèvres—72—73.

Содержание.

Стр.

М. Н. Покровский. Институт красной профессуры (к первой годовщине) 3

I. Семинарий по философии.

Л. И. Аксельрод и А. М. Деборин. Предисловие 13
1. **Юринец.** Учение Ламеттри о материи 16
2. **Троицкий.** Этические взгляды Гельвеция 35
3. **Луппол.** Социальная этика Мабли и Морелли 42
4. **Танхилевич.** Учение Канта о категориях 59
5. **Рахман.** Спиноза и юдаизм 85

II. Семинарий по политической экономии.

С. Б. Членов. Предисловие 99
1. **Марецкий.** Теория ценности австрийской школы 101
2. **Мендельсон.** Категории полезности и потребности в теории стоимости К. Маркса 127

Ш. М. Дволайцкий. Предисловие 156
3. **Позняков.** Денежный материал в схемах воспроизводства Маркса 157

III. Семинарий по революции 1905—1906 г.г.

М. Н. Покровский. Предисловие 177
1. **Дубровский.** Аграрное движение 1905—1907 г.г. 179
2. **Гусев.** Экономическое и правовое положение пролетариата в России к концу 1905 г. 208
3. **Слепков.** К эволюции положения о I Государственной Думе 247
4. **Томсини.** Борьба классов и партий в I Государственной Думе 276

IV. Семинарий по истории Западной Европы.

1. **М. Н. Покровский.** Некролог—А. Н. Савин 327
2. **Петров.** Рабочий класс в эпоху Реставрации 329
3. **Моносов.** Материалы по истории французской промышленности (промышленность эпохи Консульства) 348

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ.

Страницы.	*Строки.*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
17	11 св.	ignorams et ignorabims	ignoramus et ignorabimus
19	17 св.	coguitio	cognitio
19	6 сн.	Scepfiisüs	Scepticus
21	8 св.	некеторое	некоторое
22	20 сн.	Левенчук	Левенгук
26	6 сн.	современные	современные ему
27	20 сн.	ètendue	étendue
28	16 св.	racuum	Vacuum
28	26 св.	crèation	création
30	13 св.	mèthode	méthode
30	5 сн.	впереди“	впереди.
31	22 сн.	парва	права
33	13 сн.	spezifische sinnes-energieen	Spezifische Sinnes-energieen.
90	2 св.	этого	того
101	23 сн.	пунктом	пунктом,
108	13 св.	издержек	издержек производства
110	19 св.	различных	различные
113	21 св.	индивидуум	Индивидуум
122	19 св.	победителя	потребителя
131	10 сн.	предшествует быть не может	предшествует, затруднений быть не может
132	19 сн.	холоет	холст
144	20 св.	рабочие	рабочее
163	18 св.	ввиде	в виде
177	11 сн.	вероятным	верным
178	19 св.	Пормышленная Депрессия	Промышленная депрессия
212	3 св.	движе—	движение
216	15 св.	за большой	за бо́льший
217	6 св.	1858	1883
219	3 сн.	$88{,}7\frac{1}{2}$	88,7
222	2 св.	жителя	жителя дороже
222	11 сн.	[1]	[1]
222	5 сн.	[2]	[3]
223	19 сн.	его	их
223	14 сн.	вылит	вылить их
224	20 св.	озаботиться	заботиться
225	17 св.	1907	1897
225	15 св.	рабоче	работе
228	3 сн.	дополнят	дополняют
229	2 сн.	моск.	Моск.
239	9 сн.	деп.	Ден.
239	1 сн.	от 9 декабря	от 9 ноября
240	14 сн.	соединенное	об'единенное
240	13 сн.	профессиональный	производственный
247	2 св.	пролетариата	парламента
248	1 св.	Заслоняют	Заслоняются
248	5 св.	еще	уже
253	13 св.	отметила.	отметим
255	14 сн.	буржуази	буржуазии
271	23 сн.	Гом. Сов.	Гос. Сов.
351	3 сн.	publiés Felix Rocquain	publiés par Felix Roquain